КБ 34
С 79
Стеклов
Михаил
Александрович
Бакунин
т. 2
1927. - 61

е 859

Ю. СТЕКЛОВ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

БАКУНИН

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ТОМ
ВТОРОЙ
1861—1868

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Б2166

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

О БАКУНИНЕ

Б. И. ГОРЕВ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

(Биографическая библиотека)

Издание 3-е, исправленное и дополненное. С портретом М. Бакунина

Стр. 91. Ц. 60 к.

Оглавление: Жизнь Бакунина до отъезда за границу. Первая эмиграция, тюрьма и ссылка. Период второй эмиграции. Идейное наследство Бакунина. Бакунизм в Европе и в России. Новейшая литература о Бакунине.

★

Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ 1871—75 г.г.

Фогт. Бакунисты за работой. Поляки. Бланкисты. О России.

Перев. с нем. Б. Смирнова. Под ред. Санина.

Стр. 85. Ц. 10 к.

★

Ф. МЕРИНГ

КАРЛ МАРКС

ИСТОРИЯ ЕГО ЖИЗНИ

Перев. Э. Венгеровой. С портретом К. Маркса.

Стр. VI + 442. Ц. 1 р.

(См. главу: Маркс и Бакунин.)

★

Л. Г. ДЕЙЧ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭМИГРАЦИЯ 70-х ГОДОВ

М. Бакунин, Л. Варынский, С. Дикштейн, М. Драгоманов, Н. Жуковский, П. Кропоткин, П. Лавров, Э. Ралли, А. Эльсниц и П. Ткачев.

Стр. 87. Ц. 20.

335.8 : 92 (Б)

КБ
34
С79

Ю. СТЕКЛОВ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

★

ТОМ ВТОРОЙ

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

1861—1868

ЖИЗНЬ В ЛОНДОНЕ. — ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ. — В ШВЕЦИИ. — В ИТАЛИИ. — ТАЙНОЕ БРАТСТВО — ЛИГА МИРА И СВОБОДЫ. — АЛЬЯНС СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 62466

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

03
3759

Главлит № 69975
Гиз № 17321 Тираж 2000

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

62166

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. *Бакунин в Лондоне.* *Стр.*

Глава I. Первые впечатления и шаги 1

Глава II. Денежные и личные дела 17

Глава III. Революционные дела и планы Бакунина.

1. Идейный багаж 25
2. В поисках людей и «дела» 43
3. Комедия с старообрядцами 56
4. Либеральная агитация 64
5. Бакунин и революционные организации в России 78

Глава IV. Разногласия между Бакуниным и Герценом . 103

Часть вторая. *Бакунин и польское восстание.*

Глава I. Основные факты 148

Глава II. Взаимоотношения польских и русских революционеров.

1. Постановка вопроса о солидарности 153
2. Недоразумения и разногласия 162
3. Бакунин и Мерославский 172
4. Соглашение 190

Глава III. Попытка Бакунина принять активное участие в польском восстании.

1. Планы и цели Бакунина 215
2. Бакунин и шведское общество 222
3. Бакунин и экспедиция Лапинского 230
4. Деятельность Бакунина в Швеции 243

Часть третья. *Подготовительный период.*

Глава I. Жизнь в Италии. *Стр.*

1. Что влекло Бакунина в Италию? 276
2. Первые впечатления 282
3. Жизнь во Флоренции 288
4. Поездка в Лондон и Стокгольм 302
5. Жизнь в Неаполе 312
6. «Интернациональное Братство» и его программа 326

Глава II. Бакунин в Лиге Мира и Свободы.

1. Переезд в Швейцарию 353
2. Признание Бакунина в «глупости» своего участия в Лиге Мира. 365
3. Первый конгресс Лиги Мира в Женеве 373
4. Бакунин пытается революционизировать Лигу Мира и Свободы. 387
5. Бернский конгресс и разрыв Бакунина с Лигой Мира . . . 403
6. Альянс выходит на открытую арену 416
7. Конец старого «Интернационального Братства» 431

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Надо читать*
76	10 сверху	Увеличению	Увлечению
91	20 „	распоряжаться	распоряжаться,
127	8 „	заркыл	закрыл
141	7 снизу	шляхтеной	шляхетной
207	19 сверху	воскресали	воскрешали
223	2 снизу	Hordisk	Nordisk.
277	12 снизу	Фричу	Фричу,
300	13 снизу	революционера	революционера.
306	3 снизу	не сделал	не сделал в этой области
407	3 сверху	интеллигенты	интеллигентны
412	18 сверху	именем	именем (вероятно, Гамбуцци)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БАКУНИН В ЛОНДОНЕ.

Глава первая.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ШАГИ.

О том, что Бакунин собирается самовольно уехать из России, Герцен и Огарев знали еще до его побега. Повидимому, он сообщил им об этом с какой-нибудь оказией [1]. Когда Бакунин привел, наконец, свой план в исполнение, Герцен узнал об этом впервые из какого-то письма [2]. 22 ноября 1861 года в № 113 «Колокола» появляется торжествующая заметка:

БАКУНИН СВОБОДЕН.

Михаил Александрович Бакунин в С.-Франциско. *Он свободен.* Бакунин уехал из Сибири через Японию и собирается в Англию. Извещаем с восторгом об этом всех друзей Бакунина.

Едва ступив на американскую землю, Бакунин в тот же день спешит известить обоих старых друзей о своем удачном побеге [3]. Прося

---

[1] См. «Бакунин и Польское Дело», Собр. соч. Герцена, т. XIV, стр. 422.

[2] Но не из письма Бакунина, который сообщил друзьям о своем побеге только 3/15 октября 1861 г. из Сан-Франциско; Герцен же сообщает об этом Огареву в письме от того же 15 октября (Собр. соч., т. XI, 480).

[3] Повидимому, о своем удачном побеге Бакунин спешит уведомить и других своих старых приятелей. Так, известна его записка на французском языке, полученная Карлом Фохтом из Сан-Франциско в конце ноября 1861 г., следующего содержания: «Мой дорогой! Жив и здоров! Спас меня Амур! До скорого свидания! Бакунин». В таком виде это письмо приведено в книге «La vie d'un homme. Karl Vogt» par William Vogt. Paris, 1896, стр. 151. Цит. у M. Nettlau, прим. 1398. О тесной дружбе, связывавшей Бакунина с семьею Фохтов, мы говорили в первом томе нашей работы.

выслать ему денег в Нью-Йорк и уведомить его братьев о предстоящем прибытии его в Лондон, Бакунин с места в карьер пускается в обсуждение текущих политических вопросов, выражает горячий интерес к событиям в Польше и России и из'являет готовность немедленно же приняться за революционную работу. «Друзья, — восклицает он, — всем существом стремлюсь я к вам, и, лишь только приеду к вам, примусь за дело: буду у вас служить по польско-славянскому вопросу, который стал моею idée fixe с 1846 года и моею практическою специальностью в 1848 и 1849 годах. Разрушение, полное разрушение Австрийской империи будет моим последним словом — не говорю делом: это было бы слишком честолюбиво. Для служения этому великому делу я готов итти в барабанщики или даже в прохвосты [1], и если мне удастся хоть на волос подвинуть его вперед, я буду доволен. А за ним является славная, вольная славянская федерация,—единственный исход для России, Украйны, Польши и вообще всех славянских народов» [2].

По дороге в Лондон Бакунин встретил нескольких бывших товарищей, тех «Achtundvierziger» (деятелей 1848 года), на которых он в тот момент и даже гораздо позже возлагал много надежд в смысле участия их в новом революционном движении. В Иокагаме он случайно встретился с художником Вильгельмом Гейне, бывшим участником майского восстания в Дрездене (1849 г.). В Сан-Франциско, по рассказу А. Руге, он тоже встретил знакомых, выброшенных на американскую почву разгромом революции 1848 года. В Нью-Йорке он свиделся с Рейнгольдом Зольгером и Фридрихом Каппом, подписи которых мы видим на его письме к Герцену и Огареву от 3 декабря 1861 г. [3]. Таким

---

[1] Профос — низший полицейский служитель при Петре I и позже. (По-русски переделано в «прохвост».)

[2] Переписка, загр. издание, стр. 75—76. — Кстати, вопреки обычному мнению о непрактичности Бакунина, это письмо содержит интересную черточку. Он сообщает друзьям, что по дороге ему удалось «устроить одно доброе дело», а именно: зная, как трудно доставать в Сибири «Колокол» и «Полярную Звезду», Бакунин уговорился с тремя купцами, немцем в Шанхае, американцем в Японии и другим американцем в Николаевске на Амуре, которые согласились брать на комиссию издания «Вольной Русской Типографии» в Лондоне, для того чтобы продавать их русским флотским офицерам и кяхтинским купцам. — Впоследствии (в 1863 — 1864 годах) он налаживал дело сбыта заграничных русских изданий в Швеции и Финляндии и развивал план широкого их распространения в России (с помощью Кельсиева), рекомендуя Герцену и Огареву «дерзать» в интересах этого дела.

[3] О Р. Зольгере мы говорили в I томе настоящей работы. Фр. Капп, писатель, историк и политический деятель, одно время (1849 — 1851 г.г.) был воспитателем сына Герцена и переводчиком его работ на немецкий язык,

образом, говоря словами Руге, в Америке Бакунин «встретил форпосты той великой армии, в которой он служил столь ревностно и отважно, и в ряды который он собирался вернуться» [1].

Бакунин действительно собирался вернуться в ряды активных революционеров, что далеко не отвечало тогдашним настроениям его старых друзей, особенно Герцена. Драгоманов, со слов близкого к Герцену лица (вероятно, его сына Александра), рассказывает, что Герцен ожидал осложнений, которые Бакунин внесет в деятельность «Колокола». А Н. А. Огарева-Тучкова в своих воспоминаниях сообщает, что, когда однажды у Герцена за обедом получено было первое письмо Бакунина от 3/15 октября 1861 г. из Сан-Франциско, Герцен, прочитав его, задумался и сказал Огареву: «Признаться, я очень боюсь приезда Бакунина: он наверно испортит наше дело» (т.-е. спокойную либеральную пропаганду). Огарев, находившийся тогда под сильным влиянием умеренного Герцена, согласился со своим другом. И они оказались правы в своих предчувствиях...

Наконец, в № 118 «Колокола» от 1 января 1862 года появилась следующая заметка:

М. А. БАКУНИН В ЛОНДОНЕ.

М. А. Бакунин приехал 27 декабря в Лондон.

Огарева-Тучкова описала сцену свидания Бакунина с друзьями. Он пришел к Герцену в девятом часу вечера, когда семья сидела за обедом, а сама рассказчица по нездоровью лежала в той же комнате на диване. Начались об'ятия, поцелуи, представления. Говорят, будто первые его слова были: «А устрицы у вас здесь есть?» Поздоровавшись со всеми, Бакунин обратился к Огаревой со следующими словами: «Нехорошо лежать, выздоравливайте, надо действовать, а не лежать». Позднее пришел и В. Кельсиев, с нетерпением ждавший знакомства с знаменитым революционером. Он [2] передает следующую беседу, если отчасти и со-

---

затем уехал в Соед. Штаты, где, подобно Зольгеру, занялся банковской деятельностью и между прочим давал Герцену советы в денежных делах (как видно из писем Герцена конца 60-х годов).

[1] Сам Бакунин говорит, что он написал Герцену и Огареву из Сан-Франциско и Нью-Йорка много писем. Повидимому, не все они дошли до адресатов. По крайней мере, в изданной Драгомановым переписке напечатано всего 3 письма Бакунина из Америки.

[2] В своей «Исповеди» 1868 года (см. «Пережитое и передуманное», Спб, 1868). Недавно она была напечатана в «Архиве Русской Революции», т. XI,

чиненную, то тем не менее весьма правдоподобную и для Бакунина характерную. «В Польше только демонстрации,—сказал Герцен,—да авось поляки облагоразумятся, поймут, что нельзя подыматься, когда государь только что освободил крестьян. Собирается туча, но надобно желать, чтобы она разошлась». — «А в Италии?» — «Тихо». — «А в Австрии?» — «Тихо». — «А в Турции?» — «Везде тихо, и ничего даже не предвидится». — «Что ж тогда делать? — сказал в недоумении Бакунин. — Неужели же ехать куда-нибудь в Персию или в Индию и там подымать дело?! Эдак с ума сойдешь, — я без дела сидеть не могу».

И это понятно. Из Сибири Бакунин рвался на волю именно для «дела». Он, правда, неясно представлял себе, в чем это «дело» будет состоять, но он инстинктивно чувствовал, что период черной реакции миновал, и что снова наступает полоса политического оживления.

На этот раз оживление охватило и Россию, о границы которой до тех пор разбивались все волны европейских революций. Поражение, понесенное самодержавием во время Крымской войны 1855 — 1856 г.г. и обнаружившее всю гнилость николаевской системы, не только положило конец жизни «фельдфебеля в ботфортах», но и принудило русское правительство подтянуться и хотя бы отчасти европеизироваться. Нарождающийся капитализм рвался из пеленок, в которые закутало Россию самодержавие, и злосчастная Крымская кампания, во время которой Бакунин желал царизму поражения [1] в интересах народного освобождения, дала окончательный толчок банкротству держи-

---

издаваемом в Берлине под редакцией И. Гессена. См. о нем: Герцен — «В. И. Кельсиев» (Соч., т. XIV) и Н. Михайловский — «Жертва старой русской истории» (Соч., т. IV, 1897).

[1] В этом смысле Бакунин всегда был «пораженцем». В письме к Герцену и Огареву от 1 августа 1863 г. из Стокгольма Бакунин, в предвидении войны Европы против России из-за Польши, говорил: «В моем незыблемом убеждении наш главный враг — Петербург (т.-е. самодержавие. — *Ю. С.*), более, чем французы, англичане, более, чем даже немцы... Поэтому ничто не остановит меня продолжать против него войну на жизнь и на смерть. Да, я громко отрекаюсь от русского государственно-императорского патриотизма и буду радоваться разрушению империи, откуда бы оно ни пришло. Разумеется, я не пойду в Россию вслед за французами, англичанами, шведами и их друзьями — поляками, но если можно будет пробраться во внутрь России и в самое время иностранной войны поднять крестьянство, то сделаю это с полным сознанием, что исполняю святой долг и служу великому русскому делу» (Переписка, стр. 124—125). Приблизительно то же самое Бакунин говорит в письме из Стокгольма от 9 июля 1863 года представителю общества «Земля и Воля» в Швейцарии. Указав, что

мордовской политики Николая I. Перед пробуждающейся Россией встал во весь рост вопрос о превращении феодальной, крепостной страны в капиталистическую, буржуазную. На первый план естественно выдвинулся вопрос об освобождении крестьян и об отмене крепостного права, которое до тех пор было базою российского самодержавия. А раз из фундамента вынимался этот краеугольный камень, все здание приходило в движение, все стороны политической и общественной жизни подлежали пересмотру. В связи с этим начался и умственный ренессанс, духовное возрождение; выступили все до тех пор скованные силы, начали пробуждаться угнетенные классы, зашевелились все, особенно обездоленные и придавленные до тех пор, элементы. Страна вступила в процесс революционного брожения.

Это брожение еще усилилось после того, как основная из выдвинутых русскою жизнью реформ, а именно крестьянская, оказалась изуродованною в угоду помещичьему дворянству и проведенною в ущерб широким крестьянским массам. Волнениям темных крестьян, разрозненных и неспособных выставить определенную программу, но инстинктивно требовавших достаточного наделения землею и действительного освобождения от дворянского гнета (то, что революционеры скоро сформулировали в виде лозунга «земли и воли»), отвечало волнение

русские революционеры должны всемерно использовать польское восстание в интересах русского народа, и допуская возможность внешней войны вследствие европейской интервенции в русско-польские дела, Бакунин продолжает: «Я думаю, что даже такая война не должна приостановить нашей деятельности. Мы не должны забывать, что наш главный враг это — немецкий, императорский Петербург, и что прежде всего и преимущественно перед всем мы должны низвергнуть его всеми средствами. Разумеется, мы не пойдем на Россию совместно с французами, англичанами, шведами, даже не со связанными с нами поляками — это скомпрометирует нас в глазах народа. Но война не должна нам помешать всеми силами вызывать внутреннее народное восстание и раз'яснять народу, что теперь наступила пора, когда он может требовать и взять все, что ему нужно, и что, если он упустит этот удобный момент, он ничего не достигнет. Мы должны применить против правительства оружие, которое оно теперь применяет против поляков, возбуждая социальную войну в западных губерниях. Мы должны воспользоваться тою анархиею, которую оно само теперь возбуждает в государстве для самозащиты, и всеобщим сумбуром, в который оно все больше погружается».

Итак, Бакунин уже тогда определенно выдвигал лозунг превращения внешней грабительской войны в гражданскую. Какое глубокое отличие от эпигонов анархизма вроде Кропоткина, Д. Гильома и других, которые во время империалистической войны 1914—1918 г.г. выступали в виде социал-патриотов и шовинистов!

среди революционно настроенной интеллигенции, выражавшей и отражавшей это настроение крестьянских масс, пытавшейся сблизиться с ними и опереться на них для осуществления своих революционных программ. Одновременно усиливалось недовольство и среди буржуазных элементов общества, к которым примыкала либеральная часть дворянства. Эти элементы, видя недостаточность намеченных правительством реформ (судебной, административной и пр.), неспособных всерьез покончить с старым полицейско-феодальным режимом, начали стремиться к полной европеизации русской жизни и в частности к основной политической реформе — уничтожению самодержавия и введению конституции. Таким образом стали складываться оба оппозиционные течения — партия либеральных реформ и партия демократического переворота, в первое время, впрочем, не успевшие еще вполне обособиться и отделиться одна от другой.

К моменту прибытия Бакунина за границу это брожение в России было в полном разгаре. Революционные элементы были уверены, что к весне 1863 года, когда должны были прекратиться временно-обязательные отношения крестьян к помещикам, в России вспыхнет крестьянская революция, которая будет поддержана восстанием в городах и в армии. Этого несомненно боялось и правительство. Эту надежду разделял, разумеется, и Бакунин, которого все, что происходило тогда в России и в Европе, могло лишь укрепить в ожидании скорого коренного переворота.

Зарубежная литература, представленная тогда, главным образом, «Колоколом», а затем «Общим Вечем», вопреки всем мероприятиям правительства проникала в Россию, успешно распространялась по всей стране, зачитывалась до дыр и даже перепечатывалась отдельными кружками, начавшими заводить тайные типографии. Более того, в самой России начали появляться прокламации и листки, тайно составляемые, печатаемые и распространяемые революционными организациями, при чем зачастую эти местные листки были гораздо более радикальными, чем лондонские издания. Учащаяся молодежь, этот чуткий барометр общественного настроения, заволновалась и пришла в движение. Стали вспыхивать студенческие «беспорядки», раздались требования университетской автономии, а затем и политической свободы. Молодежь пополняла тайные организации, печатала и распространяла революционную литературу и старалась сближаться с народом. Началось нечто вроде первого «хождения в народ», заводились воскресные школы для сближения с рабочими, началась пропаганда на фабриках, в деревнях, даже в казармах. Все это было молодо, неорганизованно, бессистемно,

подчас наивно, но свидетельствовало о глубоком сдвиге в прежней психологии и залагало основу для будущего более широкого и прозного движения [1].

Бакунин чувствовал себя в своей атмосфере и собирался ринуться в бой. Впрочем, в первый момент он, казалось, интересовался не столько специально русским движением, сколько движением славянства вообще. Мы знаем уже, какую программу действий он намечал себе в письме к друзьям из Сан-Франциско. Это была старая борьба за вольную славянскую федерацию [2]. Но и теперь, как и тогда, Бакунин мыслил ее в связи с общим торжеством революции в Европе. И вот по прибытии в Лондон (отчасти же по дороге туда) он начал зозобновлять старые связи и заводить новые знакомства.

---

[1] Напуганное растущим революционным движением правительство учредило знаменитую «Следственную Комиссию», просуществовавшую с 1862 по 1871 год и рассмотревшую за это время дела около 3.000 лиц. Отчет этой комиссии напечатан В. Я. Богучарским в «Голосе Минувшего» 1915 года, № 4, стр. 193—221 («Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей»).

[2] Нужно, впрочем, заметить, что, как человек живой практики, Бакунин недолго удержался на этой надуманной теоретической позиции, не имевшей корней в реальной действительности. Польское восстание в этом отношении скоро раскрыло ему глаза. С одной стороны, поляки, совместную работу с которыми он считал необходимой, с отвращением относились к его славянским мечтаниям, усматривая в них проявление ненавистного панславизма; с другой — славяне показали, что они больше сочувствуют российскому самодержавию, чем польским революционерам. И Бакунин в письме от 1 августа 1863 г., присмотревшись и прислушавшись к урокам жизни, заявляет Герцену (и Огареву) о своем отказе (он думал на время, а оказалось навсегда) от славянских фантазий. «Не мешало бы, — пишет он, — как можно сильнее протестовать против имени «панславистов», которым они (поляки) нас награждают. Ты никогда (?) не был им и всегда (?) с пренебрежением смотрел на славянские движения, я не был также никогда панславистом, но в движении славянском принимал горячее участие и теперь еще думаю, что славянская федерация — наша единственно возможная будущность, потому что она одна может дать в новом, совершенно свободном виде удовлетворение тому, несомненно в народе нашем живущему, чувству величия, которое срезалось или непременно срежется на ложном пути императорства. Но это дело далеко впереди, теперь же думать о славянах было бы глупо, и если мы можем еще заботиться о них, то разве только для того, чтобы отвратить их от гибельного союза с настоящею императорскою Россиею. Я же о них и думать позабыл. Весь вопрос теперь стеснен между Польшею и Россиею» («Переписка», стр. 124). Это место заслуживает большого внимания.

Впрочем, на сей раз — несомненно под влиянием Герцена, относившегося с величайшей враждой к немцам, в том числе и крайним, — у Бакунина начинают звучать более исключительные славянские ноткн, окрашенные неприязнью даже к немецким демократам. В то время как в 1848—1849 г.г. он считал своим долгом об'единять освободительное движение славянства с революционным движением германских и австрийских немцев, он теперь начинает мыслить славянское движение как нечто, противопоставляемое всем немцам без из'ятия. В письме к одному из участников Пражского славянского с'езда 1848 года, датированном 12 мая 1862 года, Бакунин на этот счет пишет: «Ныне я не буду пробовать примирять славян с немцами, как делал это в Богемии в 1849 году» [1]. А в письме к Н. С. Корсаковой-Бакуниной (жене его брата Павла) от 16 июня того же года он выражается еще определеннее: «Я исключительно занимаюсь вопросом польским и русским и обще-славянским делом, проповедую систематически и по горячему убеждению ненависть к немцам [2] и говорю, как Вольтер про бога: «S'il n'y avait point d'allemands, nous devrions les inventer» (т.-е. если бы немцев не существовало, мы должны были бы их выдумать), потому что ничто так не способно соединить славян между собою, как коренная ненависть к ним. Лишь только приедет жена, отправлюсь в Италию, где стану связывать итальянцев с славянами (курсив мой). По этому предмету я уже нахожусь с Гарибальди в дружеской переписке».

Нам известно одно только письмо Бакунина к Гарибальди от 10 мая 1862 года, в котором излагается такая программа [3]. Сообщив о том, что он проповедует соединение славян с мадьярами против Австрии, Бакунин продолжает (цитируем по французскому оригиналу ввиду неточности официального русского перевода, приводимого у Лемке): «Мы хотели бы по возможности об'единить нашу нацию с вашею. Италия по своему положению, по своим интересам, по своей

---

[1] Приведено у Лемке — «Очерки освободительного движения шестидесятых годов», стр. 90—91. Там же приведено и следующее письмо от 16 июня.

[2] Курсив мой.

[3] Это письмо не могло дойти до Гарибальди. Оно было захвачено австрийской полицией в Пескиере при обыске у Ничипоренко, который должен был передать его генералу, и в копии передано русскому правительству. В министерстве иностранных дел с него был сделан перевод, напечатанный в книге Лемке. У меня имеется копия с французского оригинала, любезно присланная мне из архива б. русского посольства в Вене. Повидимому, Бакунин писал на эту тему Гарибальди не раз.

относительной молодости является истинным другом славян. Нам не придется ничего делить, а бороться придется с тем же самым врагом — с Австрией. Наша неприязнь заходит несколько дальше, чем ваша: мы — естественные враги немцев. Ненависть славян к немцам точно соответствует ненависти Италии к Австрии, и подобно тому как последняя много способствовала об'единению Италии, ненависть к немцам сплачивает славян... Начнем с установления связи между итальянцами и славянами». И дальше он говорит о возможности, в случае войны Австрии с Италией или с Францией, составить чешские, словенские, кроатские, сербские и т. д. легионы из австрийских славян-дезертиров».

В № 119—120 «Колокола» от 15 января 1862 г. Герцен в статье «М. А. Бакунин» [1] показал, что если, с одной стороны, он влиял на Бакунина, то, с другой,—сам испытывал на себе его влияние, поддаваясь его славянским мечтаниям, над которыми иной раз не прочь был поиронизировать.

«Бакунин в Лондоне! — восклицает Герцен. — Бакунин, погребенный в казематах, потерянный в Восточной Сибири, является бодрый и свежий среди нас — redivivus et ultor (т.-е. воскресший мститель), сказали бы мы в подражание Емельяну Пугачеву... Но ни Бакунину, ни нам не до мести, — слишком много дела. Бакунин приходит к нам с удвоенной любовью к народу русскому, с несокрушимой энергией надежд и сил, закаленных здоровым, свежим, молодым воздухом Сибири... С Бакуниным невольно оживает стан теней и образов б у р н о г о г о д а [2]... И мы с вновь разбуженным ожиданием смотрим на соплеменный нам Восток Европы, и снова будто слышится, как расседает и трещит штучная венская Империя, как двигается и закипает славянский мир, как четвертованная Польша, срастаясь около независимой Варшавы, протягивает руку забвения и братства русскому народу» [3].

---

[1] Соч., т. XV, стр. 17—21.

[2] Курсив автора.

[3] В конце статьи Герцен берет прямо анти-немецкую ноту. Рассказав об аресте и мыкании Бакунина по тюрьмам и Сибири, Герцен вдруг неожиданно заключает: «Довольно заплатил он за молодые увлечения и за веру в возможность союза с немецкими демократами». И, ссылаясь на то, что какая-то немецкая радикальная газета встретила Бакунина после его побега напоминанием, что он «подозрительный тип», Герцен заявляет: «А впрочем, пожалуй, немцы и правы! Бакунин и мы — агенты р у с с к о г о н а р о д а, мы работаем для него, ему принадлежат наши силы, наша вера и никакому народу разве его. Жаль только, что немцы забывают, что петербургское

Те связи, которые Бакунин начал заводить в Лондоне, в значительной степени определялись указанной программой его ближайших действий. А эта программа в тот момент сводилась к содействию революции в России и Польше, а также славянскому движению в Европе вообще. Естественно, что для этого Бакунину нужны были в первую голову русские, поляки и иные славяне, особенно чехи, среди которых у него были и старые знакомства. Сюда нужно прибавить итальянцев, враждовавших с Австрий, поскольку они имелись в Лондоне (в окружении Маццини). С немцами на этот раз Бакунин почти не встречается и, повидимому, даже не ищет знакомств с ними. Впрочем, этот круг его знакомств об'ясняется отчасти еще и тем, что в первое время Бакунин мог преимущественно встречаться с теми, кто был в сношениях с Герценом. Ведь Герцен был в Лондоне старожилом, тогда как Бакунин был там пока новичком. А Герцен к этому времени порвал почти все связи с немцами.

В Лондоне Бакунин познакомился с Маццини, с которым его свели Герцен и Огарев, и с его правой рукой Аурелио Саффи; с Ф. Гарридо, старым фурьеристом, которого он впоследствии завербовал в свое тайное «братство»; с Луи Бланом; с английским демократом и приятелем Герцена, Линтоном. Но, главным образом, Бакунин старался сблизиться с русскими, поляками и вообще славянами, проживавшими тогда в Лондоне.

Не ограничиваясь личными знакомствами и встречами, Бакунин одновременно старался возобновить прежние связи путем переписки. С одной стороны, ему хотелось оповестить старых друзей о своем возвращении к жизни; с другой — он, если не во всех, то во многих случаях несомненно имел ввиду будущую революционную работу, к участию в которой надеялся привлечь многих из своих бывших товарищей по 40-м годам.

До нас дошло пока очень мало писем Бакунина из первых недель его жизни в Лондоне, но что их было много, в этом трудно сомневаться. Мы знаем письмо его к В. П. Боткину [1], который один из первых откликнулся на призыв Герцена [2] относительно денежной помощи нуждавшемуся Бакунину. В этом письме Бакунин, между прочим, со-

---

правительство — немецкое» (!?). Неудивительно, что подобные выходки вызывали отпор и подозрения со стороны немецких демократов.

[1] От 31/19 декабря 1861 г. (напечатано в «Голосе Минувшего», № 2, октябрь 1922 г., стр. 202).

[2] Письмо Герцена к сыну от 21/XII 1861 г.: «Бакунину до сих пор только Боткин прислал 23 фунта» (впрочем, боткинской щедрости хватило не на-

общает о том, что крепость «поизмяла его», что здоровье его уже не то, но что, по его мнению, еще лет на десять деятельной жизни его хватит, а, пожалуй, он готов помириться и на пяти годах. В действительности хватило его на целые 15 лет.

Теперь это физически стал уже не тот человек, каким его знали в 40-х годах в Париже, Праге и Дрездене. Изящный, подвижной, рослый молодец с вихрястой шевелюрой уступил место рыхлому, обрюзгшему, обросшему бородой старику, с начавшейся лысиной, с густой проседью в поредевших волосах, с одышкой и без зубов. Он был до того толст, что Герцен называл его лавиной, мастодонтом, а Маркс в своих письмах к Энгельсу (после встречи с ним в 1864 году)—«быком». Однако и теперь Бакунин сохранил свою «львинообразность», которую отмечают в нем все наблюдатели, начиная с Белинского и кончая философом Вырубовым, познакомившимся с ним в 1867 году. И если Бакунин после крепости и ссылки поддался физически, то духовно он вполне сохранился. Его темперамент попрежнему оставался бурным и пламенным, его вера в революцию не поколебалась, а преданность народным интересам и любовь к свободе, готовность сложить свою голову во имя «дела» нисколько не ослабели, несмотря на пожилой возраст (ему было 48 лет, когда он прибыл в Лондон), на перенесенные испытания и на болезненное состояние.

Мы знаем также его письмо к Жорж Занд от 31 января 1862 года [1], пересланное ей с братом его Александром, проживавшим тогда за границей и навестившим его в Лондоне. Из этого письма, интересного во многих отношениях, мы приводим следующие строки, говорящие о тогдашних планах и самочувствии Бакунина: «Разбуженный всем тем шумом, который вновь происходит на свете, а о с о б е н н о в о л н е н и е м в м и р е с л а в я н с к о м, я предался Амуру, не богу, а реке [2], с помощью божьей проехал через Японию, Тихий океан, Сан-Франциско, Панамский перешеек, Нью-Иорк, Бостон, Атлантический океан и, наконец, бросил якорь в Лондоне, где погода отвратительная, но где взамен этого хорошая и прочная свобода...

долго). Помогали Бакунину отчасти родные, затем Герцен, Тургенев и пр. Денежный вопрос никогда не оставлял Бакунина в покое; с первых же дней появления за границей этот вопрос сразу же встал перед ним в самой острой форме, и его письма всегда полны жалоб на безденежье и просьб о ссудах.

[1] Приведено в статье В л а д. К а р с н и н а «Герцен, Бакунин и Жорж Занд», «Русская Мысль», 1910 г., № 3, стр. 55—56.

[2] Та же игра слов, что и в записке к Фохту (см. выше).

Я вновь свободен и готов вновь приняться за те прегрешения, за которые со мной довольно-таки немилостиво обошлись... Я чувствую себя еще достаточно молодым. Мне как раз столько лет, как гетевскому Фаусту, когда он говорит: «слишком стар, чтобы забавляться пустяками; слишком молод для того, чтобы не иметь желаний». Лишенный политической жизни в течение 13 лет, я жажду деятельности и думаю, что после любви высшее счастье — это деятельность. Человек вправду счастлив, лишь когда он творит» [1].

С одним только старым приятелем Бакунин не пожелал свидеться, хотя мог: это с Карлом Марксом. В письме к последнему Энгельс от 27 ноября 1861 г. выражал большую радость по поводу счастливого побега Бакунина [2].

Маркс, столь же довольный этим побегом, видимо, ожидал визита Бакунина и был удивлен тем, что тот к нему не является. Сообщая Энгельсу в письме от 25 февраля 1862 года о новой выходке уркартистов против Бакунина, Маркс прибавлял: «Я его не видал. Он живет у Герцена». Эти слова показывают, что Маркс догадался о причине странного поведения Бакунина.

И действительно, Герцен и Маццини рассказали Бакунину о полемике в «Morning Advertiser» 1853 г. [3], при чем, естественно, выставили Маркса в виде главного руководителя этой клеветнической кампании, как, впрочем, они искренно и думали. Бакунин, поверивший, что Маркс об'явил его шпионом в то время, как он изнывал в тюрьме,

---

[1] Больше Бакунин ей не писал. Ему пришлось скоро вырвать ее из своего сердца. Вот как он рассказывает об этом в письме к неизвестному от 6 января 1867 года, приведенному у Неттлау на стр. 208—209: «Я знал госпожу Жорж Занд задолго до 1848 года. В те времена я столько же любил ее, как и уважал, несмотря на все ходившие о ней дурные слухи. Я преклонялся перед ее умом, любил ее действительную сердечную доброту и верил в ее характер. Поэтому, как только мне посчастливилось бежать из Сибири, я первым долгом написал ей, чтобы напомнить ей о себе. Ответ ее был исполнен симпатии и доброты, и однако, хотя мне с тех пор привелось четыре раза проехать через Париж и Францию, я не пытался встретиться с нею и больше ей не писал. Я узнал, что она сделалась одною из интимных приближенных Плон-Плона (принца Наполеона. — *Ю. С.)* и теперь развлекается обсуждением с ним (пропущено слово; повидимому, «рабочего вопроса». — *Ю. С.*). Это меня оттолкнуло от нее. Если я дал ввести себя в заблуждение, то я об этом сожалею». После государственного переворота 2-го декабря 1851 года отношение к Жорж Занд изменили и многие другие.

[2] «Briefwechsel», т. III, стр. 41.

[3] См. том I этой работы, часть четвертую, главу 5.

натурально не захотел встретиться с своим старым знакомым, тем более, что в сердце его несомненно оставался еще горький осадок от известного нашим читателям инцидента с «Новой Рейнской Газетой» в 1848 году [1].

А как на зло, при вступлении Бакунина на почву Британии его сразу встретила все та же гнусная клевета, преследовавшая его всю жизнь. В уркартистской газете «The Free Press» в номере от 5 марта 1862 года появилась статейка, снова пытавшаяся представить Бакунина панславистским агентом русского правительства (протест Герцена и Огарева был напечатан газетой только в мае того же года). Разумеется, Карл Маркс не имел никакого отношения и к этой кампании. Здесь орудовал все тот же Френсис Маркс, который ратовал против Бакунина в 1853 году в «Morning Advertiser». Но, настроенный Герценом, Бакунин был убежден, что из-за кулис руководит всем этим походом не кто иной, как Карл Маркс. Он, кажется, так и умер с этим убеждением. По крайней мере, в 1871 г. в отрывке «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов», который должен был войти во 2-ю часть «Кнуто-Германской Империи», Бакунин определенно излагал именно эту версию.

«Когда, — пишет он, — в 1861 г. мне удалось благополучно бежать из Сибири, и я прибыл в Лондон, первое, что я услышал из уст Герцена, было то, что они (т.-е. вожди германских коммунистов. — *Ю. С.),* воспользовались моим вынужденным отсутствием втечение двенадцати лет (с 1849 по 1861 г.), из которых восемь я провел в различных крепостях — саксонских, австрийских и русских — и четыре в Сибири, для того, чтобы оклеветать меня самым гнусным образом, рассказывая всем и каждому (?), что я вовсе не был заключен, но, пользуясь полной свободой и осыпанный всевозможными земными благами, был, напротив того, фаворитом императора Николая [2]. Мой старый друг, знаменитый польский демократ Ворцель, умерший в Лондоне около 1860 года, и он сам, Герцен, прилагали все усилия, чтобы защитить меня от этой грязной и клеветнической лжи. Я не искал ссоры с этими господами за все их немецкие любезности, но воздержался от их посещения, вот и все [3].

---

[1] Впоследствии (в 1871 г.) сам Бакунин именно так об'яснил свое тогдашнее поведение в брошюре «Политическая теология Маццини» (см. ниже).

[2] Здесь Бакунин (или Герцен) пересаливает: так далеко не заходили даже уркартисты, нападавшие на Бакунина.

[3] Это прямой намек на Маркса, который проживал тогда в Лондоне.

«Едва я прибыл в Лондон, как я был приветствуем целой серией статей в маленькой английской газете, написанных или инспирированных очевидно (!?) моими дорогими и благородными друзьями, вождями немецких коммунистов, но эти статьи не были никем подписаны. В этих статьях неизвестные авторы осмеливались писать, что я мог бежать лишь с помощью русского правительства, которое, создав мне положение эмигранта и мученика за свободу, — титул, который я всегда ненавидел, ибо мне претят громкие фразы, — сделало меня более способным оказывать ему услуги, то-есть заниматься ремеслом шпиона ему на пользу.

«Когда я заявил в другой английской газете автору этих статей, что на подобные низости отвечают не с пером в руках, но рукой без пера, он извинился, уверяя, что никогда не хотел сказать, чтобы я был шпионом на жалованьи, но что я был настолько преданным патриотом всероссийской империи, что «добровольно подвергся всем пыткам тюрьмы и Сибири, чтобы быть в состоянии лучше служить впоследствии политике этой империи». На подобные нелепости очевидно нечего было отвечать. Таково было мнение и великого итальянского патриота Джузеппе Маццини и моих соотечественников Огарева и Герцена. Чтобы утешить меня, Маццини и Герцен сказали мне, что и они подвергались подобным же нападкам, вероятно со стороны тех же людей (!), и что на все такие выпады они всегда отвечали лишь презрительным молчанием» [1].

В приведенных выше строках Бакунин ссылается на свое письмо к члену лондонского «Рабочего Комитета» [2], обратившему его внимание на статью «The Free Press». Письмо датировано 12 марта 1862 г. и гласит:

«Сэр,

«Мой друг Герцен сообщил мне ваше любезное письмо и возмутительную статью, которую обо мне написал в «Free Press» (за плату или без вознаграждения) какой-то анонимный автор. Искренно благо-

---

[1] Бакунин — «Кнуто-Германская Империя», изд. «Голос Труда», М. 1919, стр. 140.

[2] Этот «Рабочий Комитет», состоявший из бывших оуэнистов-кооператоров, обратился к Бакунину с приветственным адресом по случаю его прибытия в Англию, при чем избрал для этого особую депутацию из 5 человек. Адрес этот был опубликован в «The Cosmopolitain Review» 1 февраля 1862 г.

Один из членов этой депутации, которому и адресовано было письмо Бакунина, поместил впоследствии в журнале «Working Man» от 1 апреля 1862 г. статью «Бакунин в Лондоне», направленную против клеветы уркартистов.

дарен вам за то, что вы обратили на это мое внимание. Я не снизойду до опровержения этого сплетения лжи. Такие поправки надо делать не с пером в руках, а рукой без пера. Я намерен в скорости опубликовать краткий перечень важнейших событий моей политической жизни. Надеюсь, это будет окончательным ответом на всю эту клевету для тех, кто меня недостаточно знает» [1].

К этому же инциденту относится и письмо Бакунина от 13 марта 1862 г. к Руге [2], который счел нужным откликнуться на клевету против своего старого друга, тем более, что и он, повидимому, подозревал в ней участие К. Маркса, ненавистного для него еще с 40-х годов. Вот что писал Бакунин Арнольду Руге:

«Дорогой старый друг!

«Благодарю тебя за знак твоего внимания и дружбы. Я уже читал подлый донос г. Уркарта, и Герцен высказал мне предположение, что автор его — знаменитый туркоман. Теперь это предположение подтвердилось. Члену «Рабочего Комитета», который прислал мне эту статью с письмом к Герцену, я уже ответил письмом, где между прочим заявил, что на такие подлости лучше всего отвечать «не с пером в руках, а рукой без пера». Мое письмо несомненно будет напечатано, и я надеюсь, что оно заставит этого господина назвать себя. Быть может, тогда окажется, что если он имеет странную манию клеветать на людей, то я имею, со своей стороны, столь же странную манию колотить подлых клеветников. Мания за манию; посмотрим, чья лучше. Но если г. Уркарт не назовет себя, то, быть может, я решусь начать процесс против «Free Press».

«Не может быть, чтобы в свободной стране, как Англия, не было того или другого хорошего средства против подлостей. Итак, посмотрим — хорошо посмеется тот, кто будет смеяться последним. Но я не хочу и не могу оставить это дело без всякой реакции. Я припоминаю знаменитую песенку Фигаро о «Калумнии» (клевете) из «Севильского цирюльника» и твердо решился уничтожить всех этих пресмыкающихся и прячущихся гадов зависти и злобы в их нечистых норах [3]. Если ты можешь мне помочь каким-нибудь указанием или

---

[1] Это обещание Бакунина, как и все другие аналогичные его обещания, выполнено не было. Видимо, история его «Исповеди» и освобождения из крепости связывали его в этом отношении.

[2] Напечатано в книге Arnold Ruge's Briefwechsel, 1876 г., т. II, стр. 218—219.

[3] Слово «прячущихся» намекает, видимо, на К. Маркса, которого Бакунин под влиянием Герцена считал инициатором клеветы на него.

добрым советом в моей кампании против турецкого монстра, то сделаи это. Я задам ему хорошую турецкую баню».

На сей раз дело на этом и закончилось. Но инцидент этот оставил в душе Бакунина новый осадок горечи против К. Маркса, что впоследствии сказалось на взаимоотношениях обоих выдающихся деятелей [1].

---

[1] Они встретились только в 1864 г., при чем Бакунин не поверил уверениям Маркса в том, что он, Маркс, не имел никакого отношения к этой клеветнической кампании (см. ниже).

Глава вторая.

ДЕНЕЖНЫЕ И ЛИЧНЫЕ ДЕЛА.

С момента вступления на европейскую почву, денежный вопрос стал перед Бакуниным в довольно острой форме для того, чтобы уже не оставлять его в покое до смерти. Нужно, впрочем, сказать, что Бакунин не только отличался величайшей непрактичностью, но и проявлял привычку к довольно широкой жизни. Барское происхождение сказывалось.

Только путешествие от Иркутска до Лондона обошлось Бакунину в 6.600 франков. А так как он выехал из Иркутска всего с 800 рублями (оставив кроме того 200 рублей жене), то неудивительно, что уже по дороге он начал входить в долги. У старых приятелей, встреченных им в Америке, он занял 300 долларов в С.-Франциско, 300 долларов в Нью-Йорке и 2.000 франков получил от Герцена согласно своей просьбе. Таким образом он прибыл в Лондон с 4.000 фр. долга. Здесь он получил 575 фр., присланных Боткиным, да Тургенев согласился давать ему по 1.500 фр. в год, из коих первую треть доставил сразу, в январе.

Герцен пытался организовать для Бакунина подписку среди сочувствующих и приятелей. «Нельзя же мне на все разрываться одному»,— писал он Тургеневу в начале января 1862 года. Но кроме Тургенева и В. Боткина (один раз!) мало кто отозвался на призыв. Тургенев проявил даже некоторую щедрость. 11 февраля 1862 г. он писал Герцену: «Дромадер Бакунин (Александр)... уехал, оставив мне адрес каких-то Lazare frères, которым надобно заплатить задолженных Мишелем 1.000 франков. Я открыл подписку, но к моим 500 фр. прибавилось пока 200. Надеюсь, однако, собрать все. Бакунин пишет мне о 1.000 руб. сер. Я готов их выслать ему до моего от'езда отсюда, но тогда они будут зачислены в счет трехлетнего пансиона (не вполне трехлетнего: я обещал 1.500 фр. в год, а 1.000 руб. сер. с 500 фр. составят меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста, теперь же выписывать свою жену. Это было бы безумие, пусть он осмотрится сперва. Надо сообра-

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

жаться с средствами, а они едва ли будут велики. Боткин долго ничего не даст» и т. д.

Герцен был недоволен щедростью Тургенева; он полагал, что таким путем можно только приучить Бакунина жить на чужой счет, вместо того чтобы хотя бы отчасти снискивать себе средства к существованию работою. На следующий же день он отвечал Тургеневу: «Насчет Бакунина: будь осторожен; это же неряшество, Bettina will schlafen... Bettina kann kein Geld zahlen [1]... и пр. в 50 лет. Поручи мне это дело. Я считаю, что русские должны ему собирать на Auskommen [2], но не больше; ex. gr., 3.500 франков, ну и будем их собирать [3]; твоих 500 фр. за глаза довольно, но если ты хочешь за полстолетие вперед заплатить, то этого будет мало; ни вперед, ни взад платить не надобно, а в настоящее. Пока я в Лондоне, я берусь ему выдавать по 10 liv. [4] в месяц. Дромадер говорил, что ты берешься за какие-то долги (а братья его ни за что?)».

13 февраля Герцен в письме к Тургеневу снова возвращается к этой теме: «Вчера... являлся Бакунин и рассказал мне, что он накануне (и ты писал накануне!) писал к тебе о том, чтоб не делать подписки для него. Он не знает, что делает. Подписка необходима, но не в Париже, а в России... Он говорит, что ты сам предложил в виде займа его братьям 1.000 руб. сер. [5]. Неужели это ты так опростоволосился?.. Послушайся меня: собирай ему на прожиток и пересылай мне, а сумм для братьев не доставай. Если обещал Лазарю [6] — делать нечего, но подписку делай очень секретно, а то и дадут мало да еще накричат».

28 марта 1862 г. Герцен в письме к Тургеневу уже начинает высказывать недовольство по поводу беспечности Бакунина: «деньги уже выходят. Работает он мало. Ему со всех сторон предложения, а он ни тпру, ни ну, отяжелемши».

---

[1] «Беттина хочет бай-бай... Беттина не может платить денег». (Намек на Мишеля 30-х годов, когда он увлекался дневником Беттины фон Арним.)

[2] На прожитье.

[3] Герцен тогда полагал, что единомышленники обязаны материально поддержать Бакунина. «Стыд и срам, — писал он Тургеневу в начале января, — если вся партия не вышлет ему по 1.500 руб. сер. в год». Под словом «партия» разумеются здесь старые приятели из оппозиции.

[4] 10 фунтов стерлингов (около 100 рублей сер.).

[5] Вероятно, речь идет об обещании Тургенева и Налбандова раздобыть 2.000 рублей на переезд жены Бакунина в Лондон, каковую сумму братья Бакунина должны были впоследствии вернуть.

[6] Т.-е. упомянутые выше Lazare frères.

А тут у Бакунина подоспели еще политические разногласия и с Герценом, и с Тургеневым...

Характерно, что Москва, где у Бакунина было больше всего знакомых и старых приятелей, не откликнулась на призыв о поддержке Бакунина. Герцен писал Сатину в сентябре 1862 г.: «Я делал для Б. подписку; отовсюду прислали, кроме Москвы». В России деньги для Бакунина собирал, между прочим, Н. Жуковский, впоследствии его друг и близкий сотрудник: после его бегства из России летом 1862 г. у него в комнате при обыске найдено было письмо неизвестной к кн. Е. А. Долгоруковой в Москву, в котором предлагалось вручить Жуковскому деньги, собранные в пользу Бакунина, для пересылки их в Лондон.

На родных особенно полагаться не приходилось, ибо по собственным словам Бакунина, он их «разорил». Приходилось поэтому подумать об изыскании каких-либо источников дохода, тем более, что с первого же дня прибытия в Лондон Бакунин начал энергично хлопотать о выписке своей жены из Иркутска за границу, на что тоже требовалась немалая сумма денег.

И Бакунин пускается в свое обычное прожектерство. «Теперь, — пишет он родным 22 января—3 февраля 1862 г., — мне предлагают немцы и французы писать свои мемуары, и Герцен говорит, что я могу зашибить ими от 20.000 до 30.000 франков. Как ни противно мне говорить о себе, но буду писать их, при чем, разумеется, буду как можно менее рефлектировать на самого себя. Кроме этого статьи в иностранные журналы, брошюры должны доставить мне средства. Одним словом, братья, употреблю все силы, чтобы встать на ноги, а вы мне по силам помогите».

Никаких статей в иностранные газеты Бакунин в первое время не писал. Точно так же он, насколько известно, не приступал к составлению своих мемуаров, на чем особенно настаивал Герцен. Таким образом он пропустил удобный момент, когда в связи с его побегом из Сибири им заинтересовалась широкая публика, и издатели охотно взяли бы его записки. Можно только пожалеть о том, что Бакунин не воспользовался благоприятным случаем и не написал своих воспоминаний, за которые он впоследствии несколько раз принимался, но так и не довел до конца. Трудно гадать, почему он этого не сделал. В первое время, увлеченный горячкой агитации и участием в польском восстании, он, пожалуй, не имел досуга для такой работы. Возможно, однако, что тут действовали и некоторые психологические причины, судя по тому, что и позже, когда у него оказалось свободное время, он так и не выполнил этой работы, хотя несколько раз приступал или

готовился приступить к ней, но дальше первой главы, говорившей о его детстве в Премухине, так и не пошел. Быть может, его сковывало воспоминание о событиях, связанных с его жизнью в крепости и в ссылке, с «Исповедью», покаянными письмами и просьбою о помиловании, обойти которые полностью в мемуарах было довольно затруднительно. Как бы то ни было, все его литературные планы первого лондонского периода так и застряли у него «в мозговом проходе», как выразился однажды Герцен.

И впоследствии друзья (Герцен и Огарев) неоднократно его в этом упрекали, указывая ему на нежелательные толки врагов, говоривших о «попрошайничестве» Бакунина.

Денежные нехватки осложнялись еще желанием Бакунина как можно скорее выписать к себе жену из Сибири. Едва очутившись за границей, он начал осаждать просьбами об этом друзей и родных. Но родные, которые, как мы об этом говорили в первом томе нашей работы, были против выезда Бакунина из Сибири, отнеслись, повидимому, довольно холодно к его горячим настояниям. На путешествие жены его из Иркутска в Лондон требовалась значительная сумма, которою родные Бакунина не располагали, или которую они не считали нужным на это дело затратить. Судя по письму Бакунина к Н. С. Корсаковой-Бакуниной от 3/15 апреля 1862 г. [1], братья просто не отвечали ему на его письма. Вряд ли это можно об'яснить их неумением под'искать подходящие оказии для пересылки своих писем. Сомнительно также, чтобы здесь действовал страх перед полицией. Остается допустить, что они таким молчанием выражали свое недовольство бегством Бакунина, быть может, характером его деятельности, о которой наверное знали через общих знакомых и которой не сочувствовали, усталостью от бесконечных денежных требований брата, а то, возможно, и неодобрительным отношением к его браку [2]. По крайней мере, судя по письмам Бакунина, им очень не хотелось приглашать его жену к себе в Премухино, и согласились они на это, скрепя сердце, лишь спустя некоторое время.

Можно сказать, что в свои хлопоты относительно выезда жены Бакунин вкладывал много не простой настойчивости, а настоящей страсти. Эта страсть как-то не вяжется со всем тем, что мы знаем о семейной, если так можно выразиться, жизни Бакунина. И однако это так:

---

[1] Сестра М. С. Корсакова, ген.-губ. Восточной Сибири, а с 1862 г. жена Павла Бакунина. Письмо напечатано в «Былом», № 3/31, 1925 г., стр. 35.

[2] Не следует, впрочем, забывать, что Николай и Алексей Бакунины сидели в это время в крепости; оставался на свободе брат Павел.

он, видимо, любил свою жену, по крайней мере, в рассматриваемое время, настоящей мужской любовью. В указанном письме к Н. С. Бакуниной он пишет: «До вас, милые братья и сестры, у меня только одна просьба. Помогите мне вызвать мою жену сначала из Иркутска к вам, потом из Премухина в Лондон. Мне кажется, что когда вы ее узнаете, вы ее полюбите: она, право, этого стоит. Но не в том дело: я ее люблю, и мне она необходима».

Он настолько горячо хочет добиться переезда жены, что готов для этого (впрочем это, быть может, обычная бакунинская хитрость) отказаться впредь от всяких денежных требований к родным, если только они помогут его жене добраться до Лондона. «У вас нет денег, я знаю, — говорит он. — Как мне тяжело говорить с вами о деньгах! В этом отношении вы принесли мне столько жертв и всегда поступали со мною с таким самоотвержением, что я не нахожу слов, чтобы выразить вам свой стыд, свою гореcть, что снова должен просить вас о помощи. И. С. Тургенев, который в мае месяце будет в Питере, и податель этого письма, друг мой Налбандов, вполне уполномоченный мною во всем, что касается до жены, и на которого вы можете положиться, которому можете довериться безусловно, обещали мне достать вам взаймы около 2.000 руб. Из них 1.500 руб. должны быть посланы жене в Иркутск, а 500 руб. употребится на ее путешествие из Премухина в Лондон. Пожертвуйте еще эти 2.000 руб., — и пусть этим покончатся между нами все денежные счеты». Разумеется, это обещание Бакуниным не было да и не могло быть сдержано.

В письме к жене от 2/14 июня 1862 г. Бакунин пишет: «Мы скоро, пожалуй, еще в сентябре, будем вместе — я буду счастлив. Сердце мое по тебе изныло. Я днем и ночью вижу только тебя. Лишь только ты приедешь ко мне, мы с тобою поедем в Италию, — там и дешевле, и веселее, и дела будет много [1]. Не бойся, душенька, и горничная девушка у тебя будет, и жить чем будет — только приезжай». Здесь, Бакунин, повидимому, отвечает на опасения, выражавшиеся его женою и ее родными. Отсюда следует, что не только его братья, Герцен и Тургенев считали преждевременным приезд его жены, но и последняя сама не

---

[1] Эти слова показывают, что в тот момент Бакунин не предвидел, какой оборот примет движение в Польше, и еще менее, какую роль ему придется лично в нем сыграть. В Италию же его влекли, между прочим, его славянские планы и надежда связаться с итальянцами для борьбы с Австрией. Возможно, что на выбор Италии, как места постоянного жительства, повлияло и охлаждение отношений между Бакуниным и Герценом и связанное с этим желание Бакунина устроиться подальше от Лондона.

решалась пуститься в дорогу, прежде чем не выяснится материальное положение Бакунина.

Бакунин положительно засыпал письмами Н. С. Бакунину-Корсакову, И. Тургенева, Налбандова и вообще всех знакомых, настаивая на скорейшей отправке к нему жены. «Я х о ч у, — подчеркивает он в письме к Н. С. Бакуниной от 4/15 июня 1862 г., — чтобы она приехала ко мне немедленно. Кто этому противен, тот мне враг, и тому ненависть моя непримиримая». Повидимому, настойчивость Бакунина понемногу раскачала и его родных, так что в письме от 23 июня—5 июля 1862 г. к Н. С. Бакуниной он говорит уже о полном примирении с Премухиным и с братьями, согласившимися послать его жене 500 руб. (80 фунтов Бакунин взял у Герцена).

В письме к Н. С. Корсаковой-Бакуниной от 4/16 июня Бакунин, говоря о своем желании поскорее увидеть жену, пишет, что и она того же хочет. Но на этот счет и у него порою возникало сомнение. Повидимому, жена его не пылала такою страстью, как сам Бакунин, и колебалась принять определенное решение, тем более, что и родители ее, как видно, отговаривали ее от поездки. В письме Бакунина к иркутской обывательнице, какой-то Эмме, от 7/19 ноября 1862 г. определенно высказывается предположение, что Антония желает остаться в Иркутске. Бакунин выражает здесь даже намерение дать ей развод и озаботиться ее материальным устройством. «Вы говорите, — пишет он, — что она ждет моего последнего, решительного слова. Вот оно: она свободна и по праву, и по справедливости, да по моему искреннему, сердечному благословению, она может располагать собою, имея в виду только свое счастье, которое для меня дороже всего. Ее право несомненно, и за скорым официальным признанием его дело не станет». И дальше Бакунин обещает потребовать от братьев, чтобы они передали Антонии причитающуюся ему часть общего имения, которая, по его мнению, должна составить «довольно значительный капитал» [1].

Положение Антонии Бакуниной в Иркутске было действительно двусмысленным и весьма тяжелым. Письма мужа доходили до нее не все (значительная часть их перехватывалась правительством), родные мужа ей не писали, обещанных денег она не получала, кредиторы Бакунина, прослышав про то, что она собирается уезжать из Сибири, осаждали ее со всех сторон требованиями. И вот она, колеблясь между противоположными решениями, не зная точно о том, где находится

---

[1] Следовательно, обещание покончить с братьями все денежные счеты уже забыто.

Бакунин, и что он предполагает делать, решается, как это было раньше условлено с мужем, ехать в Петербург на средства родителей. Но хотя ходатайство об этом было ею возбуждено в мае 1862 г., вид она получила лишь в августе, при чем этот вид не давал ей права выезда из Иркутска.

Таким образом начали как будто оправдываться опасения, что со стороны правительства встретятся препятствия к выезду Антонии за границу [1]. Когда правительство из перехваченных писем Бакунина узнало, что жена его собирается осенью поехать к нему за границу, министерство внутренних дел разослало начальникам губерний секретное предписание, в котором приказывало, в случае поступления просьбы Бакуниной о выдаче ей заграничного паспорта, не выдавать ей такового, а представить ее просьбу на разрешение министерства.

В письме от июня 1862 г. Антония сообщила мужу, что ген.-губ. Восточной Сибири Корсаков сначала обещал выдать ей паспорт, но не в Лондон, а только в Тверь. Но когда, в отсутствие Корсакова, уехавшего на Амур, она обратилась с этой просьбой к его временному заместителю, ген. Жуковскому, последний отказался выдать ей паспорт впредь до запроса высших властей в Петербурге (это, очевидно, было результатом упомянутого выше секретного циркуляра м. в. д.). Узнав об этом, Бакунин сильно разволновался и обратился за содействием как к И. Тургеневу (письмо от 23 октября 1862 г.), так и к проживавшей тогда за границей графине Е. Салиас [2], с которою он в тот момент лично не был знаком, но на сочувствие которой правильно рассчитывал.

Получив от родных Бакунина в сентябре 900 руб. на дорогу (в том числе и деньги, данные Налбандовым и Тургеневым), Антония в октябре 1862 г. обратилась к ген. Корсакову с просьбою разрешить ей выехать в Тверскую губернию. Так как по закону он не мог ей этого воспретить, то он и приказал выдать ей установленный вид на жительство, но одновременно сообщил об этом в Третье Отделение. 13 ноября она наконец выехала из Иркутска, а через месяц прибыла в Премухино.

---

[1] Интересно, что Бакунин, предвидя такую возможность, мечтал о том, чтобы с помощью друзей (?) выкрасть жену из Иркутска, о чем определенно писал в письме к Н. С. Бакуниной от 23 июня — 5 июля 1862 года.

[2] Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир, урожденная Сухово-Кобылина (1815—1892) — в свое время довольно известная писательница, выступавшая под псевдонимом Евгении Тур. Либерального направления, она сочувствовала польской борьбе за независимость. Первое письмо к ней Бакунина датировано 28 октября 1862 г. Переписку эту мы еще используем дальше.

В январе 1863 года ей разрешено было выехать за границу под надзором жандармского офицера, при чем ей запрещалось когда-либо возвращаться в Россию. 17 февраля 1863 года Антония выехала из Петербурга в сопровождении того самого поручика Медведева, который в свое время отвозил Бакунина в Сибирь. Перед от'ездом с нее взята была подписка о невозвращении в Россию и обязательство не брать с собою никаких писем или записок и не иметь при себе никаких бумаг. Накануне от'езда в ее комнате произведен был обыск, равно как и на границе в Вержболове, при чем ничего преступного не обнаружено. 19 февраля ст. ст. она выехала, наконец, из пределов России. В марте она была уже в Лондоне, а в конце марта выехала к мужу в Швецию. Таким образом после долгих проволочек Бакунин добился-таки своей цели.

Глава третья.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕЛА И ПЛАНЫ БАКУНИНА.

1. Идейный багаж.

Но, разумеется, не эти дела поглощали главное внимание Бакунина. Денежный вопрос, интересы материального устройства и вообще личной жизни занимали у него всегда подчиненное место. На первом плане стояло у него «дело», революция, в данный момент — начинавшееся революционное движение в России, назревающее восстание в Польше и, как ему казалось, возобновление национально-освободительного движения среди славянских народностей в Австро-Вентрии и Турции. И Бакунин с головой окунулся в революционные конспирации, пытаясь найти и собрать подходящих людей, организовать их и двинуть на дело революционной борьбы, в конце которой ему мерещилась его вольная славянская федерация.

Герцен следующим образом описывает его тогдашнюю деятельность в Лондоне (ввиду скептического и преимущественно созерцательного, а не действенного характера Герцена, да еще ввиду тогдашнего умеренного его настроения, к показаниям его следует в данном случае относиться осторожно, хотя общая картина несомненно верна).

«В Лондоне он, во-первых, стал р е в о л ю ц и о н и з и р о в а т ь «Колокол» и говорил в 1862 г. против нас почти то, что говорил в 1847 г. против Белинского. Мало было пропаганды, — надобно было неминуемо приложение, надобно было устроить центры, комитеты. Мало было близких и дальних людей, — надобны были «посвященные и полупосвященные братья» [1], организация в крае, славянская организация,

---

[1] Верно ли, что Бакунин уже в 1862 году говорил о «посвященных» и «полупосвященных» «братьях», т.-е. уже мечтал о своих будущих конспиративных организациях-братствах, или же мы имеем здесь дело с ошибкою памяти, с перенесением более поздних событий в более раннее время, как это нередко случалось с Герценом? (Собр. соч., т. XIV, стр. 428 сл.) Это,

польская организация. Бакунин находил нас умеренными, не умеющими пользоваться тогдашним положением, недостаточно любящими решительные средства. Он, впрочем, не унывал и верил, что в скором времени поставит нас на путь истинный. В ожидании нашего обращения Бакунин сгруппировал около себя целый круг славян. Тут были чехи, от литератора Фрича [1] до музыканта, называвшегося Наперстком [2], сербы, которые просто величались по-батюшке: Иованович, Данилович, Петрович; были валахи, состоявшие в должности славян со своими вечными е с к о на конце; наконец, был болгар, лекарь в турецкой армии, и поляки всех епархий: бонапартовской, чарторижской, мерославской; демократы без социальных идей, но с офицерским оттенком; социалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотевшие где-нибудь подраться, в Северной или в Южной Америке, и преимущественно в Польше.

«Отдохнул с ними Бакунин за девятилетнее молчание и одиночество. Он спорил, проповедовал, распоряжался, кричал, решал, направлял, организовывал и ободрял целый день, целую ночь, целые сутки. В короткие минуты, остававшиеся у него свободными, он бросался за свой письменный стол, расчищал небольшое место от золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писем в Семипалатинск и Арад, в Белград и Царьград, в Бессарабию, Молдавию и Белую Криницу. Середь письма он бросал перо и приводил в порядок какого-нибудь отсталого далмата и, не кончив своей речи, схватывал перо и продолжал писать; это, впрочем, для него было облегчено тем, что он писал и говорил об одном и том же. Деятельность его, праздность, аппетит и все остальное, как гигантский рост и вечный пот, все было не по человеческим размерам, как он сам, а сам он исполин с львиной головой, с всклокоченной гривой» [3].

впрочем, становится довольно вероятным, если вспомнить организационный план Бакунина, выработанный им в начале 1849 года для Богемии и весьма напоминающий будущую схему построения тайного Интернационального Братства 60-х годов (см. третью часть I тома этой работы).

[1] И. В. Ф р и ч, писатель и политический деятель; его воспоминания мы цитировали в I томе. О письмах Бакунина к нему см. ниже.

[2] Фингергут (в немецкой переделке); восстановил свою фамилию по-славянски «Наперсток»; основал в Праге «Наперстковый Музей», до сих пор, к сожалению, не приведенный в порядок.

[3] Приблизительно такой же портрет Бакунина дает и Вырубов, встретившийся с ним в Неаполе в 1866 году. Заметно только, что, набрасывая его портрет, Вырубов находился под влиянием изображения, данного Герценом, и, может быть, когда писал свои «воспоминания», даже держал перед глазами

Неоднократно уже было замечено, что тюрьма и ссылка обладают способностью консервировать людей. Это наблюдение оправдалось и на Бакунине. Он приехал из Сибири с теми же самыми взглядами и идеалами, с какими вошел в 1849 году в тюрьму. Как замечает тот же Герцен, европейской реакции не существовало для Бакунина, не существовал и тяжелый период от 1848 до 1858 года. Эти годы были ему известны вкратце, издалека, отвлеченно. Он, как говорил Герцен, прочел о них в Сибири так, как читал в Кайданове о пунических войнах и о падении Римской империи. «Как человек, возвратившийся после мора, он слышал о тех, которые умерли, и вздохнул о них обо всех, но он не сидел у изголовья умирающих, не надеялся на их спасение, не шел за их гробом. Совсем напротив, события 1848 года были возле, близки сердцу, подробные и живые разговоры с Коссидьером, речи славян на Пражском с'езде, споры с Араго или Руге, — все это было для Бакунина вчера, звенело в ушах, мелькало перед глазами».

В Лондоне он поспешил выпустить две брошюры[1]: в первой «Русским, польским и всем славянским друзьям», которая в известном

статью Герцена «М. Бакунин и польское дело» (ведь Вырубов писал через 40 лет после того, как статья Герцена была опубликована). Все же описание, даваемое Вырубовым, не теряет от этого своей ценности. Вот что он пишет:

«Личность Бакунина и в физическом, и в нравственном отношении поражала своими размерами. Фигура его, огромная по всем трем измерениям, с курчавой головой, напоминала изображение бога-Саваофа в куполах церквей; ел он без разбора, что попало — невероятное количество; чай, холодный и горячий, пил он целый день, папирос выкуривал несчетное число. При таком режиме, в особенности после долгого сидения в тюрьмах, простой смертный извел бы себя в несколько лет, а он, ничего себе, прожил без особых затруднений до 62 лет. С другой стороны, его несокрушимая, железная воля, его до наивности доходившая доброта, его политические программы и боевые предприятия, его достоинства и недостатки — все это было необычайно и чрезмерно. С такими качествами он, казалось бы, был создан для плодотворной деятельности, а между тем он всю жизнь провел в роли Сизифа, постоянно приготовляя социальные и политические революции, которые не менее постоянно не удавались и всякий раз падали на его плечи. Как в детских сказках, благодетельные волшебницы, щедро одарив его самыми разнообразными достоинствами, забыли дать ему чувство действительности. Он жил в каком-то чаду, в какой-то искусственной, им самим созданной атмосфере, в которой обыкновенным людям нельзя было дышать» («Революционные воспоминания. Герцен, Бакунин, Лавров», «Вестник Европы», 1913, февраль, стр. 48—49).

[1] «Русским, польским и всем славянским друзьям» появилась в виде приложения к №№ 122—123 «Колокола» от 15 февраля 1862 г. (следовательно, была написана в первые же недели пребывания Бакунина в Лондоне); оста-

смысле является как бы продолжением его воззвания к славянам 1849 г., он изложил свои взгляды на внешнюю политику, а во второй — «Народное Дело.—Романов, Пугачев или Пестель», изложил свои взгляды на внутреннюю политику России [1].

Обращаясь к своим славянским друзьям, Бакунин просит их принять его снова в свою среду и позволить ему вместе с ними положить всю остальную жизнь свою «на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян». Возрождение Италии дает основание надеяться, что ненавистное здание габсбурго-лотарингской монархии, этот камень на груди живых народов, вскоре окончательно падет под ударами об'единенных итальянцев, мадьяр и славян, а вместе с Австрийской империей падет и ее сообщник и товарищ по преступлению — империя Турецкая. На развалинах же этих двух чудовищных государств воскреснут к новой жизни итальянцы, греки, румыны, мадьяры и все великое братски воссоединенное славянское племя. Польша ожила, теперь воскресает и Россия. В России подготовляется народная революция, которая неизбежно вспыхнет в ближайшем будущем, если народу «не дастся теперь полная свобода с полным обладанием землей». Показав, что русская бюрократия есть не что иное, как часть и ставленница дворянства, Бакунин прибавляет: «В России нет живых сословий. Ни дворянство, ни духовенство, ни купечество — все выродки петровской системы — не в силах жить своею жизнью. Есть только один живой народ. В нем сила и будущность нашей родины. Итак, да здравствует крестьянская Россия!».

Кроме народа, Бакунин возлагает свои упования на элементы, оторвавшиеся от всех сословий и готовые слить свои интересы с делом народа. Они должны сплотиться и образовать народную партию, целью которой должно быть пришествие народного царства.

«В России, — говорит Бакунин, — есть еще другая сила; несословная, ибо она основана на отрицании всех сословных различий; незримая, но тем не менее действительная; не слившаяся еще с народом, живущая вне его, но только для него и страстно желающая полного

лась незаконченной, вышла отдельным изданием и переведена на польский и другие языки; переиздавалась неоднократно. Брошюра «Народное Дело» написана в первой половине июля 1862 г. и вышла в начале сентября 1862 г.; также неоднократно переиздавалась.

[1] Впрочем, это разграничение не совсем точно, так как для Бакунина вопрос об освобождении русского народа связан был с вопросом польским и славянским вообще. «Земля и Воля» на его взгляд была общей программой вольной славянской федерации.

с ним соединения. Эта сила есть общество всех людей живой мысли и доброй воли в России, соединенных безграничною любовью к свободе, верою в русский народ, в будущность всего славянского племени. Оно состоит из бесчисленного множества лиц всех сословий — дворянства, чиновничества, духовенства, купечества, мещанства, крестьянства, — не только душою и мыслью, а часто и самой жизнью оторвавшихся от сословий и от всех признанных положений в России, ненавидящих настоящее, готовых отдать жизнь свою за будущее, живущих завтрашним днем и, так сказать, на воздухе, бездомная, странствующая церковь свободы, разбросанная и за границею, и по целой России, но живущая в тысячу раз действительнее, чем все так называемые полезные люди. Их общественное влияние сильнее, чем влияние самой власти в империи. Инстинкты народа им не чужды. Они подслушиваются к ним и живут в них, как мысль, как страсть сознательная, как воля. К ним примыкает все сильное, молодое, все, что носит в себе семя будущего, все, что тяжко страдает и жаждет спасения, все, что бодро хочет в России, начиная от дворян и до мужиков, от мыслителей до раскольников. Живое слово их оружие. У них нет штыков, но есть слова, которые стоят штыков.

«Они порождают дела и пробуждают народы».

Мы видим, какие надежды Бакунин возлагал на деклассированные элементы, на разночинную революционную интеллигенцию, которая к тому времени начинала играть в России видную роль и действительно была самой передовой и активной силой в пробуждавшейся стране. Как мы знаем, уже в своей речи, произнесенной в 1847 году на польском банкете, Бакунин отводил видное место этой социальной категории, которую он охарактеризовал тогда, как «класс промежуточный, очень многочисленный и состоящий из элементов очень различных, класс беспокойный, буйственный, который бросается со страстью в первое революционное движение». Но если в то время Бакунин, говоря это, был пророком, то в начале 60-х годов он, действительно, имел перед собою эту социальную группу в виде более или менее уже сложившейся и осознававшей свое значение силы. Она-то и должна была, по мысли Бакунина, составить кадры народной партии, призванной осуществить народную программу «Земли и Воли» [1].

---

[1] «Вспомните наши споры против Л—а (Лугинина), — говорит Бакунин в письме к Герцену и Огареву от 19 июля 1866 г., напоминая о поре 1862 года. — Как часто мы против него вместе отрицали дворянскую самостоятельность и защищали неумытых семинаристов и нигилистов, эту единственную свежую силу вне народа».

Народу, говорит Бакунин, должна быть отдана вся земля — безразлично, с выкупом или без выкупа [1]. Дальше излагается проект, несколько напоминающий социализацию земли. «Вся земля должна сделаться собственностью всего народа с решительным уничтожением личного поземельного права,.. чтобы всякий русский по одному праву рождения мог владеть ею сообща с другими; чтобы на основании этого права, всякая выселяющаяся община могла беспрепятственно брать любое пустое место в целой России в вечное общинное владение, но чтобы владение личное такими же местами было ограничено сроком; чтобы, наконец, на том же основании каждое отдельное лицо, к какому бы оно прежде ни принадлежало сословию, могло по праву или приписаться к существующей общине, или, соединившись с несколькими такими же лицами, образовать новую».

Установление такой организации, первый зародыш его дальнейшей «вольной организации снизу вверх», составляет, по мнению Бакунина, «историческое призвание славян»; его одного достаточно будет, чтобы связать все славянские племена в братское единство.

Народу нужна свобода, но не выкроенная по узкой мерке ученых доктринёров и бюрократов [2]. Ему нужна полная неограниченная свобода передвижения, совести и слова, торговли и промысла, а также свобода собраний. А для того, чтобы свобода не осталась пустым звуком,

---

[1] В устах Бакунина эта фраза производит странное впечатление, мало согласующееся со всем обликом этого революционера. Такая точка зрения была понятна у Герцена, выражавшего тогда взгляды либерального дворянства. Неужели же и в Бакунине бессознательно заговорил в данном случае выходец из помещичьей среды? Вспомним, какое важное значение придавал вопросу о выкупе Н. Чернышевский: он считал, что установление выкупа совершенно искажает крестьянскую реформу, которая при этом условии теряет всякое значение (см., например, разговор Волгина, т.-е. Чернышевского, с Соколовским, т.-е. Сераковским, в романе «Пролог», приводимый в нашей статье «Герцен и Чернышевский», «Борцы за социализм», т. I, стр. 135). Да и сам Бакунин впоследствии высказывался против выкупа: «Если земля крестьянская,—писал он Герцену четыре года спустя (19 июля 1866 г.),—так зачем же выкуп, и какой еще выкуп! Разоривший крестьян, принужденных итти по целой России брать худшую землю за хорошие деньги». Безразличное отношение Бакунина к вопросу о выкупе можно об'яснить только тем, что он не верил в его практическую осуществимость. Как он говорит в том же месте брошюры, выкуп был бы возможен в случае мирной реформы и добровольного отказа дворянства от неудержимых привилегий; но выкупа не будет в случае насильственного переворота, а именно в его неизбежность Бакунин и верил.

[2] Уже сделавшись впоследствии анархистом, он говорил приблизительно то же самое и почти в тех же выражениях (см. ниже).

народу нужно самоуправление, организованное «не по велению диктатора и не по решению верховного парламента, точно никогда не выражающего волю народную; не сверху книзу, как это делалось по сию пору в Европе, но органически, снизу вверх, через вольное соглашение самостоятельных обществ в одно целое, начиная от общины — социальной и политической единицы, краеугольного камня всего русского мира, — до областного, государственного, пожалуй, до федерального общеславянского правления» [1].

Затем необходимо подать братскую руку всем славянам, но прежде всего полякам, примирение с которыми для русской демократии столь же необходимо, как и сближение с собственным народом. Пока Россия владеет Польшей, она должна оставаться невольной союзницей Австрии и Пруссии, и ей нет дороги к славянскому миру. Бакунин высказывается против исторических претензий поляков на Литву и Украину и рекомендует им провозгласить «хлопскую Польшу», чем Польша привлечет на свою сторону симпатии других народностей, входящих в состав Российской империи. И Бакунин выдвигает п р а в о н а ц и й, великих и малых, на с а м о о п р е д е л е н и е, на слияние или отторжение от польской, русской или общеславянской федерации. Пусть же одновременно осуществятся хлопская Польша и крестьянская Россия в интересах общеславянского дела! — таков последний лозунг Бакунина.

Брошюра «Русским, польским и всем славянским друзьям» относится к февралю 1862 г., к первому моменту после прибытия Бакунина за границу; «Народное Дело» — к концу лета 1862 года. Первая выражает его мечты и планы, которые созрели у него во время пребывания в крепости и в Сибири. Она полна еще настроений и воспоминаний 1848 года, которые целиком сохранились за время заключения и ссылки в душе Бакунина, оторванного от действительной жизни втечение 12 лет. Поэтому в ней еще так силен революционно-панславистский элемент. Ведь в 1848 году в России никакого революционного да и просто

---

[1] Здесь мы уже имеем почти все зародыши его анархической и федералистической системы; но пока ей еще не придан пролетарский характер, а интернационализм Бакунина еще не выходит за пределы славянского мира. Здесь его зародышевая анархическая система имеет еще анти-феодальный характер: она предполагает борьбу крепостного крестьянства с рабовладельческим дворянством и полицейским абсолютизмом. Впоследствии его анархическая система будет им выводиться из борьбы пролетариата с буржуазией в капиталистическом обществе. Но чтобы понять ее социологическую сущность, как обобщение стихийного протеста натурально-хозяйственного крестьянства в эпоху слабого развития капитализма, необходимо проследить ее корни и уловить ее у самых ее источников.

серьезного оппозиционного движения не было, а потому идейные интересы Бакунина были тогда сконцентрированы на обще-славянском, вернее, европейски-славянском движении. Россия же рисовалась ему в тумане, из какого-то неясного далека. Она вся была для него в будущем, в возможном, тогда как славянское движение в Европе представляло реальность, осязательную и Бакунина увлекавшую. В этом смысле первая его заграничная брошюра как бы непосредственно примыкает к его «Воззванию к славянам» 1849 года, как будто их разделяет промежуток не в 13 лет, а в несколько месяцев. Новым было только пробуждение Польши, занимающей отныне такое видное место в славянской концепции Бакунина. Но эта связь была чисто теоретической, существовавшей только в голове Бакунина. Поляки относились с ненавистью ко всяким панславистским мечтаниям, каким бы революционным флером они ни окутывались, справедливо усматривая в них орудие ненавистного царского правительства. И Бакунину, когда он практически связался с движением поляков, пришлось выбирать между ними и славянскими фантазиями, от которых он и поспешил отказаться под давлением уроков революционной практики.

Вольная славянская федерация оказалась чисто теоретическим построением, не имевшим никаких корней ни в европейской, ни в русской действительности. От последней Бакунин в первый момент стоял далеко. Но в Лондоне Бакунин стал ближе к русской жизни, он вошел в круг Герцена, имевшего тогда много связей с Россией, увидал приезжавших из России русских людей, представлявших новое движение возрождающейся страны. Действительность начала постепенно ломать его отвлеченные теоретические построения и вносить в них радикальные поправки. Никаких признаков движения в сторону создания вольной славянской федерации реальная жизнь не проявляла. Зато шло сильное брожение в Польше, предвестник близкого восстания, и не менее глубокое брожение в самой России, рвавшейся из пут феодально-полицейского режима. И вот Бакунин начинает усваивать уроки жизни. Его славянские мечтания начинают бледнеть и отступать на задний план. Он еще не сразу от них отказывается, но они уже не занимают прежнего места в его политических конструкциях. Во второй брошюре, отделенной несколькими месяцами от первой, славянские фантазии уже мало заметны. Главную роль играет чисто русский вопрос, вопрос о коренной ломке старых устоев царской империи и о назревающей в стране революции. По сравнению с чисто-теоретическим, надуманным содержанием первой брошюры, вторая имеет конкретный, реальный, практический и злободневный характер.

Конечно, Бакунин сдался не сразу. В первые месяцы он отдавал славянским делам больше внимания, чем специально русским. Элемент революционно-панславистский как бы оттеснял на задний план все другое. Именно это обстоятельство заставляло многих, особенно немецких демократов, видеть в Бакунине панслависта tout court и смешивать его тогдашнюю позицию с позицией казенного, петербургского, реакционного панславизма [1]. Но это, разумеется, было не так (хотя, как мы подробно говорили в первом томе, об'ективно всякая панславистская пропаганда лила воду на мельницу царизма). В этом отношении характерна заметка Бакунина: «Несколько слов южным славянам», напечатанная в № 129 «Колокола» от 15 апреля 1862 года.

Написана эта заметка по поводу слуха об отправке русским правительством нескольких десятков своих агентов к южным славянам. Бакунин предостерегает славян, как южных, так и западных, от интриг русского самодержавия. «Мы, — говорит он, — русские, ищущие воли, приверженцы народа русского, а потому самому враги русского или, вернее, немецкого правительства в России, мы, действительно желающие свободы и независимости всех славянских племен и верующие в их будущую свободную федерацию, считаем себя обязанными сказать во услышание всех славян, что они сделают огромную ошибку, погубят себя, если вверятся вновь попечениям петербургского правительства. Немецкий Петербург так же гибелен для славян, как Берлин и Вена. Петербург связан неразрывно с немцами разделением и притеснением Польши. Итак, пока мы, русские, подчиняемся этому правительству, пока не подадим руку примирения и братской любви восставшему народу польскому, пока не пойдем дружно с поляками на освобождение славян, до тех пор ничего доброго не ждите от России. Сама раба и жертва немецкого обмана, она вам теперь кроме обмана и раб-

---

[1] 12 июля 1862 года А. Руге писал Фрейлиграту: «Натурально, Бакунин — вполне русский и даже не просто русский, а славянин. Но он не таков, как Головин... Напротив, он ожидал и желал падения Севастополя, чтобы вместе с тем потерпела крах николаевская система (это характерно для революционного «пораженчества» Бакунина. — *Ю. С.*). Он естественно живет назревающей русской революцией, но не ослеплен насчет ее варварского характера и «ее вероятного столкновения с Германией из-за притесняемых нами славян». Но это кажется ему (?), как и мне, еще далеким... Панславистская демократия представляется мне слишком далекой и совсем не страшной фантазией... И мы с Бакуниным можем еще выпить много стаканов вина, прежде чем выступят друг против друга «два враждебных лагеря» — «великонемецкий» и «панславистский» (A. Ruge's Briefwechsel, т. II, стр. 222—223).

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА 3 КРАСНОЙ ПРЕСНЕ

ства ничего дать не может. Придет время и, кажется, скоро, вы услышите о вольном русском народе, — тогда верьте в его несомненную дружбу и в его крепкую помощь, а до тех пор уповайте более всего на себя, на непреклонность несломленного духа вашего и на свою отважную решимость. Ищите силы в твердом и верном союзе всех соседних славянских племен, страдающих ныне равно с вами под гнетом турецким и австрийским». А в качестве союзников он указывает славянам на румын, армян и даже греков.

Мы не станем вдаваться в запоздалую критику славянских мечтаний Бакунина, достаточно убедительно раскритикованных историей. Слишком ясен весь кабинетный, абстрактный характер его фантазий, абсолютно не считавшихся с реальными отношениями и не учитывавших их исторического изменения. Для нас в данном случае важно лишь отметить, что именно годы 1862—1864 были тем переломным моментом в развитии Бакунина, когда он постепенно начал высвобождаться из-под груза славянских мечтаний, принесенных им в новую обстановку из эпохи 40-х годов [1].

А, пока что, Бакунин еще делал последние попытки к славянскому сговору. С возвращавшимся в Россию Ничипоренко, который после свидания с Гарибальди, должен был направиться в Прагу, он послал письмо Фричу, с братом которого встречался в Лондоне. Вместе с этим письмом, Бакунин послал ему статью, написанную для лондонского Фрича; статья не предназначалась для печати, но Бакунин разрешал показать ее немногим верным друзьям [2].

---

[1]) К концу 60-х годов, когда Бакунин начал уже становиться на почву революционного социализма, и когда панславистские тенденции начали неожиданно для него принимать слишком уже скверный характер, идя на буксире у царского самодержавия, Бакунин начал задумываться над полным отказом от славянских бредней. В письме к Огареву от 14 июня 1868 г. он между прочим писал: «Зачем это Герцен связывается с славянским вопросом? Он так гадко поставлен теперь, что нам непременно нужно с ним развязаться (курсив мой) или, по крайней мере, поставить его по-своему. И об этом будет в моей брошюре сказано (тогда Бакунин подготовлял брошюру «Революционный вопрос в России и в Польше», см. ниже. — *Ю. С.*). Знаю наперед, что меня будут ругать все: и русские, и поляки, и славяне, да мне до этого решительно никакого нет дела: я останусь в единстве с собою, а для меня это главное. Останусь человеком невозможным до тех пор, пока ныне возможные останутся такими».

[2] Эта статья была напечатана в «Былом», 1906, август, под заглавием «Письмо М. А. Бакунина неизвестному». Она была захвачена австрийской полицией вместе с письмом к брату Фрича и в копии переслана русскому правительству. Письмо перепечатано у Лемке в «Очерках общественного дви-

Содержание этой статьи, написанной в виде письма и датированной 12 мая 1862 г., чисто националистическое. В ней довольно полно изложена та система взглядов, которую разделял тогда Бакунин и которая получила название «революционного панславизма».

Программой и целью Бакунин об'являет «восстановление славянских владений в полной независимости и свободе». Все славянские народы должны составить союз. Этот союз, поясняет Бакунин, и называется панславизмом (?). Прежде это слово пугало немцев, теперь оно страшит славян, полагающих, что панславизм означает подчинение всех славянских племен русскому царству. Если б это было так, то он, Бакунин, первый об'явил бы себя врагом панславизма ввиду угнетательского и гнусного характера российского самодержавия. Пока в России существует царский режим, славянам ждать от нее нечего; напротив, они должны смотреть на царизм как на своего злейшего врага. Но Россия накануне радикальной революции, а освобожденный русский народ, предоставив свободу входящим в состав империи угнетенным национальностям и организовавшись на основе вольной федерации, подаст руку помощи всем славянским народам в борьбе их за освобождение от иноземного владычества. И только тогда возродится настоящая славянская свобода и превратится в действительность.

«Это я называю панславизмом; в этом смысле и были панславистами Шафарик, Ганка и Штур... Панславизм в отрицательном смысле есть немценененависть... Говоря положительно, панславизм это — вера и уверенность в великой будущности славян... Панславизм есть вера, что соединение всех славянских племен, состоящих из 85 миллионов, внесет новую цивилизацию, новую живую истинную свободу в мир» [1].

Далее он развивает план славянской федерации, построенной приблизительно на тех же началах, как и в «Основах новой славянской политики» 1848 года (см. том I). К общим условиям, без которых не может существовать истинной свободы и единства, он относит полное уничтожение всяческой централизации, бюрократии, сословных различий и пролетариата, как главного источника всякого рабства [2].

жения». У нас имеется и немецкий текст обоих документов, в копии присланный нам из Праги.

[1] Там же Бакунин говорит: «Кто друг австрийцам, тот наш враг; и враги Австрии — наши друзья... Италия — наш единственный друг в Европе; мы должны подать ей руку».

[2] В «Былом», где дан казенный перевод, сделанный в тогдашнем министерстве иностранных дел, это место передано так: «к этому условию должно принадлежать уничтожение местной (?) централизации, бюрократии, сословное различие и пролетариат, как главный источник неволи»! Это показывает,

И Бакунин заканчивает свое письмо-статью так: «Час славянского освобождения близок. Все славяне должны приготовиться... Мы должны столковаться, организоваться [1]. Мы должны охватить всех братьев-славян сетью тайных обществ. И эти тайные общества должны вобрать в себя все живое, интеллигентное и энергичное, все, что решительно чувствует, мыслит и желает по-славянски. Далее, мы должны об'единить все эти тайные общества в одном движении и действии и согласовать его с движением в Италии, Польше и России. Если ты думаешь, что я могу принести пользу в этом истинно святом деле, то я готов сделать все, чтобы послужить делу, которому я посвятил всю свою жизнь».

В письме к брату Фрича, носящем ту же дату 12 мая 1862 года, Бакунин приступает уже к практическим шагам. Повторив свои аргументы в пользу необходимости столковаться и подготовиться к надвигающимся событиям, Бакунин продолжает: «Если вы разделяете это убеждение, то приезжайте и привозите с собою несколько верных друзей в Лондон, воспользовавшись выставкой [2], ибо сам я, как вы прекрасно понимаете, не могу теперь явиться в Прату. Было бы также хорошо, если бы вам удалось каким-либо образом уговорить на эту поездку несколько хорватов и сербов. Но если вы сами предпримете [3] эту поездку, то, с божьей помощью, приступайте к организации. Гонитесь не за многими, а за наиболее дельными людьми, обладающими энергией и умом, свободными от тщеславия, сдержанными и пользующимися влиянием на народ и на молодежь... Прежде всего утвердитесь в Богемии, а затем вам нужно будет распространить свою работу на Моравию, Венгрию и даже турецко-славянские страны». В заключение Бакунин просит прислать ему адреса и условный словарь для переписки.

Мы не знаем, что вышло из всего этого предприятия, приезжал ли к Бакунину в Лондон Фрич, привозил ли с собою каких-либо славянских делегатов, положил ли он основание проектируемой организации, даже вступил ли он вообще в переписку с Бакуниным по поводу этого плана. Надо полагать, что дальше эта затея не сдвинулась с места, судя по тому, что никаких следов какой-либо работы в намеченном направле-

---

с какою осторожностью нужно пользоваться казенными переводами старых архивов.

[1] В «Былом»: «Мы должны понять друг друга, устроиться» и т. д.

[2] В 1862 году в Лондоне имела место всемирная выставка, на которую приезжали между прочим и многие русские, чтобы повидаться с Герценом и другими.

[3] По смыслу здесь как будто должно было бы быть: «не предпримеге».

нии мы в письмах Бакунина не находим. Да для осуществления такого плана в условиях тогдашней действительности и не было никаких предпосылок. Повидимому, все это осталось в области фантазий, а вскоре интересы Бакунина получили иное направленне [1].

Как мы уже указывали, во второй брошюре Бакунина («Народное Дело») общеславянский вопрос занимает совершенно незаметное место, и о нем почти вовсе не говорится. Надо полагать, что Бакунин при соприкосновении с действительностью очень быстро убедился в беспочвенности своих славянских мечтаний. По крайней мере, с этого времени они начинают играть в его деятельности незначительную роль.

Между первой и второй брошюрой протек промежуток в несколько месяцев. За это время Бакунин начал уделять больше внимания чисто русским вопросам. В этой же области несколько видоизменились если не его взгляды, то его тактические приемы. Не то, чтобы он отказался от убеждения в неминуемости и желательности насильственного переворота в России, который привел бы к победе «народную партию» и доставил бы осуществление народной программе. Но за этот промежуток произошло несколько событий, не оставшихся без влияния на настроение Бакунина. Во-первых, в самой России началось, на-ряду с революционным движением, либеральное движение среди дворянского меньшинства (к которому, кстати сказать, примкнули и братья Бакунина). Начались разговоры о созыве Земской Думы или Земского Собора, представительного учреждения от разных сословий с чуть ли не учредительными функциями. Тверское дворянство подало даже в феврале 1862 года адрес в таком духе царю. Герцен и Огарев есте-

---

[1] Ничего не вышло также и из задуманной в то время Бакуниным мысли об издании в Париже славянской газеты под редакцией польско-французского журналиста К.-Э. Хоецкого, известного под именем Шарль-Эдмонд. Об этом проекте можно судить по письму Бакунина к Хоецкому от 4 октября 1862 года. Бакунин хотел придать этому изданию характер общеславянский, а не польский под славянской вывеской, как, повидимому, думали некоторые поляки. «Польских газет у вас имеется достаточно,— писал он Хоецкому,— и если существующие вас не удовлетворяют, можете основать новую. Но бедные южные славяне, славяне венгерские, чехи не имеют своего органа, а он им безусловно необходим. Поляки должны выступать в нашей газете, подобно всем прочим, лишь в скромной роли одного из славянских народов, а не в качестве избранного народа-мессии». Возможно, что эти разногласия и помешали осуществлению плана. Бакунин говорит в этом письме от имени какой-то группы («мы»), но идет ли здесь речь о кружке «Колокола» или о славянских приятелях Бакунина из числа болгар, сербов и чехов, неясно. Последнее предположение представляется нам более верным.

ственно ухватились за эту мысль о Земском Соборе, венчавшем, так сказать, их реформаторскую пропаганду долгих лет. Преобразования, вынужденные разгромом России во время Крымской войны, питали либеральные иллюзии дворянского и буржуазного меньшинства, внушая им надежду на способность царского правительства итти далеко по пути реформ вплоть до преобразования политического устройства страны. В кругах Герцена эти иллюзии были довольно сильны. И в конце концов им начал поддаваться и Бакунин.

Ниже мы увидим, какое деятельное участие он принял в агитации за созыв Земского Собора. Во всяком случае, в то время как в первой его брошюре об этом ничего не говорится, и ничего подобного не приходит даже автору на мысль, — во второй брошюре («Народное Дело») этому вопросу посвящено много места. Можно даже сказать, что Земский Собор является центральной мыслью Бакунина, как бы потерявшего на время прежнюю веру в неизбежность и предпочтительность революционного пути. «Народная пропрамма» осложняется новым элементом, по существу чуждым ей и составляющим неразрывную часть умеренно-либерального credo (символа веры) [1].

В связи с этим дополнением программы новая брошюра Бакунина неожиданно получает даже какой-то двусмысленный монархический привкус. Не нужно, впрочем, забывать, что к такому повороту Бакунин был в значительной мере подготовлен своими прежними идейными блужданиями. Можно не верить его «монархическим» признаниям в «Исповеди», писанной в Петропавловской крепости, но ведь мы знаем из первого тома настоящей работы об увлечении Бакунина Муравьевым-Амурским и о тех планах генеральской диктатуры, которые Бакунин

---

[1] Здесь Бакунин некстати забыл мудрые советы, которые он давал революционной молодежи в своей первой брошюре, где он рекомендовал ей, во-первых, не быть доктринерами, не сочинять конституций и не предписывать наперед законы народу, а, во-вторых, остаться «посторонними зрителями всего, что делается и пробуется ныне в официальном и в собственно дворянском мире, всех этих конституционных и полуконституционных попыток, которые, разумеется, кончатся ничем, прибавят только беспорядка к существующему беспорядку и, может быть, ускорят неминуемый разгром империи народною силою». Возможно, что когда Бакунин хлопотал о Земском Соборе, он в глубине души отчасти руководствовался и соображением, выраженным в последних словах цитируемой нами выдержки, т.-е. полагал, что и агитация за Земский Собор, и самый его созыв только ускорят разгром самодержавного правительства. Такое об'яснение он сам дает (правда, через 4 года) в своем известном письме к Герцену и Огареву от 19 июля 1866 г., где говорит, что своею брошюрой он толкал самодержавие на политическое самоубийство (см. ниже).

сочинял в Сибири совместно с кнуто-демократическим графом. Элементы политической беспринципности и диктатуры заложены были глубоко в душе Бакунина, и неудивительно, что когда обстоятельства сложились благоприятным образом для их нового расцвета, они сразу воскресли в его душе и, в силу присущей ему склонности к крайним увлечениям, вдруг вспыхнули ярким пламенем и дали в результате то извращение, которое мы находим в брошюре «Народное Дело».

Как это ни странно, на-ряду с влиянием Герцена, в данном случае на легко увлекающегося Бакунина оказал влияние такой мало развитой человек, как крестьянин-эмигрант и убежденный монархист Мартьянов, тоже вращавшийся в герценовском кругу. Этот Мартьянов[1], бывший крепостной гр. А. Д. Гурьева, изобретателя известной «гурьевской каши», занялся торговлей и был разорен своим барином; не добившись правды в России, он в 1861 году выехал за границу, где познакомился с Герценом и Огаревым. Там же он познакомился и с Бакуниным, которому, вероятно, импонировал, как выходец из самой гущи народной и как носитель «истинно-народных» начал. Мартьянов в политическом отношении был человеком крайне отсталым и, несмотря на познания, приобретенные в Лондоне, продолжал разделять предрассудки темной крестьянской массы, в частности ее веру в царя-батюшку. Правда, он несколько европеизировал это детское представление, превратив «белого царя» азиатской идеологии в «земского царя», который становится во главе народного движения и берет на себя осуществление требований народа против привилегированных сословий. Эти идеи он и развивал в разговорах с Герценом, Огаревым и Бакуниным. Впрочем, чего же требовать от него, если такие умудренные политическим опытом люди, как Герцен и Бакунин, в сущности опускались до — правда, более тонкого и грамотного — изложения подобных же взглядов!?

3/15 апреля 1862 года Мартьянов написал Александру II письмо, в котором требовал созыва Земского Собора и повторял то, что много раз писалось в «Колоколе» о русской администрации, недостатках Положения об освобождении крестьян и т. д. Недовольный польским уклоном «Колокола», Мартьянов, находя, что за границей ему больше делать нечего, весною 1863 года вернулся добровольно в Россию, где был арестован и приговорен за свое «дерзкое» письмо к царю к 5 годам каторжных работ. В июне 1866 года Мартьянов, жестоко наказанный за свою веру в «земского царя», умер на каторге.

---

[1] Подробности см. в статье М. Лемке «Дело П. А. Мартьянова», «Былое», 1906, август, стр. 82—105, и в его же «Очерках общественного движения».

И подумать, что такой, хотя и честный, но совершенно отсталый человек мог иметь влияние на Бакунина! А между тем это факт, удостоверяемый свидетелем и очевидцем, а именно Огаревым. В письме к Бакунину от 12 октября 1863 года Огарев, указав на отсутствие у Бакунина определенного плана и на его податливость чужому влиянию, продолжает: «Так, под влиянием бед(ного) Мартьян(ова) ты напечатал свою брошюру, в которой (несмотря на то, что мы уговорили тебя вычеркнуть) осталось столько неуясненного царизма, что юношеству она не понравилась (как я узнал недавно)». Это указание Огарева важно еще в другом отношении. Оно показывает, что в своем приспособлении к идеям постепеновства Бакунин, по свойственной ему манере хватать через край, зашел даже дальше самого Герцена. Ведь последний сам не раз высказывался весьма двусмысленно насчет способности царизма к преобразовательным начинаниям, ведь и в его письмах имеется немало элементов «неуясненного царизма», однако, когда за дело принялся неуемный Бакунин, то букет получился такой густой, что и Герцен стал чихать и вычеркивать из бакунинской брошюры слишком крепкие места. Это значит, что в оригинальном виде брошюра была еще хуже, чем в своей окончательной, нам известной, форме. Недаром Мартьянов настаивал перед Герценом на ее напечатании в «Колоколе», от чего Герцен уклонился.

В брошюре «Романов, Пугачев или Пестель» Бакунин, повторяя свою прежнюю программу: предоставление народу всей земли с выкупом за счет государства, политические и гражданские свободы, уничтожение сословий, автономия провинций, полное самоуправление общинное, волостное, областное и государственное, и дополнив ее на сей раз требованием созыва всенародного Земского Собора, — ставит вопрос о том, к т о м о ж е т в з я т ь н а с е б я е е р е а л и з а ц и ю. С горестью признает он слабое влияние революционных партий на русский народ и прибавляет, что, как прекрасно понимает большинство русской передовой молодежи, «западные абстракции, консервативные ли, либерально ли буржуазные, или даже демократические, к нашему русскому движению неприменимы; что оно, без сомнения, и демократическое, и в высшей степени социальное, но что оно развивается вместе с тем при условиях, совершенно различных от тех, при которых совершались подобные же движения на Западе».

Главное отличие заключается в разрыве между интеллигенцией и народом. Первая должна не учить народ, а учиться у него и служить его делу. Ставя себе единой целью торжество народного дела, народная партия не имеет предрассудков ни за царя, ни против царя. «Молодежь

радостно пошла бы за ним, лишь бы только он сам шел во главе народа; не остановили бы ее никакие западные революционные предрассудки, ибо где жизнь, где правда, где разрешение судеб народа, там и она». Русский же народ, несмотря на все исторические испытания, «не потерял веры в царя. Беды свои он приписывает кому и чему вам угодно — и помещикам, и чиновникам, и попам, только отнюдь не царю». Таков факт: «рады ли мы ему или нет, он обусловливает непременно и наше положение, и нашу деятельность». Поэтому только правительство могло бы совершить в России величайшую и благодетельнейшую революцию, не пролив ни капли крови. И только антинародная политика правящих элементов способна разочаровать народ и потрясти его традиционные верования. «В 1863 г. быть в России страшной беде, если царь не решится созвать всенародную Земскую Думу» [1].

Если бы удалось мирно разрешить внутренние вопросы, можно было бы подумать и о рациональной внешней политике. «Если б царь понял, что он отныне должен быть не главою насильственной централизации, а главою свободной федерации вольных народов, то, опираясь на плотную возрожденную силу, в союзе с Польшей и с Украиной, разорвав все ненавистные союзы немецкие, подняв смело всеславянское знамя, он стал бы избавителем всеславянского мира» [2].

Впрочем, Бакунин спешит оговориться, что все это, «разумеется, мечта». Выставляя широкую программу славянского дела, необходимое последнее слово народно-русского дела (куда, кроме вышеуказанных пунктов, он включает обязательство помогать всем российским народностям против всякого насилия и против всех внешних врагов, особливо же против немцев, а также обещание не влагать меча в ножны,

---

[1] По поводу этого пророчества И. С. Тургенев писал Герцену 18 октября 1862 г.: «Если он (Бакунин) хочет, я предлагаю ему какое угодно пари: я утверждаю, что царь ничего не созовет, и 1863 г. пройдет преувеличенно тихо. Es gilt? (т.-е. идет?)». Письма Тургенева и Кавелина к Герцену, стр. 162.

[2] Здесь хитроумный Бакунин хочет подействовать блестящею перспективою на Александра II, подобно тому как в свое время он хотел подействовать на его «незабвенного» папашу, когда в своей «Исповеди» рисовал ему заманчивую картину устремления всех славян под сень русского орла и единодушного выступления их против немцев, если бы русский царь согласился возглавить их движение. Осторожный Николай по этому поводу благоразумно заметил на полях: «Не сомневаюсь (поверил-таки! — *Ю. С.*), т.-е. (если) я бы стал в голову революции славянским Мазаниелло; спасибо!» Надо полагать, что и Александр II, если только он читал брошюру Бакунина, расписывавшего, какую силу приобрел бы царизм в случае возглавления им революции, также сказал: «спасибо!».

пока хоть один славянин останется в немецком, турецком или другом каком рабстве, стремление к тесному союзу с Италией, «с которой у нас чувства, интересы и враги общие», с мадьярами, с румынами и даже с греками, когда последние оставят в покое болгар и забудут свои суетные византийские мечты, и, наконец, создание великой и вольной всеславянской федерации), Бакунин, отмечая, что революции становятся иногда необходимыми вследствие людской глупости, но что они все-таки остаются великим злом ввиду связанных с ними крупных жертв, а также с точки зрения чистоты и полноты достижения своей цели, спрашивает, за кем же пойдет народная партия: за Романовым, за Пугачевым (т.-е. революционером из народа), или за Пестелем (т.-е. революционером из привилегированного сословия), и отвечает: «Скажем правду: мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского».

Если эта перспектива не оправдается, Россия будет ввергнута в величайшие бедствия. Но каков бы ни был исход, предугадать его нельзя, и необходимо употребить остающееся время на сближение с народом и на смягчение, благодаря этому сближению, предстоящих катастроф. «А там, когда с ним сойдемся, помчимся вместе с ним, куда вынесет буря».

Впоследствии Бакунин признавал эту брошюру тактической ошибкой. Влияя на Герцена и побуждая его к более решительным выступлениям, он, как это часто случается, в то же время сам поддался обратному влиянию своего друга. А ведь известно, что в рассматриваемое время Герцен чрезвычайно скептически относился к наличности в России серьезных демократических элементов, не верил в возможность самостоятельного выступления русского народа и возлагал все надежды на образованный слой, на либеральное или либеральничающее дворянство и чиновничество. Упрекая впоследствии (в письме от 19 июля 1866 г.) Герцена в мечтаниях об императоре, который, отрекшись от петровщины, «совместит в себе, может быть, царя и Стеньку Разина», Бакунин прибавляет: «Ты скажешь, пожалуй, что я сам говорил то же самое в брошюре «Народное Дело». Ну, не совсем то же самое. Не желая выступать революционно, в противность вам [1], — а вы помните, сколько у меня с вами было горячих споров, — я обратился тогда к царю с другой целью, с другой потаенной мыслью; я и тогда, как и теперь, был вполне убежден в несовместимости его

---

[1] Курсив автора («Переписка», стр. 174).

с нашей программой «Земли и Воли» и, за отсутствием возможности (?) выставить эту несообразность положительным образом, стремился высказать ее отрицательно» [1]. Бакунин напоминает, что то было время компромиссов и нелепых надежд, когда все они верили в возможность Земского Собора и делали уступки (про себя он говорит, что он делал их не по содержанию, а только по форме), чтобы не мешать в сущности невозможному созыву этого Собора. Никогда ему и в голову не приходило, чтобы правительство, связанное определенными традициями и положением, могло принять его программу. Теперь же он раскаивался в допущенном компромиссе и признавал, что «никогда не следовало отступать ни содержанием, ни формой от определенной и ясной социальной и революционной программы» [2].

Но, увы, написанное пером не вырубишь топором. И скоро мы увидим Бакунина не только в качестве теоретика, но и активного агитатора за либеральный лозунг Земского Собора.

2. В поисках людей и «дела».

Герцен не напрасно опасался приезда Бакунина. Последний остался недоволен, с одной стороны, умеренным характером герценовской пропаганды и программы «Колокола», а с другой — еще и тем, что его друзья ограничивались одной пропагандой, не приступая ни к каким организационным попыткам. Вскоре оказалось, что Бакунин в «Колоколе» сотрудничать не может. Он поместил в этой газете только половину своей статьи-брошюры «Русским и т. д. друзьям», а затем Герцен предложил ему печатать свои произведения не в самом «Колоколе», а отдельными брошюрами или в «Голосах из России», выходивших при «Колоколе». Тем не менее влияние Бакунина все-таки сказалось, несмотря на сопротивление Герцена; проводником этого влияния

---

[1] «Предлагая Александру Николаевичу сделаться народным, земским царем посредством уничтожения всех сословий, военной, церковной и гражданской бюрократии и всякой государственной централизации, посредством присвоения земли и безграничной воли народу и отпущения на волю всех областей, не желающих связи с великорусскими областями, я с о з н а т е л ь н о призывал царя к разрушению собственными руками империи, к политическому самоубийству, и никогда мне в голову не приходило, чтоб он мог согласиться на такой безумный с его точки зрения поступок».

[2] В брошюре «Наука и насущное революционное дело», написанной летом 1869 г. и вышедшей весною 1870 г., Бакунин, упомянув о брошюре «Народное Дело», спешит прибавить: «Теперь я не написал бы ее. Многое с тех пор об'яснилось, и многому я успел с тех пор научиться».

оказался Огарев, который по некоторым вопросам склонялся к более активным выступлениям; Огареву же Герцен охотнее уступал. Под влиянием Бакунина в изданиях «Вольной Русской Типографии», между прочим живее забилась польская струнка. С другой стороны, с приездом Бакунина русское правительство усилило слежку за домом Герцена и за его знакомыми [1].

Едучи за границу, Бакунин был довольно радужно настроен. Ему представлялось, что он сразу найдет там множество революционных

---

[1] В отчетах III Отделения за 1862 год, извлечения из которых напечатаны Б. Пушкиным в третьем томе «Красного Архива» 1923 г., стр. 200—206, сообщается следующее: «Прибытие в начале минувшего года в Лондон бежавшего из Сибири Михаила Бакунина оживило деятельность русской пропаганды. Он немедленно вступил в сообщество с Герценом, Огаревым и Кельсиевым и заявил в «Колоколе» необузданную свою революционную решимость. Следовало ожидать усиленных замыслов для низвержения в России законного порядка, тем более, что наступавший срок открытия в Лондоне всемирной выставки представляли эмиграции удобный случай сближаться с отправлявшимися туда многими русскими. Посему осторожность требовала учредить в Лондоне самое близкое секретное наблюдение как за политическими выходцами, так и за их посетителями. Предпринятые по сему предмету меры имели полный успех. Одному отправленному отсюда с этою целью лицу удалось приобресть доверие Герцена и Бакунина, которые, через несколько времени, видя в нем полезного соучастника в деле революции, об'яснили ему задуманную ими программу. Сия программа в общих ее чертах состоит в том, чтобы на всем пространстве России учредить отдельные кружки, каждый из пяти лиц, не более, привлекая в члены кружков, кроме образованного класса, и мещан, и дворовых людей, как посредников между тем классом и низшим слоем народа; на составленные же таким образом кружки возложить, как ближайшую задачу, утверждение крестьян в мысли, что земля принадлежит и должна принадлежать им; вместе с тем поколебать всеми средствами доверие народа к правительству, склонить войско на сторону переворота и, наконец, подготовить общее требование о созыве земской думы.

«По словам самого Герцена, программа эта в отношении к народу не получила еще достаточного развития; без народа же, говорил он, ничего сделать нельзя, и потому невозможно начинать открытых действий до наступления окончательного срока для представления уставных грамот. Тогда, по его мнению, непременно будут восстания крестьян, и вместе с тем наступит для них, революционеров, пора действовать, сосредоточивая восстания, дабы нельзя было оные подавить. Между тем он, Герцен, старается об увеличении числа своих корреспондентов в России и поддерживает волнение умов посредством своего журнала и других сочинений».

Шпион перестарался. Можно еще допустить, что такие планы развивал перед ним Бакунин, но чтобы Герцен говорил о возбуждении восстаний крестьян и о руководстве ими, совершенно невероятно.

сил как среди стариков 1848 года, так и среди новой молодежи, успевшей вырасти за истекшие 12 лет реакции, которая начала сменяться повсюду новым политическим оживлением. Это настроение выражено в первых строках его брошюры: «Русским, польским и всем славянским друзьям», где он говорил:

«После восьмилетнего заключеня в разных крепостях и четырехлетней ссылки в Сибирь мне удалось освободиться. Я стал старше годами, потерял много здоровья, утратил ту бодрую эластичность членов, которая вооружает счастливую юность силой непобедимой. Но сохранил зато отвагу всепобеждающей мысли, и сердцем, волею, страстью остался верен друзьям, великому общему делу, себе. В другое время в кратких записках я расскажу свою прошедшую жизнь, участие, которое я принимал в делах 1848 и 1849 года, мое пленение, заключение, заточение и, наконец, освобождение. Теперь являюсь к вам, старые испытанные друзья, и вы, друзья молодые, живущие одной мыслью, одной волей с нами, и прошу вас: примите меня снова в вашу среду, и да будет мне позволено между вами и вместе с вами положить всю остальную жизнь мою на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян».

К несчастью для Бакунина, в Лондоне он не нашел элементов, годных для действительной революционной организации и серьезного революционного дела. Те чехи и другие славяне, с которыми он возился, были по существу буржуазными националистами, которые могли прислушиваться к разговорам Бакунина, поскольку те шли навстречу их национальным стремлениям, но даже для осуществления этих узких стремлений они вряд ли принимали решительные методы, рекомендуемые Бакуниным, не говоря уже о других пунктах его программы, окрашенных духом крайнего демократизма, уничтожения высших сословий, «хлопской Польши» и т. п.[1]. Та русская публика, которая тогда приезжала в Лондон к Герцену, была по существу умеренно-либеральной и ни в малейшей степени не могла проникнуться бакунинским духом,

---

[1] В. Кельсиев в «Исповеди» рассказывает про Бакунина: «Как-то (?) он об'явил, что исключительно займется славянскими делами и давай откапывать откуда-то разных сербов, чехов, болгар, уполномачивать их вести пропаганду в их краях. Видал я у него пропасть таких агентов. — «Да что вы, Михаил Александрович, ведь вы себя осрамите с этим парнем. Куда ему в агенты, он трех слов путем не свяжет, как пробка глуп, кто его там в чехах послушает?!» — «Толкуйте, толкуйте! много вы понимаете! Значит, у вас нет способности людей разбирать, если вы так судите. Я, батюшка, опытный революционер, меня учить нечего».

которого, впрочем, не переносил и сам Герцен. Настоящей революционной эмиграции (если не считать больного Энгельсона) в то время еще не существовало: она появилась гораздо позже, лет через пять-шесть.

Судя по спискам посещавших Герцена лиц, доставлявшимся шпионами в Третье Отделение [1], да и по тому, что мы и без того знаем о круге герценовских знакомств, все это, за ничтожными из'ятиями, была умеренно-либеральная, а подчас и вовсе нелиберальная публика. Такой человек, как Н. А. Серно-Соловьевич, во всех отношениях представлял среди знакомых Герцена редкое исключение. Но и он, при всей своей личной честности и преданности делу свободы был по существу просвещенным буржуазным демократом, несвободным вдобавок от наивной веры в Александра II [2], что, впрочем, свойственно было и самому Герцену. Главное же было то, что эта публика в большинстве лишена была политической активности и духа инициативы. Не имея определенной программы, она естественно не проявляла склонности к созданию какой-либо организации. А поскольку отдельные лица среди этой публики сознавали необходимость какой-то борьбы с самодержавием, они ждали указки из Лондона, т.-е. от Герцена, который меньше всего годился для такой роли. Он был вообще против революционных организаций; особенно же недопустимым считал он создавать такие организации из-за границы. Это, разумеется, об'яснялось тем, что он вовсе не был революционером — не только практически, но и теоретически.

В. Кельсиев по этому поводу правильно замечает: «В сущности, сколько я мог заметить, мало кто из них (гостей Герцена) понимал ясно, чего добивается «Колокол». Гости наши в простоте души считали нас революционерами, тогда как мы были р е ф о р м а т о р а м и; они

---

[1] Списки приведены М. Лемке в комментариях к сочинениям Герцена (т. XV, стр. 379—388). Шпионом, пробравшимся в дом Герцена и сообщавшим III Отделению о его гостях, был, повидимому, Г. Г. Перетц, с середины 60-х годов официально служивший в III Отделении. Он же, видимо, выдал и Ветошникова, при аресте которого найдены были письма Герцена, Бакунина, Кельсиева и т. д.

[2] С е р н о-С о л о в ь е в и ч, Николай Александрович (1835—1866) — писатель и просветитель; в 1858 г. подал Александру II записку о разрешении крестьянского вопроса в демократическом духе; при аресте в его бумагах найден был проект конституции и письма к царю, при котором он думал препроводить ему свой проект. Состоял в сношениях с Герценом, Огаревым и Кельсиевым, был одним из основателей общества «Земля и Воля». Арестованный в 1862 г., был сенатом приговорен к каторге, замененной ссылкой на поселение. Умер по дороге в ссылку в Иркутске в феврале 1866 года.

принимали Герцена за агитатора, а он был органом оппозиции старому порядку вещей, начавшейся и действовавшей в самой России. С кем можно сравнить Герцена и Огарева, по их взгляду на вещи и по их направлению, — это скорее всего с Брайтоном и Кобденом [1]. Обстоятельства принудили их, против их воли, сделаться агитаторами, но на этом апитаторстве и подорвалось их влияние».

По словам Кельсиева, Герцен, вплоть до лета 1862 года, решительно отказывался от каких-либо практических организационных шагов, находя, что заводить оппозиционные и реформистские лиги надлежит в самой России (в действительности он и в России считал их скорее вредными). Сам Кельсиев признавал это крупной ошибкой со стороны Герцена. «Вся Россия, — говорит он, — волновалась лондонской пропагандой, все готово было действовать против правительства, но никто не знал, как и с чего начать; даже, чего хотеть, не знали. Люди приезжали в Лондон с полной готовностью служить делу, они отдавались в безусловное распоряжение Герцена, они команды ждали, им нужна была формула, катехизис, чего хотеть и чего не хотеть, и в ответ не получали ничего определенного... Оппозицию они (Герцен и Огарев) создали, а сорганизовать ее не сумели — проще выражаясь, они были публицисты, а Герцен даже и очень талантливый, но им одних пустяков недоставало: они не были государственные люди» [2].

Кельсиев, пожалуй, преувеличивает готовность приезжавших в Лондон русских туристов на революционное дело, но он совершенно правильно изображает неохоту Герцена к практическим предприятиям. В сущности то же самое говорил Герцену и Бакунин, упрекавший его в литераторском подходе к политическим вопросам и в нежелании перейти от слов к делу. В этом отношении чрезвычайно характерно письмо Бакунина от 3 октября 1862 года. Написано оно, собственно говоря, по поводу колебаний Герцена, не решавшегося занять определенную позицию в польском вопросе, но имеет общий характер. Здесь Бакунин, упрекнув Герцена за то, что тот легко согласился с Мерославским, утверждавшим, будто «Колокол» ставил себе чисто критические, разоблачительные задачи без всяких практических целей и без всяких планов на будущее, продолжает: «Ты создал силу, огромную силу, — и этой чести у тебя никто не отнимет. Теперь весь вопрос в том, что ты из нее сделаешь. Россия требует теперь практического руководства

---

[1] Английские конституционные реформаторы.

[2] Кельсиев прибавляет, что Герцен и Огарев отказывались даже принимать крупные пожертвования в «общий фонд», повидимому, не зная, как с ними распорядиться.

к практической цели. Даст его «Колокол» или нет? Если нет, то через год, может быть, и через полгода он потеряет и смысл, и влияние, и вся сила, созданная тобою, рушится перед первым смелым, самонадеянным мальчиком, который, за неспособностью думать, как ты, будет с м е т ь лучше, чем ты. Подымай знамя на дело, Герцен, подымай его со всею свойственной тебе осторожностью, со всем возможным благоразумием, тактом, но подымай его смело. А мы пойдем за тобою и дружно будем работать с тобою».

Мы видим, что Бакунин тщательно обходит здесь всякие вопросы о принципиальных разногласиях, которые к тому времени уже успели в достаточной мере выясниться, и выражает готовность даже пойти за Герценом в практическом деле, лишь бы только тот согласился на определенные практические шаги. Герцен от таких предложений отбивался, елико возможно, но, в конце концов, в ряде случаев поддавался на увещания Бакунина и уступал ему. Во всяком случае, с появлением Бакунина в Лондоне вокруг Герцена запахло более практическим духом. Впрочем, Герцен и теперь не оставлял своего скептицизма. Орудовал и хлопотал, главным образом, Бакунин, при чем Герцен взирал на суету своего приятеля не вполне благосклонным оком.

Впрочем, нужно признать, что организаторский пыл Бакунина зачастую действительно выливался в наивную и смешную форму, а иногда приносил и прямой вред. Конспиратором Бакунин никогда не был. Просматривая материалы по «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» [1], убеждаешься, что, поскольку речь заходит там о практических шагах и предприятиях, чаще всего, если не осуществление, то разговоры о них (а разговорами дело главным образом и ограничивалось) связаны не с именами Герцена и Кельсиева (этот интересовался главным образом раскольниками), а с именем Бакунина. Главная масса перехваченных писем идет от Бакунина — и кому только он не писал! Гарибальди и армянскому демократу Налбандяну (Налбандову), своим родным и маркизу де-Траверсе (либералу, оказывавшему некоторые услуги лондонцам), генералу Кукелю и старику П. Лялину и т. д., и т. п.

Этот «ловец человеков», готовый в первом встречном видеть революционера и после пары-другой слов предложить ему активное участие в «деле», обнаруживал полную неспособность разбираться в людях, да, по правде сказать, сам не знал толком, что делать и что

---

[1] Опубликованы М. Лемке в «Былом», 1906, №№ 9—12, а также в его «Очерках общественного движения 60-х годов».

предпринимать. Ветошникову [1] он обещает прислать адрес к царю о созыве Земского Собора («Земской Думы»), уговаривая его подписать этот адрес и собирать под ним подписи в России. Писателю Николаю Антиповичу Потехину, которого он сам в письме к Гарибальди от 10 мая 1862 г. характеризует как человека легкомысленного и незаслуживающего доверия, Бакунин предлагает заняться распространением лондонских изданий в России (вероятно, не только этим). Тифлисского учителя Н. И. Воронова Бакунин несколько раз просил наладить контрабандную доставку «Колокола» на Кавказ и указал ему, что для этого ему надо связаться с Налбандяном [2]. Но особенно замечательна переписка Бакунина с Налбандяном, по поводу которой Тургенев в письме к Герцену заметил, что Бакунин своей болтовней его погубил (а Герцен прибавил сюда еще и Воронова).

Письма Бакунина к Налбандяну [3], из которых нам известна, вероятно, только часть, характерны для пресловутой бакунинской «конспирации». Эта конспирация настолько наивна и шита белыми нитками, что она не скрывает ровно ничего, а только наводит на мысль, что речь идет о запрещенных предметах, и способна лишь привлечь внимание сыщиков. О самых обыкновенных житейских вещах говорится сугубо таинственным стилем, да притом с явной ссылкой на шифр и тайные словари. К этим словарям у Бакунина была настоящая мания. Он всовывал их всем и каждому, заставлял заучивать и шифровать по ним даже то, что вовсе не нуждалось в шифровке. Свою настойчивость

---

[1] Ветошников, Павел Александрович — служащий торгового дома Фрум, Грегори и К⁰ в Петербурге; в 1862 г. ездил по делам в Лондон, где сошелся с Герценом. Уезжая из Англии, взял с собою много писем, у него на русской границе при обыске отобранных и послуживших основанием для ареста Н. Чернышевского и для возбуждения большого дела о сношениях с лондонскими пропагандистами. Ветошников был приговорен сенатом к 12-летней каторге, замененной ему ссылкою на поселение.

[2] Бакунин в своих письмах к Налбандяну от 6 мая 1862 г. очень расхваливает Воронова, как «положительно хорошего и полезного человека», что не помешало тому дать на допросе «откровенные» показания. От суда он был освобожден.

[3] Налбандян, Михаил Лазаревич (1830—1866) — армянский просветитель и демократ. Будучи несколько раз за границей, сошелся с Герценом и Огаревым. Помогал Бакунину в деле выезда его жены из Иркутска. Сенатским приговором оставлен в сильном подозрении в знании о замыслах лондонских пропагандистов, в содействии распространению их изданий в России и в стремлении вызвать революционное движение на юге России среди армян и, как личность неблагонадежная, выслан в Саратов, где вскоре и умер.

в этом отношении он простер до того, что даже мирнейшего И. С. Тургенева, знать не хотевшего ни о каких революционных конспирациях, заставил взять какой-то словарь, от чего потом бедный Тургенев, привлеченный к дознанию и основательно струхнувший, всячески отпирался. Словарь этот Тургенев должен был передать Налбандяну, которому Бакунин уже до того всучил пару других словарей. Письма к Налбандяну, «зашифрованные» по этим словарям, принимают такой курьезный характер, что Бакунин, наворочав всяческих секретов, в конце концов, не выдерживает характера и сам прибавляет: «вот и наврал вам с три короба, а теперь разбирайтесь». К сожалению, тогдашняя русская политическая полиция смотрела на эти невинные забавы весьма серьезно.

В письмах от 6 и 10 мая 1862 года Бакунин сообщает Налбандову первый словарь для переписки и дает указания насчет организации транспорта лондонских изданий на юг России и на Кавказ. Это, впрочем, писано было тогда, когда Налбандов находился еще за границей. Но уже хуже было, когда Бакунин стал писать Налбандову в Петербург, конспирируя по пустякам, а главное — слишком прозрачно. Вот, например, конец письма от 18 мая—6 июня 1862 года: «Что делает Дурнов? Правда ли, что Рюмин назначен служить в Польшу?.. Подталкивайте Лариона Андреевича, чтобы он делал дело. И вы, говорят, взялись за доброе дело, учитесь по-французски. Для поощрения Вашего я дал Лариону Андреевичу прекрасный пространный словарь, лучше того, который дал Вам прежде. Сядьте-ка да перепишите его целиком и тогда будете в состоянии, право, написать мне правильное французское письмо. Ну, да я заврался. Прощайте. Преданный Вам Л. Брыкалов». Это значит: «Что делает русское правительство? Правда ли, что вел. кн. Константин Николаевич назначен наместником в Польшу?.. Подталкивайте И. С. Тургенева, чтобы он достал деньги на проезд моей жены из Сибири (даже это зачем-то зашифровано, хотя в других письмах об этом пишется совершенно открыто.— *Ю. С.)*». Остальное понятно — к сожалению, не только для нас, но и для всякого царского жандарма: ясно, что речь идет о словаре для зашифровки писем, да и сам Бакунин последней фразой расшифровывает свой великий секрет.

В этом отношении еще характернее письмо от 4/16 июня 1862 года. Условными терминами сообщается о начавшихся сношениях между лондонскими эмигрантами и польскими революционерами, а также русскими офицерами в Польше. Замечательно, что в «Колоколе» об этом довольно открыто писалось более подробно и вразумительно. Но суть не в бесполезности этой конспирации, а в том, что автор письма считает

почему-то нужным ткнуть носом того следователя, которому попадется письмо, в великую тайну и показать ему, что всю сию якобы обывательскую болтовню надо понимать иносказательно, и что здесь в действительности идет речь о весьма тайных, а значит и «преступных» вещах. И делает это Бакунин дважды: до условной шифровки и после... Конспиративной части письма услужливо предпосылается следующее раз'яснение: «Буду лучше писать Вам по словарю И. С. (т.-е. Тургенева) — перепишите, и будем употреблять его: он полнее и удобнее». А по окончании «конспиративной» болтовни нарочито поясняется: «Это письмо Вам достанется из рук в руки (увы, оно попало в руки жандармов. — *Ю. С.*). но вы его сожгите. Я нарочно употреблял словарь, данный мною И. С. (Тургеневу), чтоб Вы его переписали: он нам будет полезен». И дальше Бакунин прибавляет: «Берегите Вы, как зеницу ока, Петра Александровича Цурикова (т.-е. именно Налбандова.—*Ю. С.*), — он человек золотой». Увы, Бакунин забыл, что хорошие советы надо начинать с самого себя...

Довольно этих цитат и примеров. Для характеристики тогдашних приемов Бакунина достаточно привести еще письмо его к ген. Б. К. Кукелю, также попавшее в руки властей.

Болеслав Казимирович Кукель, поляк по происхождению, был земляком Квятковских, т.-е. жены Бакунина и ее родителей. Инженер по образованию, он с 1851 года служил в Сибири, сделался одним из приближенных Муравьева-Амурского, либеральничал по обычаю того времени и был назначен сначала начальником казачьего отделения, а затем и начальником штаба. Среди тех поляков, о сближении с которыми Бакунин писал в 1860 г. Герцену, находился и Кукель, с которым Бакунин был знаком домами. Но в действительности обе стороны относились отрицательно друг к другу. Когда по поводу нижеприводимого письма Бакунина против Кукеля возбуждено было дело, последний следующим образом охарактеризовал своего мнимого приятеля в рапорте, поданном ген.-губернатору Восточной Сибири:

«Каждый, кто знал Бакунина, помнит, как, преследуя какую-либо цель, он увлекался ею, как ребенок, и в разговоре с другими, имея на своей стороне преимущество неутомимого диалектика, первый убеждался в неоспоримости своих доводов, а во всяком слушателе видел тотчас человека, разделяющего его убеждения. Под таким обаянием собственных своих увлечений он часто забывал или знать не хотел, с кем имел дело, и обращался тоном интимности и не только с теми, к которым под влиянием другой минуты питал вражду, но даже

с теми, которые ни в чем ему не симпатизировали и вовсе не желали сближения с ним [1]. Нередко, в таких случаях, увлекаясь, он навязывал даже и дружбу свою, заявляя о ней с наивностью, за которою однако не могли укрыться самолюбие его и высокое понимание своих достоинств... Никто из знавших Бакунина не обращал здесь внимания на его болтовню, зная наперед, как он легко противоречил себе, как отвергал сегодня то, что поддерживал вчера, и какая вечная разладица была между принципами, которые он всегда с увлечением проповедывал, и собственными его действиями».

Семейные Кукеля относились к Бакунину определенно враждебно... В конце 1860 г. между ними произошел открытый разрыв. Бакунин распространял среди своих знакомых насчет Кукеля какую-то «историю», чуть ли не относившуюся к его частной жизни (увы, и здесь сказалась старая привычка!), а Кукель, говоря словами того же рапорта, «чтобы очистить себя и избавиться на будущее время от подобных выходок Бакунина, нашел вынужденным уличить его при свидетелях во лжи и прекратить с ним всякое знакомство» [2].

Во время побега Бакунина из Сибири, Кукеля в Иркутске не было, так как он находился тогда в служебной командировке [3]. По возвращении в Иркутск он, узнав о тяжелом положении А. Бакуниной, обра-

---

[1] Курсив мой. Разумеется, все это писалось в официальном рапорте и в целях самооправдания, но все же некоторые черты бакунинского характера подмечены здесь верно.

[2] Тогдашний ген.-губ. Восточной Сибири М. С. Корсаков, хотя и свойственник Бакунина, счел нужным поддержать в данном случае своего сослуживца. «В поступке с Кукелем, как впрочем и во многих других случаях,— писал он,— Бакунин выказал себя с весьма дурной стороны». Еще бы! Ведь своим побегом Бакунин подвел и Корсакова. См. цит. брошюру Б. Кубалова «Страницы из жизни М. А. Бакунина и его семьи в Сибири», Иркутск, 1923, стр. 15 и след. Кубалов заимствует сообщаемые им сведения из «Дела по поводу письма политического преступника Михаила Бакунина к генерал-майору Кукелю», находящегося в Центр. Архиве Вост. Сибири (б. Архив Иркутского ген-губернатора, карт. 36, № 94). В этом же архиве имеется и несколько других дел, связанных с Бакуниным и его женой.

[3] Кукель в начале 1861 г. ездил с гр. Муравьевым-Амурским в Россию. В связи с этим Бакунин написал Каткову письмо от 2 января 1861 г., в котором дает о Кукеле крайне неблагоприятный отзыв, хотя именно Кукель и должен был передать Каткову письмо, в котором его так разделывали. Вот что писал Бакунин: «Ты увидишь... полковника Кукеля... человека очень способного, очень ловкого, но, несомненно, принадлежащего к худому и очень вредному разряду поляков — фальшивый, нервозно-чувствительный, гладкий, холодный, он, как змея, обвил бедного льва Муравьева... Слушай его, но верь только тому, что тебе покажется вероятно».

тившейся к нему за содействием, принял участие в ее судьбе, помог ей уладить дела с кредиторами мужа, хлопотал о разрешении ей от'езда, подыскивал ей попутчиков и т. д. Получив от мужа письмо (нам неизвестное), в котором тот резко отзывался о Кукеле, как эгоисте и пр., Антония Ксаверьевна сообщила об этом Кукелю и просила его приписать в ее ответном письме мужу пару слов в том смысле, что Кукель, мол, окажет ей всяческое содействие. Кукель просимую приписку к письму сделал [1]. Получив ее, Бакунин сейчас же написал Кукелю письмо, не дошедшее, впрочем, по назначению и уничтоженное передатчиком на границе. Узнав об этом, Бакунин пишет Кукелю второе письмо от 2/14 июня 1862 г., которое на сей раз прямо доходит до... Третьего Отделения.

В этом письме [2] Бакунин писал: «Я спешу выразить Вам мою глубокую благодарность за Ваше доброе, благородное письмо. Да, я был виноват перед Вами, судил Вас несправедливо и приношу Вам в том мое полное искреннее покаяние. Простите меня и будемте друзьями, теперь pour tout de bon до гроба. С вниманием я прочел все, что вы говорите о себе. Да, трудно Ваше положение, но потерпите еще немного, не спешите покаместь в Польшу, дайте обрисоваться несколько новому направлению под предводительством В.К.К.Н. [3], чтоб узнать наперед, может ли добрый поляк с ним помириться — не то пропадете, как пропал Крыжановский, как пропало там много порядочных людей. Польша теперь страшно заедает людей. Qui sait attendre sera puissant. Теперь еще переходное положение, а такие положения бывают опасны: кто сумеет потерпеть да выждать, тот будет паном. Впрочем, и времени терять не надо — готовьте себе там место, но вступите на него только тогда, когда все станет яснее. Нет сомнения, что в нашей польской политике теперь совершается перелом. Несомненен союз с Францией, а это значит союз против немцев и против Англии, значит, славянская

---

[1] Судя однако по ответу Бакунина, Кукель не ограничился этой невинной деловой припиской, а пустился в какие-то либеральные разглагольствования о своем затруднительном положении, как поляка, состоящего на российской казенной службе, чем, повидимому, и об'ясняются неосторожные рассуждения и непрошенные советы Бакунина на эту тему.

[2] Оно имеется у нас в двух вариантах: 1) один был опубликован М. Лемке в его «Очерках общественного движения», 1908, стр. 122—123, и в «Былом», 1906, июль, по тексту, хранящемуся в сенатском деле; 2) второй (имеющийся у нас в копии) представляет копию с этого письма, хранящегося в деле № 67 высоч. учр. следственной комиссии 1862 года. Между ними встречаются некоторые разночтения.

[3] Великий князь Константин Николаевич.

политика, разумеется, отравленная наполеоновской и петербургской микстурой, а все-таки лучше, чем немецкая. Поляки, если будут умны, могут много выиграть: Галицию, Познань, Западную Пруссию, а со временем, может быть, и Литву. Хорошо было бы, если б Вы прежде прожили немного в Петербурге: там легче высмотреть. С графом [1] я иногда переписываюсь: он все будирует и живет во Франции, теперь, кажется, в Крейцнахе. Я не потерял моей веры в него, дай бог, чтобы он только верил в себя и искал бы своего пути на широкой дороге, а не в придворных проселках: наше время страшно ест людей».

Получив такое письмо, сильно компрометировавшее Кукеля, пошла писать губерния. Письмо было представлено Александру II с докладной запиской следственной комиссии кн. Голицына. Возмущенный царь положил на письме следующую резолюцию: «Сведения о Кукеле сообщить военному министру. После (э)того он, по моему мнению, не может оставаться начальником штаба». Одновременно Третье Отделение послало генерал-губернатору Восточной Сибири копию письма с требованием об'яснений. Незадолго до того Кукель был переведен в Читу на должность военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска. Согласно царской резолюции Кукель был отстранен от должности и вызван в Иркутск для об'яснений, но в конце концов, благодаря заступничеству Корсакова, был восстановлен в правах начальника штаба.

Мы остановились на этом сравнительно незначительном инциденте для того, чтобы оттенить как некоторые черты бакунинского характера и приемов, так и то положение, в котором он находился в рассматриваемое время. Что ему свойственна была манера приписывать свои собственные мысли и настроения людям, меньше всего для этого подходящим, это несомненно. Для него достаточно было услышать от человека одно какое-нибудь либеральное слово, чтобы сразу счесть его чуть ли не революционером, одно оппозиционное выражение, чтобы тут же признать его автора чуть ли не готовым на крайние выступления. Он создавал себе окружающих лиц по своему образу и подобию и награждал тех, с кем имел дело, чертами и свойствами, присущими ему самому, но совершенно чуждыми для них. Раскольник, скучающий офицер, либеральный обыватель, поляк-служака и карьерист — все они в его глазах превращались в людей, чуть ли не согласных с его радикальной программой, с идеалом разрушения петербургской и австрийской империй, с вольной славянской федерацией и т. п. И эта черта осталась в нем

---

[1] Граф Муравьев-Амурский.

навсегда, как это мы увидим из его дальнейшей деятельности в тайных «братствах» и в «Альянсе социальных революционеров». Но если впоследствии он все же встречал и людей, действительно революционно настроенных и готовых, очертя голову, броситься в его рискованные предприятия, то в рассматриваемое время, в начале 60-х годов, да еще в окружении Герцена, подходящих элементов он не мог найти, и благодаря этому присущие ему недостатки невольно выступали в особенно рельефной форме, принимая подчас вид ненавистной Герцену «революционной чесотки».

Конечно, по приведенным выше фактам нельзя судить обо всей деятельности Бакунина в Лондоне. Некоторые из знакомств и связей, заведенных им тогда, вскоре помогли ему занять видное место в польской революции, а впоследствии помогли ему при его переходе к социально-революционной деятельности, в частности при составлении тайных братств и организации «Альянса». И вообще, вопреки мнению Герцена, на Бакунина вовсе нельзя смотреть как на человека, лишенного всякого практического смысла и исключительно витавшего в облаках туманных и беспочвенных замыслов. Напротив, Бакунин иногда проявлял практические способности и предлагал планы, которые Герцену, при его неохоте к практическим предприятиям, представлялись фантастическими, но на деле таковыми вовсе не были.

Мы уже видели, как Бакунин по дороге из Сибири в Лондон старался наладить доставку заграничных изданий в пределы России. Этот вопрос сильно озабочивал его и позже, пожалуй, даже больше, чем самого Герцена — именно в виду практического склада бакунинского ума и присущей ему агитаторской жилки. В этом отношении чрезвычайно характерно его письмо к Герцену и Огареву от 10 ноября 1862 года. Ввиду гонения правительства на лондонские издания Бакунин предлагает друзьям «наконец выйти из постыдной и гибельной апатии и противопоставить враждебному делу союзное дело». Приветствуя решение друзей послать Б(люмера) в Германию, он, с своей стороны, советует отправить незадолго до того прибывшего за границу Н. Жуковского на восток в помощь Кельсиеву, налаживавшему тогда на Балканах центр пропаганды, доказывая, что это принесет большую пользу делу. «Вы видите из письма Кельсиева, — пишет он, — и, вероятно, догадывались прежде, что для нас на Востоке плодовитого дела тьма, — как политического, так и коммерческого, — и что оба тесно между собою связаны: пропаганда на староверов в Турции и в Австрии и через них на Россию, устройство складочного места и правильной торговли через Константинополь и Галац на Одессу, устройство правильной пропаганды через Кавказ

на войско кавказское и далее на Дон и, прибавлю еще, устройство правильной торговой пропаганды через армян на Тифлис и на Волгу даже до Нижнего Новгорода... Дело, как вы сами видите и знаете, животрепещущей, неотлагательной важности. «Куй железо, пока горячо» — пословица драгоценная, которую вы, к сожалению, часто забываете».

И дальше он, предложив завести еще одного агента в северной Германии, на русско-польской границе, продолжает: «Если верные, правильные, широкие пути сообщения будут открыты как на Западе, так и на юго-востоке, то капитал, потраченный на агентов, вознаградится сторицею... Потом можно будет подумать и об агенте в Швеции. Знаю только одно, что если вы теперь не дерзнете, то никогда ничего не сделаете. В последнее время нам открылось множество средств и дорог, которые требуют только прочной организации... Требуется только ум да смелая решительная воля — успех несомненен».

Герцен мог пожимать плечами по поводу полета бакунинского воображения. Но в данном случае, как и во многих других, революцинное рвение Бакунина просто опережало события и предвосхищало такие предприятия, каким суждено было с успехом быть осуществленными в будущем.

3. Комедия с старообрядцами.

Не имея вначале связей с действовавшими в России революционерами, Бакунин все же старался найти вокруг себя за границею элементы, годные, по его мнению, для привлечения к его революционным планам или же могущие, по его предположениям, доставить ему связи с массами в России. За отсутствием действительно подходящих элементов он одно время возложил свои надежды на раскольников.

Взгляд на раскол старообрядчества как на прогрессивный фактор русской жизни, как на протест народных масс против самодержавного государства, долженствующий вести их вперед, к новым, более совершенным формам общественного строя, — этот взгляд давно уже составлял неот'емлемую часть воззрений передовых русских людей [1]. Именно этот взгляд на раскол, как на чисто народную оппозицию самодержавию, принявшую под влиянием исторических условий форму религиозного разноверия, и выражен Бакуниным в первом же литературном произведении, написанном им по прибытии в Лондон, т.-е. в брошюре «Русским, польским и всем славянским друзьям».

---

[1] Этот взгляд разделялся и авторами «Молодой России», в прокламации которых говорилось: «Мы надеемся на народ: он будет с нами, в особенности старообрядцы, а ведь их несколько миллионов».

Там между прочим говорится следующее: «Борьба народа против насилий царизма вся высказалась в одном слове: р а с к о л. Сначала оно выражало протест исключительно религиозный против насилия религиозного, против смешения власти духовной и светской, против притязания царей стоять во главе церкви. Впоследствии и очень скоро оно получило значение политическое и общественное. В нем выразилось разделение России на о ф и ц и а л ь н у ю и на н а р о д н у ю. В государстве и в обществе, созданном Петром I, все было чуждо народу: законы, классы, порядки, нравы, обычаи, язык, самая вера, даже сам царь, назвавшийся императором, которого народ назвал слугой антихриста, но который и посреди этого отчуждения продолжал еще быть для него символом единства России. И вот, отдав царю свою службу, свои деньги, свою кровь и свой пот, всю свою материальную силу, народ унес свою душу, свою заветную жизнь, свою социальную веру в раскол. Тщетно боролись против него все цари, начиная от Алексея Михайловича и до Александра II; тщетно старались задушить его в крови мучеников. Чем беспощаднее становились преследования, тем могущественнее развивался раскол. Он разлился по России как широкое море, так что, под конец своего долголетнего царствования, сам Николай должен был сознаться, что он против раскола бессилен. В расколе продолжилась и сохранилась для народа, прерванная Петром, история народной России. В расколе — его мученики, святые, герои, его заветные мечты и надежды, в нем пророческие утешения народа. Раскол двинул вперед его социальное воспитание, дал ему тайную, но тем не менее могущественную политическую организацию, сплотил его в силу. Раскол подымет его во имя свободы на спасение России. «Времена приближаются», так говорят раскольники».

Можно думать, что эти строки подсказаны Бакунину Огаревым, который в этом отношении его предупредил. Прибыв за границу, Бакунин сразу очутился перед фактом связи, установившейся между раскольниками и кружком Герцена. Повидимому, первая мысль о возможности практически связать борьбу революционной интеллигенции против самодержавия с движением религиозного протеста раскольников и сектантов принадлежала В. И. Кельсиеву [1], прибывшему в 1859 году в Англию и там

---

[1] Василий Ив. К е л ь с и е в (1835—1872) принимал участие в «Колоколе» и вместе с Огаревым способствовал основанию «Общего Веча», посвященного расколу (впрочем, он участвовал в редактировании лишь первого номера). В 1862 г. нелегально ездил в Россию для установления связи с раскольниками. По возвращении за границу был на Балканах с той же целью. Разочаровавшись в революционном движении, Кельсиев в 1867 г. добровольно

познакомившемуся с Герценом и Огаревым. С 15 июля 1862 года начало выходить при «Колоколе» приложение «Общее Вече», посвященное пропаганде среди раскольников. Редактировался этот журнал, средства на который отчасти дал К. Т. Солдатенков, московский купец-старовер, впоследствии известный издатель, сначала Огаревым и Кельсиевым, а затем одним Огаревым. Всего за три года (1862 — 1864) вышло 29 номеров «Общего Веча».

Его основанию предшествовали сношения с раскольниками, предпринятые по инициативе Огарева и Кельсиева; некоторую роль здесь, повидимому, играли и польские эмигранты, также искавшие оппозиционных царизму сил в России. Очевидно, первый шаг к сближению сделан был самими старообрядцами, в частности московскими, наиболее по тому времени передовыми. По крайней мере, к приезду Кельсиева в Лондон, у Герцена имелось уже много материалов по расколу, присланных ему из России; эти материалы Герцен и дал Кельсиеву для обработки, в результате чего издательством «Колокола» опубликовано было четыре выпуска «Сборника правительственных сведений о раскольниках» (Лондон, 1861—1862), имевшие большой успех, и две книги «Сборника постановлений по части раскола» (Лондон, 1863 г.).

Как центральный орган всероссийского обличения, «Колокол» был хорошо известен старообрядческой интеллигенции. По словам Н. И. Субботина [1], среди прогрессивных московских старообрядцев и возникла мысль связаться с «Колоколом», чтобы использовать его для защиты своих прав от правительственных преследований. Для переговоров по этому вопросу послан был в Лондон старообрядческий епископ коломенский Пафнутий (в миру Поликарп Овчинников), который и прибыл туда в ноябре 1861 года.

Замечательно, что о приезде его Кельсиев узнал от п о л ь с к о г о эмигранта Тхоржевского, стоявшего близко к Герцену. Через несколько дней после знакомства Кельсиев сводил Пафнутия к Герцену, у которого сидели тогда Огарев и Мартьянов. Сношения завязались. Познакомился Пафнутий и с Бакуниным, который, разумеется, задумал завербовать его на свою сторону. Это было более чем наивно, ибо Пафнутий, буржуазный и мистический реакционер, не имел ничего общего с ка-

---

отдался в руки правительства, написал «Исповедь», был прощен и вскоре после того умер. См. о нем главу «В. И. Кельсиев» в шестой части «Былого и Дум» Г е р ц е н а (Собр. соч., т. XIV); Н. М. М и х а й л о в с к о г о — «Жертва старой русской истории» (Соч., т. IV).

[1] Под псевдонимом Г. он опубликовал ряд статей «Раскол как орудие враждебных России партий» в «Русском Вестнике» за 1866 и 1867 годы.

кими бы то ни было революционными идеями, да еще в бакунинском их трактовании. Но вспоминая свою встречу в Праге с отцом Алимпием Милорадовым (см. I том этой работы), Бакунин вообразил, что в лице религиозного купчика Пафнутия он открыл истинно-народного революционера.

Вот что рассказывает об этом комичном инциденте, в котором обе стороны старались одурачить друг друга, упомянутый Н. Субботин. На приеме у Герцена Пафнутий рассказал, как инок Алимпий Милорадов отличался на Пражском славянском с'езде (у него сказано «на Пражском сейме») и на улицах города Праги во время вспыхнувшего там в 1848 году восстания. Для Герцена это было совершенной новостью: раскольник-монах ведет себя как революционер! На следующий день после свидания Пафнутия с Герценом Кельсиев прибежал в комнату Пафнутия и сообщил, что в Лондон прибыл Бакунин, который полностью подтвердил рассказ Пафнутия об Алимпии и выразил желание повидаться со знакомым своего пражского сподвижника. «Вечером 5 января 1862 г., в крещенский сочельник, Пафнутий сидел одиноко в своей квартире. Вдруг он слышит, что кто-то, распевая густым басом «Во Иордане крещающуся тебе, господи», тяжелыми шагами поднимается по лестнице; дверь распахнулась, и какой-то незнакомец, сопровождаемый Кельсиевым, с хохотом вошел в комнату и стал приветствовать изумленного Пафнутия. Это был сам Бакунин [1]. Его наружность, грубая бесцеремонность и это распевание священной песни, которым он как будто хотел скрасить свой первый визит к старообрядцу, но в котором слышалось невольно самое наглое кощунство, все это произвело на Пафнутия крайне неприятное впечатление. Кельсиев также чувствовал себя неловко. Но дело мало-по-малу уладилось, и знакомство с новою знаменитостью из герценовского кружка завязалось. Вскоре потом он [2] составил статью о своих похождениях, в которых упоминал и о подвигах о. Алимпия. Статью прежде напечатания показали Пафнутию. Оберегая интересы старообрядчества, он просил, чтобы не писали об этих подвигах, и особенно, чтоб не было упоминаемо самое имя Алимпия, особы очень немаловажной в истории белокриницкой иерархии. Само собою разумеется, что его просьба была уважена, и в статье ограничились только

---

[1] По этому рассказу выходит, что Бакунин до того не знал Пафнутия. Между тем, по рассказу Кельсиева, Бакунин еще раньше познакомился с Пафнутием у Герцена.

[2] Опять неточно: речь, как видно из дальнейшего, идет не о статье Бакунина, а о статье Герцена «М. А. Бакунин», напечатанной в № 119—120 «Колокола» от 15 января 1862 г.

подстрочным примечанием, что на Пражском сейме (sic!) с Бакуниным никого из русских не было, кроме одного старообрядческого инока. При другом свидании, также в присутствии Кельсиева, Бакунин читал Пафнутию письма, которые приготовил к своим старым друзьям, в том числе и к Алимпию; он извещал их о своем освобождении и приглашал снова приниматься за старое дело. «Отец Алимпий, — так писал он к этому последнему, — помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дело» и т. д. Кельсиев с тревожным любопытством следил, как действовало это чтение на Пафнутия, и вообще немало смущался болтливостью и неуместною откровенностью Бакунина, который непринужденно витийствовал о таких вещах, относительно которых, очевидно, ему хотелось оставить Пафнутия в неведении».

Герцен относился чрезвычайно внимательно и осторожно к этому староверческому посланцу, понимая, как далеко он стоит от всяких революций. Свою предупредительность к этому выходцу из другого мира он простирал до того, что в присутствии Пафнутия у него даже не курили [1]. «Когда Пафнутий, поняв наконец, зачем Герцен и его гости выходили в соседнюю комнату, попросил их, не стесняясь, курить при нем, то Бакунин, к крайнему неудовольствию Кельсиева, захохотавши, воскликнул: «ну, значит, благословил!». Он, очевидно, издевался над тем, как Герцен с братией заискивали перед приезжим старообрядцем [2]. Однакоже Пафнутий не преминул сделать Бакунину строгое (!) замечание за кощунство в его словах; он заметил, что иное дело терпеть непозволительный обычай, а иное дело благословлять, что если бы он имел право раздавать благословение, то никогда не дал бы его на курение табаку, хотя и смотрит на этот обычай снисходительно, так как не находит в нем ереси».

Реакционный писака изображает всю эту историю в мелочном и смехотворном виде. Но нужно сказать, что вся эта затея, ложная по существу, неизбежно выливалась в комичные формы. Достаточно сказать, что Герцен всерьез обсуждал с Пафнутием такой важный

---

[1] Это напоминает другие попытки сближения революционеров с раскольничьим миром, в частности попытки Александра Михайлова, который в 1877 г. проживал с целью пропаганды среди староверов, усердно молился с ними, отбивал земные поклоны и пр. Из всего этого, разумеется, ничего не вышло, и впоследствии сам Михайлов говорил, что это очень трудное предприятие.

[2] Если бы это было так, то это только делало бы честь Бакунину. Это было не так, но темперамент Бакунина не позволял ему долго ломать всерьез эту глупую комедию.

всемирно-исторический вопрос, как открытие старообрядческой кафедры во время подготовлявшейся тогда лондонской всемирной выставки!

Вот что рассказывает по поводу пребывания в Лондоне Пафнутия В. Кельсиев.

Пафнутий не скрывал, что главною целью его путешествия было познакомиться с кружком Герцена и извлечь из него какую-нибудь пользу для старообрядчества. «Бакунин явился посмотреть лондонского старообрядца, которого я, признаться, прятал, чтобы избежать разгласки, а тем более из боязни, что он, посмотря на пустозвонство наших приятелей, вынесет чрезвычайно дурное мнение о нашей партии[1]... Явился Бакунин. Он и прежде видался с Поликарпом [2] у Герцена, но у Герцена, у принципала, державшего его на узде, ему нельзя было так развернуться, как у меня[3], и показать все свои таланты. Помню, что он поднялся ко мне в кабинет, распевая во всю глотку какой-то тропарь, — это было captatio benevolentiae[4] у старообрядца. Затем он стал как-то приторно дружески просить Поликарпа раз'яснить ему в назидание, какая разница между старообрядчеством и православием, намекая, что и он сам не прочь сделаться старообрядцем, буде Поликарп убедит его в правоте старой веры. Не понять этой грубой ловушки Поликарп не мог; но, человек крайне деликатный, он пустился рассказывать ему обстоятельно о древне-русском обряде, о реформах Никона. Бакунин ахал, удивлялся сведениям Поликарпа, поддакивал ему, приходил в негодование на никоновские нововведения и наконец, сам утомленный этой ненужной и позорной комедией, стал просить Поликарпа давать ему уроки русской истории. Я даже фразу его запомнил: «Да у вас, батюшка Поликарп Петрович, я буду брать уроки русской истории! Вы знаете такие вещи, каких и в книгах не найдешь!» — «Нет, — отвечал вечно спокойный и обстоятельный Поликарп, — это напечатано в «Истории о древних стригольниках и новых раскольниках» Иоанна Охтенского, на страницах таких-то первой части, потом в книжке господина Берга «Царствование Алексея Михайловича», на странице такой-то, и еще в «Истории Церкви» Павла Белокриницкого» и т. д., и т. д., с перечислением всех источников, по его обыкновению. — «Непременно прочту. У вас, Кельсиев, наверно есть все эти книги, ведь вы много над этим копаетесь, — дайте мне; надо в самом деле приняться за изучение этого

---

[1] Не забудем, что Кельсиев писал эти строки («Исповеди») уже после своего покаяния.

[2] Действительное (мирское) имя Пафнутия, указанное в его паспорте.

[3] Пафнутий жил тогда на одной квартире с Кельсиевым.

[4] Снискание благоволения, заискивание.

вопроса, ведь это дело не пустяковое, о спасении души идет, этим шутить нельзя!» — не унимался Бакунин и тут же, думая, что уже расположил к себе Поликарпа, начал так же топорно рисовать ему какую-то картину восстания, путая сюда и Пугачева, и Стеньку, и стрельцов, и Никиту Пустосвята, и еще не знаю кого, сделал какой-то винегрет, а из винегрета вышло торжество старообрядчества над православием, так что и государь сделался старообрядцем, и орденские кресты приняли осьмиконечную форму и... ну и вышло что-то совсем невероятное и неожиданное, какие-то туманы непроглядные. Я краснел, Поликарп хлопал глазами, как в чаду, маленький Ковальский [1] посмеивался в кулак, прячась за книгой, словом, выходило скверно, а управы на Бакунина не было, — я был слишком моложе его, чтоб его останавливать, да и в материальном отношении он от меня не зависел, как от Герцена. Наконец, он убрался, взяв с Поликарпа слово притти к нему на чай».

Пафнутий побывал у Бакунина. Споры о политических вопросах, которых он там наслушался, окончательно смутили его. В конце концов он заявил, что кроме Герцена, Огарева и Кельсиева ему в Лондоне никто не понравился. А в России он избегал встречаться с Кельсиевым, приехавшим туда нелегально.

Вся эта история неудачных сношений лондонских эмигрантов с старообрядцами закончилась большим для них конфузом. Польское восстание, симпатии к которому эмигранты старались пробудить среди раскольников, окончательно оттолкнуло последних в ряды реакции. Возможно, что своими лояльно-холопскими заявлениями старообрядцы рассчитывали снискать благоволение царского правительства и добиться у него некоторых послаблений в религиозной области, каковою они только и интересовались. Как бы там ни было, но в феврале 1864 года белокриницкий митрополит Кирилл опубликовал «архипастырское послание ко всем православным христианам, священным, иночествующим и мирским, всякого звания и возраста (!), сущим в богохранимом государстве всероссийском». В этом послании, знаменовавшем полный разрыв с герценовским кружком, говорилось: «К сим же завещеваю вам, возлюбленнии: всякое благоразумие и благопокорение покажите перед

---

[1] По сообщению Кельсиева, «18-летний правовед, изучавший английское право,.. но мальчик неглупый, наблюдательный и остроумный, он чрезвычайно скоро подметил нашу несостоятельность, а сближение с Бакуниным окончательно опошлило в его глазах все революционное. Бакунин на этот счет золотой человек, он хоть кого вылечит от охоты потрясать престолы». По отношению к людям неустойчивым и обладающим задатками реакционера это, пожалуй, верно.

царем вашим, в чем не повреждается вера и благочестие, и от всех враг его и изменников удаляйтеся и бегайте, яко же от мятежных крамольников-поляков, тако наипаче от злокозненных безбожников, гнездящихся в Лондоне и оттуда своими писаниями возмущающих европейские державы и рассевающих плевельное учение треокаянного оного врага Христова, тмократному проклятию подлежащего, сосуда сатанина, всенечестивейшего Волтера (sic!)... Его же смертоносному учению последующии учат тому же безбожию и именуются и суть вольнодумы». Доказав далее, что апокалиптическое «звериное число» 666 и соответствует слову «вол(ь)нодум», послание провозглашает анафему авторам и последователям вольнодумных учений и рекомендует им бегать от них, как от страшных зверей и змиев пресмыкающихся [1].

Итак, вот каким фарсом закончилась попытка политического сближения лондонских эмитрантов с старообрядческой буржуазией. Надо еще указать, что именно Пафнутий доставил материалы для доносительных статей Субботина в «Русском Вестнике» (Г. — «Раскол как орудие враждебных России партий») и злорадствовал, что Кельсиев читает их в Третьем Отделении [2].

Дело это было безнадежное с самого начала, и только полным отсутствием подходящих элементов можно об'яснить эту курьезную попытку соединения несоединимых элементов [3].

---

[1] Д. П. — «Партия Герцена и старообрядцы». «Русский Вестник», 1867, март; цитируем послание по исправленному тексту у М. Лемке (Сочинения Герцена, т. XVI, стр. 470).

[2] Таким же конфузом закончилось знакомство Герцена с б. атаманом некрасовцев (казаков-староверов, эмигрировавших в XVIII веке в Турцию и живших в Добрудже), Осипом Гончаром или Гончаровым. Последний вел переговоры с поляками, в том числе с известным Садык-Пашою (Чайковским), с французами и приезжал на несколько дней в Лондон, где разговаривал с Герценом и Огаревым. Все ожидали от него, что он будет способствовать выступлениям в пользу поляков, а он в конце концов подал адрес царю против поляков. По возвращении из Лондона Гончар говорил про Герцена и К°: «Рассмотрел я их ум высокий да и пустой, потому что бога не исповедают, воскресения мертвым не веруют быти; вот мой ум с ними не сходен, и я от них выехал».

[3] Правительству, конечно, были известны эти замыслы революционеров; замечательно, что они его встревожили. Цитированные нами выше отчеты Третьего Отделения говорят по этому поводу следующее: «Главные (?) происки заграничной пропаганды направлены были на возмущение раскольников. Это видно из переписки Кельсиева, привезенной Ветошниковым, и из писем Бакунина, взятых у весьма близкого ему и по домашним отношениям кандидата Набалдина (т.-е. Налбандова), и, наконец, из показаний разных лиц, между прочим, ...Лялина и здешнего корреспондента Бакунина, маркиза Тра-

Нужно, впрочем, прибавить, что Герцен и Огарев вели себя в этой истории гораздо более сдержанно, никаких революционных надежд на Пафнутия и присных его не возлагали, а думали использовать связи с ними для расширения пропаганды и обличений. Бакунин же со свойственным ему пылом, беспринципностью и легкомыслием, вообразил, что набрел на нетронутый рудник, и лишний раз только поставил себя в смешное положение, заговорив о «деле» и восстании в духе Разина и Пугачева с хитрым реакционным попом, который его же впоследствии и вышутил [1].

4. Либеральная агитация.

Политические шатания Бакунина, неопределенность его позиции, невыясненность его взглядов и в особенности его податливость либераль-

---

версе, сознавшегося, что, находясь в Лондоне, он давал деньги на издание сочинений о расколе... Сочинения эти вместе с «Общим Вечем» и «Сборником» Кельсиева и предполагалось распространять в большом числе в Москве, во внутренних губерниях и особенно на нижегородской ярмарке, при чем имелось ввиду, кроме возмутительной цели, приобретение денег, в коих лондонская пропаганда для своих действий нуждается. Обнаружение этого обстоятельства побудило к учреждению в Нижнем Новгороде и в приволжских губерниях строжайшего надзора и к высочайшему возложению особого по сему предмету поручения на генерала-от-кавалерии фон-дер-Лауница, который исполнил свои обязанности с совершенным успехом» («Красный Архив», 1923, т. III, стр. 203).

[1] В письме к представителю «Земли и Воли» от 9 июля 1863 г. из Стокгольма Бакунин между прочим сообщает, что получил письмо из Улеаборга от одного из вождей партии финноманов, который имеет много связей с раскольниками Архангельской губернии и предлагает свои услуги для рассылки им писем и листков. Это показывает, что от надежд на раскольников Бакунин отказался не сразу. Как увидим дальше, он расчитывал даже возбудить восстание старообрядцев на Литве (1863 г.). Какой-то интерес к расколо-сектантству Бакунин, видимо, сохранил и впоследствии. Об этом можно догадываться потому, что в письме к Герцену и Огареву от 8 октября 1865 г. из Неаполя он усердно просил друзей выслать ему недавно вышедшую книгу о молоканах, а если можно, то и Стоглав. А Герцен и Огарев весной 1863 г., во время переговоров с А. Слепцовым (см. ниже), мечтали еще о какой-то «организации старообрядцев», которая позже соединится с обществом «Земля и Воля». Впрочем, в том же документе (проект Огарева — Герцена) ниже сказано: «С старообрядцами, если случай приведет, знакомиться, но отнюдь, кроме старообрядческого и Земского Собора, ничего не проповедывать. Насильно втираться к ним в дружбу теперь вредно» (Соч. Герцена, т. XVI, стр. 93 и 95). Неудачный опыт естественно заставил держаться осторожной тактики.

ному влиянию Герцена сказались на его отношении к идее Земского Собора.

Идея Земского Собора это старая идея русского либерализма и не одного только либерализма: известно, какую роль играл Земский Собор в мировоззрении славянофилов. В начале 60-х годов эта идея начала облекаться плотью, выливаясь в псевдоним представительного собрания, призванного ограничить самовластие самодержавной бюрократии. Сначала предполагалось, что реформы, начавшиеся после поражения России во время Крымской войны, естественно и логически приведут к установлению конституции в той или иной форме. Но когда выяснилось, что царское правительство, вступив по необходимости на путь преобразований, осуществляет их лишь с целью укрепить свое положение и меньше всего помышляет о привлечении общественных сил к делам государственного строительства, движение в пользу Земского Собора стало усиливаться. В самом дворянстве раздались требования конституции и введения представительного правления. В некоторых дворянских собраниях проектировалась подача всеподданнейших адресов с просьбой о созыве выборных всей земли русской, а тверское дворянство 2 февраля 1862 года даже послало царю такой адрес [1]. Неясно было, как будет организован Земский Собор, какие классы будут в нем представлены, каковы будут его функции и компетенция. Но либералы считали, что созыв Земского Собора во всяком случае будет значительным шагом вперед и послужит началом нового исторического периода в жизни России [2]. Радикальная же часть общества относилась к этой затее чрезвычайно скептически, правильно указывая, что пока фактическая власть остается в руках царского правительства, Земский Собор, даже если власть согласиться на его созыв, окажется лишь фикцией народного представительства и будет бессильной игрушкой в руках правительства.

Герцен, отражавший настроения либеральных кругов, также примкнул к идее Земского Собора. Возможно, что именно под его влиянием написана была статья Огарева «Что надо делать народу?»,

---

[1] Этот адрес был напечатан с ошибками в сборнике В. Бурцева «За сто лет», стр. 61—63; в исправленном виде помещен М. Лемке в «Былом», 1906, сентябрь, стр. 195—197. Адрес требует отмены политических и податных привилегий дворянства и просит о созыве Земского Собора, «собрания выборных всей земли русской», как «единственного средства к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19 февраля». Именно этот адрес Бакунин расхваливает в своих письмах.

[2] За созыв Земского Собора высказывался нелегальный листок «Великорусс», за него стоял Н. Серно-Соловьевич и близкие к нему люди и т. д.

напечатанная № 2 «Общего Веча» от 22 августа 1862 года. В этой статье рекомендовалось народу столковаться и просить царя всем миром не верить чиновникам и генералам, которые в Петербурге приказы пишут, а собрать Земский Собор из выборных от всего народа, от всего земства и совместно с ними установить справедливые порядки. Во всяком случае Герцен был вполне солидарен с основными мыслями этой статьи.

Почти одновременно со статьей Огарева эта мысль была выражена в печати в брошюре Бакунина «Народное Дело. Романов, Пугачев или Пестель». Вся она, в сущности, написана для того, чтобы убедить царя созвать Земский Собор. Она угрожает революцией, если правительство не созовет в скорости Земского Собора. Но она обещает мирную эволюцию и даже лойяльность революционеров, если Земский Собор будет созван, «если царь, став во главе движения народного [1], вместе с Земским Собором приступит широко и решительно к крепкому преобразованию России в духе свободы и земства... Если б царь созвал т е п е р ь Земский Собор, он в п е р в ы е увидел бы себя окруженным людьми, действительно ему преданными... Скажем правду: мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если б Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского» и т. д. Влияние Герцена и вообще либеральной идеологии здесь совершенно очевидно.

Решено было подать царю адрес, лишенный сословного характера и подписанный представителями различных общественных положений и политических направлений. Огарев составил проект такого адреса, написанный в чрезвычайно умеренном духе [2]: достаточно сказать, что там признавались «искренние, добрые и благие начинания» Александра II; выражалось сожаление о созданном освобождением крестьян тяжелом положении дворянства, оставшегося якобы «без вознаграждения за утраченное». Но вместе с тем в адресе говорилось о невыносимом положении крестьян, о всеобщем разорении и угрозе революции. «Не спросясь народа, — продолжал адрес, — невозможно спасти государство. Без Земского Собора, который один в состоянии найти из совокупности местных экономических средств способ спасти разоренное государство и безде-

---

[1] Даже и слова те же, что у Герцена: «Стань царская власть во главу народного дела» и т. д. («Журналисты и террористы», напечатано в «Колоколе» 15 августа 1862 г.). Ясно, что в кружке Герцена об этом говорили, и не только мысли, но и выражения стали общими.

[2] Текст адреса напечатан в «Письмах К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к Герцену», изд. Драгоманова, Женева, 1892, стр. 155—159. Исправленный текст у Лемке (Соч. Герцена, т. XV, стр. 481—485).

нежное правительство, нельзя обойтись безнаказанно». Ввиду этого авторы адреса предлагали учредить по всем губерниям волостные и городские сходы для выбора депутатов на общий Земский Собор на основе всеобщего и равного избирательного права, с тем, чтобы выборы происходили по уездам на основе двухстепенного голосования и с утверждением одного из трех намеченных от уезда кандидатов народом по большинству голосов. Земский Собор должен был обсудить и решить вопросы о правах поземельного владения и всякой собственности, о вознаграждении дворянства за «уступку земель», о местном выборном управлении, об областном самоуправлении, о финансовой системе и государственном бюджете, о судоустройстве, о народном образовании, положении духовенства, об организации кредита и «вообще все вопросы, которые Земский Собор почтет нужным обсудить и решить». Таким образом основной вопрос об организации государственной власти обходился и затушевывался в адресе, который прятал его в последних словах о «всех вопросах вообще». В заключение авторы «из любви к отечеству и народу русскому», обещали «охотно, искренно и беспрекословно подчиниться решению народных избранников» и выражали «глубокое упование», что царь так же охотно, искренно и беспрекословно подчинится ему, как единственному способу спасти, успокоить, обновить и возвеличить государство.

За границей началась агитация в пользу подписания адреса. Расчитывали также на присоединение россиян, в частности тверских дворян. Замечательно, что Бакунин принял в этой агитации самое деятельное участие. Но дело подвигалось вперед туго. С одной стороны, такие робкие и умеренные люди, как Тургенев, находили проект адреса весьма резким, с другой — более радикально настроенные элементы признавали его слишком бледным и умеренным. Огарев, под влиянием шедших с разных сторон критических замечаний, вносил в адрес изменения и поправки, а затем переработал его и составил новую, вторую редакцию адреса [1]. Этот адрес написан в более решительном тоне и носит гораздо более радикальный характер. Он ставит вопрос и об общем характере государственного устройства, и даже о частной собственности на землю. Кончается он следующими словами:

«Все труды дворянства и все труды чиновничества в деле освобождения помещичьих крестьян доказали только их бессилие создать прочное общественное устройство. Просим Вас, Государь, и требуем: обратитесь к народу, спросите людей, им избранных, созовите Земский Собор,

---

[1] Приведена у Лемке (Соч. Герцена, т. XV, стр. 493—499).

на котором бы земля была признана народною собственностью, и было бы определено право владения и право найма, и вознаграждение дворянству за потрату, вместе с уничтожением сословных прав и частной поземельной собственности, — Земский Собор, на котором было бы обсуждено и постановлено все устройство, разделение, управление, суд и весь надлежащий порядок государства».

Этот более радикальный проект вызвал возражения со стороны некоторых членов русской гейдельбергской колонии [1], например, В. И. Бакста [2]; по его поручению другой член колонии, Г. Веселитский, ездил в Лондон настаивать на более умеренной редакции адреса. Текст был несколько изменен, отлитографирован в Маннгейме и распространен по России при помощи некоторых членов гейдельбергской колонии. В общем никаких политических результатов эта затея не имела [3].

И. Тургенев, которому первый (умеренный) проект адреса был передан через В. Лугинина [4], отказался подписаться под ним. Он находил,

---

[1] Эта колония образовалась в 1862 году, когда после закрытия Петербургского университета много русской молодежи отправилось заканчивать образование за границу, в частности в Гейдельберг. Членами ее были В. Бакст, В. Лугинин, К. Случевский, К. Молоствов, В. Нагель, А. Линев, Н. Альбертини и проч. Колония отличалась либеральным духом и была близка к Герцену. Эта колония описана в романе Тургенева «Дым», где под видом Губарева в карикатурном виде выведен Огарев.

[2] Бакст, Владимир Игнатьевич, кандидат прав Петербургского университета, владел частной типографией в Петербурге; в 1861 году был заподозрен в сношениях с эмигрантами и в печатании революционных воззваний в своей типографии, но обвинение не было доказано. Получив разрешение выехать за границу в 1863 г., самовольно там остался; проживал впоследствии в Берлине и в Цюрихе. В 1870 г. обратился с прошением к шефу жандармов о разрешении вернуться в Россию, что ему и было разрешено. Впоследствии вновь отправился в Швейцарию, в 1872 г. проживал в Цюрихе и состоял в сношениях с эмигрантами.

[3] В предисловии к сборнику «Десятилетие Вольной Русской Типографии в Лондоне», вышедшему в феврале 1863 г., Герцен говорил: «Мысль о Земском Соборе носится в русском воздухе. Милютины, Валуевы меняют его на мелкие губернские думы; в дворянских собраниях о нем молчат, но без имени Земский Собор, как королева Мария Антуанета в деле ожерелья, — великое подразумеваемое. Купечество и народ (?) говорят о нем, военные заставят его созвать». А около того же времени, летом 1863 г., Центральный Комитет общества «Земля и Воля» рекомендовал своим провинциальным комитетам сосредоточить всю свою пропаганду на внедрении в умы масс идеи Земского Собора на-ряду с требованиями политической свободы.

[4] Лугинин, Владимир Федорович (1839—1911) — известный химик; учился в военном артиллерийском училище; с 1860 г. выехал за границу,

что в адресе, с одной стороны, уменьшается значение Положения об освобождении крестьян, с которого, декать, в России начинается новая эра, а с другой — содержатся места, которым могут посочувствовать дворяне-крепостники, а не крестьяне. Основная мысль Тургенева выражена в его письме к Лугинину от 8 октября 1862 г.: «Главное наше несогласие с О(гаревым) и Г(ерценом), а также с Бакуниным состоит именно в том, что они, презирая и чуть не топча в грязь образованный класс в России, предполагают революционные или реформаторские начала в народе; на деле это совсем наоборот. Революция в истинном и живом значении этого слова — я бы мог прибавить: в самом широком значении этого слова — существует только в меньшинстве образованного класса, и этого достаточно для ее торжества, если мы только самих себя истреблять не будем».

И. Тургенев носился с (неосуществленной) мыслью о собственном проекте адреса, менее способного раздражить царское правительство, хотя, как он сознавал, тоже могущего иметь только чисто агитационное значение. А, может быть, он заговорил о собственном проекте лишь для того, чтобы легче отклонить огаревский проект, подписать который не мог, разумеется, человек, полагавший, подобно Тургеневу, что «какие бы ни были последствия от «Положения» для дворян, крестьянин разбогател и, как они выражаются, раздобрел от него и знает, что он этим царю обязан... Безумно было бы не принимать этих фактов в соображение и вслед за М. Безобразовым [1] и другими лепетать обвинения, которые показывают или недобросовестность, или незнание» [2].

учась химии в Гейдельберге, а вакации проводя в Лондоне вблизи Герцена, большим поклонником которого он был. Впоследствии помогал материально Бакунину. По направлению — умеренный либерал-конституционалист. С 1889 г. был профессором химии в Москве. Умер в Париже.

[1] Безобразов, Николай Александрович (1816—1867) — один из вождей дворянской реакции в 60-х годах; издатель и вдохновитель пресловутой «Вести».

[2] Свос критическое отношение к огаревскому проекту адреса Тургенев мотивировал также в письмах к Герцену от 8 и 16 октября 1862 года. В первом из них он между прочим писал: «Вы... в сущности отрекаетесь от революции, потому что народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор par excellence и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности, что далеко оставит за собою все метко-верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах. Далеко нечего ходить — посмотри на наших купцов... Эх, старый друг, поверь: единственная точка опоры для

Бакунин, принявший, к удивлению, деятельное участие в агитации за адрес, был возмущен отношением Тургенева еще больше, чем Герцен. 20 октября 1862 года он писал В. Лупинину: «Пожалуйста, не верьте И. С. Т(ургеневу): он весьма способный литератор, милый человек, но в политике шут гороховый. Если бы жертва ограничивалась только тем, чтобы дать ему свой адрес—со включением условленных пунктов для удовлетворения его самолюбия, — если б можно было расчитывать на его слово, деятельность и постоянство, то мы без сомнения с радостью согласились бы признать за ним роль первенствующего руководителя в этом деле. Это было бы очень полезно. Но на постоянство и серьезную волю Тургенева положиться невозможно. Он рисуется и капризничает, что в общежитии очень мило, но в деле такой важности не должно быть терпимо. Я говорю это так положительно потому, что знаю его с юных лет... Кроме того, не только между ним и нами, но и Вами... есть в самом понятии Вашего и наших дел — пропасть. Вы пишете, что... Вы сблизились, потому что Ваши убеждения ближе к убеждениям И. С., чем к нашим. Вы разумели под этим то, что Вы называете нашим социализмом. Но в деле адреса о нас [1] не должно быть помину, потому что адрес имеет цель исключительно политическую, созвание Земского Собора... Разница между нами и И. С. Тургеневым совершенно другая: он правительственный реформатор, он принимает основы правительственные и не согласен только с настоящим способом их осуществления. Между ним и Кавелиным [2] нет никакой разницы, оба наши и ничьи, кроме темперамента и таланта; оба хотят революции (?) с сохранением империи, а следовательно, и петровской системы revu et corrigé (т.-е просмотренной и исправленной. — *Ю. С.)* и романовских палат. Оба они могут быть более или менее противниками направления меньшинства тверского дворянства, которое отрицает у правительства и право, и способность осуществить коренной переворот, приписывая их единственно только всеобщему Земскому Собору.

«...Вы одни, как мне кажется, и душою, и телом разделяете убеждения тверских дворян... Разница между Вами и Тургеневым с Кавелиным

живой революционной пропаганды — то меньшинство образованного класса в России, которое Бакунин называет и гнилыми, и оторванными от почвы, и изменниками. Во всяком случае у т е б я другой публики нет». Последнее замечание верно.

[1] Так сказано в нашей копии; возможно, что в оригинале было «о нем».

[2] Кавелин выпустил в начале 1862 года в Берлине брошюру «Дворянство и освобождение крестьян», в которой высказался против конституционных стремлений части дворян. Это привело летом 1862 года к разрыву между ним и Герценом.

в том, что они — идеалисты, верующие в возможность существенных реформ, вы же — революционеры-реалисты, убежденные в том, что это правительство, по малодушию и ничтожеству, окружающему трон падишаха, и по всем условиям своего существования, ничего путного и живого сделать не может, и что перерождения России должно единственно ждать от народа, т.-е. от Земского Собора, если правительство на него согласится, или от революции, которую необходимо готовить. Во всем этом социальный вопрос в стороне. Мое мнение, что Тургенева употребить можно. Если он вполне согласится, тогда Вы нас известите. Но брать его слишком серьезно, связываться с ним не должно Вам и Вашему делу предстоит еще много преград для разрушения» [1].

Два дня спустя, 22 октября, Бакунин писал какому-то Михайлову [2], также, повидимому, стоявшему на точке зрения Тургенева, который говорил, что наиболее реакционные дворяне-крепостники согласятся якобы подписать огаревский адрес в виду содержащейся в нем тенденциозной критики «Положения»:

«Наши дела идут быстро, но успех в тумане, но это и заставляет нас удвоивать старания. Вы тоже выступаете с предложением И. С. (Тургенева), однакож вникните в сущность дела и поймите, насколько Ваши отношения будут неравны. Он говорит всегда свысока, как маститый, опытный и глубокомысленный старец, а Вы проникнуты любовью к делу. Он уверяет, что Паскевич и Безобразов подпишутся под нашим адресом. Эти уверения достаточно раскрывают пустословие Тургенева. Мы его давно знаем и часто переписываемся. Итак, если Безобразов и князь Паскевич и подписались бы на нашем адресе, что ж из этого? Да это было бы важное дело, и не они одни, все тверское дворянство под-

---

[1] Это письмо находится (в копии) в делах высоч. утвержденной следственной комиссии в б. архиве Третьего Отделения, ныне в Архиве революции. Полностью оно будет опубликовано в подготовляемом нами полном собрании сочинений и писем Бакунина.

[2] Кто скрывается здесь под именем Михайлова, нам пока не удалось установить. Быть может, именно об этом лице идет речь в дополнительном показании, данном следственной комиссии Н. А. Серно-Соловьевичем 11 декабря 1862 года. Он рассказывает, что в конце 1860 года встречал в Париже какого-то Михайлова, уехавшего из России «по политическим делам», настоящей фамилии которого не знает, и который, по его словам, состоял в каких-то сношениях с Герценом. Этого Михайлова Серно-Соловьевич изображает, впрочем, в весьма несимпатичном свете. (См. у М. Лемке, «Былое», 1906, ноябрь, стр. 202 и след.)

пишет. Если Вы с Тургеневым уладитесь быть с нами, неужели Вам будет стыдно итти об руку с меньшинством тверского дворянства? Я писал об этом и Владимиру Федоровичу (Лугинину), который ставит Тургенева как крайнюю необходимость для нашего дела. Всмотритесь лучше в него и увидите, как он воспользовался слухами о предполагаемых правительством юридических и административных реформах. Он и Вы за ним говорите, что надо их выждать, а известно ли Вам, когда они будут об'явлены? Мы будем ждать месяцы, наступит 1863 год! Грянет, может быть, польское, малороссийское движение, может быть, и военное, и русское крестьянское, — а мы будем ждать, сложа руки, без цели и средоточия, ждать и верить в правительство? Все это смешно. Разве тверское дворянство не высказало смело, что это правительство не в силах выдумать и создать что-либо доброе для спасения Руси? Разве Вы забыли слова Унковского? Да и брошюрой своей Кошелев не доказал ли Вам, что нет исхода кроме Земского Собора? Необходимо создать знамя, вокруг которого могут соединиться раз'единенные теперь серьезные партии!.. Разве из нового юридического известия не видим, что правительство играет в подлую игру, дает два, чтобы после взять десять? Разве при обещанной гражданской децентрализации Вы не видите собирающуюся на нас грозу военной централизации — учреждение военных пашалыков? Правительство, решившееся сохранить всю старую бюрократическую и военно-произвольную власть, не может дать и тени свободы. Чего ж тут ждать? Другое дело прибавить в адресе, «что публика и народ, проученные долгим опытом, ничего не ждут доброго от обещанных только реформ». Это можно и даже необходимо. Советую, займитесь с Владим. Федор., пригласите Давыда и И. С., если они пожелают. Противодействовать этим смешным ожиданиям необходимо и в русских заграничных, и в иностранных французских и немецких журналах. Но увлекаться ими самими было бы и смешно, и грешно. Тургенев, если не подпишет, оставьте его в стороне. Огарев немедленно пересмотрит старый адрес сообразно новым требованиям и прибавит необходимое. А Вы, любезный друг, не смущайтесь и продолжайте необходимое дело. В две, три недели до от'езда Гр. С. [1] все дело должно быть кончено, адрес при нем и напечатан... Иначе мы будем смешны» [2].

---

[1] Возможно, что речь идет о графине Е. Салиас или ее сыне.

[2] Возможно, что в эту агитацию Бакунин думал втянуть проживавшего тогда в По (Франция) гр. Муравьева-Амурского, в котором он в то время еще не разочаровался. Об этом можно судить по письму Бакунина от 23 октября к какому-то Ивану Константиновичу, которого Бакунин просит сообщить

Полемики с самим Тургеневым Бакунин избегал, отчасти потому, что считал ее бесплодной, отчасти потому, что не хотел с ним лично ссориться ввиду той помощи, которую Тургенев оказывал ему в деле переезда его жены из Иркутска. Так, в письме от 23 октября 1862 года Бакунин пишет: «Ты прав, Тургенев, прекратим бесполезные рассуждения о вопросах политических, которые нас только раздражнивают, ссорят и ни на шаг не подвигают. Мы оба слишком стары, чтобы менять шкуру, останемся каждый при своей старой, но также и останемся друзьями. Правда, что в этой дружбе весь выигрыш мой: ты для меня много делаешь, я же для тебя сделать ничего не могу. Но пусть будет это неравенство; лишь бы оно не надоело тебе, я с ним мирюсь и в доказательство сейчас же начинаю говорить о своих делах». И дальше Бакунин переходит к вопросу о выезде своей жены из Сибири, прося Тургенева притти ей в этом деле на помощь.

Не следует, впрочем, думать что, принимая участие в агитации за Земский Собор, Бакунин безоговорочно становился на либеральную позицию Герцена (и находившегося тогда всецело под влиянием последнего — Огарева). Герцен полностью стоял на точке зрения умеренного либерализма; для него Земский Собор был, если так можно выразиться, программой-максимум; он бы вполне удовлетворился его созывом и по отношению к нему отказался бы от всякой революционной агитации, а тем более от всяких революционных действий; он не стал бы его дискредитировать и поднимать против него трудящиеся массы в случае, если бы Земский Собор оказался представителем либерального дворянства и буржуазии (а иначе и не могло бы быть). Для Бакунина вопрос стоял не так.

В глубине души Бакунин не только не верил в практические результаты либеральной агитации, но и не мог, по самому существу своих воззрений и симпатий, сочувствовать либеральной программе и желать ей успеха. Правда, в этом отношении у него в то время замечались колебания, об'ясняющиеся неуспевшим еще выясниться соотношением боровшихся общественных сил и даже их характером. Одно время он чрезвычайно увлекался движением либерального меньшинства тверского дворянства и придавал ему даже преувеличенное значение. Известно, что в феврале 1862 года 13 тверских мировых посредников (в том же феврале тверское дворянство подало царю упомянутый выше конституционный

ему, что говорит и думает граф «о России и о положении европейских дел вообще, а также и о нас». Это письмо, равно как и предыдущее, также находится в делах следственной комиссии.

адрес) заявили правительству, что впредь они в своей общественной деятельности намерены руководствоваться не правительственными распоряжениями, а указаниями общества. За это заявление они были арестованы и посажены в Петропавловскую крепость, а впоследствии приговорены сенатом к двухлетнему заключению в смирительном доме [1]. Среди них находились также два брата Бакунина, Николай и Алексей. По этому поводу Бакунин писал 3/15 апреля 1862 г. Н. С. Бакуниной-Корсаковой следующее:

«Известие об арестовании двух братьев... возбудило, конечно, во мне мучительное беспокойствие, беспокойствие бессильного, который не может помочь, но вместе с тем и чувство гордости, чувство светлой, хотя и грустной радости. Честь и слава им! Чем бы ни кончилось их дело, они и все тверское дворянство, подносившее адрес, заявили себя самоотверженными защитниками несомненного, великого права и вместе политического разума. Да, т о л ь к о э т и м п у т е м м о ж н о с п а с т и м а с с у д в о р я н с т в а о т с т р а ш н о й н а р о д н о й р е з н и, т о л ь к о с а м о у н и ч т о ж е н и е м д в о р я н с т в а м о ж е т б ы т ь о б е с п е ч е н о ш и р о к о е и с п о к о й н о е р а з в и т и е р у с с к о й с в о б о д ы. Тверское дворянство действует ныне консервативно, правительство же революционно. Иди оно еще год или два таким путем — и вся Россия, а с нею и петербургская власть потонет в крови. Впрочем, для последней, кажется, нет спасения. Чтоб спастись, она должна была бы переродиться — на это у нее не достанет ни ума, ни воли, ни запаса жизненных сил. Жил и умрет Петербург немцем, а для немцев в России теперь места нет». И дальше он прибавляет: «Теперь не время наслаждения и спокойствия. Времена великие, но жестокие наступают. Лихо море-океану расколыхаться, не скоро оно потом успокоится. Все паллиативные средства, придумываемые ныне, только ускорят разгром. Надо готовиться к буре — хотите не хотите, но надо: ни от Вас и ни от кого она не зависит. Она во всей атмосфере, и в этом отношении я не ошибаюсь: во мне есть и н с т и н к т б у р н о й п т и ц ы. Приближается для нас всех испытание страшное; дай бог, чтоб каждого из нас оно нашло на своем месте и в силе».

Итак, с одной стороны, Бакунин как будто становится на позицию либерального тверского дворянства [2]. Особенно резко эта тенденция

---

[1] В действительности их освободили раньше.

[2] В письме к одной сибирской приятельнице (Эмме) от 7/19 ноября 1862 г. Бакунин говорит: «В России производится теперь повсеместная агитация, цель которой — созвание Всенародного Земского Собора, единоспособного решать мирно, бескровно вопросы неотлагательные, но для прави-

выражена в приведенных выше письмах его к Лугинину и Михайлову, где он готов рассматривать эту позицию как революционную и чуть ли не антигосударственную. А с другой стороны он определенно ждет революции, не верит в реформаторские способности правительства и ждет выступления народных масс, которое должно привести к радикальным переменам и в частности чуть ли не поголовному истреблению дворянства.

В письме к И. Тургеневу от 5 апреля 1862 г., т.-е. в разгар либеральной агитации по поводу Земского Собора, Бакунин определенно высказывается за революцию. Русский народ, говорит он, «не городовой, а земледельческий; земледельческие же народы не легко поддаются на движение, зато, когда приходят в движение, их не успокоишь так скоро. Доказательством может служить движение гусситов в Богемии. Да, роды русские трудны, им нужно помочь военною операциею. Мы к этому стремимся». И дальше Бакунин сообщает о сближении с польскими революционерами, от которого он ждал «благодетельнейших результатов».

Бакунин сильно преувеличивал шансы на революционное выступление в России и силы, которыми располагали тогда антиправительственные элементы. В письме к Амборскому от 12 октября 1862 г. он пишет: «Хорошие времена: результат 1848 года. Наши дела двигаются. Если бы достигнуть полного соединения с Вашими (т.-е. поляками), тогда бы мы разрушили всю администрацию [1]. Но враги портят все, и союз вожделенный еще не состоялся. Может быть, события решат и сблизят. Польша негодует, в России сотни наших пробегают деревни и призывают к крестовому походу против монархизма (?). Крайнее невежество наших крестьян и слепая преданность романовцам ослабляет пропаганду. Ваш Комитет решил в январе низвержение ига [2], советую Вам какою (хотя?) бы ценою крови выйти из постыдного рабства. Энергия! А войска помогут: офицеры теперь

тельства нашего неразрешимые» (Переписка, стр. 95). Это чисто либеральная постановка вопроса (правда, письмо написано умеренной обывательнице-провинциалке).

[1] Повидимому, государственный строй самодержавной Империи. Раз навсегда предупреждаем, что в тех случаях, когда мы принуждены пользоваться не оригинальными документами, а их казенными переводами или агентскими копиями, имеющимися в делах следственной комиссии и подобных учреждений, мы неизбежно наталкиваемся на неправильно переведенные и неточно переданные и потому непонятные места.

[2] Речь идет о решении Варшавского Центрального Комитета начать в 1863 году восстание в Польше.

не николаевской школы. Партия наша и фонд растут. В последнее время прибыло 2 т(ысячи) фунтов. Если так пойдет, то составится колоссальный капитал для предприятий» [1].

Конечно, все это было большим преувеличением: и капитала колоссального в «общем фонде», учрежденном Герценом при «Колоколе», не составилось, и сотен агитаторов, якобы пробегавших русские деревни с республиканской проповедью, тогда тоже не было (это случилось, впрочем, через десяток лет!). Но эти преувеличения характерны для того настроения, которое в конце 1862 и в начале 1863 года овладело Бакуниным. Увеличению, вере в возможность близкого переворота в России поддались тогда даже люди более хладнокровные и осторожные. «Бакунин верил в возможность военно-крестьянского восстания в России, — пишет Герцен, — верили отчасти и мы (т.-е. Герцен с Огаревым), да верило и само правительство, как оказалось впоследствии рядом мер, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряжение умов, брожение умов было неоспоримо, и никто не предвидел тогда, что его свернут на свирепый патриотизм. Бакунин, не слишком останавливаясь на взвешивании всех обстоятельств, смотрел на одну дальнюю цель и принял второй месяц беременности за девятый. Он увлекал не доводами, а желанием. Он хотел верить и верил, что Жмудь и Волга, Дон и Украйна восстанут как один человек, услышав о Варшаве; он верил, что наш старовер воспользуется католическим движением, чтоб узаконить раскол» [2].

Приблизительно то же сообщает в своей «Исповеди» В. Кельсиев (даже после своего покаяния) [3]. «Вести из России, доходившие до нас, — говорит он, — были вообще тревожные. Крестьяне не хотели подписывать уставных грамот, ждали полной воли, искали «золотую грамоту». В войсках было брожение, офицеры сходились с солдатами и с народом, и со всех сторон неслись слухи, что за таким-то целый уезд, а за таким-то и целый город встанет. Молодежь наша из себя выходила, толковала о революции и о баррикадах; «Молодую Россию» никто не хвалил, но думавших одинаково с нею было множество; ей только в вину ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало. Польские демонстрации находили себе первое время большое сочувствие — русским было стыдно, что у них нет такой смелости и влияния,

---

[1] Адресат этого письма — бывший студент Киевского университета Иван Амборский; в июне 1862 г. бежал за границу. По требованию русского посольства подвергся репрессиям со стороны французской полиции.

[2] «М. Бакунин и Польское Дело». Сочинения Герцена, т. XIV, стр. 436.

[3] «Архив Русской Революции», т. XI, стр. 250.

как у поляков, что они не могут двинуть толпы; но общее мнение говорило, что, дойди у поляков до дела, и придвинься их ожидаемое восстание к границе наших великорусских губерний, то и мы встанем. Полякам самим никто не доверял, на их либерализм мало рассчитывали, но довольны были их почином, который давал возможность произвести взрыв и направить его к разрешению экономических вопросов. Вообще по всему, что до нас доходило, мы не могли не притти к заключению, что революция неотвратима, и что на ее стороне будет войско, мещанство и крестьянство, не считая уже образованного меньшинства».

Если такому настроению поддавались в то время такие люди, как скептический Герцен и политически неустойчивый Кельсиев, то нетрудно себе представить, какая революционная лихорадка охватила в то время пылкого и активного Бакунина. Исторический момент, переживавшийся тогда Россией, был действительно необычайным. Потрясение, вызванное экономическим развитием страны и поражением во время Крымской войны, не только не улеглось, но, напротив, достигло апогея. Буржуазное общество перло из обветшалой крепостной оболочки. Половинчатая крестьянская реформа всколыхнула массы, недовольные создавшимся переходным положением и неосуществлением своих заветных чаяний, и вместе с тем вызвала настроение недовольства среди различных категорий дворянства. Брожение крестьянства незаметными путями передавалось в армию солдатам, а недовольство дворянства — офицерам. Революционная интеллигенция, пополненная новыми выходцами из разночинной среды, решительно выступила на сцену, создавая революционное брожение в городах. К этому присоединилось влияние заграничных событий: вести о политическом оживлении в Италии, Франции, Германии, о назревании национально-освободительных движений в Австрии также многообразными путями проникали в Россию, усиливая брожение, вызванное факторами внутренней жизни. Наконец, рост революционного движения в Польше, начавшей тесно связываться с русской оппозицией, подавал надежды на то, что восстание Польши послужит сигналом к восстанию в России. И действительно, Бакунин (да, как видим, и другие) связывал свои надежды на русскую революцию с революционным выступлением поляков. Это было главноїї причиной, по которой Бакунин с таким интересом и активным сочувствием отнесся к борьбе поляков за национальное освобождение своего отечества, к чему он был, впрочем, подготовлен всею историею своего умственного и политического развития.

5. Бакунин и революционные организации в России:

В самой России уже начали складываться революционные организации («Молодая Россия», «Земля и Воля» и т. д.). Появилась революционная разночинная молодежь, настроенная чрезвычайно решительно. Она состояла преимущественно из последователей Чернышевского и Добролюбова. Мы видели (в конце первого тома), как плохо Бакунин оценил деятельность кружка «Современника», колоссальной революционно-просветительной роли которого он совершенно не понял, увлекшись панславистскими бреднями вместе с Муравьевым. Так же мало понимал он вначале и эту новую революционную молодежь, хотя в литературе как будто стремился выступать ее глашатаем. Он не знал ни ее стремлений, ни ее духа и идеалов. Достаточно, например, указать на то, что он моментами допускал участие революционной молодежи в знаменитых петербургских пожарах, имевших место в 1862 году. Эти пожары, действительное происхождение которых не выяснено до сих пор, вернее всего были делом рук полицейских провокаторов, действовавших по поручению крайней реакционной партии крепостников. Именно полиция, чтобы направить общественное мнение по ложному пути и натравить темные массы на революционную молодежь, распространяла с помощью услужливых либеральных и нелиберальных газетчиков слухи о прикосновенности к пожарам студентов. А наивный Бакунин в первый момент готов был чуть ли не поверить реакционной клевете. «Что это у вас делается, — пишет он 23 июня — 5 июля Н. С. Бакуниной, — и неужели студенты участвовали в пожарах? А впрочем, дивиться нечего: на глупость сверху отвечает изуверство снизу. Молодежь еще далеко не дисциплинирована и, главное, к несчастью, еще не понимает, что она не народ, и что продукты ее непереваренных теоретических воззрений далеко не выражают ни народного инстинкта, ни народной воли». В письме к Налбандову от того же числа он выражается уже несколько осторожнее: «Здесь не знают, что думать о ваших пожарах. Неужели студенты в самом деле участвовали в них? Что-то не верится» [1].

---

[1] В ежегодном всеподданнейшем отчете шефа жандармов, представленном царю весною 1863 г., кн. Долгоруков, изложив замыслы русских и польских революционеров и репрессивные меры, принятые правительством, продолжает: «Исчисленные здесь меры строгости имели успех, — волнение умов видимо успокоилось; бывшие в столице п о ж а р ы, составляя сами по себе большую вещественную потерю, в о з б у д и л и в п у б л и к е, особенно же в пострадавшем наиболее торговом и низшем классе здешнего населения, ч у в с т в о с а м о с о х р а н е н и я и в м е с т е с т е м о б щ е е н е г о д о в а н и е п р о т и в п о д о з р е в а е м ы х в п о д ж и г а т е л ь с т в е б е с п о к о й-

В брошюре «Народное Дело», которую он написал через месяц-другой после того, Бакунин уже становится на верную позицию. «Пожары были совершенно случайны, — говорит он: — такие пожары — обыкновенное, почти периодическое явление в России. Но возбужденные политические страсти, а главное — подлый страх... придали ныне петербургским пожарам другое значение. Правительство первое дало пример. Оно нашло полезным обвинить в поджоге передовую молодежь и распространить эту клевету между народом, дабы возбудить его против студентов. В прежнее время никто из литераторствующей порядочной публики не смел бы присоединить своего голоса к клеветливому воплю из-ума-вон испуганной власти. Того бы не потерпело общественное мнение, которое даже при самом Николае умело клеймить продажную литературу и литераторов Третьего Отделения. Теперь им лафа».

В том факте, что Бакунин мог хоть на минуту допустить правильность полицейско-реакционной версии, мы усматриваем не только следствие его незнакомства с психологией революционной молодежи, но и несомненное влияние герценовского окружения. Этим влиянием надо об'яснить и комично звучащие в устах именно Бакунина слова о «непереваренных теоретических воззрениях» молодежи, не выражающих народных инстинктов и народной воли, об «изуверстве снизу», отвечающем на «глупость сверху» (какое мягкое выражение для «верха» рядом

ных студентов, поляков и вообще против мятежных голов. Герцен и его пропаганда понесли чрез это довольно сильный удар, которому потом содействовали еще издатели московского журнала «Русский Вестник», Катков и Леонтьев, первые в России выступившие печатным резким словом против несбыточных пагубных теорий Герцена. Посыпавшиеся на помянутых издателей злые нападки со стороны либеральных российских журналов доказывают меткость удара, нанесенного пропаганде, и вместе с тем солидарность с оною большей части литературного нашего общества. Таким образом удалось на этот раз рассеять скопившуюся над русскою землею революционную тучу, которая грозила разразиться при первом удобном случае» (Герцен — «Соч.», т. XV, стр. 588—589). В этих словах шефа жандармов можно с полным основанием усмотреть признание в устройстве этих пожаров полицией с чисто провокационными целями. По сообщению М. Лемке, сенатор И. И. Шамшин был глубоко убежден в провокационном характере пожаров, вызванных крепостнической партией. А сенатор Жданов, посланный через 2 года в Поволжье для расследования пожаров, имевших место в Саратове, Симбирске и т. д., установил, что они связаны с происками реакционеров-крепостников, стремившихся терроризировать страну и задержать реформы. Жданов на обратном пути внезапно скончался, чемодан его с бумагами таинственно исчез, а результаты его расследования так и не увидали света (Русанов — «Социалисты Запада и России», стр. 276).

с «изуверством» для «низа»!) и о недисциплинированности революционеров. Это герценовское влияние несомненно сказалось и на содержании брошюры «Народное Дело», в частности на тех ее местах, где обсуждаются и осуждаются тогдашние революционные программы и выступления в России, и, может быть, на осуждении террористических действий со стороны польских революционеров. Но у Бакунина в данном случае был и иной мотив, толкавший его на отмежевание от допускаемых им ошибочных действий молодежи: его самого старались припутать к этим пожарам.

В том же письме к Н. С. Бакуниной, непосредственно после цитированных нами выше слов о непереваренных теоретических воззрениях молодежи, Бакунин продолжает: «Дошло до меня, что у вас многие приписывают мне и нелепые прокламации [1], и преступные, потому что бесцельные, пожары. В другое время я над этим стал бы смеяться, но теперь дело иное: время серьезное, и ничем пренебрегать не следует. Очень может быть, что само правительство распускает такие слухи, чтобы иметь предлог поступить с братьями построже [2]. И, наконец, я не могу молчать на такие уродливые обвинения. Вследствие этого на-днях явится в «Колоколе» моя статья под названием «Наше положение. Несколько слов о доктринаризме революционеров». Не сердись на меня, она резко написана» [3].

Дальше Бакунин высказывается против террористических актов в Польше. «Сегодня, — продолжает он, — узнали по телеграфу о попытке убить в. к. Константина Николаевича [4] в Варшаве. И там также недисциплинированная молодежь и, что еще более, молодежь, раз'яренная последними оскорблениями женщин, девушек.., и чуть ли не образовалось общество фанатических молодых людей с целью убивать всех главных русских людей... По-моему, этот выстрел — промах ужасный: ведь Константин не успел еще высказаться».

Нужно, впрочем, заметить, что Бакунин (за исключением короткого периода нечаевщины, о чем см. в третьем томе этой работы) никогда не высказывался в пользу индивидуаль-

---

[1] Имеется в виду прокламация «Молодой России» (об этом см. ниже).

[2] Предположение несколько узкое: правительство распространяло слухи о связи пожаров с лондонской и российской «пропагандой» для того, чтобы облегчить себе расправу не с братьями Бакунина (сидевшими тогда в крепости), а с революционерами вообще.

[3] Неясно, против кого: против революционеров или против правительства? И почему именно Натали должна была по этому поводу «сердиться»!?

[4] Незадолго до того назначенного наместником в Польшу.

ного террора, хотя и был сторонником частичных бунтов и даже экспроприаций. В заметке «Петербургская нескромность», помещенной в № 145 «Колокола» от 15 сентября 1862 г., он возвращается к этому вопросу. Указав на жестокие репрессии русского правительства в Польше, на избиение и освидетельствование арестованных женщин, Бакунин восклицает: «И после этого вы смеете удивляться, что поляки, доведенные таким зверством до безумного отчаяния, прибегают к последнему средству отчаянных, к убийству! Мы не верим в это средство освобождения (курсив мой), но перед совершившимися попытками молчим, у нас нет духа поднять голоса против трех несчастных погибших, потому что мы знаем, что́ наши делают в Польше. Они любили отечество горячо, и по своему лучшему разумению они за него погибли».

Обещанная в письме к Н. С. Бакуниной статья Бакунина о доктринаризме революционеров в «Колоколе» не появилась. Выполнение этой критической задачи в «Колоколе» взял на себя сам Герцен, напечатавший в № 141 от 15 августа 1862 года статью «Журналисты и террористы». Статья вся посвящена полемике с «Молодой Россией», которая в своей прокламации высказалась против мирной и оппортунистической тактики Герцена в «Колоколе» [1]. В этой статье Герцен определенно высказывается

---

[1] «Молодая Россия» — прокламация, выпущенная в июне 1862 г. кружком, называвшимся «Центральным Революционным Комитетом», и составленная П. Г. Заичневским, который стоял во главе этого кружка. Программа, выставленная «Молодою Россиею», сводилась к радикальной социальной революции, которая должна была установить право наций на самоопределение, превращение России в федеративный союз социалистических республик, социализацию земли, общественные фабрики, кооперативы, полное освобождение женщины и т. д. Прокламация весьма напугала и правительство, и либералов. Полиция воспользовалась совпадением момента ее выхода с петербургскими пожарами и начала провокационно связывать их друг с другом. В прикосновенности к пожарам обвиняли не только заграничных эмигрантов, но и Чернышевского. Либералы вроде Кавелина не отставали в этом отношении от политической полиции. В письме к Герцену от 6 августа 1862 г. Кавелин, злорадствуя по поводу ареста Чернышевского, тут же переходит к пожарам и бесстыдно прибавляет: «Что пожары в связи с прокламациями, в этом нет теперь ни малейшего сомнения»! Неудивительно, что волнение, возбужденное «Молодой Россией» среди либералов, передалось и герценовскому кружку, который в то время литературно выражал и обслуживал либерально-дворянскую аудиторию.

О «Молодой России» см. М. Лемке — «Политические процессы 60-х годов»; «Дело Заичневского» — в сборнике «О Минувшем», 1909; «Политические процессы 60-х годов», I, материал подготовлен В. П. Алексеевым, под ред. Б. П. Козьмина, Госиздат, 1923.

против насильственных переворотов и кровавых революций, против террора — как белого, так и красного. Далее Герцен высказывает ту мысль (лежащую также в основе брошюры Бакунина «Народное Дело»), что царизм, не имеющий якобы определенной классовой основы, может при известных условиях стать фактором народного освобождения и социальной революции.

«Императорская власть у нас,— говорит он,— т о л ь к о в л а с т ь, то-есть сила, устройство, о б з а в е д е н и е; содержания в ней нет, обязанностей на ней не лежит; она может сделаться татарским ханатом и французским комитетом общественного спасения, — разве Пугачев не был императором Петром III? Что общего между Алексеем Михайловичем и Петром?.. Николай под самодержавием разумел сочетание власти азиатского шаха и прусского вахмистра. Народ под з е м с к и м царем представляет себе какую-то социальную республику, накрытую мономаховой шапкой».

В заключение Герцен советует революционной молодежи оставить «революционную риторику» и заняться «делом». Он рекомендует ей организоваться и быть готовою к решительному дню. «Если,—прибавляет он, — солнце взойдет без кровавых туч, тем лучше, а будет ли оно в мономаховой шапке или во фригийской, — все равно. Разве французы мало доказали вам, что за перевод с феодально-монархического языка мест и чинов на римско-республиканский не стоит проливать не только крови, но и чернил?»

Сам Бакунин сдержал свое обещание расправиться с революционным доктринерством молодежи в своей брошюре «Народное Дело» [1]. Здесь он писал следующее: «Прокламация «Молодая Россия» доказывает, что в некоторых молодых людях существует еще страшное самообольщение и совершенное непонимание нашего критического положения. Они кричат и решают, как будто бы за ними стоял целый народ. А народ-то еще и по ту сторону пропасти, и не только вас слушать не хочет, но даже готов избить вас по первому мановению царя. Что же, мученичество? Да ведь мученичество хорошо, когда мученики делают дело. Редакторов «Молодой России» я упрекаю в двух серьезных преступлениях. Во-первых, в безумном и истинно доктринерском пренебрежении к народу; а во-вторых, в нецеремонном, бестактном и легкомысленном обращении с великим делом освобождения, для успеха которого они между тем готовы жертвовать своею жизнью. Они, видно, так мало

[1] Неодобрительно отнесся к «Молодой России» и Чернышевский. Но у него были мотивы совершенно иные, чем у Герцена и Бакунина. См. мою книгу о Чернышевском, стр. 387 и след.

привыкли еще к настоящему действию, что им все кажется, будто они вращаются в мире абстракций. В теории все сходит с рук. На практике, особливо в такое время, как наше, что не полезно, то вредно. Появление «Молодой России» причинило положительный вред общему делу, и виновниками вреда были люди, желавшие служить ему. Без дисциплины, без строя, без скромности перед величием цели, мы будем только тешить врагов наших и никогда не одержим победы... Прокламация редакторов «Молодой России» не может быть принята за серьезное выражение идей передовой молодежи» [1].

Конечно, есть разница между отношением Герцена и отношением Бакунина к этой прокламации. Герцен вообще высказывается против революционных путей, против насилия, против революции. Бакунин так далеко не идет. Он готов предпочесть Романова, ставшего во главе социальной революции, но признает, что это неосуществимая мечта. Его упреки авторам «Молодой России» не вполне понятны. Он готов признать, что они увлеклись «отвлеченными революционными идеалами и громким словом республика»; но особенно за это он их не осуждает. Он упрекает их в том, что они хотят учить народ,

[1] Впоследствии, освободившись от влияния Герцена, Бакунин дал иную оценку прокламации «Молодой России». В своей четвертой речи на Бернском конгрессе Лиги Мира он говорил следующее о «Манифесте Молодой России», вполне с ним солидаризуясь:

«Скажут, как говорили и тогда, что «этот манифест есть только необдуманное и преувеличенное выражение чувств очень небольшого числа молодых ветреников». Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодых и пожилых людей, разбросанных по России и сочувствующих этим принципам, людей, которых чувства, стремления, инстинкты или, если так можно выразиться, симпатии вполне выражаются изложенными в манифесте принципами? Я думаю, что я скорее уменьшу, чем преувеличу, если скажу, что число таких людей простирается до 40 или даже 50 тысяч человек. Ведь это целая армия! И армия осмысленная и энергичная. Кто составляет ее? Молодые люди, вышедшие из корпусов, гимназий и университетов, дети мещан или разорившегося мелкого дворянства; юноши, почти лишенные средств к существованию, но тратящие последний свой грош на приобретение книг и образование; в особенности дети сельского духовенства, большинство которых погибает в адских трущобах наших семинарий, но из числа которых очень многие, притом самые умные и сильные, вырываются оттуда, полные энергии и ненависти ко всему существующему строю; наконец, много крестьянских и мещанских детей — юношей полных жизни, из которых многие делаются замечательными людьми, если счастливый случай даст им возможность образоваться. Вот, господа, наша революционная фаланга, которую государство преследует немилосердно, сотнями ссылает в Сибирь, садит в тюрьмы, умышленно убивает и истязает всеми способами и, несмотря ни на что, оказывается бессильным против них, так как они чересчур многочисленны, разбросаны

а не учиться у него; но ведь это просто фасон де парле. Читая цитированное место брошюры Бакунина, чувствуешь, что оно н а в я з а н о автору, п о д с к а з а н о ему герценовским окружением и в частности Мартьяновым, помешавшимся на идее «земского царя», но импонировавшим Бакунину своим чисто-народным, крестьянским происхождением [1].

Отношения Бакунина к группе «Молодая Россия», вдобавок скоро покончившей свое существование, ограничились этой — притом односторонней — литературной полемикой. С другой революционной организацией того времени, а именно с обществом «Земля и Воля» Бакунину пришлось стать в более непосредственные отношения.

Первой группой, приобревшей громкую известность в начале 60-х годов, было общество «Великорусс», выпустившее в 1861 году три номера листка того же названия [2]. После его провала осенью 1861 года

по всему пространству империи, а, главное, чересчур незаметны и потому легко избегают надзора.

«Но что могут сделать разбросанные 40 или 50 тысяч человек против организованной силы государства? Они могут тоже организоваться; они уже организовываются, а посредством организации сделаются, в свою очередь, силою, и силою тем более грозною, что она будет почерпать свою силу не в себе самой, а в народе. Они сделаются безустанными и деятельными посредниками между нуждами, инстинктами, неодолимой, но еще не сознанной силой народа и революционной идеей. С таким народом, социалистом по инстинкту и революционером по природе, и с такой молодежью, стремящейся по принципам и, что еще важнее, по самому своему положению к уничтожению существующего порядка вещей, революция в России несомненна. Что же будет ее первым, ее необходимым делом? Разрушение империи, потому что пока существует империя, ничего хорошего и живого не может осуществиться в России» («Историческое развитие Интернационала», стр. 354—356).

[1] В своей «Исповеди» В. И. Кельсиев указывает на податливость Бакунина посторонним влияниям. «Идей своих я у него ни одной не заметил, — пишет он. — Все, что он проповедует, обыкновенно взято у него напрокат у первого встречного. Он вечно под чьим-нибудь влиянием. Пел он и с моего голоса, и с Мартьянова, и с Лугинина (б. артиллерийского офицера, впоследствии ученого химика, представителя создававшейся тогда умеренной партии. — *Ю. С.*). Это мешок, в который что положишь, то и несет, только бы не мешали ему рисоваться да не отнимали возможности составлять, бог знает с кем и бог знает для чего, разные тайные общества». Это, конечно, преувеличено, но для тогдашнего Бакунина довольно верно.

[2] Действительный состав этой группы до сих пор точно не установлен. арестованный по делу о распространении листка «Великорусс» молодой офицер В. А. Обручев (между прочим знакомый Н. Чернышевского, который имел, повидимому, какое-то косвенное отношение и к этому обществу), впоследствии, по отбытии наказания, дослужившийся до генеральского чина, унес с собою эту тайну в могилу (см. его воспоминания в «Вестнике Европы», 1907, №№ 5 и 6, и 1908, № 10). По довольно правдоподобному указанию

лица, группировавшиеся вокруг братьев Николая и Александра Серно-Соловьевичей, начали задумываться над организацией нового общества, унаследовавшего его идею Земского Собора, но более рельефно выдвигавшего социальный, вернее сказать, крестьянский вопрос [1]. Идея такого общества принадлежала в частности Огареву, который высказал ее в статье «Что нужно народу?», напечатанной в № 102 «Колокола» от июля 1861 года и затем перепечатанной в виде отдельной брошюры [2]. Члены общества впоследствии и рассматривали ее как свою программу. Герцен относился к мысли об организации тайного общества чрезвычайно скептически и не верил в ее осуществимость. Когда в Лондон приехал Бакунин, он естественно очень горячо отнесся к этой мысли и энергично стал помогать ее реализации.

С конца октября 1861 г. начались подготовительные работы по организации общества. В Петербурге состоялся ряд совещаний при участии братьев Серно-Соловьевичей, Н. Обручева [3] и Слепцова [4].

А. Слепцова членами «Великорусса» были еще: Н. Н. Обручев, В. Ф. Лугинин и кн. Н. П. Трубецкой, впоследствии эмигрант. По словам Пантелеева («Из воспоминаний прошлого, ч. I, стр. 327), членом «Великорусса» был также Захарьин. «Великорусс» носил либерально-конституционный характер и требовал созыва Земского Собора.

[1] Так рассказывает один из основателей общества А. А. Слепцов, записка которого с изложением истории «Земли и Воли» частично приведена с дополнениями М. Лемке в комментариях к сочинениям Герцена (т. XVI, стр. 69—102, 155 и сл.). Эта записка Слепцова в сильнейшей степени подрывает те сообщения о «Земле и Воле», которые были сделаны Л. Пантелеевым, членом ее петербургского комитета, в книге «Из воспоминаний прошлого», части 1-я и 2-я.

[2] Напечатана в XI томе сочинений Герцена, стр. 138—146. Начинается она словами: «Очень просто: народу нужна земля да воля» и кончается советом организовать тайное общество из людей, преданных народному делу. Приведенные слова из первой строки статьи и послужили позже названием для общества. По словам Слепцова, Огарев рассказывал ему, что на вопрос, как бы назвать тайное общество, если бы оно организовалось, Герцен ответил: «Да ты уже сам сказал несколько месяцев назад. Конечно, Земля и Воля».

[3] О б р у ч е в, Николай Николаевич (1830—1904), впоследствии генерал, начальник главного штаба и член Госуд. Совета с 1893 г. В молодости был сторонником Герцена; в 1861 г. за границей участвовал в составлении упомянутой статьи Огарева «Что нужно народу?», был членом общества «Великорусс», а затем «Земли и Воли». Это не помешало ему позже сделать карьеру и умереть в высоких чинах.

[4] Слепцов, Александр Александрович — по окончании Александровского лицея в 1856 г. служил во II (кодификационном) Отделении с. е. и. в. канцелярии; вращался в радикальных кругах, был знаком с Чернышевским, с Н. Серно-Соловьевичем, в народной читальне которого был распорядителем;

Затем началась организация провинциальных комитетов, при чем Россия, по совету Чернышевского, была разделена на округа: северный, южный, два поволжских, приуральский и московский. Кроме названных выше, членами общества были: Василий и Николай Курочкины, писатели и редакторы известного тогда сатирического журнала «Искра», редактор «Русского Слова» Благосветлов, писатель Г. З. Елисеев, П. Л. Лавров (?), А. Н. Энгельгардт, народный писатель А. Ф. Погосский (?), студенты Н. Утин, Л. Пантелеев, Рымаренко, Мосолов, Шатилов, М. Гулевич, Бекман, Андрущенко, Н. Ф. Бунаков, д-р П. И. Боков (человек, близкий к Чернышевскому) [1].

В течение 1862 года организованы были комитеты Казанский, Астраханский, Тверской, Саратовский, Нижегородский, Петербургский, Московский, Пермский, Курский, Вологодский (Северный) и Полтавский. Осенью 1862 г. окончательно принято было название общества «Земля и Воля», употреблявшееся уже с августа, и создан его Центральный Комитет под названием «Русский Центральный Народный Комитет» (в отличие от прежде учрежденного в Варшаве «Народного Центрального Комитета»). В Центральный Комитет, кроме Слепцова и Обручева, введены были (вместо выбывших братьев Серно-Соловьевичей) Н. Утин и Благосветлов, а Н. Курочкин и Г. Елисеев назначены кандидатами в ЦК. К обществу стали присоединяться разрозненные кружки, студенческие и армейские, работавшие в провинции. В частности, присоединились военные кружки, состоявшие преимущественно из офицеров войск, расположенных в Царстве Польском [2]. Центральным органом общества «Земля и Воля» была «Свобода», которой выпущено было два номера (в феврале и июле 1863 года). Кроме того выпускались прокламации.

Общество ждало революции к лету 1863 года, когда должны были кончиться временно-обязательные отношения крестьян к помещикам. Кое-где велась и пропаганда в народе (например, в Москве, отчасти на

позже был учителем гимназии и членом ученого комитета. Один из основателей и главных деятелей «Земли и Воли» 60-х годов. Умер в 1906 году.

[1] С некоторыми из них нам еще придется встретиться.

[2] Сколько членов было у общества, в точности не установлено, да и вряд ли может быть когда-либо установлено. Слепцов заявил Герцену, что их около 3.000, но тот не поверил. Он же сообщает в своей записке, что в Москве и ее округе было 400 действительных членов (не считая тульского и владимирского районов), и что офицер Потебня (о нем ниже) привлек в общество около 200 членов, из коих около одной трети было в чине капитана и выше. Насколько здесь имело место действительное членство, а не просто сочувствие стремлениям общества, сказать трудно.

Волге) и среди солдат, но все это было еще в зачаточном состоянии. Знаменитый «казанский заговор» 1863 г., участники которого хотели с помощью подложных царских манифестов вызвать восстание крестьян и войск, был предпринят без ведома ЦК и по инициативе польских революционеров, хотя в нем приняли участие и члены общества «Земля и Воля».

В декабре 1862 года прибыл в Петербург из Варшавы член тамошнего Центрального Комитета, подготовлявшего восстание Польши к началу 1863 года, Сигизмунд Падлевский. Через офицера-поляка В. Г. Костского он вошел в сношения с ЦК «Земли и Воли». Как рассказывает в своих «Записках о польском восстании» (т. III) О. Авейде, Падлевскому, имевшему рекомендации от Герцена и Бакунина, поручено было проверить существование в России революционных организаций и завязать с ними сношения. Вести с ним переговоры ЦК поручил Слепцову и Утину. Они откровенно об'явили Падлевскому, что организация их еще очень молода, слаба и невлиятельна. Революция в России, по их мнению, была немыслима ранее мая 1863 г.; поэтому они пригласили поляков воздержаться от выступления до этого времени, так как в противном случае их собственная работа будет скомпрометирована, и они не смогут оказать полякам серьезной помощи, кроме агитации в обществе в пользу Польши и отвлечения части правительственных сил посредством выступления на Дону, где общество будто бы располагало более развитой организацией. Падлевский, впрочем, преувеличивал силы общества. Во всяком случае переговоры закончились тем, что между Варшавским и Русским Центральным Комитетами был заключен союз на основе платформы, опубликованной польским Комитетом в № 146 «Колокола» от 1 октября 1862 г. (см. ниже).

Когда осенью 1862 г. общество «Земля и Воля» вполне сформировалось, решено было вступить в непосредственные переговоры с лондонскими эмигрантами для выяснения вопроса о взаимных отношениях эмиграции и русской организации. Многие провинциальные деятели общества, повидимому, не находя достаточно авторитетных имен в собственной среде, хотели сделать центром общества именно Лондон. «О возможной роли Лондона, — рассказывает в своей записке Слепцов, — мы слышали еще от Кельсиева весною 1862 года [1], но понимали, что это был преимущественно его собственный проект; как относился сам Герцен, мы точно не знали, имея однако сведения о готовности

[1] Когда Кельсиев нелегально, под фамилией турецкого подданного Яни, ездил в Россию для установления связей с старообрядцами. Он встретился тогда в Петербурге с Н. Серно-Соловьевичем.

содействия со стороны Огарева и Бакунина. Но оба были неавторитетны и значительно менее популярны, а второй, кроме того, внушал нам опасения своим стремлением к другому уклону работы — соединению всего славянства против ненавидимой им Австрии. Мы боялись — и думаю, что были правы, — погнавшись за его программой, упустить свое, чисто русское дело. Когда Бакунин выпустил и широко распространил свою брошюру «Народное Дело», мы все-таки не переставали опасаться: русский вопрос тонул у него в другом, большом, а мы обслуживать его не могли».

Мы видим отсюда, что славянские мечтания Бакунина составляли его личное достояние в революционной среде. Других его планы не только не увлекали, но, напротив, смущали и восстанавливали против него. Очень возможно, что при личном свидании в Лондоне Слепцов высказал ему опасения, возбуждаемые среди землевольцев его агитацией в пользу славянской федерации, и что эти указания представителя крупнейшей из революционных организаций, работавших тогда в самой России, не остались без влияния на тот отказ его от славянских фантазий, о котором мы говорили выше, цитируя его письмо из Стокгольма от 16 августа 1863 года.

С другой стороны, ясно также, что по всему своему направлению и по характеру руководивших им деятелей, общество «Земля и Воля» стояло ближе к Герцену, чем к Бакунину. Помимо всего прочего, здесь не могло не играть большой роли и то обстоятельство, что Бакунин был тогда для большинства революционной молодежи и вообще радикальной публики человеком новым, малоизвестным, и что для России он до тех пор вообще мало работал (ведь в 1848—1849 году его деятельность имела чисто европейский характер), тогда как Герцен своим «Колоколом» и «Полярной Звездой» завоевал себе огромную популярность и пользовался в то время непререкаемым авторитетом среди образованного общества, за исключением крайних радикальных кругов (вроде «Молодой России»), к которым члены общества «Земля и Воля» в большинстве своем не принадлежали.

4 января 1863 года Слепцов выехал за границу на 6 месяцев (в действительности он оставался там гораздо дольше). Проездом через Польшу, он был свидетелем январских событий [1], помог там Потебне прочнее организовать русских революционных офицеров, а оттуда

---

[1] Нападение поляков на русские войска, во время которого пострадали и некоторые офицеры, примыкавшие к «Земле и Воле».

уехал в Лондон, куда и прибыл в начале февраля н. ст. Герцен остался крайне недоволен первой встречей со Слепцовым: ему не понравился тон, которым с ним заговорил представитель русской организации.

«В то же время, как Потебня, приехал через Варшаву из Петербурга уполномоченный «Земли и Воли», — рассказывает Герцен [1]. — Уполномоченный был полон важности своей миссии и пригласил нас сделаться а г е н т а м и общества «Земли и Воли». Я отклонил это, к крайнему удивлению не только Бакунина, но и Огарева... Я сказал, что мне не нравится это битое французское название. Уполномоченный трактовал нас так, как комиссары Конвента 1793 года трактовали генералов в дальних армиях. Мне и это не понравилось.

— А много вас? — спросил я.

— Это трудно сказать... несколько сот человек в Петербурге и т ы с я ч и т р и в провинциях.

— Ты веришь? — спросил я потом Огарева.

Он промолчал.

— Ты веришь? — спросил я Бакунина.

— Конечно, о н прибавил; ну, н е т т е п е р ь с т о л ь к о, т а к б у д е т п о т о м! — и он расхохотался.

— Это другое дело.

— В том-то все и состоит, чтоб поддержать слабое начинание; если б они были крепки, они и не нуждались бы в нас, — заметил Огарев, в этих случаях всегда недовольный моим скептицизмом.

— Они так и должны были явиться перед нами, откровенно слабыми, желающими дружеской помощи, а не предлагать глупое агентство.

— Это молодость, — прибавил Бакунин и уехал в Швецию».

Впоследствии Слепцов переехал в Париж, откуда продолжал переговоры с Лондоном. Огарев относился к нему очень тепло и дружески, сочувствовал делу «Земли и Воли» и старался наладить с нею хорошие отношения. Герцен же упорно продолжал не верить в серьезность общества и не видел никакой пользы в об'единении усилий и средств [2].

---

[1] «М. Бакунин и Польское Дело», т. XVI, стр. 440.

[2] М. Лемке в своих комментариях пишет: «Герцен подошел к «Земле и Воле» вплотную, согласился, что организация общества имела значение для дальнейшего направления русской революции, и уже в феврале 1863 г. вместе с Огаревым вырабатывал нечто вроде внутренней конституции между русскими революционерами и их лондонскими сотрудниками, с одной стороны, и программы действий самого общества — с другой». Письма Герцена к Ога-

Огарев выработал проект взаимоотношений между обществом «Земля и Воля» и его заграничными представителями. Проект этот, составленный, вероятно, под влиянием Герцена или, быть может, просто старавшийся дать удовлетворение его самолюбию, отводит заграничникам выдающееся место в организации. По этому проекту Совет общества находится за границей и состоит из редакции «Колокола» (ЦК остается в России); «все распоряжения идут отсюда»; число членов отдельных кружков должно сообщаться Совету без преувеличений; публицистика об'единяется также за границей; заграница дает общее направление; ЦК «распространяет общество, принимая «Колокол» за центр». Общество должно «проповедовать паче всего Земский Собор, который бы основал поземельное народное владение, сельское, волостное и областное самоуправление, свободу веры и (п о п о з ж е проповедывать) и з б р а н н о г о земского царя». Проповедь «абстрактных понятий о свободе и противоцаризме» не рекомендуется. Словом, перед нами герценовская умеренно-либеральная программа, исключающая даже пропаганду республиканской идеи [1].

Правда, вероятно, под влиянием разговоров с Слепцовым и сообщенных им сведений Герцен поместил в № 157 «Колокола» заметку «Земля и Воля», датированную, как и самый номер газеты, 1 марта 1863 года, где приветствовал образование общества, выражая уверенность, что оно победит во имя своего названия, и утверждал, что к этим двум словам сводилась вся его деятельность и все его литературные выступления. Но на деле он относился к «Земле и Воле» попрежнему скептически и, можно даже сказать, недружелюбно.

Уже из первых бесед со Слепцовым Герцен вынес впечатление несерьезности всего начинания и упорно отказывался связать с ним свое имя, вопреки настояниям Огарева и Бакунина. Последние, особенно Огарев, тоже не очень-то верили в силу «Земли и Воли», но считали

реву, относящиеся к этому времени, показывают совсем другое. Поэтому мы вправе усомниться в том, чтобы проект взаимоотношений вырабатывался Герценом. Напротив, ясно, что его вырабатывал Огарев, хотя бы потому, что на проекте, занесенном в записную книжку Огарева, имеются п о п р а в к и Г е р ц е н а: следовательно, не Герцен был его автором.

[1] Состоялось ли какое-либо соглашение, неизвестно, но весьма сомнительно, так как Слепцов за границей застрял, а когда вернулся в Россию, деятельность общества сошла уже на-нет. Однако в тетрадке провокатора Балашевича-Потоцкого (см. ниже) имеется копия какого-то рукописного циркуляра Рус. Ц. Нар. К-та от 17 апреля 1863 г., в котором А. И. Герцен об'является главным представителем общества «Земля и Воля» за границей. Если это не полицейская подделка, то надо полагать, что и это просто проект.

крайне важным поддержать молодую организацию именно в первый трудный период ее деятельности. Герцен же, как раз ввиду казавшейся ему слабости общества, не хотел ангажироваться и предпочитал выждать, заранее, впрочем, решив, что из этой затеи ничего не выйдет. В письме от 15 февраля 1863 года, т.-е. в момент, когда Слепцов, незадолго до того приехавший в Лондон, вел еще с друзьями первые переговоры, Герцен уже писал Огареву: «С твоими рассуждениями я... не согласен. Во-первых, volo videre quomodo aedificatis (хочу видеть, как вы строите). Пусть же они докажут, что о н и — с и л а. Что мы с ними и со всеми, кто идет тем же путем, это они знают. Но, стоя на построенном нами фундаменте одиноко, пока не убедимся, что их прочнее, мы не будем увлечены в фиаско или нелепость. Служить им я буду, но прежде чем брать солидарную ответственность, хочу видеть их журнал, их profession de foi. Ведь «Земля и Воля» не все, и в «Молодой России» то же было. Кстати Салиас [1] в письме еще и еще повторяет, какой вред они наделали. — «Вдруг в 1863 г. оно составилось». А разве в 1848 году Сазонов не основал международный клуб [2], разве не были правильные заседания и пр.? А поэтому я не знаю, чего именно ты хочешь от меня. Смешать О нашего фонда с О их? Можно. С(лепцов) говорит, что мы можем распоряжаться а С′ приедет да задаст не такую гонку. Это даже Бак(унин) не принимает. Писать они не умеют. Я пишу и буду писать, ты тоже. Was wilst du noch mehr (чего же ты еще хочешь)?».

Увещания Огарева не помогали. Герцен упорно оставался на своей скептической и отрицательной позиции. В письме от 29 апреля 1863 г. он писал Огареву: «Веря в нашу силу, я не верю, что можно произвести роды в шесть месяцев беременности, и мне кажется, что Россия в этом шестом месяце [3]... Дай мне не готовую силу, а дай ощупать ж и в о й з а р о д ы ш». Таким зародышем он отказывается признать «Землю и Волю»: «признать несколько человек очень мало даровитых (представитель которых отрекся от них) за зародыш я не могу». Утверждая, что Огарев впал в фанатизм благодаря старости и одиночеству мысли,

---

[1] Вероятно, графиня Салиас. Эта ссылка Герцена, кстати, лишний раз показывает, какое влияние имели либеральные страхи на установление его отношений к революционным выступлениям.

[2] Один из многочисленных клубов, основанных в Париже после февральской революции. В этом клубе видную роль играл русский эмигрант Сазонов, старый товарищ Герцена по московскому кружку (см. Д. Р я з а н о в — «Русские люди 40-х годов»).

[3] Впоследствии, в состоянии еще большего разочарования, он писал про Бакунина, что тот принимал в т о р о й месяц беременности за девятый.

Герцен повторяет в сущности мысли (и даже некоторые слова) Тургенева, которые в письмах к последнему он считал нужным оспаривать. России, по его мнению, нужна была в то время не революционная агитация, а спокойная проповедь. «Вот почему, — продолжает он, — я иногда возражал на твои агитационные статьи. Вот пример: в твоей последней статье в «Об. В.» [1] ты говоришь: «Если бы царь был земский, крестьянский, русский». В памфлете это ничего, в проповеди глубоко искреннее чувство тебе не позволило бы это сказать. Отрезать от народа всю часть некрестьянскую — демагогия [2] (дальше идет цитированная выше фраза о группе «мало даровитых» людей, которую он отказывается признать за «живой зародыш»)... Вспомни, Огарев, что с начала до конца я вас (т.-е. Огарева и Бакунина) предостерегал от шума об офиц(ерах) и солдатах, идущих на помощь Польше. Ты мне всегда говорил, что берешь это на себя. Как будто у нас речь могла быть об ответственности! Ты ли отвечаешь или любезнейший неспособник Бак(унин), а дело это нам повредило, лишило нас силы, а сила наша только и зиждется на таланте да на доверии... Веры, чтоб зародыш был готов, что мы можем «делать восстание», у меня еще нет».

Продолжая эту полемику в письме от 1 мая, Герцен пишет: «Браун [3] нас хотел как знамя, а не как деятелей. Это доказано тем, что Бутовс(кий) и Лугин(ин) читали и знают, что ты и я проповедовали, а те не знали. Мы должны были отдаться Смоленской божьей матери (т.-е. фикции. — *Ю. С.*). Я готов жертвовать всем, даже честным именем, но этой абсорбции (поглощения) не понимаю. Холить зародыш (как ты говоришь) хорошо, когда он есть, и притом в матке, а вообразить себе его вне матки — значит отнять истинное холенье у истинного зародыша в пользу какого-нибудь lithopädion'a (известное перерождение плода при внематочной беременности. — *Ю. С.*). М и ф [4] «З. и В.» должно продолжать потому уже, что они сами поверят в себя. Но что теперь «З. и В.» нет еще, это ясно. Тебя сильно оза-

---

[1] Речь идет о статье Огарева «Что то будет?», помещенной в № 15 «Общего Веча».

[2] Явно навеяно письмом Тургенева к Герцену от 15 октября 1862 г. (см. ниже).

[3] Слепцов. Это ясно из дальнейших слов о том, что «те» не читали и не знают лондонских изданий. А в этом именно Слепцов признался Огареву, который дружески упрекал его за незнакомство с «Колоколом» в письме от 8 мая 1863 г.

[4] Курсив мой.

дачил Браун своей исповедью Саше [1]. За что же нападки на меня? Ты не оценил мой скептицизм, предсказавший тебе и Бак(унину), что da ist kein Stoff (здесь нет материала)».

И это отношение Герцен сохранил до конца. Нужно сказать, что Слепцов оказался не совсем подходящим представителем революционной организации и не сумел поддержать ее престиж на подобающей высоте. Он, повидимому, быстро разочаровался и в своей миссии, и в судьбе «Земли и Воли», и в успехе революции вообще. Его «исповедь» перед сыном Герцена, так озадачившая Огарева, показывает это. Письмо его к Огареву, нам неизвестное, но вызвавшее ответ Огарева от 8 мая, говорило о полном его разочаровании в насильственных переворотах и вообще в революции. Впоследствии в нем развилась настоящая шпиономания. Свой шестимесячный отпуск он растянул в свыше чем двухлетний. Бакунин встречал его в Швейцарии в марте 1864 года, как видно из письма его к Герцену от 4 марта: «В Веве я встретился опять с Слепц(овым), которого уже видел в Париже, и нашел в нем того же хорошего, преданного, но страшно, почти до сумашествия нервозного человека, которому нужно будет много ведер холодной воды, чтоб сделаться дельным человеком» [2].

Иначе отнесся к «Земле и Воле» Бакунин. Он с восторгом встретил известие о существовании Центрального Комитета «Земли и Воли» и немедленно ему подчинился [3]. Об образовании общества и его ЦК впер-

---

[1] Повидимому, чувствуя себя с сыном Герцена ближе, чем со стариками, Слепцов с ним разоткровенничался и сам отзывался скептически о «Земле и Воле» и шансах на революцию. Этого же Герцена-сына Слепцов возвел в уполномоченные «Земли и Воли», что вызвало сильные трения между ним и Бакуниным в Швеции (см. ниже, в третьей части этого тома).

[2] В письме к Огареву от 8 января 1868 г. есть такая фраза: «Слепцов боится ходить ко мне,—хорош!». Идет ли речь об этом самом Слепцове (А. А.), мы не знаем. По всей вероятности, да. К этому времени Слепцов совершенно отошел от революционной деятельности и, подобно Н. Обручеву, своему сотоварищу по «Земле и Воле», начал делать чиновную карьеру.

[3] Так рассказывается в письме Бакунина к швейцарскому представителю «Земли и Воли» от 9 июля 1863 года. Письмо это приведено частично у М. Неттлау (к сожалению, в неточном немецком переводе), частью у М. Лемке, который почему-то называет его «неизвестным письмом к Н. Жуковскому» (Соч. Герцена, т. XVI, стр. 230—231). Оригинала этого письма нам до сих пор не удалось найти, Лемке же его видел, и возможно, что у него есть какое-то основание признавать это письмо адресованным Н. Жуковскому. В таком случае выходило бы, что Н. Жуковский был в 1863 г. агентом «Земли и Воли» в Швейцарии. Все же мы думаем, что Лемке ошибается, ибо у М. Неттлау — несомненно со слов самого Жуковского — сооб-

вые сообщил лондонцам Потебня. С тех пор, говорит Бакунин, он считал себя исключительно принадлежащим «Земле и Воле».

Несколько лет спустя, когда Бакунин сделался анархистом и создал свой «Альянс», он отзывался о «Земле и Воле» довольно пренебрежительно. Так, в воззвании к «офицерам русской армии», составленном в январе 1870 года, он, вспоминая о деятельности А. Потебни, искавшего такой революционной организации, которая могла бы возглавить начинавшееся движение, говорит следующее:

«В надежде найти такой Комитет, он (Потебня) приехал в Лондон. Там я в первый раз встретился с ним. Это было осенью в 1862 году, за несколько месяцев перед последним польским восстанием. Он обратился к нам, т.-е. к издателям «Колокола», Огареву и Герцену, а также и ко мне, стоявшему подле «Колокола». Мы приняли его, разумеется, горячо; согласились даже, по его требованию, быть в р е м е н н ы м и посредниками между русской военной организацией в Царстве Польском и между польской организацией до тех пор, пока не отыщется в России Комитет настоящий. И вместе с тем мы об'явили ему, в чем он, разумеется, и согласился с нами вполне, что этот Комитет в Лондоне существовать не может, а должен существовать и действовать в России, и что если б мы знали о существовании такого Комитета, мы первые подчинились бы ему. Наконец, мы просили его с'ездить в Петербург—разумеется, тайно, потому что в это самое время вся жандармерия гонялась за ним по целому Царству Польскому, — и по некоторым адресам, отчасти данным ему нами, отчасти полученным помимо нас в Варшаве, отыскать будто бы образовавшийся там Комитет революционной организации, для того, чтобы войти с ним, если он действительно существует, в непосредственные сношения. Потебня послушался нас и отправился в Петербург; нашел там кружок людей, называвший себя именем «Комитета общества Земли и Воли», и двух-трех свиданий было достаточно, чтоб убедить его, что этот Комитет — пустоцвет.

«Месяц спустя, он возвратился в Лондон, и вот что он нам сказал об этом Комитете: «В нем нет ничего серьезного, ни даже зародыша чего-нибудь серьезного. Большая часть его членов, фанфароны конспирации и революции, дети, рисующиеся друг перед другом и потешающие

щается (прим. 1121) следующее: «Это письмо было послано г. Гуго Шифу, брату проф. М. Шифа, в Швейцарию, где Н. Жуковский, находившийся летом этого года на восточно-прусской границе, нашел его по своем приезде в Швейцарию и снял с него копию». Зачем бы он стал снимать копию с письма, адресованного ему же? Ясно, что адресат был другой. Жуковский же любил копировать для своего архива всякие интересные документы.

себя громкими и пустыми фразами; дети не только по годам — это бы еще ничего, самому Потебне не было более 22 или 23 лет, а он был человек с ног до головы серьезный, — но дети по уму, по способностям и по совершенному отсутствию воли, опыта и настоящего знания. Между ними есть несколько людей искренних, желающих, но не умеющих делать, и во всем этом Комитете нет даже и тени знакомства с настоящей Россией. Народная жизнь для него закрытая книга. Наконец, у него нет ни организации, ни даже связей и сношений с провинцией. Так что, если называть его Комитетом, то отнюдь уж не русским, а, пожалуй, только петербургским; да и в самом Петербурге влияние его очень слабо, а действительная сила ничтожна; так что, говоря между нами, весь этот Комитет не что иное, как пуф, на который поэтому мы ни опереться, ни от которого никакого руководства и никакой поддержки ждать не можем. А все-таки, — прибавил Потебня, — мы должны [его] признать и действовать, разумеется, самостоятельно, но под его именем, потому что никакой другой организации и никакого другого Комитета нет в России [1], а для нас м н е н и е, что существует Комитет и организация, необходимо... Наконец, в этот мнимый Комитет могут войти со временем люди серьезные и обратить его в действительный Комитет».

«Мы последовали совету нашего друга Потебни. «Колокол» громко признал существование и власть «Комитета Земли и Воли» и впродолжение нескольких месяцев печатал его распоряжения и прокламации, до тех пор, пока этот бедный Комитет, не выдержав первого напора реакции, не раз'ехался».

Но так Бакунин писал уже после неудачного опыта с «Землей и Волей», после тщетных попыток связаться с нею, после разочарова-

---

[1] «Потебня ошибался, но ошибка его была естественная. Он сам, равно как и мы, не имел никаких сношений с провинцией, где в разных местах, а особливо на востоке существовали кружки и комитеты, местные, не центральные, гораздо более серьезные и деятельные, чем петербургское общество «Земля и Воля», и не имевшие ничего общего с ним. В этих кружках, состоявших большей частью из семинаристов, этих натуральных и по самому положению своему наиболее серьезных посредников между революционной мыслью и народом, — в этих кружках, говорю я, народно-революционная программа была выработана гораздо глубже и гораздо ближе к настоящей программе, чем у книжных социалистов общества «Земли и Воли». Не было в них также недостатка в людях энергических, преданных до конца и способных к делу. Но вследствие отсутствия серьезного центра, способного соединить их, все эти кружки мало или почти ничего не знали друг о друге и, разбросанные, раз'единенные, естественным образом замирали в своем одиночестве, обрекавшем их на бессилие». (Примечание Бакунина.)

ния в тех надеждах, которые он на нее когда-то возлагал [1]. В рассматриваемый же момент, т.-е. в 1862 году, Бакунин без сомнения встретил известие об образовании общества «Земли и Воли» с энтузиазмом, как первое проявление организации революционных сил, действующих в самой России.

В цитированном выше письме к представителю «Земли и Воли» Бакунин рассказывает, что, когда Провансов (псевдоним Слепцова) приехал в феврале 1863 г. в Лондон от имени общества «Земля и Воля», он формально принял Бакунина в общество и по праву, данному ему Центральным Комитетом, членом которого он тогда был, дал Бакунину полномочие выступать от имени общества в Швеции, Польше и вообще всюду, куда обстоятельства его забросят. Кроме того Провансов обещал Бакунину безотлагательно прислать к нему в Стокгольм, куда тот собирался выехать, доверенного человека, с помощью которого Бакунин мог бы установить тесную связь с «Землей и Волей» и с которым он мог бы столковаться относительно плана действий. По словам Бакунина, Провансов рвался обратно в Петербург и занял у него 3.000 франков для посылки агентов в Киев и на Кавказ [2]. Но Провансов захворал и остался в Европе; написав Бакунину пару писем пустяшного содержания, он совсем замолчал. А вместо обещанного доверенного человека прибыл в Стокгольм в конце мая молодой Герцен, который сообщил Бакунину, во-первых, что Провансов захворал нервным расстройством, доходящим до полусумашествия, что он чувствует себя совершенно неспособным к революционной работе и больше ею заниматься не будет, а, во-вторых, что ввиду этого он передал молодому Герцену право заграничного представительства «Земли и Воли», данное ему, Провансову, Центральным Комитетом. Это привело к конфликтам, о которых мы скажем ниже, в главе о пребывании Бакунина в Стокгольме.

Бакунин уверяет, что он добился в Швеции весьма важных результатов с точки зрения интересов русской революции. Вся шведская нация, можно сказать, вся Скандинавия, даже со включением Дании, Норвегии

---

[1] Приблизительно такой же отзыв Бакунин дает о «Земле и Воле» в незаконченной рукописи «Интриги г. Утина», относящейся к концу 1870 года и напечатанной в чикагском журнале «Голос Труженика», 1925, январь и февраль. Там сказано: «Этот комитет, по свидетельству нашего покойного друга Потебни, состоял большею частью из мальчиков, игравших в революцию и в тайные общества».

[2] У Бакунина таких личных денег быть не могло; значит, он дал Провансову деньги из собранных в общий фонд. А, по словам Кельсиева, Бакунин был «великим мастером собирать революционные контрибуции».

и Финляндии, убеждены, по его словам, в неминуемой близости русской революции и понимают, что для них эта революция важнее и спасительнее, чем даже освобождение Польши. Вследствие этого общество «Земля и Воля» пользуется огромной популярностью, а шведы, прежде ненавидевшие всю Россию без исключения, теперь проводят глубокое различие между петербургским правительством и русским народом. Но ввиду того, что склока, которую развел, дескать, в Стокгольме молодой Герцен, может серьезно повредить вере в русскую революцию, Бакунин выражает особенное желание поскорее наладить свои отношения с обществом «Земля и Воля». Поэтому Бакунин просит адресата или лично приехать в Стокгольм, или прислать надежного товарища, или адрес для прямых сношений с Петербургом. Свое же письмо он просит переслать Центральному Комитету «Земли и Воли».

Это письмо было уже третьим. В первый раз Бакунин писал «Земле и Воле» в июне 1863 г. с прямой оказией (повидимому, в Петербург); второй раз — через агента общества в Швейцарии, в третий раз, по получении от последнего короткого ответа, он написал цитированное выше пространное письмо от 9 июля [1]. Наконец, 17/29 августа он снова пишет письмо в ЦК «Земли и Воли» [2].

Указав на неудачу своих неоднократных попыток попасть в Польшу, Бакунин прибавляет, что, ввиду изменившегося отношения поляков к русским, он остался в Швеции, где старался приобрести друзей и помощников для русского дела. Старания эти, по его словам, увенчались успехом. Отныне Швеция будет служить верным убежищем для русской эмиграции и русской революционной работы. В Швеции есть верные люди, с помощью которых ему удалось уже перебросить на север России (в Архангельскую и Олонецкую губернии) около 7.000 экземпляров воззваний к солдатам и офицерам. Эти сношения можно было бы развить. Поэтому Бакунин просит дать ему верный и постоянный адрес в Петербург [3]. «Если, — говорит он, — вы хотите иметь со мною дело и если полагаете, что мое участие в общих трудах может принести пользу, то, прошу вас, отвечайте. Я так же, как и лондонские друзья мои [4], с радостью признал С.-Петербург(ский) Комитет и готов сле-

[1] Из этих трех писем пока известно только последнее.

[2] Помещено в «Переписке», изданной Драгомановым, стр. 131—133.

[3] Кстати, он рекомендует подателя письма, финна, который в свою очередь был рекомендован ему финляндскими патриотами (из партии финноманов), советуя «Земле и Воле» установить с этой партией отношения.

[4] Как мы знаем, это неверно относительно Герцена. Но Бакунин, зная, с каким уважением относились члены общества к Герцену, в данном случае прикрывается его авторитетом.

довать его руководству; только для этого мне надо знать и положение ваших дел, и ваше настоящее направление. И потому, ради бога, пишите и дайте адрес. Неужели ж, имея на то все средства, мы не сумеем устроить между собою правильных и постоянных сношений?.. Ради бога, скажите, что у вас делается, что за границею делать прикажете, и дайте ж с вами соединиться теснее и ближе. Мы здесь можем быть полезны только в той степени, в какой мы в связи с вами — и потому пишите, пишите и дайте адресов».

В цитированном выше письме от 9 июля Бакунин также выражает желание получить от своего корреспондента подробные сведения о целях и средствах «Земли и Воли». Сообщив о своем полном подчинении Центральному Комитету и о своей исключительной связи с ним, Бакунин прибавляет: «Но для того, чтобы эта связь и это подчинение имели смысл, для того, чтобы я мог быть вам полезен, для этого мне нужно было бы знать вашу программу и ваши принципы, ваши чаяния и надежды и войти с вами в правильные и постоянные отношения и особенно получить от вас определенное поручение и постоянную работу» [1].

Аналогичные жалобы мы встречали и в письмах Герцена к Огареву. Это показывает, что программа «Земли и Воли», равно как ее планы и надежды, не были точно известны лондонским эмигрантам. С одной стороны, это об'ясняется неясностью программы и для самих российских членов общества. С другой — А. Слепцов не был, видимо, человеком, отдававшим себе ясный отчет в этих вопросах и способным толково изложить их другим. Об этом можно отчасти судить и по его записке, по которой весьма трудно и сейчас составить себе более или менее отчетливое представление о характере общества, его взглядах и чаяниях. Но если Герцена, искавшего предлога к отказу от практической работы, это останавливало, то Бакунина это только смущало, но отнюдь не побуждало уклоняться от работы и нисколько не охлаждало его энтузиазма.

А насколько велико было в первое время его увлечение «Землей и Волей», видно, например, из его речи, произнесенной им 28 мая 1863 года на банкете в Стокгольме. Здесь он между прочим сделал следующее заявление:

«За последнее время в России образовалось великое патриотическое общество, одновременно консервативное, либеральное и демократическое, под названием «Земля и Воля».

---

[1] За отсутствием оригинала мы принуждены были эту цитату привести в переводе с немецкого перевода.

«Центр его находится в Петербурге, а ответвления распространяются по всем областям Великороссии. Все благомыслящие русские, независимо от своего состояния и положения, генералы (?) и офицеры, гражданские чиновники всякого ранга, помещики, священники (?) и крестьяне, принимают в нем участие [1].

«Это общество, организованное на основе прочной системы, имеет целью создать, так сказать, государство в государстве. Оно устроило свои финансы, свою администрацию, свою полицию, а скоро, надеюсь, будет иметь также свою армию. Оно заключило союз с Варшавским Центральным Комитетом, в настоящее время называющимся национальным правительством, на широких и справедливых основах, признав за всяким народом, какова бы ни была его численность, за всякой провинцией, большой или малой, неограниченное право устраивать свою судьбу по собственному желанию.

«На тех же условиях оно заключило союз с малороссийскими патриотами, а когда только финляндцы этого пожелают, мы и им протянем руку с теми же гарантиями.

«Цель, к которой стремится это общество, имеет вполне гуманный и консервативный характер, а именно — спасти Россию от безумств императорского царствования и довести до конца великую политическую и социальную революцию. Чем сильнее становится это общество, тем менее приходится опасаться каких-либо опасностей и риска, ибо сила внушает умеренность и спокойствие, и только бессилие бывает жестоким.

«Программа его весьма проста. Она хочет:

«1) Передать землю крестьянам без выкупа, вознаградив землевладельцев на счет всей нации;

«2) Принимая общину за исходный пункт, превратить чисто немецкую бюрократическую администрацию в национально-выборную систему и заменить насильственную централизацию империи федерацией независимых и свободных провинций.

«3) Отменить рекрутчину и вместо постоянной армии ввести милицию, которая в случае необходимости защищать страну будет непреодолимой, но для завоевательных целей неприменимой.

---

[1] Приблизительно так же, хотя и несколько более осторожно, он выражается в статье «Царская власть и молодая Россия», напечатанной в шведской газете «Aftonbladet» и перепечатанной под заглавием «Письма о России» в № 27 брюссельской «La Choche» от 15 сентября 1863 года. Здесь он называет общество «Земля и Воля» «обширной ассоциацией, охватывающей в настоящий момент часть армии, дворянства, чиновничества и множество людей различного положения среди буржуазии и народа, рассеянных по всему пространству империи».

«4) Для осуществления всех тех идей, которые я сейчас, господа, перед вами развил, и которые являются подлинным выражением национальной воли, оно громогласно требует созыва Земского Собора, составленного из депутатов, выбранных во всех областях и городах России, без различия классов, состояния и общественного положения.

«5) Таково, господа, общество, к которому я имею честь принадлежать и которое я здесь представляю.

«От имени этого общества, от имени молодой России, которая вскоре выступит победоносно и даст всей северной Европе залог прочного и братского мира, я в настоящий момент протягиваю руку Вам, шведские патриоты, и провозглашаю тост за процветание великого Скандинавского Союза» [1].

Бакунин, разумеется, увлекся и чрезвычайно преувеличил силы и значение общества «Земля и Воля». Эти преувеличения возбудили негодование Герцена, находившего, что Бакунин своим хвастовством принес не пользу а вред [2]. Вряд ли это было так, да кроме того не следует забывать, что благодаря своему темпераменту Бакунин искренно увлекался обществом и раскрывавшимися перед ним широкими перспективами. Огарев это понял, когда, не оправдывая хвастовства Бакунина, об'яснял его революционной горячкой, желанием поскорее увидеть торжество народного дела. Бакунин верил в общество, заставлял себя верить в него; он так обрадовался, когда увидел, что в самой России сплачиваются революционные силы, что сразу, без герценовской дипломатии и рефлектирования, признал руководство Центрального Коми-

---

[1] Приводится нами по французскому тексту, содержащемуся в «Деле» о Бакунине, хранящемся в Центрархиве. Этот текст в нескольких пунктах расходится с текстом, напечатанным у Драгоманова в «Переписке» Бакунина.

[2] Отставной прапорщик Садомцев, арестованный в мае 1864 г. в Области Войска Донского, признался, что во время своего пребывания за границей, бывал у Герцена. По его словам, он однажды присутствовал там при следующем разговоре Герцена с поляками, в числе которых был и приехавший из Парижа Клячко: «Герцен говорил полякам: «Мы вам говорили подождать делать революцию года два, тогда бы наше тайное общество увеличилось, а то вы наше общество через то уничтожили». Клячко заметил, что им Бакунин говорил, что у них большое общество. Когда поляки ушли, Герцен сказал: «Этот Бакунин вечно налгет, рассказывает, что большое общество, с 20 генералами и 15 архиереями. Было общество из молодых, здоровых людей, но теперь оно расстроилось: одни убежали по трусости, другие по тупости». Этот Садомцев был, кажется, невполне нормален, но разговор, им передаваемый, весьма правдоподобен. О генералах Бакунин и в Стокгольме говорил. Вот насчет архиереев дело неясно.

тета и настойчиво предлагал ему свои услуги. При этом, в случае принятия Комитетом его предложения, Бакунин, конечно, не ограничился бы писанием более или менее талантливых статей и советами из прекрасного далека, а пошел бы до конца и, не колеблясь, сложил бы свою буйную голову за дело «Земли и Воли». Но его предложения услуг, его призывы, его просьбы установить с ним постоянные отношения и дать ему определенные поручения ни к чему не привели. То ли его письма не доходили до Центрального Комитета, то ли никакого дела и никаких планов у самого Комитета тогда не было. Реакция, овладевшая русским обществом после вспышки польского восстания, вырывала у «Земли и Воли» почву из-под ног. С другой стороны, крестьянство, хотя и недовольное условиями своего освобождения, в общем и целом приняло Положение, и ожидаемая революция не разразилась. «Земля и Воля» начала отмирать и умирать. Во второй половине 1863 года она начала сходить на-нет; местные комитеты ее стали ликвидироваться (первый пример чему подал петербургский комитет); «Казанский заговор» нанес ей жестокий удар [1], и к началу 1864 года «Земля и Воля» фактически прекратила свое существование. Она сошла со сцены как-то незаметно, не подвергшись даже, как таковая, правительственным репрессиям.

4 марта 1864 года Бакунин, уже перебравшийся в Италию после поражения польского восстания, написал Герцену и Огареву письмо, в котором, возвращаясь к вопросу о распространении лондонских изданий, указывает, что желательно было бы иметь в Одессе адрес, и прибавляет: «Придется вам требовать верного человека в Одессе от З. и В. (т.-е. «Земли и Воли»), если З. и В. действительность, а не призрак... Еще раз спрашиваю, Огарев, продолжаешь ли ты верить в действительность З. и В., которой, если она существует, право, пора выскорлупиться. Получил ли ты, наконец, какие-нибудь новые доказательства

---

[1] В обвинительном акте («Записке») по делу о «Казанском заговоре» сообщается, что польский офицер Черняк, явившийся весною 1863 г. в Казань для привлечения к делу местных революционеров, отрекомендовался собравшимся студентам агентом «Земли и Воли» и пред'явил им записку на клочке почтовой бумаги, писанную будто бы рукою Бакунина; в этой записке говорилось, что пред'явитель ее заслуживает доверия, и подписано было: Бакунин. Действительно ли существовала такая записка Бакунина, и если существовала, то знал ли Бакунин, с какой целью она будет использована, мы не знаем. Ввиду допущенных организаторами этого дела приемов, здесь не исключена и возможность мистификации. Никаких других указаний на прикосновенность Бакунина к этому делу мы в литературе не встречали. Заслуживает быть отмеченным указание И. Красноперова, что

существования и действительности общества? Если оно действует, что оно делает и к какой ближайшей цели стремится? Какая теперь у него и у вас практическая программа? Чего вы надеетесь, чего боитесь, чего ждете? Удалось ли вам устроить с обществом регулярные сношения?».

Мы не знаем, что́ Огарев отвечал на все эти вопросы Бакунина, но вряд ли он мог сообщить ему что-либо утешительное. Характерно, впрочем, в данном случае не это, а самый тон и содержание бакунинских вопросов. Видно, что их задает человек, далеко отошедший от русских дел и даже не особенно ими интересующийся. И действительно, после неудачного опыта с польским восстанием и «Землей и Волей», Бакунин на долгие годы отошел от русских дел и интересов, для того чтобы погрузиться с головою в европейские дела и международные конспирации. И только с появлением Нечаева за границей Бакунин на короткое время снова начинает интересоваться революционным движением в России.

один из главных обвиняемых по этому делу, студент И. Орлов, уроженец Восточной Сибири, познакомился в Иркутске с Бакуниным, о котором впоследствии не мог вспоминать без восторга («Мин. Годы», 1908, декабрь, стр. 79). О «Казанском заговоре» см.: Элпидин в № 2 «Подпольного Слова», Женева, 1866 (перепечатано у Богучарского — «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах»); И. Красноперов — «Воспоминания» («Мир Божий», 1896, №№ 9 и 10; «Вестник Европы», 1905, № 12; «Минувшие Годы», 1908, № 12); А. Ершов — «Казанский заговор 1863 г.», «Голос Минувшего», 1913, №№ 6 и 7; М. Лемке — комментарии к сочинениям Герцена, т. XVI, стр. 333 и след.; «Отзвуки польского восстания 1863 г. в центральной России», с предисловием Б. Козьмина («Красный Архив», 1923, т. IV).

Глава четвертая.

РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ БАКУНИНЫМ И ГЕРЦЕНОМ.

Расхождение между Герценом и Бакуниным было неизбежно как вследствие их разногласий по общим теоретическим вопросам, так и вследствие глубоко различного их отношения к текущим вопросам русской и международной политической жизни.

Приступив, по инициативе Огарева, с 1 июля 1857 года к изданию «Колокола», Герцен выставил довольно умеренную либеральную программу: свобода печати, отмена крепостного права и телесных наказаний. И только через 4 года, когда правительство Александра II достаточно показало свою физиономию, а умеренная программа Герцена начала вызывать протесты со стороны радикальных элементов, он несколько расширил ее, сформулировав ее так: «независимость Польше, земля крестьянам, свобода России». При этом он заговорил уже и о Земской Думе, представительном собрании, которое должно было притти на смену самодержавию. Но действительно социалистическэй или хотя бы революционно-демократической программы Герцен так и не выставил до конца.

Своей деятельностью в «Колоколе» Герцен отражал настроения и стремления нарождавшейся буржуазии России, уже не мирившейся с стеснявшим ее развитие полицейски-самодержавным режимом. Сам Герцен обращался по преимуществу к либеральному дворянству и буржуазным кругам русского общества. Такою тактикою он сначала добился крупного успеха и влияния, но одновременно возбудил неудовольствие революционной молодежи, признававшей своим выразителем не его «Колокол», а кружок Чернышевского, сгруппировавшийся в «Современнике» [1]. А когда после искажения правительством крестьянской

[1] В своей полемике с радикальными кругами, в частности с Чернышевским, начатой Герценом с 1859 года, он доходил до того, что обвинял революционеров в прислужничестве Третьему Отделению, т.-е. политической полиции! Подробно об этом см. в наших книгах «Н. Г. Чернышевский» и «Борцы за социализм», 2-е изд., т. I.

реформы и ввиду репрессий в Польше «Колокол» начал леветь и (отчасти под влиянием Бакунина) брать более резкие ноты, либеральная аудитория от него отвернулась, и влияние его стало быстро падать. Окончательно убило его враждебное отношение к молодой эмиграции, с которою Герцен расходился и в программном, и в тактическом, и во всех других отношениях.

Бакунин в начале 60-х годов сам не свободен был от некоторых либеральных увлечений. Если, с одной стороны, он влиял на Герцена и Огарева, то с другой — он сам поддавался их влиянию. Это видно из брошюры «Народное Дело»; это видно также из участия Бакунина в агитации за адрес царю о созыве Земского Собора. Но все же даже в этот период Бакунин был настроен по иному ключу, чем Герцен. Его программа шла дальше герценовской, которая в общем не выходила за пределы умеренно-реформаторских чаяний либерального дворянства и либеральной бюрократии. Но особенно резко расходился Бакунин с Герценом в области тактики. В то время как Герцен, разочаровавшийся в революционных методах, стоял за мирные пути борьбы и был противником революционной агитации, Бакунин, наоборот, предпочитал революционные пути и высказывался за крайние формы революционной работы. Герцен готов был ограничить свою деятельность, равно как и работу всей эмиграции вообще, пропагандою, убеждением, литературными выступлениями; Бакунин требовал «дела», т.-е. активных выступлений, организации сил, учреждения комитетов — за границею и в России. В особенности же глубоки были их разногласия в определении социальных элементов, на которые они хотели действовать и которые они считали способными бороться за их программу. Герцен, за редкими исключениями, рассчитывал на либеральное дворянство, к которому главным образом и обращался, на так называемое «образованное общество», т.-е. на передовой отряд господствующего класса; Бакунин, опять-таки за редкими исключениями (см., например, его увлечение меньшинством тверского дворянства), готов был поставить крест над дворянством, не говоря уже о царской бюрократии, в том числе и над «образованным обществом», и возлагал свои надежды на разночинную интеллигенцию и на народные массы. Герцен боялся выступления последних, которое он считал неизбежно связанным с эксцессами и красным террором; Бакунин, напротив, призывал его всеми силами души, не боялся разнуздания так называемых «дурных страстей» и считал его одним из вернейших условий коренной победы народной революции.

Расхождения между ними были таким образом неизбежны. Они вспыхнули раньше, чем можно было ожидать. Первое же выступление

Бакунина, — брошюра «Русским и пр. друзьям», напечатанная не в самом тексте «Колокола», а в виде приложения к нему, — настолько не понравилось Герцену, что он отказался печатать дальнейшие статьи Бакунина в своей газете, предложив ему помещать их в «Голосах из России», где печатались всякие сторонние сообщения, за которые редакция не отвечала [1]. Уже весною 1862 года разногласия достигли такого напряжения, что возникала мысль о прямом выступлении Бакунина против Герцена. Отрывок письма, относящегося, повидимому, к марту 1862 г. [2], в этом отношении чрезвычайно характерен. Бакунин отказывается открыто выступить против друзей, не испытав всех средств к соглашению, хотя бы ценою уступок в вопросах второстепенной важности. Он полагает, что в целях они все, «кажется», согласны, расходятся же лишь «в путях и средствах», т.-е. допускает общность программы (что тоже было не верно), а расхождения усматривает лишь в вопросах тактики. Признавая, что «Колокол» есть сила, подобную которой создать не легко, особенно ввиду отсутствия у него, Бакунина, герценовского таланта, Бакунин все-таки не считает себя вправе молчать, ибо у него есть что сказать. «Во мне все-таки, — говорит он, — есть сила, полезная и благородная, которую вы, пожалуй, не признаете, но которую я знаю. Обречь ее на бездействие я не хочу да и не имею права. Когда я приду к убеждению, что в соединении с вами для нее нет ни выражения, ни дела, тогда я, разумеется, от вас отделюсь и по средствам и по умению буду действовать особенно, вполне сознавая, что вам этим, во-первых, ущерба не принесу, а себя лишу крепкой опоры и в глазах нашей общей публики [3] много потеряю». Дальше Бакунин говорит, что он еще не утратил веры в возможность сделаться третьим членом их союза; в противном же случае они, сохраняя приятельские отношения, станут «вполне независимыми и неответственными друг за друга».

Таким образом в первое время Бакунин еще надеялся использовать для своих целей пропагандистский аппарат, созданный до него Герценом

---

[1] После того в «Колоколе» появились только две небольшие заметки Бакунина, и притом не программного, а скорее хроникерского характера: «Несколько слов южным славянам» в № 129 «Колокола» от 15 апреля 1862 г. и «С.-Петербургская нескромность» в № 145 от 15 сентября 1862 года. «Колокол» таким образом был для него закрыт.

[2] Оно напечатано без даты и без начала в «Переписке», опубликованной Драгомановым в Женеве 1896 г.

[3] Курсив мой.

и Огаревым. Но очень скоро ему пришлось убедиться в ошибочности своих расчетов, встретивших энергичный отпор со стороны Герцена. И уже в письме от 20 мая 1862 г., после ряда личных об'яснений с редакторами «Колокола», ему приходится отказаться от своей прежней надежды и признать, что отныне их взаимоотношения будут выражаться в форме «дружеского и союзного возле» [1]. Скоро ему пришлось расстаться и с этой надеждой. Разногласия принимали все более широкий и глубокий характер. Этому много способствовало различное отношение друзей к польскому вопросу.

Герцен, как литератор и пропагандист, боявшийся активных выступлений и революционных движений, не веривший в них, искавший сочувствия в либеральных дворянски-чиновничьих сферах, естественно относился отрицательно и скептически ко всем затеям польских революционеров. Он предчувствовал, что, связавшись с ними, он нанесет своему делу смертельный удар; да иначе и быть не могло при характере его «Колокола» и при сфере его влияния. Напротив, Бакунин, которому нечего было в этом смысле терять, не только не боялся польского восстания, но и радовался ему — в надежде, что оно выйдет за пределы Польши, охватит Украину, Литву, далее Великороссию, а затем и все славянские земли и пойдет по радикальному пути. И у него под влиянием Герцена были, как мы увидим, моменты колебаний и неверия в успех вооруженного выступления, но он быстро гнал прочь от себя эти сомнения и увлекался верою в близкий революционный переворот. Ниже мы подробнее остановимся на участии Бакунина в польском восстании; сейчас же скажем только, что в связи с ним отношения между Бакуниным и Герценом на долгое время испортились окончательно.

Бакунин охотно признавал превосходство Герцена в смысле эрудиции и литературного таланта, но он считал его плохим практиком и человеком, боявшимся практического дела. «Без заднего чувства, — писал ему Бакунин от 17 июля 1862 г., — но с полною радостью я тебя ставлю во всех отношениях гораздо выше себя по способностям и знанию, и... для меня твое мнение во всяком деле очень важно. После этого зачем мне уезжать в ссылку в Париж [2], хотя бы и существовала между нами второстепенная случайная рознь? Я в самом деле иногда упре-

---

[1] По поводу этих об'яснений Герцен писал Н. А. Огаревой 1 июня 1862 г.: «С Бакуниным все нелады, об'ясняется беспрестанно — опять-таки скучно».

[2] Очевидно, Герцен, чтобы удалить Бакунина от себя, сделал ему такое предложение.

каю тебя в том, что для тебя литературное дело чуть ли не важнее практического, а литератор милее простых деятелей».

Свое отношение к Герцену Бакунин подробно изложил в письме к заграничному представителю общества «Земля и Воля», написанном 9 июля 1863 года из Стокгольма [1]. Расхвалив Герцена за его талантливые писания и за представительство русского движения перед европейской публикой, Бакунин указывает на отрицательные черты его деятельности. Герцен неисправимый скептик и потому действует на практическое движение не только сдерживающим, но и прямо деморализующим образом. Талантливый литератор прежде всего, он соединяет все достоинства такового со всеми его недостатками. В свободной России он будет на своем месте, в качестве блестящего писателя или государственного деятеля, но для революционного деятеля у него решительно нет данных. Огарев более пылок, он живет больше русским движением, но легко поддается влиянию Герцена. «Колокол» проявляет нерешительность во всех практических вопросах и отстает от запросов момента.

Проведенные с Герценом и Огаревым годы, продолжает Бакунин, прошли во внутренней борьбе с ними. Бакунину казалось, что их направление слишком абстрактно, слишком литературно, и что в России наступила пора практической деятельности. Он полагал, что «Колокол» отставал на месяц от событий в такое время, когда нужно было итти, по крайней мере, на месяц впереди них. Он думал, что «Колокол» должен был уже годом раньше провозгласить свой разрыв с императорством, а тот продолжал с ним кокетничать [2]. «Колокол» готов был серьезно относиться к реформам, предпринимаемым царским правительством (напр., судебной реформе), тогда как Бакунин находил, что даже в таких случаях это правительство шарлатанит, что единственным его призванием является угашение и подавление народной жизни в интересах так называемого государственного величия, и что поэтому между ним и революционерами не может быть никакого примирения. Бакунин прибавляет, что в этом вопросе Огарев большею частью соглашался с ним, и хвалит «Общее Вече», которому Огарев придал более радикальное направление.

---

[1] Это письмо мы цитировали выше в § 5 главы III.

[2] Этот упрек Герцену в еще более определенной форме сделан был уже в 1859 году в статье «Русского человека» (возможно, принадлежавшей Н. Чернышевскому), напечатанной, вместе с ответом Герцена, в № 64 «Колокола» от 1 марта 1860 года. Эта статья целиком перепечатана в «Соч. Герцена», т. X, стр. 224—229

Эти разногласия стали еще глубже и острее, когда старые друзья очутились перед польским вопросом (об этом ниже).

К вопросу об этих разногласиях Бакунин возвращается и позднее, когда он в сущности давно уже порвал идейную связь со своими старыми друзьями, особенно с Герценом, и определенно начал становиться на анархическую позицию. Так, в письме от 8 октября 1865 года, т.-е. в момент, когда он уже создавал свое тайное международное революционное братство, Бакунин пишет Герцену и Огареву (из Неаполя): «Любезные друзья!.. Написал было статью в «Колокол» (!) в опровержение мирного, нереволюционерного социализма [1]. Был ею недоволен и стал переделывать: вышла брошюра, а теперь брошюра чуть ли не растет до книги. Публичное расхождение с вами по такому важному вопросу для меня вещь чрезвычайно серьезная: каждая мысль должна быть проверена, каждое слово взвешено — и потому спешить не хочу. Через месяц, много через два буду готов и тогда к вам же обращусь с просьбою о напечатании брошюры или книги в Женеве, на что постараюсь собрать достаточно денег [2]. Ты меня насмешил и огорчил, Герцен, напоминая, что, полемизируя друг против друга, нам не следует браниться, — это хорошо для мальчиков. Без всякого принуждения, совершенно естественно, уважение и симпатия к вам будут занимать в моем сердце всегда первое место, и как бы далеко ни зашла наша рознь в средствах, в путях, не в цели [3], я всегда буду ценить высоко право называться вашим союзником и другом. Ну, да пусть все это окажется на деле.

«Итак, Михайлова убили. Убьют и Чернышевского [4]. Нет сомнения, Николай был лучше вашего бешеного теленка Александра [5]... Что известно вам о Потанине и об открытом сибирском заговоре? [6]... Жаль

---

[1] Это — проявление бакунинской наивной хитрости: он хочет таким образом выпытать у Герцена, откроет ли тот ему столбцы своего (дышавшего уже на ладан) «Колокола».

[2] Еще одно из неосуществившихся предприятий Бакунина. Отдельные мысли этой работы, вероятно, вошли в более поздние писания Бакунина.

[3] Курсив мой. Мы видели, что это самое говорил Бакунин и в 1862 году. Думал ли он так искренне или хотел позолотить для Герцена пилюлю, неизвестно. Но на самом деле они расходились не только в вопросах тактики.

[4] Поэт М. И. Михайлов был за прокламацию к «Молодому поколению» сослан в 1862 году на каторгу и в 1865 г. умер в Сибири; Н. Г. Чернышевский приговорен был к каторжным работам в 1864 году по обвинению в составлении прокламации «К барским крестьянам».

[5] Речь идет об императорах Николае I и Александре II.

[6] В сентябре 1865 года полицией начато было дело о «сибирском сепаратизме», к которому были привлечены Г. Потанин, Н. Ядринцев и пр.

его, если он погибнет,... а кажется, что также погибнет. Наших друзей губят, а черная русская изба, заключающая, по вашим словам, разрешение социальных вопросов, спит, как спала, мертвая и безплодная впродолжение веков, потому что давит ее г о с у д а р с т в о [1], — и будет спать она тем же глупым сном, и не сделает ни шагу вперед русский социальный вопрос, пока будет существовать это государство. А если будут шаги, так в сторону или даже назад — отнюдь не вперед».

Герцен, повидимому, ответил Бакунину приглашением писать в «Колокол». Бакунин, в письме от 23 марта 1866 года благодаря его за это, вместе с тем сообщал, что в данное время он ничего печатать не хочет, прежде чем не увидится лично с друзьями и не переговорит с ними. «Во-первых, потому, что при теперешних занятиях [2] мне не хотелось бы обращать на себя внимание; а, во-вторых, прежде чем я решусь высказать свои убеждения насчет настоящего положения России и русского дела, мне хочется, мне необходимо еще раз подробно и долго обо всем переговорить en trois (т.-е. втроем) с вами. Расходясь с вами, кажется, во многом, — р а з у м е е т с я, т о л ь к о в п у т я х, а н е в ц е л я х [3], — я так высоко ценю сознательную глубину и силу ваших убеждений, что не могу и не хочу выступать наружу со своими, не попытавшись еще раз проверить их вашею мыслью. Для этого нужен разговор».

Проектируемое свидание не состоялось, и в письме от 19 июля 1866 г. Бакунин, наконец, подробно сформулировал свои упреки по адресу Герцена и Огарева за их политику, отрицательные стороны которой выступили для него особенно наглядно после разочарования, овладевшего Герценом в связи с неудачей польского восстания и упадком влияния «Колокола» [4]. Снова повторяя, что он разошелся с обоими

В 1868 г. Потанин был по этому делу приговорен к каторжным работам, которые отбывал в Свеаборге до 1872 года, после чего был сослан на поселение. Помилован в 1874 году.

[1] Курсив мой. К этому моменту Бакунин, как увидим ниже, уже определенно стал на анархическую точку зрения. Таким образом к старым разногласиям прибавилось новое, и еще более коренное.

[2] В это время он был занят организацией тайного революционного братства.

[3] Курсив мой. Это писано уже п о с л е того, как он определенно стал анархистом!

[4] Сюда же относится и второе письмо, известное нам лишь в виде отрывка, напечатанного Драгомановым на стр. 515—522 его издания «Переписки» и ошибочно отнесенного им к 1864 году, несмотря на то, что в нем Бакунин цитирует писания Герцена и Огарева, опубликованные летом 1865 г. и даже 1 августа 1866 года. Ясно, что письмо это написано не раньше

друзьями, «если не в цели, так в методе», Бакунин, впрочем, правильно замечает, что «la forme entraîne toujours le fond avec elle» (от формы всегда зависит и сущность), и продолжает:

«Ваш настоящий путь мне стал непонятен, полемизировать с вами мне не хотелось, а согласиться не мог. Я просто не понимаю ваших писем к государю, ни цели, ни пользы — вижу в них, напротив, тот вред, что они могут породить в неопытных умах мысль, что от государства вообще, а особенно от всероссийского государства и от представляющего его правительства и от государя можно ожидать еще чего-нибудь доброго для народа... Вы испугались и отступились перед искусственным, подкупленным воплем московских и петербургских журналистов, поддерживаемых гнусною массою плантаторов и нравственно обанкрутившимся большинством учеников Белинского и Грановского, твоих учеников, Герцен, большинством старой гуманно-эстетизирующей братии, книжный идеализм которой не выдержал, увы, напора грязной, казенной русской действительности. Ты оказался слаб, Герцен, перед этой изменой, которую твой светлый, проницательный, строго-логический ум непременно предвидел бы, еслиб не затемнила его сердечная (?) слабость. Ты до сих пор не можешь справиться с нею, забыться, утешиться. В твоем голосе слышится до сих пор оскорбленная, раздраженная грусть... ты все говоришь с ними, усовещеваешь их точно так же, как усовещеваешь императора, вместо того чтобы плюнуть один раз навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись к ней спиною, обратиться к публике новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и с волею дела».

Далее Бакунин старается доказать Герцену, что он, как социалист, должен «ради последовательности» быть врагом всякого государства, несовместимого «с действительным, вольным и широким развитием социальных интересов народов». Он не допускает, чтобы Герцен был «социалистом-государственником, готовым помириться с самою гнусною и опасною ложью, порожденною нашим веком: с казенным демократизмом, с красным бюрократизмом». Указывая, что в писаниях Герцена можно найти много замечаний, отрицающих государственность вообще, Бакунин отказывается понять, как тот может возлагать

середины августа 1866 г. и представляет продолжение большого письма от 19 июля того же года. В конце этого отрывка Бакунин замечает: «После долгого молчания я решился наконец выговориться до конца и, разбирая ваше направление, высказать вам свое». Он не успел кончить своего изложения и обещал вскоре выслать продолжение. Но, повидимому, это ему не удалось, и полемика осталась незаконченною.

какие-либо ожидания на русское правительство и говорить об «императоре, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе, может быть, царя и Стеньку Разина». И тут Бакунин пытается доказать, что ничего подобного он сам не говорил в своей брошюре «Народное Дело» (см. выше, глава III, § 1).

Надежды на мирное развитие России нет. «Знаю, вам ненавистно слово «революция», но что ж делать, друзья, без революции ни для вас, ни для кого нет ни шагу вперед. Вы во имя вящшей практичности составили себе невозможную теорию о перевороте социальном без политического переворота, теория столь же невозможная в настоящее время, как революция политическая без социальной; оба переворота идут рука-об-руку и в сущности составляют одно. Вы все готовы простить государству, пожалуй, готовы поддерживать его, если не прямо — было бы слишком стыдно, — так косвенно, лишь бы оно оставило неприкосновенным ваше мистическое святая святых — великорусскую общину, от которой м и с т и ч е с к и, — не рассердитесь на обидное, но верное слово, — да, с мистическою верою и теоретическою страстью вы ждете спасения не только для великорусского народа, но и для всех славянских земель, для Европы, для мира. А кстати, скажите, отчего вы, уединенные гордецы н и к е м не понятой и не принятой теории о таинственном свете и мочи, скрывающихся в глубине русской общины, не соблаговолили отвечать серьезно и ясно на серьезный упрек, сделанный вам вашим приятелем? «Вы выбиваетесь из сил, — пишет вам этот друг, — вы воображаете, что развитие пойдет мирным путем, а о н о м и р н ы м п у т е м н е п о й д е т; пожалуй, вы еще надеетесь в этот несчастный одиннадцатый час на правительство, а о н о м о ж е т д е л а т ь т о л ь к о в р е д; в ы з а п н у л и с ь з а р у с с к у ю и з б у, к о т о р а я с а м а з а п н у л а с ь, д а и с т о и т в е к а в к и т а й с к о й н е п о д в и ж н о с т и с о с в о и м п р а в о м н а з е м л ю». Почему не разовьете вы в своем «Колоколе» этого важного, решительного для вашей теории вопроса — почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжение 10 веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого печального и гнусного рабства?.. Есть, правда, другая сторона, бунтовская, стеньки-разиновская, пугачевская, раскольничья — единственная сторона, от которой должно, по моему мнению, ждать морализации и спасения для русского народа. Ну, да эта сторона уж не мирно развивающаяся, не государственная, а чисто революционная, революционная даже и тогда, когда она пробуждается с призывом царского имени...

«Поверь мне, Герцен, твоя пресловутая «перемена фронта», которою ты так гордился и которою хотел доказать нам, «абстрактным революционерам», твое практическое и тактическое умение, была огромным промахом. Твоя уступка развратному, только мнимо единодушному дворяно-литературному мнению в России, раз'ярившемуся злобою во имя интегритета империи по случаю польского вопроса, была бы ошибкою даже тогда, если весь великорусский народ участвовал бы в этом мнении. Разве правда и право перестают быть правдою и правом потому только, что целый народ становится против них? Бывают моменты в истории, когда люди и партии, сильные тем принципом, тою истиною, которая живет в них, должны для блага общего и для сохранения своей собственной чести иметь мужество остаться одни, в уверенности, что истина притянет к ним рано или поздно не старых и лысых ренегатов, возвращение которых совершается всегда в ущерб делу, а новые, свежие массы... Массы иногда по близорукости и невежеству увлекаются в сторону от столбовой дороги, ведущей прямо к их цели, и нередко становятся в руках правительства и привилегированных классов орудием для достижения целей, решительно противных их существенным интересам. Что ж, неужели люди, знающие, в чем дело, знающие, куда надо и куда не надо итти, должны ради популярности увлекаться и врать вместе с ними? В этом ли состоит ваша пресловутая практичность?..

«Вы приняли литературно-помещичий вопль за выражение народного чувства и оробели. Оттуда перемена фронта, кокетничанье с лысыми друзьями-изменниками и новые послания к государю [1]... и статьи вроде 1 мая нынешнего года, — статьи, которой я ни за что в мире не согласился бы подписать [2]. Ни за что в мире я не бросил бы в Каракозова камня и не назвал бы его печатно «фанатиком или озлобленным человеком из дворян» в то самое время, когда вся подлая лакейская дворяно- и литературно-чиновничья Русь его ругает и, ругая его, надеется выслужиться перед царем и начальством, в то время, как в Москве и в Петербурге наши лысые друзья с восторгом говорят:

---

[1] Имеется ввиду «Письмо к императору Александру II» (№ 221 «Колокола» от 1 июня 1866 г.), в котором есть такие фразы: «Вы кругом обмануты, и нет честного человека, который смел бы Вам сказать правду», «Вы не можете желать зла России за ее любовь к Вам» и т. п. (Соч., т. XVIII, стр. 406—407).

[2] Статья «Иркутск и Петербург» (№ 219 «Колокола» от 1 мая 1866 г.) по поводу покушения Каракозова на жизнь Александра II (Соч., т. XVIII, стр. 374—381).

«Ну, уж Михаил Николаевич его пытнет» [1], и когда он выносит все муравьевские истязания с изумительным мужеством. Ни в каком случае мы здесь не имеем права судить его, ничего не зная (ни) о нем, ни о причинах, побудивших его к известному поступку.

«Я т а к ж е, к а к и т ы, н е о ж и д а ю н и м а л е й ш е й п о л ь з ы о т ц а р е у б и й с т в а в Р о с с и и [2], готов даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая в пользу царя временную реакцию, но не удивляюсь отнюдь, что не все разделяют это мнение, и что под тягостью настоящего, невыносимого, говорят, положения нашелся человек, менее философски развитой, но зато и более энергичный, чем мы, который подумал, что гордиев узел можно разрезать одним ударом, и я искренне уважаю его за то, что он подумал так и совершил свое дело. Несмотря на теоретический промах его, мы не можем отказать ему в своем уважении и должны признать его «н а ш и м» перед гнусною толпою лакействующих царепоклонников. В противность сему ты в той же статье восхваляешь «необыкновенное» присутствие духа молодого крестьянина, р е д к у ю быстроту соображения и ловкость его [3]... Твое выражение «озлобленный человек из дворян»... двусмысленно: можно подумать, что ты считаешь его озлобленным против царя за то, что он освободил крестьян. В действительности же он стрелял в него потому, что он обманул крестьян. Это явствует из первых слов, произнесенных Каракозовым по совершении акта. А ты в той же статье еще сердишься на царя за то, что он возведением Комиссарова в дворянское достоинство будто бы исказил смысл урока, данного нам историею... Александр Николаевич лучше понимает смысл государственно-русской истории, чем ты: он чувствует, а может быть, и видит ясно, что приверженность нашего народа к царю точно так же основана на недоразумении, как на недоразумении основано у нас фрондерское либеральничанье дворянского класса, и что по

---

[1] М. Н. Муравьев-Виленский (в просторечии Вешатель) назначен был председателем Следственной комиссии по делу о покушении Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. Носились слухи, что Каракозова пытают. До сих пор этот вопрос с точностью не выяснен. Достоверно, что Каракозова пытали лишением сна (см. А. Ш и л о в — «Каракозов», Гиз., Пет. 1920).

[2] Курсив мой. Ср. то, что мы выше говорили об отрицательном отношении Бакунина к индивидуальному террору.

[3] Речь идет о Комиссарове, который якобы толкнул Каракозова под руку, что и вызвало промах его по царю. Возможно, что это просто легенда à la Сусанин, нарочито выдуманная в целях черносотенной агитации. Дескать, дворяне против царя, а крестьянин его спасает! Комиссаров за свой мнимый «подвиг» был возведен царем в дворяне и скоро спился.

существу своих интересов и по тем же причинам народ должен быть врагом, а дворянство — неизменным союзником царской власти, пагубной для народа и едино спасительной для дворянства. Это сознание овладевает теперь, видимо, целым классом дворянства. Будем надеяться, что по мере того как дворянство, повинуясь несомненной необходимости, вытекающей из всех интересов его, будет сближаться с царем, народ будет от него удаляться и поймет, наконец, что между его благоденствием и властью царя, государства, существованием империи нет возможного примирения. Об'яснить это ему всеми средствами — дело наших друзей, живущих и действующих в России, а показать единственный путь свободы и общего спасения нашим друзьям — наше дело» [1].

Указав, что влияние «Колокола» пало, и что он звонит по-пустому, Бакунин говорит, что остается на выбор: или прекратить издание, или взять другое направление [2]. А для этого прежде всего нужно определить, к кому «Колокол» намерен обращаться, какова его публика. «Народ не читает [3], — говорит Бакунин, — следовательно вам действовать прямо на народ из-за границы невозможно. Вы должны руководить тех, которые положением своим призваны действовать на народ, именно тех, которых вы своими практическими уступками и своим обращением то к правительству, то к лысым друзьям-изменникам систематически от себя удаляли. И прежде всего вы должны отказаться от всякого притязания, надежды и намерения влиять на настоящий ход дел, на государя, на правительство. Там вас никто не слушает, пожалуй, над вами смеются, там все знают, куда они идут, и чего им надо... Обращаясь к этому миру, вы только теряете драгоценное время и компрометируетесь попустому. Ищите публики новой в молодежи, в недоученных учениках Чернышевского и Добролюбова, в Базаровых, в нигилистах — в них жизнь, в них энергия, в них честная и сильная воля [4]. Только не кормите их полусветом, полуистиною,

---

[1] Бакунин ставит эмиграции еще другую задачу: «Первая обязанность нас, русских изгнанцев, — говорит он парой страниц выше, — это провозглашать громко необходимость разрушения этой гнусной империи. Это должно быть первым словом нашей программы» (курсив Бакунина).

[2] Как известно, Герцен скоро предпочел первый выход.

[3] Для тогдашнего народа это было верно, и этим об'ясняется многое в деятельности тогдашних революционеров, принужденных обращаться главным образом и почти исключительно к революционной интеллигенции.

[4] Курсив мой.

недомолвками. Да, встаньте опять на кафедру и, отказавшись от мнимой и, право, бессмысленной тактичности, валяйте все, что сами думаете, сплеча и не заботьтесь больше о том, сколькими шагами вы опередили свою публику. Не бойтесь, она от вас не отстанет, и в случае нужды, когда вы будете уставать, подтолкнет вас вперед. Эта публика сильна, молода, энергична — ей надо полного света, и не испугаете вы ее никакою истиною. Проповедуйте вы ей практическую осмотрительность, осторожность, но давайте ей всю истину, дабы она при свете этой истины могла узнать, куда итти и куда вести народ. Разбяжите себя, освободите себя от старческой боязни и от старческих соображений, от всех фланговых движений, от тактики и от практики, перестаньте быть Эразмами, станьте Лютерами, и возвратится к вам вместе с утраченною верою в дело и старое красноречие, и старая сила, — и тогда, но только тогда ваши старые блудные дети-изменники, познав вновь в вашем голосе голос начальника, возвратятся к вам с покаянием, и горе вам, если вы согласитесь принять их».

Увещания Бакунина остались без всякого влияния — по крайней мере, на Герцена. Слишком далеко зашел он по своему либерально-оппортунистическому пути. В революцию он давно уже не верил, да и не сочувствовал ей, менять своей тактики и публики не хотел, прекрасно сознавая, что та революционная молодежь, во главе которой ему советовал стать Бакунин, за ним не пойдет. Напротив, Герцен возненавидел молодую эмиграцию, которая платила ему тем же. Для него в последние годы не было ничего более ненавистного, чем нигилисты, Базаровы, ученики Добролюбова и Чернышевского, а отчасти и сам его советчик Бакунин.

В этом отношении замечательно письмо от 23 июня 1867 года, где Бакунин защищает революционную молодежь, новую разночинную эмиграцию от резких нападок Герцена. Эти нападки вызваны были брошюрою А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», направленной против Герцена и его либерально-буржуазного уклона. Посылая Бакунину эту брошюру из Женевы в Италию, Герцен сопроводил посылку следующим письмом от 30 мая 1867 года: «Любезнейший Бакунин! Серно-Соловьевича посылаю. Он — наглый и сумасшедший, но страшно то, что большинство молодежи т а к о е, и что мы все помогли ему т а к и м б ы т ь. Я много думал об этом в последнее время и даже писал — не для печати теперь. Это — не н и г и л и з м; нигилизм — явление великое в русском развитии. Нет, тут всплыли на пустом месте халат, офицер, писец, поп и мелкий помещик в н и г и л и с т и ч е с к о м костюме. Это — мошенники, оправдавшие своим сукиносынизмом

меры правительства (!), невежды, на которых Катковы, Погодины, Аксаковы etc. указывают пальцами. Это — люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чем на Скарятина, говоря просто, что они завидуют, что они хотели бы обобрать, и что они не могут переварить художественной стороны статей. Ты и Огарев — вы этих скорпионов откармливали млеком вашим. Это верно, caro mio, подумай. Им будущности нет, это меньшой венерический брат, который умрет, и на его могиле встретится старший с еще более меньшим. — У меня Campo Formio (т.-е. примирение. — *Ю. С.*) с Тургеневым. Он мне писал mit Zärtlichkeit (т.-е. с нежностью), я ответил mit Gemüthlichkeit (т.-е. с добродушием) — и это несмотря на злой отзыв с моей стороны о «Дыме».

На эту скандальную выходку Бакунин отвечал так:

«Я ждал, ждал брошюры Серно-Соловьевича и не дождался. А, признаюсь, твое письмо испугало меня не за Серно-Соловьевича, а за тебя. В твоей злости против него слышится что-то старческое. Я готов верить, что Серно-Соловьевич написал против тебя скверную пасквиль, и что твое негодование против него справедливо. Но ты ругаешь не его одного и даже не одних его женевских однолетников-эмигрантов, — на все молодое поколение кладешь ты страшное проклятие, говоря — как будто бы это могло служить для нас аргументом, — что Погодины, Катковы, Аксаковы и Тургеневы [1] указывают на них, т.-е. на молодых людей, принадлежащих к этому поколению, пальцами, прибавляя даже, что они сукиносынством своим оправдывают меры правительства. Кто ж эти они? Разумеется, не одни только женевские эмигранты, которые так микроскопически малочисленны, что правительству незачем бы было принимать крупных мер, а целое юное поколение, которое ты клеймишь, называя его венерическим младшим братом, осужденным на бесплодную смерть, в ожидании еще младшего и более путного поколения.

«Нет, Герцен, каковы бы ни были недостатки настоящего молодого поколения, оно чрезмерно выше Катковых и Погодиных, твоих Аксаковых и Тургеневых, так выше, что указывание на него пальцем всех этих блудных стариков служит ему в честь, а не в бесчестье, и ничего в мире, кроме самой, естественно и по необходимости гнусной,

---

[1] Герцен о Тургеневе в этой связи не упоминал: к реакционной компании Каткова, Аксакова и Погодина Бакунин прибавил Тургенева сам, и сделал это по существу правильно. Тургенев платил Бакунину тою же монетою; но, не будучи в состоянии сказать о нем ничего политически компрометирующего, он указывал на полное политическое бесплодие бакунинской работы. Так, в письме к Марко-Вовчок (М. А. Маркович) от 28 сентября 1862 г.

природы правительства, не может оправдать гнусных мер наших правителей. Десять, пять лет тому назад, когда ты смело глядел и вел вперед, не заботясь о том, что будут говорить люди близорукого разума и гнилой официальной или полуофициальной практики, и не увлекаясь мечтою о невозможном полуосуществлении сегодня или завтра, а, главное, не дозволяя ослеплять себя блеском лживых и притворных исполнений, ты не произнес бы таких страшных, для тебя страшных, потому что старческих слов. Ты чувствовал тогда свою силу, а сила великодушна и до того верит в себя, что даже к своим врагам может быть справедлива. Твое же последнее письмо дышит брюзгливою несправедливостью. Ты пишешь, что у тебя с Тургеневым Campo Formio. Остановись, Герцен, и вспомни, что Campo Formio было первою буквою в наполеоновском алфавите, последними буквами которого были Ватерлоо и Св. Елена. Уж не потому ли Тургенев и дерзнул обратиться к тебе с Zärtlichkeit, что пронюхал твои раздоры с молодым поколением, после разрыва с которым он сам одряхлел и иссяк безвозвратно, и не подумал ли он в самом деле, что так как одинаковые причины производят одинаковые действия, ты и он будете стоять отныне на одном поле?

«В молодом поколении, взятом порознь, в отдельных экземплярах тьма неприятных, непорядочных, даже грязных сторон. Явление, впрочем, весьма натуральное. Старая нравственность, основанная на религиозных, патриархальных и сословных преданиях, рушилась безвозвратно. Новая далеко еще не создалась, но предчувствуется. Действительно осуществить ее может только коренной социальный переворот. Одиноких сил одного человека, как бы он умен и силен ни был, для этого недостаточно. Поэтому новой нравственности еще нет. Молодое поколение ищет ее, но еще не нашло; отсюда колебания, противоречия, безобразия и нередко грязные скандалы. Так было в [17]93 году — только там гильотина чистила нравы и не давала гнить недозрелой зелени. Все это очень неприятно, больно и грустно, но натурально и неминуемо. Все это в среде нашей бедной, неопытной русской эмиграции еще усугублено тою эмиграционною болезнью, ко-

---

Тургенев пишет: «Что за человек Бакунин, спрашиваете вы? Я в Рудине представил довольно верный его портрет: теперь это Рудин, не убитый на баррикаде. Между нами: это — развалина (?!). Будет еще копошиться помаленьку и стараться поднимать славян, но из этого ничего не выйдет. Жаль его: тяжелая ноша—жизнь устарелого и выдохшегося агитатора. Вот мое откровенное мнение о нем, а вы не болтайте» (Н. Л. Бродский, — «И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах», Москва, 1924, часть 2-я, стр. 96.

торую ты так верно изучил и описал в своих записках. Но все это не должно заслонять от нас серьезных, да, великих качеств нашего молодого поколения: в нем не оранжерейная, не искусственная и не рефлективная только, а настоящая страсть равенства, труда, справедливости, свободы и разума. Из-за этой страсти десятки из них уже пошли на смерть и сотни в Сибирь. Между ними, как всегда и везде, много пустых хвастунов и фразеров, но есть и герои, герои без фраз или только с фразою клеветы на себя или крайностью щеголяющего отрицания. Нет, воля твоя, Герцен, — эти неумытые, неуклюжие и часто весьма неудобные пионеры новой правды и новой жизни в миллион раз выше стоят всех твоих приличных покойников».

Далее Бакунин снова останавливается, правда, в очень мягкой форме, на промахах своего старого друга, об'яснявшихся все тою же неискоренимою снисходительностью его к старому миру и неверием в революционные пути. «В твоей «Мазурке» [1], — пишет Бакунин, — много верного и удачно выраженного, а все слышится в ней тон покаявшегося революционера, готового на полусделки с людьми, с которыми для последовательного социалиста примирение невозможно. Ты все как будто церемонишься и как будто бережешь людей не только славянофильской партии, но начинаешь разговаривать menschlich (по-человечески) даже с Катковым, точно как будто одни из них не решительные, продажные мерзавцы, а другие не гнилые покойники. Ты как будто предчувствуешь и ожидаешь минуты, когда тебе можно будет итти, говорить и действовать заодно с ними. Грязная, черная, бесстыдная речь князя Черкасского [2] о поляках заслужила более, чем насмешку, а клеймение. В ней слышится такой преступный цинизм, такой политический и социально-нравственный разврат, что не смеяться (надо) над ним, его надо казнить. А вот что хорошо, так это «Августейшее путешествие» [3]. Картина царственной жизни в Зимнем дворце, противопоставленная высоким шалостям в Париже — chef d'oeuvre (шедевр), а Погодин, сын Кирилла и Мефодия, и Филарет посреди «канканопляшущих жен мабилийских в их вертограде» на-

---

[1] Напечатана в № 243 «Колокола» от 15 июня 1867 г. и посвящена приезду в Петербург «славянских гостей», прибывших на общеславянский с'езд в Москве.

[2] В этой речи, произнесенной в Москве на славянском с'езде, Черкасский предлагал полякам вернуться в их среду не строптивым членом семьи, а блудным сыном, кающимся в своих грехах.

[3] В действительности «Августейшие путешественники»; напечатано в № 243 «Колокола» от 15 июня 1867 г. (по поводу приезда Александра II в Париж).

помнили мне молодого Герцена, которого умный и свежий смех так сильно и так благодетельно действовал на Россию. Не старей, Герцен, в старости, право, нет прока, не становись доктринером à la J.-J. Rousseau (вроде Ж.-Ж. Руссо), оставайся нашим могучим Вольтером [1]. В этом твоя истина и потому и сила твоя. Не старей, Герцен, и не проклинай молодых. Смейся над ними, когда они смешны, наказывай и брани, когда они виноваты, но преклоняйся почтительно перед их честным трудом и стремлением, перед их подвигами и жертвами».

В том же письме, в постскриптуме, он упрекает Герцена за тон его заметки «Выстрел 6 июня» [2]. «Ну,, за что же ты назвал Березовского фанатиком? — спрашивает Бакунин. — «Он чист, потому что фанатик», — что за странная и недостойная тебя игра слов! И что значит фанатик? Дурак или сумасшедший, что ли? Это, брат, из рук вон несправедливо. Точно как будто бы вне исторически философского высокого взгляда на происшествия нет жизни, нет права и страсти жизни? Березовский — мститель, и самый законный мститель, за все преступления, муки и кровавые оскорбления, вынесенные Польшею и поляками. Неужели ты этого не понимаешь? Да если б не было таких взрывов негодования, можно бы было отчаяться в людях».

Эти споры и разногласия не мешали Бакунину относиться к Герцену с глубокой симпатией и уважением. Когда после смерти Герцена [3] некоторые французские газеты, как «La Presse» и «La Liberté», позволили себе написать, будто Герцен в последние годы примирился с политикой Александра II (увы, отчасти это было верно), Бакунин счел своим долгом выступить в защиту памяти своего старого друга. В № 72—73 газеты «La Marseillaise», выходившей тогда под редакцией Анри Рошфора, от 2 — 3 марта 1870 года Бакунин поместил статью «Герцен», в которой категорически опровергал этот слух, порочивший политическую честь покойного борца. В этой статье Бакунин писал:

---

[1] Для анархистов характерно это предпочтение аристократического либерала Вольтера революционному демократу Ж.-Ж. Руссо. То же делал и ученик Бакунина, Дж. Гильом.

[2] Польский эмигрант Березовский 6 июня 1867 г. совершил неудачное покушение на царя Александра II, приехавшего на Парижскую выставку. О подозрительных обстоятельствах этого покушения см. в моей книжке «Политическая полиция и провокация во Франции».

[3] По получении от Огарева телеграммы о смерти Герцена Бакунин писал ему 23 января 1870 г.: «Огарев! Неужели это правда? Неужели он умер?.. Друг, на такие несчастья слов нет. Разве только одно слово: умрем в деле. Если можешь, напиши хоть одно слово. — Твой теперь единственный старый друг М. Б.».

«Я состоял с ним в тесной дружбе в течение тридцати лет слишком. Он оказал мне неоценимые услуги, в особенности, когда я, после побега из Сибири и проезда через Китай, Японию, Тихий Океан, Сан-Франциско, Панамский перешеек и Нью-Йорк, прибыл в Лондон в конце 1861 года без всяких средств. Герцен и Огарев приняли меня, как брата.

«Горячая признательность, которую я испытал тогда и которую до сих пор бережно храню в сердце, не могла, однако, помешать скорому возникновению среди нас серьезных разногласий по поводу довольно важных вопросов революционной практики. Мы много беседовали, спорили и в конце концов до известной степени даже разошлись в политическом направлении, но никогда наши чувства взаимной любви и уважения ни в малейшей мере от этого не страдали. Спешу, впрочем, прибавить, что все эти разногласия касались только средств, а не цели. Когда заходила речь о конечной цели, мы все были единодушны (?). У Герцена, Огарева и у меня всегда была одна только цель: разрушение небесного и земного обмана уничтожением всякого божественного и человеческого авторитета, разрушение церкви, доктринерской школы, патриархального, юридического и политического государственного права, уничтожение государства и на его развалинах конечное торжество человечности с помощью доступной всем науки, всеобщего труда и свободы каждого в условиях всеобщего экономического и социального равенства» [1].

Мы видим, что, даже расходясь с Герценом в самых существенных вопросах, Бакунин всегда сохраняет по отношению к нему чувство дружбы и уважения. Даже в частных письмах мы почти не встречаем у Бакунина личных выпадов против Герцена, расхождение с которыми он всегда ставит в плоскость принципиальных, по большей части тактических, разногласий [2]. Раза два Бакунин, впрочем, отрекся от

---

[1] Здесь Бакунин, как часто с ним бывало, приписывает Герцену свои собственные взгляды. Но он, повидимому, так и думал, ибо и самому Герцену, как мы видели, он всегда писал в таком же духе. Кстати, из задуманной Бакуниным и обещанной читателям «Марсельезы» серии статей о Герцене появилась только эта одна.

[2] В письме к Г. Вырубову от 15 февраля 1869 года Бакунини по поводу письма Вырубова в «Колокол» говорил: «Обращаясь к Вашему письму в «Колоколе», я рознюсь с Вами не в порицании герценовского славяно-русского мессианизма. Старый на старости лет с ума спятил, и очень удивился бы Герцен молодой, какого я знал до [18]48 года, если б ему кто сказал, что он на старости лет будет городить такой вздор. Предоставляю положительной физиологии и социологии об'яснить причины такой грустной перемены.

Герцена. В первый раз это сделано было в письме Бакунина к Марксу от 22 декабря 1868 г.: здесь Бакунин, хорошо зная о подозрительном отношении Маркса к герценовскому мировоззрению, спешит очистить себя в его глазах, заявляя, что он, Бакунин, разошелся с Герценом вследствие несогласия последнего с лозунгом разрушения всероссийской империи [1]. А во второй раз это произошло в разгар борьбы в Интернационале, когда для Бакунина чрезвычайно важно было очиститься от всякого подозрения в панславистских слабостях. И вот в «Докладе об Альянсе» (рукописи 1871 года, напечатанной впервые в VI томе французского издания сочинений Бакунина) он написал следующие строки: «Герцен, вопреки мнению Маркса, никогда не был моим другом». К этим словам Гильом делает следующее примечание: «Бакунин хочет сказать, что Герцен никогда не был его «политическим» другом, конспирировавшим вместе с ним». («Oeuvres», т. VI, стр. 270.) Но толкование Гильома несколько произвольно. Не надо только забывать, что эти строки написаны были Бакуниным после опубликования наследниками Герцена статьи о нем, которую враги его, например, маццинисты в Италии, использовали для борьбы с ним и которая сильно его задела [2].

Совершенно иное отношение к Бакунину мы находим у Герцена. Герцен Бакунина не уважал, он отзывался о нем самым резким образом, одинаково сильно клеймил и его (на взгляд Герцена) политические промахи, и личные недостатки, а временами даже питал к нему крайне злобное чувство. Замечательно то, что для Бакунина не было секретом это отношение к нему Герцена, который, повидимому, и не скрывал его [3], однако Бакунин попрежнему сохранял к Гер-

---

Читали вы последнюю книжку его «Полярной Звезды»? Это чорт знает что. Слабый, бесцветный лепет блазированного миллионера и отжившего свой век брюзгливого старика» (Письма Бакунина к Вырубову, «Вестник Европы», 1913, февраль, стр. 76). Для понимания этого резкого отзыва, столь мало отвечающего обычному отношению Бакунина к Герцену, нужно заметить, что письмо это пришлось на период охлаждения их взаимных отношений (см. дальше), а, во-вторых, что Бакунин имел в виду VIII книжку «Полярной Звезды», в которой между прочим была напечатана статья «Еще раз Базаров», направленная Герценом против молодого революционного поколения.

[1] См. это письмо в третьем томе настоящей работы (ч. I, гл. I, § 1).

[2] Т.-е. статьи «М. Бакунин и польское дело», напечатанной впервые в сборнике посмертных статей Герцена, который его наследники выпустили в 1870 году в Женеве.

[3] См., например, письмо Бакунина к Герцену от 16 июля 1862 года, где он говорит: «Несмотря на твое высокомерное, систематическое, в лени-

цену теплое чувство. Правда, в характере Бакунина было много черт, способных оттолкнуть и возмутить не одного Герцена (неряшливость в денежных делах, лень и неспособность к усидчивой работе, крайнее легкомыслие в конспиративных делах и т. п.). Но отрицательных черт было немало и у самого Герцена, да и у кого их не бывает! И, однако, Бакунин не подчеркивал их, не опирался на них при оценке личности Герцена, не раздувал их и пр.. Мы думаем, что эта разница об'ясняется неодинаковым настроением и политическим положением обоих друзей. Бакунин, как более передовой революционер, чувствуя под ногами более твердую почву, мог относиться к Герцену терпимо и снисходительно; Герцен же, от одного берега отставший, а к другому не приставший, инстинктивно сознавал фальшивость своего положения, и его, разочарованного, скептического, неверующего, раздражала неунывающая вера Бакунина, его жизнерадостность, порывы и увлечения, которые Герцен рассматривал только как политическую чесотку. В глубине души он, должно быть, Бакунину просто завидовал, а вся шумливая деятельность Бакунина звучала для Герцена как бы вечным упреком[1].

Бакунин прибыл в Лондон к началу 1862 года. Через месяц-другой отношения с Герценом у него уже настолько испортились, что, как мы видели, Герцен отказался печатать бакунинские статьи в «Колоколе». Одновременно с политическими разногласиями действовали и личные неудовольствия. Герцен в произведениях, предназначенных для печати, чрезвычайно мягко, а иногда и с кажущейся симпатией относился к некоторым чертам Бакунина, делавшим из него прирожденного цыгана, богему, вечного студента. В практической же жизни безалаберность, халатность, бесцеремонность, «беспардонность» Бакунина его раздражали и возмущали. Несомненно немалую роль играли здесь и либеральные приятели Герцена, вроде И. С. Тургенева, которые подзуживали его, всячески восстанавливая против Бакунина и убеждая его в том, что последний губит дорогое

вую привычку у тебя обратившееся презрение к моим личным рекомендациям, считаю однако» и т. д. (дальше он рекомендует ему одного польского делегата).

[1] В этом отношении весьма характерно одно место в письме Герцена к Огареву от 15 августа 1869 года: «У Бак(унина), если денег нет, есть интернационалка, ржечь посполитая, карлморовка, а у меня — Тхоржевский и Чернецкий с типографией, в которой ничего не печатается, и с швейцарами, стоящими у поезда к Альпам» (в последние годы, после закрытия «Колокола», Герцен много раз'езжал: его гнала с места на место какая-то внутренняя тревога и тоска).

Герцену дело постепенной пропаганды и рискует убить влияние, достигнутое Герценом с таким трудом. Герцен временно разошелся с этими дворянско-царистскими «либералами» вроде Кавелина и Тургенева, но он психологически и политически все же стоял ближе к ним, чем к Бакунину, прислушивался к их мнению, даже когда оно его коробило, и незаметно впитывал в себя яд их нашептываний.

А в каком духе они говорили ему о Бакунине и с какою враждою относились к неугомонному бунтарю, который, при всех своих недостатках и промахах, стоял не головою, а всем корпусом выше их, видно из писем Кавелина и Тургенева к Герцену. В письме от 6—18 апреля 1862 года Кавелин, например, пишет Герцену: «Я никоим образом не мог сообщить тебе ответа по твоему поручению к братьям Б — на (т.-е. Бакунина). О затруднительном его положении дано им знать, — это совершенно верно, но никакого ответа не было получено, и так до сих пор. Очень жалею об этом господине, но, сознаюсь тебе, мало ему доверяю и ничего путного от него не жду. Ушел он из России нехорошо, нечестно [1]. И зачем собственно ушел? Что же он будет делать? Манифесты и воззвания писать? Это старо, и никто из-за них пальца не ударит о палец. Безбородые юноши — и те читают их холодно. Теперь не воодушевишь ими никого. Не то нужно».

А 6 августа 1862 г. тот же Кавелин писал из Парижа: «Здесь Бакунин. Я с ним виделся раз. Так как дружбы я к нему не чувствую, то видеться больше считаю совершенною роскошью. Что ж у нас с ним общего? Трогательно для меня было очень, что он преподнес мне диплом совершенно честного человека [2], прибавя, что еслиб я таким не был, он, Михайла Бакунин, конечно, со мною бы не видался... Вот, брат, до чего я дожил, что Михайла Александрович выдает мне патент на честность... Он мне не понравился. Кроме общих, битых и перебитых мест, старых классификаций людей и вещей, я от него ничего не слыхал. Тут все кончено и прожито».

---

[1] А революционер М. И. Михайлов пишет в своих «записках» (изд. «Былое», Петроград, 1922, стр. 135 и след.): «Умеренные прогрессисты в Иркутске находили, что Бакунин поступил нехорошо, изменив честному слову, которое он дал Корсакову, что не убежит. Я в этом случае не совсем согласен с умеренными прогрессистами и, если бы считал полезным для себя, поступил бы на месте Бакунина точь в точь так».

[2] Это и мы готовы признать большим грехом Бакунина. Увы, нередко он метал бисер перед свиньями.

Жалкий полицейский «либерал» [1] думал, что все кончено и прожито не у него, а у Бакунина! Но если он позволял себе писать Герцену в таком тоне, то, вероятно, думал, что его выходки будут выслушаны адресатом не совсем неблагосклонно.

И. С. Тургенев, один из немногих старых приятелей Бакунина, согласился оказывать ему денежную поддержку и способствовать выезду его жены из Сибири. Но, по всему складу своего характера и политических воззрений, он не мог, разумеется, питать никаких симпатий к Бакунину. От старой берлинской дружбы к этому времени не осталось и следа.

Нам до сих пор известны не все письма, которыми обменивались Бакунин и Тургенев с момента появления первого на лондонском горизонте. Но и из того, что мы знаем, видно, что уже к осени 1862 года между ними происходили столкновения. Письма Бакунина к В. Луганину и другим, относящиеся к лету 1862 года, полны резких обвинений против политического оппортунизма Тургенева (возможно, что содержание этих писем не осталось для Тургенева секретом). Надо думать, что в своих письмах к Бакунину Тургенев высказывал свое отрицательное отношение к деятельности Бакунина, который, с своей стороны, не оставался в долгу. В письме от 23 октября 1862 года Бакунин предлагает Тургеневу прекратить бесполезные споры о политических вопросах, которые только портят их отношения, но являются совершенно бесполезными: «Мы оба, — говорит он, — слишком стары, чтобы менять шкуру. Останемся каждый при своей старой, но также и останемся друзьями». Но этот призыв не мог быть осуществлен.

Тургенев еще более, чем Герцен, должен был в глубине души чувствовать себя виноватым, и для него, как человека еще более консервативного, революционная горячка Бакунина, его «весенняя свежесть», как он иронически выражался в письме к Герцену от 13—25 декабря 1867 года, должна была казаться еще более непереносной. Ведь он подвергался за свои политические слабости обстрелу не только со стороны Бакунина, но даже со стороны Герцена и реагировал на заслуженную им критику особенно болезненно, ибо лучше всякого другого знал, насколько у него рыльце в пушку.

---

[1] В этом же письме Кавелин одобряет аресты революционеров в России, оправдывает репрессии правительства и выражает твердую уверенность, что петербургские пожары стоят в связи с появившимися тогда революционными прокламациями! Было бы чрезвычайно печально, если бы такому господину Бакунин понравился.

Критикуя в письме от 8 октября 1862 года воззрения Герцена и Огарева на общину и т. д. с точки зрения либерального западника, Тургенев особенно зло нападает на Бакунина. По словам Тургенева, Герцену и Огареву «предстоит опасность то низвергаться перед народом, то коверкать его, то называть его убеждения святыми и высокими, то клеймить их несчастными и безумными, как это сделал чуть не на одной странице Бакунин в своей последней брошюре [1] (дальше идет цитированное выше место с предложением Бакунину пари, что его предсказание на 1863 год не исполнится)... Эх, старый друг, поверь: единственная точка опоры для живой, революционной пропаганды — то меньшинство образованного класса в России, которое Бакунин называет и гнилым, и оторванным от почвы, и изменниками [2]. Во всяком случае у т е б я другой публики нет». Слово «тебя» Тургенев нарочито подчеркивает, чтобы показать, что он проводит решительное различие между Бакуниным и Герценом. В этом он был совершенно прав: Герцен и Бакунин, быть может, сами того не сознавая, обращались к совершенно различным аудиториям.

Указывая Герцену, что внесение социалистического элемента в пропаганду «Колокола» отнимает у него симпатии е г о публики и грозит совершенно подорвать его влияние, и возлагая ответственность за это, главным образом, на Огарева, Тургенев в письме от 3 декабря 1862 года пишет: «И это понятно: публике, читающей в России «Колокол», не до социализма: она нуждается в той критике, в той чисто политической агитации, от которой ты отступил, сам надломив свой меч. «Колокол», напечатавший без протеста ½ манифеста Бакунина [3] и социалистические статьи Огарева, — уже не герценовский, не прежний «Колокол», как его понимала и любила Россия».

Для всякого, кто знаком с закулисными трениями между Герценом и Огаревым, нетрудно представить себе, какой сочувственный отклик встречала в сердце Герцена эта критика писаний Огарева и особенно Бакунина. Замечательно, что, отвечая Тургеневу 22 ноября, Герцен решительно выступает в защиту Огарева, но Бакунина выдает головой, возмущаясь тем, что Тургенев позволил себе поставить на одну доску

---

[1] Имеется ввиду «Народное Дело. Романов, Пугачев или Пестель».

[2] Приблизительно то же Тургенев пишет 8 октября 1862 года некоему NN (вероятно, Артуру Бени): «Главное наше несогласие с Огаревым и Герценом, а также с Бакуниным, состоит именно в том, что они, презирая и чуть не топча в грязь образованный класс России, предполагают революционные или реформаторские начала в н а р о д е; на деле это совсем наоборот» (см. цитированную книжку Н. Бродского, стр. 98).

[3] Т.-е. «Русским, польским и всем славянским друзьям».

«его (Огарева) добросовестный труд с fatras (т.-е. пустозвонством) бакунинской демагогии». Герцен мог бы еще прибавить, что «Колокол» не оставил бакунинского «манифеста» без протеста: он дал на него самую убедительную критику, отказавшись поместить его продолжение и вообще закрыв свои столбцы для «пустозвонной бакунинской демагогии»!

21 марта — 2 апреля 1864 года Тургенев в письме к Герцену, выразив свое огорчение по поводу появившейся в «Колоколе» на его счет заметки о «седой Магдалине из мущин» [1], сразу переходит в атаку на Бакунина: «Что Бакунин, занявший у меня деньги [2] и своей бабьей болтовней и легкомыслием поставивший меня в неприятнейшее положение (других он погубил вовсе) [3], что Бакунин, говорю, распространял обо мне самые пошлые и гадкие клеветы, это в порядке вещей, и я, зная его с давних пор, другого от него не ожидал. Но я не полагал, что ты точно так же пустишь грязью в человека, которого знал чуть не двадцать лет, потому только, что он разошелся с тобою в убеждениях».

На этот раз Герцен, одинаково с Бакуниным обвиненный в оклеветании «невинного» человека, в своем ответе Тургеневу от 10 марта (или апреля?) условно как бы выступает в защиту Бакунина. «Я не знаю, — пишет он, — чем Бакунин заслужил твою брань [4]. Недостатки

---

[1] Эта заметка появилась в № 177 «Колокола» от 15 января 1864 г. В ней насчет Тургенева имелось следующее место: «Корреспондент наш говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого о н а «п р е р в а л а в с е с в я з и с д р у з ь я м и ю н о с т и». Тургенев в письме к Герцену имел бесстыдство отрицать этот факт. Между тем корреспондент Герцена был совершенно прав. В своем ответе на присланные ему за границу из сената вопросные пункты, помеченном 22 марта 1863 г., Тургенев, выставляя себя благонадежным гражданином, обрушивается на Герцена, изображает его в виде отщепенца, которому крайние взгляды создали полное одиночество, уверяет, что все бывшие товарищи, в том числе и он (Тургенев), от него отвернулись, что за последние годы он с ним почти не встречался, а если и переписывался, то только спорил, что в мае (1862 г.) они виделись в последний раз, а с тех пор отношения у них прекратились, и т. д. В подтверждение своего раскаяния Тургенев представил два письма Герцена и два письма Бакунина!

[2] Выходит, что, заняв у Тургенева деньги, Бакунин этим самым лишился права оценивать его политические шаги!! «Либеральная» точка зрения!

[3] Тургенев имеет здесь ввиду те письма Бакунина к Налбандову, из которых полиция узнала про передачу Бакуниным Тургеневу условного словаря для тайной переписки, и которые дали основание привлечь испугавшегося на смерть Тургенева к делу о сношениях с лондонскими пропагандистами (см. выше).

[4] И мы этого не знаем до сих пор. Повидимому, Тургенев применил в данном случае известный полемический прием: не решаясь прямо выругать

я его знал, и у нас не без них; что же за преступление за ним, я не знаю».

Но так он писал потому, что, по понятной деликатности, не хотел выдать Бакунина человеку, в политическую порядочность которого он уже не верил. В письмах к сыну, к Огареву, наконец, к самому Бакунину он так не церемонился.

Мы уже говорили, что Герцен начал относиться плохо к Бакунину с первых же месяцев его приезда в Лондон. После того как он заркыл перед Бакуниным столбцы «Колокола» (а ведь больше писать тогда было н е г д е!), Бакунин, видимо, пытался все-таки пробраться туда, прибегая к посредничеству третьих лиц. Герцена это только раздражало, но он не уступал. В письме к Огареву от 17 июля 1862 года, сообщая о такой попытке Бакунина, он пишет:

«Т е п е р ь с п л е т н и. Мартьянов[1], избранный судьей по делу новой статьи Бакунина[2], сказал мне, что статья очень хороша, что ее напечатать следует, во-первых, чтобы защитить Бак. от нареканий, во-вторых, что он, наконец, имеет право высказаться, как он хочет, без п о с т о р о н н е г о в л и я н и я. Предв. Бакунин[3] меня известил о сем триумфе и между прочим запиской, написанной в очень странном тоне. Говоря о каком-то поляке из Парижа, он добавляет: «высокомерие», с которым я принимаю, и «презрение» его рекомендаций, лень и пр. Я действительно не подал ему повода на такой тон и потому отвечал ему просто (!), что, я думаю, тут ошибка, что мы вовсе не так близки, и что я никому не навязываюсь. Все это было вчера, и он не был».

Итак, на совершенно справедливое замечание Бакунина, точно отвечавшее действительности, Герцен ответил угрозою прекратить с ним всякие сношения! Замечательно то, что Бакунин отступил и в записке от 17 июля, цитированной выше вместе с первой, поспешил

в лицо Герцена, он взял Бакунина, как «голову турка» и стукнул по ней кулаком, давая этим понять Герцену, что «наветка» дается не кошке, а невестке.

[1] В Соч. Герцена, т. XV, стр. 354 сказано «Мартынов», при чем Лемке делает к этой фамилии следующее пояснение: «Иван Михайлович, археолог, эмигрант, вступивший в орден иезуитов». Это несомненно ошибка. В оригинале наверно сказано «Мартьянов». В записке Бакунина от 16 июля назван именно он («Переписка», стр. 82). О Мартьянове см. выше (глава II, § 1).

[2] Речь идет о брошюре «Народное Дело. Романов, Пугачев или Пестель», вышедшей впоследствии отдельным изданием.

[3] Что означает здесь «предв.», — непонятно. Возможно, что «предварительно», а, может быть, и здесь в подлиннике стоит что-нибудь другое.

извиниться. Другой вопрос, можно ли было верить рекомендациям Бакунина; но факт тот, что Герцен действительно им не верил, а потому непонятно, почему он так обиделся на слова Бакунина — разве что он сознательно искал ссоры. А как он относился к рекомендациям Бакунина, он не скрывал ни в печати, ни в беседах. Так, в статье об экспедиции Лапинского (о которой нам придется еще говорить ниже) Герцен рассказывает о своем разговоре с Цверцякевичем, заграничным представителем польского революционного правительства, с которым Бакунин вел деловые сношения. Речь шла о некоем Булевском, которого рекомендовали Цверцякевичу Маццини и Бакунин. Спрошенный по этому поводу Герцен, отведя рекомендацию Маццини, затем следующим образом выразился о Бакунине: «Рекомендация Бакунина еще хуже: это — большой ребенок, «большая Лиза» [1], как его называл Мартьянов; ему все нравятся. «Ловец человеков», он так радуется, когда ему попадается «красный» да притом славянин, что он далее не идет» [2]. И после этого Герцен обиделся на записку Бакунина!

---

[1] Лиза — меньшая дочь Герцена (тогда ребенок). Так назвал Бакунина Мартьянов. Любопытно, что Бакунин в тайной переписке сам пользовался этим именем, как псевдонимом!

[2] Эта статья, равно как и статья «М. Б(акунин) и польское дело» были опубликованы наследниками Герцена в сборнике его «Посмертных сочинений» в 1870 году, и враги Бакунина в Италии, маццинисты, пользовались этсю характеристикою для борьбы с ним. По этому поводу, сообщая о своей работе в Италии, он писал Огареву 14 ноября 1871 года: «И тут также Герцены старались подгадить мне. Прислали Маццини перевод пасквиля Александра Ивановича (Герцена) против меня в посмертных сочинениях. Напечатали в «Unità Italiana» (орган маццинистов). Все напрасно. Я даже не почел нужным отвечать. Пусть себе собаки лают» (Переписка, стр. 325).

В «Переписке» Бакунина Драгоманов опубликовал черновик статьи «Бакунин и Герцен», приготовленной в 1880 году к печати каким-то русским эмигрантом (не В. Зайцевым ли?). В этой статье, между прочим, говорится: «В свободной русской печати личность Бакунина являлась до сих пор лишь один раз, при жизни его, в посмертных сочинениях А. И. Герцена. (Это неверно: тот же Герцен писал о Бакунине много раз в «Колоколе».) С своим обычным остроумием автор свысока подтрунивал над Бакуниным, называл «большим ребенком» учителя Прудона (?) и Белинского и основателя (!) социализма (?) в Германии (первая прямо социалистическая статья в Германии была, как известно, статья Бакунина под псевдонимом Жюля Элизара). Он очень мило описывал его фигуру, привычки, манеры, так что в конце концов должно было выйти совершенно ясно, что все современное направление социалистической (у Драгоманова сказано: «современной», но это, видимо, описка) мысли, отвергающее государственность,... обязано своим происхождением фантазии «старого младенца, всегда готового пойти на удочку первого шпиона» (Переписка, стр. 211—212).

Причины недовольства Герцена Бакуниным в сконцентрированном виде изложены в его письме от 1 сентября 1863 года, в котором автор, вдобавок раздраженный ссорою Бакунина с его сыном Александром (о ней ниже), дает волю своему сердцу.

«Защищать самолюбивые замашки моего сына, — пишет Герцен Бакунину, — дерзкий тон, ошибки его я не стану и уже много отчитал ему выговоров. Но когда ты меня хочешь убедить, что он поступил как Картуш и делал комплот такой хитрый, что Квантэн [1] (полубог твоих первых писем), Феликс Демонтович, Норвегия и Скандинавия были им надуты, когда ты боишься сообщить адреса, чтоб он их не переслал твоим врагам, — тогда я жму плечами и думаю: как ты привык к сварливой жизни с хористами революции, к немецкой манере; уж обвинять, так обвинять: «вор, агент прусского короля, изнасиловал кошку и т. д.». Я не оправдываю С[ашу], что он говорил о тебе с другими, знаю также, что и другие говорили с ним. Еще менее оправдываю, что он говорил с тобой: с тобой в глаза никто кроме меня и Ог[арева] не говорил откровенно. С чего ж ему, 24 лет, без прав вчинать речь!

«Ваш спор о том, кто из вас законный chargé d'affaires З. и В. [2], комичен до высшей степени. Что молодой человек мог найти приятным представлять начинающийся круг молодых людей, — я понимаю. Но что ты также будто не прочь иметь помазание с Невы, когда ты его имеешь из крепости и Сибири, — это я не понимаю. Ведь ты не поверил же собственным словам, что попы, генер[алы], женщины, массы, птицы и пчелы — все составляет мощную корпорацию и пр. [3].

«Этот колоссальный canard [4] в твоей речи и ведет меня прямо от твоей потасовки с С[ашей] в нутрь дела. Поговорим о ней твердо, откровенно и коротко.

«Книга твоя [5], особенно первая часть, ужаснула меня не обвинениями С[аши], а пустотой, ненужностью, призрачностью всех этих

---

[1] Квантэн — финляндец, с которым Бакунин вел сношения в Швеции.

[2] Т.-е. уполномоченный общества «Земля и Воля».

[3] Это пародия на заявление Бакунина в его стокгольмской речи, в которой он, увлекаясь по своей обычной манере, заявил, что общество «Земля и Воля» «охватывает все классы русского общества, всех благомыслящих русских, независимо от их состояния и положения: генералов и офицеров в массе, высших и низших гражданских чиновников, дворян-помещиков, купцов, священников, поповичей, крестьян, а также миллионы сектантов и раскольников» и т. д.

[4] Утка.

[5] Так Герцен называет большое письмо Бакунина из Стокгольма, на которое он и отвечает в своем письме. Эта «книга» до сих пор наследниками

переговоров, сближений, отдалений, об'яснений. Мастерски составленные тобою характеристики, например, Квантэна и жены, в любой роман идут; но ведь я тебе такую же характеристику напишу Оленицына и жены (правитель канцелярии у Тюфяева [1] в 37 г.). Если б ты имел художественную цель, это было бы хорошо. Но ты воображаешь, что это все д е л а, как вообразил в 48 г., что надобно зондировать Служальского [2], и за этим ходил с rue de Bourbon [3] на железную дорогу. Оторванный жизнью, брошенный с молодых лет в немецкий идеализм, из которого время сделало, dem Schema nach [4], реалистическое воззрение, не зная России ни до тюрьмы, ни после Сибири, но полный широких и страстных влечений к благородной деятельности, ты прожил до 50 лет в мире призраков, студентской распашки, великих стремлений и мелких недостатков. Не ты работал для прусского короля, а саксонский король и Николай — для тебя. После 10 лет заключения ты явился тем же теоретиком, со всею неопределенностью du vague [5], болтуном (С[аша] опять виноват, что сказал тебе, хотя и нет человека, который бы не знал этого и не боялся), нескрупулёзным в финансовом отношении, с долей тихенького, но упорного эпикуреизма [6] и с чесоткой революционной деятельности, которой недостает революции. Болтовней ты погубил не одного Налбандова, а и, например, Воронова: твоя ненужная отметка о нем в письме к Налбандову свела его из Кавказа в крепость, а потом в ссылку [7]. После от'езда Цв[ерцякевича] пришло ко мне письмо, писанное шифрами; враг всех конспираций, я положил его в сторону: но Тх[о]рж[евский] сказал, что у него есть твоя книга с к л ю ч а м и, он принес, и мы с Ог[аревым] обомлели [8]:

Герцена не опубликована; М. Лемке сообщает, что она не сохранилась (Соч. Герцена, т. XVI, стр. 493), но это, кажется, неверно.

[1] Вятский губернатор (в 1837 г. Герцен находился в ссылке в Вятской губернии).

[2] Польский эмигрант, проживавший в 40-х годах в Париже.

[3] Так у Драгоманова и у Лемке. Думаем, что это описка: Бакунин жил в Париже на rue de Bourgogne (Бургонской улице).

[4] По схеме.

[5] Смутных, неопределенных порывов.

[6] Герцен, живший за границей большим барином и говорящий об эпикуреизме богемы Бакунина, — разве это не зрелище богов!?

[7] Воронов по делу 32-х (Серно-Соловьевича, Налбандова и пр.) был освобожден от суда, равно как и И. Тургенев.

[8] Не только принципиальные противники конспираций относились с осуждением к приемам Бакунина; даже такой сторонник его, как Джемс Гильом, с неодобрением говорит о «мании» Бакунина к шифрам, словарям, спискам адресов и пр.

в одной книжке записаны адресы всех порядочных людей в России, с отметками и подробностями, и эта тетрадь ходила по рукам, была у Цв[ерцякевича], у Тх[оржевского], чего доброго у (?). Чему же дивиться, что шведы раскусили это и испугались? Ты велик ростом, ругаешься и шумишь, — вот почему никто тебе в глаза не говорит, что тот, кто не умеет «ни пожатием плеча, ни качанием головой» не выдать тайны, тот плохой конспиратор; да и я плохой, но, люб[езный] Бак[унин], я ведь и не напрашиваюсь на сей титул.

«Ты, как Милорадович, берешь энергией, а не интуицией. На это лучшее доказательство — польский союз... Ты, брат, стихия, солому ломишь, — как тебя остановить» [1].

Огарев, с своей стороны, написал Бакунину 12 октября 1863 года. Более мягкое по форме письмо Огарева не менее жестко по существу. «Если ты спросишь, — пишет Огарев, — сообщил ли бы я тебе новые адреса, если б таковые оказались, я скажу тебе, что я заколебался бы. Твоя доверчивость к болтунам разных этажей, твоя внутренняя тревога, заставляющая тебя искать аудитории, невольно повлечет тебя к нарушению тайны, а что потом из этого выйдет в руках другого человека, это уж дело судьбы... Все это частные случаи, которым ты придаешь слишком большое значение от той же внутренней тревожности, которая тебя постоянно тормошит. Твои быстрые переходы от любви к людям — к ненависти, мне кажется, также порождение тревожной фантазии, а не серьезная оценка людей. Возьмем первое письмо о Кв[антэне] и последнее; перебери ряд отношений своих к Вул. [2], Цвер[цякевичу], Дем[онтовичу], Лап[инскому], Кел[ьсиеву] — везде ты найдешь больше интимности, чем нужно, вследствие твоей природной доброты даже, а потом ты же сам на эту интимность сердишься, иногда справедливо или нет, но все уже слишком поздно. Доверчивость от доброты души, детская беспечность в жизни и вечная внутренняя тревога по характеру — вот что тебе мешает в жизни и в деле. Вдобавок у тебя плана нет, и ты много поддаешься чужому влиянию. Так, под влиянием бед[ного] Мартьян[ова] ты напечатал свою брошюру [3], в которой (несмотря на то, что мы уговорили тебя вычеркнуть) осталось столько неуясненного царизма, что юношеству она не понравилась (как я узнал недавно)».

---

[1] Дальше речь идет об ошибках, сделанных, по мнению Герцена, в связи с польским восстанием; об этом мы говорим ниже.

[2] Возможно, что это описка и что нужно читать: Бул[евский].

[3] Ясно, что речь идет о брошюре «Народное Дело. Романов, Пугачев или Пестель».

Указав на поведение Бакунина в польском вопросе, Огарев продолжает: «Твое хвастовство об общ[естве] «З[емля] и В[оля]» не принесло ему пользы. Этот обычай — нам не расчет. Ведь твоим словам никто не поверил. Выходит только, что люди, которые и присоединились бы, видя, что общ[ество] твоими устами говорит небывалые вещи, уклоняются от общества. Вот почему нам трудно будет ладить. Ты хочешь, чтобы все было сейчас, поскорей, и производишь тревогу, а вещи от этого не подвигаются... Пора сознать, что мы живем для дела, а не дело для нас. В последнем случае мы бы только производили игру в революцию...

«Бакунин, умоляю тебя, смири тревогу, метания мыслей и действий, смири до обречения их на приготовительную работу теперь, ибо взрыва ты теперь не вызовешь, а до коренной реформы России без приготовительной работы, долею кротовой, долею литературной, ты не достигнешь. Забудь революционные тенденции ins Blaue hinein [1]; они нигде не удались. Вдумайся в приготовление людей до действительной революции — мирной или немирной, это уже зависит от силы реакции. Я умоляю тебя, Бак., мы уже много наделали ошибок и зла, ты во главе их. Вдумайся в недавнее прошедшее, и если ты искренен, ты увидишь, что я прав...

«Жаль мне, что ты не написал своих мемуаров. Тогда [2] они тебе сделали бы состояние. Теперь они только помогут жить. И это не худо. Снесись с братьями, не шути деньгами. Я не ради внешней нравственности говорю, а ради того, чтобы враги не бросали каменьями, а друзья не покачивали головами» [3].

Еще за год до того, в письме от 31 октября 1862 г. Огарев упрекал Бакунина в том, что он свое нетерпение, свое стремление во что бы то ни стало дать исход обуревающей его революционной чесотке ставит выше интересов дела. В этих упреках влияние Герцена несомненно. «Когда пришел указ о том, — пишет Огарев, — что 5/1000 не значит 25.000 рекрут с городов [4], я вспрыгнул от радости, видя в этом пресечение попытки, гибельной для блага России, для наших убеждений, для народной свободы, для всего, что нам свято и дорого. Ты же переменился в лице от дезориентации, на которую это обстоятельство тебя поставило. Ты затем и хочешь вредной попытки, потому что она

---

[1] Беспочвенные.

[2] Т.-е. в начале 1862 г.

[3] Переписка, стр. 147—150.

[4] Речь идет о рекрутском наборе в Польше, давшем толчок к восстанию (см. ниже).

т е б е дает занятие, хотя бы и вредила д е л у. Войди вглубь самого себя — и очистись. Говорю не в укор, а как мольбу о том, чтоб ты выше себя поставил дело, выше себя свою человеческую чистоту».

Указав на то, что правительство своими реформами, хотя и половинчатыми, добилось известной передышки, что теперь должно пойти медленное накопление сил и планомерная подготовка дальнейшего этапа движения, Огарев требует от преданного революционера известного самоотречения в интересах дела. «Всякое чувство самолюбивой ревности я считаю безнравственным преступлением, — говорит он. — ...Если ты ищешь себе занятия, хотя бы по дороге погибла надолго русская свобода и рост внутренней организации народа, — я враг тебе» (Переписка, стр. 87—89).

Итак, мы видим, какие черты Бакунина восстанавливали против него друзей. В личном отношении это: халатное отношение к деньгам; стремление жить на чужой счет; лень; неспособность к систематической и усидчивой работе; быстрое сближение с людьми, установление амикошонских с ними отношений, а затем столь же скоропалительный разрыв и осыпание их клеветами; желание хорошо пожить без труда; неискренность; хвастовство; в общественном отношении: легкомыслие; склонность к преувеличениям; отсутствие твердости и выдержки; легковерное сближение с людьми недостойными; игра в революцию, отсутствие конспиративности и бережного отношения к чужой безопасности; любовь к позе, громким выступлениям, хотя бы во вред делу; революционная чесотка, участие в предприятиях, заведомо обреченных на неуспех, и втягивание в них других людей.

Мы не говорим, что все эти недостатки действительно имелись у Бакунина. Но в них его упрекали старые друзья. В первом томе этой работы мы уже достаточно подробно говорили о недостатках Бакунина, о действительном их значении, о их социальных источниках и исторической обусловленности, и потому повторять этого здесь не будем. Сейчас же мы считаем лишь нужным снова подчеркнуть, что Г е р ц е н и О г а р е в, находившийся тогда под влиянием первого, в особенности же Герцен, утративший революционную веру и настроенный скептически, к р и т и к о в а л и Б а к у н и н а с ч и с т о л и б е р а л ь н о й и а н т и-р е в о л ю ц и о н н о й т о ч к и з р е н и я, ставя ему в минус его положительные качества, в частности революционную веру и энергию. В этом отношении их упреки во многом повторяют упреки таких людей, как Кавелин, Тургенев и бледнорозовые российские «либералы» того времени, «либералы» с сильным привкусом полицейского участка. Таким образом Герцен и Огарев заранее осла-

бляли то, что было верного в их критике, направленной по адресу Бакунина.

Особенной остроты достигла неприязнь Герцена к Бакунину осенью 1863 года после неудачи польского восстания. Когда «Московские Ведомости», ссылаясь на брошюру одного поляка, задели русских революционеров, обвиняя их в том, что своими обещаниями помощи они ввели в заблуждение польских революционеров, толкнули их на восстание и этим сделались виновниками постигших Польшу бедствий [1], Герцен решил публично заявить о своей несолидарности с Бакуниным, находя, что к последнему такое обвинение относиться может. В письме от 11 ноября 1863 года Герцен, который чрезвычайно болезненно реагировал на подобные выходки реакционеров именно потому, что считал свое участие в польском восстании величайшей ошибкой своей жизни и взваливал ответственность за нее на Бакунина, писал Огареву: «О Каткове подумаю. Не лучше ли просто написать, что это ложь, т.-е. Огарев и Герцен об'являют? Но как же Бакунин скажет, что это ложь, когда он все то же говорил и даже в стокгольмской речи? Пользу, которую он принес, еще не знаю, а вред налицо. Повторяю, что я его видеть не хочу» [2]. Итак, отказываясь от личной встречи с Бакуниным, Герцен предполагал публично его дезавуировать, ибо, отвергая обвинения Каткова от имени своего и Огарева и умалчивая при этом о Бакунине, он, разумеется, определенно как бы подтверждал правильность их в применении к последнему. Другими словами, озлобление его дошло до того, что он сознательно шел на открытый разрыв с Бакуниным и на публичную компрометацию его.

Огарев пытался удержать Герцена от столь решительного шага. 18 ноября 1863 года он писал Герцену: «Оставь личные антипатии и даже семейную гордость. Разрыв с Б. теперь был бы торжеством

---

[1] В № 225 «Моск. Вед.» от 16 октября 1863 года помещены были выдержки из брошюры И. Питкевича (на франц. яз.) «Письмо польского патриота», изданной с предисловием Шедо-Ферроти в Брюсселе. Этим выдержкам Катков предпослал свои замечания, в которых между прочим говорилось: «Но с особенным негодованием говорит польский повстанец о русских изменниках, обманувших поляков видами на сочувствие их делу в России и на революцию, которая будто бы готовилась вспыхнуть в ней».

[2] Бакунин в это время находился в Швейцарии и собирался в Италию. Герцен был в это время в Италии. Повидимому, Огарев писал Герцену о желании Бакунина повидаться с ним. Через несколько недель, вследствие настояний Огарева, Герцен согласился увидеться с Бакуниным, хотя прибавлял, что ему «это страшно противно» (письмо от 3 декабря 1863 г.).

для пр[авительства]. А ведь в сущности мы его через край обидели, и доля большая падает на нас, стариков. За это нельзя сердиться на человека, точно так же, как и нельзя особенно любить. Но ссора была бы позорна для всех. Не хочу об этом больше говорить. Поступи как муж справедливости и общего дела. Это мой внутренний голос» [1].

Герцен, сгорая желанием реабилитировать себя в глазах реакции и «своей» публики из либералов, мало чем отличавшихся от реакционеров, оказался глух к предостережениям Огарева. В № 175 «Колокола» от 15 декабря 1863 года он поместил статью «В вечность грядущему 1863 году», в которой, не называя прямо Бакунина, довольно недвусмысленно отгородился от него, сделав его таким образом, вопреки совету Огарева, ответственным за общее дело или, по Герцену, за общую ошибку [2], а именно, приведя из «Моск. Ведомостей» цитату из брошюры Питкевича, гласившую: «Г. Герцен и К° уверяли, что находятся во главе обширного заговора, обнимающего целую Россию, и простирали свое фанфаронство до того, что предлагали Польше содействие какого-то русского революционного комитета», — Герцен счел нужным после слов «Г. Герцен и К°» вставить в скобках следующую фразу: «Кого он считает в этой компании, мы не знаем; издатели «Колокола» не составляют целую компанию, с г. Герценом их только двое: Герцен и Огарев». Таким образом Герцен определенно и гласно отрекся от всякой солидарности с Бакуниным, подчеркнув, во-первых, что к «Колоколу» последний отношения не имеет, а, во-вторых, что обвинение в мистификации поляков отвергается только по отношению к Герцену и Огареву. Что вся эта выходка шита была белыми нитками и сделана Герценом преднамеренно, видно из того, что Питкевич и Катков говорили вовсе не о редакции «Колокола», а о «компании Герцена», ведшей с поляками переговоры, т.-е. определенно имели в виду и Бакунина. Герцен просто воспользовался первым удобным случаем, чтобы публично дезавуировать своего впавшего в немилость бывшего друга.

Надеясь на новый расцвет «Колокола», Герцен в письме от 1 декабря 1863 года уговаривает Огарева окончательно порвать с Бакуниным и навсегда отделаться от этого компрометирующего союзника.

---

[1] Приводится в записной книжке провокатора А. Балашевича-Потоцкого (Лемке в «Соч. Герцена», т. XVI, стр. 516—517).

[2] Как увидим ниже, Герцен, хотя и не в столь решительной форме, как Бакунин, тоже обещал полякам русскую помощь на известных условиях.

«Не привязывай гири, — пишет он, — да и какие: сам Раппо [1] не стащил бы Бакунина. Видно, кое-что надобно подвязывать в сердце и жертвовать иногда лицами делу. Я Бакунина считаю вредным, и чего ты боишься? Что Будберг [2] узнает о разладе? Лишь бы мы не говорили; а коли узнает, то это только кулирует [3] Бакунина, а не нас».

Сына своего Александра, который во Флоренции, видимо, помирился с Бакуниным, Герцен уговаривает пореже с ним встречаться, чтобы «опять не вышло дрязг» (письмо от 2 марта 1864 года).

Но вот факт, еще лучше показывающий, как Герцен относился к Бакунину. В № 46 «либерального» «Голоса» за 1867 год была перепечатана статья из казенного «Варшавского Дневника», говорившая о существовании за границею общества поджигателей, к которому принадлежали Герцен и Бакунин с шайкой; при этом пояснялось, что это «неопровержимый факт», который в качестве такового был включен во всеподданнейший отчет генерал-полицеймейстера. Герцен, разумеется, сейчас же почувствовал себя уязвленным и в ближайшем номере «Колокола» (№ 237 от 15 марта) поместил по этому поводу заметку, в которой заявил, что «порядочные люди не поверят, — до других нам дела нет». Но при этом насчет Бакунина он сам п о в е р и л, во всяком случае допустил; в письме к Огареву от 17 марта, он, сообщая, что И. Аксаков, перепечатав эту сплетню в своей «Москве», поставил при его, Герцена, имени вопросительный знак, чего не сделал при имени Бакунина, неожиданно заключает: «Таким образом дело все падает на Бакунина. Неужели он в самом деле участвовал?». А в письме к сыну от 19 марта Герцен, сообщив, что он послал Аксакову письмо с опровержением, вызывает и Бакунина на такое же опровержение («то же следует сделать и Бакунину») [4].

Но неутомимая энергия Бакунина, революционная работа, развитая им с середины 60-х годов, при всем скептическом настроении Герцена начинает действовать и на него. По поводу деятельности Бакунина в Италии (о которой мы расскажем в третьей части этого тома) Герцен в письме к Бакунину от 29 апреля 1867 года выражается одобрительно: «Что твоя деятельность в Неаполе полезна, — пишет он, — это я оценил теперь, бывши во Флоренции и Венеции и читая ваши

---

[1] Известный тогда силач.

[2] Тогдашний русский посол в Париже.

[3] Потопит.

[4] Об этом инциденте мы расскажем дальше (см. часть третью этого тома, гл. I, § 5).

журналы» [1]. Это, впрочем, не значит, чтобы Герцен одобрял анархическое направление Бакунина. Как увидим ниже, он отказался вступить в его международное братство, а программа этого братства его прямо «скандализировала». Сильное впечатление произвели на Герцена и открытые выступления Бакунина — сначала в Лиге Мира и Свободы [2], а затем и в Интернационале. Радикальное выступление Бакунина на Бернском конгрессе Лиги (если не по содержанию, то по форме) ему понравилось. «Бакунин и Вырубов шумят на конгрессе — оно unpraktisch (т.-е. непрактично), но хорошо, что Россия себя заявила так радикально» (письмо к сыну от 28 сентября 1868 года). «Бакунин и Вырубов хотя и вздор пороли и «пису» (англ. peace — мир) помешали, но я очень доволен, что русский голос явился т а м» (письмо к Огареву от 27 сентября 1868 года). Он собирался писать «в их пользу» (тоже от 30 сентября). «Видите ли, каковы русские, когда они принимаются за дело?» — пишет он М. Мейзенбург 3 октября 1868 года. Он и выполнил это обещание, опубликовав в № 13 французского «Kolokol» (заменившего русский «Колокол») от 15 октября 1868 года статью «Русские на Бернском конгрессе». Указав на то, что лично он воздержался от участия в конгрессе вследствие его бессилия (на самом деле по другим соображениям), Герцен продолжает:

«Наши друзья и соотечественники, Бакунин и Вырубов, посмотрели на конгресс иначе. Понимая, что его единственное реальное значение — служить е в р о п е й с к о й т р и б у н о й, они оставили в стороне всякие оплакивания несчастий войны и проклятия военным издержкам в мирное время. Они указали на раны гораздо более тяжкие и отнесли избиения к другим, более глубоким причинам.

«Их убеждения вполне согласны с нашими — это убеждения молодой России. Этот наш неумолимый, последовательный н и г и л и з м [3] прозвучал на великом собрании демократии. Запад, который его породил, не узнает теперь и отворачивается.

«Бакунин и Вырубов с небольшою группою друзей, ушедших вместе с ними с конгресса, явились л ю д ь м и н о в о г о м и р а среди

[1] Это не мешало Герцену в письме к Вырубову от 17 мая того же года несколько иронически отозваться о той же работе Бакунина: «Он (Бакунин) в Искии; хлопочет, шумит». Темперамента Бакунина Герцен не переваривал.

[2] Впрочем, по поводу жалоб Густава Фохта на «интриги» Бакунина в Лиге Мира Герцен в письме к Огареву от 4 января 1868 года восклицает: «О, бедлам!».

[3] Вырубов обиделся на то, что Герцен отнес его к нигилистам, и именно по этому поводу написал письмо в «Колокол», в связи с которым Бакунин дал вышеприведенный резкий отзыв о Герцене.

ученых и бравых представителей умеренности и якобинства, с наилучшими намерениями поддерживающих одной рукой старое здание, которое стараются разрушить другой.

«Русские могли воздержаться, как это сделали мы, но, принимая участие в конгрессе, они могли явиться, только держа высоко наше знамя «нигилизма»: уничтожение старого и зарождение нового!» [1].

Еще более сочувственно Герцен временами отзывается о деятельности Бакунина в Интернационале, в котором он, впрочем, из своего прекрасного далека плохо разбирался. В письме к Тургеневу (с которым он на старости лет примирился) от 5 марта 1869 года Герцен пишет: «Бакунин в Женеве и имеет действительно сильное влияние на работничье движение в Швейцарии» [2]. Герцен как будто начинает теперь понимать, что не всю деятельность Бакунина можно сводить к революционной «чесотке». Так, он пишет сыну 18 мая 1869 года: «Бакунин читает вроде лекций работникам в Женеве и имеет огромное влияние. Он много куралесит, но все же сильное явление».

Но таких положительных отзывов о Бакунине и его работе встречается у Герцена мало. До конца Герцен не переставал относиться к старому приятелю свысока, иронически, а зачастую и прямо враждебно. Особенно это злобное чувство к Бакунину усилилось после того, как отношения Герцена с молодой эмиграцией окончательно испортились, при чем он подозревал Бакунина в заговоре с ненавистными молодыми против него.

«Бакунин совершенно принадлежит партии Элпидина [3] и с ним в кошонной дружбе» (письмо к Огареву от 14 июля 1868 года). «Что Бакунин очень фальшив и, стало быть, с тобою мил, это в порядке

---

[1] На самом деле, как читатель дальше увидит, уход анархической группы, состоявшей из русских, поляков, итальянцев, французов, швейцарцев и пр., с Бернского конгресса не имел никакого отношения к русскому «нигилизму», с которым Герцен неожиданно солидаризируется, тогда как в действительности он относился к нему самым отрицательным образом.

[2] Сыну же своему Герцен пишет иронически 4 ноября 1868 г.: «Бакунин ходит, потеет, шумит, составляет работничью ассоциацию».

[3] Элпидин, Мих. Конст. (род в 1838 г.), бывший студент Казанского унив., уволен за участие в беспорядках 1861 года. Привлеченный к делу о «Казанском заговоре», бежал из тюрьмы в 1865 году и уехал за границу, где основал революционное издательство. Был членом Интернационала, участвовал в редактировании «Подпольного Слова» (1866), а затем «Народного Дела». С Бакуниным позже разошелся. С 1881 года издавал за границей либеральный журнал «Общее Дело».

вещей. Он в розни с нами и о поступлении своем к Элпидину трубит Ауэрбаху и всем» (тоже от 19 июля). «Бакунин, любивший всегда быть стоком сплетней» (тоже от 23 июля). «В Женеве никак не приходится оставаться, — вот еще и лавина Бакунин. А ты все-таки его не спрашивал, зачем он секретничал, зачем скоп делал тайный с Элпидиным, и не он ли одобрил «Миколку-публициста»? [1] (тоже от 13 октября 1868 года) [2].

Одно время между приятелями состоялось как будто примирение, но не надолго. Об этом можно судить по письму Герцена к Огареву от 20 — 21 февраля 1869 г. «В ту минуту, когда я тебе писал о замирении с Бакуниным, он открывал Кучук-Кайнарджи [3]. Отчего же тебе его визит тяжел? — non capisco (не понимаю). А то все Чернецкий — Тхоржевский, Тхоржевский — Чернецкий, zu langweilig (слишком скучно), и ты там как ни тяни из себя бриллиантовую паутину, а иногда надобно и на людях освежиться»... А в дальнейшей части того же письма, писанной на следующий день, вдруг прорывается злорадство Герцена по поводу неудачи Бакунина: «Мне совсем не жаль, что «Народное Дело» лопнуло [4], и не жаль, что «нам нечем помочь». Бездарные прыщи самолюбия, гной, сопровождавшие благодетельную горячку 1856—1862 годов, кантонисты революции, сделавшие себя генералами [5], в десятый раз п...ли в лужу и доказали свое бессилие, свою сварливость! Я не вижу, чего же ты жалеешь? Бакунин может жалеть, — ему одним диктаторством меньше».

Герцен был уверен, что Бакунин относится к нему враждебно, и об'яснял это своим отказом участвовать в его революционных пред-

---

[1] Брошюра «Миколка-публицист» принадлежала А. С. Серно-Соловьевичу, который написал также резкую, направленную против Герцена, брошюру «Наши домашние дела» (см. у меня «Борцы за социализм», т. I).

[2] Около того же времени (15 ноября 1868 г.) Бакунин писал Н. Жуковскому: «Герцен у меня не был. Я однажды встретился с ним на улице — с тех пор началась между нами пикантная переписка; я не останусь у него в долгу».

[3] В Кучук-Кайнарджи (деревня в Болгарии) был в 1774 г. подписан мир между Россией и Турцией. Герцен намекает на какой-то акт Бакунина, свидетельствовавший о его желании примириться с Герценом. Если это было письмо, то оно нам неизвестно. Равным образом неизвестно и то письмо Герцена, в котором он писал Огареву о замирении с Бакуниным.

[4] В то время журнал «Народное Дело» (о котором мы будем говорить дальше) вовсе не лопнул. Дело ограничилось выходом Бакунина из редакции после первого номера.

[5] Так Герцен выражается о молодой революционной эмиграции, в близости к которой он упрекал Бакунина!

приятиях. Так, Герцен (и под его влиянием Огарев) отклонили вступление в международное братство в 1866 г., а также в «Альянс социалистической демократии» в 1868 году [1]. В письме к Огареву от 11 декабря 1868 г. Герцен определенно высказывает это мнение: «Он (Бакунин) поссорился из самолюбия, он поссорился из-за того, что я с иронией смотрю на ложь его речей и vague (туманность) его программы. Он на меня дуется, потому что я прав. Ему был случай все покончить, он не хотел. Как же ты, милый Огарев, и этого не приметь знаешь?».

Придя к такому убеждению, Герцен с подозрительностью относился ко всякому шагу (или даже отсутствию шага) Бакунина, усматривая в нем заднюю мысль. Бакунин не прислал справиться о здоровьи Таты (дочери Герцена, Натальи) — подозрительно [2]! Бакунин не предложил распространять умирающий «Колокол» — весьма подозрительно [3]. Бакунин собирается переводить (для заработка) на русский язык первый том «Капитала» — ясно, что он за спиною Герцена успел уже снюхаться с Марксом [4].

А в сущности этот взрыв враждебно настороженного отношения Герцена к старому приятелю об'ясняется тем обстоятельством, что

---

[1] По этому поводу Бакунин писал Огареву 8 ноября 1868 г.: «Сообразно желанию Герцена и твоему новому желанию я вычеркнул твое имя из списка членов «Нового Союза». Записка Герцена произвела на меня грустное и вместе странное впечатление, заставив меня сравнить то время, когда он, дыша инициативой и верой в дело, шел бодро и смело и вел других вперед, с временем настоящим, когда неохотным и колеблющимся шагом своим он напоминает, прости сравнение, стих Гете: «Im Dunkeln sucht das Maulthier seinen Weg» (в темноте мул ищет своей дороги). Письмо это стало известным Герцену, и он по этому поводу писал Мальвиде Мейзенбуг 12 ноября: «Бакунин, взбешенный на меня за то, что я не занимаюсь с ним демократией, пишет Огареву: «Герцен причиняет мне страшное огорчение. Он,—который мужественно вел за собой других, сделался теперь нерешительным, он похож на мула, в тумане ищущего свой путь». Я отвечаю на это: «А крот не может найти, так как он ищет только самого себя». Здесь игра слов: Maulthier — мул и Maulwurf — крот.

[2] «A propos, знаешь ли, что я ждал, что Бакунин пришлет спросить о Тате, для того, чтоб примириться. Он не прислал... e rottà l'altissima colonna» (развалилась высочайшая колонна) (письмо от 4 декабря 1868 г.).

[3] «Послали Бакунину сотню «Колокола»? или он и этого не хочет?» (письмо от 16 декабря 1868 г. Тхоржевскому).

[4] «Дай бог успеха бакунинскому переводу Маркса. Я одного не понимаю: почему же он держал под сурдинкой свои сношения с ним? Вся вражда моя с марксидами из-за Бакунина» (это, впрочем, неверно). Письмо от 29 сентября 1869 года.

в это время Огарев начинает все сильнее подпадать под влияние Бакунина и ускользать из-под влияния скептического и разочарованного Герцена. «Тяжелое время, — пишет Герцен сыну 31 июля 1869 г., — я и с Огаревым во многом расхожусь... На него, странное дело, Бакунин имеет сильное влияние». Как известно, для русской пропаганды Огарев принудил Герцена выдать половину бахметьевского фонда [1] и сам принял участие в работе. Так, он составил известную прокламацию к студентам, датированную апрелем 1869 года [2]. Она не понравилась Герцену [3], и он с грустью писал 2 мая 1869 г. сыну: «Огарев все шалит. Закусил удила да и только — шумит, бранится, еще написал манифест. Что с ним это? Ведает бог да Бакунин».

Бакунин в это время был увлечен русской пропагандой под влиянием Нечаева. Побывав в мае в Женеве, Герцен об'яснился с Огаревым. «Все недоразумения, — пишет он Н. А. Огаревой 11 мая, — о к о н ч и л и с ь в п о л ч а с а. С Бакуниным будет труднее, — он совсем закусил удила, и я привезу его новую статью, которая наделает страшных бед. Я буду протестовать и снимаю всякую солидарность» [4]. И дальше в приписке к тому же письму: «Бакунин, как старые нянюшки и попы всех возрастов, любит пугать б у к о й, сам очень хорошо зная, что бука не придет. Для чего все это делается, non lo so (неизвестно); думаю, что на том основании, на котором купец, строивший на свой счет Симоновскую колокольню, поставил одно условие — быть выше Ивана Великого хоть вершком. Бакунин хотел за пояс заткнуть утячий (т.-е. утинский) клоповник и пустить такую дрожь на всю Россию, что там за университетом закроют типографии... «Этого-то и надобно; зачем слова?.. Дела»... И Бакунин-то не понимает того, что понимал Иоанн Богослов и Иоанн Бирон: что «слово и дело» — одно

---

[1] Подробнее об этом мы будем говорить в главе о нечаевщине (в томе III).

[2] До последнего времени ее приписывали Бакунину. Из недавно опубликованной переписки Герцена (Соч., т. XXI) выясняется, что действительным ее автором был Огарев.

[3] «Прокламация к студенству не того, просто «шлехтер-дыревато» (письмо от 5—6 апреля). «Ты подделался даже к их («нигилистическому») тону: «облопаться», «верхобокое начальство», «воровской ум», «ж и д о в с к и е уста» etc., etc. (антисемитическую выходку можно об'яснить скорее влиянием Бакунина. — *Ю. С.*). И потом старая фикция о шляхтеной и нешляхетной Польше. Где народная Литва? Да и что сделает сама по себе народная Россия? Это жаргон 1863 [года] и Бакунина (письмо от 16 апреля 1869 года).

[4] Надо полагать, что речь идет о прокламации «Несколько слов к молодым братьям в России», где молодежь призывается бросать учение и итти в народ для организации анархического восстания.

или, лучше, два вида одного. Вещь эта произведет бездну беды. Но, разумеется, Бакунин имеет полное право поступать по своему убеждению; я только в одном не сомневаюсь, что он подпишет этот фактум» [1].

С середины 1869 года друзья начали подумывать о возобновлении «Колокола». Особенно настаивал на этом Огарев. Но Герцен, считаясь с тогдашним влиянием Бакунина на Огарева, опасался, чтобы «Колокол» не попал в руки Бакунина и Нечаева [2]. 30 июня он писал Огареву: «Жду от тебя твою нравственную смету по части нового «Колокола». Не взять ли ему эпиграф Пугачева: «Redivivus est ultor» (восстал мститель)? Вот был бы рад Нечаев! Но одно не забудь: «Колокол» невозможен в направлении, которое ты и Бакунин приняли. Он может только издаваться в духе прежнего». После неизвестного нам ответа Огарева Герцен снова писал ему 2 июля: «Твое письмо получил и обязан протестовать... против непризнания коренной в тройке. Considérant (принимая во внимание), что тройки без коренной не бывает; considérant, что ямщики кричат: «по всем по трем, коренной не тронь», — я же сказал: «такую тройку, в которой ты коренной, стоит изучить». Протестую, что ты отнес и это к (общему) фонду и потому пристегнул Чернецкого. Я же говорил о «психе» — Бакунине, Нечаеве на пристяжке и о тебе в корню... У вас, отцы-триумвиры, воли (в смысле свободы. — *Ю. С.*) не может быть да и у всех террористов не может быть. Бакунин тяготит массой, юной страстью, бестолковой мудростью. Нечаев, как абсент, крепко бьет в голову. И то же делает безмерно тихая-тихая и платонически-террористическая

---

[1] Герцен здесь, видимо, иронизировал, но Бакунин действительно подписал эту прокламацию. Одновременно Герцен писал сыну (12 мая): «Здесь делаются чудеса. Бакунин это — локомотив слишком натопленный и вне рельсов, несется без удержу и несет с собой все на свете. Он поздоровел и очень, спустив 50 швейцарских фунтов жира на диэте, но мяса и вина поглощает запасы». — Перед посторонними по обычному правилу Герцен смягчал глубину своих общественных и личных недоразумений с Бакуниным. Так, Марье Каспаровне Рейхель он писал 18 июня 1869 г.: «Мастодонт Бакунин шумит и громит, зовет работников на уничтожение городов, документов — ну, Атилла да и только. Не вполне с ним согласный, я очень в хороших ладах». Ей же он писал 23 июня в том же тоне добродушной иронии: «Бакунин шумит... — и слон, и Этна Ниагаровна... беда, подходить опасно: сейчас на виселицу, а потом в уничтожение для блага людского. Меня еще милует»

[2] Последний Герцену особенно не понравился и не пользовался его доверием. 7 января 1870 года он отвечал Огареву, повидимому, предлагавшему ему увидеться с Нечаевым: «Я буду очень рад, если Бой (Нечаев) выздоровеет, но видеться мне с ним не нужно».

жила, в которой ты себя поддерживаешь. Мне наконец и эта государственная деятельность на уничтожение государства, и это казенно-бюрократическое устройство уничтожения вещей сдается каким-то delirium'ом tremens (белой горячкой)».

Попытка Огарева смягчить враждебное отношение Герцена к Бакунину только подливала масла в огонь. «Куда едет Бакунин и какую работу он пишет? — пишет он Огареву 31 июля 1869 г. [1]. — Он работать не хочет. Бакунин — великие дрожжи, ferment, если надобно приводить в брожение, и великий миазм, если не нужно. Проповедник наипразднейший работы. Каждый день его — вразрез всем его учениям. Его былое дает ему право на исключение, но, может, было бы лучше не пользоваться им. Работа у него под носом напрашивается, но он не хочет ее, он свыкся с жизнью «вагабунда» (бродяги). А чтоб доказать тебе, что это так, вот опыт. Я дней через 10 увижусь с Bulloz [2] и Lacroix. Bulloz предлагал Бакунину большую цену за отрывки из его записок для «Rev. M». Записать историю своего заключения в Дрездене, Ольмюце, Грачине и т. д. менее трудно, чем статьи, которые он н а ч а л для «писова» конгресса (Лиги Мира). Я ему предлагаю вступить вновь в переговоры с Мазадом или Бюлоцом через меня, но для этого нужен с р о к доставки работы. Или он откажется, или не сдержит слова — в обоих случаях ясно, что работать он не хочет. Посмотри, как работает Льюис [3], да как работают у нас, по словам Пятк[овского]» [4].

Герцен предсказывает, что скоро будет истрачена первая половина бахметьевского фонда, отданная им Огареву, а тем переданная на русскую пропаганду, и тогда приятели сядут на мель. «Утин говорил, — пишет Герцен Огареву 10 августа 1869 года, — что Бакунин хвалился тем, что фонд употребит, и дело пошло. В 1862 г. Тургенев говорил, что Бакунин, недовольный «Колоколом», уверял, что даст ему иное направле-

---

[1] Бакунин собирался переехать в итальянскую Швейцарию и там между прочим заняться переводом I тома «Капитала» Маркса. На 300 рублей, полученные за работу авансом, он и мог выехать из Женевы. Увы, относительно исхода работы Герцен снова оказался прав: Бакунин скоро ее забросил.

[2] Бюло — французский литератор, основатель журнала «La Revue des Deux Mondes», который дальше и обозначается буквами «Rev. M.».

[3] Льюис, Джордж Генри — английский писатель, приятель Герцена.

[4] То же в письме к Огареву от 6 августа: «Ты называешь работой о х о т у Бакунина редактировать журналы. Но работать надобно то, что доставляет Auskommen (средства к жизни). Записки требовали у него с 1863 г. Семь лет!». Это недурно звучит в устах рантье Герцена, который для Auskommen, как известно, не работал.

ние. Он приехал 1 января 1862 года; через год «Колокол» стал падать как кирпич, брошенный в воду [1]. У него глаз дурен. В деле «Колокола» и в деле фонда он больше действует на тебя и тобой. Вообрази, что будет, когда он унесет десятую тысячу, и нужны будут 100 фр. на дело, неясное для меня» [2].

При всем том к концу жизни Герцена отношения между ним и Бакуниным стали более ровными, вероятно, именно потому, что они окончательно разошлись политически и не имели общей работы. Но эти отношения никогда уже не становились близкими и интимными — в отличие от отношений Бакунина к Огареву, с которым он все более сближался. Принципиальные разногласия остались у Герцена с Бакуниным до конца, и Герцен постарался на основании нового опыта сформулировать их в «Письмах к старому товарищу».

Всех писем четыре: 1-е и 2-е датированы 15 и 25 января 1869 года, 3-е — августом 1869 г., а 4-е не имеет даты. Следовательно, они писались как раз в период, охарактеризованный цитированной выше перепиской. Первоначально статья, составленная из этих писем, была озаглавлена «Между старичками». 31 января 1869 года Герцен сообщал сыну: «Я написал длинное, дельное и е д к о е (курсив мой) письмо к Бакунину для печати в «Полярной Звезде» [3] под заглавием «Между старичками». Он не назван, но узнают все». В марте Герцен направил статью «о контроверзе с Бакуниным» (вероятно, первые два письма) для прочтения Огареву (см. письма от 11 и 14 марта). С разрешения Герцена статья была показана самому Бакунину (письмо от 17 марта). Повидимому, Бакунин собирался печатно отвечать на статью [4]. По крайней мере, 31 марта Герцен писал Огареву: «Его, т.-е. Бакунина, мнение о статье интересно; он бы написал, я бы отвечал. Молодые бы учились полемике без потасовки, а может, и еще кое-чему». Герцен именно и

---

[1] Даже в падении тиража «Колокола» Герцен готов обвинять Бакунина!

[2] Герцен намекает, что на несимпатичные ему предприятия он второй половины денег не даст.

[3] Девятая книжка «Полярной Звезды» не увидала света, и при жизни Герцена письма эти в печати не появились. Впервые они были опубликованы в «Сборнике посмертных статей» Герцена (1-е изд. 1870, 2-е — 1873, за границей). Перепечатаны в томе XXI Сочинений Герцена. Пятковский предлагал напечатать их в «Отечественных Записках», но дело будто не выгорело ввиду сопротивления Некрасова, который был с Герценом в самых дурных отношениях.

[4] Конец статьи также был сообщен Бакунину (письмо Герцена от 23 октября).

хотел вызвать Бакунина на публичное об'яснение. «Смысл моей статьи против Бакунина прост, — писал он Огареву 24 марта 1869 г. — Мне хотелось бы, чтобы ты или я написали ему другое, т.-е. д о п р о с (не лично, а общий), для того чтобы вытянуть от него определение, в ч е м его идеал. Если б я имел его речи или что другое, я сделал бы. Говорят, что он проповедует совершенное уничтожение собственности и семьи (à la Platon, чтобы родители не знали детей). Но ведь это вздор... Как же он развивает это?».

Письма эти критикуют анархически-бунтарскую концепцию Бакунина.

В этих письмах, в которых, с одной стороны, рассеяно много метких и тонких замечаний, а с другой — слышится глубокое разочарование изверившегося человека, Герцен говорил, обращаясь к неназываемому старому товарищу: «Ни ты, ни я, мы не изменили наших убеждений, но разно стали к вопросу. Ты рвешься вперед попрежнему со страстью разрушения, которую принимаешь за творческую страсть,... ломая препятствия и уважая историю только в будущем. Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять ш а г л ю д с к о й в былом и настоящем, для того чтоб знать, как итти с ним в ногу, не отставая и не забегая в такую даль, в которую люди не пойдут за мной, не могут итти».

Указав, что одной нравственной правды мало при отсутствии сил и благоприятных об'ективных условий, Герцен переходит к критике бакунинского анархизма. «В сущности, — говорит он, — все формы исторические volens-nolens ведут от одного освобождения к другому. Гегель в самом рабстве находит (и очень верно) шаг к свободе; то же явным образом должно сказать о государстве, — и оно, как рабство, ведет к самоуничтожению, и его нельзя сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста. Государство — форма, через которую проходит всякое человеческое сожитие, принимающее значительные размеры... Между мнением Лассаля (об использовании государственной власти для социального строительства. — *Ю. С.)* и проповедью о неминуемом распущении государства в федерально-коммунную жизнь лежит вся разница обыкновенного рождения и выкидывания. Из того, что женщина беременна, никак не следует, что ей завтра следует родить. Из того, что государство — форма п р е х о д я щ а я, не следует, что это — форма уже п р о ш е д ш а я. С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека, как лишняя перевязка, без раскрытия таких артерий и внутренностей, которые т е п е р ь наделают страшных бедствий, а п о т о м спадут сами? Да и будто какой-нибудь народ мо-

жет безнаказанно начать такой опыт, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, как Франция, Пруссия и проч.? Можно ли говорить о скорой неминуемости безгосударственного устройства, когда уничтожение постоянных войск и обезоружение составляют дальние идеалы?»...

Дальше Герцен, после этих глубоких замечаний, снова садится на своего либерального конька.

«Нет, — продолжает он, — великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей... Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь нужна людям, проповедь неустанная, ежеминутная; проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения, — апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам».

Как мы видим, в этих письмах Герцен поднимается на высоту своих принципиальных разногласий с Бакуниным. Здесь нет личной злобы и высокомерной иронии, а слышится спокойный голос мудрой, хотя и разочарованной старости.

Таким же духом проникнут ответ Герцена какому-то неизвестному эмигранту, видимо, отозвавшемуся в своем письме дурно о Бакунине. «Я, — пишет Герцен (в июле 1869 года), — не могу согласиться с вашим мнением, очень враждебным относительно Бакунина. Бакунин слишком крупен, чтобы с ним поступать sommairement [1]. У него есть небольшие недостатки и огромные достоинства [2]. У него есть прошедшее, и он — сила в настоящем. Не полагайтесь на то, чтобы всякое сменяющее поколение интенсивно (?) было лучше предыдущего. Если б это было так, то англичане при Георгах были бы далеко выше кромвельцев, а французы Реставрации заткнули бы за пояс якобинцев. В людях как в винах, есть cru [3]. Я думаю, что Бакунин родился под кометой».

Точно так же, когда примирившийся с Герценом Тургенев счел нужным снова напасть на Бакунина за проповедь атеизма и уничтожения государства и частной собственности, Герцен снова, как и встарь, выступил в защиту Бакунина от нераскаянного либерала, «индивидуалиста до конца», усматривавшего в том, что «довольно смутно» пропове-

---

[1] Расправляться без церемонии.

[2] Курсив мой.

[3] Порода, особое качество (вина). Иногда это качество приписывают якобы влиянию комет.

дывал Бакунин, «нарушение личной свободы» [1]. 23 марта 1869 г. он отвечал Тургеневу: «Уверяю тебя, что ты насчет богословия Бакунина ошибаешься. Не только в Лондоне, но в (18)48, 47 году в Париже у него искры деизма не было. Так разве сказалось что-нибудь sub rosa (под хмельком). Я с его деятельностью не совсем согласен, но все же о н з а м е ч а т е л ь н а я с и л а (курсив мой). И я думаю, что вопрос об индивидуальности и коммунальности не так ставится, как ты до него коснулся».

Перед посторонними Герцен считал нужным (правда, как мы видим, не всегда) смягчать недостатки Бакунина, выпячивая его положительные достоинства. И, как водится, именно здесь он был справедлив, правильно распределяя свет и тени. В частной жизни соблюсти такой об'ективизм труднее, особенно когда сталкиваются не только два различные темперамента, но и два противоположные мировоззрения, под которыми, при глубоком социологическом анализе, в конечном счете открывается борьба враждебных классов и общественных группировок.

[1] Смотри его письмо к Герцену от 16 марта 1869 года. Там он между прочим писал: «А Бакунин, видно, переменил свои убеждения: он в Лондоне, в последний раз, когда я его видел, еще верил в личного бога и в разговоре со мной на старый романтический лад, ходя ночью при луне по улице, осуждал тебя за неверие. Что ж, отчего не открыть глаза перед истиной? Но весь вопрос в том: представляет ли подобная демонстрация практическую пользу? Э т о ли нужно говорить теперь рабочим?» (переписка Герцена с Кавелиным и Тургеневым, стр. 202—203).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БАКУНИН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Глава первая.

ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ.

После подавления польской революции 1831 года наступил период жестокой реакции, продолжавшийся около 25 лет. Но если в самой Польше жизнь была совершенно задушена тяжелой рукою Николая I и его сатрапов, то тем пышнее расцвела она за границею среди польской эмиграции, сосредоточившейся, главным образом, во Франции. В то время как аристократические элементы ее сгруппировались вокруг Чарторыйского, более революционные и активные элементы избрали новый «Национальный Комитет с Иоахимом Лелевелем во главе [1]. Но и из этой группы скоро выделилась наиболее передовая часть, которая в марте 1832 г. основала «Польское Демократическое Общество», стоявшее за придание будущему восстанию радикально-демократического характера с целью привлечения широких масс, особенно крестьянских. Образовавшийся впоследствии Центральный Комитет Демократического Общества, известный под именем «Централизации» [2], сделался главным очагом патриотическо-демократической пропаганды как в самой Польше, так и среди эмиграции. Полное освобождение крестьян с наделением их землей без вознаграждения помещиков стало лозунгом

---

[1] О знакомстве Бакунина с Лелевелем мы говорили в первом томе этой работы.

[2] Сначала местопребыванием «Централизации» была Франция (Версаль), а затем она принуждена была перебраться в Англию. В середине 40-х годов одним из видных членов ее сделался генерал Людовик Мерославский, о столкновениях которого с Бакуниным мы скажем дальше (см. § 3 второй главы этой части).

польской демократии [1]. Наиболее крайне, хотя и немногочисленное и маловлиятельное крыло польской эмиграции, вождем которого был граф Станислав Ворцель (близкий друг Герцена), стояло даже на коммунистической точке зрения.

Именно с этой демократической частью эмиграции и связаны были, главным образом, русские революционеры вроде Герцена и Бакунина. Последние, как мы знаем, считали интересы русской и польской демократии солидарными; в частности русских революционеров привлекала радикальная (хотя и не доведенная до логического конца) постановка польскими демократами крестьянского вопроса.

Крымский разгром самодержавия и смерть Николая I, вызвавшие общественное оживление в России, не могли остаться без влияния и на польское общество. С новой силой пробудились в нем старые надежды на независимость Польши. Правда, при посещении Александром II Варшавы в мае 1856 г. он во время приема польской депутации произнес знаменитые слова: «point de rêveries!» («никаких мечтаний!»), но удержаться на позиции полного отказа от уступок полякам поколебленный царизм тогда не мог. В мае 1856 г. об'явлена была амнистия, предоставлявшая эмигрантам и ссыльным право возвращения на родину; 4 июня 1857 г. утвержден был устав медико-хирургической академии в Варшаве — первый шаг к восстановлению польского университета; а 12 ноября того же года утвержден был устав «Земледельческого Общества», вокруг которого сгруппировались дворянско-буржуазные круги.

Организация общественных сил пошла по всем направлениям. На авансцену естественно выдвинулись наиболее радикальные элементы. Опираясь на значительную часть городского (особенно варшавского) мещанства, ремесленников, интеллигенцию, мелкую шляхту, эти элементы открыто повели атитацию в пользу восстановления независимой Польши — и притом, в большинстве случаев, Польши в исторических границах 1772 года.

Движение это приняло форму патриотических манифестаций с религиозным оттенком. Первая манифестация произошла в июне 1860 года. Эти манифестации, устраивавшиеся по самым разнообразным поводам, перенесены были затем из Варшавы также в провинцию. Рано или поздно они должны были привести к столкновению с правительством, что вскоре и случилось.

---

[1] Сильный удар Демократическому Обществу нанесла неудача краковского восстания 1846 года, закончившегося галицийской резней.

Манифестация, устроенная 25 февраля 1861 г. в годовщину Гроховской битвы, была разогнана конными жандармами, при чем многие участники ее серьезно пострадали. Последовал взрыв негодования, увлекший даже самые умеренные круги польского общества. Но местные власти, подстрекаемые грозными телеграммами царя из Петербурга, решили не останавливаться в своих репрессивных мероприятиях. Следующая манифестация 27 февраля была уже разогнана ружейными залпами, при чем пять человек было убито и много ранено. Ответом на это избиение были демонстративные похороны пяти жертв, устроенные 2 марта и превратившиеся в еще невиданную грандиозную патриотическую манифестацию. Волнение сделалось всеобщим и даже начало захватывать деревню. Озлобление росло с обеих сторон.

Чтобы внести раскол в ряды оппозиции, царское правительство сделало вид, что готово пойти на некоторые умеренные реформы. Обещано было введение выборных губернских, уездных и муниципальных советов, и учреждена была комиссия исповеданий и просвещения, главным директором которой — вместо прежнего руководителя школьного дела в Польше, грубого обскуранта Муханова — назначен был поляк, маркиз А. Велепольский.

Система крупного помещика и аристократа Велепольского сводилась к тому, чтобы, заманивая умеренные круги обещаниями реформ, отделить их от демократических элементов, с которыми затем легче было бы беспощадно расправиться. С одной стороны, он упразднил буржуазную «Делегацию» (посредническую организацию, образовавшуюся 27 февраля) и организованную ею гражданскую милицию, а также закрыл «Земледельческое Общество», которое под давлением событий вышло из отведенных ему узких рамок, а с другой — способствовал изданию указа 16 мая о замене барщины оброком, для того чтобы оторвать крестьян от движения городов и привязать их к правительству. Одновременно система военно-полицейских репрессий была еще усилена сравнительно с прежним. Во время молебствий в память Костюшки, организованных партией движения 15 октября, войска ворвались в костелы и арестовали там около 2.000 человек.

С этого момента крайняя партия начинает готовиться к вооруженному восстанию. Во главе движения становится «Главный Комитет», пребывавший в Варшаве и превратившийся в июне 1862 года в «Центральный Народный Комитет». На-ряду с этой демократической организацией («красными»), «белые» аристократы создают, в качестве противовеса ему, «Шляхетский Комитет». В то время как «красные» возлагали свои главные надежды на вооруженное выступление и стре-

мились к союзу с русскими революционерами, «белые» расчитывали преимущественно на дипломатическое вмешательство иностранных дворов и не отказывались от компромисса с русским правительством.

Последнее, ввиду роста революционного настроения в самой Польше, а также ввиду назревания оппозиционных настроений даже в рядах русской армии, решило снова испробовать демагогическую политику Велепольского, пойти на известное соглашение с умеренными элементами польского общества и таким образом получить возможность тем вернее уничтожить крайних. 27 мая 1862 года брат царя, великий князь Константин Николаевич, неизвестно почему пользовавшийся репутациею либерала, был послан в качестве наместника в Царство Польское, а маркиз Велепольский, вышедший было в отставку после событий 15 октября 1861 г., назначен был при нем начальником гражданского управления.

Программа Велепольского, искренно или лицемерно принятая русским правительством в целях прекращения революционного брожения в Польше, сводилась к административной автономии края в пределах Царства Польского. Эта программа не удовлетворяла даже «белых», которые стояли за политическую автономию, да и то при условии воссоединения Польши с Литвою. Крайние же ответили на лицемерные посулы правительства, не прекращавшего тем временем политики репрессий, террористическими покушениями. В день в'езда нового наместника в Варшаву в него стрелял портной Ярошинский; а на Велепольского произведено было два покушения рабочими-литографами Рылем и Ржонцой. Несмотря на неудачный исход покушений, все трое были повешены в августе 1862 года.

Чтобы нанести смертельный удар революционному движению, опиравшемуся, главным образом, на городскую интеллигентную и ремесленную молодежь, Велепольский решил прибегнуть к исключительной и совершенно незаконной мере. Он задумал произвести рекрутский набор, вообще отмененный указом 15 марта 1859 года, и вдобавок придать ему характер настоящей проскрипции, распространив его действие исключительно на ремесленную молодежь городов, т.-е. из'яв из общественной жизни наиболее передовой и революционно настроенный пролетарский элемент. Таким путем правительство сознательно провоцировало восстание. Слухи о предстоящем наборе широко распространились, и когда 15 января 1863 года набор был действительно об'явлен, и ночью мобилизованные воинские и полицейские отряды совершили неожиданно

набег на квартиры внесенных в рекрутские списки обывателей, большинства последних не оказалось налицо, так как они заблаговременно ушли в леса.

Как ни хотелось Центральному Народному Комитету оттянуть момент восстания, чтобы получше подготовить свои силы, он против своей воли очутился перед совершившимся фактом, требовавшим от него определенных заявлений и действий. 16 января 1863 года Комитет об'явил страну в состоянии инсуррекции, а затем, под давлением местных организаций, назначил начало вооруженного восстания в ночь с 22 на 23 января. Восстание началось одновременным нападением небольших повстанческих отрядов на местные воинские команды в различных пунктах.

Жребий был брошен.

Глава вторая.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛЬСКИХ И РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

1. Постановка вопроса о солидарности.

Не только «белые», но и «красные», хотя и в меньшей степени, расчитывали на вмешательство европейской дипломатии в пользу Польши.

На Австрию приходилось немного надеяться, хотя, ввиду своего соперничества с Россией и Пруссией, она не проявляла особенной враждебности к полякам, а Галиция служила даже значительным резервуаром, питавшим восстание в Царстве Польском.

Напротив, Пруссия проявила активную вражду к полякам. Владея Познанью, прусское правительство было заинтересованным соучастником российского императорства в подавлении Польши. 8 февраля 1863 г. прусское правительство заключило с русским специальную военную конвенцию, которая между прочим разрешала русским войскам при преследовании повстанческих отрядов переходить через прусскую границу.

Иначе обстояло дело с Англией и Францией, из коих первая готова была на дипломатические демонстрации, а вторая одно время даже не останавливалась перед мыслью о вооруженном вмешательстве в пользу Польши. Австрия, по изложенным выше мотивам, согласилась принять участие в общем дипломатическом выступлении, отклоняя, однако, мысль о войне.

10 апреля эти три державы обратились к русскому правительству с представлением о необходимости принятия мер к прекращению кровопролития в Польше. К ним присоединились Италия, Испания, Португалия, Швеция, Турция, Дания, Голландия и римская курия. Русское правительство, в тот момент не готовое к войне, ответило на это дипломатическое представление лицемерной амнистией части повстанцев, которые сложат оружие, — актом, который, разумеется, остался без всякого отклика.

В ответ на запрос русского министра ин. дел от 26 апреля, какие меры могли бы привести к успокоению страны, названные три державы нотами от 17 июня 1863 г. указали в качестве таких средств полную амнистию, народное законодательство, свободу совести и пр. Но за это время русское правительство успело подготовиться: оно усилило армию, мобилизовало общественное мнение, и теперь канцлер Горчаков ответил на представление держав решительным отказом. На этом дипломатическое вмешательство в пользу Польши и закончилось, поселив только в поляках несбыточные надежды и отчасти затянув восстание [1].

«Красные», впрочем, с самого начала больше расчитывали на сочувствие европейской д е м о к р а т и и [2], чем на помощь правительств.

---

[1] Другим его последствием было присоединение «белых» к восстанию, которому они придали более умеренный и менее демократический характер; это только причинило ему вред.

[2] Это сочувствие было обеспечено польским революционерам за самыми редкими исключениями. Одним из таких исключений был «отец анархизма» П.-Ж. Прудон. Под тем предлогом, что «принцип национальности» уже изжил себя (что для его времени было неверно), и что политический вопрос подчинен, дескать, экономическому, он, в полном согласии с царскими душителями, высказался против борьбы поляков за независимость. В письме к Герцену от 21 апреля 1861 г. Прудон писал: «Что касается Польши, то неужели Вы ее так плохо знаете, что верите в ее возрождение? Польша во все времена являла зрелище самой развращенной в мире аристократии и самого недисциплинированного из государств. И ныне она не может еще ничего пред'явить, кроме своего католицизма и своего дворянства — ей богу, хорошенькие две вещицы!.. Проповедуйте ей свободу, равенство, философию, экономическую революцию — в добрый час! Помогите ей добиться конституционных политических и гражданских прав, характеризующих нашу эпоху; приготовьте ее этим к более коренной революции, после которой исчезнут вместе с крупными государствами все национальные различия, лишенные с тех пор основания. Толкая поляков на этот путь, толкайте туда же и русских, — вот настоящая дорога. Но не говорите нам о восстановлении национальностей, что в сущности является ретроградством, а по форме — бильбоке, при помощи которого партия интриганов старается, деля прибыли и убытки с Тюльери, Кавуром и пр., отклонить в сторону социальную революцию».

А когда русское правительство, потопив в крови польское восстание, провело в Польше земельную реформу, давшую польским крестьянам больше прав, чем русским, в явно демагогических и контр-революционных целях, Прудон в письме к реакционному славянофилу Самарину от 3 ноября 1864 г. имел бесстыдство поздравлять его с участием в этой демагогии, на свежих могилах польских революционеров хамски солидаризироваться с политикой царизма и упрекать своего старого приятеля Герцена за то, что тот не пошел по этому пути. Вот что писал Прудон в письме, впоследствии напечатанном

Но если и в наше время внешняя политика остается в неограниченном распоряжении крупно-собственнических верхушек, то в то время демократические элементы имели еще меньше возможностей навязать свою волю правящим сферам. Сама же демократия могла выражать свои симпатии полякам лишь более или менее платонически, в виде газетных кампаний, денежных сборов и, в единичных случаях, в виде пополнения повстанческих отрядов немногочисленными бойцами. Единственно кто мог оказать полякам действительно серьезную помощь, так это р у с с к и е р е в о л ю ц и о н е р ы. И естественно, что польские демократы именно в эту сторону устремили свое преимущественное внимание.

Теоретическое сочувствие русских революционеров делу борющейся Польши было обеспечено заранее. Мысль о солидарности поль-

---

в № 2 реакционной газеты «Русь» за 1883 год: «Приношу вам мои беспредельные поздравления, что вам довелось поработать делу истинного (!) освобождения польского народа. Надеюсь, что теперь этой ненавистной аристократии пришел конец: вот уже более тысячи лет, как она томит и скандализует Европу... Что бы я дал, чтоб подробно переговорить обо всем этом с нашим добрейшим Герценом!.. Как глубоко сожалел я о том, что он поставил себя между русскими национальными чувствами, с одной стороны, и строптивою спесью поляков — с другой! Как желал я, чтобы с того дня, как вступил Александр II на широкий путь эмансипации, Герцен заставил смолкнуть свой «Колокол»! В пять, десять лет отдыха он бы вновь прояснел душою; он изучил бы пристальнее ход развития в России, а впоследствии критика его, имея в основе запас современных фактов, стала бы авторитетнее. Бороться с Николаем это было доблестно, но продолжать, не видоизменяя, ту же политику в отношении к Александру это — уже неловкость или во всяком случае важное неудобство. Знаю хорошо, что автократ все же останется автократом; но в данном случае отношение к императору должно было отодвинуться на второй план, на первом же — стать уважение к самому русскому народу (!). Прежде всего надо было увидеть, что станется с ним, с этим народом, которому возвратили свободу, собственность и некоторое (!) участие в правлении».

Это лишний раз показывает, что «отец анархии» стоял на точке зрения реакционной кулацкой идеологии. К счастью, Бакунин не последовал за ним по этому пути.

В отрывке, относящемся к «Кнуто-Германской Империи», написанном в конце 1872 г. и напечатанном в четвертом томе франц. издания сочинений Бакунина (Oeuvres, IV, стр. 464—465), он весьма резко отзывается об отношении Прудона к польскому вопросу. «Стремясь всячески оправдать историю, — говорит Бакунин, — он написал злосчастную брошюру (повидимому, Бакунин имеет в виду брошюру Прудона «Si les traités de 1815 ont cessé d'exister» 1864 г. — *Ю. С.),* в которой, доказав с достаточной основательностью, что дворянская Польша должна была погибнуть, так как она содержала семена разложения в своих недрах, он пытался противопоставить ей Империю царей как представительницу победоносной социалистической

ской и русской борьбы против самодержавия датирует со времени декабристов. Начиная с 40-х годов, немногочисленные русские политические эмигранты, Бакунин, Сазонов, затем Герцен, Огарев и т. д., громогласно выражают полякам свои симпатии, сближаются с ними, оказывают им поддержку, в свою очередь пользуясь поддержкою с их стороны. При первых известиях о начавшемся в Польше движении «Колокол» принимает сторону поляков против царского правительства, а в самой Польше — сторону «красных» против «белых». При этом «Колокол» особенно подчеркивает демократическую и социальную сторону движения, добиваясь от его руководителей определенных и недвусмысленных заявлений в пользу крестьянства. Вместе с тем «Колокол» пытается пробудить симпатии к польскому делу в русском обществе и народе, уговаривая офицеров и солдат русской армии не поднимать братоубийственного оружия против борцов за польскую свободу, а напротив убеждая их соединиться с поляками для борьбы за освобождение России от царского деспотизма [1].

демократии. Несмотря на мое глубокое уважение к памяти Прудона, я без колебания заявляю, что это было больше чем ошибка, это было преступление — преступление софиста, который увлекся полемическими соображениями и не побоялся нанести оскорбление нации-мученице в тот самый момент, когда она, в сотый раз восстав против своих гнусных русско-немецких тиранов, в сотый раз пала под их ударами!». И в примечании к этому месту Бакунин прибавляет: «Преступление Прудона состояло в том, что из оппозиции польским патриотам он попытался представить царские войска, чиновников и полицейских в виде социалистических освободителей польских крестьян, угнетенных своими восставшими помещиками. Прудон, подобно большинству своих соотечественников, столь же мало знал Польшу, как и Россию; но за отсутствием знаний его революционный инстинкт (это у Прудона-то «революционный инстинкт»! — *Ю. С.*) должен был бы предостеречь его от чудовищной выходки, снискавшей ему пылкую признательность наших московских панславистских патриотов, и притом как раз в тот момент, когда их товарищи и друзья, Милютины, Черкасские и многие другие, конфисковывали имения польских бунтовщиков, не для того, чтобы передать их крестьянам, а для того, чтобы раздать их русским чиновникам и генералам... Российская Империя, освобождающая кого бы то ни было, вот возмутительная нелепость, не делающая, конечно, чести ни уму, ни революционному инстинкту Прудона».

[1] 13 февраля 1863 г. Маркс в связи с началом польского восстания писал Энгельсу: «Теперь ты должен следить за «Колоколом», так как Герцену и К° предоставляется случай доказать свою революционную честность, даже поскольку она соединима с славянскими симпатиями». Повидимому, Марксу не было известно, что в этом отношении Герцен и его друзья доказали свою революционную честность уже давно. Во всяком случае немецкие револю-

В № 94 «Колокола» от 15 марта 1861 года Герцен в статье «Vivat Polonia!», написанной по поводу февральских манифестаций, убеждает русских воинов в Польше скорее погибнуть, чем убивать «поляка, который хочет быть самим собой», или русского крестьянина, требующего свободы. Упоминая о постановлении «Земледельческого Общества», состоящего из помещиков, предоставить крестьянам земельные наделы, Герцен подчеркивает, что «первый акт восстановления Польши должен был быть актом очищения перед земледельцем, актом искупления, покаяния, справедливости. Надобно было доказать обделенному народу, что он не забыт, что на этот раз идет дело о б щ е е, земское, дело всей Польши, а не о д н о й ш л я х т ы».

А в статье «10 апреля 1861 г. и убийства в Варшаве», помещенной в № 96 «Колокола» от 15 апреля, Герцен рассказывает, как на празднике в ознаменование освобождения русских крестьян [1] он предложил тост: «За полную, безусловную независимость Польши, за ее освобождение от России и от Германии и за братское соединение русских с поляками». На этом празднике, по словам Герцена, заключен был моральный союз между русскими и поляками.

Выступления «Колокола» в защиту польской борьбы за освобождение вызвали множество приветственных и благодарственных адресов со стороны поляков. С другой стороны, эти выступления несомненно произвели свое действие и в России, возбуждая в тех, к сожалению, слишком малочисленных, элементах русского общества, которые понимали значение польского движения, готовность оказать ему активную поддержку в интересах русской революции.

Позиция Герцена в польском вопросе ярко выражена в его статье «Прокламация Земли и Воли», напечатанной в № 160 «Колокола» от 1 апреля 1863 года [2]. Здесь он говорил: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы — русские. Мы хо-

---

ционеры не проявили и сотой доли того активного сочувствия и содействия полякам, какое тогда проявили революционеры русские.

[1] На этом празднике Герцен собирался было провозгласить тост «за Александра II — освободителя крестьян». Варшавские расстрелы спасли его от такого скандального промаха.

[2] Речь идет о прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь», составленной А. Слепцовым во время его проезда через Царство Польское и в несколько измененном виде напечатанной и распространенной в феврале 1863 года Центральным Комитетом общества «Земля и Воля» в России. Прокламация между прочим призывает русских офицеров и солдат в Польше не стрелять в поляков, а двинуться в Россию против самодержавного правительства.

тим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих. Мы с ними, потому что твердо убеждены, что нелепость империи, идущей от Швеции до Тихого океана, от Белого моря до Китая, не может принести блага народам, которых ведет на смычке Петербург. Всемирные монархии Чингисов и Тамерланов принадлежат к самым начальным и самым диким периодам развития, к тем временам, когда сила и обширность составляют всю славу государства. Они только возможны с безвыходным рабством внизу и неограниченным тиранством наверху. Была ли нужна или нет наша имперская формация, нам на сию минуту дела нет; она — факт. Но она сделала свое время и занесла одну ногу в гроб — это тоже факт. Мы стараемся от всей души помочь другой ноге. Да, мы против империи, потому что мы за народ!».

Бакунин стоял на той же позиции еще более твердо и решительно — без тех колебаний, которые свойственны были Герцену не только в практической, но и в теоретической области. Как мы знаем, Бакунин еще с середины 40-х годов определенно стал на точку зрения солидарности борьбы за свободу Польши и России. За время, протекшее с того времени до его побега из Сибири, убеждения его на этот счет не изменились, а лишь окрепли. И с первого же момента своего возвращения к политической жизни Бакунин высказывается по польскому вопросу в выражениях, вполне выявляющих занятую им позицию и позволяющих предугадать его будущие практические действия в этой области.

В первом же своем литературном выступлении в Лондоне, в брошюре «Русским, польским и всем славянским друзьям», Бакунин говорил:

«Мы должны подать братскую руку всем славянам, но прежде всего и во что бы то ни стало нашим оскорбленным братьям-полякам, примирение с которыми для нас столь же необходимо, как и сближение наше с своим народом. Поляки — наши ближайшие соседи. История до такой степени связала их с нами, что судьбы обоих народов стали нераздельны: их беда — наша беда, их порабощение — наше рабство, их независимость и свобода — наша свобода. До тех пор, пока мы насильственно владеем Польшей, мы должны содержать огромную военную силу, разорительную для народа, и которая, научившись в Польше бесчеловечно резать народ, сделается потом самым лучшим орудием для домашнего притеснения. Пока мы владеем Польшей, мы должны оставаться рабами немцев, невольными союзниками Австрии и Пруссии, с которыми мы ее преступным образом разделили. Только

соединенные усилия трех немецких (!) держав могут ее удержать под ненавистным гнетом, венским, берлинским и петербургским. Отступись одна от воровского союза — и Польша свободна. Немцы не отступятся, но мы должны отступиться, мы должны перестать быть с.-петербургскими немцами. Мы должны, во-первых, по справедливости и потому, что пора нам наконец снять с себя постыдный, смертный грех против великой славянской мученицы, пора нам перестать убивать самих себя, свой единственный исход, свою будущность в Польше. Пока мы тесним ее, нам нет дороги к славянскому миру».

Итак, Бакунин связывает здесь вопрос о свободе Польши со свободою России и, больше того, с освобождением всего славянства. Последнее соображение в значительной степени было, впрочем, фасон-де-парле, ибо даже после того, как Бакунин отложил свои славянские фантазии в сторону (а сделать это принудило его именно активное участие в польском восстании), первого мотива, т.-е. тесной связи, существовавшей, по его глубокому убеждению, между освобождением Польши и России, оказалось для него вполне достаточно.

Но полной солидарности в требованиях между польскими патриотами и русскими революционерами не было. Их разделял вопрос о границах. Поляки мечтали о восстановлении Польши в исторических пределах, в границах 1772 года. Русские революционеры принципиально против этого не возражали, но ставили решение этого вопроса в зависимость от воли народов, населяющих спорные территории. Бакунин не считает нужным скрывать свое отношение к этому больному вопросу, он прямо берет быка за рога и, не обинуясь, признает польскую постановку вопроса крупной ошибкой.

«Ошибка, впрочем, — говорит он, — понятная и простительная: они лишены своей национальности, они страдают под страшным и унизительным гнетом, они с страстной грустью смотрят на свое прошедшее, которое не то, что наше прошедшее: нам жалеть нечего, у нас все позади отвратительно-гадко, наша жизнь вся впереди. В прошедшей жизни поляков так много прекрасного и благородного, что есть о чем пожалеть и чем погордиться. Но как бы оно прекрасно ни было, прошедшее все-таки прошедшее, для него нет возврата. И точно так же, как лицам, горе тем народам, которые слишком долго и много смотрят назад: они бессилят свое настоящее и свое будущее.

«...Старинное польское королевство было по преимуществу рыцарским, аристократическим государством. Скажем, пожалуй, демократическим, только в античном смысле. Тогда вельмож-магнатов мы назо-

вем аристократией, вольную шляхту демократией, а собственный народ, хлопов, теми рабами, черная работа которых была по древнему понятию необходима для существования гражданской свободы. Согласно с этим в старинное время достаточно было, чтоб в какой-нибудь стране вельможи и шляхта были поляками, для того, чтоб и вся страна считалась польской, к какой бы впрочем черный народ ни принадлежал национальности. Тогда это было естественно, потому что в то время собственно народ считался ни во что; он не имел голоса, ни права иметь свою волю. Но теперь, когда везде народ громко требует воли, возможно ли это? Аристократическая Польша будет ли в состоянии противустать крестьянской России? Возможно ли будет воссоединение Литвы, Белоруссии, Лифляндии, Курляндии и Украины к Польше, если крестьяне литовские, белорусские, лифляндские, курляндские, украинские того не захочут? К чему же говорить об исторических, стратегических и экономических границах? Разве ими можно тронуть и убедить народы? Что им до исторических воспоминаний? Они им чужды; ведь они знают, что они всегда были рабами и остаются рабами. Нет, им нужно другое. Точно так же, как и народу русскому, им нужны земля да воля в том же широком смысле, в каком их требует русский народ. Обернитесь спиной к прошедшей истории; об'явите хлопскую Польшу; тогда многие из этих племен, а если от вас Россия отстанет, пожалуй, и все пойдут за вами».

И Бакунин смело выдвигает право всех народов на самоопределение.

«Я требую, — говорит он, — только одного: чтоб всякому народу, всякому малому и великому племени были вполне предоставлены возможность и право поступать по воле. Хочет он слиться с Россией или с Польшей, пусть сливается. Хочет быть самостоятельным членом польской или русской или общеславянской федерации, пусть будет им. Наконец, хочет ли он вполне от всех отделиться и жить на основаниях совсем отдельного государства, — бог с ним, пусть отделяется. Кажется, ясно. И если Литва, Курляндия, Лифляндия, Белоруссия с Смоленском, Украина с Киевом не насилием и интригой, а прямым и явным решением народов потянут к Польше, мы ни слова не скажем против этого. Все будет зависеть от степени самостоятельности этих стран, от их способности или неспособности жить между собой. А между Россией и Польшей должна существовать отныне только одна борьба, борьба притягательной силы той или другой на живущие между ними народы. Чье духовное обаяние возьмет верх, где народам будет жить привольнее, туда они и пойдут».

В заключение Бакунин обращается к полякам с предложением союза для совместной борьбы с царским правительством:

«Обращаюсь теперь к польским братьям — не говорю: к друзьям — у нас нет еще польских друзей. Между нами и ими — реки мученической крови, проливаемой впродолжение целого века и недавно еще пролитой русскими войсками. Между нами — пропасть отвратительного, зверского бесчиния, совершаемого ежедневно по целой Польше, правда, петербургской волей, но русскими руками. Они вправе нам не доверять и нас ненавидеть. Мы, все русские, от малого до великого, в их и в наших собственных глазах ответственны за подлые дела, за черные преступления русских жандармов и генералов, русских чиновников и офицеров, за безобразно-дикое насилие наших пьяных от водки и палок солдат. Слов мало, как бы искренни и горячи они ни были, для того чтоб снять с нас такую ответственность. Для этого нужны дела, и к делу мы готовимся. Не мы одни, вся Россия с нами готовится. Вопрос состоит в том: подаст ли нам Польша руку на дело?

«Чтоб действовать сильно против общих врагов, надо действовать вместе. А для того чтоб действовать дружно, надо сговориться».

Мысль о солидарности польских и русских революционеров Бакунин выразил и в проекте предисловия к предположенной «Колоколом» к изданию особой брошюре, в которую должны были войти документы, свидетельствующие о согласии обеих сторон по основным вопросам (акты польского Народного Комитета, заявления «Колокола» и русских офицеров в Польше и т. д.). Приветствуя устранение недоразумений, разделявших до тех пор поборников русского народного дела и поборников освобождения Польши, Бакунин говорит: «Отныне, широко доверяя друг другу, будем действовать вместе, успешнее и сильнее. Поляки и русские, где бы и в каких бы обстоятельствах мы ни встретились, в борьбе или в изгнании, в силе или в беде, подадим друг другу руки на братскую помощь, на святое общее дело. Будем вместе стремиться к низвержению постыдно-тяжкого петербургского ярма, равно гнетущего и русские и польские земли. А когда возвратим этим землям свободу, пусть они сами определят и границы, и союзы свои, равно как и формы своего будущего обновленного существования, на основании законного и несомненного права, на основании свободной воли народов.

«Мы же в заключение выскажем свое убеждение, что пока Польша в цепях, Россия, обреченная на роль палача, не увидит и тени свободы» (курсив Бакунина).

Но, помимо вопроса о политической солидарности, для русских революционеров поддержка польского протеста была еще вопросом чести. Даже после того как Герцен и Бакунин убедились, что они и поляки идут в сущности разными дорогами, для них ни на минуту не могло встать вопроса о выступлении против поляков, т.-е. в тогдашних условиях о косвенной поддержке палаческого царизма против его жертв. Выше мы видели, что Бакунин определенно ставил вопрос о помощи польским борцам как вопрос чести для русских революционеров. Так же смотрели на дело и Герцен, и Огарев, и другие русские революционеры [1]. И этот момент нельзя упускать из виду при оценке той позиции, какую русские революционеры того времени заняли по отношению к польскому движению начала шестидесятых годов.

2. Недоразумения и разногласия.

Мы видим, что, предлагая свою помощь и союз польским революционерам, русские революционеры исходили из мысли о полной взаимной солидарности и о возможности выработать общую платформу. В основу последней русские клали, во-первых, право всех народов на самоопределение и, во-вторых, более определенное подчеркивание социальной стороны движения, в частности — радикальную аграрную реформу в интересах крестьянства. Но руководящие деятели польской революции, носившей по существу буржуазный характер, интересовались преимущественно национальной стороной движения, стремясь вдобавок к восстановлению Польши в исторических пределах, т.-е. в границах 1772 года, и игнорируя стремления народных масс в таких провинциях,

---

[1] М. Погодин, известный московский реакционер, встречавшийся с Герценом в 1865 году в Женеве, приводит по этому поводу слова Герцена, изложенные Погодиным, правда, по хамски, но в общем несомненно верно. «Поджоги — оборони боже! — говорил ему Герцен. — Польское восстание — я в ноги кланялся приезжавшим ко мне депутатам, умоляя их во имя всего святого, чтоб они воспрепятствовали восстанию (как увидим, по существу это верно. — *Ю. С.*). После я не мог не принять участия в их деле, видя их самоотвержение, слыша об их подвигах, усилиях, несчастиях (курсив мой). Я всегда за побежденных, за угнетенных» (Соч. Герцена, т. XVIII, стр. 226). А Бакунин в письме из Стокгольма от 1 августа 1863 года, уже после разочарования в польской дружбе, писал: «И все-таки мы не можем остаться в стороне от польского движения, ни рас-

как Литва с Белоруссией, Украина и пр. В социальной области им приходилось лавировать, с одной стороны, идя на уступки крестьянству, при отрицательном отношении которого восстание было заранее обречено на неудачу, а с другой — считаясь с настроениями дворянства, дававшего — особенно в лице мелкой шляхты — восстанию его главную боевую силу (на-ряду с ремесленным мещанством). Это показывало, что будущие союзники, польские и русские революционеры, были настроены не по одному ключу, и что рано или поздно недоразумения между ними неизбежно должны были возникнуть.

«Недоразумения остались, — говорит Герцен. — Частно, лично мы могли любить того-другого из поляков, быть с ними близкими; но вообще одинакового понимания между нами было мало, и оттого отношения наши были натянуты, добросовестно неоткровенны: мы делали другу другу уступки, т.-е. ослабляли сами себя, уменьшали друг в друге чуть ли не лучшие силы. Договориться до одинакового понимания было невозможно. Мы шли с разных точек — и пути наши только пересекались в общей ненависти к петербургскому самовластью. Идеал поляков был за ними: они шли к своему прошедшему, насильственно срезанному, и только оттуда могли продолжать свой путь. У них была бездна мощей, а у нас — пустые колыбели. Во всех их действиях и во всей поэзии столько же отчаяния, сколько яркой веры. Они ищут воскресения мертвых, мы хотим поскорее схоронить своих. Формы нашего мышления, упования не те; весь гений наш, весь склад не имеет ничего сходного. Наше соединение с ними казалось им то mésalliance'ом (т.-е. неравным браком), то рассудочным браком. С нашей стороны было больше искренности, но не больше глубины: мы сознавали свою косвенную вину, мы любили их отвагу и уважали их несокрушимый протест. Что они могли в нас любить? что уважать? Они переламывали себя, сближаясь с нами; они делали для нескольких русских почетное исключение.

каиваться в направлении, которое мы приняли. Молчать и ничего не делать во время такой катастрофы — значило бы убить себя и нравственно, и политически. Принужденные же выбирать между гнусным палачом и благородною жертвою, мы должны были принять сторону жертвы, не обращая внимания на то, благородна она или нет (курсив мой). К тому же порабощение Польши — наше несчастие. Подвиги русских войск в Польше — наше бесчестье. Торжество Петербурга в Польше было бы гибелью для России. Поэтому-то мы делали по святому долгу и будем продолжать так же действовать, не обращая внимания ни на петербургско-московские, ни на варшавские крики» (Переписка, стр. 124).

«В острожной темноте николаевского царствования, сидя наза-перти тюремными товарищами, мы больше сочувствовали друг другу, чем знали. Но когда окно немного приотворилось, мы догадались, что нас привели по разным дорогам, и что мы разойдемся по разным. После Крымской кампании мы радостно вздохнули, а их наша радость оскорбляла: новый воздух в России им напомнил их утраты, а не надежды. У нас новое время началось с заносчивых требований, мы рвались вперед, готовые все ломать; у них — с панихид и упокойных молитв.

«Но правительство второй раз нас спаяло с ними. Перед выстрелами по попам и детям, по распятиям и дамам, перед выстрелами по гимнам и молитвам замолкли все вопросы, стерлись все разницы... Со слезами и плачем написал я тогда ряд статей, глубоко тронувших поляков» [1].

Но даже многим из «красных» поляков не нравились условия, которые выставлялись русскими революционерами для заключения между ними союза. И если они с неохотой встречали даже такие русские требования, как признание права всех наций на самоопределение (т.-е. условное отрицание границ 1772 года) и радикальная аграрная реформа, требования, общие Герцену и Бакунину, то к мечтаниям Бакунина о «хлопской Польше» и «вольной славянской федерации» они относились с нескрываемой враждой [2].

Против взглядов Бакунина на польский вопрос с одинаковой силой протестовали и «белые» поляки вроде редактора журнала «Prze-

---

[1] Герцен — «Мих. Бакунин и Польское Дело». Соч., т. XIV, стр. 434—435.

[2] Об этом же свидетельствует и Кельсиев: «Взгляд Герцена на польский вопрос... возбудил сильное негодование в польской печати... Так же враждебно относились они (поляки)... к Бакунину за его «хлопскую Польшу»... Мы были совершенно чужды друг другу» («Исповедь», цит. м., стр. 248). Герцен все время чувствовал себя чужим для поляков. В письме к Огареву от 1 мая 1863 г. он говорил: «Смерть Потебни (русский офицер, перешедший на польскую сторону. — *Ю. С.)* хороша в очистку русского имени, а сближения нет через нее, да и через Бакунина нет. Вникни в его последнее письмо и даже французское, ты убедишься в этом. Мои статьи о Польше, даже «Плач», который в Италии и Швейцарии произвел фурор, совершенно ставят польский вопрос чужим (как и ты его поставил в статье о Потебне)». Герцен имеет здесь ввиду обращение Бакунина к польскому национальному правительству от 2 февраля 1863 г. и письмо Бакунина к Герцену и Огареву от 9 апреля 1863 г., в котором он жаловался на недоверчивое отношение к русским со стороны руководителей экспедиции Лапинского (см. ниже).

gląd Rzeczy Polskich» [1] или «Литвина» [2], и «красные» вроде Мерославского и даже многих руководителей восстания 1863 года.

Бакунин соблазнял поляков «хлопской революцией», уверяя их, что только она способна вызвать ответное движение крестьян в России и таким образом спасти дело Польши. «Будет ли Польша в силах, — писал он в обращении к «Центральному правительству польского восстания» 2 февраля 1863 года, — со всем ее героизмом, вызывающим в данный момент восхищение всего мира, противостоять соединенному вторжению русских и прусских войск, если не поднимутся ваши крестьянские массы на всем пространстве польской территории, и если польская революция, как политическая, так и социальная, приняв страшный характер «хлопского руха» и следуя своему естественному течению, не докатит своих волн до Литвы, Украины и вплоть до русской империи?»

Но такая перспектива, приводившая в восторг Бакунина, весьма мало соблазняла руководителей польского восстания, которые, с одной

---

[1] Возражая на появившуюся в № 108 «Колокола» от 1 октября 1862 г. статью Огарева, «Przegląd» выражает недовольство тем, что автор статьи говорил только о Польше Конгрессовой (т.-е. об установленном Венским конгрессом Царстве Польском) и не касался других польских земель. «Такое ограничение наших пределов мы не можем оставить неотмеченным. Это противоречит (?) тому, что еще недавно говорил тот же «Колокол». Огарев совершенно забыл о страдающей Польше: разве мы можем ждать, пока вся Россия покроется сетью тайных обществ? Нет, господа, перед сегодняшней вашей Россией мы стоим как враги. Покажите нам Россию Пестелей и Муравьевых (декабристов), покажите, что вы имеете для борьбы с вашим самодержавием, и мы тогда поможем вам все (?) разрушить. Но сегодня нас ничто не связывает: мы связаны в своей национальности, вы — в своем человеческом достоинстве. Мы никогда не выступим как звено федеративной цепи, а выступим как Польша 1772 года, и это — наш ультиматум, от которого ни один поляк не должен отказываться».

[2] В № 1 журнала «Свободное Слово», выходившего с 1863 года в Брюсселе под ред. Л. Блюммера (кандидат прав моск. унив., скоро «раскаялся», в 1865 г. вернулся в Россию, был сослан в Сибирь, но в 1870 г. по ходатайству Победоносцева окончательно помилован), появилось письмо некоего Литвина, выражавшего мнение польской аристократии, к Бакунину. В этом письме Литвин высказывается против восхваляемого Бакуниным общинного владения землей, ратует за личное землевладение и выступает против бакунинского права наций на самоопределение, в частности для Литвы и Украины: «на Польшу в том составе, в каком она была до раздела с Литвою, Волынью, Подолиею и Украиной до Днепра, имеем полное право и на обладание ею питаем в душе и надежду, и веру». Этой точки зрения до сих пор придерживается польская буржуазия вплоть до Пилсудского, как она показала это в 1920 году.

стороны, были связаны с помещичьими группами, а с другой — надеялись на вмешательство европейских правительств в их пользу. А ясно, что превращение польского восстания в крестьянскую социальную революцию вряд ли способно было повысить шансы на интервенцию буржуазных европейских правительств. Бакунин предлагал полякам начать у себя хлопскую революцию, чтобы ее примером увлечь русских крестьян, а они боялись даже крестьянской революции в России из опасения, что, начавшись там, она может увлечь за собою и польских хлопов. Люди явно говорили на разных языках.

В цитированном выше стокгольмском письме от 9 июля 1863 года к представителю общества «Земля и Воля» в Швейцарии Бакунин, изложив свои планы, обусловившие его поездку в Швецию, продолжает: «Но для осуществления этого необходимы были широкие симпатии, ясное понимание и вера со стороны поляков. Я думаю, что принадлежу к небольшому числу русских, которым поляки почти безусловно (?) доверяют, и, несмотря на это, я даже среди лучших из них не нашел той веры, которая необходима для успешного начатия дела. Поляки в общем за весьма редкими исключениями, неисправимые шляхтичи со всеми блестящими достоинствами и вкоренившимися недостатками этого, славу богу, у нас несуществующего сословия. Для них крестьянин только средство, для нас же он средство и цель, а дворянство и весь образованный класс, поскольку он нам доступен, только средство. Поэтому они остановились перед социальным вопросом, которого мы страстно желаем, как единственно возможного и благодетельного. Так, когда курляндские латыши прислали к ним своих делегатов с просьбою стать во главе их против немецких баронов, Виленский Комитет с ужасом отказался от этого, а Демонтович, здешний комиссар Польского национального правительства, называющего себя ультра-красным (?), сказал мне еще на-днях: «Наше движение вызвано интеллигенцией; ваше крестьянское движение будет означать победу варварства. Оно для нас несравненно опаснее, чем даже победа императорства, так как оно может увлечь и наших крестьян; так что, если бы мне пришлось выбирать между царем и русской революцией, я предпочел бы первого»... И при этом они мало верят в восстание и ждут спасения от дипломатии» [1].

---

[1] Приблизительно так же Бакунин излагает разговор с Демонтовичем в письме к Герцену и Огареву от 1 августа 1863 г.: «Да, с поляками нам трудно. Мало, слишком мало таких, с которыми мы бы могли жить душа в душу. Знаете ли, что Демонтович мне напоследок сказал? Что он не только не желает, но боится, как страшного зла, русской революции и что, если бы ему пришлось выбирать между новою победою императорства и между спа-

При таком отношении к русским революционерам, которые, рискуя своим политическим влиянием и даже головою, с открытой душой предлагали полякам свою помощь, но вместе с тем являлись носителями несимпатичных для руководителей польского движения социальных начал, неудивительно, что польский Центральный Комитет неоднократно отклонял предложения Бакунина лично явиться в Польшу для оказания восстанию активной поддержки на месте. В цитированном выше обращении к этому Комитету от 2 февраля 1863 года Бакунин, указав на ту пользу, которую могли бы принести делу польского восстания диверсия в России и организация русского легиона в Польше (цели, которые он тогда себе ставил), продолжает: «Задача эта трудна, и она станет неосуществимой, если вы не проникнетесь в такой же степени, как и мы, неизбежною необходимостью этого примирения (польского народа с русскими солдатами. — *Ю. С.*), и если вы широко и от всего сердца не придете нам на помощь. Вы поставили нас, моих друзей и меня, в весьма щекотливое и тяжелое положение. После обмена столькими сочувственными заявлениями, после всех принятых, заключенных и подтвержденных соглашений [1], мы сейчас даже не уверены в том, хотите ли вы нашего участия. За последние три месяца я посылал вам письмо за письмом, прося вас сказать мне, должен ли я ехать в Польшу. Я не получил в ответ ни слова, а через моих друзей Брауна [2] и Жебровского [3] вы велели мне передать, что я должен оставаться в Лондоне, и что мне нечего делать среди вас (!!). Точно так же вы поступили с Жебровским, который, однако, дал вам бесспорное доказательство своей безграничной преданности: вы его, так сказать, изгнали из Польши. Русская пословица гласит: «Насильно мил не будешь», и если ваше отношение к нам не изменилось, то вы хорошо сделаете, высказав нам это, как вы

сением Польши через русскую революцию, то он бы хотел скорее временной императорской победы, потому что от императорства будет еще возможно рано или поздно освободиться, в то время как революция социальная русская, вызвав наружу польское варварство, окончательно затопит польскую цивилизацию. Итак, друзья, вы были правы в этом вопросе, я неправ: да, самый лучший поляк нам, как русским, враг» (дальше идет цитированное выше место, в котором Бакунин доказывает, что, несмотря ни на что, русские революционеры обязаны поддерживать польскую борьбу за свободу). Мы видим, что у современных Пилсудских были свои предшественники.

[1] Речь идет о соглашении лондонских эмигрантов с делегатами Варшавского Центрального Комитета, подтвержденном в Петербурге обществом «Земля и Воля» (см. ниже).

[2] Повидимому, псевдоним А. Слепцова.

[3] Польский эмигрант, проживавший в Лондоне.

уже это сделали, ибо без вашего сочувствия и доверия мы будем в Польше бессильны и не сумеем там ничего сделать...

«В этот торжественный час, в который решается судьба наших двух народов, я заклинаю вас ответить мне категорически и откровенно: доверяете ли вы нам? хотите ли вы моего приезда в Польшу? желаете ли вы сформирования русского легиона? можете ли вы и желаете ли вы принять все условия, без которых существование его окажется невозможным? Вот что я прошу вас сказать мне с прямотою, приличествующею людям, которые сражаются за свободу. Во всяком случае надеюсь, что вы, по крайней мере, не оставите меня без ответа. От этого ответа будет зависеть мое поведение, и я расчитываю, господа, что он будет благоприятен. Я надеюсь на это в ваших и в наших интересах, ибо, что там ни говори, наше дело неотделимо от вашего; но так ли это или нет, мы все здесь горячо желаем вам полной и непременной победы».

Итак, Бакунину приходилось вымаливать себе у Ржонда Народового право сложить свою голову за п о л ь с к о е дело! И его просьбы об этом систематически оставлялись без ответа или наталкивались на ответы отрицательные...

Неудивительно, что и его безграничный энтузиазм в конце концов охладел, и что, убедившись в систематическом недоверии и, употребляя современный термин, саботаже руководителей польского восстания, даже неугомонный и неунывающий Бакунин начал призадумываться насчет полезности и уместности активного участия в польском движении. В письме к обществу «Земля и Воля» от 17/29 августа 1863 года из Стокгольма он уже выражает скептическое отношение к этому вопросу, еще недавно решавшемуся им в положительном смысле. «Я, — говорит он, — неоднократно пытался попасть в Польшу. Мне не посчастливилось. А теперь расположение поляков к нам до такой степени изменилось [1], что, не переставая желать им успеха, мы, русские, должны, кажется, воздержаться от прямого участия в их деле, к тому же слишком запутавшемся в последнее время с западно-европейскими интересами, враждебными не только императорской системе, но и русскому народу».

А разочарованный Герцен в письме к Бакунину от 1 сентября 1863 года закончил весь инцидент неудавшегося сговора с польскими националистами следующими словами, показывающими, между прочим, что и он, подобно Прудону, поддался демагогической политике русского

[1] В этой перемене отношения отчасти сказалось недовольство разочарованных поляков тою незначительною помощью, которая фактически была оказана им русскими революционерами.

правительства в Польше: «Что польское дело было устроено плохо, с нашей стороны, что оно не наше дело, хотя и правое относительно, это доказано тем, что себя... ты доканал (?) им; и умоляю тебя, если что будешь печатать, будь мудр яко змий. Наш принцип—социальный. А с чьей стороны социальные начала? Со стороны Демонтовича или петербургских сатрапов, отдающих крестьянам помещичьи земли? [1]. «Да нам нельзя же итти с Муравьевым»! Без сомнения нельзя. Но можно иногда и эклипсироваться (отойти в сторону. — *Ю. С.*) и поработать в тиши; тут нет calamité publique (общественного бедствия. — *Ю. С.*). Надобно или делать дело, или спокойно ничего не делать».

Если Герцен дошел до таких печальных, можно сказать, скандальных заявлений, то значительная доля вины за это ложится на ошибки руководителей польского восстания, которые по отношению к русским революционерам проявляли неискренность и ничем неоправдываемое недоверие.

Впоследствии, уже став анархистом, Бакунин в начале 1870 года (в воззвании к русским офицерам) вернулся к вопросу о взаимных отношениях польских и русских революционеров. Напомнив, что уже во времена декабристов русские революционеры в социальном отношении были более крайними, чем польские, стремления которых носили исключительно национальный характер, Бакунин указывает, что к моменту создания в Польше русской военной организации, во главе которой стоял Потебня, эта «разница еще более расширилась и углубилась. Мы хотим разрушения Всероссийского государства; они стремятся всеми усилиями к восстановлению Польского государства. Мы хотим отдать всю землю народу или, вернее, хотим, чтоб народ взял всю землю в общее владение. Поляки, напротив, страстные поборники личной собственности, шляхетской собственности; и в то время как мы стремимся к совершенному уничтожению так называемой мещанской и государственной цивилизации, основанной именно на этой собственности, для того, чтоб очистить место для цивилизации общечеловеческой, основанной исключительно на труде, равно обязательном для всех, поляки, напротив, боготворят этот старый порядок, основанный на привилегиях и на эксплоатации чужого труда, и несмотря на то, что он видимо

---

[1] Герцен забыл, что эти сатрапы отдавали помещичьи земли (и то не так уже щедро) крестьянам в Польше, для того чтобы тем вернее закрепить землю за помещиками в России — против русских крестьян! Да и в Польше и Литве они не забывали и себя, отбирая земли помещиков-поляков в пользу русских генералов и чиновников.

умирает и уже заживо гниет в целой Европе, ждут от него своего будущего национального величия и счастья.

«При такой глубокой разнице возможно ли было искреннее, полное соединение двух организаций: русской и польской? Поляки естественным образом смотрели на русскую военную организацию в Царстве Польском лишь только как на средство для достижения своих исключительно польских целей и не только были равнодушны, но даже относились враждебно к целям русской революции».

Потебня и его товарищи, продолжает Бакунин, отлично это понимали и тем не менее решили оказать поддержку полякам в борьбе с общим врагом — царским самодержавием. Поэтому формально соглашение состоялось.

«Программа «Земли и Воли», выработанная в Лондоне, сделалась программой русской военной, офицерской и солдатской организации в Царстве Польском. Было положено, с согласия польского революционного Комитета, за посредничеством лондонских эмигрантов, пользовавшихся доверием и той, и другой стороны, что та часть русского войска, которую удастся увлечь на сторону общенародной свободы и правды, присоединится сначала к польскому восстанию, но что после первой победы — если будет победа — она воспользуется первым удобным случаем для того, чтобы выйти из польских пределов и чтобы под знаменем «Земли и Воли» итти подымать на русской земле мужицкий бунт за землю и за волю.

«Польский Комитет согласился на это условие, он не мог отвергнуть его, так оно было справедливо и с такой необходимостью оно вытекало из самой сущности отношений обеих сторон. Но он согласился на них неохотно и далеко не выполнил всех обещаний, данных им в нашем присутствии Потебне, как представителю русской военной организации. Польские революционеры в одно и то же время желали и не желали русской революции. Желали потому, что нетрудно было понять, что, если вся русская земля встанет одновременно с Польшей, для петербургского правительства не останется ни малейшей возможности не только что подавить польское восстание, но даже спасти свое собственное существование. Не желали же по двум причинам. Первую я назвал: это—неотвратимо-социалистический, мужицкий, противобарский характер русской революции. Вторая причина—это несчастный вопрос о границах.

«Для нас, русских революционеров, вопрос о границах не существует... Мы не признаем никаких и с т о р и ч е с к и х п р а в, ни своих, ни чужих, а признаем только насущную, действительную волю

народа. По-нашему, что захочет называться и быть Польшей, то будет Польшей, а что не захочет быть Польшей, не будет ею. Кажется, справедливо и ясно? Но поляки этого не понимали, да и теперь, за исключением разве только весьма немногих, не могут понять. Их идеал, предмет их самых горячих стремлений, это — восстановление древнего польского государства в границах 1772 года... Самые умные, последовательные и добросовестные между ними соглашались с нами, но только с глазу на глаз, в частном разговоре... Если можно упрекнуть поляков в неискренности, так это именно в этом вопросе. Они неискренни сами с собою и, обманывая иностранную публику, стараются также обмануть и себя...

«Напрасно мы им говорили, что это вольное заблуждение их погубит; что если они захотят сделать революцию государственную, а не народную, политическую, а не социально-экономическую; что если они не скажут своему народу: «бери всю землю, она твоя, и гони с нее всех дармоедов»; и не скажут областям, бывшим польскими поневоле, т.-е. Литве и Украине: «распоряжайтесь собой, как хотите, мы не имеем на вас никаких притязаний; мы зовем вас только на общую, народную волю; берите всю землю, как берет ее наш народ, и соединитесь с нами для того, чтоб общим усилием свалить равно нам ненавистное иго московского царя и московского государства»; что если они, напротив, заявят свои исторические или, что все равно, свои шляхетские требования на Литву и на Украину, революция их обратится против них и бросит украинский и литовский народ на сторону царя против шляхты.

«Мы были правы; но они нас не послушались, да послушаться не могли. Большинство их патриотов, особливо в Литве и в Украине, состояло из молодых шляхтичей. Это были герои, люди, полные самоотвержения, отдавшие делу освобождения своей родины все: и жизнь, и имущество, и все привязанности свои... Но все-таки они были шляхтичи; между ними и народом не только историческая ненависть последнего, но и их собственные исторические, государственные и сословные предрассудки образовали пропасть. Основатели и коноводы польской революционной организации также принадлежали к этому сословию; да и вся революционная молодежь, не исключая варшавских мещан и ремесленников, была проникнута тем же шляхетским политическим, государственным духом. Все требовали одинаково восстановления польского государства, монархии или республики, в границах 1772 года.

«Польский революционный Комитет утратил бы всякую власть, силу, если бы он стал поперек этого общего, стремительного направления умов. Он и то уж сделал очень много, а по мнению большинства

польских патриотов, слишком много, когда, вследствие переговоров с нами, печатно об'явил: «что так как забранный край, Литва и Украина, были оторваны от Польши посредством завоевания, то народная честь не позволяет польским патриотам отказаться теперь от этих областей, и что они обязаны поэтому в настоящее время требовать восстановления польской республики в древних границах, но что когда вся Польша, восстановленная в своей прежней целости, будет свободна, все области будут иметь право полнейшего самораспоряжения».

Бакунин правильно находит эту декларацию неудовлетворительной. По его словам, поляки являлись представителями дворянского мира, тогда как русские революционеры — представителями мира крестьянского. Поляки боялись русской крестьянской революции, которая могла перенестись и к ним. Царизм мог подавить их, политически победить, но он «никогда не будет в состоянии разрушить самих оснований исторической или шляхетской Польши, опирающейся прежде всего на личную, привилегированную собственность». Надежды польской шляхты, таким образом, остаются в силе. А со временем, пророчески говорит Бакунин, «представится новый удобный случай, война ли внешняя или бунт внутри империи, и новая [польская] молодежь, не перестающая между тем организоваться и собирать новые силы, воспользуется им и свергнет, наконец, проклятое московское иго, не отказавшись сама ни от одного из своих исторических притязаний».

«Польские патриоты, — прибавляет Бакунин, — все это хорошо понимали, а потому и отношения их к нам носили характер двойственности». Готовые использовать в своих национальных целях идеалистические порывы русской революционной молодежи, в том числе и военной, они не хотели помогать русской крестьянской революции. В результате погибло и польское, и русское дело.

3. Бакунин и Мерославский.

Особую, но весьма характерную главу в истории взаимоотношений русских и польских революционеров представляет развитие отношений и конфликта между Бакуниным и ген. Мерославским [1].

---

[1] Мерославский, Людовик (1814—1878) — известный польский революционер; участвовал в польском восстании 1831 г., затем был лектором

Бакунин познакомился лично с Мерославским летом 1862 года во время своей поездки в Париж. До того он имел представление об этом деятеле польской революции как по поведению его на познанском процессе в Пруссии, так и вообще по его делам в крае и за границей. В тот момент ген. Мерославский находился на вершине своей славы: его даже прочили в диктаторы польского восстания.

Мерославский, хотя и числился в «красных» и даже «крайних», внушая ужас «белым» аристократам, был в сущности типичным буржуазным демократом и притом величайшим националистом, безоговорочно стоявшим за границы 1772 года и слышать не хотевшим о праве народов на самоопределение, т.-е. не польского народа, а тех народов, на владычество над которыми польская шляхта претендовала на основании «исторического права». Можно поэтому представить себе, как он относился к лозунгам, выдвигаемым Герценом и особенно Бакуниным. Мысль о том, что Украина, Литва, Белоруссия и т. п. вправе самостоятельно решать, хотят ли они присоединиться к России или к Польше или же остаться независимыми, приводила его в негодование. Всех русских, стоявших на такой точке зрения, он готов был об'явить агентами царя, а поляков, искренно или на словах принимавших ее, изменниками польской отчизне, предателями и преступниками. В этом отношении Мерославский был только более откровенен, чем другие польские патриоты, даже из числа «красных». Он громко выбалтывал то, что другие думали в глубине души. И решительно нельзя понять, чем он в дан-

---

во французской политехнической школе; деятельный член «Дем. Общества», которое в 1845 г. поручило ему организовать новое восстание; взял на себя Познань, но в 1846 г. был там арестован (его поведением на суде, как мы знаем из I-го тома этой работы, Бакунин был недоволен; см. его письмо к Гервегу из Брюсселя; между тем Б. Лимановский в своей «Истории восстания польской нации» (Львов, 1909, стр. 147) находит эту речь «смелой, глубокой и проникнутой чувством патриотизма», что, по его словам, возбудило энтузиазм польской молодежи). Революция 1848 года раскрыла перед ним двери тюрьмы. Начал организовывать в Познани отряды на случай войны Пруссии с Россией, но эти отряды были разогнаны пруссаками. В 1849 году безуспешно руководил восстанием сицилийцев против неаполитанского короля; затем командовал революционной армией в Бадене. Участвовал в гарибальдийском движении; организовал артиллерийскую школу — сначала в Париже, затем в Пьемонте — для подготовки польских офицеров к будущему восстанию. Предназначался на пост диктатора, но, благодаря оппозиции «белых», видевших в нем крайне левого демократа, был заменен на этом посту Лангевичем. Потерпев неудачу на русской границе, Мерославский в феврале 1863 года бежал в Познанское княжество.

ном пункте отличался от «белых» — разве только еще большею национальною непримиримостью.

С такою же резкостью относился Мерославский к социальным стремлениям и фантазиям русских революционеров. «Хлопская Польша» ничего не говорила его уму и сердцу или, вернее, возбуждала в нем самые враждебные чувства. Она приводила ему на память самые черные дни польского дворянского государства, казачьи восстания, хмельничину, гайдамачину и т. п. И на все это он смотрел как на коварную игру царизма, направленную против жизненных интересов и против самого существования Польши. Впрочем, он ничего не имел против того, чтобы русские революционеры и единомышленные с ними поляки (или «полуполяки») пошли применять свои «дикие фантазии» в самой России, возбуждая там крестьянские бунты и помогая, таким образом, польскому делу диверсией в стане врага. Для самой же Польши он о таких «гайдамацких» приемах и слышать не хотел.

Эти именно взгляды и изложены были Мерославским в составленной им в 1861 году «Временной программе польского восстания»[1]. Здесь рекомендовалось внутри края, т.-е. в самой Польше, возможно дольше задерживать революционную пропаганду на степени чисто-экономических реформ. Что же касается «неисправимых демагогов», то в крайнем случае открыть им ворота за Днепр: пусть они там, т.-е. вне Польши, осуществляют казацкую гайдамачину против помещиков, чиновников и попов и пусть разожгут пожар, который уже начал охватывать центральную Россию. В *таком* применении радикализм окажется полезным и для польского, и для русского дела. В самой же Польше Мерославский готов был рассматривать радикальную агитацию как измену национальному делу (и в этом отношении он, надо полагать, не составлял исключения).

Нетрудно представить себе, как он должен был при таких взглядах отнестись лично к Бакунину, который в его глазах являлся олицетворением всех отрицательных начал, пагубных для польского дела. Тем не менее, понимая, что в интересах польской революции все же надлежит сделать попытку так или иначе договориться с русскими революционерами, он повел с Бакуниным дипломатические переговоры. Этому способствовало также и то обстоятельство, что Бакунин, сам увлекаясь мнимой силой русских революционных организаций, в том числе офицерских, сумел представить Мерославскому в преувеличенном виде ту

[1] Эта замечательная программа стала известна только в 1863 году, когда она была (в «вольном» переводе) опубликована Катковым в «Московских Ведомостях».

помощь, которую русские революционеры в состоянии будут оказать полякам. Вместе с тем Мерославский, стремясь забрать руководство всем польским движением в свои руки, не решился сразу оттолкнуть от себя Бакунина и его друзей, прекрасно понимая, что свет не сошелся на нем клином, и что в случае надобности русские найдут другие пути к польским революционерам (как скоро и случилось).

Вот как сам Мерославский рассказывает о своих сношениях и переговорах с Бакуниным в своих недавно появившихся записках [1]:

«В то время, в наказание польскому сентиментализму, появился в эмиграции московский радикал Михаил Бакунин, которому заключение в Шлиссельбурге и ссылка в Сибирь придали в глазах поляков очарование и неприкосновенность мученика и безответственность пророка. Наша подозрительность сумела в течение десятка лет уберечься от мудрости Герцена и добродушия Огарева, но в чем могло наше патриотическое легковерие отказать столь сильно пострадавшему Герострату, у которого от ладожской сырости вытекла половина содержимого бешеного черепа? И вот Бакунин, заклятый и патентованный враг польской независимости (!), стал клясться перед поляками своими шлиссельбургскими и сибирскими страданиями в том, что если только они откажутся от своих устарелых притязаний на провинции, руссифицированные Екатериною при первом и втором разделе (Польши), то он, Бакунин, полномочный представитель могучего российского тайного заговорщического общества, в состоянии будет сразу усилить наше восстание на Висле 70 тысячами русского войска, отдать в наши руки Модлин и т. д. Казалось, он только озабочен был мыслью о том, какое употребление сделать из этих 70 тысяч царских воинов. Так, он обещал сформировать из них (?) р у с с к и й л е г и о н для взаимного революционизирования Руси [2], а затем и России... Мы не ставим вопроса о том, какую часть этой утопии можно было отнести на долю больного воображения московского Герострата, а какую на долю коварства прирожденного завистника польской мощи (!)».

Выразив сожаление по поводу того, что Бакунин «встретил столько единодушного доверия среди поляков в с е х н а п р а в л е н и й», Мерославский дальше рассказывает, что, не желая упускать в интересах Польши ни одного шанса и уступая давлению друзей, он согласился встретиться с Бакуниным. «Мерославский, хотя и предупрежденный подробно своим варшавским комитетом относительно полной лживо-

---

[1] Pamiętnik Mierosławskiego (1861—1863). Wydał D-r Józef Freilich. Instytut wydawniczy «Biblioteka Polska». Warszawa. 1924, стр. 69 и сл.

[2] Т.-е. правобережной Украины.

сти этих посулов, принужден был войти в терпеливые переговоры с всесильным подателем столь неожиданной помощи».

«Это происходило во второй половине августа [1]... В нашем распоряжении была персональная и материальная статистика всех каналов национального союза, но во всем этом еще не было даже намека на упомянутый российский заговор, которым «Колокол» дурачил (?) доверчивых поляков. Незадолго до того образовавшееся звено союза в Варшаве показало, что столь прославленный союз между поляками и русскими пока что свелся к братству 12 молодых российских офицеров, из коих было 9 поляков, вдобавок не могших ничего дать общему делу кроме личного патриотизма. Одна из этих российских жертв ушла от расстрела и явилась как раз для подтверждения этой обескураживающей истины, что̀ однако нисколько не помешало Бакунину послать ее в Париж в качестве представителя своей фантастической коалиции [2].

«В беседе с Мерославским, один раз с глазу на глаз, а другой раз в присутствии Н. и Б., Бакунин не мог удержаться на такой наглой позиции, и я убежден, что, несмотря на idée fixe, действительно владевшую этим поврежденным мозгом, этот несчастный мозг постепенно выздоровел бы при постоянном соприкосновении с нашим трезвым патриотизмом. Я сужу об этом по тем уступкам, которые он, повидимому, добросовестно, сначала сделал ввиду представлений Мерославского. И вот, как бы в ответ на молчаливое терпение, с которым Мерославский выслушивал его щедрые обещания насчет участия России в нашем восстании, а особенно в ответ на разрешение (!) называться ему в частности русским, а не москалем [3], Бакунин вернулся в Лондон с торжественным обязательством безотлагательно опубликовать манифест, повелевающий (!!) войскам, угнетающим Польшу, отступить до Смоленска и за Днепр на следующий же день после нашего выступления. При повальном тогда сумасшедшем увлечении польской интеллигенции непогрешимостью лондонских брошюр и готовности мириться даже с

---

[1] Как раз в середине августа, как видно из ниже приводимого письма Бакунина к Мерославскому.

[2] Надо полагать, что речь идет об офицере Фенине, судя по имеющемуся в нашем распоряжении письму Бакунина к Мерославскому от 16 августа 1862 г.: «Генерал! Вчера я забыл у Вас две книжки, которые Вы любезно мне подарили. Будьте добры передать их г. Фенину, которого я спешу рекомендовать Вам, так как это один из эмигрировавших русских офицеров, о которых я вчера Вам говорил».

[3] Такое милостивое «разрешение» Мерославский, видимо, считает неслыханной привилегией, пожалованной в виде исключения Бакунину за его добродетели.

явными психопатами, такая уступка приобретала нешуточное значение, а в случае своего выполнения лишила бы Мерославского всяких аргументов в пользу борьбы с этим опасным безумием. Сколько-нибудь определенное признание границ 1772 года редакторами «Колокола» полагало конец нашей русинской схизме и подчиняло московский радикализм нашей революционной инициативе. Вот почему друзья Мерославского заклинали его не отклонять Бакунина от такого акта пренебрежительным отношением и вообще не дразнить невинных гасконад излишним критицизмом. Но полное доверия письмо, с помощью которого Мерославский рассчитывал добиться от Бакунина выполнения принятого до того решения, вызвало только памятную брошюру «Народное Дело», содержанием которой было не отступление от Москвы до Смоленска и за Днепр, а, напротив, отступление польской национальности за Буг и Неман. Известен ответ Мерославского на это вероломное нахальство, но что мне известно, так это то влияние, которое эта строгость Мерославского имела на судьбу всего союза и на развитие его во время самого восстания».

Итак, Мерославский пытается представить конфликт между ним и Бакуниным как результат столкновения польского патриотизма, настаивавшего на безусловном признании границ 1772 года, с московско-панславистской интригой, олицетворявшейся в Бакунине и издателях «Колокола», которые из врожденной вражды к польскому могуществу хотели произвести «четвертый раздел» Польши. Несомненно, что и этот момент играл немаловажную роль в конфликте. Мерославский в своем изыскивании корней и нитей «панславистской интриги» доходил до того, что и членов Центрального Комитета в Варшаве готов был считать агентами панславизма [1]. Так, Гиллера (о нем ниже) Мерославский прямо называет «панславистом, сговорившимся с Бакуниным на предмет раздела польской нации» [2]. В измене национальным интересам он обвиняет и весь Центральный Комитет. «Плачевная депутация Центрального Комитета к Бакунину [3] в сентябре 1862 года, которая своим недоброй памяти адресом отдала Русь и Литву (!) в лен редакторам «Колокола» взамен гуманитарных слезниц этой газеты, это паломничество Падлевского, Гиллера и Миловича в лондонскую Мекку

---

[1] Возможно, что это у него было просто полемическим приемом, который он из чувства оскорбленного самолюбия не постеснялся пустить в ход против людей, получивших в свои руки революционную власть, чего ему самому при всем его желании не удалось добиться.

[2] Цит. соч., стр. 159.

[3] Не к одному Бакунину, как увидим ниже.

панславизма знаменует геджру бесконечной внутренней войны между выдержанным и определенным революционизмом, желающим единой и неразделной демократической Польши, и всяческими отрицательными революционизмами, не знающими, чего они хотят [1].

Националистическая подозрительность Мерославского настолько обострена, что и в брошюре «Народное Дело» он усматривает проявление московско-панславистских задних мыслей, направленных к «новому разделу» Польши. Между тем, как известно, брошюра «Народное Дело» посвящена вопросам чисто-русской внутренней политики и касается Польши между прочим и то в одной лишь безобидной фразе. Несомненно Мерославский имел в виду следующее место в брошюре Бакунина: «Воля героической Польше! воля Белоруссии, Литве, Украине! Пусть будет Польшею все, что хочет быть Польшею. Воля Финляндии! воля чухонцам и латышам в Остзейских провинциях! А немцам пора в Германию». Это все! И нужно было действительно отличаться болезненной подозрительностью, чтобы в простом факте перечисления Белоруссии, Литвы, Украины наряду с Польшею, а не в ее пределах, усмотреть какое-то преступление, вероломство, «нахальство» и т. п. И это несмотря на то, что Бакунин тут же прибавляет: «пусть будет Польшею все, что хочет быть Польшею»!

В этом словечке «хочет» и заключается все преступление Бакунина. По мнению Мерославского (и был ли он одинок в этом отношении?) не сами народы должны были захотеть войти или не войти в состав Польши или иного государства или остаться вовсе самостоятельными, а решить за них этот вопрос должен был кто-то другой, например, польская шляхта или он сам, генерал in partibus. Как будто Мерославский, входя в переговоры с Бакуниным, не знал, что тот стоит на точке зрения самоопределения национальностей, каковую точку зрения он за шесть месяцев до того совершенно ясно и недвусмысленно изложил в брошюре «Русским, польским и всем славянским друзьям»! Но

---

[1] Цит. соч., стр. 78. Чтобы дать понятие о стиле генерала, приведем характерную его фразу: «Гнуснейшие мошенники, как Бонольди, Демонтович, Цверцякевич, Лапинский, Полес — всё креатуры Бакунина». Так он отзывается о крупных деятелях (кроме Полеса) восстания. Что ни один из них не был «креатурой» Бакунина, знает всякий, имеющий понятие об истории польской революции. Включение в этот перечень шпиона Полеса (о нем ниже) — тоже характерный образчик полемических приемов сердитого мемуариста.

об этой брошюре, специально посвященной национальному вопросу, Мерославский предусмотрительно не упоминает, а в доказательство бакунинского коварства ссылается на «Народное Дело», трактующее о совершенно другом вопросе.

Мерославский хотел замазать истинный повод к своему конфликту с Бакуниным, потому что этот повод говорил не к его чести. Но мы имеем рассказ другой стороны, подтверждаемый документами и в том числе письмом самого Мерославского. Этот рассказ дал нам Бакунин.

Любопытно, что Бакунин, рассказывая о своем конфликте с Мерославским, не останавливается на разногласиях с ним по национальному вопросу. Минусом в том освещении, которое Бакунин дает спору между ним и Мерославским, является сведение конфликта к чисто личным недостаткам незадачливого претендента в диктаторы, к его безмерному честолюбию, болезненному тщеславию, сварливости, резкости и пр. [1]. Правда, эти черты были действительно присущи Мерославскому, но не ими одними можно об'яснить разрыв между генералом и русскими революционерами, в частности — Бакуниным [2].

---

[1] Б. Лимановский («Historya powstania narodu polskiego 1863 i 1864», Lwów, 1909, стр. 147 и след.) также отмечает эти недостатки ген. Мерославского, которые в конце концов заставили, по его словам, сильно поредеть ряды его сторонников. Лимановский указывает на то, что Мерославский был поклонником Национального Конвента, ярым централистом и врагом федерализма, а это приводило его к конфликту с Варшавским Центральным Комитетом. Он напоминает о таком дезорганизаторском шаге генерала, как попытка создать в Польше, на-ряду с существовавшим в Варшаве Комитетом, в который входили и некоторые его сторонники, свой собственный Революционный Комитет, составленный исключительно из его партизанов. «Притом, — продолжает Лимановский, — Мерославский, хотя и много говорил о революции, но в последнее время больше всего расчитывал на Францию, а особенно на принца Жерома Бонапарта, с которым находился в близких и приятельских отношениях, а потому неблагосклонно смотрел на общие действия с европейскими, особенно же с русскими революционерами. Напротив, Национальный Комитет больше рассчитывал на всеобщую революцию и, прежде всего, на социальную революцию в самой России и на поддержку со стороны военного заговора (т.-е. в русских войсках. — *Ю. С.*), а потому вошел в близкие и тесные сношения с представителями революционных течений в России».

[2] Кельсиев сообщает о своем свидании с Мерославским в Париже следующее: «Какой-то крайний социалист затащил меня к Мерославскому, у которого я просидел с час и вышел от которого пораженный его ничтожеством. Вот что отвечал Мерославский моему приятелю на предложение пропагандировать в Польше не историческое право, а коммунизм, — в этих

В письме к главному редактору «Европейского Курьера», вышедшем затем отдельной брошюрой на русском, французском и польском языках под заглавием «Варшавский Центральный Комитет и Русский Военный Комитет» в начале января 1863 года, Бакунин резко выступил против Мерославского, который, будучи недоволен соглашением между Варшавским Комитетом и лондонцами, позволил себе печатно утверждать, будто «Колокол» по соглашению с русским правительством выдумал этот польский Комитет в интересах царизма и панславизма. Историю своих отношений к ген. Мерославскому Бакунин излагает в этой брошюре следующим образом [1].

Во время коротких свиданий в Париже Мерославский усердно уговаривал Бакунина заключить союз от имени революционной России только с ним одним, отказавшись при этом от всяких сношений с другими поляками не только в эмиграции, но и в самой Польше. При этом он уверял Бакунина, что кроме него и его друзей среди поляков нет серьезных людей. На его предложение Бакунин отвечал, что русскому неудобно указывать Польше человека, которого надлежит облечь полным доверием и признать единственным посредником между нею и революционной партией в России. На это Мерославский

словах Мерославский рисуется весь, со всем его пошлым тщеславием и вопиющим самолюбием. Недаром поляки говорят про него, что давай ему даром Польшу, он ее взять не захочет: для него Польша — средство показать свои военные дарования. Итак, этот великий военный писатель, вечно разбиваемый в деле, отвечал следующее: «Э, что вы говорите? Разве я не разделяю взглядов коммунистов? Разве я не хочу сделать Польшу коммунистической общиной? Только пропагандой ничего сделать нельзя, пропаганда — вздор. Вот другое дело, когда я на коне, около стремени моего все эти князья, графы, магнаты, а сзади меня пушки и штыки, — тогда я вам мигом, в один день сделаю экономический переворот. А пропагандой ничего сделать нельзя, с ней трата времени — как прикажете вдалбливать в голову всем этим аристократам новые принципы? А будь я на коне, и вейся они около моего стремени — дело другое. Пушки убеждают удивительно — они проповедуют красноречивей всяких Демосфенов, и когда они стоят за вами, эти магнаты около стремени...». Я не утрирую. Мне врезалась в память эта лелеемая им мысль быть на коне и видеть у своего стремени магнатов. И это — предводитель!» («Исповедь», ц. м., стр. 253).

Мерославский не был уж так глуп: его мечтания о введении «коммунизма» (!) с высоты белого коня означали просто-напросто нежелание предоставить право действительной пропаганды социалистических идей «неизлечимым демагогам».

[1] Мы пользуемся французским изданием, вышедшим в Лондоне, так как русского текста нам раздобыть не удалось.

высказал предположение, что Варшавский Комитет [1] несомненно не замедлит прислать ему все необходимые полномочия.

Вернувшись в конце августа 1862 г. в Лондон [2], Бакунин получил от Мерославского письмо, в котором между прочим сообщалось следующее: «Сюда (т.-е. в Париж) дошли слухи о полной и коренной реорганизации, постановленной на с'езде пяти провинций республики: Галиции, Познани, Варшавы, Литвы и Украины. Учреждается Верховный Комитет с разветвлениями сверху вниз и от центра к периферии, известный за границей только мне одному, его единственному представителю и ответственному уполномоченному. Поэтому, если вы желаете продолжать союз с нашей революционной заговорщической организацией, надо, чтобы вы прекратили все другие польские связи и поддерживали сношения исключительно со мною, точно так же как и я, с своей стороны, обязуюсь входить в серьезное дружественное общение и заключить обязательные соглашения с вашим триумвиратом [3]) или, если последний найдет это более удобным, с кем-либо одним из вас троих, уполномоченным двумя остальными». Далее он указывает Бакунину на неудобство его сношений с другими поляками: «Ваше общение со всевозможным людом во время вашего последнего пребывания здесь породило целую кучу сплетен, использованных самым прискорбным образом нашими Геростратами».

Но, к несчастью для ген. Мерославского, лондонцы одновременно с его письмом получили другое — от тайного русского военного комитета в Польше, который сообщал, что им заключен тесный союз с варшавским Центральным Комитетом, при чем последний, как мы увидим дальше, в отличие от Мерославского пошел на признание за всеми народами права на самоопределение. При таких условиях претензия Мерославского на исключительное представительство революционной Польши перед русскими революционерами лишалась всякого основания и смысла. Последние предпочли заключить союз с действующей в самом крае организацией, тем более, что

---

[1] «Существование которого он вскоре после того начал отрицать», — прибавляет Бакунин. Но тут произошла явная двусмысленность: Мерославский имел, конечно, в виду не действительный Центральный Комитет, а тот революционный комитет, который, на-ряду с первым, пытались создать в Варшаве его сторонники. Но затея эта не удалась.

[2] В письме к Мерославскому из Лондона от 25 августа Бакунин рекомендует ему Бакста, как человека вполне верного и «горячего участника во всех наших предприятиях», прося генерала оказывать ему полное доверие.

[3] Герцен, Огарев, Бакунин.

последняя по одному из основных вопросов, а именно национальному, стала на приемлемую для них позицию. В деликатной форме предложение Мерославского было русскими отклонено.

«Требуя от нас, — писал ему Бакунин 2 октября 1862 г. [1], — чтобы мы отныне не имели никаких других польских связей кроме тех, которые Вам угодно было предложить нам, Вы ставите нас в крайне затруднительное положение. С одной стороны, мы почти уверены, что Вы — один из наиболее энергичных и образованных людей и наиболее решительный из революционеров в польской эмиграции. Достаточно Вам сказать, что мы искренно хотим итти вместе с Вами. Но, с другой стороны, мы не свободны в выборе, потому что наши соотечественники в Царстве Польском, именно те, кто рискует своей свободой и жизнью на службе нашему общему делу, уже сделали свой выбор. Вы сами отлично знаете, что они уже около года работают в согласии с Варшавским Центральным Комитетом, с своей стороны приславшим нам полуофициальное письмо, которое Вы найдете в № 146 «Колокола» [2]. Для нас невозможно порвать эти отношения, не нами созданные, но освященные лишь нашей симпатией и согласием. Программа, изложенная в этом письме, совершенно сходна с нашей, и потому у нас нет никакого основания, а стало быть и права расторгать союз, который в наших глазах и, надеюсь, в Ваших с каждым днем становится все более необходимым». И далее Бакунин предлагает Мерославскому не разрывать с лондонцами связи при условии сохранения ими в силе соглашения с Варшавским Комитетом [3]).

---

[1] В своей брошюре Бакунин приводит это письмо не полностью и притом датирует его неверно («1 октября»). В нашем распоряжении это письмо имеется целиком, с припиской от 3 октября, в которой Бакунин жалуется на недобросовестность журнала Мерославского «Baczność», превратившей его брошюру «Народное Дело», «написанную прямо (?) против царизма, в сочинение, написанное в пользу царя». Значит, и польские националисты отметили двусмысленный характер бакунинской брошюры.

[2] См. в следующем параграфе этой главы.

[3] В 1868 г. в письме к майору Бражевичу (о нем см. дальше) Мерославский так излагал этот инцидент: «Это происходило осенью 1862 года, в период нашей особенно острой полемики с г. Михаилом Бакуниным, который, опираясь на свой мандат радикального московского патриота (?), всеми силами старался спасти Польшу, вопреки ее собственному желанию, подвергнув ее новому разделу. Правда, он предполагал произвести это воскресающее живосечение все-таки втроем, более радикально, чем это сделало его отечество, вместе с Пруссией и Австрией. Напрасно мы заклинали его применить этот метод спасения к своему собственному отечеству, итти поднимать восстание в Петербурге, рассечь царизм, радикализировать мужиков,

На это предложение Мерославский ответил, во-первых, ехидным письмом от 8 октября, в котором уверял, что если Варшавский Комитет и существовал до тех пор, то теперь он убил себя письмом в «Колокол» [1], а, во-вторых, открытием злобной кампании в своем органе «Baczność» [2]. Не довольствуясь этим, Мерославский опубликовал в ряде французских газет (в том числе в «Siècle», «Opinion Nationale» и «Presse») письмо, пытавшееся набросить тень на Варшавский Комитет, с величайшим риском и напряжением сил работавший в крае над организацией восстания. Это письмо гласило: «Ввиду того, что некоторые газеты сочли нужным перепечатать известие, будто бы русская полиция в Варшаве раскрыла какой-то повстанческий Центральный Комитет, в котором я якобы состою председателем [3], прошу разрешения

донских казаков и наставляемых «Колоколом» чиновников, но воздержаться от вмешательства в наши польские заговоры... Г-н Бакунин ответил нам из Лондона (на что отвечал Бакунин, об этом Мерославский благоразумно умалчивает! — *Ю. С.*), что теперь уже слишком поздно, ибо его панславистский (!) Комитет в Варшаве запретил ему делать какие-либо уступки неудобоназываемому честолюбцу, который позволял себе посылать из Парижа агентов в Польшу с предписаниями, не допускавшими ни малейших изменений». Мерославский сознательно обходит здесь самый щекотливый пункт своего расхождения с Бакуниным; он выдает себя только неожиданно выскочившими словами о «неудобоназываемом честолюбце».

[1] Сообщая об этом письме Мерославского Цверцякевичу 15 октября, Бакунин высказывал вскоре оправдавшееся предположение, что Мерославский начнет против них кампанию в своем журнале. «Мы ожидаем будущей статьи его в «Baczność», и не одна «Baczność», но и «Przegląd» подымет против нас зловещий голос. Нас это не смущает. Мы даже на первый раз не будем отвечать им, а предоставим это вам. Мы же ограничимся разговором и полнейшим уразумением в «Колоколе» с вами, дабы вам дать возможность отвечать на нападки ваших польских противников».

[2] Передовая статья № 5 «Baczność» от 25 октября 1862 г. осуждала письмо Ц. Комитета, находя его оскорбительным для польского национального чувства: письмо дескать не верит в польский патриотизм Литвы и Руси, сросшихся с Польшей веками, при чем все оно основывается на московско-петербургских представлениях о польской истории. Своею уступкою Комитет, видимо, хотел заручиться поддержкою издателей «Колокола», а между тем их идеалы в данном вопросе совпадают с идеалами царя (!), с тем лишь различием, что царь хочет добиться своей цели практическим путем захвата, а они — посредством фантастической федерации. Этот идеал — панславизм, в котором повинны и Герцен, и Бакунин (выше мы видели протест Бакунина против обвинения его и Герцена поляками в панславизме).

[3] Незадолго до того Мерославский через своих немногочисленных сторонников действительно пытался провести свою кандидатуру на пост председателя Комитета. Выпущенная в таком смысле прокламация попала в руки русской полиции, откуда и пошел этот ошибочный слух.

при посредстве Вашей газеты отклонить эту честь. Я не стал бы Вас затруднять, если бы «Колокол», орган русской революционной партии, не принял недавно от этого мнимого польского Центрального Комитета адреса, пытающегося не более и не менее как предложить две трети польской территории (!) возрожденной Московии взамен обещания сочувствия и поддержки. Это достаточно, надеюсь, доказывает, что до сих пор я и понятия не имел о существовании этого странного польского Центрального Комитета, прежде чем русская печать обоих крайних полюсов не вздумала поведать об этом всему миру» [1].

Кончает Бакунин свою брошюру ехидным выражением надежды, что когда ген. Мерославский «во-время» попадет в Польшу к восстанию и увидит русских офицеров и солдат не в рядах угнетателей, а в рядах защитников польской свободы, он, забыв о своем уязвленном самолюбии, возрадуется всем своим патриотическим сердцем [2].

Примирение было здесь явно невозможно ввиду полной противоположности основных точек зрения [3]. Мерославский сохранил вражду к Бакунину (равно как и к Герцену) до конца. Мы видели, как он «разделал» Бакунина в своих записках. Влиянию русских революционеров и их неумеренным обещаниям помощи Мерославский в значительной мере приписывал неудачу польского восстания. Упрек этот, впрочем, применим был больше к Бакунину, чем к Герцену, который, как мы увидим, воздерживался от широковещательных посулов и даже предостерегал поляков от преждевременного выступления. Бакунин же, увлекаясь искренно сам, был менее воздержан на язык.

Чтобы покончить с вопросом о взаимоотношениях между Бакуниным и Мерославским, мы позволим себе несколько забежать вперед.

---

[1] По поводу этой выходки в № 9 «La Cloche» от 1 декабря 1862 г. появилась редакционная заметка «Ответ», опровергавшая заявление Мерославского и слух об аресте Варш. Центр. Комитета.

[2] На брошюру Бакунина Мерославский ответил брошюрою «La dernière réponse à M. Michel Bacounine» (Paris, 1863), в которой между прочим заявлял: «между нами... или Польша 1772 года, Польша до раздела, или непримиримая война».

[3] 17 февраля 1863 года Энгельс писал Марксу: «Заметил ли ты, что Бакунин и Мерославский обзывают друг друга лгунами и вцепились друг другу в волосы из-за русско-польских границ?». Это несколько тенденциозное изложение полемики между Бакуниным и Мерославским, хотя как шутка в частном письме может быть, пожалуй, признано допустимым. Видимо, Бакуниным оба друга все-таки сильно интересовались.

Уже после разгрома польского восстания Мерославский снова дал волю своему озлоблению против русских революционеров, особенно Бакунина, и против тех поляков, которые в 1862—1863 г.г. действовали с ними совместно. В 1868 году он опубликовал «Lettre du général Mieroslawski au major Brażewicz» («Письмо генерала Мерославского майору Бражевичу»). Бакунин ответил ему брошюрою на французском же языке «Un dernier mot sur M. L. Mieroslawski» («Последнее слово о г. Л. Мерославском»), Женева, 1868 [1].

В своем письме к Бражевичу Мерославский позволил себе утверждать, что Варшавский Центральный Комитет, который он называет «панславистским Комитетом г. Бакунина», состоял из нескольких эмигрантов и был создан самим Бакуниным в целях «нового раздела Польши». Вся эта панславистская компания, поддерживаемая «несколькими тысячами Цверцякевичей», иначе — «панславистских агентов» Бакунина, присвоила и поделила между собою 60 миллионов франков, оставшихся от последнего восстания. Пресловутая экспедиция Лапинского, о которой мы говорим дальше и которую он лживо называет «экспедицией Бакунина, Лапинского и К°», была, по словам Мерославского, предпринята «с единственной целью» помешать экспедиции, задуманной самим Мерославским, и организована «по мотивам панславистской конкуренции». И далее он прохаживается насчет «дивидендов», доставшихся «акционерам этого крупного морского разбоя по подложным счетам»!

В своем ответе, написанном, впрочем, слишком разбросанно и без плана, Бакунин расправляется с Мерославским, которого болезненное самолюбие подвинуло на оклеветание «цвета польской молодежи», поднявшего в самых трудных условиях знамя восстания против угнета-

---

[1] По поводу этой брошюры Бакунин 14 июня 1868 г. писал Огареву из Кларана: «Я рад, что мой отпор против генерала вам понравился. А так как Герцен хороший судья, то вследствие его поощрения я решился напечатать памфлет в 1.000 экземплярах,... дабы удружить генералу». Далее он дает указания, куда разослать брошюру, и продолжает: «Я отделил первую брошюру от всего, что не прямо касается Мерославского. Ко второй пишу Avant-propos (Предисловие). Она будет, по крайней мере, втрое пространнее и также должна напечататься скоро. После Avant-propos (она) начнется рассуждением о государстве». Эта вторая брошюра никогда не появлялась в свет. В бумагах Бакунина остался отрывок рукописи, вероятно, и представляющий часть той брошюры «Question révolutionnaire dans le pays Russe et en Pologne» («Революционный вопрос в России и Польше»), которую он, по его словам, собирался печатать одновременно с выпуском «Последнего слова».

телей своей родины. В заключение Бакунин, впредь до выхода своих записок, выпустить которые он обещал в том же году [1], ограничивается заявлением, что никогда не вмешивался во внутренние дела Варш. Ц. Комитета, всегда оставался совершенно в стороне от всякой материальной подготовки польского восстания, а к организации экспедиции Лапинского не имел никакого отношения. «Мои сношения с Варшавским Центральным Комитетом, — так заканчивал Бакунин свое об'яснение, — а также с его делегатами в различных иностранных государствах никогда не имели иной цели, кроме установления и упрочения возможно более тесной солидарности между революционными действиями русской молодежи и патриотическим заговором польской молодежи. Эту, столь желательную и столь полезную для освобождения наших отечеств, солидарность я основывал на справедливом принципе свободы, понимаемой во всей широте вытекающих из нее социальных и политических последствий, — принципе, диаметрально противоположном принципу государства или так называемого исторического права».

Итак, в 1868 году Бакунину пришлось о п р а в д ы в а т ь перед поляками свое участие в их борьбе за освобождение, подобно тому как за 5 лет до того он принужден был упорно добиваться права пойти в бой за их дело! Так пожелала ирония истории...

В заключение — характерная деталь. В уже цитированном выше (по поводу петербургских пожаров) всеподданнейшем отчете шефа жандармов за 1862 год в изложении конфликта между Бакуниным и Мерославским имеется следующая фраза: «В конце года письма Бакунина обнаружили уже явный его с Мерославским разрыв, который произошел отчасти под влиянием одного ловкого анонимного подстрекательства». Приведя эту фразу, М. Лемке в комментариях к Герцену (т. XV, стр. 587) замечает: «указание очень важное для биографов Бакунина и Мерославского и историков подготовки восстания». Может быть, и очень важное, но та разгадка, которую М. Лемке дает приведенной фразе, нас отнюдь не убеждает.

---

[1] «Чтобы удовлетворить любопытство как моих друзей, — писал он, — так и моих врагов, я предполагаю в течение этого года издать — не скажу мемуары, что было бы и слишком долго, и слишком скучно и для публики, и для меня, — но опубликовать краткий рассказ о главных событиях моей политической жизни. Я, конечно, буду там много и подробно говорить о моем отношении к различным польским партиям и о том участии, которое я принимал в последних событиях в Польше». Увы, это обещание, подобно многим другим, выполнено не было. Какая-то роковая сила мешала Бакунину приступить к составлению своих мемуаров (см. выше и дальше § 5 первой главы 3-й части).

В руки М. Лемке попала записная книжка некоего А. Балашевича-Потоцкого, перешедшего в православие поляка, бывшего сначала агентом пресловутого Штибера, а затем агентом Третьего Отделения, в том числе за границей с 1861 по 1875 год [1]. В этой книжке имеются, кроме записей Балашевича, копии ряда писем, отчасти адресованных ему, отчасти перехваченных, повидимому, французскою полицией и сообщенных ему или русскому правительству [2]. Как видим, и тогда французская полиция верой и правдой служила уже русскому царизму, что, впрочем, с неменьшим усердием делала полиция прусская, австрийская, швейцарская и проч.

Так вот, по мнению М. Лемке, этот самый Балашевич-Потоцкий и был тем анонимным подстрекателем, который поссорил Бакунина с Мерославским по приказу Третьего Отделения, заинтересованного в недопущении сближения между обоими этими лицами, дружное сотрудничество коих усилило бы заграничную помощь польскому восстанию. В доказательство Лемке ссылается на содержание писем, которыми обменивались Балашевич и Бакунин [3]. Эта переписка, правда, не доказывает того, что хочет доказать Лемке, но она дает новый интересный штрих к характеристике Бакунина и его конспираторской наивности.

Повидимому, в середине декабря 1862 г. [4] Балашевич обратился к Бакунину с письмом за подписью «Абракадабра», в котором, выдавая себя за горячего польского патриота, намекал на какие-то интриги Мерославского. Бакунин поспешил ответить письмом от 18 декабря,

---

[1] Юлиус-Александр Фабианович Балашевич (псевдоним граф Альберт Потоцкий), отставной подпоручик, явился еще в мае 1861 года к московскому митрополиту Филарету, коему представил одну прокламацию Мерославского и четыре литографированные брошюры, пояснив, что подобными изданиями занимаются студенты московского, харьковского, киевского и казанского университетов. Филарет, который на теле носил черную рясу монаха, а на душе голубой жандармский мундир, поспешил донести по этому поводу самому царю особым письмом. Тот обрадовался случаю, и Балашевич был вызван в Петербург и принят агентом в III Отделение. Подробные сведения об этом провокаторе см. в статье Р. Кантора, «П. Л. Лавров и А. Ю. Балашевич-Потоцкий» в сборнике статей «П. Л. Лавров», изд. «Колос», Петербург, 1922, стр. 473 и след.

[2] Некоторые из этих писем имеются в копиях также в делах упомянутой выше Следственной Комиссии. Мы имеем в своем распоряжении копию тетради Балашевича-Потоцкого, которую используем в настоящей работе.

[3] Соч. Герцена, т. XV, стр. 595 и след.

[4] Первое письмо Балашевича не сохранилось.

которое показывает, что он сразу пошел на удочку, грубо заброшенную шпионом. Заявив, что он «поставил себе за правило не переписываться с анонимами», он тут же делает исключение для этого агента III Отделения ввиду того, что «симпатичный тон письма (Балашевича) заставляет (Бакунина) предчувствовать в нем союзника и друга»[1]. Поблагодарив своего неожиданного корреспондента за «полезные предостережения против интриг Мерославского», Бакунин прибавляет: «Еще прежде, чем получил Ваше письмо, я решился отвечать на его новую клевету (очевидно, речь идет о циркулярном письме Мерославского в газеты. — *Ю. С.*), прочитав же Ваше письмо, еще более убедился в необходимости этого шага. Ответ мой в печати; надеюсь, что друзья наши будут довольны, и что ему будет довольно».

Последовало новое глупейшее письмо, отправленное 22 декабря Балашевичем. Такое письмо мог сочинить только малоразвитой сыщик, да и то в подпитии. Всякий чуткий человек сразу распознал бы в нем шпиона, но Бакунин не замечал ничего. Затем Балашевич послал ему еще пару писем, в одном из которых уверял, что арест трех польских революционеров (Цверцякевича, Миловича и Хмелинского)[2] в Париже был вызван доносом Мерославского. И этот архи-грубый прием не открыл глаз Бакунину, который пустился уговаривать своего слишком пылкого анонима. «Арест трех соотечественников Ваших, — писал он Абракадабре 26 декабря, — Вы, не задумываясь, приписываете происканям или, просто сказать, доносам Мерославского. Ну, послушайте же, я о Мерославском далеко не высокого мнения. Думаю, что несчастное, чудовищное тщеславие может довести его даже до дел преступных. Его нелепое отрицание существования Центр. Комитета, его неблагородные выходки против нас ясно (это) доказывают, но чтобы он был способен на формальный донос, в каком (Вы) его обвиняете, — и ум, и сердце, все существо мое противится тому, чтоб я мог этому поверить».

Дружеская переписка Бакунина со шпионом продолжалась еще некоторое время. Когда вышла брошюра против Мерославского, Бакунин послал ее Абракадабре с просьбою высказать о ней свое мнение,

---

[1] Бакунин сначала пытался было под рукой навести справки о своем таинственном корреспонденте, но ввиду протеста шпика против такого «недоверия» обещал больше этого не делать (письмо от 26 декабря) и продолжал переписываться с... Третьим Отделением. О, святая простота!.. Дальше мы увидим, что это был не единственный случай в жизни Бакунина.

[2] По словам Лимановского (цит. соч., стр. 163), третьим был Годлевский.

а также сообщить о впечатлении, какое она произведет на различные группы эмиграции и в частности на самого Мерославского [1].

Спрашивается: что все это доказывает? Мы говорим: ровно ничего. Как мы знаем, разрыв между Бакуниным и Мерославским произошел в первой половине октября 1862 г., а первое письмо Балашевича получено было Бакуниным только в середине декабря, т.-е. более чем двумя месяцами позже. Как видно из первого же ответа Бакунина, его брошюра против Мерославского находилась в тот момент уже в печати. Следовательно, никакой роли агент III Отделения в этом разрыве не играл и играть не мог. Что он дурачил свое начальство, приписывая себе роль «подстрекателя» к ссоре, чтобы таким путем выманить себе несколько лишних иудиных сребренников, это весьма вероятно. Но историку основываться на хвастовстве шпиона и его шефа (во всеподданнейшем докладе) не приходится [2]. Да и нужны ли тут такие наивные об'яснения вроде «анонимного подстрекательства», когда совершенно очевидно, что разрыв был неизбежен вследствие расхождения обеих сторон в основных принципиальных и организационных вопросах? Нам кажется, что мы выяснили этот пункт с достаточной убедительностью [3].

---

[1] Как видно из этого письма от 19 января 1863 г., Бакунин был вполне очарован агентом III Отделения: «Последнее письмо Ваше, — пишет он, — нас всех очень заинтересовало (неужели и Герцен попался на такую грубую удочку? — *Ю. С.*). Кажется, Вы — честный человек, нам друг, без сомнения, умный и к тому же много знающий человек. Видите ли, сколько комплиментов. Прочитав его с друзьями, мы решились спросить Вас, позволите ли Вы кое-что из Ваших писем печатать в «Колоколе». Для этого прошу Вас разделить Ваши повествования на две рубрики: одна с надписью «между нами», другая — «для печати». Таким образом и скромность будет соблюдена, и публика по возможности удовлетворена. Согласны?». Мы не знаем, согласился ли Балашевич, и появилось ли что-нибудь из его писаний в «Колоколе», но воображаем, как хохотали в Третьем Отделении, когда читали излияния Бакунина.

[2] Р. Кантор повторяет эту легенду вслед за М. Лемке, но без всяких доказательств в своей указанной выше статье (в сборнике «П. Лавров»). Он уверяет, что переписка Бакунина с Балашевичем «оказалась чреватой серьезными последствиями (именно упомянутым разрывом)», но, как мы показали, это — просто хвастовство шпиона.

[3] Этот же Балашевич, впоследствии бывший агентом III Отделения в Лондоне, где у него была антикварная лавочка, вкрался в доверие к П. Лаврову, получавшему на его имя свою корреспонденцию из России. Он пытался также войти в сношения с Марксом, но тот быстро его отшил (см. заметку Р. Кантора — «Два письма Карла Маркса» в «Красном Архиве», 1924, т. VI, стр. 254—256). Каким бессовестным хвастуном был этот развязный

4. Соглашение.

Мы уже знаем, что русские революционеры вполне сочувствовали борьбе поляков за освобождение своей страны и в меру сил готовы были оказать им поддержку. Вместе с тем они и в особенности Бакунин надеялись, что выступление поляков подаст сигнал к восстанию на Украине и в самой России. Ввиду такой солидарности революционных интересов вопрос о том или ином соглашении между русскими и польскими революционерами выдвигался на очередь дня. В нем одинаково были заинтересованы обе стороны. И, как мы видели, уже первая брошюра Бакунина «Русским и пр. друзьям», написанная в январе 1862 года, т.-е. за год до фактического начала восстания в Польше, определенно предлагала полякам «действовать дружно» против общего врага, а для того «сговориться».

И сговор начался как в самой России, так и за границей.

При помощи и по инициативе поляков Домбровского [1], Сераковского и пр. в Польше среди русских войск начала складываться революционная организация, стоявшая на точке зрения солидарности русской и польской революций. Эта организация ставила себе целью вести пропаганду среди русских офицеров и солдат, выяснять им положение в России, правоту польских революционеров, удерживать их от активного подавления польских выступлений, а в случае нужды оказать полякам помощь с оружием в руках [2]. Среди офицеров расположенной в Варшаве русской бригады

шпион, видно из того, что в своем письме III Отделению от 27 ноября 1871 года он заявлял: «При моем влиянии я... даже могу вытеснить Маркса, взять управление Международ[ным Товариществом Рабочих] с прочими в свои руки». Что он так же нагло хвастал относительно своей роли в ссоре Бакунина с Мерославским, совершенно очевидно.

[1] Впоследствии Я. Домбровский был генералом Парижской Коммуны (убит 27 мая 1871 года).

[2] Революционная пропаганда в войсках велась и в 1861 году (в связи с крестьянскими волнениями в России). Так, в № 111 «Колокола» от 8 ноября 1861 г. помещена была статья «Что надо делать войску», написанная, по сообщению М. Лемке, Огаревым и Н. Обручевым при содействии Н. Серно-Соловьевича. Она рекомендовала войскам не выступать против русских крестьян и поляков, а также устраивать тайные общества. Эта статья была издана в виде прокламации в Лондоне и России и распространена среди войск, особенно в Царстве Польском и на Литве. Еще раньше в России была издана составленная Н. Шелгуновым прокламация «К солдатам» (в ней о Польше ничего не говорится). Распространялись и другие прокламации к солдатам, особенно в Царстве Польском. Велась, разумеется, и устная пропаганда.

видную роль играли офицеры Аргольд, Сливицкий 2-й и Каплинский. Первые двое скоро попались в руки правительства и вместе с унтер-офицером Ростковским и рядовым Щуром были 16 августа расстреляны. Роль главного руководителя и вдохновителя этих военных кружков играл русский офицер Андрей Афанасьевич Потебня, представлявший по всем отзывам нечто выдающееся в нравственном отношении. Летом 1862 г. он приезжал к Герцену в Лондон с письмом от имени революционного офицерского комитета расположенных в Царстве Польском русских войск. В ноябре он снова приехал в Лондон, где и сообщил Герцену об образовании «Земли и Воли». К этому обществу он и присоединил организованный им офицерский комитет. Впоследствии Потебня открыто встал в ряды польских инсургентов и в начале апреля 1863 г. был убит в сражении при Песчаной Скале, когда с косой в руках повел отряд повстанцев в атаку против царских солдат.

Из трех членов лондонского «триумвирата» Бакунин энергичнее других работал над делом организационного сближения с польскими революционерами. Его поездка в Париж, предпринятая им в августе 1862 г., в значительной мере вызвана была его желанием встретиться и сойтись с наиболее видными деятелями польской эмиграции. Там он познакомился между прочим с Элп Реклю, к которому имел рекомендательное письмо от Герцена, а Реклю свел его со своими польскими друзьями. Именно широкое общение Бакунина с поляками всех направлений и вызвало недовольство ген. Мерославского, о котором мы говорили выше. Но и до этой поездки Бакунин, как это видно из его переписки, работал над делом практического сговора с поляками и побуждал к тому же своих друзей.

В письме от 16 июля 1862 г. Бакунин сообщает Герцену о приезде польского офицера гвардейской артиллерии [1], побывавшего до того у Гарибальди и привезшего письмо от Высоцкого [2]. Бакунин сводил его к Маццини, а затем и к Герцену. Это была чуть ли не первая непосредственная связь с поляком, прибывшим, если так можно выразиться, с поля битвы. Затем люди оттуда начали прибывать все чаще и чаще [3].

---

[1] Это был, вероятно, прославившийся впоследствии С. Падлевский, который как раз и был поручиком конной гвардейской артиллерии. Захвачен в плен и 15 мая 1863 г. расстрелян в Плоцке.

[2] Иосиф Высоцкий (1809 — 1874) — польский эмигрант, проживавший с 1831 года во Франции. В 1863 году был председателем заграничной комиссии по закупке вооружения, в состав которой входили Милович, Цверцякевич и Лангевич.

[3] Летом того же года, по рассказу Кельсиева, приехавший в Лондон на выставку принц Наполеон выразил желание повидаться с лондонским

«Их язык был определеннее и резче (чем язык Потебни. — *Ю. С.),* они шли к взрыву прямо и сознательно, — рассказывает Герцен. — Мне с ужасом мерещилось, что они идут на неминуемую гибель.

« — Смертельно жаль Потебню и его товарищей, — говорил я Бакунину, — и тем больше, что вряд ли по дороге им с поляками.

« — По дороге, по дороге! — возражал Бакунин. — Не сидеть же нам вечно, сложа руки и рефлектируя. Историю надобно принимать, как представляется, не то всякий раз будешь зауряд то позади, то впереди».

Герцен, которому впервые приходилось принять участие в революционном выступлении не в качестве зрителя, а более или менее активного участника, робел и сомневался; Бакунин же, наоборот, был в восторге от того, что «дело», о котором он давно мечтал, начинает, наконец, принимать какие-то определенные очертания. Он тащил Герцена на буксире, а тот упирался елико возможно.

«Бакунин помолодел, — пишет дальше Герцен: — он был в своем элементе (т.-е. в своей стихии. — *Ю. С.*). Он любил не только рев восстания и шум клуба, площадь и баррикады, он любил также и приготовительную агитацию, эту возбужденную и вместе с тем задержанную жизнь конспираций, консультаций, неспанных ночей, переговоров, договоров, ректификаций, шифров, химических чернил и условных знаков. Кто из участников не знает, что репетиции к домашнему спектаклю и приготовление елки составляют одну из лучших и изящных частей? Но как он ни увлекался приготовлениями елки, у меня на сердце скребли кошки; я постоянно спорил с ним и нехотя делал не то, что хотел»[1].

триумвиратом. Был устроен завтрак, на который приглашены были и видные члены польской колонии. Принц Наполеон, подчеркивая симпатии французского правительства к делу поляков, предложил будто бы распространять лондонские прокламации через французских консулов и предлагал услуги французского министерства ин. дел для пересылки корреспонденции лондонцев. Герцен вежливо благодарил, Огарев по обыкновению молчал, «Бакунин ораторствовал и развивал какие-то экономические и революционные теории». Вечером, когда Кельсиев спросил, как Герцен думает сделать с предложениями принца, тот ответил: «Ничего не сделаю. Поблагодарил и довольно, — нельзя же мешать в нашу домашнюю распрю с правительством иностранцев». Во время русско-японской войны русские революционеры также отрицательно отнеслись к авансам японского правительства.

[1] По свидетельству Кельсиева, сильное влияние на Герцена оказали рассказы Потебни, который уверил его в силе офицерской организации.

«По устройстве военной организации перед Комитетом встал важный вопрос о соглашении с русскими революционерами, — рассказывает Б. Лимановский (цит. соч., стр. 140). — Известно было, что Герцен и Бакунин, который в то время бежал из сибирской ссылки, пользуются крупным влиянием на русскую молодежь, а особенно на офицеров русской армии. Поэтому решено было столковаться с ними, и с этой целью Гиллер и Падлевский выехали в Лондон, имея при себе письмо Центрального Комитета, датированное 20 сентября и адресованное издателям *Колокола*».

В конце сентября член Варшавского Центрального Комитета Агафон Гиллер [1] отправился в Лондон с письмом Центрального Комитета, в котором излагалась программа его, приноровленная ко взглядам русских революционеров. Письмо должно было появиться в «Колоколе», широко популяризировать имя комитета и послужить основою для соглашения русских с поляками. По дороге в Париж Гиллер захватил с собой Падлевского и Миловича [2], и втроем они явились в Лондон. Здесь они, повидимому, обратились раньше к Бакунину — может быть, потому, что Гиллер, бывший в ссылке в Сибири, знал его еще по Иркутску.

Герцен следующим образом изображает переговоры с польской делегацией:

«Как-то в конце сентября пришел ко мне Бакунин особенно озабоченный и несколько торжественный.

«— Варшавский Центральный Комитет, — сказал он, — прислал двух членов, чтоб переговорить с нами. Одного из них ты знаешь: это — Падлевский; другой — Гиллер, закаленный боец; он из Польши прогулялся в кандалах до рудников [3] и, только что возвратился, снова принялся за дело. Сегодня вечером я их приведу к вам, а завтра соберемся у меня: надобно окончательно определить наши отношения.

«Тогда набирался мой ответ офицерам [4].

---

[1] Гиллер, А. (род. 1833) — был сослан в Восточную Сибирь; вернулся в Варшаву в 1861 г.; был одним из главных деятелей Центрального Комитета; после разгрома восстания бежал за границу.

[2] Милович, Владислав — в момент поездки в Лондон состоял агентом Центр. Ком. в Париже; после подавления восстания тоже бежал за границу.

[3] По сообщению Лимановского Гиллер был сослан в Сибирь не на каторгу, а на военную службу (он был выдан русскому правительству галицийским наместником).

[4] Речь идет о статье Герцена «Русским офицерам в Польше», напечатанной в № 147 «Колокола» от 15 октября 1862 года, также в №№ 3 и 5

«— Моя программа готова; я им прочту мое письмо.

«— Я согласен с твоим письмом, ты это знаешь; но не знаю, все ли понравится им; во всяком случае я думаю, что этого им будет мало.

«Вечером Бакунин пришел с тремя гостями вместо двух [1]. Я прочел мое письмо. Во время разговора и чтения Бакунин сидел встревоженный, как бывает с родственниками на экзамене или с адвокатами, трепещущими, чтоб их клиент не проврался и не испортил всей игры защиты, хорошо налаженной, если не по всей правде, то к успешному концу.

«Я видел по лицам, что Бакунин угадал, и что чтение не то чтоб особенно понравилось.

«— Прежде всего, — заметил Гиллер, — мы прочтем письмо к вам от Центрального Комитета.

«Читал М[илович]; документ этот, известный читателям «Колокола», был написан по-русски, не совсем правильным языком, но ясно [2]. Говорили, что я его перевел с французского и переиначил: это неправда. Все трое говорили хорошо по-русски.

«Смысл акта состоял в том, чтоб через нас сказать русским, что слагающееся польское правительство согласно с нами и кладет в основание своих действий «признание права крестьян на землю, обрабатываемую ими [3], и полную самоуправность всякого народа располагать своей судьбой». Это заявление, говорил М[илович], обязывало меня смягчить вопросительную и «сомневающуюся» форму в моем письме. Я согласился на некоторые перемены и предложил им с своей стороны посильнее оттенить и яснее высказать мысль о самозаконности провинций; они согласились. Этот спор из-за слов показывал, что сочувствие наше к одним и тем же вопросам не было одинаково.

«La Cloche» и в № 7 «Kolokol», а по-польски — в «Przegląd» от 15 ноября). После переговоров с делегацией Центр. Комитета в нее были внесены Герценом некоторые исправления и дополнения. Он советовал офицерам не выступать против поляков и русского народа, усиливать тайную организацию кружков и готовиться к революции, в близком наступлении которой он, впрочем, выражал сомнение.

[1] Третьим, как мы указали выше, был В. Милович.

[2] Пржиборовский в «Historya dwóch lat» высказывает предположение, что автором этого документа был сам Гиллер.

[3] А не всю землю. Но Герцен мирился и для России с урезанной аграрной программой, так что здесь протестовать ему особенно не приходилось.

«На другой день утром Бакунин уже сидел у меня. Он был недоволен мной, находил, что я слишком холоден, как будто не доверяю.

«— Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не делали таких уступок. Они выражаются другими словами, принятыми у них как катехизис; нельзя же им, подымая национальное знамя, на первом шаге оскорбить раздражительное народное чувство.

«— Мне все кажется, что им до крестьянской земли в сущности мало дела, а до провинций слишком много.

«— Любезный друг, у тебя в руках будет документ, поправленный тобой, подписанный при всех нас, чего же тебе еще?

«— Есть-таки кое-что.

«— Как для тебя труден каждый шаг. Ты вовсе не практический человек.

«— Это уже прежде тебя говорил Сазонов.

«Бакунин махнул рукой и пошел в комнату к Огареву. Я печально смотрел ему вслед; я видел, что он запил свой революционный запой, и что с ним не столкуешь теперь. Он шагал семимильными сапогами через горы и моря, через годы и поколения. За восстанием в Варшаве он уже видел свою «славную и (вольную) славянскую федерацию», о которой поляки говорили не то с ужасом, не то с отвращением,... он уже видел красное знамя «Земли и Воли» развевающимся на Урале и Волге, на Украине и Кавказе, пожалуй на Зимнем дворце и Петропавловской крепости, — и т о р о п и л с я сгладить к а к-н и б у д ь затруднения, затушевать противоречия, не выполнить овраги, а бросить через них ч о р т о в м о с т.

«— Ты точно дипломат на Венском конгрессе, — повторял мне с досадой Бакунин, когда мы потом толковали у него с представителями ржонда [1], — придираешься к словам и выражениям. Это не журнальная статья, не литература.

«— С моей стороны, — заметил Гиллер, — я из-за слов спорить не стану; меняйте, как хотите, лишь бы главный смысл остался тот же.

«— Браво, Гиллер! — радостно воскликнул Бакунин.

«— Н у, э т о т, подумал я, п р и е х а л п о д к о в а н н ы й и п о л е т н е м у, и н а ш и п ы; он ничего не уступит на деле и оттого так легко уступает все на словах.

---

[1] Один из частых герценовских анахронизмов: тогда Ржонда Народового еще не было (он образовался позже), а был Центральный Комитет.

«Акт поправили, члены ржонда подписались; я его послал в типографию.

«Гиллер и его товарищи были убеждены, что мы представляли заграничное средоточие целой организации, зависящей от нас, и которая по нашему приказу примкнет к ним или нет. Для них действительно дело было н е в с л о в а х и не в теоретическом согласии; свое profession de foi они всегда могли оттенить толкованиями так, что его яркие цвета пропали бы, полиняли и изменились.

«Что в России клались первые ячейки о р г а н и з а ц и и, в этом не было сомнения: первые волокна нити были заметны простому глазу, из этих нитей, узлов м о г л а образоваться при тишине и времени обширная ткань, — все это так, — н о е е н е б ы л о... и каждый сильный удар грозил сгубить работу на целое поколение и разорвать начальные кружева паутины.

«Вот это-то я и сказал, отправив печатать письмо Комитета, Гиллеру и его товарищам, говоря им о несвоевременности их восстания. Падлевский слишком хорошо знал Петербург, чтоб удивиться моим словам, хотя и у в е р я л м е н я, что сила и разветвленность общества «Земли и Воли» идут гораздо дальше, чем мы думаем; но Гиллер призадумался.

«— Вы думали, — сказал я ему улыбаясь, — что мы сильнее... Да, Гиллер, вы не ошиблись: сила у нас есть большая и деятельная, но сила эта вся утверждена на общественном мнении, т.-е. она может сейчас улетучиться; мы сильны с о ч у в с т в и е м к нам, унисоном с своими. Организации, которой бы мы сказали: «иди направо или налево», — н е т.

«— Да, любезный друг... однако же, — начал Бакунин, ходивший в волнении по комнате...

«— Что же, разве е с т ь? — спросил я его и остановился.

«— Ну, это как ты хочешь назвать; конечно, если взять внешнюю форму... это совсем не в русском характере... Да видишь...

«— Позволь же мне кончить; я хочу пояснить Гиллеру, почему я так настаивал на словах. Если в России на вашем знамени не увидят н а д е л з е м л и и в о л ю п р о в и н ц и я м, то наше сочувствие в а м н е п р и н е с е т н и к а к о й п о л ь з ы, а н а с п о г у б и т, потому что вся наша сила в одинаковом биении сердца; у нас оно, может, бьется посильнее и потому ушло секундой вперед, чем у друзей наших; но они связаны с нами сочувствием, а не службой!

«Вы будете нами довольны, — говорили Гиллер и Падлевский.

«Через день двое из них отправились в Варшаву, третий (Милович. — *Ю. С.*) в Париж» [1].

Заявление Центрального Народного Польского Комитета было в виде письма к издателям «Колокола» напечатано в № 146 газеты от 1 октября 1862 года (по-французски в № 2 «La Cloche») с небольшим послесловием редакции, кончавшимся следующими словами: «тот русский, который и на этих основаниях не подаст руки дружбы полякам, тот не любит свободы!».

Этот исторический документ, исходя из той мысли, что «союз поляков с русскими на дело общего освобождения представляет... очевидную пользу для обеих сторон», пытается выяснить друзьям «Колокола» основные принципы нового польского движения. «Основная мысль, — гласит документ, — с которой Польша восстает теперь, совершенно признает право крестьян на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность [2] всякого народа распóлагать своей судьбою». Земля будет предоставлена крестьянам на основе выкупа, при чем народное (т.-е. национальное) правительство «возьмет на себя вознаграждение помещиков из общих государственных сумм». Далее обещается уничтожение сословных различий.

Национальный вопрос разрешался декларациею в том смысле, что, хотя и отрицая границы, установленные разделами Польши, и «стремясь к восстановлению Польши в прежних ее границах», авторы ее оставляют «народам, в них обитающим, т.-е. литвинам и русинам, полную свободу остаться в союзе с Польшею или распорядиться собою согласно их собственной воле». Здесь было, конечно, глубокое внутреннее противоречие: оставаясь на старой позиции в национальном вопросе, авторы декларации делали лишь платоническую уступку, хотя для польских националистов и эта уступка была чем-то новым, а для многих неслыханным [3].

---

[1] Повидимому, в это же время состоялась в Лондоне военная конференция, на которой с русской стороны участвовали А. Потебня и Н. Обручев, а с польской — Падлевский и Милович. О ней со слов Миловича упоминает и Лимановский.

[2] А не «самоуправность», как сказано у Герцена.

[3] Мы видели, как в частности реагировал на этот документ Мерославский, не желавший предоставлять другим народам даже такого чисто платонического права распорядиться своей судьбой... после восстановления старой Польши! Интересно, как бы они тогда осуществили это «право». Мы это видим на примере нынешней Польши, безжалостно угнетающей и насильственно колонизирующей окраины («кресы»).

В следующем номере газеты от 15 октября появилось ответное письмо издателей «Колокола» Центральному Польскому Комитету в Варшаве. Подписи Бакунина на этом документе не было, но не подлежит сомнению, что в общем он отвечал и его взглядам. Вот что гласило это письмо:

«Письмо Ваше к нам, помещенное в прошлом листе «Колокола», отмечает новую эпоху в великой эпопее польской борьбы за независимость. Начала, на которых Вы призываете народ польский к восстанию, так широки и современны, так ясно высказаны Вами, что мы не сомневаемся в глубоком деятельном сочувствии, которое возбудят Ваши слова во всех русских, желающих свергнуть с себя устарелое и оскорбительное иго правительственной опеки.

«Что касается до нас, нам легко с Вами итти; Вы идете от признания прав крестьян на землю, обрабатываемую ими; Вы признаете право всякого народа располагать своей судьбою.

«Это наши основы, это наши догматы, наши знамена.

«С радостью передали мы ваши слова нашим соотечественникам, и, благодаря Вас от всего сердца за то, что Вы избрали нас посредниками Вашего сближения с русскими, мы не можем ничем достойнее отвечать Вам, как печатая прилагаемое письмо к русским офицерам, стоящим в Польше [1]. Письмо это — ответ; мы медлили целые месяцы, и очень рады, что медлили — Вы дали нам возможность утвердительно сказать, что нам известны Ваши понятия о краеугольных началах народного дела Вашего».

«Во имя их да воздвигнется Польша, независимая, искушенная в несчастиях, окрепнувшая в бою, да воздвигнется она бессословная, отбросив средневековые доспехи, без кольчуг и аристократического щита; пусть она явится славянским поюневшим атлетом, подающим одну руку бедному хлопу, а другую — равноправному соседу.

«Во имя их примите и нашу дружескую руку, слабую силами, но неизменную в убеждениях; мы ее подаем Вам как русские, мы любим народ наш, мы веруем в него и его будущность, и именно потому подаем Вам ее на дело справедливости и свободы!».

Заручившись моральной поддержкой Герцена, Огарева и Бакунина, Польский Центральный Комитет решил завязать непосредственные

---

[1] Это та статья «Русским офицерам в Польше», о которой мы выше говорили.

сношения с незадолго до того образовавшимся Русским Центральным Народным Комитетом, т.-е. ЦК общества «Земля и Воля». В декабре 1862 года из Варшавы прибыл в Петербург С. Падлевский и через офицера В. Коссовского вступил в переговоры с ЦК «Земли и Воли», который выделил для этой цели двух своих членов, А. Слепцова и Н. Утина.

«Падлевский, — рассказывает Б. Лимановский (цит. соч., стр. 164 и сл.), — нашел в Петербурге огромные перемены в сравнении с тем, что он видел прежде. Реакция поднимала голову, а прежний либерализм испарился. Правительство вернулось к своим традиционным деспотически-устрашительным приемам». Причинами этого поворота Лимановский считает появление прокламации «Молодая Россия», напугавшей обывателей, и петербургские пожары летом 1862 года. «Реакционные газеты, — продолжает он, — требовали суровых мер. Это была вода на правительственную мельницу. Было приостановлено несколько журналов, закрыты воскресные школы и народные читальни. С помощью сфабрикованных показаний арестованы Чернышевский, Николай Серно-Соловьевич, Писарев, Рымаренко и много других. Все это нагнало большого страха. Многие совершенно отказались от всякой политической деятельности, а у многих весьма сильно увял либерализм — даже у таких людей, как Кавелин».

О том же свидетельствует и П. Кропоткин («Записки Революционера», изд. «Недра», 1925, стр. 131 и след.): «Пожар Апраксина двора имел весьма печальные последствия. После него Александр II открыто выступил на путь реакции. Что еще хуже, общественное мнение той части общества в Петербурге и Москве, которая имела сильное влияние на правительство, сразу сбросило либеральный мундир и восстало не только против крайней партии, но даже против умеренных. ...Петербург принял мрачный характер. По улицам ходили отряды пехоты. Казачьи патрули раз'езжали кругом дворца. Петропавловская крепость наполнялась политическими заключенными. Куда я ни приходил, всюду я видел одно и то же — торжество реакции».

При такой обстановке происходили переговоры между Падлевским и представителями «Земли и Воли». По сообщению О. Авейде в «Записках о польском восстании» (стр. 193—194), переговоры эти закончились заключением союза между польской и русской тайными организациями на основе принципов, изложенных в вышеприведенном письме Варшавского Центрального Комитета к издателям «Колокола». Этим были ратифицированы договор лондонцев с делегацией польского Центрального Комитета и соглашение, до того состоявшееся между

поляками и офицерским комитетом русских войск, расположенных в Царстве Польском.

Во время беседы члены ЦК «Земли и Воли» откровенно об'яснили Падлевскому, что организация революционных элементов в России только начинается, что силы и влияние ее пока невелики (т.-е. сказали ему приблизительно то же, что говорил польской делегации в Лондоне Герцен). Раньше мая 1863 года они считали революцию в России немыслимой [1]; ввиду этого они просили поляков не начинать своего восстания до этого момента, ибо в противном случае их работа будет сорвана, и они не в состоянии будут оказать полякам существенной помощи кроме агитации в России и, быть может, частичного выступления на Дону, где организация якобы располагала более значительными силами (последнее несколько сомнительно).

После того обе организации обменялись еще парой писем для поддержания дружеских отношений. Уже после начала восстания польское революционное правительство в марте 1863 года обратилось к ЦК «Земли и Воли» с запросом, может ли он чем-либо помочь полякам. Ответ был неутешительный: кроме воздействия на русское общественное мнение «Земля и Воля» не могла ничего обещать полякам. Потеряв надежду на активную помощь со стороны русской организации, поляки начали действовать самостоятельно и, без ведома ЦК «Земли и Воли», пытались вызвать восстание на Волге, организовав для этого так называемый «Казанский заговор», о котором мы упоминали выше.

Мы уже говорили о том, что А. Слепцов при проезде через Польшу составил прокламацию «Льется польская кровь, льется русская кровь», которая в исправленном ЦК «Земли и Воли» виде была напечатана и распространена в Петербурге и Москве 19 февраля 1863 года. Эта прокламация обращалась к офицерам и солдатам русской армии с призывом не обагрять своих рук польской кровью и не покрывать неизгладимым позором честь русского народа. По совещанию с Слепцовым Огарев написал в январе прокламацию к солдатам, которая была напечатана в «Вольной русской типографии» в Лондоне без указания места издания. Она рекомендовала солдатам не выступать ни против поляков, ни против русских крестьян, которые скоро тоже восстанут за свою свободу. Вторая прокламация, выпущенная с печатью «Земли и Воли» и от имени этого общества, обращалась с аналогичным призывом к офицерам. Слепцов направил эти прокламации на юг

---

[1] Ср. то, что мы говорили в 1-й части этого тома об ожидании революции в России на весну 1863 года.

России; в Петербург они попали только к осени 1863 года через Швецию и Норвегию.

Как мы знаем, Герцен предостерегал поляков от преждевременного выступления и от преувеличенных надежд на русскую помощь. То же самое, как мы видели, делали члены ЦК «Земли и Воли» во время переговоров с Падлевским в Петербурге. Слепцов в бытность свою в Варшаве снова повторил свои предостережения. И даже Бакунин, который больше всех увлекался и преувеличивал силы русской революции, в этом отношении, повидимому, переживал минуты колебаний [1].

Опасения Бакунина довольно ясно выражены в приписке, сделанной им на письме Огарева, которое, повидимому, адресовано было товарищам, работавшим в России, вернее сказать, участникам тайных военных организаций среди расположенных в Польше русских войск. Документ этот относится к осени 1862 года, вероятно, к последним числам октября или к началу ноября. Вот что сказано в приписке Бакунина.

«Друзья и братья! Строки, написанные другом нашим, Николаем Платоновичем Огаревым, проникнуты искреннею и безконечною преданностью к великому делу нашего народного да и общеславянского освобождения. Нельзя не согласиться с ним, что общему, мерному ходу славянского и в особенности русского поступательного движения преждевременное и частное восстание Польши грозит перерывом. Признаться надо, что, при настоящем настроении России и целой Европы, надежда на успех такого восстания слишком мала, и что поражение партии движения в Польше будет иметь непременным последствием временное торжество царского деспотизма в России. Но, с другой стороны, положение поляков до того невыносимо, что вряд-ли у них станет надолго терпения.

«Само правительство гнусными мерами систематического и жестокого притеснения вызывает их, кажется, на восстание, отложить кото-

---

[1] В письме к Коссиловскому (капитан, секретарь польской батиньольской военной школы в Париже) от 10 ноября 1862 г. Бакунин пишет: «Мы с тревогою в сердце смотрим на Польшу. Co to będzie? Co to będzie? Боимся неудачного восстания. Но если восстанию, удачному или неудачному, суждено быть, я буду с вами». В письме к брату от 12 ноября он прямо говорит: «видов на успех мало». А в письме к Коссиловскому от 23 января 1863 г. он выражается приблизительно так же: «Надежды на успех, на настоящий успех, признаюсь, во мне немного». (Кстати, через этого Коссиловского Бакунин способствовал доставке лондонских прокламаций в Россию, как это видно из его переписки с ним.)

рое было бы по этому самому столько же нужно для Польши, как и необходимо для России. Отложение его до более дальнего срока было бы без всякого сомнения и для них, и для нас спасительно. К этому вы должны устремить все усилия свои, не оскорбляя однако ни их священного права, ни их национального достоинства. Уговаривайте их, сколько можете и доколе обстоятельства позволяют, но вместе с тем не теряйте времени, пропагандируйте и организуйтесь, дабы быть готовыми к решительной минуте, и, когда выведенные из последней меры возможного терпения, наши несчастные польские братья встанут, встаньте и вы, не против них, а за них, — встаньте во имя русской чести, во имя славянского долга, во имя русского народного дела с кликом: «З е м л я и В о л я»! И если вам суждено погибнуть, сама погибель ваша послужит общему делу... А, бог знает, может быть, геройский подвиг ваш, в противность всем расчетам холодного рассудка, неожиданно увенчается и успехом...

«Что же до меня касается, что б вас ни ожидало, успех или гибель, я надеюсь, что мне будет дано разделить вашу участь.

«Прощайте и, может быть, до скорого свидания» (Драгоманов — «Переписка», стр. 193; оригинал письма находится в б. Румянцевском Музее).

Не менее характерно письмо Бакунина к И. Цверцякевичу от 30 октября 1862 года, т.-е. относящееся к тому же времени. Там говорится следующее.

«Повторяю Вам то, что сказал Вам десять дней тому назад. Как только Варшава поднимется, я, если доживу до того дня, непременно буду там. Если польский национальный Комитет, не сулящий много надежд на успех, окончательно выскажется за восстание, я буду более чем обязан поспешить к нему на помощь с партией моих русских. Но то же убеждение заставляет меня, равно и моих друзей, высказать Вам самую горькую истину. Мы совершенно не готовы и не можем даже уверенно ручаться Вам за те русские войска, которые скоро должны прибыть из России для замены расположенных в Польше частей. Мы более чем уверены в том, что они будут драться против ваших добровольцев и против тех военных групп, которые поклялись вам выступить вместе с вами. Привлечь их на свою сторону в какие-нибудь два с половиною месяца невозможно. Я не думаю, чтобы войска, расположенные в Польше, были настолько хорошо подготовлены, чтобы вы могли рассчитывать на половину, четверть или пятую часть их, а тогда, если генералы не окажутся безумцами или трусами, четыре части раздавят пятую, прежде чем подойдут войска из России.

«Все, что наши друзья говорят о соучастии Пруссии, более чем достоверно. Без сомнения, между Францией, Пруссией и Россией существуют искренний союз и формальный сговор относительно торжества реакции в каждой из этих стран. Наполеон в настоящее время является другом, советником, покровителем и вместе с тем повелителем прусского короля, равно как и русского императора, который под его руководством начинает действовать более разумно. В большей части России Александр одной рукой вводит осадное положение, а другой — отвлекает внимание всякими юридическими и административными преобразованиями. Кто знает! Наше правительство, ставшее несколько более благоразумным в предвидении страшной бури, приближающейся в Польше, и ввиду безостановочного роста враждебных ему элементов, которые рано или поздно должны на него обрушиться, наше правительство, чтобы избежать вероятной внешней войны, стремится по совету Наполеона поставить нас в критическое положение, при котором всякая борьба является невозможной. Принимая эту борьбу, вы будете служить планам ваших врагов. Поэтому, если у вас есть малейшая возможность уклониться от этой борьбы, сделайте это для спасения Польши».

Мы видим, что Бакунин вовсе не скрывал ни от себя, ни от других слабых сторон движения. Но, будучи настоящим революционером, человеком дела, он не считал для себя возможным и допустимым останавливаться на полдороге и решил примкнуть к польскому восстанию во что бы то ни стало.

Нам уже известно, какую роль играл Бакунин в деле соглашения Герцена и Огарева с делегацией польского Центрального Комитета и с какой энергией он старался рассеять сомнения Герцена и подвинуть его на практические шаги [1]. Герцен был за то, чтобы в ответ на декларацию поляков ограничиться своим письмом к русским офицерам. Бакунин находил это недостаточным. 3 октября он писал Герцену: «Я решительно не того мнения, чтоб можно было ответить на письмо Варшавского Комитета письмом к офицерам. По моему крепкому убеждению, мы должны ответить на документ документом, т.-е. письмом

---

[1] Поляки тоже подметили разницу между Герценом и Бакуниным. Приведя цитированный нами выше рассказ Герцена о свидании с представителями Центрального Комитета, Лимановский прибавляет: «В этой статье Герцен показал себя в настоящем свете. Это был человек мысли, а не дела. Рефлексия и скептицизм не позволяли ему горячо проникаться требованиями текущего момента. Зато Бакунин, менее последовательный во взглядах, был подлинным человеком дела, быстро оценивавшим практическую обстановку и сразу ухватывавшим всякую возможность борьбы».

к Комитету с кратким изложением наших начал и надежд в отношении к России, к Малороссии и к Польше и скрепленным нашими тремя именами (в этом месте документа имеется приписка Огарева: «На это я решительно несогласен». — *Ю. С.*). Мне кажется, этого требуют и справедливость, и наше достоинство. Мы берем на себя практическую ответственность в союзе с поляками, так прятаться от нее нечего. Иначе скромность покажется трусостью и нежеланием компрометировать себя. Письмо, мне кажется, должно быть коротко, как письмо поляков, и должно в немногих словах высказать нашу политическую программу. В том же номере можем тогда поместить письмо к офицерам, которое будет комментарием к первому [1].

Желание Бакунина было выполнено, но не вполне: его подписи на ответе Польскому Центральному Комитету, как мы уже указывали, не было. Почему Герцен и Огарев сочли нужным устранить Бакунина от выступления по вопросу, в котором из них троих именно он играл наиболее инициативную и активную роль, мы не знаем. Но что они не хотели связывать своих имен с его именем, это совершенно ясно. Повидимому, ввиду существования между ними и Бакуниным разногласий, они не хотели компрометировать себя столь опасным соседством.

Сам Бакунин усматривал сущность своих разногласий с Герценом и Огаревым в том, что они хотели ограничиться моральным сочувствием польскому движению и литературной его поддержкой, тогда как он признавал необходимым фактическое, активное, личное участие в завязавшейся борьбе. К этому Герцен и Огарев не были подготовлены ни по своим личным качествам, ни по всему характеру их предшествовавшей культурническо-проповеднической деятельности. В письме к заграничному представителю «Земли и Воли» от 9 июля 1863 года Бакунин, изложив свои прежние разногласия с обоими друзьями, продолжал: «Наконец, встретились мы с польским вопросом. Тут рознь наша стала еще глубже и яснее. Не входя в подробности наших прений по этому предмету, скажу только, что, сознавая в одинаковой мере с моими лондонскими друзьями огромную разницу, существующую между началами польскими и русскими, я все-таки был и остаюсь того мнения, что мы по мере сил и возможности должны принять непосред-

---

[1] Далее следуют упреки Герцену за его нерешительность и советы стать на путь практического руководства движением, приведенные нами в первой части этого тома.

ственное участие в польском восстании, так как оно есть восстание против нашего общего врага — русского императорского государства» [1].

С этими взглядами Бакунин был одинок среди лондонского «триумвирата». Но, убежденный в правоте своего дела, он, не унывая, бодро смотрел вперед. Соглашению с поляками он придавал тогда большое значение и возлагал на него радужные надежды. В письме к иркутянке Эмме от 7/19 ноября он писал по этому поводу: «Удалось нам, наконец, заключить союз оборонительный и наступательный с польским Центральным Народным Комитетом в Варшаве для низвержения союзными силами настоящего порядка вещей. Войска наши в Царстве Польском, в Литве и в Украине, т.-е. (!) офицеры двух корпусов, вошли уже в союз и образовали военный комитет с следующим лозунгом: «Земля и Воля», определяющим цель и смысл предполагаемого движения... К весне будет в Царстве Польском восстание польско-русское, в котором без сомнения теперь и я приму участие» (курсив мой). Итак, Бакунин уже тогда решил принять непосредственное участие в восстании, которое, как он надеялся, должно было охватить не только Польшу, но и Россию [2].

Судя по имеющимся в нашем распоряжении письмам Бакунина, относящимся к тому периоду, он вел энергичную агитацию в пользу сближения русской и польской эмиграции, стараясь пробудить их симпатии к состоявшемуся соглашению между лондонцами и польским Центральным Комитетом [3]. Узнав от Лугинина, что польская молодежь в Гейдельберге продолжает сторониться русских, он 18 октября пишет

---

[1] Не забудем, что это писалось уже после неудачи экспедиции Лапинского и после всех тяжелых недоразумений с руководителями польского восстания.

[2] О том же он писал и брату своему Александру 12 ноября 1862 г.: «Что до меня касается, то чуть ли я не разыграю скоро последний акт своей драмы. Кажется, что польское возмущение на носу. Вследствие нашей пропаганды с ним связано будет движение русских войск в Царстве Польском. Видов на успех мало. Но propagande oblige — il faut payer de sa personne (пропаганда обязывает — приходится расплачиваться собственной особой). Я непременно там буду. Тогда не поминай меня лихом. Но об этом никому ни слова, это до сих пор великая тайна». Несколько позже, когда возникли недоразумения с поляками, Бакунин писал уже менее уверенно: «Поеду ли я или нет, еще не верно. На пустяки, разумеется, не поеду» (письмо к брату от 7 декабря).

[3] Он собирался тогда написать также брошюру «Россия и Польша» (письмо к Коссиловскому от 10 ноября 1862 г.), но намерения своего почему-то не выполнил.

Цверцякевичу и Лугинину о необходимости борьбы с этим печальным явлением. Лугинину Бакунин пишет: «О холодности поляков сейчас напишу в Париж кому следует (т.-е. Цверцякевичу. — *Ю. С.*)... Им прикажут быть потеплее. Что касается русских, то мне кажется, что на них должно действовать в одиночку, прибирая в руки одного за другим, начиная с лучших, а чрез них возьмется и остальное стадо. А лучших постарайтесь поставить на польскую точку зрения, об'яснить русским болезненно-раздражительное положение нам совершенно незнакомого народа, терпящего жалкое порабощение, борющегося без устали, но и без успеха вот уже скоро 100 лет и делающего теперь первый откровенный шаг для сближения с нами... Никогда не было до сих пор поляками об'явлено публично «право народов распоряжаться собою». В применении к Литве, Украйне право, так ясно высказанное в письме Центрального Комитета, это огромный шаг, вызвавший против них бурю в большой части польской эмиграции. Мы, русские, должны поддержать их теперь всеми силами в том убеждении, что непреклонная логика положения и обстоятельств поможет им гораздо более, и что лихо лишь сказать *a*, а там скажут и *b* и *c*... Впрочем, я надеюсь, что письмо к Центральному Комитету и к русским офицерам победят хоть несколько взаимный холод русских и поляков. Мы будем стоять в этот раз крепко в принятом нами направлении, и так как наше дело — правое, мы победим».

Бакунин старался влиять и на поляков, тяготевших к лагерю «белых» или к Мерославскому, убеждая их признать Варшавский ЦК и его соглашение с лондонцами. Так, 16 декабря 1862 г. он писал Мариасу Соколовскому, редактору «Przegląd», видимо запросившему Бакунина о его мнении насчет тогдашних событий: «Наш выбор или, лучше сказать, выбор наших друзей среди русских войск в Польше, число которых с каждым днем изумительно растет, сделан и не подлежит перерешению. Позвольте нам остаться верными первому союзу с поляками, братски протянувшими нам руку; признав ее, мы поклялись в верности не какой-либо отдельной партии, а свободе Польши. Вы имели любезность обратиться ко мне как к человеку более пожилому, а следовательно и более опытному, чем Вы. Позвольте же мне говорить с Вами со всем авторитетом старика. Я полагаю, что ввиду подготовляющихся событий, от которых зависит судьба вашего отечества, все ваши внутренние несогласия должны прекратиться, и что все благородные, преданные и истинно патриотические элементы должны об'единиться под знаменем Польского Центрального Комитета, единственно способного спасти Польшу».

А Коссиловскому он писал 19 декабря: «Вы говорите, что за графом Андреем Замойским стоит теперь весь край, исключая г-на Войнобесславского [1]. Если это так, то теперь гр. Замойский идет с Центр. Народным Комитетом, потому что весь живой край стоит теперь за этим Комитетом... Мы протянули руку этому благородному Комитету неизвестных, заурядных героев, безграничное самоотвержение которого, наперекор страшнейшим опасностям, сумело создать крупную польскую силу в самом центре московско-петербургского угнетения. Мы оказали ему веру и мы сохраним верность ему. Вы жалеете, любезный друг, о том, что Комитет состоит из людей темных, никому неизвестных. А апостолы из кого состояли? И разве Вы позабыли евангельское изречение, что вино новое требует мехов новых? Что Вам до имени людей? Смотрите на их дело. И в то время как другие спорили, толковали, византийствовали, одним словом, или, говоря по-русски, переливали из пустого в порожнее, а иногда делали еще хуже, служа своему родовому или личному эгоизму, когда должно было всем думать о спасении отечества, — в это самое время эти темные, неизвестные люди силою веры, силою безграничного самоотвержения воскресали польскую силу и теперь создали такую могущественную организацию, что польское дело опять стало действительностью. Не будьте же вы гордыми язычниками и преклонитесь перед чудом, перед святым делом, совершенным во спасение вашего края этими людьми темными и неизвестными».

Тому же Коссиловскому он писал 28 декабря: «Адресы офицеров [2] не миф, не наша выдумка, а факт серьезный. Русский военный комитет существует в самой Варшаве, и мы имеем с ним постоянные отношения. Действия его распространились во все стороны, и главное военное общество в одном Царстве Польском считает около 400 офицеров. Кроме того скажу Вам одну вещь, которую прошу Вас сохранить в величайшей тайне и сказать только Замойским и своему тесному кругу Ваших доверенных, молчаливых друзей. Месяц тому назад Центральный петербургский Комитет «Земская Дума» выслал своих депутатов в Варшаву и пригласил в Петербург депутатов от Польского Центр. Комитета, равно как и депутатов от русского военного Комитета, на общее совещание и на заключение союза оборонительного и наступательного во имя целой России, говорить за которую этот Коми-

---

[1] Т.-е. генерала Мирославского.

[2] Речь идет об адресе офицеров, поданном в Варшаве вел. кн. Константину Николаевичу и заявлявшем об их нежелании подавлять поляков.

тет действительно имеет право [1]. Таким образом, союз, заключенный поляками с нами, ратификован на тех же самых основаниях в самой России. Союз наш теперь составляет не мечту, а грозную для империи и спасительную для обоих народов действительность, которая выразится, надеюсь, скоро в солидарности торжественных, победоносных действий» [2].

К сожалению, действительность не оправдала радужных надежд Бакунина, которого революционная страсть нередко увлекала и толкала на необдуманные заявления и неосуществимые обещания [3]. Но упрекать его в этом было бы жалким филистерством. Кто из крупных исторических деятелей не поддавался моментами порывам революционного рвения и не делал оптимистических предсказаний, впоследствии опровергавшихся действительным ходом вещей? Разве К. Маркс не ждал мировой социальной революции? Разве Жюль Гэд в лучшую пору своей жизни не был уверен, что он своими глазами увидит падение капиталистического режима во Франции? Разве уравновешенный Бебель, который чужд был свойственных Бакунину революционных увлечений, не предсказывал наступления социалистической эры в Германии к началу XX века? А в начале 60-х годов XIX века, как мы выше указывали, уверенность в близости революционного взрыва в России (военно-крестьянского восстания) была широко распространена — вплоть до

---

[1] Вообще трудно понять, о каком факте говорит здесь Бакунин. Ясно одно, что речь идет о «Земле и Воле» (а не «Земской Думе», как ошибочно сказано у Бакунина). Сообщение это не может относиться к поездке А. Слепцова, которая состоялась только в январе 1863 года. Не имеет ли Бакунин здесь в виду какую-нибудь поездку Потебни? Падлевский действительно был в Петербурге в декабре 1862 г.

[2] В письме к тому же Коссиловскому от 5 января 1863 года Бакунин выражает надежду на близость русской революции: «В России буря полицейских гонений не переставала со времени пожаров, но она никого не пугает; напротив, все готовится и организуется в смысле адреса офицеров: «Земля да Воля» — и кажется, кажется... не пройти будущему лету без громадной катастрофы. Дайте нам только расшевелиться; опираясь на наше движение, вы можете смело повернуть фронт свой против немцев, насмеяться над всем западным дипломатическим староверчеством». Это место нужно понимать в том смысле, что в случае русской революции поляки, ограничившие район своего восстания «российским забором», могли бы вступить в борьбу с Пруссией и Австрией за польские земли, захваченные последними двумя державами.

[3] Впрочем, сами поляки преувеличивали успехи революционной пропаганды в войсках и питали надежды, которые оказались неосновательными. Это видно, между прочим, и из сообщений Миловича, приводимых у Лимановского (цит. соч., стр. 161 — 163).

русских правящих кругов [1]. Кто же теперь позволит себе бросить запоздалым камнем в Бакунина, который, сам будучи уверен в близости революции и призывая ее всеми силами своей души, давал в этом смысле некоторые обещания и пытался внушить окружающим ту веру в успех, без которой немыслимы решительные выступления? [2].

Как бы там ни было, расчеты Бакунина и особенно Потебни на массовый переход русских офицеров и солдат на польскую сторону не оправдались. Была ли тут вина поляков [3] или, что гораздо проще,

---

[1] Замечательно, что и Энгельс, знавший в то время русские дела лучше, чем Маркс, допускал возможность победы поляков и связывал ее с ожиданием русской революции. 17 февраля 1863 года он писал Марксу: «Поляки — славные ребята. Если они продержатся до 15 марта, то вся Россия пойдет вверх дном. Вначале я чертовски боялся, что дела пойдут плохо. Но теперь шансы на победу намного превышают шансы на поражение». 11 июня он писал ему же: «За последнее время дела в Польше идут, кажется, не так хорошо... Но дело может еще поправиться, хотя шансы убывают. Если они продержатся, то могут еще дождаться общеевропейского движения, которое их спасет... Что меня больше всего поражает, так это то, что в Великороссии не вспыхнуло крестьянское движение. Повидимому, польское восстание производит там решительно неблагоприятное действие».

[2] Даже скептически и меланхолически настроенный Герцен временами поддавался общей вере и общему настроению. Так, в письме к Сохновскому от 4 апреля 1863 года, когда, собственно, первоначальные ожидания уже поблекли, он неожиданно высказывает довольно радужные надежды на успех: «Дела идут недурно, и новости из России удовлетворительны... Убийства в Польше, грабеж и насилие произвели перелом, и все партии дружно сливаются для низвержения ненавистного правительства. Расколы (т.-е. раскольники. — *Ю. С.*) должны занять первый план драмы, а после и крестьянское дело не замедлит... В Казани Комитет («Земли и Воли». — *Ю. С.*) отлично устроен; это — образец ума и логики; чорт знает откуда они извлекли устав Вейсгаупта. Прокламации печатаются бессчетно, и молодой народ с увлечением читает «Землю и Волю». Удачно составлено» (т.-е. 1-й номер «Свободы». — *Ю. С.*). В таком же тоне написано письмо к Игнатию Пиотровскому от 12 апреля. А в письме к поляку Н. Д. от 23 апреля Герцен, хотя и говорит снова о неподготовленности русского движения, тем не менее выражает уверенность в победе польского дела.

[3] Нападение на русские войска произведено было поляками без предуведомления русского офицерского комитета. Это было понятно, но все же оставило горький осадок. Говорят, что дело не обошлось без печальных недоразумений, и что при нападении будто пострадали и члены общества «Земля и Воля». В военных кругах, даже сочувствовавших полякам, произошел перелом не в их пользу. По словам Герцена, А. Слепцов, находившийся в Польше во время этого нападения, «с негодованием рассказывал, как поляки, пригласившие его в Варшаву, ничего не сделали. Он был первый русский, видевший начало восстания. Он рассказал об убийстве солдат,

по самому существу дела (одно национальное движение против другого, вызвавшее с обеих сторон взрыв националистических страстей) иначе и быть не могло, но только из русских войск лишь отдельные лица и только в единичных случаях переходили на сторону повстанцев (мы, конечно, не говорим об офицерах-поляках русской службы). В самой России никаких восстаний, которые явились бы диверсией в тылу русской армии, действовавшей в Польше, тоже не произошло. С этого момента поражение польских повстанцев оказа-

---

о раненом офицере, который был членом общества. Солдаты думали, что это предательство, и начали с ожесточением бить поляков. Падлевский, главный начальник в Ковно, рвал волосы, но боялся ясно выступить против своих». Бакунин в своем письме к польскому национальному правительству от 2 февраля 1863 г. не решается обвинять поляков, но указывает на совершенную ими ошибку, а, как известно, в делах политических ошибка бывает подчас хуже преступления. «Когда вспыхнуло польское восстание, — пишет Бакунин, — мы, ваши русские друзья в Петербурге и Лондоне, надеялись, что часть русских войск, расположенных в Царстве Польском, присоединится к вам. Получавшиеся нами сведения давали нам основание думать, что на этот раз лучше настроенные, чем в 1831 году, наши офицеры и солдаты поймут, что для более благородного и продуктивного служения своему отечеству они должны восстать вместе с вами против петербургского правительства, которое, душа вас, позорит и губит Россию. Наши надежды пока еще не сбылись. Кто в этом повинен? Ошиблись ли мы насчет настроения русских войск? Нет, это настроение во многих как пехотных, так и артиллерийских частях было превосходным; эти солдаты с нетерпением ждали сигнала к возмущению. Почему же они не восстали? Избави меня бог от каких-либо обвинений! Вдобавок мы, русские, и особенно в настоящую минуту, сделали бы величайшую глупость, если бы позволили себе хотя бы малейший упрек по адресу польской нации. Но для правильной оценки переживаемого момента приходится констатировать факт. Варшавский Центральный Комитет, который первоначально, казалось, дорожил союзом с революционной партией в России и сильно рассчитывал на сочувственное настроение расположенных в Польше войск, в последнюю решительную минуту, повидимому, изменил свою точку зрения и, не полагаясь на положительные и основательные уверения наших офицеров, как кажется, решил, что рассчитывать на помощь русских войск было бы безумием, но что нужно воспользоваться их моральным потрясением и естественно вызванными им колебаниями, для того чтобы неожиданно напасть на них и обезоружить. А так как поляки вдобавок испытывали недостаток в оружии, то надлежало силою захватить его у солдат. С моральной точки зрения поляки были правы, ибо до тех пор, пока на польской земле находится хотя бы один русский солдат, если только это не союзник и друг, он считается вне закона. Итак, нет ничего более естественного и законного, чем напасть на него и умертвить, для того чтобы овладеть его оружием. Однако я думаю, что Варшавский Центральный

лось лишь вопросом времени, и естественно, что это не могло не посе-лить горечи в сердцах поляков, возлагавших много надежд на русскую революцию. Вместо надежд на восстание в России они начинают воз-лагать свои упования на европейскую дипломатию, а в связи с этим позиция «белых» в польском движении усиливается, тогда как позиция «красных», взявших на себя почин в деле соглашения с русскими революционерами и естественно имевших меньше доступа в дипломати-ческие канцелярии, чем «белые» аристократы, соответственно слабеет [1].

Комитет ошибся в расчете: много оружия он таким путем не раздобыл, но одним ударом сорвал работу целого года; он лишил себя важной, я сказал бы — мощной поддержки против русского правительства, которое, будучи подорвано и совершенно деморализовано внутри страны и прези-раемо во-вне, было бы не в состоянии бороться с об'единенными поляками и русскими. Был ли возможен союз? Да, ибо пропаганда оказалась про-дуктивной, наши солдаты с нетерпением ждали часа освобождения и при первом же крике возмущения, брошенном польскими патриотами, несколько рот принесли присягу (?) народному знамени с надписью «Земля и Воля» и поджидали лишь подхода революционных банд, чтобы к ним присоединиться. Но когда последние, вместо того чтобы протянуть им руку, напали на них с целью насильственного их обезоружения, т.-е. с целью их избиения, эти самые солдаты, столь хорошо подготовленные, готовые восстать вместе с вами и за вас, неизбежно изменили свое настроение и превратились в ваших ожесточенных врагов. Теперь же приходится опа-саться, чтобы их ожесточение не оказалось тем сильнее, чем шире и серьезнее были вначале их сочувственное расположение и их надежды. Русское правительство, естественно, постарается обострить и разжечь их дурные страсти... А в таком случае вместо вожделенного и ожидаемого союза между поляками и русскими повторится истребительная война, вели-кое несчастие, которое будет выгодно только для берлинских и петербург-ских немцев, но которое, позвольте мне это сказать вам, господа, еще раз погубит Польшу».

[1] На Герцена крушение этих ожиданий подействовало совершенно удру-чающим образом. В письме к Огареву от 5 февраля 1863 г. он говорит: «От Миловича письмо. До сих пор, — пишет он, — ни одного русского сол-дата не перешло, ни один офицер не отказался от команды против поля-ков. Меня обдает ужасом: это хуже расстреливания. Ты помнишь, что я был дурным пророком в деле адресов (офицерских, заявлявших о сочув-ствии полякам. — *Ю. С.*). Хм[елинский], прощаясь, мне сказал: «Потебня, да, Потебня — превосходнейший человек, да кроме-то его кто?». Герцен начи-нает предчувствовать, что ввиду занятой «Колоколом» позиции неудачный исход польского восстания нанесет его делу непоправимый удар. «Если,— говорит он в письме к Огареву от 4 февраля 1863 г., — инсуррекция будет подавлена без малейшего участия в России, и вся литература будет ругать Польшу, à la Мартьянов и Аксаков, да и крестьяне пропустят желанный день, то не пора ли и нам в отставку?». И он доходит до такого отчаяния,

И Бакунин, все же не потерявший надежды, делает последнюю отчаянную попытку убедить поляков вернуться к первоначальной точке зрения, признать необходимость тесного союза русских и польских революционеров и (после двукратного отказа) пригласить его в Польшу для организации имеющихся там под рукою русских революционных сил. С этой целью он пишет свое известное обращение к «Центральному правительству польского восстания» (вернее, к Ржонду Народовому, в который превратился Центральный Комитет после восстания) от 2 февраля 1863 г., частично цитированное нами выше.

Разобрав ошибку польского Центрального Комитета по отношению к русским войскам и указав, что присоединение русских войск к повстанцам поднимет их престиж в глазах колеблющегося польского крестьянства, которое начнет примыкать к восстанию, когда увидит его сильным, Бакунин продолжает:

«Присоединение русских войск к польскому движению является для нас вопросом моральной реабилитации и чести, а для вас вопросом спасения. Ввиду этой настоятельной необходимости останемся ли мы со скрещенными руками и не об'единим своих усилий для исправления содеянного зла — вы, временное правительство польского восстания, и мы, русские революционеры? Если вы, господа, полагаете, что таков долг ваш и наш, я предоставляю в ваше распоряжение всю мою добрую волю и активное содействие всех моих друзей-соотечественников в Лондоне, Петербурге и главным образом в Польше. Мы можем помочь вам двумя способами: во-первых, диверсиею в России, беспокоя правительство внутренними волнениями и мешая ему сосредоточить все свои силы против вас. Для этого мы постараемся ускорить тайную организацию и пропаганду в армии, равно как и провинции, для того чтобы в том случае, если ваша революция распространится до пределов России, она была там по братски встречена и подхвачена. К сожалению, она застигла нас врасплох. Мы говорили вам за несколько месяцев

что готов желать унижения и расчленения России. «Если б мы верили, — говорит он в статье «Преступления в Польше» (№ 156 «Колокола» от 15 февраля 1863 г.), — что русский народ в своем азиатском раболепии любит господство над другими народами и в силу этого выносит рабство и в силу этого станет теперь за правительство против Польши, нам осталось бы только желать, чтоб Россия, как государство, была уничтожена, обессловлена, разбита на части, желать, чтоб оскорбленный и попранный народ русский начал новую жизнь, для которой память прошедшего была б угрызением совести и грозным уроком». А через полтора года, 27 августа 1864 г., он писал сыну: «Польское дело и наше участие в нем положило нас в лоск и не меньше бак[унинск.] разглагольствования».

до того, и наши петербургские друзья вам повторили, что мы совершенно еще не готовы, и что, если бы мы были предоставлены самим себе, нам для организации наших сил потребовался бы несомненно год, а может быть, два или даже три года. Однако я не сомневаюсь, что в случае массового выступления крестьян на Литве и на Украине восстанут и великорусские крестьяне, а вы можете быть уверены, что мы не дремлем.

«Вторым видом поддержки вас было бы сформирование в Польше и в самом стане польской революции русского легиона. Такова моя главная задача и самое дорогое для меня пожелание. Не может быть никакого сомнения в том, что наличность такого русского национального легиона с великолепным знаменем «Земля и Воля» произвела бы огромное моральное впечатление и на всю направленную против вас русскую армию, и на всю Россию. Один факт его существования равнялся бы нескольким выигранным битвам. К несчастью, осуществление этого проекта стало несравненно более трудным, чем это было бы месяц тому назад. Я не стану возвращаться к нашим жалобам. Впрочем, повторяю, вы имели полное право поступать так, как поступили. Но вы не должны удивляться тому, что система, принятая вами несомненно по зрелом размышлении, — система, исключавшая всякую веру в сочувствие и содействие русских войск, вызвала в их настроении плачевную реакцию. Русские войска оскорблены и побуждаются их начальством к отвратительным жестокостям, которые, возбуждая ненависть и мстительность польского населения, угрожают превратить эту войну в борьбу не на живот, а на смерть, в ужасную бойню. Наш долг, долг ваших неизменных русских друзей, повелевает нам броситься между русскими солдатами и вами, дабы воспрепятствовать, если только время для этого еще не ушло, завершению нашего позора и вашего горя, дабы спасти польскую и вместе с тем русскую революцию путем примирения польского народа с русскими солдатами и путем внушения последним более человеческих чувств. Это и без того трудная задача, но она станет неосуществимой, если вы не проникнетесь в такой же степени, как и мы, сознанием настоятельной необходимости этого примирения, и если вы не придете нам широко и от всей души на помощь».

Далее Бакунин жалуется на неискреннее отношение руководителей польского восстания, на систематическое замалчивание его предложений и на отказ допустить его в Польшу (это место мы привели выше). После чего он продолжает:

«Для того, чтобы сформирование русского легиона в Польше было возможно, прежде всего необходимо, чтобы польское центральное пра-

вительство было глубоко убеждено в его полезности для польского дела, и чтобы оно внушило это убеждение всем главным вождям польского восстания, ибо если последние выкажут отрицательное или хотя бы безразличное отношение к этому вопросу, то лучше и не начинать, так как это дело может удаться лишь при условии твердой и постоянной поддержки его польским сочувствием. В таком случае необходимо, чтобы вы не поддавались столь естественному стремлению к репрессалиям или, по крайней мере, применяли их только к генералам, полковникам вплоть до майоров, особенно к офицерам-немцам и вообще ко всем тем офицерам, на которых голос русских пленных солдат укажет как на злобных насильников. Что же касается последних, то, продержав их достаточно времени, чтобы они могли проникнуться польским духом, нужно будет отпустить тех из них, которые не пожелают вступить в польский (описка; ясно, что нужно: русский. — *Ю. С.*) легион, так как они станут пропагандистами в недрах русской армии, в которую они вернутся» [1].

В заключение Бакунин заклинает польское национальное правительство искренно ответить, доверяет ли оно русским революционерам и готово ли на указанных условиях работать с ними (это место приведено выше).

---

[1]) Мысль об образовании русского революционного легиона из военнопленных была давней мыслью Бакунина. Она возникла у него еще в 1848—1849 годах, как он сам рассказывает в своей «Исповеди» перед Николаем I. «Я... готов был ухватиться за всякое средство... заговор в войсках, возмущение русских солдат, увлечение русских пленных, для того чтобы составить из них начаток русского революционного войска». Ясно, что в 1863 году условия для практического осуществления этой идеи были более благоприятными, чем в 1848 году. Тогда, т.-е. в 1848 г., на Бакунина могла оказать влияние известная попытка его друга Гервега, который вторгся в Германию с революционным легионом, составленным из проживавших во Франции немецких ремесленников. Бакунин, как мы знаем, выступал в защиту этого предприятия против критики Маркса (см. т. I этой работы).

Глава третья.

ПОПЫТКА БАКУНИНА ПРИНЯТЬ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ.

1. Планы и цели Бакунина:

Мы уже знаем, что Бакунин решил лично принять активное участие в польском восстании, которое он считал прелюдией к революции в России. Это решение, которое бродило у него в душе с первых дней появления в Лондоне, а может быть, уже и в Сибири (как можно догадываться по некоторым намекам в его сибирских письмах), окончательно сложилось у него после переговоров с Варшавским Центральным Комитетом в Лондоне в сентябре 1862 года. Об этом он писал и Эмме в Иркутск, и своему брату Александру. Исключительно активная и инициативная роль, которую Бакунин играл в сношениях с поляками, его литературные выступления, его декларации, которые он делал польским революционерам, как бы обязывали его проявить свою симпатию к польскому восстанию делом.

Герцен полагал, что после всех своих слов и предварительных действий Бакунин морально о б я з а н принять личное участие в борьбе. Бакунин и сам смотрел так на дело. В письме из Гельсинборга от 31 марта 1863 года он писал Герцену и Огареву: «Я принял бы участие в этой экспедиции (Лапинского. — *Ю. С.*) даже и тогда, когда бы знал, как мало было оставлено ей шансов успеха, и что даже жена моя приехала в Лондон, — принял бы в ней участие, потому что всем существом знал, чувствовал, понимал м о й д о л г в о ч т о б ы т о н и с т а л о и т т и в П о л ь ш у — п о т о й ж е с а м о й причине, к о т о р а я м е н я и т е п е р ь с т р е м и т к а к м о ж н о с к о р е е т у д а» (курсив мой).

А Герцен в письме к Бакунину от 1 сентября 1863 г., цитированном нами выше при характеристике существовавших между ними разногласий, говорил своему другу: «Ты, как Милорадович, берешь

энергией, а не интуицией. На это лучшее доказательство — польский союз. Он был невозможен, они поступили с нами неоткровенно — результат тот, что ты чуть ли не потонул в нем, а мы сели на мель. Что ты меня попрекаешь, что я видел и не остановил? Ты, брат, стихия, солому ломишь, — как тебя остановить? Я был против напечатания адреса офицеров в «Колоколе», я был против жертвоприношения Потебни, против твоей поездки. Но когда ты поехал[1] на деньги Бран[ицкого], когда адресы были везде перепечатаны, я считал, что ты и офицеры обязаны делом подтвердить ваши слова; и когда ты засел в шведах, мы с Огаревым, боясь за тебя, послали телеграммы. То, что твоя нога была на пароходе, совершенно оправдало тебя; за что же ты попрекаешь 7-й раз? Тебе не было выхода без опыта побывать в Польше».

То же подтверждает и Огарев в письме от 12 октября, тесно связанном с предыдущим письмом Герцена и тоже цитированном нами в указанной главе о разногласиях между старыми друзьями. «Под влиянием польских агентов, — пишет Огарев Бакунину, — ты зашел в союз слишком далеко, так что тебе сесть на корабль была одна из тех необходимостей, которые в жизни не подлежат выбору. «Kann ich nicht mehr zurück, weil ich es gewollt» («не могу пойти вспять, ибо я этого хотел»), говорит Валленштейн. И «Колокол» не мог удержаться в надлежащем равновесии. Видишь ли теперь по опыту, что все, что было мечтательного, не состоялось? Союз с национальным правительством был шаток; их мнение — то, которое тебе высказал Демонтович (т.-е. что поляки предпочитают власть царя господству социализма. — *Ю. С.*)... Твой от'езд заставил Паз.[2] непременно ехать. Я не говорю, что надо было устраниться от смерти — не в том вопрос. А устраняться от общественных ошибок надо. Сам видишь, что из всего этого вышло ослабление, а не усиление нашего влияния».

Разумеется, Бакунин смотрел на дело не так, как Герцен и Огарев, вообще неохотно ввязавшиеся в переговоры с поляками, не верившие в успех польского восстания и в русскую революцию и меньше всего помышлявшие об активном участии в движении. Долг свой Бакунин по-

---

[1] Неясно, идет ли здесь речь о поездке Бакунина в Париж в июле—августе 1862 года или о поздке в Стокгольм; Бран., вероятно, означает гр. Ксаверия Браницкого, польского эмигранта (между прочим, давшего средства и на организацию морской экспедиции).

[2] Не идет ли здесь речь о сыне Герцена (А. А.), который должен был выехать в Швецию вслед за Бакуниным?

нимал вовсе не в смысле необходимости «оправдать» себя, кому-то что-то доказать, реабилитировать себя за допущенные неумеренные посулы полякам и т. п. [1]. Он давно мечтал об участии в серьезном революционном движении и с радостью готов был сложить свою голову за попытку поднять восстание крестьян в России. Правда, история представилась ему не так, как он хотел, но по всему своему характеру Бакунин не был человеком, способным отступиться от «дела», если оно не во всем соответствовало его желаниям и чаяниям. Революционный долг он понимал не в таком обывательском смысле, как Герцен, который связывал даже этот «долг» Бакунина с фактом получения денег на поездку от поляка Браницкого. Как настоящий, а не кабинетный революционер, Бакунин считал себя обязанным быть с теми, кто сражается за свободу, и там, где идет борьба. И притом совершенно независимо от того, обеспечен ли успех революции или нет. В последнем случае, он, пожалуй, считал для революционеров и для себя в том числе еще более обязательным поставить на карту свою голову и кровью закрепить революционную солидарность борцов. Выражая в письме к Коссиловскому сомнение в действительном успехе польского восстания (эту цитату мы привели в предыдущей главе), Бакунин прибавляет: «И знаете, о чем я молю? Чтоб в случае неудачи как можно более русских погибло в борьбе за польское дело, чтобы братство наше освятилось делом и кровью — и рад бы умереть вместе с ними... А бог знает... ну, да об этом еще говорить не станем» [2]. Таким образом Бакунин не нуждался в запоздалых напоминаниях спокойно сидевшего в Лондоне Герцена насчет того, что у него, Бакунина, дескать другого выхода, как поехать в Польшу, не было [3].

Из разбросанных до сих пор отдельных указаний мы уже приблизительно знаем, каковы были планы Бакунина, которые он хотел осуществить на месте в Польше. Один из этих планов сводился к сформированию в Польше из русских военнопленных солдат и офицеров, а также русских военных сфицеров, сочувствовавших польскому восстанию, р у с с к о г о л е г и о н а, который, сражаясь под красным знаменем «Земли и Воли», вносил бы разложение в русскую армию и

---

[1] Замечательно, что Герцен и Огарев считали Бакунина морально обязанным рискнуть своей шкурой, но к себе этого требования не пред'являли!

[2] Намек на готовность Бакунина лично двинуться в Польшу, что он вскоре и осуществил.

[3] В письме к Огареву от 5 февраля 1863 г. Герцен пишет: «Бак. собирается (в Швецию, а оттуда на Литву. — *Ю. С.*), но тихо этого не сделает. Au reste (впрочем), он печальнее обыкновенного».

пробуждал бы сочуввствие русских крестьян за польским рубежом. Другой план, отчасти связанный с первым и занимавший, конечно, главное место в конструкции Бакунина, заключался в тыловой диверсии, т.-е. возбуждении военно-крестьянского восстания внутри самой России, при чем допускалось, что начнется это восстание на Литве и на Украине, а затем перекинется и в Великоросию, т.-е. в самую твердыню царизма [1].

Бакунин был уверен — и неоднократно высказывал эту мысль полякам, — что, предоставленное собственным силам, польское восстание непременно будет разбито превосходными силами русского правительства [2], и что только помощь со стороны русской революции может спасти поляков. Отсюда его стремление к соглашению; отсюда его настойчивые попытки убедить руководителей польского восстания в необходимости взаимной поддержки в общих интересах; отсюда, наконец, его неудержимое стремление пробраться в Польшу, на Литву, чтобы там на месте организовать подходящие силы и вызвать восстание в русских и украинских областях. В этом деле Бакунин совершенно не считался с вопросами личного самолюбия. Он неоднократно предлагал, можно сказать навязывал свои услуги Варшавскому Центральному Комитету; получив дважды отказ, 2 февраля 1863 года снова обратился с предложением своих услуг к сменившему Центральный Комитет Ржонде Народовому; одновременно писал о том же польскому диктатору Лангевичу, В. Миловичу [3],

---

[1] «Цель Бакунина состояла в том, — пишет Герцен в статье об экспедиции Лапинского («Пароход Ward-Jackson»), — чтоб, устроивши все в Швеции, пробраться в Польшу и Литву и стать во главе крестьян». Планы Бакунина шли еще дальше.

[2] «Им необходимо наше содействие. Сколько бы героизма они ни показали, без него они погибнут» (письмо к Герцену и Огареву из Киля от 24 февраля 1863 г.). В более деликатной форме та же мысль выражена в обращении Бакунина к польскому Народовому Ржонду от 2 февраля (приведено выше).

[3] В письме Миловича к В. Марчевскому от 29 января—10 февраля 1863 г. (напечатано в «Красном Архиве», 1924 г., т. VII, стр. 110—112) сказано: «Я получил также письмо от Бакунина, у которого уже готовы и паспорт, и необходимые для путешествия деньги, и который предлагает немедленно ехать в Польшу. Он спрашивает, не находите ли вы необходимым его присутствие; с своей стороны, я прошу вас указать мне место, куда я должен его направить. Вы, конечно, поймете, что национальная честь предписывает нам принять все меры, чтобы обеспечить ему благополучное путешествие и не дать с самого начала попасть в руки москалей. Я полагаю, что его присутствие может быть очень для нас полезным,

Александру Гуттри [1] и, вероятно, другим. Повидимому, положительного ответа Бакунин так и не добился. И у нас есть все основания думать, что пустился он в путь, не имея прямого приглашения от польского национального правительства.

Об этом можно судить как по одному месту письма его к представителю «Земли и Воли» от 9 июля [2], так и по письму его из Киля от 24 февраля 1863 года, где он пишет: «Пусть Кард (т.-е. Цверцякевич. — *Ю. С.*) сообщится с друзьями и пошлет кого-нибудь из них, но непременно дельного, в Копенгаген... Для переговоров нельзя выбрать место лучше Копенгагена. Переговаривать в Берлине или в каком другом месте, благоденствующем под прусским орлом, глупо, потому что очень опасно, — опасность же должно искать в Польше, а не в Пруссии: в последней она бесславна и бесполезна. Я желал бы, чтоб сам Гервард (Herward, см. лексикон Карда) [3] приехал ко мне, если только он не уехал в Царство Польское. Кард скажет, может быть, что Herward слишком важный человек, чтоб так раз'езжать. Я человек не важный, но дело мое важное, стоющее того, чтоб Herward расшевелился. Если он в Берлине или в Познани, то время его не слишком дорого, они там гораздо более болтают, чем делают. Мне бы хотелось, переговорив с ним, прямо махнуть в Конгрессовку. Если делать, так теперь. Тут время действительно дорого. Но прежде чем начать дело, прежде чем ехать, надо переговорить и согласиться толком и знать, именно куда и к кому и через каких людей, через какие перемежные станции ехать.

и что стоит пожертвовать временем и трудом, чтобы обеспечить ему безопасность путешествия». На месте, видимо, смотрели на дело иначе.

Кстати, на той же странице к словам «З. Мильк» В. Полонский делает примечание: «Неизвестный». Смеем уверить его, что очень известный. Здесь речь явно идет о Зигмунте (Сигизмунде) Милковском (впоследствии прославившимся под псевдонимом Т. Еж), который в тот момент организовывал отряд в Молдавии. Об этом можно узнать из того же тома «Исторического Вестника», на который ссылается В. Полонский, говоря о статье Берга относительно экспедиции Лапинского. Дальше напечатана статья того же Берга об экспедиции Милковского (стр. 783 и след.).

[1] А. Гуттри — познанский помещик; привлекался к процессам против поляков в Пруссии в 1847 и 1864 г.г.; в 1863 г. жил в Париже; активно помогал восстанию из-за границы.

[2] Сообщив о двукратном отказе поляков, Бакунин продолжает: «Когда я, несмотря на это, решил принять участие в литовской морской экспедиции через Балтийское море» и т. д.

[3] Кто скрывался под именем Herward, не знаем. Возможно, что речь идет о В. Миловиче, который тогда находился за границей. Лексикон Карда это тот самый, который вызвал такое негодование Герцена против неконспиративных приемов Бакунина (см. выше).

Если ж они пришлют дурака или полудурака, то с ним не столкуешься». Ясно, что Бакунин пустился в путь на авось, и только в Копенгагене, а затем в Швеции намеревался вести переговоры с польскими представителями.

Повидимому, непосредственной своей задачей Бакунин ставил в тот момент сформирование русского легиона, значение которого он видел не столько в активной помощи вооруженной борьбе поляков, сколько в агитационном воздействии на русские войска, сражавшиеся против поляков. Это видно из дальнейшего содержания цитируемого письма. Указав на возможную «половинную» поддержку польского восстания со стороны европейской дипломатии, Бакунин продолжает: «Но и русское начальство также не дремлет; оно раз'ярило солдат наших до такой степени, что они неистовствуют как звери — покрывают срамом русское имя и возбуждают против себя всеобщую ненависть. На таких солдат, в пользу таких солдат действовать нелегко. А все надо попробовать. Только для самой пробы, для приступления к ней нужны широкая польская симпатия и помощь, а при таком образе действия русского войска можем ли мы ожидать их? Расчитывать мы можем только на один ум польский, если он не ослеплен страстью, но сознанием своих собственных интересов». И дальше Бакунин говорит, что без русской помощи польское восстание обречено на неминуемое поражение.

В письме к Александру Гуттри, примерно за месяц до своего от'езда в Швецию [1], Бакунин указывает еще на один свой план, а именно на попытку вызвать восстание в Финляндии, а с этой целью даже интервенцию Швеции [2]. Начинается оно

---

[1] Это важное письмо, если только оно подлинно (а по содержанию это весьма вероятно), в оригинале, должно быть, было написано по-французски. Мы знаем его в двух переводных версиях: одна имеется в «Деле» о Бакунине, т. IV, стр. 115—116 и озаглавлена: «Перевод письма Магнуса Б. (Бакунина) из Копенгагена (?) от 2 февраля 1863 г. к А. Гуттри»; вторая приводится в книге [Ратча] «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа», 1831 — 1863 г.г. (Извлечение из «Вестника Западной России»), Вильна, 1866, стр. 345, и перепечатана в книжке Н. В. Гогеля — «Иосафат Огрызко и петербургский революционный Ржонд в деле последнего мятежа», Вильна, 1866, стр. 50 и сл. — Вторая версия короче и менее полна, но в ней стиль несколько подправлен.

[2] Если верить сообщению Лапинского в его «Записках» (приведено у Лимановского, цит. соч., стр. 270), то Бакунин в Швеции говорил ему, что «настроение в Швеции и Норвегии, начиная с высших сфер и кончая народными массами, в высшей степени для нас (поляков) благоприятно, и

так: «Ваше письмо убедило меня, что еще не настало время отправления моего в Польшу. Я не хочу и не могу оставить план, выполнение которого составляет для меня драгоценнейшую надежду всей моей жизни, и к которому я приступлю не прежде, как убедившись, что присутствие мое в Царстве желательно». Далее Бакунин сообщает, что считает излишним снова обращаться к польскому Центральному Комитету, так как он все равно ему не отвечает, но пишет к Лангевичу, которому и просит срочно переслать прилагаемое письмо [1], и продолжает: «Тем временем я отправлюсь в Стокгольм, чтоб дождаться там благоприятных известий, и употреблю все мои усилия к тому, чтоб возбудить в Финляндии движение, которого желаем не только мы, но и наши друзья в Петербурге [2]... Если только мне удастся побудить славолюбивых шведских патриотов начать восстание в Финляндии, то я буду очень доволен и счастлив [3]. Подобная диверсия имела бы громадное влияние на русское правительство, на Европу и даже на самую Россию; но я хочу и должен отправиться в Польшу» [4].

если бы какая-нибудь великая держава высказалась за нас, то эти народы без сомнения первыми бы выступили против Москвы с оружием в руках».

[1] Так как тою же датою помечено обращение Бакунина к «Центральному правительству польского восстания», в выдержках приведенное нами выше, то не является ли это обращение этим самым письмом к Лангевичу?

[2] Это весьма интересное указание. Если оно верно, то говорит об участии «Земли и Воли» или некоторых ее членов в этом диверсионном плане.

[3] После приведенного выше сообщения Лапинского о разговоре с Бакуниным по поводу настроения в Швеции и Норвегии, Лимановский (стр. 270—271) продолжает: «Это (благоприятное полякам) настроение умов в Швеции распространилось также на Финляндию, которая в то время была охвачена мощным патриотическим порывом. Тщетно, поэтому, в Петербурге и Гельсингфорсе старались склонить финляндцев к участию в российской кампании адресов («патриотических». — *Ю. С.*), обещая им национальные уступки. Финляндцы не захотели воспользоваться чужою бедою и в течение всего (польского) восстания держались с большим достоинством». Но и выступлений активных в Финляндии никаких не произошло.

[4] Интервенции Швеции помешало, между прочим, и прусское правительство. По этому поводу в отчете III Отделения за 1863 год содержится интересное место: «Чарторыйский и Бакунин продолжали (после неудачи экспедиции Лапинского. — *Ю. С.*) действовать в Швеции в пользу поляков; но осторожность министерства и письма гамбургских банкиров (несомненно действовавших в данном случае по приказу Бисмарка. — *Ю. С.*), угрожавших шведскому правительству, в случае поддержки польского восстания, упадком кредита и невозможностью нового займа, привели к благоприятному результату. Сейм подал голос в пользу сохранения мира, и Чарторыйский, видя все свои усилия тщетными, выехал из Стокгольма, где

В Польшу он хотел пробраться, как мы уже знаем, для организации русского легиона и для возбуждения восстания среди русских старообрядцев, населявших Литву (так он писал представителю общества «Земля и Воля» 9 июля 1863 г. из Стокгольма).

2. Бакунин и шведское общество [1]).

Не дождавшись приглашения от польского национального правительства, Бакунин на собственный страх и риск выехал 21 февраля 1863 года в Стокгольм, чтобы оттуда завязать сношения с Финляндией, Петербургом и Польшей. Допуская возможность того, что из этой поездки ему не придется вернуться живым, Бакунин распростился с друзьями. «Прощайте, друзья! — писал он Герцену и Огареву за несколько часов до от'езда. — Спасибо вам за годовую верную и крепкую дружбу. Теперь вперед! Назад не надо да и не хочется».

23 февраля от был в Гамбурге, 24-го в Киле, 25-го в Копенгагене, а в начале марта уже в Швеции. Здесь он развил довольно шумную агитацию среди шведских либералов, стараясь восстановить шведское общественное мнение против царизма, пытался связаться с оппозиционными финнами (из партии финноманов), наладить пути в Россию и подготовить свою поездку в Польшу или, вернее, в Литву для организации там крестьянского восстания.

«Бакунин был уже в Швеции, — рассказывает Герцен, — знакомясь со всеми, открывая пути в «Землю и Волю» через Финляндию, слаживая посылку «Колокола» и книг и видаясь с представителями всех польских партий. Принятый министрами и братом короля [2], он всех уверил в неминуемом восстании крестьян и в сильном волнении умов в России, уверил тем больше, что сам искренно верил, если не в таких размерах, то верил в растущую силу. Об экспедиции Лапин-

---

остался один Бакунин, надеявшийся еще через Сольмана и других журналистов взволновать Финляндию».

[1] Считаю долгом выразить глубокую признательность т. Гр. Александрову, который любезно разыскал и доставил мне много новых материалов относительно пребывания Бакунина в Стокгольме.

[2] Герцен говорит о приеме Бакунина братом короля; в новом издании шведской энциклопедии говорится о приеме его самим королем. То же самое говорит Менгель в цитируемой ниже статье. Лемке в своих комментариях к Герцену (Соч., т. XIV, стр. 679) выражает сомнение в «сношениях Бакунина с шведскими министрами и даже с братом шведского короля» и предлагает биографам Бакунина «выяснить это обстоятельство». Приводимыми нами фактами оно выяснено.

ского тогда никто не думал. Цель Бакунина состояла в том, чтобы, устроивши все в Швеции, пробраться в Польшу и Литву и стать во главе крестьян» [1].

В статье «Бакунин», помещенной за подписью H. W. [2] в старом издании шведской энциклопедии, о пребывании Бакунина в Швеции рассказывается следующее: «Когда позднее вспыхнуло польское восстание (1863 г.), Б. отправился в Стокгольм, где (вначале под именем Анри Сулэ) снискал себе довольно широкие симпатии со стороны различных политических кругов, проявлявших интерес к польским освободительным стремлениям. В Швеции он оставался около года. Его молодая жена, дочь сосланного в Сибирь поляка (мы знаем, что это неверно. — *Ю. С.),* посетила его в Стокгольме и способствовала укреплению этих симпатий. Здесь он нашел издателя для своих мемуаров [3] и сделался корреспондентом «Афтонбладет» (стокгольмская либеральная газета.— *Ю. С.)* из Брюсселя, куда он выехал из Стокгольма с довольно значительными авансами, взятыми под свои будущие литературные работы. Но прислал он в газету одну только корреспонденцию, из мемуаров же не вышло ничего» [4].

В новом издании шведской энциклопедии, начавшем выходить с конца 1924 года, вместо прежней статьи о Бакунине имеется лишь небольшая, строк в 40, заметка [5], в которой о пребывании его в Швеции сказано следующее: «В начале польского восстания в 1863 году Б. отправился в Стокгольм, был милостиво принят Карлом XV, торжественно чествуем на большом официальном банкете либералами, которые тогда симпатизировали Польше, сотрудничал в прессе («Афтонбладет», «Нюа Даглитт Аллеханда») втечение почти годового пребывания в Стокгольме и пользовался здесь материальной поддержкой, а также возбуждал к себе большой интерес, чему немало способствовали симпатии к его молодой жене, полъке по происхождению. Швед-

---

[1] Сочинения, т. XIV, стр. 445.

[2] Под этими инициалами скрывается известный в свое время в Швеции главный библиотекарь стокгольмской королевской библиотеки Х. Виссельгрен, один из участников майского банкета в честь Бакунина (см. ниже); он принадлежал к группе тех шведов-радикалов, которые сочувствовали тогда Бакунину.

[3] Итак, снова выплывает вечный вопрос о мемуарах Бакунина, которых он так и не написал.

[4] Во второй половине этой цитаты речь явно идет о второй поездке Бакунина в Швецию в августе 1864 г. (см. ниже, часть 3-я, гл. I).

[5] Hordisk Familjebok Encyklopedi och Konversationslexicon, Стокгольм, том II, стр. 749.

ские иллюзии о Бакунине недолго держались в силе после его от'езда».

Известный в 70-х годах шведский журналист П. Ф. Менгель, тоже один из участников майского банкета в честь Бакунина, поместил в «Гетеборгспостен» за ноябрь 1876 года некролог Бакунина. В этой статье было сказано следующее.

«Еще не забыто,.. что Бакунин частью в 1863 г., частью в следующем году прожил довольно продолжительное время в Стокгольме. Когда он в первый раз появился здесь, на него смотрели только или главным образом как на непримиримого ненавистника царской власти и много выстрадавшего политического мученика. Симпатии к возобновленной тогда освободительной борьбе в Польше были огромны, и когда он прибыл сюда с особой миссией для польского национального правительства, было ясно, что он будет принят здесь с энтузиазмом. В начале марта 1863 г. он появился здесь под именем Анри Сулэ. Вскоре он был принят в частной аудиенции королем Карлом XV, который заверил его, что он может спокойно пребывать здесь, но с указанием однако на необходимость держаться в тени.

«Вскоре после этого Христиан Хаммер (известный в то время шведский ювелир и меценат. — *Ю. С.),* который к этому времени устроил свой большой музей, пригласил к себе множество гостей, членов рикстага и прочих, для осмотра музея. Общее внимание на этом вечере сразу устремилось на одного человека. Это был высокий, топорно сложенный человек, в небрежном костюме. Черты лица его свидетельствовали о татарском происхождении, громадная голова прекрасно гармонировала с могучим телом, седоватые волосы спускались над не очень высоким лбом, редковатая, нерасчесанная борода не могла прикрыть громадного рта и толстых губ. Несмотря на мягкое выражение очень умных глаз, вся эта неуклюжая фигура производила неприятное впечатление. Очень скоро все общество узнало, что этот необычный иностранец — Бакунин. Мало кто из гостей мог разговаривать с ним; Бланш (шведский политик и писатель того времени. — *Ю. С.),* который привел его туда, сам плохо говорил по-французски, а потому этот известный человек был больше предметом всеобщего любопытства, что, однако, ничуть его не смущало. Он сидел на самом большом старом кресле. Бакунин уже успел подружиться с шведским пуншем и за ужином проявил удивительную способность поглощать его.

«На следующий день почти все газеты сообщили, что Бакунин находится в Стокгольме. И он позволил представить себя в качестве влиятельного человека в польской освободительной борьбе, что вызвало

некоторые сомнения у тех, кто знал, что поляки не питают к нему доверия. Так, например, майор Мюрберг и барон Разицкий (владелец мраморных каменоломен в Кольмордене. — *Ю. С.*) не могли заставить себя войти в контакт с Бакуниным; князь Константин Чарторыйский, который одновременно с Бакуниным находился здесь, также весьма тщательно избегал соприкосновения с ним. Бакунин при своем прибытии сюда несомненно знал (?) об экспедиции, снаряженной под предводительством Лапинского за счет польского национального правительства, но закончившейся неудачей, и должен был принять в ней какое-то участие. По словам Демонтовича, повторенным несколько раз, деятельность Бакунина в этой экспедиции дала неблагоприятные результаты. Когда говорили с ним о Бакунине, этот обычно спокойный человек, отличавшийся прекрасным характером, сразу возбуждался, глаза его загорались, голос дрожал, и он ронял еще более резкие выражения, чем те, которые приводятся здесь. «Бакунин причинил Польше много вреда и только зло»... «Бакунин портит все, за что он берется»... «Сердце его бьется не для других, а только для себя»... «Это нехороший человек»... «Ненадежный человек в момент опасности»... и т. д., и т. п.

«Во время своего первого пребывания здесь Бакунин пользовался большой популярностью. Когда в «Посттиднинген» и в других газетах появились статьи с предупреждением о том, чтобы не путать польского вопроса с бакунинскими коммунистическими учениями, так как это может ослабить шведские симпатии к Польше, эти статьи вызвали политическую демонстрацию. В честь Бакунина в гостинице «Феникс» был дан большой банкет, на который он явился в костюме, более подобающем для народного собрания. В своем ответе на речь, произнесенную в его честь, он выказал блестящее красноречие. Так как он говорил по-французски, то, по всей вероятности, не очень многие из присутствовавших его поняли, но все были захвачены импонирующим влиянием его личности, его широкими жестами, его мощным голосом, гортанные звуки которого напоминали рев хищных зверей в пустыне. По окончании речи и аплодисментов Бакунин занялся исключительно материальной частью банкета и в этой области показал себя первым из первых.

«Его прекрасные статьи — а он был прекрасным писателем — были опубликованы в двух крупных политических газетах столицы («Афтонбладет» и «Нюа Даглитт Аллеханда»), которые печатали их без всяких примечаний, несмотря на то, что в этих статьях Бакунин высказывал очень определенно свои социалистические и коммунисти-

ческие доктрины. Для своих тогдашних друзей Иерта, Сульмана и Бланша (все трое известные политические и публицистические деятели того времени. — *Ю. С.*) Бакунин вскоре стал довольно дорогим, так как он пред'являл им довольно большие требования, и если он жил ради идеи, то вскоре он доказал, что в значительной мере способен также жить на идею. Он слишком хорошо применял к своим приятелям теорию общности имущества. Поэтому последние почувствовали себя вдвойне облегченными, когда он в октябре 1863 г. (13/X) в сопровождении местного «польского комитета» отправился на вокзал и выехал через Гетеборг в Англию. Оттуда он послал Сульману (главный редактор «Афтонбладет» — *Ю. С.*) целый ряд корреспонденций, из которых только одна была помещена в «Афтонбладет», но которые все были щедро оплачены.

«В начале лета 1864 г. он снова появился здесь, но теперь его работа в качестве «agent-provocateur» (?) не возбуждала уже больше симпатий ни в ком. Он оказался дорогим гостем в особенности для Иерта и осенью, наконец, уехал, но на этот раз без торжественных проводов на вокзале. Довольно непонятно, как этот «друг вечного мира», конспирирующий главным образом для того, чтобы вызвать революцию не путем убеждения, а исключительно путем грубой силы, проповедующий, как условие этого общего мира, уничтожение религии, науки, цивилизации, имущества, мог у такой неповоротливой нации, как шведы, быть встречен с энтузиазмом; но шведы ведь «неповоротливая нация, склонная к сильным порывам», и в этом, по всей вероятности, кроется разгадка вышеуказанного явления».

Из этого в общем недоброжелательного отзыва мы видим, что отрицательные черты Бакунина, возбуждавшие недовольство даже у его старых друзей, а особенно сильно действовавшие на «чопорных мещан», восстановили против него буржуазных либералов Швеции, которые сначала встретили было его с большим энтузиазмом. Симпатии к Бакунину в шведских буржуазных кругах об'яснялись, с одной стороны, окружавшим его ореолом политического страдальца, незадолго до того вырвавшегося из царских тюрем и Сибири, с другой — симпатиями к польской борьбе за освобождение, в которой Бакунина сначала считали видным и влиятельным деятелем; наконец, надеждами определенных шведских кругов использовать польское восстание, а затем и революцию в России, в близость которой они со слов Бакунина поверили было, в своих собственных интересах и поживиться на счет России, например, в Финляндии. Этим, вероятно, об'ясняется и прием Бакунина королем.

Но когда обнаружилось, что с поляками у Бакунина отношения вовсе не особенно дружеские, когда сами поляки начали проявлять к нему недружелюбное отношение, взваливая на него ответственность за собственные ошибки и мстя ему за свои разочарования (в частности — в русской помощи), когда сам комиссар морской экспедиции Демонтович позволил себе при шведах дать ряд самых резких отзывов о Бакунине и его роли в польском движении, — реакция стала неизбежной. Этой перемене отношения к Бакунину — помимо его личных недостатков и промахов, особенно шокировавших шведских обывателей (мы видели, как старательно Менгель отмечает даже склонность Бакунина выпить, закусить и хорошо пожить на чужой счет!), — способствовала и обнаружившаяся неосновательность ожиданий русской революции, возбужденных заявлениями Бакунина, и связанное с этим крушение надежд поживиться на счет русской смуты. Именно то обстоятельство, что Бакунин в поисках сочувствия должен был обращаться не к трудящимся массам, способным на бескорыстное увлечение и на идеалистический интерес к революционной борьбе, а к буржуазным кругам, связывавшим свои симпатии к освободительным стремлениям Польши и России с тайными (и даже явными) политическими расчетами, поставило Бакунина в ложное положение и предопределило скорое разочарование в нем шведских либералов, о котором говорят цитируемые нами источники [1].

Не следует, впрочем, думать, что буржуазное общественное мнение Швеции единодушно встретило Бакунина выражением сочувствия. Напротив, консервативная пресса открыла против него поход, несомненно вдохновлявшийся русским посольством. Здесь действовало то обстоятельство, что Бакунин представлен был шведскому обществу как социалист и даже коммунист, а это, разумеется, не могло нравиться консервативным элементам. В те времена вообще плохо разбирались в оттенках социалистической мысли, но всякий филистер хорошо знал, что социалисты, а особенно коммунисты стремятся к уничтожению частной собственности и к установлению общности имуществ, а то и «общности женщин». И даже те, кто готов был питать платонические симпатии к Польше и русской революции, особенно если в награду за это в перспективе вырисовывалась возможность получить такой жирный кусок, как, например, Финляндия, спешили выразить священный ужас перед зловредными учениями социализма и коммунизма.

---

[1] Известную роль сыграла также ссора Бакунина с сыном Герцена и связанные с этим дрязги.

Поход на Бакунина усилился после неудачи экспедиции Лапинского. Можно поэтому предполагать, что муссировалась эта кампания против Бакунина также и из польских кругов, особенно «белых». 27 апреля в газете «Стокгольмс Дагблад» появилась статья, в которой указывалось, что под именем Анри Сулэ скрывается известный русский революционер Михаил Бакунин, и сообщалась крайне тенденциозная биография его, материал для которой наверное был доставлен русским посольством [1]. Но особенно замечательно было то, что эта биография была 29 апреля перепечатана в шведской официальной газете «Пост ок Инрикес Тиднингар». В той же газете от 16 мая в отделе «Газетное обозрение» упорно подчеркивалось (против газеты «Афтонбладет», поместившей ряд статей в защиту Бакунина), что Бакунин своими статьями (в «Афтонбладет») определенно доказывает свой опасный коммунистический образ мыслей. И газета предостерегала от смешения бакунинского учения с польским вопросом, так как подобное смешение может принести лишь вред Польше (поляки могли этому указанию только сочувствовать).

Это поведение официальной газеты указывало на двойственное отношение к Бакунину со стороны шведского правительства, которое, одною рукою как бы поддерживая Бакунина (прием у короля, правда, с советом сидеть смирно), другою вело против него кампанию в своей прессе. Впрочем, нужно помнить, что открыто шведское правительство не могло особенно резко выступать против царизма и поддерживать такого ярого его врага как Бакунин, а также не следует забывать, что кампания эта началась после провала экспедиции Лапинского, который несомненно поколебал положение Бакунина, хотя он имел к ней в сущности очень мало отношения.

Ввиду кампании консервативной и официальной прессы против Бакунина дружественная ему «Афтонбладет» поместила 18 мая большую редакционную статью в защиту его от нападок названных двух газет. Статья интересна в том отношении, что пытается опровергнуть обвинение Бакунина в коммунизме. Ввиду близости Бакунина к редакции этой газеты можно предполагать, что дело не обошлось без его вмешательства Так как Бакунин не считал себя коммунистом, то он мог в интересах преследуемой им тогда задачи несколько покривить душой и, используя это словесное недоразумение, умолчать о своих

---

[1] Правда, газета ссылалась на Энциклопедический словарь Брокгауза, но мы думаем, что без вмешательства русского посольства эта кампания не обошлась. Как мы увидим ниже, оно в это время подготовляло даже выпуск особой биографии Бакунина в целях его скомпрометирования.

социалистических симпатиях, столь же ненавистных его противникам, как и коммунистические. Вот что сказано в статье «Афтонбладет»:

«Автор статьи в «Посттиднинген» со злорадством утверждает, что Бакунин — коммунист, а коммунист, как всем известно, это крайне опасная личность, нечто вроде социального хищного зверя, которым реакционное правительство вот уже втечение 20 лет стращает глупцов, — личность, которую ни одно государство не должно терпеть в своих пределах. Практический вывод из этого рассуждения ясен: Бакунин — коммунист и потому подлежит высылке из пределов страны. Но на чем, собственно говоря, основано это обвинение? А на том, что так заявил г-н Брокгауз из Лейпцига в своем Энциклопедическом словаре. Но какие же доказательства имеются у Брокгауза? Никаких кроме сообщений того или иного тайного полицейского доноса, того или иного правительства и тайных агентов России [1]. Этого, быть может, совершенно достаточно для проницательного государственного мужа, каким является автор разбираемой статьи, но отнюдь не убедительно для нас и для широкой шведской публики». Далее статья указывает, что Бакунин, говоря о русском коммунизме, просто констатирует факт земельных переделов в крестьянской общине, и продолжает: «Если бы Бакунин действительно был коммунистом, чему мы не верим, то какой же вред он мог бы причинить этим Швеции? Неужели автор статьи серьезно верит в возможность коммунистической пропаганды в Швеции? Если бы он верил во что-либо подобное, он был бы глупцом».

Приблизительно то же писал сам Бакунин в первой своей статье в «Aftonbladet» от 12 мая, при чем, подлаживаясь к настроениям своей буржуазно-либеральной аудитории, впадал в слащавое восхваление прелестей свободной и мирной буржуазной демократии.

«Расчитывали, — говорит Бакунин, — напугать шведскую публику, сообщив ей, что русский революционер, краснейший из красных, водворился на некоторое время в Стокгольме, чему, впрочем, никто не должен был бы удивляться, так как жизнь здесь одновременно столь проста и столь приятна, общество столь гостеприимно, а либеральные законы страны позволяют всякому иностранцу приезжать сюда и проживать здесь без паспорта, при чем от каждого взамен этого гостеприимства требуется только строгое соблюдение шведских законов. Теперь предположим, что я действительно являюсь таким страшным и красным

---

[1] Повидимому, намек на известный доклад проф. Блюнчли 1843 года (см, том I, стр. 157 и след.). Шведская газета вряд ли могла знать об этом

человеком, словом, таким, каким хотели бы представить меня мои добрые друзья из русской и немецкой дипломатии. Какой же ущерб могло бы мое присутствие причинить Швеции? Можете ли вы серьезно думать, что здесь возможна какая-нибудь революционная пропаганда? Она осуществима только в странах, управляемых вашими хозяевами, господа, в странах, где глупость правителей уступает только циническому насильничеству их инстинктов, их действий, разрушающих всякое право и всякую свободу, и где революционный деспотизм государей рано или поздно неизбежно повлечет за собой революцию народов. Но здесь, в этой стране, столь счастливой и столь спокойно пользующейся этой великой свободой, которая уже не является, как в других местах, страстно желанной целью, а составляет приятную привычку, здесь, где повседневная практика публичных собраний и самой свободной печати никого уже не тревожит, и где во всем дает себя чувствовать постепенное развитие, одновременно широкое, правильное и быстрое, в этой стране, наконец, управляемой одним из самых популярных в Европе государей, человек, который вздумал бы вести революционную пропаганду, был бы смешным безумцем, которого смешное обязательно бы убило».

Далее Бакунин подчеркивает, что он, как и другие современные ему революционеры, раз навсегда отказался от вмешательства во внутренние дела других стран, и что он прибыл в Стокгольм вовсе «не для того, чтобы попытаться вызвать революцию в Швеции».

А 26 мая редакционная статья «Афтонбладет» требовала прекращения кампании, которая велась против Бакунина газетою «Стокгольмс Дагблад», так как помещением подобных статей оказывается только услуга иностранному государству, т.-е. России.

Впрочем, как мы уже указывали, вся эта полемика стала вестись в шведской прессе не сразу по приезде Бакунина, а лишь тогда, когда вокруг его имени уже начали циркулировать сплетни в связи с пресловутой экспедицией Лапинского.

3. Бакунин и экспедиция Лапинского.

Мы слышали уже определенное свидетельство Герцена о том, что когда Бакунин уезжал из Лондона в Швецию, никто об экспедиции

докладе, но Бакунин-то хорошо его помнил, так как этот доклад сыграл немалую роль в его судьбе. Это подтверждает наше предположение, что статья «Афтонбладет» была написана не без участия Бакунина.

Лапинского не думал [1]. Задумана и осуществлена была эта морская экспедиция несколько позже, при чем целью ее было высадить вооруженный польский десант на Балтийском побережьи, чтобы оттуда пробраться в Самогитию (Жмудь) и там поднять восстание, устроив таким образом диверсию в тылу русских войск и принуждая царское правительство разбросать свои силы. Во главе этой экспедиции, которая должна была на британском пароходе выехать из Англии, поставлен был польский офицер, полковник Теофил Лапинский, долгие годы сражавшийся против русских в рядах горцев Кавказа и имевший большой военный опыт. Правительственным комиссаром экспедиции был назначен И. Демонтович [2].

---

[1] То же самое Герцен, хорошо знавший эту историю, говорит в статье «М. Бакунин и Польское Дело»: «Бакунин собирался в Стокгольм совершенно независимо от экспедиции Лапинского, о которой тогда никто не думал» («Соч.», т. XIV, стр. 440).

[2] Записки самого Лапинского об этой экспедиции, помещенные в польской «Gazeta Narodowa», 1878, №№ 180—227, и затем вышедшие отдельно под заглавием «Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę. Z. pamiętników pułkownika P. Lapińskiego. Lwów, 1878, изложены (не знаем, точно ли) в статье Н. Берга — «Морская экспедиция повстанцев 1863 года» («Исторический Вестник», 1881, том I, стр. 76—116). Ничего нового эта статья не дает, зато содержит много сомнительного и прямо фантастического материала (вроде собрания у Герцена... с участием Маркса, вроде предложения Маркса сформировать немецкий легион из 1.000 человек... с помощью герцога Бранушвейгского и т. п.). Столь же маловероятно сообщение Лапинского о том, будто Герцен, в числе других якобы «уговаривавший» его принять команду над экспедицией, говорил ему об огромных успехах и шансах польского восстания. Относительно участия Бакунина в злополучной экспедиции записки Лапинского тоже содержат не очень много материала. И здесь сообщаются совершенно невероятные вещи. Таково, например, сообщение Лапинского (если только оно точно передано Бергом), что Бакунин в Гельсинборге «должен был ожидать повстанцев с известиями о количестве и расположении неприятельских сил на Жмудском берегу. Эти сведения он расчитывал собрать в Стокгольме посредством почтовых и телеграфных сношений с Любеком и Полангеном, где у него были особые (?) агенты». Между тем Бакунин узнал об экспедиции только за день до ее прихода в Гельсинборг и никаких «агентов» на Балтийском побережьи, конечно, не имел. В частности, что касается отношений Лапинского к Марксу, то мы, к счастью, имеем показание самого Маркса, позволяющее внести существенные поправки в тот рассказ, который со слов Лапинского приведен у Берга. Начать с того, что Маркс не только не мог присутствовать на совещании в доме Герцена, у которого он никогда не бывал, но и вообще не мог весною 1863 г. разговаривать с Лапинским, ибо познакомился с ним только осенью того же года, когда Лапинский возвратился в Лондон после неудачи своей экспедиции. Это видно из письма Маркса к Энгельсу от 12 сен-

Организована была экспедиция крайне неудачно и неконспиративно. Русское посольство было осведомлено о предприятии раньше, чем десант был посажен на пароход. Несмотря на принятые английским правительством меры, пароход «Ward Jackson» 22 марта отплыл, увозя 200 человек и вооружение, при чем за ним вдогонку отправлено было русское военное судно «Алмаз» (а затем и «Жемчуг»). 26 марта «Ward Jackson» прибыл в Гельсинборг, чтобы принять на борт Бакунина, собиравшегося в Польшу. Часть пассажиров решила, в случае, если пароход попадет в русские руки, взорвать его. 28 марта пароход отплыл из Гельсинборга, а 2 апреля стал на копенгагенском рейде. В Копенгагене, струсивший капитан, который вообще вел себя двусмысленно, потребовал, чтобы его высадили на берег. Вместе с ним оставила судно большая часть английской команды. По прибытии в Мальмэ шведы оказали полякам торжественный прием. Здесь, по распоряжению шведского правительства, пароход был задержан [1].

Пассажиры сошли на берег. 11 июня все же была сделана попытка произвести недалеко от Мемеля высадку, закончившуюся трагически.

тября 1863 г., где он рассказывает своему другу о знакомстве с Лапинским и излагает свою беседу с ним («Briefwechsel», т. III, стр. 144 и след.). Что касается сформирования немецкого легиона, то, оказывается, эта идея принадлежала вовсе не Марксу, как вытекает из рассказа Берга, а самому Лапинскому. Последний, среди прочих весьма сомнительных вещей, рассказал Марксу, что его целью являлось в тот момент создание немецкого легиона человек из двухсот, которые должны были выступить в Польше против русских с черно-красно-золотым знаменем! Идея, видимо, встретила сочувствие Маркса, что видно из его письма: там он сообщает, что в Лондоне будет сделана попытка собрать для этой цели деньги среди всех немецких обществ и пр., и спрашивает Энгельса, можно ли что либо сделать в этом смысле в Манчестере. Какой дальнейший ход получила эта мысль, нам неизвестно. О Бакунине Лапинский сообщил Марксу следующее: «Герцен и Бакунин совершенно убиты тем, что русские после некоторой скребки снова показали себя татарами. Бакунин превратился в монстра, в огромную тушу из мяса и сала и едва в состоянии передвигаться. Кроме того, он совершенно спятил с ума и ревнует свою 17-летнюю (?) польку, которая вышла за него в Сибири ввиду перенесенных им страданий. Теперь он находится в Швеции, где делает «революцию» с финляндцами». Эти обывательские сплетни показывают, что Лапинский не очень-то дружески относился к Бакунину. Кому принадлежат иронические кавычки по поводу революционной пропаганды Бакунина среди финляндцев — Лапинскому или Марксу, неясно.

[1] По словам Лапинского, Бакунин писал в Мальмэ из Стокгольма, куда он уехал, что «по его мнению лучше всего отряду интернироваться на шведской земле, но никак не расходиться, потому что носятся слухи об европейской интервенции» (Берг, цит. ст., стр. 101).

Благодаря дурной погоде шлюпка опрокинулась, при чем 24 человека утонуло. В конце концов Лапинский со своим отрядом возвратился в Англию.

Имя Бакунина и в особенности его поездка в Швецию обыкновенно связываются с несчастной экспедицией Лапинского [1], при чем в неудаче ее значительная часть вины приписывается именно Бакунину. В действительности дело обстояло вовсе не так.

Бакунин находился почти уже месяц в Швеции, когда узнал от Карда (псевдоним Цверцякевича) об экспедиции. Герцен, знавший об этой экспедиции с самого начала, не счел нужным сообщить о ней Бакунину (быть может, потому, что не доверял его конспиративности, а, может быть, по требованию поляков). Это вызвало со стороны Бакунина горькие жалобы по адресу старых друзей. В письме от 31 марта 1863 г. из Гельсинборга к Герцену и Огареву он дает волю накипевшей обиде. «В Гельсинборге перед самым от'ездом (повидимому, речь идет о предполагавшемся от'езде на пароходе «Ward Jackson». — *Ю. С.*), — говорит он, — я вам написал грустное письмо, в котором, думая, что говорю с вами, может быть, в последний раз, жаловался вам на вас самих в довольно прямых и, может быть, жестких выражениях, и которое, надеюсь, не оскорбило вас и не заставило вас усумниться в моей горячей любви к вам, потому что вы слишком серьезны и справедливы, чтобы не понять, что я был прав [2]. Вы поступили со мною как с ребенком, предупредив меня т о л ь к о в п о с л е д н ю ю м и н у т у и, как вы сами видите, слишком поздно малословною телеграммою, что я должен отправиться туда и туда; а между тем экспедиция готовилась более месяца, вы имели достаточное время, чтобы подробно и ясно уведомить меня обо всем, и, не сделав этого, принесли значительный вред самой экспедиции, потому что, если б я был предупрежден во-время, я бы мог ей принести именно здесь в Швеции несомненную и огромную пользу. Я требовал этих подробностей от Цверцякевича, но он, по вашему ли совету или по своим собственным соображениям, не соблаговолил исполнить моей просьбы [3], полагая, вероятно, что одного мано-

[1] Так делает и отчет III Отделения за 1863 год (см. «Красный Архив», 1923, т. III, стр. 203 и след.). — Ряд русских официальных документов, относящихся к экспедиции Лапинского, помещен в «Красном Архиве», 1924, т. VII, стр. 108 — 145.

[2] Это «грустное» письмо, подобно нескольким другим письмам Бакунина, семьею Герцена до сих пор не опубликовано (если только сохранилось в герценовском архиве).

[3] Окружение Герцена, как мы знаем, да и поляки не очень-то полагались на конспиративность Бакунина и, повидимому, опасались, что он не утер-

вения его руки будет достаточно, чтобы двинуть меня, куда ему угодно,— в этом он страшно ошибся,— и хорошо вы сделали, что его телеграмме предпослали телеграмму Юниора (т.-е. сына Герцена. — *Ю. С.),* потому что телеграмма Цверцякевича не сдвинула бы меня с места. Вы же знали, что вашего зова будет достаточно, чтобы я бросился слепо вперед, знали это и не ошиблись: вера моя в ваше слово в самом деле почти без границ. Но ничего, даже и такой горячею любовью сильной веры, во зло употреблять не должно. Вспомните, что я не ребенок, что мне скоро 50 лет, и что мне неприлично да и невозможно быть вашим мальчиком, у вас на побегушках, и что отныне я не должен и не буду принимать участия ни в каком деле, вся суть и все подробности которого мне будут неизвестны. Я принял бы участие в этой экспедиции даже и тогда, когда бы знал, как мало было оставлено ей шансов успеха, и что даже жена моя приехала в Лондон, принял бы в ней участие, потому что всем существом знал, чувствовал, понимал мой долг во что бы то ни стало итти в Польшу — по той же самой причине, которая меня и теперь стремит как можно скорее туда; но кроме этого я был уверен, что дело, в котором вы, мои умные, осторожные и вечные критики, приняли такое деятельное и живое участие, не могло быть иначе предпринято и исполнено, как с соблюдением величайшей тайны и всех условий успеха. Я ошибся. Оно было ведено и устроено руками ленивого ребенка».

Раздражение Бакунина против обоих друзей вылилось еще в другом письме, написанном между 31 марта и 9 апреля, но тоже до сих пор неопубликованном. Оно содержало упрек друзьям в том, что они отдавали польскому делу только свои добрые желания, тогда как он, Бакунин, поставил на карту свою голову [1]. В письме от 9 апреля Бакунин извиняется перед друзьями. «Никогда, — говорит он, — не приходила и не могла притти мне в голову мысль, чтобы вы усумнились

пит и из желания похвастать успехами дела, разболтает доверенный ему ссекрет. Кельсиев в «Исповеди» рассказывает по поводу этой черты Бакунина в связи с своею нелегальной поездкой в Россию следующее: «В Лондоне уже почти все узнали, что я ездил не в Италию, а в Россию. Герцен, Огарев и жена моя, разумеется, молчали, но Бакунин не выдержал — нужно было шику задать нашей деятельностью и ловкостью. Он разболтал по секрету Мартьянову и Альбертини... С Бакуниным мы тоже не поладили: как было открывать все человеку, который ничего скрывать не умеет?» (цит. соч., стр. 243).

[1] Смысл этого упрека заключался, повидимому, в том, что Бакунин во всяком случае не меньше Герцена и Огарева вправе был знать подробности об экспедиции Лапинского, которые те от него скрыли.

пожертвовать головами своими делу, которому посвятили всю жизнь. Не мерьте моей веры в вас тою, которую вы имеете в меня. В вашей есть еще колебание, в моей его нет. Как бы я ни спорил с вами и против вас, вы оба — мои окончательные совет и крепость, и когда вы довольны мною, я сам собою доволен, и ничто в мире не в силах меня обеспокоить. Говоря, что вы дали только свои добрые желания делу, которому я отдаю голову, я думал только об этом специальном, более польском, чем русском деле, а не о том широко русском деле, за которое вы стоите... Впрочем, я был раздражен, не получив от жены ни слова, мне было грустно и тяжело... Я не мог, кроме того, примириться с тем, что мне казалось вашим недоверием ко мне... Теперь я вижу, что вы не виноваты нисколько. Виноват Цверцякевич».

В ряде писем Бакунин подвергает резкой критике способ организации и осуществления экспедиции, доказывая, что при данных условиях (несоблюдение тайны, неудачный выбор капитана, характер главных действующих лиц, несогласие между ними и пр.) она заранее была обречена на неудачу. Мы не касаемся этой истории в подробностях, так как она имеет лишь косвенное отношение к нашей теме. Остановимся только на действиях Бакунина в связи с этой экспедицией, которая, вопреки обычным росказням, свалилась ему как снег на голову, хотя не подлежит сомнению, что он пытался помочь ей выпутаться из затруднения и одно время надеялся вместе с нею высадиться на берег и пробраться в Литву.

Согласно его рассказу в письме от 31 марта, получив телеграмму Карда 22 марта, в три часа пополудни, он на следующее же утро с первым поездом выехал из Стокгольма через Готенбург в Гельсинборг, куда и добрался дилижансом 26-го [1]. Экспедиция прибыла туда накануне, 25-го вечером, потеряла почти день в ожидании Бакунина (не по его вине), а затем была задержана бурею и изменою капитана. «Выбор Гельсинборга для встречи со мною, — пишет Бакунин, — был в высшей степени несчастлив. Весь Зунд кишит русскими и другими шпионами на жалованьи и без жалованья. Необходимо было поэтому пройти Зунд быстро, нигде не останавливаясь. Гельсинборг виден из Эльзинера, а Эльзинер, по старой памяти, шпионское и именно российско-шпионское место. Нужно было назначить мне rendez-vous или в Готенбурге, куда я мог прибыть каждый день, или еще лучще на южной окраине острова Готланд в какой-нибудь деревушке, куда мог высадиться послан-

[1] Бакунин прибыл туда в сопровождении секретаря Чарторыйского, польского священника и историка В. Калинки, который был с Лапинским во враждебных отношениях.

ный от Демонтовича и Лапинского, и возле которого пароход наш мог бы крейсировать, не возбуждая ни малейшего подозрения. Прождав меня сутки, экспедиция осталась еще двое суток, задержанная бурею и еще более злым умыслом капитана... Под разными предлогами он задержал нас в Гельсинборге 26-го и 27-го и только 28-го в 1 час пополудни могли мы заставить его взять нас на пароход. Между тем он успел сойтись с хозяином отеля, в котором мы остановились, а через него с русским консулом, компаньоном и другом хозяина, и мы узнали через кельнера, что хозяин и консул вместе телеграфировали что-то русскому посольству в Стокгольм, и не сомневаюсь я в том, что мы были задержаны так долго в Гельсинборге по приказанию русских властей, которые без сомнения употребили это время на подготовление нам встречи.

«Лишь только мы сели на пароход, узнали мы, что капитан, собрав своих матросов, держал им речь, в которой описал им опасности, которым они подвергаются, если пойдут с нами в Балтийское море. Мы держали между собою совет: нас беспокоила все более наружу выступавшая бессовестность капитана... С другой стороны, мы должны были призадуматься, получив вашу последнюю депешу в Гельсинборге, в которой вы нас извещали о правительственных приготовлениях в Литве. Вследствие этого мы решили уговорить капитана вести нас к Готланду. Лишь только мы вышли из Зунда, мы стали бы говорить с капитаном с револьвером в руке и об'явили бы ему, что для спасения своей головы он должен исполнить вполне свое обещание. Прибыв к Готланду, мы хотели отправить на рекогносцировку две рыбацкие лодки с нашими людьми, одну на русский берег между Полангеном и Либавою, другую — на прусской — между Полангеном и Мемелем [1], войти в сношения с нашими друзьями, нас без сомнения ожидавшими, и с их помощью исполнить во что бы то ни стало предприятие, от успеха которого зависело так много».

Но капитан вместо Готланда привел пароход к Копенгагену под предлогом снабжения судна пресною водою и ушел в город. «На другой день 29-го, в воскресенье, — продолжает Бакунин, — по просьбе друзей, я сам отправился в Копенгаген, был у знакомого редактора «Vaterland et Ploug» [2] и, по его совету, у английского министра [3] Sir Paget,

---

[1] Как видно из рапорта русского посла в Англии, Бруннова, от 31 марта, русское правительство предвидело такой план повстанцев.

[2] Так у Драгоманова. Это явная ошибка его или Бакунина. Газета называлась «Fedreland» (см. «Красный Архив», т. VII, стр. 114).

[3] Т.-е. посланника.

совершенного джентльмена, принявшего меня с самым искренним участием и сейчас же принявшего все официальные меры, единственные, которыми он мог служить нам, чтоб нам помочь... Вся разница в наших воззрениях состояла в том, что Sir Paget не мог решиться подумать, чтобы капитан действовал в союзе с русскими агентами, чтоб он поступил с нами предательски, — приписывал же все непростительные действия его подлой трусости».

Оказалось, что датскими агентами той английской компании, которая заключила договор с поляками, являлись владельцы копенгагенской фирмы Гансен и К°, одновременно состоявшие агентами русского военного флота по поставке угля и проч. О продолжении экспедиции, по словам Бакунина, думать было уже невозможно. Английская команда, кроме двух человек, покинула пароход. Опасаясь наложения секвестра датским правительством, находившимся тогда в дружественных отношениях с Петербургом, решено было поскорее уходить в Швецию и требовать от капитана, чтобы он повел пароход к острову Готланду. «Капитан не только не соглашался на это, — боясь русских крейсеров, наших револьверов и нашей серьезной угрозы, что если он наведет нас на русского крейсера, то мы сначала попробуем абордаж, а в случае неудачи полетим вместе с ним на воздух, — он не захотел даже со своими матросами вести нас в Мальмое, так что агенты компании принуждены были нанять датского капитана и датских матросов, с помощью которых 30 марта в 5 часов вечера бедный пароход наш, оставленный всеми англичанами, вошел в мальмойскую гавань» [1].

---

[1] В рапорте Демонтовича, помещенном в № 83 «Афтонбладет» от 13/IV 1863 г., имеется какая-то путаница. Из писем Бакунина ясно вытекает, что он сел на пароход в Гельсинборге; между тем из рапорта, напечатанного в шведской газете, следует как будто, что он присоединился к экспедиции только в Копенгагене. Демонтович сообщает, что 25 марта экспедиция зашла в Гельсинборг, где должна была принять на борт Бакунина, но он не прибыл ни в тот день, ни на другой. Тогда они вышли в Копенгаген, где на 6-й день появился Бакунин. «Когда мы, — рассказывает Демонтович, — представили его экипажу, он был встречен с большой радостью, каждый сердечно жал руку этому беззаветному защитнику свободы и был рад слушать его горячую и сердечную речь, полную жизни и энергии». Странно, что об этом Бакунин в своих письмах ничего не сообщает.

К услугам Бакунина экспедиция, повидимому, прибегала и в других торжественных случаях. Выше мы видели, как он был послан для переговоров с английским посланником в Копенгаген. Когда по приходе в Мальмэ экспедиция была с энтузиазмом встречена населением, то для ответного приветствия собравшейся толпе опять-таки был выбран Бакунин. Об этом рассказывает Полес в своей шведской брошюре «Polska expeditionen och

Мы видим, что роль Бакунина во всей этой истории была совершенно второстепенной. Если он и оказался невольной причиной задержания экспедиции в Гельсинборге на сутки, то винить в этом можно кого угодно, но не его. Экспедиция решила по дороге захватить Бакунина: явно, что это делалось в п о л ь с к и х интересах. Не он назначил время и место встречи с экспедицией, а ее руководители. Да и узнал он обо всем в последний момент. Дальше он делал все, что было в его силах, чтобы помочь экспедиции выпутаться из не им созданного затруднительного положения, бегал, хлопотал, рисковал наравне со всеми, а может быть, и больше других. При той обстановке, при которой организована была эта экспедиция, она не могла кончиться иначе или, вернее, могла закончиться еще более трагически, чем это случилось. При таких неудачах неизбежны взаимное недовольство и взаимные обвинения. Но если здесь вообще было место для личных обвинений, то, конечно, Бакунин был больше вправе обвинять руководителей экспедиции, чем они его. Он это и делал, но в частных письмах к Герцену; те делали это более открыто.

В частности Бакунин обвинял Цверцякевича, которым, как мы знаем, он был еще недоволен за то, что тот держался с ним с излишней конспиративностью. В том же письме от 31 марта Бакунин пишет по этому поводу: «Агенты компании долго держали нас в Копенгагене

Stephan Poles», изданной им осенью 1863 г. в целях самооправдания (она излагается у Лемке в Комментариях к Герцену, т. XIV, стр. 674 и сл., а также в «Красном Архиве», т. VII, стр. 127 и след.). «Голосом, соответствующим его физической мощи, начал Бакунин свою речь. «Спасибо вам, благодарю вас, друзья мои, за ваш прием и выраженные симпатии. Мы расчитывали на вас, потому что знали, что свободная Швеция неравнодушна к судьбе Польши, потому что оба эти народа всегда питали любовь к свободе и большие симпатии друг к другу. Особенно теперь, в минуту нужды и опасности мы рассчитывали на вас, и вы не обманули наших надежд. Но вы не удовольствуетесь прекрасными словами сострадания и прежними воспоминаниями. Вы будете помогать нам, чем только можете. Сердечное наше спасибо за это. Поляки борются не только за свою свободу, но и за свободу всех народов, страдающих под гнетом московского царя. Эти народы должны были бы заключить союз для уничтожения своего смертельного врага. Вы — наши первые и естественные союзники, и мы рассчитываем на вас, шведов, потому что знаем, что при виде страданий, несчастий и крайнего напряжения всех сил Польши ничто не остановит голоса вашего сердца; знаем также, что ваши действия не отстанут от ваших слов. Да здравствует Швеция!». В своих цитированных выше записках Лапинский рассказывает, что он просил Бакунина «в случае надобности при каких-либо народных овациях отвечать на все приветствия и речи, так как лучше его и громогласнее никто сделать этого не может» (Б е р г, цит. ст., стр. 97).

в надежде вырвать у нас квитанцию. Тут почувствовали мы все плоды практического ума Цверцякевича, позабывшего, не хотевшего, говорят, дать Демонтовичу копию с контракта, ни даже грузового списка для пред'явления права на собственность [1]. Да, наш Цверцякевич взял на себя ответственность огромную, дай бог ему легко от нее отделаться. Может быть, у него есть об'яснение и оправдание на все, может быть, виноваты другие, но ввиду грозных современных происшествий, решающих ныне судьбу Польши, по совести должно сказать, что экспедиция была устроена и отправлена с преступною наивностью [2] и небрежностью».

Лично участники экспедиции тоже произвели на Бакунина невыгодное впечатление. «Я, — пишет он в том же письме, — нашел в Гельсинборге только Лапинского, Леона Мазуркевича, Бобчинского, нашего доброго, честного, но еще весьма невинного Рейнгарта [3] и далеко не невинного жидка Тугендгольда». Лапинский сначала очень понравился Бакунину, но скоро он изменил свое мнение о нем.

Присмотревшись ближе, Бакунин убедился, во-первых, в том, что между отдельными руководителями и участниками экспедиции господствуют далеко не товарищеские отношения, а, во-вторых, в том, что к русским, даже своим единомышленникам, поляки относятся весьма недружелюбно. «Взошедши на пароход, — пишет он 9 апреля, — я вполне убедился в том, что во всей экспедиции у меня был союзник только один ваш искренний друг, благородный, но, к несчастью, больной и горем и

---

[1] Для характеристики взаимных отношений участников экспедиции приведем следующий рассказ Герцена: Лапинский пригласил к себе в ад'ютанты некоего Полеса, личность весьма подозрительную. Настоящая фамилия его была Тугендгольд; старший брат его был агентом III Отделения; повидимому, те же функции выполнял и младший брат, принявший псевдоним Полеса и задолго до того возбудивший своими ухватками и расспросами подозрения Герцена, еще не знавшего, что Полес был братом шпиона Тугендгольда. Когда Герцен сообщил комиссару польского революционного правительства при экспедиции, Демонтовичу, свои подозрения насчет юного ад'ютанта полковника Лапинского, Демонтович заметил: «Да я им обоим не очень верю, но шалить они не будут». И он вынул револьвер из кармана. Увы, против провокаторов револьвер не всегда является действительным оружием. Берг в своей статье тоже говорит о Полесе как о шпионе, но не ясно, приводит ли он при этом слова Лапинского или говорит от себя.

[2] У Драгоманова сказано: «невинностью», но это, повидимому, опечатка.

[3] Русский участник экспедиции. Вероятно, его имеет в виду Полес, когда говорит в своей брошюре о «русском офицере, который должен был командовать в Польше русским легионом». О желании Рейнгарта ехать в Польшу сообщил Бакунину Касаткин (см. письмо его к Бакунину от 20 февраля 1863 г. в № 5/26 «Каторги и ссылки» за 1926 год, стр. 135). Был, кажется, еще один русский участник, но мы не знаем, кто именно.

недугом разбитый Демонтович. Лапинский — храбрый, ловкий, смышленный, но бессовестный или, по крайней мере, широкосовестный кондотьер, патриот в смысле непримиримой и непобедимой ненависти к русским, как военный — по ремеслу ненавидящий и презирающий всякий, даже свой собственный, народ [1]. Вглядевшись ближе в этот характер и уразумев его лучше с помощью Демонтовича, я, признаюсь, крепко задумался в успехе нашего русского предприятия в польской среде [2]. Для успеха его было необходимо так много симпатии к нему и веры в него со стороны поляков, — но ни того, ни другого, кроме Демонтовича, ни в ком не было. Лапинский сказал мне много прекрасных слов, но в слова его я не верил. К Демонтовичу он питает завистливое и решительно враждебное чувство, и не сомневался я в том, что он воспользуется первым удобным случаем, первым успехом, для того чтоб его уничтожить. Демонтович до того не верил ему, что даже остерегался (по его собственным словам) принимать из рук его пищу, боясь отравы. Хороша экспедиция, в которой два главные предводителя, от согласия которых зависит успех ее, находятся в таких отношениях. Прибавьте ко всему этому болезнь Демонтовича до такой степени, что он еле мог двигаться и сказать слово. На кого же мне было опереться? На сплетницу-интриганку Леона Мазуркевича или на бабу-сплетницу Бобчинского? Оба мне льстили в глаза, но, как я узнал потом, оба меня за глаза ругали. Наконец, жидок Тугендгольд, сначала мне очень понравившийся (!), но потом оказавшийся âme damnée de Lapinski [3] и его шпионом против всех и каждого. Молодцами были только юноши-поляки, весело шедшие на смерть и преданные без фраз. С ними и умереть было бы нескучно. Положение нашего Рейнгарта было также не легко и не ловко. Все называли его москалем и спрашивали, что он между поляками делает? [4]. Ни Демонтович, ни Лапинский не дают себе труда об'яснить полякам, зачем он поехал. А, по моему мнению, это было необходимо. Одним словом, тайных недоразумений и неудовольствий я нашел тьму и думал, что нужно будет ждать счастливой звезды для удачного исхода нашей несчастной экспедиции. Явная и систематически задуманная измена капитана положила ее в лоск» [5].

---

[1] Эта характеристика Лапинского во всем существенном повторена и Герценом в статье об экспедиции (Соч., т. XIV, стр. 448 и след.).

[2] Курсив мой.

[3] Сторонник Лапинского, преданный ему телом и душою.

[4] Курсив мой.

[5] По сообщению Полеса, Лапинский также не питал доверия к Бакунину, которого подозревал в связях с Адамом Чарторыйским, потому что Бакунин

С своей стороны некоторые польские участники экспедиции обвиняли в неудаче ее Бакунина [1]. Особенно старался в этом отношении Цверцякевич, который, видимо, чувствуя свою собственную ответственность, искал, на кого бы взвалить хоть часть вины. Он ставил в упрек Бакунину приезд его с Калинкою и особенно советы его, с которыми Бакунин якобы навязывался. Выше мы приводили рассказ Менгеля, из которого вытекает, что и Демонтович был в тот момент крайне раздражен против Бакунина и готов был обвинять его в неудачном исходе экспедиции. Ввиду таких обвинений и сплетен Бакунин, в интересах своей реабилитации перед друзьями, увидел себя вынужденным обратиться к обоим главным руководителям экспедиции с требованием опровергнуть раздававшиеся против него обвинения, извращавшие его действительную роль во всем этом деле. Такой документ и был выдан ему 20 апреля 1863 г. за подписью Демонтовича и Лапинского.

Вот что гласил этот документ:

«Прочитав сформулированные г. Цверцякевичем против г. Бакунина обвинения в том, что он способствовал неудачному исходу нашей экспедиции, во-первых, тем, что привез с собою в Гельсинборг г. Калинку, а, во-вторых, тем, что давал непрошенные «противоречивые и гибельные» советы, мы считаем своим долгом заявить:

«1) Что прибытие г. Калинки, привезенного г. Бакуниным в Гельсинборг в целях доставить Литве поддержку, какую могла оказать нам

явился в Гельсинборг с В. Калинкой, бывшим секретарем Чарторыйского. Однако Лапинский решил поэксплуатировать его связи с гр. Ксаверием Браницким. Ввиду неудачи морской экспедиции возникла мысль о приобретении собственного бронированного судна. И вот Лапинский будто бы убедил Бакунина обратиться к Браницкому с письмом, в котором тому предлагалось в интересах отечества дать средства на приобретение бронированного судна, вооруженного тяжелыми орудиями. Таким образом флаг Польши появился бы на морях, а судно, принимаемое в нейтральных портах, внушило бы уважение русскому флоту. Письмо Бакунина якобы кончалось словами: «Наступил момент, когда каждый должен отдать все, что имеет. Я отдаю свою жизнь. Отдайте вы свои миллионы». Мы сомневаемся в правдивости этого сообщения и особенно в тоне письма, если оно действительно существовало; по словам Полеса, оно не было отправлено по назначению и пропало.

[1] Полес, недовольный тем, что Герцен заподозрил его политическую порядочность, старается обвинить в этой неудаче... и Герцена, упрекая его в «болтливости». По его же словам, Бакунин послужил косвенной причиной неудачи экспедиции тем, что задержал ее у Гельсинборга на сутки, а затем разразилась буря, задержавшая там же пароход еще на двое суток. Если верить Полесу, то Демонтович заявил, что потеря трех дней делает продолжение экспедиции невозможным.

Швеция, — хотя мы этого и не желали, — ни в каком случае не могло повлиять на успех или неудачу экспедиции.

«2) Что г. Бакунин никогда не принимал участия в наших совещаниях без нашего приглашения, и что его советы не только нам не вредили, но, напротив, направлены были к успеху нашего предприятия.

«3) Что мысль об остановке близ острова Готланда с целью раздобыть там суда, необходимые для нашей быстрой высадки и для рекогносцировки на море, была нам подсказана, задолго до его прибытия в Гельсинборг, единственно известием об очистке ревельской гавани от льда, очистке, которая давала крейсерам возможность передвигаться по морю и этим делала нашу экспедицию гораздо более опасной и трудной.

«4) Что неудача нашей экспедиции должна быть приписана исключительно запоздалому отплытию ее из Англии и огласке, сопровождавшей наши приготовления, которые дали возможность русским приготовиться к нашей встрече, а также неудачному выбору капитана, сознательно предавшего нас, быть может, даже по соглашению с назначившей его компанией.

«Мы охотно вручаем это заявление г. Бакунину ввиду его обещания использовать его с величайшей осторожностью и сначала показать его только гг. Цверцякевичу, Герцену, Огареву и Маццини, равно как и делегатам польского временного правительства, и предать его гласности лишь в случае крайней необходимости, т.-е. в случае серьезных нападок на него в газетах» [1].

Бакунин переслал этот документ Герцену при письме, до сих пор неопубликованном. Письмо это, как сообщает Герцен Огареву 27/28 апреля, подробно доказывает, что Бакунин прав, а Цверцякевич виноват. При этом было приложено на французском языке ругательное письмо к Цверцякевичу. «Я, разумеется, — пишет Герцен, — Цверцякевичу письма не покажу, а от Лапинского и Демонтовича (т.-е. заявление. — *Ю. С.*) покажу. Цверцякевич — скот. Бакунин — Schwächling (безвольный человек. — *Ю. С.*), он сам уж Калинку ругает».

А самому Бакунину Герцен отвечал 29 апреля: «После последнего волюма твоего писания Цверцякевич умолк, и я вновь обвинений не

---

[1] Документ написан по-французски и приводится в оригинале и в переводе у Драгоманова (стр. 119—121). Лемке, недовольный «безобразным» переводом Драгоманова, дал свой, в некоторых частях еще более неточный (Герцен, т. XVI, стр. 228—229). Пришлось примирить обоих и сделать новый перевод.

слыхал,... а потому я покамест рецепт Демонтович-Лапинский оставил у себя. Я твое французское письмо ему еще менее покажу. Его тон слишком hargneux (ругательный)». Посоветовав Бакунину остаться в Швеции, Герцен продолжает: «За что же, шер ами, ты о нас, бедных, судишь по себе и думаешь, что мы, видевши раз пять часов по пяти Лапинского, не оценили его вполне? Даже его ад'ютанта мы прекрасно поняли и твои похвалы ему приняли более за игру воображения. Ведь не мы говорили в двух посланиях о добродетелях, тугендах и вертюях Калинки для того, чтобы в третьей эпистоле сказать о том, что у него ни тугендей, ни вертей нет [1]. О, юность, юность удалая! Мне, брат, стукнул 51 год. Когда мне еще было только 50 лет, помнишь ли, что я тебе говорил о Цверцякевиче? Ты этому не завидуй. Это мое несчастие, что католический взгляд у меня хорош» [2].

Вся эта история привела только к тому, что усилила в Герцене холодно-скептическое отношение к польскому восстанию и даже в Бакунине заронила первые семена сомнения в возможности искреннего союза между польскими националистами и русскими революционерами.

4. Деятельность Бакунина в Швеции.

Приключение с неудачной экспедицией Лапинского было лишь преходящим эпизодом в стокгольмской жизни Бакунина. Правда, после этой истории шансы на поездку в Литву с помощью поляков и вообще на активное участие Бакунина в польском восстании сильно поблекли, но зато он с тем большей энергией занялся русским делом и набросился на другие отрасли работы, ради которой он поехал в Швецию. Это были: агитация среди шведов для пробуждения их симпатий к польской и русской революционной борьбе, распространение лондонских изданий и открытие для них путей в Россию через Финляндию и установление связей с «Землей и Волей», в частности с ее петербургским комитетом.

---

[1] Эти «послания» Бакунина до сих пор тоже не опубликованы. Тугенд — добродетель по-немецки, вертю — по-французски.

[2] Бакунин, видимо, хотел придать этому документу более широкую огласку и был недоволен Герценом за его сдержанность. Это видно из письма Герцена к сыну от 25 мая: «В документе Лапинского и Демонтовича сказано, что «он посылается мне с тем, чтоб я его употребил в крайнем случае». Как же я мог знать, что мне следовало его сообщить Орд[енге], Бр[аницкому] и пр.? Французское письмо я Цверцякевичу не сообщил, потому что оно менее ассомантно (т.-е. убийственно), чем шпыняво, а это следует передавать не через 3-е лицо. Что же касается до документа Л. и Дем., ты сам ему его пошли».

Этим Бакунин занимался и до инцидента с экспедицией Лапинского, этим он еще энергичнее занялся после того.

Как мы уже знаем, шведские либералы, ввиду нападок на Бакунина в консервативной и официозной прессе, решили организовать в его честь манифестацию. С этой целью в Стокгольме был устроен 28 мая большой банкет, на котором Бакунин выступил с речью о задачах революционной партии в России.

Воздав хвалу свободным традициям Швеции, Бакунин перешел к характеристике «молодой России» молодой не по возрасту, а по политическому опыту и жизни, России народной, вековой мученицы, а следовательно, и врага императорской России. Эта новая Россия существует, и час ее наступил. В скорости изумленная Европа увидит ее свободной и великой, но мирной и справедливой, восседающей на развалинах разбитого императорства. Русский народ не стоит за свое правительство; он его ненавидит, и оно не имеет права выступать от его имени. Силы этого правительства подорваны, и оно стоит перед угрозою близкой русской революции, гораздо более грозной, чем польское восстание.

Далее, считаясь с своей умеренной аудиторией, Бакунин повторяет агитационные приемы, развитые им в брошюре «Народное Дело». На вопрос, что же представляют собою русские революционеры, враги петербургского правительства, Бакунин отвечает: «Мы являемся истинными консерваторами. Мы питаем отвращение к крови. Но раз ей приходится течь, то пусть она течет для блага России и Польши. Мы, которых называют революционерами, не являемся даже республиканцами во что бы то ни стало[1]. Если бы император Александр II захотел честно стать во главе политического и социального преобразования России, если бы он захотел вернуть свободу и независимость всей Польше, равно как и всем провинциям, которые не желают входить в состав Империи, если бы вместо чудовищной и насильнической империи Петра, Екатерины и Николая он положил начало России свободной, демократической, народной, с административной автономией областей, и если бы для увенчания здания он водрузил знамя славянской федерации, — в таком случае, господа, вместо борьбы с ним, мы стали бы его самыми верными, самыми горячими и преданными слугами»[2].

---

[1] Курсив мой.

[2] Французский текст этой речи известен нам в двух несколько отличных вариантах: один имеется в «Деле» о Бакунине, а другой приводится у Драгоманова. В этом отрывке они почти тождественны.

«Термины республика и монархия не имеют никакого значения, лишь бы все здание не имело другой основы, кроме действительной воли народа, и другого плана, как благосостояние и свобода» [1].

Затем Бакунин переходит к характеристике общества «Земля и Воля», которое он изображает как мощную организацию, имеющую разветвления по всей стране и включающую представителей всех классов общества [2]. Оно стремится сделаться как бы государством в государстве, организует свои финансы, свою администрацию, свою полицию [3], а скоро, вероятно, будет иметь и свою армию. Оно заключило союз с Варшавским Центральным Комитетом на основе признания права всех наций на самоопределение; на таких же условиях оно заключило союз с малороссийскими патриотами и, в случае желания финляндцев, готово на тех же условиях войти в соглашение и с ними.

Цель общества — спасение страны посредством политической и социальной революции. Программа его, по словам Бакунина, сводится к передаче земель крестьянам с вознаграждением помещиков за счет нации (?), к превращению «чисто немецкой» бюрократической администрации в национально-выборную систему, с общиной в качестве основы, и к замене насильственной централизации федерацией независимых и свободных областей, к замене постоянной армии народной милицией, а для осуществления этой программы общество требует созыва Земского Собора, избранного всем населением [4]. (Другие выдержки из этой речи приведены нами в первой части этого тома.)

Когда текст этой речи был доложен царю, Александр II сделал на докладе отметку: «Tout-à-fait digne du personnage» («вполне достойно этого суб'екта»). А «Колокол» поместил заметку «Пир в Стокгольме», в которой писал: «В ответ нападениям на Швецию в полуофициальных

---

[1] Этого места нет в первом варианте.

[2] Как мы видели в 1-й части этого тома, это место бакунинской речи возмутило Герцена и Огарева своим хвастливым тоном.

[3] Под этим Бакунин, возможно, имел в виду охранный отряд, организованный из студентов и охранявший безопасность членов общества, разузнавая о замыслах полиции, сбивая ее с толку ложными сообщениями и проч.

[4] Кроме того, в честь Бакунина устраивались и другие банкеты. Брошюра против Бакунина (см. ниже) говорит о банкете 14 июня. 9 июня Бакунин и молодой Герцен выехали в город Вестерос на пароходе «Арос», при чем с них не было взято платы за проезд. В Вестеросе 9 июня в их честь дан был банкет, на котором оба они выступали с речами. Приезду Бакунина в Швецию местные поэты посвятили много стихотворений (некоторые из них читались на банкетах)

журналах стокгольмские граждане сделали пир в честь М. Бакунина. Бакунин, мы уверены, — первый русский, в честь которого шведы давали не дипломатический, вынужденный обед, а дружеский, братский пир. Наконец-то, и шведы увидели, что петербургское правительство и русский народ — не одно и то же. На этом обеде молодой поляк провозгласил тост «в память Потебни и всех русских, погибших за польское дело!». Подробностей праздника у нас нет, ждем их с нетерпением».

Эти подробности, правда, в специфическом освещении, мы находим в донесении Дашкова от 21 мая — 2 июня. Вот что там говорится: «Банкет, данный г-ну Дальману, подал мысль неутомимой клике, работающей здесь над поддержанием возбуждения, устроить какую-то манифестацию в пользу защищаемого ею дела, и Бакунин снова был ее героем. В прошлую субботу ему был дан публичный обед, дабы засвидетельствовать ему, как гласило приглашение, сочувствие шведов страданиям, которые он претерпел из-за своей преданности родине, и с целью доказать, что подобно Англии в Швеции существует свободное и полное право убежища. После многих отказов удалось наконец собрать 140 подписчиков, главным образом ремесленников и лавочников (!). Кроме членов общества, которое ныне называется польским комитетом, председателя крестьянской палаты, нескольких крестьян, а также представителя городского сословия, называют еще имена некоторых священников и даже военных и чиновников. Почетные места были предоставлены Бакунину, молодому Герцену и одному поляку, секретарю Демонтовича, по имени Феликс... Речи были такими, каких и можно было ожидать на подобном собрании. После того как председатель крестьянской палаты по настоятельной просьбе Бакунина провозгласил тост за здоровье короля, журналист Бланш предложил выпить за здоровье Бакунина в очень напыщенной речи, в которой он провозглашает хвалу и называет его апостолом света и свободы, в резких выражениях нападая на Россию. Было прочтено несколько стихотворений, соответствующих случаю, после чего Бакунин произнес речь по-французски. Среди присутствовавших мало кто мог понять его, но так как перевод речи появился в Aftonbladet», я имею возможность при сем препроводить его (следует краткое изложение речи Бакунина. — *Ю. С.*)... Молодой Герцен произнес в свою очередь речь, в которой благодарил хозяев. Он рассказал по-французски историю своего отца и его компаньона Огарева, а также русской типографии в Лондоне. Целью, к которой, по его мнению, следует стремиться, является федерация различных славянских народов и союз этой федерации с будущим скандинавским союзом.

В ответ на тост в честь Польши г. Феликс провозгласил тост за благородных русских офицеров, принесших себя в жертву за польское дело.

«Как мне говорили, ни д-р Нордштрем, ни д-р Норденшельд, хотя они и знакомы с Бакуниным, не находились в числе обедающих. Что же касается дворянства, то было всего четверо, пользующихся весьма сомнительной репутацией.

«В общем мы к прискорбию своему видим, что присутствия иностранного революционера достаточно, чтобы вызвать подобные манифестации, и вчера граф Мандерстрем не мог удержаться от того, чтобы не выразить мне испытываемое им отвращение (!)».

Кроме агитации в пользу польской и русской революции Бакунин занялся в Стокгольме организацией широкого сбыта лондонских изданий и доставки их в Россию. После неудачного опыта с каким-то датчанином Бакунин остановился на стокгольмском книгопродавце Штраубе, выбор которого сначала одобрил и сын Герцена, приезжавший в Швецию. Штраубе пришел к тому убеждению, что мелочной продажей «Колокола» и других лондонских изданий в Стокгольме и в Копенгагене много сделать не удастся, а что дело примет серьезный характер только тогда, когда удастся наладить отправку этих изданий в Петербург и далее в Россию. Для этого ему нужен был подходящий человек в России, согласный работать с ним сообща. И Бакунин принимается хлопотать.

«Штраубе, — пишет он Герцену 19 августа, — решился ехать сам в Петербург, чтобы отыскать такого человека... Он поедет через Штеттин, куда я дал ему письмо к весьма хорошему и весьма полезному человеку, комиссионеру, имеющему большие дела с Петербургом, и, завязав там сношения, отправится оттуда в Питер... Друзья мои дадут ему рекомендательное письмо к вышеупомянутому шведу, там проживающему... Наконец, надо будет дать ему письмо к одному из членов общества (т.-е. «Земли и Воли». — *Ю. С.*), чтобы они ему указали торгового русского человека, с которым бы он мог безопасно и с пользою сблизиться [1]. Я знаю возражение, которое вы можете сделать, и понимаю всю деликатность этой стороны вопроса. Давать письмо к одному из наших друзей в Петербурге в настоящее время дело нешуточное, опасное. Но, друзья мои, кто не рискует ничего, тот никогда ничего не сделает. Без помощи общества вы никогда не завяжете серьезных торговых отношений в России; общество не должно вмешиваться в них непо-

---

[1] Итак, у Бакунина не было собственных связей с «Землей и Волей», и он принужден был обращаться за этим к посредничеству Герцена и Огарева.

средственно, но должно только указать Штраубе на людей, способных и готовых принять участие в этом деле. Вы можете написать записку к одному из членов — так, как мы (?) это делали в Стокгольме, — и адрес прислать мне особенно. Штраубе выучит его наизусть. В записке же скажите, что Штраубе приехал по вашему поручению, и что вы просите оказать ему помощь советом, рекомендациею, и, сколько возможно будет, делом. Честным словом ручаюсь вам за то, что Штраубе будет педантически осторожен, и что он будет стараться избегнуть всякой неловкости, могущей компрометировать и его, и того, к кому записка будет написана, что он не будет стараться узнать более, чем ему скажут, и не узнает при случайной встрече того, с кем ему придется переговорить по секрету. Сущность дела расскажет он сам, в записке же должно быть только сказано, что он человек верный, которого мы рекомендуем и которому просим помочь [1]... Из Петербурга Штраубе проедет в Финляндию, а, может быть, прежде этого еще в Ригу. В Финляндии у нас уже есть люди, и найдутся еще другие. Таким образом он завяжет целую цепь сообщений и будет в состоянии начать действительное и довольно широкое дело, — дело, которое может только таким образом удаться». За это Штраубе просил предоставления ему годичного кредита в 5.000 франков и содействия в России, и Бакунин горячо защищал его предложение.

Мы не знаем, вышло ли что-нибудь из этого широкого плана. Надо полагать, что, несмотря на ручательство Бакунина, Герцен и Огарев не дали Штраубе записки к членам общества «Земли и Воли» [2]. Но Бакунин не унывал и старался плести свою сеть со всех сторон. Между прочим он стремился сблизиться с финляндцами, настроенными оппозиционно по отношению к русскому правительству, прекрасно понимая, каким удобным передаточным пунктом может служить для эмиграции Финляндия.

---

[1] Дальше Бакунин напоминает, что дважды так уже было сделано, при чем на первое письмо был даже получен ответ: «ответ, о котором я должен бы был узнать уже давно, в ваших руках», — прибавляет и подчеркивает Бакунин. Это показывает, насколько друзья политически держали его в черном теле и ему не доверяли (или не хотели приобщать его к своим делам).

[2] Но деньги на поездку, видимо, были отпущены. И, вероятно, намеком на эту поездку являются следующие слова из письма Герцена к Огареву от 1 декабря 1863 г.: «Я остался при моем мнении, что все деньги, которые даются на Одиссеи и колумбовские поездки, брошены в печь (Б., разумеется, не верит). Своими силами, силою обстоятельств мы вынырнем и с нами — наше знамя».

Русское правительство сразу обратило внимание на сношения Бакунина с финляндцами. В секретной депеше от 22 марта — 3 апреля тогдашний русский посол в Швеции гр. Дашков, сообщая о возвращении Бакунина в Стокгольм из Мальмэ, старается об'яснить причины его: «Быть может, — говорит Дашков, — он намеревается действовать через своих новых друзей из мира печати в пользу освобождения задержанного судна («Ward Jackson») или же возобновить свои совещания с эмигрировавшими финляндцами, с которыми он завязал сношения. Я знаю положительно, что в числе лиц, посещавших его, были д-р Лаллерстедт, а из проживающих здесь финляндцев — д-р Норденшельд и студенты Э. Ф. Квантэн и Веттергоф». В донесении от 12/24 апреля Дашков сообщает, что Бакунин в тот момент направлял свое главное внимание на Финляндию, где он наверно собирается распространять «зажигательные воззвания» через окружавших его финнов.

И Дашков прибавляет: «Хотя я не думаю, чтобы д-р Нордштрем принадлежал к числу лиц, посещающих Бакунина, однако я начинаю думать, что он не совсем непричастен к затевающимся против нас интригам; весьма логическая причина этому та, что король, очень не любивший его доныне, стал к нему теперь, повидимому, весьма милостив». А в депеше от 29 апреля — 11 мая Дашков следующим образом характеризует «цель, к которой направлены усилия небольшого революционного ядра, волнующегося в настоящее время в Стокгольме»: эта цель— «возможно скорее отделить Финляндию от России и добиться нейтрализации Финляндии под предлогом избавления Великого Княжества от действия новой войны».

В цитированном выше письме от 19 августа Бакунин, сообщая, что ссора его с молодым Герценом и его приятелем Квантэном дурно отразилась на его финляндских связях, указывает на их важное значение: «Разрыв мой с Квантэном, — говорит он, — которого Ал. Ал. (молодой Герцен) был единственною причиною, и последовавшее за ним охлаждение со всеми проживающими здесь финляндцами не дали мне, как я прежде этого надеялся и ожидал, воспользоваться прибытием сюда многих дельных финляндцев из края. Но благодаря моим шведским приятелям мне наконец удалось пробить путь к одному из значительнейших и наиболее уважаемых членов партии финноманов [1]. Посылаю вам на особом листе отрывки из его писем, которых, я думаю, будет достаточно, чтобы доказать вам важность этой связи и пользу, которую мы

[1] Не есть ли это тот Фолькстрю, получение письма от которого впоследствии было одним из мотивов, побудивших Бакунина летом 1864 года совершить второе путешествие в Швецию (см. ниже, часть 3-я)?

можем извлечь из нее. Не называю вам имен и не посылаю адресов, потому что, проученный раз горьким уроком, данным мне вашим молодым и честолюбивым секретарем, не уверен, что он не передаст всего своему другу, а моему теперешнему врагу Квантэну и не воспользуется еще раз моею доверчивостью против меня для вящего укрепления своего юного могущества [1]. Я считал себя обязанным предупредить моих лондонских друзей против Квантэна и с радостью узнал, что партия деятельных финноманов, организовавшаяся, как вы видите, в тайное общество, не намерена подчиняться здешней финской колонии, гораздо более занимающейся личными, чем общими интересами».

О своей работе в Швеции Бакунин писал и заграничному представителю «Земли и Воли» в уже цитированном письме от 9 июля 1863 года. Указав на то, что Стокгольм является лучшим при тогдашних условиях центром для заграничной русской работы, и что из него легко сноситься с Россией через Финляндию, Балтийское море и Северную Германию, Бакунин утверждает, что в Швеции наблюдается гораздо больше сочувствия русской революции и готовности оказать ей помощь, чем в Англии. «Людей и путей для связи я нахожу здесь много, вполне верных и надежных; у меня есть также один вполне нам преданный швед, который постоянно живет в Петербурге и с удовольствием будет нам служить». Далее он, не называя его, сообщает о Штраубе и его проектирующейся поездке. «Наконец, здесь можно недорого устроить как открытую, так и тайную русскую типографию» для печатания прокламаций «Земли и Воли» [2]. Далее он сообщает о получении им письма из Улеаборга от одного из самых уважаемых вождей финноманов, у которого есть очень много связей с раскольниками Архангельской губернии, и который предлагает свои услуги для рассылки писем и листовок. «Таким образом с его помощью можно установить сеть станций по всей Финляндии до Петербурга».

Рассказав о ссоре с сыном Герцена [3], Бакунин указывает на достигнутые им в Швеции успехи. «Скажу без хвастовства, — пишет он, —

---

[1] Это было направлено против молодого Герцена и вызвало отповедь А. И. Герцена, приведенную нами в 1-й части этого тома, в главе IV.

[2] Слухи об этом замысле Бакунина дошли до русских шпионов, как видно из депеши Дашкова от 29 апреля — 11 мая, где он, впрочем, выражает сомнение в верности этих слухов ввиду отсутствия у Бакунина достаточных для этого средств.

[3] Ссора эта произошла, как мы уже знаем, на почве спора о том, кто из них двоих, Бакунин или молодой Герцен, является действительным пред-

что я добился здесь весьма важных результатов. Вся шведская нация, могу сказать — вся Скандинавия со включением Дании, Норвегии и Финляндии теперь убеждены в неминуемой близости русской революции и понимают, что для них эта революция важнее и спасительнее, чем даже освобождение Польши. Вследствие этого общество «Земля и Воля» пользуется огромной популярностью, а шведы, прежде ненавидевшие Россию без исключения, теперь проводят глубокое различие между петербургским правительством, на котором сосредоточивается вся их ненависть, и русским народом, к которому они готовы питать серьезные симпатии. Это не понравилось полякам — не только аристократам, но и демократам. Каждый поляк в большей или меньшей степени ненавидит не только правительство, но и самый русский народ. И они, не нападая лично на меня [1], стараются убедить шведов, что я — мечтатель, идеалист, и что, за исключением двух-трех разумных людей, вся Россия идет с царем. Убедить в этом шведов им не удалось. Вера в русскую революцию здесь теперь прочна; но тем не менее грязь, которую здесь развел молодой Герцен, была вредна и неприятна». Отсюда Бакунин делает вывод о необходимости как можно скорее наладить его отношения с обществом «Земля и Воля».

ставителем «Земли и Воли» в Швеции. По словам Бакунина, юный Герцен (как известно, ничего общего не имевший с революцией, а впоследствии бывший чрезвычайно консервативным швейцарским профессором) по прибытии в Стокгольм заявил полякам и финнам, что Бакунин — самозванец, и что он один (т.-е. А. А. Герцен) имеет право говорить от имени общества. «Это не много ему помогло, — прибавляет Бакунин, — но делу и мне положительно повредило, потому что от поляков и финнов это стало известно шведам, здешним правительственным особам, кажется, самому королю и, как мне говорили, также русскому послу Будбергу и генеральному консулу Моляриусу, и теперь говорят, что не только поляки. но и русские между собою ссорятся». Все это, говорит Бакунин, произошло вследствие незрелого тщеславия недоросля, которому наскучила пустая жизнь у своего папаши и захотелось поважничать. И Бакунин не жалеет крепких эпитетов по адресу молодого Герцена, впрочем, вполне их заслужившего: приказчик, писарь, всеотрицающий мальчишка, без всякого русского чувства, без всякой инициативы, без всякой собственной мысли и пр. Герцен-отец обиделся за своего сына, о поведении которого Бакунин писал и ему, и обругал Бакунина; но ведь по существу-то в этой истории Бакунин был совершенно прав, а Слепцов, давший полномочия молодому Герцену, поступил крайне легкомысленно. Об этой ссоре стало известно и III Отделению, как видно из его отчета за 1863 год.

[1] Если верить рассказу Менгеля (а мы не видим причины ему не верить) то даже такие поляки, как Демонтович, не останавливались перед личными нападками на Бакунина.

В письме к обществу «Земля и Воля» от 17/29 августа 1863 года Бакунин прямо связывает усиление своей работы в Швеции с крушением его надежд принять активное участие в польском восстании. «Я, — говорит Бакунин, — неоднократно пытался попасть в Польшу. Мне не посчастливилось. А теперь расположение поляков к нам до такой степени переменилось, что, не переставая желать им успеха, мы, русские, должны, кажется, воздержаться от прямого участия в их деле, к тому же слишком запутавшемся в последнее время с западно-европейскими интересами, враждебными не только императорской системе, но и русскому народу. Поэтому я остался в Швеции и старался приобрести здесь друзей и помощников для русского дела (курсив мой). Старания мои увенчались успехом. Стокгольм и вся Швеция будут служить верным убежищем для русской эмиграции и для русской революционной работы. Русская типография и русская пропаганда найдут здесь крепкую почву и покровительство и богатые средства. Ничего нет легче, как сообщаться из Стокгольма с Петербургом летом. Есть верные люди, на которых можно положиться без всякой опасности. Благодаря этим людям и средствам я бросил в север России (в губернии Архангельскую и Олонецкую в особенности) около 7.000 экземпляров разных воззваний, между прочим ваших воззваний к солдатам и офицерам. Мог бы их также послать в Петербург, но у меня нет адресов. Правда, что Провансов (т.-е. Слепцов. — *Ю. С.*) дал мне несколько адресов, но я должен был ими пользоваться только по его возвращении в Петербург, а он, кажется, еще за границей. Итак, прежде всего прошу вас о верном и постоянном адресе и предлагаю вам переписываться со мною через подателя этого письма. Он — финляндец, рекомендованный мне, как человек безусловно крепкий и верный, финляндскими патриотами, и может служить вам постоянным посредником с нами и с финскою организациею, с которою я сблизился и которая, понимая так же хорошо свои, как и наши интересы, исполнена к нам и к нашему делу самой искренней симпатии. Я полагаю, что вам не будет противно с нею сблизиться».

Русское правительство внимательно следило за деятельностью Бакунина в Швеции и было более или менее в курсе его предприятий и замыслов. Оно окружило Бакунина шпионами, через которых знало не только о каждом его шаге, но и о каждом его слове. В этом отношении чрезвычайно интересно донесение Дашкова от 12/24 апреля 1863 года, имеющееся в «Деле» о Бакунине. Приводим содержание этого документа.

«Когда некто задал Бакунину вопрос относительно его планов и круга деятельности, которую он предполагает развить в Швеции, он

дал весьма уклончивый ответ и снова повторил, что от шведов ничего ждать не приходится [1], а что касается поляков, то они живут иллюзиями, и он не намерен с ними связываться. Таким образом его главная цель, повидимому, заключается в пропаганде среди финляндцев, которыми он старается себя окружить. Одно из средств, которые он наверно применит, будет распространение зажигательных воззваний в Великом Княжестве. Сомнительно, чтоб они имели там большой успех, но всегда найдутся читатели среди экзальтированной молодежи или других недовольных, готовые их распространять...

«Граф Мандерстрем сказал мне, что он поручил просмотреть депеши и газеты 1848 года с целью выпустить биографию Бакунина, для ознакомления публики с его прошлым. Возможно, что это возбудит в нем неохоту оставаться здесь... (Далее идет приведенное выше место о д-ре Нордстреме и сообщение об отправке списка находившихся тогда в Стокгольме финнов. — *Ю. С.*)

«Раздобыв не лишенные интереса подробности относительно некоторых взглядов Бакунина, высказанных им в разговоре с одним попутчиком, я для упрощения считаю нужным об'единить их в один рассказ.

«Во время моего от'езда из Лондона экспедиция на «Уорд-Джексоне» не была еще готова, но я и не должен был в ней участвовать. Средства на нее не дали ни английские дамы, ни Франция. Последняя обещает, но ничего не дает, тогда как Англия помогает в большей мере, чем сулит. В Стокгольме я получил телеграмму, приглашавшую меня прибыть в Гельсинборг для улажения возникших затруднений. Они были очень серьезны, как это показал исход предприятия. Шведское же правительство не могло поступить иначе, чем поступило. Непоследовательность поляков губит все, и я нисколько им не доверяю. (Дальше идет критика Чарторыйского, Калинки, Демонтовича и Лапинского, которую мы опускаем...) Когда мне пришлось повидать короля, я спросил у него, каким путем сноситься с ним в случае надобности, и предложил ему делать это через принца Оскара, но он возразил: «Нет, не через моего брата; лучше пишите мне».

И в заключение Дашков выражает уверенность в точности этого сообщения.

На-ряду с профессиональными доносчиками действовали и добровольные. След этого добровольного доносительства имеется в «Деле» Ба-

---

[1] В письмах к друзьям Бакунин, как мы видели, говорил совсем другое. Этим письмам можно верить больше, чем таинственному осведомителю, с которым Бакунин, вероятно, не желал пускаться в откровенный разговор.

кунина. Главноуправляющий государственным коннозаводством, генерал Гринвальд, 9 августа сообщил графу Сиверсу, что в недавнюю бытность его в Ревеле племянник его, вернувшийся из-за границы, рассказал ему, что в Стокгольме «известный Бакунин ищет знакомства с русскими путешественниками и, устроив в гостинице, где квартирует, приемную и типографию (?), снабжает всех приезжающих своими (?) сочинениями». При этом ген. Гринвальд представил Сиверсу привезенную его племянником, «как образчик сочинений Бакунина», брошюру под названием «Солдатские песни». Сиверс 15 августа поспешил донести об этом начальнику III Отделения Потапову с приложением брошюры. По обсуждении этого вопроса в высших жандармских сферах 23 августа было постановлено «сообщить поверенному делами (sic!) в Швеции, чтобы предупреждал путешественников, чтобы не сходились с Бакуниным и остерегались от передачи им подобных брошюр».

Кроме русских добровольных шпионов действовали и иностранные волонтеры сыска. Так, бразильский поверенный в делах г. Бритто случайно познакомился на пароходе с канадским гражданином Анри Сулэ, который зачем-то признался ему, что на самом деле он русский, по фамилии Бакунин, и поведал ему о своих планах, прося его никому об этом не говорить, пока он не уедет из Стокгольма. Тем не менее г. Бритто, после от'езда Бакунина с экспедицией Лапинского, решив почему-то, что Бакунин уехал в Англию, счел себя вправе рассказать о своей беседе с Бакуниным прусскому посланнику. Агент Бисмарка поспешил сообщить о своем разговоре с откровенным экзотическим дипломатом по начальству, а последнее, разумеется, препроводило копию его донесения в Петербург. Вот что Бритто «доверительно» рассказал прусскому посланнику:

«Продолжительное заключение и особенно пребывание в Сибири наложило на Бакунина свои следы; как последствие цынги, он потерял все зубы. Однако его осанка доказывает, что его физическая сила не пострадала. Он носит длинную бороду, и строение его лица приближается к калмыцкому (!) типу. В разговоре он в высшей степени обаятелен. Он обладает обширными познаниями. Тем не менее он предается иллюзиям относительно положения дел в России. Он думает, что достаточно крестьянского восстания, чтобы петербургское правительство сошло с рельс. В Швеции он хотел позондировать почву и узнать, можно ли отсюда вызвать восстание в Финляндии (курсив мой). Эти надежды оказались иллюзиями, и Бакунин, пробыв некоторое время в Стокгольме, сам признался ему, что здесь сделать ничего нельзя. Повидимому, Бакунин больше всего имел здесь дело с вождями прогрессивной партии,

однако он посетил и некоторых более высокопоставленных лиц. Так, г. Бритто счел возможным уверять меня, что Бакунина видели не только генерал Бильдт и граф Анкарсверд, но также принц Оскар и король... Сначала Бакунин жил в гостинице, затем в частной квартире. Впрочем, он показывался возможно меньше».

Русскому правительству очень хотелось добиться высылки Бакунина из Швеции. В таком духе велась и кампания в шведских консервативных газетах, несомненно вдохновлявшихся из русского посольства. Но выполнить это намерение, даже при полном сочувствии шведского министра иностранных дел, по тогдашним условиям было невозможно. Об этом Дашков доносил в рапорте от 15 апреля, где говорилось: «После моего последнего свидания с министром иностранных дел я убедился, посоветовавшись с другими членами совета о высылке Бакунина, что мера эта почти невыполнима в настоящее время, так как она навлекла бы порицание правительства всеми газетами в такой момент, когда общественное мнение усиленно занято польскими делами. Некоторые из газет были бы, пожалуй, способны даже оклеветать министров в том, что они продались России. К несчастью, почти не подлежит сомнению, что демократическая партия в Швеции находится под сильным влиянием иностранной демагогии, и что она в свою очередь влияет на высшие административные сферы боязнью заслужить непопулярность. Партия эта, сравнительно немногочисленная, обладает тем не менее реальной силой ввиду того, что в ее руках находится ежедневная пресса, и что дело идет о вопросе, в котором противной стороной является Россия (курсив мой). Этого последнего обстоятельства вполне достаточно, чтобы обеспечить всеобщие симпатии за какою угодно демонстрацией против нас». Указав, что Швеция, поглощенная хозяйственным строительством, вряд ли воспользуется удобным моментом для военного выступления против России, Дашков продолжает: «К Бакунину приехала его жена, и он, повидимому, хочет провести здесь часть лета. Может быть, за это время представится благоприятный случай добиться его высылки из Швеции, потому что я нисколько не сомневаюсь в желании графа Мандерстрема, если только у властей хватит на это мужества (курсив мой). По закону для высылки иностранца достаточно, если он напечатает что-нибудь враждебное дружеской державе. Мне рассказывали, что Бакунин хотел занять денег у редактора «Aftonbladet», но последний, несмотря на сильное желание ему покровительствовать, все-таки не простер своего доверия так далеко. Прибавляют еще, что Бакунин просил редактора, чтобы тот свел его с местным революционным комитетом, но, к величайшему своему

удивлению, получил ответ, что подобное учреждение совершенно неизвестно в Швеции».

Повидимому, опубликования враждебных писаний против «дружеской державы» оказалось недостаточно для высылки «нежелательного иностранца». По крайней мере, когда Бакунин впоследствии поместил в «Aftonbladet», редактор которой, по словам шпиков, якобы не хотел дать ему аванса, ряд статей «Царская власть и молодая Россия», явно враждебных правительству этой «дружеской державы», он все же из Швеции выслан не был при всем «желании» шведского министра иностранных дел [1]. Не знаем, каких шведских министров демократические газеты могли бы обвинить в том, что они «продались» царизму, но относительно графа Мандерстрема такое подозрение было бы, пожалуй, небезосновательно. Иначе трудно об'яснить его старания, направленные если не к высылке Бакунина (на это «мужества» у него, как справедливо опасался Дашков, не хватило), то к его дискредитированию [2].

В чьей именно голове созрел этот гнусный план, в голове ли русского посла или шведского министра, мы не знаем, но, как мы видели, в своем рапорте от 12/24 апреля Дашков приписывает инициативу этого плана графу Мандерстрему. Тогдашний начальник III Отделения, докладывая об этом шефу жандармов, с своей стороны «полагал бы необходимым составить краткий очерк преступных действий Бакунина, включить в оный исповедь, написанную им в бозе почившему государю императору Николаю I, и препроводить к тайному советнику Дашкову». На этом документе, вшитом в полицейское «Дело» о Бакунине, имеются надписи, вероятно, Долгорукова: «Высочайше разрешено 1 мая» и «Об

---

[1] Статьи эти были напечатаны в № 108 газеты от 12 мая, в № 110 от 15 мая и в № 114 от 20 мая 1863 года. По-французски напечатаны в № 27 «La Cloche» от 15 сентября 1863 г. под заглавием «Письма Михаила Бакунина о России».

[2] Поведение Мандерстрема невольно наводит на подозрения. Как видно из донесений Дашкова, Мандерстрем не только установил за Бакуниным слежку и искал поводов к его высылке из Швеции, но и лично вдохновлял направленную против Бакунина кампанию в реакционной прессе. Оказывается, что упомянутая выше биография Бакунина помещена была в газетах «заботами графа Мандерстрема» (донесение Дашкова от 29/IV—11/V); он же «приказал поместить статью, в которой указывалось на крамольные принципы, исповедуемые Бакуниным» (донесение от 21/V—2/VI). «Нашлись люди,— прибавляет Дашков,— которые догадались, откуда исходит нападение». После этого становится понятен намек на «проницательного государственного мужа» в статье газеты «Афтонбладет» (см. выше, § 2 этой главы). Он же, повидимому, придумал и мысль об издании жизнеописания Бакунина в виде особой брошюры.

исполнении переговорить. Князь Горчаков полагает это полезным и находит, что чем скорее осуществится предположение, тем оно будет лучше. 29 апреля». Итак, Александр II одобрил эту затею, повидимому, разделяя мысль русской политической полиции, что покаяние перед царем есть настолько позорный акт для революционера, что достаточно опубликовать этот документ для того, чтобы окончательно дискредитировать его автора! Самооценка вполне правильная.

Получив такую «высочайшую» резолюцию, «писатели» из III Отделения принялись за работу и в месяц с чем-то изготовили брошюру: «Михаил Бакунин, сам себя изображающий. Соч. Шведа, Стокгольм, 1863». Что «швед» этот был самым что ни на есть истинно-русским шпиком, в этом сомневаться не приходится. Роль графа Мандерстрема, шведского министра иностранных дел, готового выступить в виде подставного лица для прикрытия грязной стряпни третье-отделенских агентов, представляет нечто постыдно неслыханное даже в летописях буржуазной дипломатии. По изготовлении рукопись была 12 июня отвезена шефом жандармов в Царское Село для представления Александру II и была им, повидимому, одобрена [1]. В конце концов по каким-то неизвестным нам причинам брошюра эта опубликована не была. Возможно, что царское правительство сообразило, что Бакунину оно особенного вреда этим не причинит, а себя поставит в смешное положение одураченного глупца.

Тем не менее брошюра эта настолько характерна, что мы позволим себе привести из нее некоторые выдержки (она имеется в «Деле» о Бакунине).

«Кто этот г. Бакунин? Он заставляет говорить о себе наши журналы; ему 28 мая и 14 июня даны были обеды, на которых присутствовало до 150 человек, произносились речи, сочувственные Польше и враждебные России; по поводу его возникли даже полемики в наших газетах... Сам он и в журнальных статьях своих, и в застольных речах за обедами 28 мая и 14 июня выдает себя за представителя революционного общества «Земля и Воля», будто бы имеющего разветвления по всем провинциям России, во всех классах народа; принимает на себя роль какого-то апостола, призванного осуществить на деле великие социальные принципы, свергнуть с русского престола царствующую ныне

---

[1] Об этом мы судим по тому, что реакционная обработка брошюры продолжалась и после доклада царю. Последний состоялся 12 июня, а в брошюре имеется указание на банкет, данный в честь Бакунина 14 июня, чего не могло быть в том тексте ее, который был представлен Александру II 12 июня.

династию, сделать из России социальную демократическую республику и потом протянуть руку финляндцам «sous les mêmes garanties», если они сами того пожелают («Aftonbladet» и «Allehanda», 29 мая 1863 г., № 121).

«По всему этому можно было бы заключить, что г. Бакунин принадлежит к числу тех авантюристов, которых много развелось в Европе и которые живут только тайными подкопами, возбуждая повсюду недовольство существующим порядком общественным и стараясь как можно более половить рыбы в мутной воде. Так или почти так кто-то и охарактеризовал его в стокгольмской газете «Nya Tagligt Allehanda». Но в этой же газете (№ 108, 12 мая) г. Бакунин поспешил опровергнуть эту характеристику, говоря, что она происходит из иностранного источника — именно из Петербурга и Берлина, ныне находящихся в союзе. Для сильнейшего убеждения в истине своих слов он в той же статье излил целый поток ругательств на русское правительство и несколькими короткими чертами обрисовал свою прежнюю политическую деятельность.

«Вот его слова:

«В прошлой моей жизни нет ни одного факта, за который я должен бы был краснеть. В 1848 и 1849 годах, равно как и нынче, я верил только в человечество и имел в виду только одну цель — торжество свободы... Когда император Николай в 1849 году отправился в Австрию для того, чтоб подавить законное восстание венгерцев, я употреблял все усилия, чтобы противопоставить этой несчастной лиге священный союз народов и прежде всего примирить богемских славян с германскими демократами... Но было уже поздно; наступило время реакции; наше предприятие не удалось. Когда преждевременно началось восстание в Дрездене, я был готов выехать из этого города в Прагу, но был назначен против моей воли членом дрезденского революционного комитета. Боровшись целую неделю против прусских и саксонских войск, мы должны были отступить. Приехав в Хемниц, я был арестован»...

«Вот и все биографические данные, сообщаемые самим г. Бакуниным. Конечно, их недостаточно для определения личности, которая так настойчиво желает интересовать собою шведскую публику и так шумно заявляет у нас свое присутствие. Полагая оказать услугу общественному любопытству, я счел небесполезным собрать подробные сведения о г. Бакунине в самой России и не от русского правительства или русского официального общества, а от моих соотечественников, по самому положению своему в России стоящих совершенно независимо. Одному из

них, занимающемуся историею дипломатических сношений Швеции с Россиею, особенным случаем удалось проникнуть в архив, где хранятся, между прочим, дела русских эмигрантов разных времен. Там-то он нашел два довольно об'емистые тома, заключающие в себе дело об эмигранте Михаиле Бакунине, и из этого дела он сообщил мне любопытные выписки, за достоверность которых могу поручиться» [1]...

Рассказав о заключении Бакунина в Петропавловскую крепость, автор брошюры продолжает:

«Тогда-то в петербургской крепости Бакунин написал свою И с п о в е д ь, из которой мы ниже приводим наиболее характеристические отрывки, и в ней, как бы совершенно отрезвившись, не только выражал полнейшее раскаяние в прежних своих преступлениях, но и обещал отказаться впредь от подобных действий. Из подлинных документов, находящихся в архиве, видно, что император Николай позволял Бакунину не только переписываться с родными и получать от них деньги, сигары и пр., не только разрешил давать ему книги для чтения, но даже позволял видаться с родными, что строжайше запрещается всякому арестанту. (Любопытно, до чего простиралось снисхождение к Бакунину: сидя в одном из равелинов крепости, он спокойно забавлялся разведением канареек.) Сам Бакунин свидетельствует это в собственноручном письме своем, которое приводится ниже.

«По смерти императора Николая, при начавшейся в 1854 году войне против России, когда союзный англо-французский флот готовился сделать нападение на Петербург, Бакунин переведен был из петербургской крепости в шлиссельбургскую. Наконец, видя постоянное обнаруживание раскаяния и получая неотступные просьбы как от самого Бакунина, так и от его престарелой матери о смягчении участи преступника, император Александр II освободил его от заточения в крепости и позволил ему отправиться в Сибирь, но не в каторжную работу, к которой он был приговорен Сенатом, а на поселение. Мы увидим ниже, с каким благоговением Бакунин принял эту милость... Перед от'ездом в Сибирь он даже получил позволение заехать в деревню к родным своим и провести с ними целый день без свидетелей, что никогда еще русское правитель-

---

[1] Все это несомненная ложь, придуманная для заметания следов и для прикрытия того факта, что авторство брошюры принадлежит III Отделению, которое, конечно, никаких «шведов» в свои тайные архивы не допускало. По стилю брошюры можно заключить, что писал ее человек, плохо владевший русским языком, а так как в ней попадаются галлицизмы и полонизмы, то можно предположить, что составлял ее поляк, состоявший на службе в русской политической полиции.

ство не разрешало ни одному преступнику. Но и в самой Сибири он не был водворен в одном из селений, в которых живут ссыльные: ему позволено было поселиться в губернском городе Томске, где он пользовался полной свободой и вскоре женился на девице благородного происхождения, г-же Квятковской. Этого мало. Раскаяние, из'являемое им при всяком случае, сделало то, что ему позволено было вступить в гражданскую службу, а это уже совершенно выводило его из разряда преступников, лишенных всех прав состояния, и делало гражданином, пользующимся правами, присвоенными званию служащих чиновников: такое дозволение равняется полному прощению (!). Но Бакунин предпочел заниматься делами золотопромышленников, в чем русское правительство также ему не препятствовало, хотя занятия эти требовали частых переездов из одного места в другое. Этим дозволением правительство как бы показывало, что оно не питает уже ни малейшего сомнения в раскаянии и честности Бакунина. Но Бакунин воспользовался по-своему этим доверием: в 1861 году, взяв от некоторых сибирских купцов поручение по их делам, он забрал у них до 3.500 р. денег, будто бы для исполнения их комиссий [1], и, оставив в Иркутске жену, дав притом честное слово не употребить во зло данного ему дозволения, отправился в Николаевск (на р. Амуре), а оттуда бежал в Японию, откуда приплыл в Северные Штаты Америки и 27 декабря 1861 года был уже в Лондоне, как видно, совсем позабыв о своем честном слове»...

Далее третье-отделенский историк пытается об'яснить, как коварно Бакунин одурачил попавшее впросак правительство.

«Русское правительство, повидимому, не решалось дать просимого Бакуниным дозволения, так как кратковременное пятимесячное пребывание Бакунина в Сибири не могло еще представить достаточно ручательств в том, что он не употребит во зло просимую им свободу. Тогда он прибегнул к другому средству.

«Спустя семь месяцев после отправления просьбы о позволении заниматься золотыми промыслами и свободно раз'езжать по Сибири, сорокапятилетний Бакунин, видимо, надеявшийся при оказываемой ему снисходительности, что может достигнуть положения человека свободного, задумал жениться на девице Квятковской, отец которой уже несколько лет жил в Сибири, занимаясь делами одного богатого золотопромышленника. Приняв это намерение, Бакунин так писал о нем

---

[1] Как мы знаем, это полицейская клевета (см. выше о средствах Бакунина во время побега).

к своей матери в марте 1858 года (следует выписка из письма, приведенная нами в I томе этой работы)...

«В то же время Бакунин обратился с новою просьбою к Томскому губернатору о позволении ему свободно ездить во всех местностях Сибири для дел золотопромышленных. Как ручательство в том, что он не злоупотребит доверия, он представлял именно намерение свое жениться, говоря, что это намерение может уже служить доказательством твердой его решимости «посвятить остальную жизнь мирным и законным занятиям», и, наконец, давал честное слово, что никогда не подаст повода раскаиваться в том, что для него сделано. Это письмо любопытно, и я привожу его вполне (это письмо тоже приведено нами в I томе)...

«Как сдержал он свою клятву и свое честное слово, читатель уже знает. Русское правительство согласилось на его просьбу в полной уверенности, что, женившись, он предастся честному труду и возвратится к мирной законной жизни. Но не прошло и трех лет после того, как он, стуча себя в грудь, кричал: mea culpa, mea maxima culpa!, обещая исправиться, и уже оказалась вполне искренность его клятвы, твердость его честного слова: он прямо обманул правительство, бежал за границу и в Лондоне начал печатать памфлеты, где проклинал ту самую власть, которую благословлял в продолжение десяти лет, власть, которая, по его же словам, возвратила его к жизни, спасла его от безумия и сделала счастливым, тогда как могла одним взмахом пера уничтожить его. Сличите выражения приведенных мною его писем с тем, что говорил он в статье, напечатанной в «Nya Tagligt Allehanda», с тем, что сказано им на обедах 28 мая и 14 июня, или еще более с тем, что он напечатал в «Колоколе» и брошюре «Народное Дело» о России, об императоре Николае, о нынешнем императоре, о лицах, составляющих русскую администрацию... Вы увидите два совершенно различные лица, два совершенно различные убеждения, две совершенно различные совести.

«Задача моя кончена. Я достаточно познакомил читателя с Михаилом Бакуниным, этим Бакуниным, который в мае нынешнего года в одной из наших газет так торжественно об'явил, что в прошлой его жизни «нет ни одного факта, за который он должен бы был краснеть». Я не прибавил от себя ни одного слова, не опирался ни на рассказ какого-нибудь постороннего лица: я заставлял говорить самого Бакунина, заимствуя его же собственные выражения в его печатных статьях и приводя целиком или в отрывках его же собственноручные письма и не изменил в них ни одной буквы. Что все эти манускрипты, находя-

щиеся в деле, которое хранится в русских архивах, писаны собственною рукою Бакунина, в том не может быть ни малейшего сомнения. Если же бы кто-нибудь и из'явил такое сомнение, я легко могу опровергнуть его, достав в Петербурге, если угодно, fac-simile с этих рукописей (ого!), так что и сам Бакунин не будет иметь никакой возможности отречься от них.

«Оканчиваю, повторяя вопрос, с которого начал:

«Что такое Михаил Бакунин?

«Пустой ли, праздный болтун, наглый ли лжец и хитрый обманщик или в самом деле Дон-Кихот, как он сам называет себя, т.-е. полусумасшедший фанатик?

«По моему мнению, ни в том, ни в другом, ни в третьем случае он не годится в серьезные политические деятели, и не может возбуждать к себе сочувствие людей сколько-нибудь рассудительных»...

Опубликование этой брошюры несомненно нанесло бы, по крайней мере, на время немалый удар Бакунину и дало бы пищу его врагам, хотя одновременно скомпрометировало бы и русское правительство и заставило бы заговорить о тех физических и моральных пытках, с помощью которых оно вырывает подобные признания и покаянные заявления. С другой стороны, оно публично расписалось бы в собственном легковерии и глупости, заставивших его поверить в действительное раскаяние Бакунина. Так или иначе царское правительство не отважилось пуститься в бурное море гласной полемики и предпочло прибегнуть к более подходящим для него приемам борьбы с своим врагом. Некоторые из этих приемов (муссирование из-за кулис кампании в реакционной прессе, несомненный подкуп шведских газет и министров, тайные интриги в дипломатических канцеляриях) мы уже видели. Разочаровавшись в возможности дискредитировать Бакунина опубликованием брошюры и газетными кампаниями, а также добиться его высылки из Швеции путем давления — дипломатического и иного — на гр. Мандерстрема, царское правительство, если верить сообщению Бакунина, задумало прибегнуть к испытанному и часто им практиковавшемуся приему политического убийства [1]. Об этом сообщает Бакунин в письме к Герцену и Огареву от 1 августа 1863 г: «Есть здесь (в Стокгольме — *Ю. С.*) еще русский шпион Кноббе, который беспрестанно юлит вокруг моей квартиры и который проговорился, что русское правительство дает 50.000 руб. тому, кто овладев моею персо-

---

[1] Мы знаем, что о таком способе расправы с Бакуниным Дубельт мечтал еще в 1849 году.

ною, доставит меня живого или мертвого в Петербург. Я, разумеется здесь безопасен, однако на всякий случай зарядил револьвер».

Такой способ борьбы с политическим противником более приличествовал царскому правительству, чем литературная полемика. Вести последнюю оно предоставило своим наемным и добровольным сторожевым псам, во главе которых заливались, с одной стороны, Катков, а с другой — славянофилы с И. Аксаковым, — все бывшие приятели Бакунина, которых развитие исторических событий поставило с ним по разные стороны баррикады.

Если польские «патриоты» вроде Мерославского об'явили национальной изменой Польше признание Варшавским Центральным Комитетом права наций на самоопределение, то с той же точки зрения российские квасные «патриоты» за то же самое изрекли анафему Бакунину за национальную измену России. В № 19 «Дня» появилась за подписью Касьянова статья проживавшего тогда в Париже И. С. Аксакова, в которой между прочим говорилось: «Никакими нравственными побуждениями не может быть оправдан союз с врагами родной страны, ничто в мире не может извинить призыв иноземной рати на родную землю! [1]. Разве не изменником русскому народу является теперь Бакунин, предводительствующий польским отрядом или шайкою всякого сброда мастеров, подмастерьев и работников революции? (речь идет об экспедиции Лапинского. — *Ю. С.*)... Положительно известно, что Бакунин в Швеции торжественно обещает шведам от имени России (!!) Финляндию и Остзейские провинции, а Польше — прибавку нескольких русских губерний».

Вот во что обратилось бакунинское право народов на самостоятельное решение своей судьбы в голове российских «патриотов» и его предложение финляндцам заключить с русскими революционерами на основе этого принципа союз, подобный союзу с поляками! Далее Аксаков пытался отделить Герцена от Бакунина, но утверждал, что русская кровь, которою обагрился Бакунин, забрызжет и Герцена, если он не отречется от него (враги знали слабое место Герцена!). Герцен, как это всегда бывало с ним при нападках из дворянско-буржуазного лагеря, почувствовал себя задетым и вступил с клеветником в полемику. Он послал в редакцию «Дня» опровержение, в котором назвал неправдою

---

[1] Нынешние пресмники Аксакова, призывавшие и призывающие интервенцию буржуазных государств в русские дела, рассуждают иначе. Еще бы! В интересах пробуждающихся масс «призывать» иностранцев нельзя, ну, а для спасения престола и кошелька дело совсем другое!!

утверждение о территориальных обещаниях Бакунина шведам и полякам, а далее, пускаясь в двусмысленные об'яснения, писал, что Бакунин никаким польским отрядом не предводительствовал и не имел такого намерения, а поездка его преследовала совершенно другую цель.

Письмо Герцена было помещено в «Дне» с разрешения министра внутренних дел Валуева, надеявшегося этой полемикой скомпрометировать эмигрантов. Аксаков сопроводил его своей статьей, в которой продолжал атаку на Бакунина. Он издевался над попытками Герцена убедить читателей «Дня» в «гражданской непорочности Бакунина, который, нисколько не заботясь об оправдании (вот это правда: Бакунин меньше всего думал оправдываться перед реакционерами, которым он об'явил беспощадную войну! — *Ю. С.*), продолжает сам себя обличать в преступлении своими публичными действиями и речами, равняющимися обвинительным актам». Зачем Бакунин поехал в Швецию? — грозно вопрошает Аксаков, — не для ботанических же экскурсий? «Нет, он а г и т и р о в а л, возбуждал шведских демократов и вместе с Чарторыйским настраивал общественное мнение к войне с Россией, насылал опустошение и гибель в пределы русской земли, кровопролитие и смерть русскому войску, русскому народу». Правда, Бакунин делает «оговорку в пользу русского народа», т.-е. доказывает, что его действия направлены против правительства в интересах угнетаемых им масс, но суровый обличитель отводит этот аргумент — правда, без тени аргументации. Далее Аксаков основательно отвергает утверждение Герцена о неприкосновенности Бакунина к прокламациям и манифестам [1], доказывая, что к ним причастен и сам Герцен, связанный с «Землей и Волей». Наконец, Аксаков старается уличить Герцена и Бакунина в двусмысленности позиции, занятой ими в национальном вопросе, утверждая, что они не протестовали против выставленной поляками программы восстановления Польши в границах 1772 года, а при таком условии оговорка Бакунина относительно опроса самого народа ничего де не дает.

На этот выпад Аксакова Герцен отвечал статьею «К о л о к о л и Д е н ь (Письмо к г. Касьянову)», помещенною в № 167 «Колокола» от 10 июля 1863 года [2]. Эта статья лишний раз показывает, насколько

---

[1] Разумеется, если речь шла о подложном манифесте, фигурировавшем в деле «Казанского заговора», то Герцен был прав. К нему ни лондонцы, ни «Земля и Воля», как таковая, отношения не имели.

[2] В № 168 «Колокола» от 1 августа 1863 г. на эту же тему была помещена еще одна статья: «Д е н ь и К о л о к о л».

чувствителен был Герцен к голосу дворянских правящих кругов, как он церемонился с ними, пытался их убеждать, апеллируя к старым дружеским воспоминаниям, вместо того чтобы открыто швырнуть им в лицо все их преступления и бесповоротно порвать с этим подлым прогнившим и обреченным миром. И потому ответ его носит двойственный характер. С одной стороны, он заявляет о своей солидарности с Бакуниным в национальном вопросе, а с другой — вдруг заговаривает о том, что прежде чем выступить с обвинением против такого страдальца за свои убеждения, как Бакунин, надо много раз подумать. «Я, — говорит он, — не принадлежу к числу сентиментальных поклонников всякого страдания и всякого мученичества, но признаюсь откровенно, что прежде, чем бы я решился на резкое порицание человека, вышедшего после двенадцатилетних казематов и ссылок с тою же верой и с полной готовностью снова итти в каземат, с которой взошел в них, я десять раз подумал бы или, по крайней мере, поискал бы доказательств». А, как мы знаем, вскоре в связи с нападками Каткова Герцен довольно недвусмысленно отрекся публично от солидарности с Бакуниным (см. выше, в главе о разногласиях между Герценом и Бакуниным). И Бакунин имел право впоследствии упрекать Герцена и Огарева в том, что они испугались воя продажных дворянских писак и проявили склонность к отступлению.

Бакунин гораздо слабее реагировал на доносительные нападки Аксаковых и прочей лающей братии. «Благодарю за статью обо мне в «Колоколе», — пишет он Герцену и Огареву 1 августа, — я думаю сам написать им ответ и попрошу вас напечатать его в вашем журнале, но прежде прошу вас, если можно, выслать мне те русские журналы, в которых меня ругают. Они мне делают слишком много чести. Правда, мне становится совестно, когда подумаю, что я так мало еще заслужил ту ненависть и тот страх, которые я им внушаю. Да, литература стала подла». О намерении печатно ответить на нападки господ Аксаковых Бакунин сообщает и в письме к «Земле и Воле» от 17/29 августа: «Теперь, в виде письма к Герцену, я пишу для «Колокола» (ответ) на полицейские и славянофильские нападки против меня». Но намерения своего он так и не выполнил, видимо, не придавая особенного значения заинтересованной брехне охранно-патриотических шавок. По существу же он определенно писал старым друзьям (все в том же письме от 1 августа): «Да, я громко отрекаюсь от русского государственно-императорского патриотизма и буду радоваться разрушению Империи, откуда бы оно ни пришло» (см. выше о «пораженчестве» Бакунина).

После крушения польских планов Бакунину, лишенному прямых связей с Россией, долго оставаться в Швеции не имело смысла [1]. В своем письме к заграничному представителю «Земли и Воли» от 9 июля 1863 г. он просил его или лично приехать в Стокгольм, или прислать туда доверенного человека для выяснения взаимоотношений с «Землей и Волей», или дать ему хотя бы адрес для сношений с Петербургом. «Во всяком случае, — писал Бакунин, — я остаюсь здесь до конца сентября и втечение этого времени буду ждать. Если это будет возможно, а главное, если это будет полезно, я постараюсь отправиться прямо в Россию — в Польше нам теперь нечего делать (курсив мой). Но если это окажется невозможным, и если я не получу от Комитета специального поручения, то я в конце сентября выеду в Лондон».

Мы видим, что, отчаявшись попасть в Польшу, Бакунин все же не сразу расстался с своими планами относительно русской революции. В случае нужды он готов был двинуться в Россию, хотя не мог не знать, что́ его там ожидало в случае провала (а на это было 99 шансов из ста). Но, повидимому, все его попытки связаться непосредственно с обществом «Земля и Воля» ни к чему не привели. Да и вряд ли при тогдашнем положении дел общество могло дать ему определенную революционную работу, да еще в самой России, где Бакунин просто был бы для него лишней обузой.

Не добившись никакого толка, не будучи в состоянии осуществить своих планов относительно устройства типографии и организации печатания воззваний в Швеции, Бакунин принужден был оттуда уехать. Свою чисто агитационную задачу, поскольку она вообще была осуществима, он выполнил, и больше в Швеции ему в сущности нечего было делать. 8 октября он выехал оттуда в Лондон [2].

Еще одна глава в жизни Бакунина закончилась. Теперь ему предстояли новые интересы и новые бои.

---

[1] К. Минчиаки доносил кн. Горчакову из Стокгольма 6/18 сентября: «От одного лица, встречающегося с Бакуниным, я узнал, что он принял решение покинуть Стокгольм. Он хочет провести зиму в Италии. Это лицо уверяло меня, что узнало от г-жи Бакуниной, что ее муж совершенно разочаровался насчет шведов, среди которых он надеялся найти активных помощников в своих революционных интригах. Он считает, будто бы добавила она, что польская революция на этот раз не удалась вследствие равнодушия Европы, и хочет отправиться в ожидании событий в Италию, где жизнь дешевле» (курсив мой).

[2] 8/20 октября Дашков с чувством глубокого удовлетворения доносил кн. Горчакову: «С радостью могу сообщить вашему сиятельству, что неделю

5. Итоги первого периода революционной работы.

Подводя итоги деятельности Бакунина со дня его прибытия в Лондон до от'езда из Швеции, приходишь к неутешительным выводам. Можно сказать, что положительных результатов она не дала, а все планы Бакунина закончились полнейшим фиаско. А между тем он не жалел своих сил и с своей стороны делал все от него зависевшее, чтобы двинуть вперед дело революции и добиться каких либо результатов.

В области русской работы усилия его не увенчались успехом. Выпущенные им две программные брошюры мало отвечали действительным потребностям русской революционной борьбы. Первая из них, посвященная развитию революционно-панславистских фантазий, не встретила в России (как, впрочем, и нигде) никакого отклика и даже, как мы видели, уронила его фонды среди русской революционной публики [1]. Вторая, насквозь проникнутая внутренней фальшью, вызвала среди молодежи неудовольствие и способна была только породить недоразумения, от которых впоследствии Бакунину приходилось самому открещиваться.

Попытки Бакунина найти в России сторонников для программы, развитой в этих двух брошюрах, закончились и не могли не закончиться неудачей. Революционных элементов в герценовском окружении за границей вообще почти не было, а поскольку в виде исключения они там находились, их, разумеется, нельзя было увлечь фантастической идеей «вольной славянской федерации». Поневоле Бакунин, вместо того, чтобы навербовать сторонников *своей* программе, *сам* поплыл по течению и поддался либерально-оппортунистическому духу герценовской среды и публики, выражение чего мы видим в участии Бакунина

тому назад Бакунин наконец уехал в Готенбург и Лондон, откуда он намеревался затем отправиться в Италию. Члены так называемого Польского Комитета провожали его на станцию железной дороги, и если правда, что, как утверждают, он докучал им своими постоянными просьбами о займе, то, вероятно, они с некоторым удовольствием присутствовали при его от'езде. Его друзья-журналисты об'явили о его от'езде, сообщая, что многие выдающиеся лица провожали его и слали свои пожелания русскому политическому мученику. Несмотря на восторги, вызванные в свое время его приездом, от'езд его прошел почти незамеченным, так как вряд ли возможно его возвращение, ибо положение его здесь значительно изменилось. Кроме проповедей, направленных против России, его фактическая деятельность здесь ограничилась распространением небольшой брошюры, присланной из Лондона и содержащей несколько революционных песен по адресу наших солдат».

[1] Вспомним об опасениях «Земли и Воли».

в либеральной агитации за Земский Собор. И здесь, как это нередко бывает в истории, компромисс оказался напрасным, а оппортунизм непрактичным и никаких реальных результатов не дающим. Либеральная агитация оказалась столь же бесплодной, как и панславистская.

Еще более бесплодны были попытки связаться с массами через старообрядческих начетчиков и купцов и найти в раскольниках элементы для организации революционного движения. Разделив с тогдашней радикальной интеллигенцией предрассудок насчет мнимой революционности раскола, Бакунин и в этой области скоро очутился в безвыходном тупике.

Появление общества «Земля и Воля» оживило надежды Бакунина, не переставшего ждать революционного взрыва в России, на возможность найти, наконец, почву для организации революционных элементов. С восторгом встретил он весть о возникновении революционного Комитета в самой России и сразу из'явил готовность беззаветно отдать все свои силы на служение этому тайному обществу. Но и здесь его ждало полное разочарование. Все попытки его связаться с обществом, получить от него определенные поручения и указания систематически кончались неудачей. Отчасти это об'яснялось тем, что руководители общества не доверяли Бакунину и не симпатизировали его стремлениям. Но главная причина этой неудачи Бакунина заключалась в том, что «Земля и Воля», можно сказать, так и не вышла никогда из стадии подготовительной организации, всегда была чрезвычайно слаба и незаметно сошла со сцены, не найдя в окружавшей ее среде питательных соков для своего развития. И уже через какой-нибудь год—полтора стало ясно, что общество умерло, не успев сыграть какой-либо заметной роли в судьбах страны.

В частности ни к каким длительным практическим результатам не привела и работа Бакунина в Швеции. Повидимому, ни поездка Штраубе, ни хлопоты знакомых финнов не достигли желанной цели, т.-е. установления прямых связей с (умиравшей) «Землей и Волей» и с северными раскольниками, а также налажения путей для книжной контрабанды [1]. Революционная партия в России не подавала признаков

---

[1] В письме из Флоренции от 4 марта 1864 г. к Герцену и Огареву Бакунин, начиная выражать сомнение в силе и даже существовании «Земли и Воли», пишет: «Удалось ли вам устроить с обществом регулярные сношения? Отвечали ли тебе, наконец, Штраубе и мой финляндец? Доволен ли ты их ответами, удалось ли устроить сообщение через них с Питером и с архангельскими раскольниками? Я им писал раз отсюда, ответа еще не было».

жизни. Польское восстание не встретило отклика за польским рубежом. Напротив, реакция в России еще усилилась. И в глубине души Бакунин должен был признать, что его расчеты и вера в близость радикальной крестьянской революции в России не оправдались.

Но в России потерпели крушение фантазия, надежда, ожидание. В Польше рушилась действительная, реальная, уже начавшаяся революция. Бакунин приветствовал ее от всей души, убежденный, что «в Польше начинается русское дело», и что польское восстание подаст сигнал к военно-крестьянскому восстанию на Литве, Украине и Великороссии. Бакунин горел желанием принять активное участие в польском восстании в надежде, что оно прямиком приведет его к еще более активному участию в русской революции. Увы, и в этом пункте его ждало полное разочарование. Тщетно Бакунин стучался во все двери — его услуги отвергались руководителями польского восстания, которые мало доверяли Бакунину как русскому и еще меньше доверяли его программе, его стремлениям, в которых они, подобно всем дворянско-буржуазным идеологам, усматривали торжество азиатского «варварства» над европейской «цивилизацией». А когда ему, наконец, довелось принять участие в практическом польском предприятии (экспедиции Лапинского), то оно оказалось столь плохо организованным, что неизбежное его крушение лишь скомпрометировало Бакунина, в этом деле ни в чем неповинного, и только ухудшило его, и без того неважные, отношения с поляками.

И вот даже непоколебимая революционная вера Бакунина начинает колебаться, даже его несокрушимый оптимизм дает первые зловещие трещины [1].

В апреле 1864 г. он, наконец, получил от них сведения, что и вызвало его вторичную поездку в Стокгольм (см. ниже).

[1] З. Ралли, на точность воспоминаний которого не всегда, впрочем, можно полагаться, но показания которого ценны тем, что во многих случаях заимствованы из личных бесед с Бакуниным, полагает, что Герцен разошелся с Бакуниным по польскому вопросу потому, что в нем, Герцене, сильнее был тогда социалистический (?) элемент. «Бакунин, — говорит Ралли, — бросившись с головою в дело национального освобождения поляков только (?) потому, что жаждал революционной деятельности, признал возможным временно отречься от всех своих социалистических тенденций. После неудачной своей экспедиции через Скандинавию в Польшу, после тяжелых нареканий по поводу этой экспедиции со стороны Герцена и др., М. А. сознал свою ошибку и впоследствии относился с крайней осторожностью к польскому элементу, с которым соприкасался во всю свою последующую деятель-

Но Бакунин сдается не сразу. Он, правда, теряет веру в данное восстание и его руководителей, он начинает разгадывать в них представителей господствующего класса со всеми его недостатками, но он зато утешает себя мыслью о том, что за первым этапом революции вскоре последует второй, истинно-народный, и на этот раз закончится победой. Чем более убывали шансы шляхетской, мелкобуржуазной революции, тем сильнее начинает овладевать душою Бакунина надежда на предстоящую в близком будущем р е в о л ю ц и ю х л о п с к у ю, к р е с т ь я н с к у ю.

Как видно из его переписки 1864 года, Бакунин, даже после переезда в Италию, продолжал интересоваться польскими делами и допускал еще возможность поворота военного счастья в пользу поляков, если только они решатся смело выбросить истинно-демократическое, революционное знамя [1]. В Италии он знакомится с поляками, в том числе и с ген. Босаком (Гауке), ведет агитацию в пользу «красных» против «белых». Письма его к гр. Салиас и Демонтовичу полны вопросов относительно происходящего в Польше, шансов на продолжение борьбы и т. д. С восторгом передает он в письме от 4 марта 1864 г. из Флоренции Герцену и Огареву оптимистические известия, полученные им в Италии от поляков. «Все поляки, — пишет он, — ждут к концу нынешнего года нового взрыва, и я не сомневаюсь, что движение лихорадочно возрастет, но будет ли это лихорадка к смерти или к жизни, — вот весь вопрос. Ожидают поляки поголовно хлоп-

---

ность во Франции, Швейцарии и Италии. Относительно участия своего в польской революции Бакунин в своих воспоминаниях (т.-е., надо понимать, в беседах с Ралли и др. — *Ю. С.*) всегда обвинял однако не столько поляков, сколько русское общество и русское правительство, которые вселили в поляках полное недоверие ко всему русскому. В особенности поляки, по словам М. А., не доверяли русским революционерам с социалистическими тенденциями, и это потому, что чиновники и шпионы русские в Польше вели тогда почти что социалистическую (?) пропаганду среди польского крестьянства, науськивая его против революционеров-шляхтичей» (З. Р а л л и — «М. А. Бакунин. Из моих воспоминаний», «Минувшие Годы», 1908, октябрь, стр. 150—151).

[1] В письме к гр. Салиас от 5 января 1864 г. Бакунин указывает на вред, причиняемый польскому делу в Италии и Швейцарии пропагандою «белых», силящихся уверить Европу, что «движение Польши не только не революционерное, но строго консервативное, аристократическое и католическое, чтобы не сказать ультрамонтанское», и сообщает, что он, Бакунин, посильно борется с этими пагубными результатами (он привлек к сборам на польское дело семью Фохтов). То же он сообщает Демонтовичу в письме от 24 января 1864 г.

ского восстания. Если оно будет, ну, тогда дело еще может поправиться. Положительно знаю, что число не только русских офицеров, но перебежавших чисто-русских унтер-офицеров в польском лагере с каждым днем увеличивается. Чрезвычайный комиссар от польского правительства, которого я здесь на-днях видел, сказал мне, что польское восстание держится теперь положительно и почти исключительно чисто-русскими офицерами, унтер-офицерами и солдатами, и что эти люди дерутся как львы[1]... Кажется, решаются, наконец, дать восстанию решительно революционный характер, ищут союза с итальянскою партией и с мадьярами, равно как с южными славянами... Со всем этим продолжают верить в Наполеона и ждать от него спасения».

Но Бакунин еще продолжает верить в национальные движения, эпоха которых к тому моменту, впрочем, действительно не закончилась. При этом он воображает, что эти национальные движения в конечном счете выльются в движения социального характера. В том же письме, охарактеризовав неустойчивость положения в разных государствах Европы, Бакунин продолжает: «Как вы видите, здесь (в Италии), как и в целой Европе, путаница страшная, ни один вопрос не поставлен чисто и ясно. Везде законные требования и движения с примесью наполеоновского яда. А электричество все набирается и переполняет атмосферу, — без бури не обойдется. Может быть, будет взрыв позже, но мне кажется, что отлив окончился, начинается вновь прилив».

Бакунин настолько увлекается мыслью о вновь начавшемся революционном приливе, что у него на минуту воскресают не только надежды на победу польской революции, но и на революцию европейскую. Так, в письме к Тхоржевскому от 12/24 апреля 1864 г. он говорит: «Первый и, без сомнения, самый горестный акт польской революционерной трагедии, кажется, пришел к окончанию. Но не отчаивайтесь, Тхоржевский, польская революция не только что не окон-

---

[1] Это сообщение не отвечало действительности. Равным образом неверным оказалось и следующее его сообщение, излагаемое дальше в том же письме: «Позабыл вам сказать еще один утешительный факт, если только он справедлив. Поляки разных партий, и между ними довольно серьезные, говорят, что не только крестьяне Украины, Подолии, Волыни, но даже и малороссийские (т.-е. левобережной Украины. — *Ю. С.*) обратились решительно на сторону Польши, что уже существуют переговоры между Хохландиею и Польским Национальным Правительством, которое, взявшись наконец за ум, отреклось от всякого притязания на украинские земли и призывает их к дружному, но независимому восстанию с казацким знаменем и во имя лишь единой казацкой воли».

чилась, но, по моему глубокому убеждению, только что начинается. Кончился только кровавый пролог под названием «героическое падение польской шляхетской демократии». Началось польское хлопское дело, которого русское правительство никогда не будет в состоянии ни умиротворить, ни удовлетворить, а из шляхетской демократии, из революционерного мещанства и городового народа не все же перерезаны и не все сосланы в Сибирь, — осталось, без сомнения, несколько тысяч людей отчаянных и испытавших в продолжение страшного года такие страдания, которые вряд ли испытываются другими народами в продолжение ста лет... Это огромная сила, сила отныне разумная, потому что она, наконец, поняла совершенно, что будущность Польши, как и всех славянских народов, в хлопе, и что одно средство спасения для всех: красная, социальная, геологическая революция [1]. Я уж встретил таких людей и уверен, что встречу их еще более. С ними возможен и необходим союз. Они же могут нам найти и настоящих великорусских и малорусских людей. На Западе также кончился прилив реакции, — начался снова прилив революции. И отбросив китайскую мысль, достойную аксаковского «Дня», мысль раз'единения русского и славянского движения от европейского движения, будто бы умершего, в действительности же только примершего, теперь же вновь воскресающего, мы должны же, наконец, понять, что в целой Европе, не исключая и нашей России, два лагеря, два отечества: один называется революцией, другой — контр-революцией [2]... Итак, Тхоржевский,

---

[1] Курсив мой.

[2] Эта благородная вера во всеевропейскую (теперь бы сказали: мировую) революцию и мысль о нерасторжимой связи между этой неумирающей революцией и революцией России, Польши и других славянских народов направлена не только против аксаковского «Дня», но и против славянского мессианизма Герцена и его скептического неверия в революционные силы Запада. Не нужно забывать об этой черте, радикально отличавшей Бакунина от Герцена, при оценке бакунинского «революционного панславизма» (не всегда, впрочем, получавшего у него одинаковую формулировку). После неудачи своей революционной попытки в Лионе (см. т. IV) Бакунин в письме к А. Эскиросу от 20 октября 1870 г. выражался по этому поводу следующим образом: «Если Пруссия победит, то с европейским человечеством будет покончено, по крайней мере, на пятьдесят лет; нам же, старикам, останется только умереть. Увы, я должен буду признать, что прав был мой покойный друг Александр Герцен, когда после июньских дней 1848 года... он заявил, что Западная Европа отныне умерла, и что для возобновления и продолжения истории остается только два источника: с одной стороны, Америка, а с другой — восточное варварство. Я, защитник не вашего официального буржуазного мира, который я ненавижу и презираю от всей души, а западной ре-

не смущайтесь, умирает теперь не Польша, а последний призрак шляхетской свободы и шляхетской демократии в Польше, — и в Польше, и именно в Польше, начнется конец русскому императорству и всероссийскому государству».

Задыхаясь в обстановке торжествующей реакции, Бакунин готов снова призвать к делу духа разрушения, памятуя, что он же и дух, творящий новую жизнь. «За что ни ухватись, — пишет он 18 марта 1864 года гр. Салиас, — все гнило, все рвется. Цивилизация гниет, варварство еще не выросло до силы, а мы сидим entre deux chaises (т.-е. между двух стульев). Очень жестко, — хоть бы дожить нам до великого дня Немезиды, до страшного суда, которого не миновать этому мерзкому европейскому обществу. Пусть друзья мои строят,— я жажду только разрушения, потому что убежден, что строить в мертвечине гнилыми материалами — труд потерянный, и что только из великого разрушения могут возникнуть новые живые материалы, а с ними и новые орга-

---

волюции, всегда отстаивал эту революцию против него. Он, некогда бывший одним из пылких ее сторонников, больше в нее уже не верил. Я же продолжал в нее верить, несмотря на катастрофу, несмотря на преступление, совершенное буржуазией в июне. Он говорил, что Западная Европа сгнила, что она стала резонерской и трусливой, без веры, без страсти, без творческой энергии, как некогда Низменная (Византийская) Империя. Я соглашался с ним во всем этом относительно вашей буржуазной цивилизации, но указывал ему, что в Западной Европе под буржуазией имеется своего рода варварский мир — городской и сельский пролетариат, который, не имев возможности злоупотреблять и даже пользоваться жизнью, не будучи развращен и софистицирован этой упадочной цивилизацией, а, напротив, беспрерывно морализуемый трудом, являющимся при всем своем подавленном и рабском характере, живым источником ума и силы, имеет перед собою богатое будущее, а потому для обновления европейского Запада нет никакой нужды в варварском нашествии, так как Запад имеет в своем подполье свое собственное варварство, которое в свое время обновит его. Герцен абсолютно не верил в это и был убит своим скептицизмом в гораздо большей мере, чем болезнью. Я же, наоборот, был полон веры; я был социал-революционером не только в теории, но и на практике; это значит, что я верил в осуществление социалистической теории, и именно потому я его пережил... Так вот, то, что я ныне наблюдаю во Франции, повергает меня в состояние, близкое к отчаянию. Я начинаю опасаться вместе с Герценом, что крестьяне и пролетариат во Франции и в Европе также мертвы. А тогда что? Тогда Франция погибла, и Европа погибла. Но нет! В продолжение моего кратковременного пребывания в Лионе и в окрестностях Марселя я увидел, я почувствовал, что народ не умер. Он обладает всеми великими инстинктами и всею мощною энергиею великого народа. Ему нехватает только организации и правильного руководства» (B a k o u n i n e — «Oeuvres», т. IV, стр. 233—235).

низмы [1]. Если не будет войны или если не будет поголовного восстания польских, литовских и украинских [провинций?] нынешним летом, Польша социальная, Польша хлопская, пожалуй, и не пропала, но то, что называется теперь польским делом, потеряно. Начнется тогда, может быть, новое польское дело, из которого, пожалуй, разовьется и русское крестьянское дело... Другой поэзии, кроме суровой поэзии разрушения, на долгое время не предвидится, — и счастливы мы будем еще, если нам придется увидеть разрушение. Хуже будет, если заместо разрушения будет мирное гниение. Наш век — во всех отношениях переходный, несчастный век, и мы, отвязавшиеся от старого и не примкнувшие к новому, — несчастные люди. Будем же нести свое несчастье с достоинством, жалобы нам не помогут, и будем разрушать, сколько можем» [2].

Таким образом, под влиянием уроков практической жизни и революционной борьбы, период увлечений либеральными и национальными движениями начинает уступать место новой полосе, окрашенной более революционным и социальным цветом. Бакунин вступает в переломную фазу, которая, после нового рецидива либерально-демократических увлечений, окончательно приводит его к социально-революционным, в частности — к анархическим воззрениям. Годы 1864—1868 были в его жизни периодом выработки и развития этих анархических взглядов, зародыши которых, как мы уже знаем, присущи были ему еще с середины 40-х годов.

Для правильной оценки бакунинского анархизма необходимо помнить историю развития в нем нового мировоззрения. Мы уже видели, что в первичной стадии анархические или полу-анархические инстинкты Бакунина выросли у него из эпохи тридцатых и сороковых годов, когда они развивались у него в значительной мере как результат идеализации патриархального быта земледельческих славянских народов, начавших подвер-

---

[1] Курсив мой.

[2] Поражение польского восстания Бакунин приписывает преобладающему влиянию «белых». «Правда ли, — пишет он в том же письме, — что в парижской Польше произошла большая перемена, что власть Отеля Ламберта (средоточие «белых». — *Ю. С.*), если не совсем уничтожена, по крайней мере, сильно укорочена? Эта мера могла быть благодетельною год тому назад, теперь вряд ли принесет она какую-нибудь пользу... Исторический грех Отеля Ламберта, это — губительное безверие в революцию и вера в дипломатию, надежда на Австрию. Так было во время Костюшки, так в 1831 году, а ныне повторилось то же самое».

гаться воздействию полицейского государства и капиталистических отношений. Его анархические тенденции связаны были с его революционным панславизмом, выражавшим стихийный или сознательный протест славянских народностей против засилия городской и торговой цивилизации более развитой германской нации. В начале 60-х годов Бакунин тоже принимал участие лишь в движениях земледельческих славянских народов, — польского и русского, — у которых основным социальным классом было крестьянство. Естественно, что разочарование в движениях высших и средних, тоже преимущественно связанных с сельским хозяйством, классов этих стран, естественно вело к дальнейшей и еще более усиленной идеализации грядущих движений земледельческих низов этих наций. Первоисточником бакунинского анархизма является крестьянство русское и польское, вообще славянское, с его примитивным, враждебным дворянско-буржуазной культуре, бытом, с его бурными разрушительными порывами во время восстаний, с его ненавистью ко всему, что пахнет юридически-регламентированным, полицейско-государственным режимом. Пребывание в такой по существу аграрной стране, как Италия начала 60-х годов, трудящиеся массы которой также вскоре начали переживать разочарование в результатах национально-освободительного движения, могло только укрепить анархические стремления Бакунина и помочь им отлиться в окончательную форму. А затем Интернационал открыл ему новую историческую силу, враждебную буржуазной цивилизации — пролетариат, после чего Бакунин попытался применить свою теорию к движению и борьбе рабочего класса и соответственно этому привнести в свою анархическую систему новые черты.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД.

Глава первая.

ЖИЗНЬ В ИТАЛИИ.

1. Что влекло Бакунина в Италию?

В середине октября 1863 года Бакунин вернулся в Лондон. Но оставаться здесь он не думал. Это видно по его письму из Стокгольма к Герцену и Огареву от 19 августа 1863 г., где он просит высылать ему полученную на его имя корреспонденцию до 8 января 1864 г. в Женеву, до 9 января — в Геную, а с 9 января — во Флоренцию. Итак, задуманный еще летом 1862 года переезд в Италию был окончательно решен Бакуниным летом 1863 г. в Швеции, при чем он, видимо, даже не думал заезжать по дороге в Лондон, где не мог ожидать хорошего приема.

Нам неизвестны подробности об'яснения между Бакуниным и его друзьями в Лондоне, но по всему тому, что мы уже знаем об их взаимоотношениях, можно догадываться, что ему была оказана не очень-то теплая встреча. Если уже в первые месяцы пребывания Бакунина в Англии Герцен, как мы видели в первой части этого тома, хотел «сослать» его на континент, подальше от себя, то теперь, когда между ними легло польское восстание, в которое Герцен считал себя втянутым по воле Бакунина, когда расхождения между ними, принципиальные и личные, дошли до того, что Герцен не хотел его даже видеть, совершенно очевидно, что о дальнейшем сотрудничестве между ними, даже о том «дружеском возле», о котором Бакунин еще мечтал весною 1862 г., теперь не могло быть и речи. Бакунин хорошо понимал это. Вот почему он заранее решил убраться от Лондона подальше.

Но куда направить свои стопы? Вот вопрос, который должен был встать перед Бакуниным. Ответ на этот вопрос подсказывался моти-

вами как политическими, так и личными. Его потянуло в Италию. Почему? Он устал и хотел отдохнуть; к нему приехала жена, и он хотел некоторое время пожить с нею спокойно после бурных треволнений 1862 и 1863 годов. Средства его были ограничены, здоровье надорвано. Италия, с ее чудным климатом и дешевой жизнью [1], естественно должна была остановить на себе его выбор. Да и выбирать ему особенно много не приходилось. В Англии оставаться он не мог; о Германии или Австрии и думать не приходилось; во Франции Наполеона III он также не мог поселиться. Оставались только Швейцария и Италия. Но ясно, что в тот момент из этих двух стран он мог выбрать только последнюю — особенно по мотивам политическим.

Что Бакунин не собирался долго сидеть спокойно, что он на всяком новом месте должен был искать людей для организации и работать для «дела», об этом не приходилось и говорить. А с этой точки зрения тогдашняя Италия была страной, наиболее для него подходящей. В Швейцарии никакого революционного движения в то время еще не было заметно. Напротив, в Италии кипела борьба за национальное об'единение и за низвержение местных деспотов. Здесь уже вырабатались железные фаланги героических борцов, здесь начала складываться радикальная демократическая партия, здесь Бакунин, знакомый с Маццини лично, а с Гарибальди по переписке, мог легко завязать широкие связи в революционных кругах. Сюда, наконец, влекли его и славянские симпатии. Мы знаем, что еще в июне 1862 г. он писал Наталии Корсаковой-Бакуниной, что, как только к нему приедет жена, он двинется в Италию, где станет «связывать итальянцев с славянами». О том, что он ставит себе такую задачу, Бакунин, как мы помним, тогда же писал и своим славянским приятелям, например, Фричу и генералу Гарибальди. Таким образом мысль о поездке в Италию Бакунин лелеял с первых месяцев своего прибытия в Европу, и польское восстание только отсрочило ее выполнение на полтора года.

Славянские мечтания, оставленные на время вследствие активного участия в движении поляков, относившихся подозрительно ко всему, что хоть слегка отдавало ненавистным панславизмом, как бы снова пробуждаются в душе Бакунина после неудачи польского восстания. Ненависть к Австрии, которую Бакунин считал тюрьмою славянских народов, горела в его сердце неугасимым пламенем. Эта «специальная страсть — разрушение Австрии», как он выражается в цити-

---

[1] О дешевизне жизни в Италии он говорит во многих своих письмах, относящихся к этому периоду.

рованном выше письме к Н. С. Корсаковой-Бакуниной, сближала его с итальянцами, главным врагом которых и была тогда Австрия. И даже через 10 лет, будучи уже вполне сложившимся анархистом-интернационалистом, Бакунин говорил, что до социальной революции «союз славянских народов с народами латинскими против завоевания, грозящего им всем одинаково со стороны немцев, останется горькою необходимостью» [1].

Но, помимо этого, Бакунина толкали в Италию его бунтарские стремления. Правда, в начале 60-х годов его воззрения не успели еще отлиться в определенную анархическую форму, но зародыши такой анархической системы в незаконченном и скорее в инстинктивном виде в нем уже существовали. А с точки зрения бунтарских экспериментов Италия казалась тогда обетованною страною. Борьба за национальное освобождение, непрерывные походы, вспышки и внутренние потрясения, существование множества гарибальдийских и особенно мацциниапских тайных обществ, отсутствие устойчивого социально-политического равновесия — все это, казалось, создавало самую благоприятную почву для конспираторских и бунтовских попыток всякого рода. В середине 60-х годов Италия была или, вернее, казалась в таком же состоянии анархического расстройства, в каком через несколько лет очутилась Испания, и Бакунин мог думать, что там у него будет «много дела». Теперь излишне доказывать, что он ошибался, и что политический кризис, вызванный стремлением к созданию единого буржуазного государства, он принял за предвестие социальной революции. Такие ошибки случались с ним не раз и лежали в самом существе переживавшегося тогда Европою исторического момента. Но, как бы то ни было, он добросовестно заблуждался. «Италия столь же близка к социальной революции, как и сама Испания, — писал он в 1873 г., но думал то же и в 1864 г. — В ней также, несмотря на все старания конституционных монархистов и несмотря даже на геройские, но тщетные усилия двух великих вождей, Маццини и Гарибальди, не принялась, да и никогда не примется идея государственности, потому что она противна настоящему духу и всем современным инстинктивным стремлениям и материальным требованиям бесчисленного деревенского и городского пролетариата» [2].

Помимо всесторонней разрухи и повсеместного брожения, в Италии существовали еще другие, симпатичные Бакунину, как бунтарю, эле-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 157 (цитируем по петербургскому изданию «Голоса Труда», 1919).

[2] «Государственность и Анархия», стр. 92—93.

менты: это, во-первых, масса деклассированной интеллигенции, лишенной определенного общественного положения и готовой поэтому принять участие во всевозможных заговорах и революционных конспирациях. «В Италии есть то, чего недостает другим странам, — писал он в 1872 г. [1], — пылкая, энергичная молодежь, совершенно выбитая из колеи [2], без видов на карьеру, без выхода, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не истощена в моральном и интеллектуальном отношении подобно буржуазной молодежи других стран. Теперь она, очертя голову, бросается в революционный социализм со всей нашей программой, с программой Альянса». Эта отщепенская молодежь вначале действительно увивалась около Бакунина и пополняла ряды его тайных организаций, но, хотя из ее среды и вышла группа преданных деятелей, она в конечном итоге оказалась мало устойчивым и несерьезным политическим элементом.

С другой стороны, в итальянском народе существовали те элементы, которые входили необходимой составной частью в социально-революционные построения Бакунина: это люмпен-пролетариат и малоземельное, а то и вовсе безземельное крестьянство, порабощаемое начинающим развиваться капитализмом и протестующее слепыми бунтами против эксплоататорской системы первоначального накопления. «Может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии, — писал он впоследствии, — ...В Италии не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже отчасти привилегированного благодаря значительному заработку, хвастающего даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением,

---

[1] Письмо к испанскому интернационалисту Франциско Мора; напечатано в приложении к брошюре Энгельса — Лафарга против Бакунина «L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs», Лондон, 1873, стр. 136. Дальше мы будем цитировать эту брошюру просто как брошюру об Альянсе.

[2] Гильом в своей книге «L'Internationale» полагает, что это опечатка, и что вместо «déplacée» следует читать «déclassèe», т.-е. деклассированная, отщепенская. Возможно, что это и так. То и другое одинаково соответствует мысли Бакунина. Но, судя по некоторым другим писаниям Бакунина, он, вероятно, хотел именно употребить термин «déplacée», т.-е. «без места», «не находящая себе ни места, ни возможности занятия», как он выражается о русской молодежи в одном из писем к Герцену.

отнюдь же не направлением... В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором гг. Маркс и Энгельс, а за ними вся школа социальных демократов Германии, отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции» [1].

Разумеется, эта характеристика социальных групп и отношений в Италии не существовала у Бакунина в таком законченном виде до его переезда в эту страну. К таким выводам он пришел впоследствии на основании опыта и ознакомления с итальянской жизнью. Но не подлежит сомнению, что первоначальное представление об итальянском характере и, в частности, о симпатичных ему, как неугомонному бунтарю, чертах итальянской молодежи он составил себе еще в Лондоне, где видел ее представителей, вращавшихся вокруг Маццини, Саффи и других видных деятелей итальянской освободительной борьбы. Борьба эта носила национальный характер, но ведь и сам Бакунин в тот момент не вполне еще освободился от увлечения национальными движениями.

После всего вышесказанного, кажется, ясно, почему Бакунин водворился в Италии и нашел там последователей. Неудача польского восстания — неудача не в смысле поражения, понесенного инсургентами от русских войск (это Бакунина не могло бы обескуражить), а в смысле перевеса влияния белых, в смысле отказа выдвинуть единоспасительный, по его мнению, лозунг «хлопской Польши» — побудила его сделать попытку послужить славянскому делу не прямым, а косвенным путем. Но постепенно в процессе европейской работы чисто славянские интересы стали отходить у него на задний план, уступая место мировым социально-революционным интересам. И когда он окончательно стал на социально-революционную позицию, он перестал подчеркивать исключительно, или почти исключительно, национальный характер общеславянского движения: «Если мы, русские социалисты-революционеры, зовем славянский пролетариат (уже п р о л е т а р и а т, а не славянские нации вообще. — *Ю. С.)* и славянскую молодежь на общее дело, то вовсе не предлагаем им, как общую почву для дела, наше общее более или менее славянское происхождение. Мы можем признать только одну почву: социальную революцию, вне которой мы не видим спасения ни для их народов, ни для нашего». Теперь он советует славянам разрушить все государства «не для того, чтобы

---

[1] «Государственность и Анархия», 1873, стр. 60—61.

составить между собою замкнутый мир, а для того, чтобы вместе вступить на всемирное поприще» [1]. Славянская федерация уступает место всемирной социалистической федерации.

В Италии взгляды Бакунина сделали большой шаг вперед в смысле определенности и систематической связности. Здесь ему пришлось бороться с пропагандой Маццини, который стремился к созданию об'единенного централизованного буржуазного государства и придал своей пропаганде религиозный характер, выдвинув пресловутый лозунг «Dio e popolo» (бог и народ). В борьбе с этой пропагандой Маццини воззрения Бакунина получили более чеканную формулировку в духе атеизма и анти-государственности. Это произошло естественно в силу закона противоречия; таким образом маццинистские тенденции помогли окончательной формулировке анархических взглядов самого Бакунина. С другой стороны, как это всегда бывает в отношениях между героями и толпой, Бакунин, влияя на своих последователей, вместе с тем подвергался их влиянию и принял в свое мировоззрение стремления деклассированной итальянской интеллигенции, а также стихийное бунтарство итальянского крестьянства и лумпен-пролетариата (который, например, в Неаполе, где Бакунин прожил дольше всего и особенно много работал в анархическом смысле, составляет главную массу рабочего населения) [2]. То же самое случилось с ним и впослед-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 156.

[2] А о том, насколько в Италии была подготовлена почва для пропаганды не только социалистических, но и анархических идей среди бывших участников национально-революционных движений, показывает пример знаменитого Карло Пизакане (1818—1857). Бывший военный инженер, участник многих вооруженных выступлений, во время одного из которых (экспедиция в Сапри) он и сложил голову, Пизакане к концу своей жизни разочаровался в значении чисто национально-политических революций и выработал систему взглядов, в которой элементы социализма переплетались с элементами анархизма. Перед своей последней экспедицией Пизакане написал свое знаменитое «политическое завещание», которое пользовалось затем громадной популярностью среди итальянской революционной молодежи (оно напечатано в «Истории социализма в Италии» А. Анджолини, Пет., 1907, т. I, стр. 29—32, а по-итальянски в книге Доманико — «L'Internationale», т. I, стр. 21—24). В этом завещании Пизакане выражает свое глубокое убеждение в том, что буржуазные конституции не приблизят Италию к возрождению, а скорее отдалят ее от него, и что будущее в Италии и, вероятно, во всем мире принадлежит исключительно социализму, выражающемуся в формуле: «свобода и ассоциация». А за три года до своей смерти Пизакане написал книгу «О революции» (правда, опубликованную позже); в которой на-ряду

ствии, когда он сблизился с юрскими интернационалистами; влияя на них с бунтарской стороны, он сам испытал на себе влияние их рабочих организаций, благодаря которому он в дальнейшем придал своему анархизму более пролетарский характер.

2. Первые впечатления.

Как рассказывает сам Бакунин в неизданной рукописи «Мои личные отношения с Карлом Марксом», в конце 1863 года он из Лондона через Бельгию, Францию и Швейцарию выехал в Италию с рекомендательными письмами Маццини и Аурелио Саффи ко всем их друзьям.

В Брюсселе, Париже и т. д. Бакунин наверное повидался со старыми приятелями по 40-м годам и завел, вероятно, новые знакомства. По дороге из Парижа в Лозанну он, как мы уже рассказывали в первом томе, встретился с гр. Муравьевым-Амурским, чтобы на этот раз окончательно разойтись с ним. В Веве он встретился с А. Слепцовым, повидимому, совершенно утратившим недавний революционный пыл; в Женеве свиделся с Бакстом, который, в отличие от Слепцова, на сей раз понравился Бакунину больше, чем в Лондоне. В Веве же он познакомился с известным писателем «для народа», издателем «Солдатской

со многими глубокими социалистическими положениями высказал также и много мыслей, близких к анархизму. Так, там говорилось, что «две причины, от которых происходят бедность, рабство и развращенность, это собственность и правительство»; что правительство можно определить как препятствие развитию естественных законов и как поддержку привилегий; что народ может добиться победы, лишь разрушив и опрокинув все социальное здание; что представительство — нелепость, а всеобщее избирательное право — обман; что всякая власть и иерархия должны быть уничтожены; что пирамида: бог, король, избранные и народ — должна быть разрушена до основания; что каждая личность и каждая община должны быть абсолютно свободны, а нация должна быть вольным союзом свободных коммун; что все законы, декреты, налоги, обязательства, словом, все существующие социальные институты подлежат немедленному уничтожению; что право наследования должно быть безотлагательно отменено; что старая семья должна быть заменена свободным союзом с обеспечением прав детей и т. д., и т. п.

Все эти положения читатель скоро встретит в писаниях Бакунина, составленных им в Италии. Это вовсе не значит, что Бакунин скопировал их у Пизакане. Мы даже не знаем, читал ли он завещание Пизакане, хотя трудно допустить, чтобы он остался с ним незнаком. Но важно то, что такие идеи циркулировали среди известных кругов итальянской молодежи, тех самых кругов, среди которых Бакунин начал в Италии свою работу. Среди ближайших сотрудников Бакунина по организации тайного общества находился Джузеппе Фанелли, друг Пизакане и участник его походов. Прямо

Беседы», А. Погосским, которым, по обыкновению своему, сразу увлекся и которого вознамерился приспособить для революционной пропаганды [1]. Он горячо расхвалил Погосского в письме к Герцену и Огареву от 4 марта 1864 г., в котором, сообщив, что Погосский предлагал свои услуги полякам, но что те по своей «узости» (а вернее всего потому, что очень хорошо знали истинный характер литературной деятельности Погосского, одобрявшейся и поддерживавшейся царским правительством) отклонили его подходы, просил своих лондонских друзей обратить на него серьезное внимание, ибо «в этом соре есть чистое золото». Он дал Погосскому рекомендательное письмо к Герцену. Возможно, что именно к Погосскому, как предполагает М. Лемке, и относится резкий отзыв Герцена в письме его к Огареву от 28 февраля 1864 г., где сказано: «Вчера видел нового русского: шулер и плут». Больше о Погосском ни Герцен, ни Бакунин нигде не упоминают.

В декабре 1863 г. Бакунин находился уже в Швейцарии, в Веве, как видно из его письма к Фохтам от 25 декабря. Отсюда Бакунин с женой ездил в Берн повидаться с семьей Фохтов. «Старушка 64 лет, — сообщает он гр. Салиас 5 января 1864 г., — бросилась мне на шею и зарыдала: ведь я самый старый друг их из русских. Сыновья ее — молодцы: и учтивы, и свободны, и благородны. Мы завербовали их в польское дело, а жены их согласились основать в Берне Центральный

невероятно, чтобы Фанелли не обратил внимания Бакунина на завещание Пизакане и вообще на его идеи, с которыми он-то во всяком случае был хорошо знаком. И когда мы с этой точки зрения подойдем к основным произведениям Бакунина итальянского периода, «Революционному Катехизису» и «Организации» (см. ниже), то будем поражены сходством развитых в них мыслей с идеями Пизакане, а иногда и совпадением выражений. Конечно, у них были и общие источники, в частности Прудон и другие французские утописты, но все же влияние Пизакане и его последователей на сформирование взглядов Бакунина вряд ли может подлежать сомнению. Впрочем, это вопрос, требующий специального рассмотрения.

Уже после того, как были написаны эти строки, мы прочли в недавно вышедшей книге Неттлау «Der Vorfrühling der Anarchie», Берлин, 1925, стр. 231, следующее: «Мне передавали, что Бакунин знал книгу (Пизакане — «Saggi storici-politici-militari», первые два тома которой вышли в 1858 г. в Генуе, а последние два в 1860 г. в Милане. — *Ю. С.*), что при его близких отношениях с Фанелли весьма естественно». А несколько выше (стр. 229) Неттлау замечает: «В первых произведениях Бакунина, посвященных изложению его социальных идей (1865—1866), мы снова встретим многие мысли, присущие Пизакане».

[1] Эта мысль возникла было и у учредителей «Земли и Воли», но не знаем, была ли она осуществлена. Возможно поэтому, что рекомендовал Погосского Бакунину именно Слепцов.

Дамский Комитет для собирания денег в Швейцарии в пользу польского дела».

В Италию Бакунин приехал 11 января 1864 года. С рекомендательными письмами Маццини и Саффи Бакунин побывал в Генуе (где между прочим познакомился с известным гарибальдийцем Бертани), Турине, быть может, и в других городах Италии. Был на Капрере у Гарибальди. Об этом он рассказывает в письме к гр. Салиас от 1 февраля 1864 года из Флоренции [1].

«В Турине мы нашли Сибирь, — пишет Бакунин, — бедная Антося не знала, куда деваться, и чуть было не заболела от холода, но бог спас. Благодаря Маццини я с первого дня сошелся с несколькими людьми в высшей степени приятными и интересными, разумеется, без исключения принадлежащими к демократической партии, и если с первого раза не нашел Италию в климате, нашел ее в людях. Впрочем, я не ограничился демократами и благодаря другим рекомендациям мог познакомиться и с партизанами умеренной партии, даже с двумя министрами. В Турине мы пробыли 5 дней, в Генуе три дня, а 19-го отправились в Капреру, в сопровождении одного юного и долговязого англичанина и трех англичанок...

«Гарибальди принял нас дружески и произвел на нас обоих глубокое впечатление. Он совсем выздоровел и, хотя немного прихрамывает, силен как лев и на ногах с утра до ночи. Он сам работает в своем саду, который хотя и не великолепен, но чрезвычайно интересен, потому что весь посеян его рукою на скале и между скалами. Вид грустный и великолепный. Тут один белый каменный дом, громко называемый Palazzo di Garibaldi [2], один маленький железный, третий, еще меньше, деревянный. В саду у него все южные деревья и растения, апельсиновые, лимонные, оливковые, миндальные, виноград, фиговые, le palmier aux dattes etc., etc. [3], и много цветов — цвели, впрочем, только миндальные деревья да прелестная белая роза. В Капрере русское лето. Мы пробыли там три дня, и все дни были прекрасные, вечером и ночью даже тепло.

«При Гарибальди нашли мы одного молодого политического секретаря Guerzoni, служащего ныне звеном нового союза Mazzini e Garibaldi, военного и морского Basso, американского товарища Garibaldi, его двух сыновей Menotti и Riccioti, да несколько гарибальдийцев военных и моряков, всего человек двенадцать. Здесь совершенная демо-

---

[1] Это письмо Бакунина к гр. Салиас, как и другие его письма к ней, до сих пор не появлялось в печати.

[2] Дворец Гарибальди.

[3] Финиковая пальма и пр., и пр.

кратическая и социальная республика. Собственности здесь не знают: все принадлежит всем. Туалетов также не знают: все ходят в куртках из толстого сукна, с открытыми шеями, с красными рубахами и голыми руками; все черны от солнца; все дружно работают и все поют. Высоко на скале стоит небольшая паровая мельница, и когда она работает, всем праздник. Все хлопочут вокруг нее, одни тянут воду, другие подкладывают в очаг сучья и корни, которыми Капрера богата — другие стоят с (неразборчивое слово), другие лежат на скале в живописных позах, толкуют о политике, о прошедших и предстоящих походах или поют. Вообще это маленькое скопище здоровых, сильных и славных молодых людей на Капрере, из которых каждый ознаменовал себя каким-нибудь особенным подвигом храбрости, напоминало мне первые страницы из байроновского «Корсара».

«Но посреди их Гарибальди, величественный, спокойный, кротко улыбающийся, один вымытый и один белый в этой черной и, пожалуй, несколько неряшливой толпе, и с глубокою, хотя (неразборчивое слово) и ясною меланхолиею во всем выражении, производит невыразимое впечатление. Он бесконечно добр, и доброта его простирается не только на людей, но на все создания. Он любит своих двух волов, своих коров, своих телят, своих баранов, и все его знают, и лишь только он появится, все тянутся к нему — и каждого он погладит и каждому скажет доброе слово. Мне рассказывали, что раз он встретил ягненка, заблудившегося и ищущего свою мать; он взял его на руки и в продолжение 4-х часов искал его мать по скалам и, не найдя ее, принес ягненка к себе, постлал ему сена подле своей кровати, велел принести молока и губку и пролежал целую ночь с опущенной рукою и с губкою, из которой ягненок сосал. На другой же день рано встал и проходил с ягненком на руках часа два или три, пока не встретил мать. Точно так же одному молодому человеку, ломавшему сучья без всякой нужды, он сказал: «Зачем вы это делаете? Надо уважать все живое». Религия его та же, что и ваша, он верит в бога и в историческую судьбу человека. «Далее, — говорит он, — я ничего не знаю». Я вам сказал, что заметна в нем глубокая, затаенная грусть. Такова, должно быть, была грусть Христа, когда он сказал: «Жатва зрела, а жателей мало». Такова грусть нашего созревшего человека, всю жизнь посвятившего освобождению и очеловечению человечества. Так-то, но даже самые великие и самые счастливые люди не достигают своей цели. А все-таки надо стремиться и тянуть мир за собою вперед.

«Посреди одного долгого разговора Гарибальди мне сказал: «За последнее время мне жизнь надоела; я охотно расстался бы с нею, но

я хотел бы умереть с пользою для моего отечества и для свободы всех народов. Я собирался поехать в Польшу, но поляки просили мне передать, что я буду там бесполезен, а мой переезд принесет больше вреда, чем пользы: поэтому я воздержался. Впрочем, я и сам полагаю, что здесь я буду для них полезнее, чем там. Если мы сделаем что-нибудь в Италии, то это будет выгодно и для Польши, которая ныне, как и всегда, пользуется всем моим сочувствием» [1].

«Он, ясно, с всею партиею движения готовится к весеннему делу. В чем будет состоять это дело, еще трудно сказать—препятствий тьма. Война или, что еще лучше было бы, революция в Германии могут страшно подвинуть нас всех. Но об этом в следующем письме... Теперь возвращаюсь к Гарибальди.

«Он был чрезвычайно мил и любезен с женою, к немалому огорчению пьющей и красноносой англичанки. Провожая нас, он посадил ее на лодочку, сам греб, а она длинною палкою таскала морских ежей, какое-то frutto di mare. 23-го мы возвратились в Геную, а 26-го через Ливорно прибыли в Флоренцию, — и, скажу вам по секрету, я уже влюблен в Италию и дал жене слово, что через месяц буду говорить по-итальянски».

С Капреры Бакунин возвратился в Геную [2], откуда и выехал во Флоренцию.

В тот момент он ожидал к весне новой вспышки революционного движения, которое, по его мнению, могло даже принять обще-европейский характер. Как мы видели, некоторые надежды он возлагал даже (в последний раз!) на Германию, где в это время происходило брожение, вылившееся в довольно резкую борьбу между либеральной буржуазией («свободомыслящими», «прогрессистами») и Бисмарком. Но и здесь движение носило национальный и даже не революционно-национальный, как в Польше, Венгрии или Италии, а парламентски-мирный характер. Главные надежды в этом отношении Бакунин все же возлагал на Италию, бурно рвавшуюся к своему национальному об'единению и к изгнанию австрийских захватчиков; венгерскому движению он придавал подчиненное значение. Рассказав в письме к Герцену от 4 марта

---

[1] В оригинале письма слова Гарибальди приведены по-французски. — Руководители польского восстания, как мы видели уже на примере Бакунина, опасались испортить свое дело привлечением известных революционеров, чтобы не лишиться поддержки европейской дипломатии.

[2] 23 января 1864 г. он писал Л. Мечникову из Генуи: «Сейчас только что вернулся с Капреры, где нашел генерала (Гарибальди) в полном здравии и готовящегося на новые подвиги».

о том, что венгерский генерал Кляпка получил от итальянского правительства 150 тысяч франков для революционной пропаганды в венгерских войсках, Бакунин продолжает: «Пульский и его жена, с которыми вижусь довольно часто, отнюдь не разделяют его (Карла Фохта) [1] и друга его, генерала (Кляпки), мадьярских мечтаний, положительно отрицают возможность самостоятельного венгерского восстания в нынешнем году, но прибавляют, что если Италия серьезно встанет, то и Венгрия встанет непременно. Партия движения, по приказанию Лондона и Капреры (т.-е. Маццини и Гарибальди.—*Ю. С.*), вполне примиренных и действующих ныне вместе, несомненно готовится. Кажется несомненно, что в конце марта или в начале апреля будет попытка восстания в Венецианской области, что, лишь только она вспыхнет, будет сделана апитация в целой Италии, и что Гарибальди позовет итальянцев. Таким образом надеются увлечь правительство и войско в войну против Австрии. Между тем правительство наполнило Ливорно, Геную и остров Магдалины, в двух шагах от Капреры, своими шпионами». Далее Бакунин говорит, что правительство из страха перед республикою и перед революциею готово отказаться от полного об'единения Италии, от Рима и части других итальянских земель. А вскоре Бакунину пришлось внести некоторую поправку и в идеализированный им образ итальянского национального героя Гарибальди, который во время своего посещения Англии проявил слишком много монархического лойялизма. «Здесь, — пишет он Тхоржевскому 12/24 апреля 1864 г., — далеко не все довольны речью Гарибальди в Cristale Palace (Хрустальном дворце), в которой он об'ясняет чрезвычайный порядок в народной толпе без участия полиции чрезмерной любовью английского народа к cara regina (дорогой королеве). Многим, и мне между ними, это показалось тем, что французы называют niaiserie, а в положении Гарибальди — смелою и вместе вредною niaiserie» [2].

---

[1] Кстати, при всей своей личной дружбе с К. Фохтом, которого К. Маркс в 1859 году заклеймил как агента Наполеона III, Бакунин не закрывал глаз на недостатки своего приятеля. В том же письме он говорит о нем так: «Наш приятель Карл Фохт, неразлучный друг Кляпки, с утра до вечера с ним шушукается, принимает самое горячее участие во всех этих наполеоно-пьемонто-мадьярских проделках и посредством своих сношений с Германиею старается связать их с немецкими революционерными планами. Карл Фохт одержим страшною и, кажется, непоколебимою верою в звезду Наполеона. Революционер-дипломат, буржуа-демократ, но отнюдь не человек народа». Интересно, знал ли Бакунин брошюру Маркса «Господин Карл Фохт»?

[2] Niaiserie — бестактность, промах; сделать niaiserie по-русски опростоволоситься.

Вообще жизнь в Италии должна была окончательно излечить Бакунина от увлечения буржуазно-демократическими и националыными движениями.

3. Жизнь во Флоренции.

Во Флоренцию, которая тогда еще не была столицею нового государства, но скоро ею сделалась, Бакунин прибыл в конце января 1864 года. Здесь он встретился с другим русским политическим эмигрантом, Л. И. Мечниковым [1], который и оставил нам описание флорентийской жизни Бакунина [2].

Чисто русскими делами Бакунин в тот момент интересовался мало. Пробовал он, по просьбе Герцена, наладить продажу лондонских изданий в Италии и доставку их в южную Россию с помощью какого-то итальянского купца, рекомендованного ему Бертани [3] (тем же занимался и Мечников), но неизвестно, вышло ли из этого что-нибудь (см. письмо Бакунина к Герцену от 4 марта 1864 г.). Больше интересовался он, как видно по его переписке, польскими делами, но и здесь он не мог оказать полякам какой-либо существенной помощи, кроме сбора денег в их пользу. Единственный раз он пытался оказать им практическое содействие по следующему поводу. После неудачи экспедиции Лапинского поляки задумали организовать в Италии морскую экспедицию под начальством бывшего офицера русской флотской службы Сбышевского. Для инсургентов чрезвычайно важно было появление польского флага на Средиземном море, так как тогда Европа могла бы признать Польшу воюющей стороной. Необходимо было привлечь к участию в этом деле Гарибальди. И вот Бакунин направил другого бывшего морского офицера-поляка Карпя к Мечникову, который и должен был послужить

---

[1] Мечников, Лев Ильич (1838—1888) — географ и публицист; с конца 50-х годов сделался политическим эмигрантом; в 1860 г. участвовал в гарибальдийских походах и был тяжело ранен; после чего проживал в Италии, Швейцарии и Испании; был в дружеских отношениях с Герценом; с Бакуниным познакомился путем переписки еще до личного знакомства. С 1873 г. одно время был профессором токийского университета в Японии; впоследствии был сотрудником Элизе Реклю по составлению «Всеобщей Географии». Умер в Швейцарии. Его младший брат Илья Мечников — известный физиолог и биолог.

[2] Л. Мечников — «Бакунин в Италии в 1864 году». «Исторический Вестник», 1897, март, стр. 807—834.

[3] Агостино Бертани — хирург и писатель, друг Маццини, старый приятель Герцена; заведывал санитарной частью в гарибальдийских отрядах; с 1860 г. — радикальный депутат от Милана.

посредником между поляками и Гарибальди. Бакунин, разумеется, представил Мечникову все дело в самом радужном виде, снабдил его никуда негодными фальшивыми паспортами и отправил на Капреру, строго-настрого запретив говорить об этом предприятии кому бы то ни было, особенно же Сарнецкому (тогдашний агент польского Ржонда во Флоренции и завсегдатай бакунинских вечеров). Но встреченный Мечниковым гарибальдиец-моряк Скареллино, которого прочили в руководители предприятия, ошарашил его заявлением, что в уполномоченные его назначил не кто иной, как... Сарнецкий, который уже посвятил его во все подробности дела... Быстроходный пароход оказался никуда негодной ладьей, о плане было разглашено задолго до его осуществления, и ничего из этой экспедиции не вышло. Пароход был задержан испанским правительством в Кадиксе и освобожден уже после подавления восстания...

Известный зоолог Эдуард Клапаред, с которым Бакунина через несколько лет познакомил Мечников, назвал Бакунина «первосвященником атеизма и анархии». Но, по словам Мечникова, жреческий элемент сказывался в нем очень слабо; тем не менее он все-таки чувствовался. Наружность Бакунина была оригинальна и осмысленно красива. Всем известны были испытания, перенесенные им в многолетней революционной борьбе; сам он никогда не выставлял напоказ своих ран, но тем не менее или, может быть, именно потому вокруг него и создалась привлекательная атмосфера мученичества, выносимого с своеобразной удалью и мощью. Над его картинною и широкою головою замечался ореол бойца, никогда не помышляющего о сдаче.

Мечников высказывает предположение, что Бакунин приехал во Флоренцию без какой-либо определенной программы. И это, должно быть, верно. К рассматриваемому моменту Бакунин находился в фазе пересмотра старых взглядов. Не придя еще к определенным решениям в программном смысле, он тем менее мог в то время выяснить себе, на какие общественные круги он собирался действовать. Попрежнему сфера его работы ограничивалась буржуазно-демократической интеллигенцией. О рабочих, вернее сказать, о рабочем классе, как таковом, ставящем себе специфические цели, борющемся за свои собственные интересы и избирающем для этого особые пути, он думал тогда очень мало.

Мечников даже удивляется выбору Бакунина. По его мнению, для революционной деятельности более подходили бы такие центры, как Неаполь и Милан. Флоренция. же была в то время городом мелко-буржуазным по преимуществу. «Здесь, — пишет Мечников про тогдашнюю

Флоренцию, — нет фабричной и промышленной деятельности, которая бы собирала вместе значительные полчища голодных ртов; нет и того труженнического пролетариата, который кишмя кишит в маленьких даже городках северной Италии и оттуда разливается на всю западную и среднюю Европу в виде каменотесов, каменщиков и иных батраков, обладающих почти китайскою способностью продавать страшные количества своего упорного и умелого труда за такую плату, при которой английский или французский их собрат если бы не умер с голоду, то покончил бы свои дни самоубийством. Рабочий вопрос во Флоренции находился в это время в совершенно зачаточном состоянии. Год или два тому назад успели здесь возникнуть первые работничьи союзы, избравшие своим почетным председателем — чтобы не сказать, своим святым патроном — Гарибальди, который не мог им дать ничего кроме об'единяющего своего имени и от времени до времени лаконических общих мест о любви к отечеству и к свободе. Связи между патриотическим возбуждением и социалистическою программою не усматривалось решительно никакой. Работничьи союзы эти довольствовались для отечества: скоплением по грошам небольших сумм, предназначавшихся для новых гарибальдийских походов на Венецию и на Рим; для себя, т.-е. для работников, они не видели ничего, кроме шульце-деличевских программ. Земледельческое население Тосканы находится частью в крайне бедственном положении; но оно слишком рассеянно, слишком отрезано от столицы; было бы безумием помышлять о каком-нибудь воздействии на него из Флоренции».

Но Бакунин в то время об этом и не помышлял. Весь еще в плену буржуазно-национальной идеологии, со смутными порывами к демократии и свободе, он меньше всего задумывался тогда о специально-пролетарском движении и его задачах. Он искал крайних демократов, революционеров, а не социалистов, ибо сам еще в тот момент не стал определенно на социалистическую точку зрения.

Флорентийские демократы оказали Бакунину хороший прием. Во главе их стоял тогда купец и масон Джузеппе (Беппо) Дольфи, с которым Бакунин быстро сблизился. Познакомился он там же с Берти Калура, Маццони и др. Все это были буржуазные демократы, честные и решительные, но с ограниченным кругозором, верные последователи Маццини или Гарибальди. Влиять на этих людей с вполне установившимися традициями и взглядами Бакунин не мог. И вот он начал собирать вокруг себя другие элементы, по большей части из деклассированной буржуазной молодежи. Как сообщает Мечников, «вокруг Бакунина, весьма естественно, всего теснее стали группироваться те, у которых

своего дела было мало, которых влекло к нему любопытство, если не грязненькое желание поудить рыбу в той воде, которую Бакунин сильно возмущал везде, где только он ни появлялся. Очень скоро вокруг него составился целый штаб из отставных гарибальдийских волонтеров, из адвокатов, мало занятых судейскою практикою, из самых разношерстных лиц, без речей, без дела, часто даже без убеждений, — лиц, заменяющих все: и общественное положение, и дела, и убеждения, одними только, несовсем понятными им самим, но очень радикальными вожделениями и стремлениями. Из них никто не знал иностранных языков; а Бакунин только к концу своих дней, да и то с грехом пополам, научился говорить по-итальянски». С такими элементами, разумеется, трудно было вести какое-либо серьезное революционное дело. Впрочем, дел никаких и не было.

Через Дольфи, который был гроссмейстером франк-масонской ложи, Бакунин познакомился с местными масонами. Повидимому, он пытался и их привлечь на сторону своих взглядов. Об этом можно судить по содержанию рукописи, относящейся к концу 1864 или, вернее, к началу 1865 года, и в выдержках приводимой у М. Неттлау. В этой рукописи Бакунин подвергал детальной критике сущность христианства и выдвигал положение, что признание существования бога равносильно увековечению человеческого рабства. «Бог существует — значит, человек раб... Человек свободен — значит, бога нет. Пусть-ка кто-нибудь попробует выбраться из этого круга!». И он пытается набросать схему «франк-масонского катехизиса», сводящегося к уничтожению всякого богословия, к признанию, что существование личного бога несовместимо с разумом и свободою человека, и к предложению современному масонству заменить культ «великого зодчего вселенной» культом человечества [1].

Повидимому, никакого успеха со своей атеистической проповедью Бакунин среди масонов не добился. Но весьма характерно для него и для его системы уже одно то обстоятельство, что он, хотя бы временно, искал для нее сторонников среди столь буржуазного по своему существу движения, как франк-масонство. Вы представляете себе, например, Маркса и Энгельса, занимающихся в пору своей умственной зрелости такой работой, как разбор христианской догмы, делающими критику христианской догматики исходным пунктом для развития своих взглядов и пытающихся вербовать в масонских ложах сторонников «Комму-

---

[1] Эта рукопись впоследствии была использована Бакуниным при составлении его мемуара «Федерализм, социализм и анти-теологизм» (см. дальше).

нистического Манифеста»? А Бакунин занимался этим чуть ли не одновременно с организацией тайного революционного братства!

Был ли он сам членом франк-масонской ложи? Надо полагать, что был. Это было для него практически необходимо, если только он всерьез хотел добиться каких-либо организационных результатов в этой среде «свободомыслящей» буржуазии. Слухи о масонских затеях Бакунина дошли до Герцена с Огаревым. Вопрос об этом был задан Герценом Бакунину еще в Лондоне (осенью 1864 г.), но тогда Бакунин промолчал, вероятно, потому, что не успел еще разочароваться в своем новом предприятии. Но когда он убедился, что весь его план использования франк-масонства для целей всемирной революции построен на песке, он счел нужным опровергнуть эти слухи, косвенно все же признаваясь в существовании у него такого плана в прежнее время. В письме от 23 марта 1866 г. он говорил: «Только, друзья, прошу вас, перестаньте же думать, чтобы я когда-либо занимался серьезно франк-масонством. Это может быть, пожалуй, полезно, как маска или как паспорт, но искать дела в франк-масонстве все равно, пожалуй, хуже, чем искать утешения в вине. В Лондоне я не хотел разуверять тебя, Герцен, потому что не мог отвечать на другие вопросы. Теперь буду иметь это право и о франк-масонстве между нами не будет и речи».

С флорентинской радикальной публикой Бакунин встречался еще на вечерах у венгерского эмигранта графа Пульского [1], который, по словам Мечникова, «каким-то чудом состоял прикосновенным к всесветной революции». Сам Пульский «не представлял собою ничего, что бы должно было заинтересовать собою Бакунина. Но у Пульского собиралось в определенные дни все, что было выдающегося и заурядного в псевдо-революционном мире Флоренции. Выдающегося, впрочем, было в то время очень мало, а невыдающиеся представляли собою разношерстный сброд, на описание которого не стоит тратить времени». Среди обычных посетителей Пульского выдавались граф Альберто Марио, ярый мацциниет, буржуазный республиканец, и его жена. Вокруг него группировался немногочисленный кружок таких же последних могикан «республиканской чистоты, виртуозов конспирации и агитации» в духе Маццини. «Я тогда недоумевал, — прибавляет Мечников, — и недоумеваю теперь, что́ могло казаться Бакунину хоть призраком дела в этой

---

[1] Пульский, Франц (1814 — 1897) — приговорен в 1849 году к смертной казни за участие в венгерской революции; в эмиграции жил во вражде со своими соотечественниками кроме Кошута; в 1866 г. просил о помиловании и вернулся в Венгрию. Оставил воспоминания в четырех томах «Meine Zeit, mein Leben».

своеобразной и чуждой нам среде. Учить их агитации и конспирации значило ковшом лить воду в море, так как самый наивный из них мог смело заткнуть за пояс Михаила Александровича со всем его штабом и причтом».

Русской публики, входившей в круг знакомств и воздействия Бакунина, было тогда во Флоренции немного: кроме Мечникова, несколько художников, в том числе украинец скульптор З—о [1], которого Бакунин «наметил для каких-то особых целей и возлагал на него самые блестящие надежды за одну только его энергическую и красивую наружность» (?); зять его, известный живописец Н. Н. Ге, совершенно безнадежный в революционном отношении; столь же безнадежный в этом смысле редактор «Искры» Н. С. Курочкин и, наконец, даровитый юноша Ножин, хотя и настроенный весьма революционно, но во всем расходившийся с Бакуниным и, несмотря на свою молодость (ему было тогда года 22—23), не поддававшийся его влиянию [2]. Из рассказа Мечникова трудно, впрочем, понять причину их вечных споров.

«Столкновения между Бакуниным и Ножиным, — говорит Мечников, — случались каждый раз, когда судьба их сводила вдвоем. Внешние поводы к ним бывали самые разнообразные; но сущность постоянно оставалась одна: Бакунин осуждал книжные научные поползновения, Ножин отстаивал со всею силою своего львиного красноречия политику страстей [3] и на ней основанные революционные и конспирационные приемы. Дело всего чаще кончалось тем, что Бакунин не скрывал презрительного раздражения, уходил от этого «взбалмошного мальчишки»; или же Ножин убегал красный, как рак, не помня себя... А не раз Курочкин или я увозили его домой в нервном припадке»...

Словом, с русской публикой Бакунину во Флоренции не везло, и среди нее он не находил единомышленников. Этим, вероятно, об'ясняется и то обстоятельство, что сам Мечников не был посвящен Бакунинным в его революционные предприятия, и деятельность Бакунина осталась в значительной мере для Мечникова скрытой.

---

[1] Речь идет о будущем академике П. П. Забелло. О нем говорится в письме Бакунина к гр. Салиас от 13 декабря 1864 г.

[2] Это тот самый Ножин, которого Н. К. Михайловский называл своим учителем, и которого вывел в своих очерках «В перемежку» под именем Бухарцова; он умер в 1866 году, в день покушения Каракозова на Александра II. Муравьев-Вешатель при всем желании не мог привлечь его поэтому к следствию. О влиянии Ножина на Михайловского см. десятый том Полного собрания сочинений Н. К. Михайловского, 2-е изд., Спб., 1913.

[3] Здесь что-то неясно. «Политику страстей» отстаивал сам Бакунин. Причины разногласия между ним и Ножиным изложены у Мечникова плохо.

Именно ко времени пребывания Бакунина во Флоренции относится его первая попытка основать тайную революционную организацию, из которой впоследствии развился «Союз (или Альянс) Социальных Революционеров». Сам Бакунин в статье «Интернациональный Союз Социальных Революционеров» [1] относит основание союза именно к 1864 г., т.-е. к флорентинскому периоду своей жизни, точнее, к концу его. В эту первую организацию входили только итальянцы. В нее-то и был завербован Бакуниным молодой профессор Губернатис, встретившийся с Бакуниным в доме Ф. Пульского.

Рассказ Губернатиса, частью приведенный нами в первом томе этой работы, настолько характерен для организационных приемов Бакунина, что его стоит привести почти целиком.

«Под конец 1864 и в начале 1865 г., — рассказывает Губернатис,— случай захотел, чтоб я встретил в доме известного венгерского эмигранта Фр. Пульского знаменитого русского изгнанника и социалиста Михаила Бакунина. Он сидел, гремя и держа перед собою громадную чашку чая, которая подавалась ему соответственно его пищеварительной способности. Подле него собрался кружок разных лиц, внимавших его поучительной, богатой и остроумной речи. Он перевидал много людей и вещей и охотно и с пониманием предмета говорил о гегелевской философии. В один из вечеров, заметив, что я с большим вниманием прислушиваюсь к его словам, он продолжал говорить, все время обращаясь ко мне, хотя я еще не был ему представлен, как будто хотел околдовать меня своим взором. В одном месте, говоря о Шопенгауере, он приостановился со словами: «Но зачем я говорю вам об учении Шопенгауера? Вот кто способен рассказать о нем больше моего, так как может показать, откуда Шопенгауер заимствовал свои мысли», и указал на меня. Я был застигнут врасплох и легко дал овладеть моей душой. Вскоре Бакунин поднялся с места, подошел ко мне и пожал мне руку, спросив меня с некоторой таинственностью, не масон ли я [2]. Я ответил, что я не масон и не хочу им быть, питая отвращение к тайным обществам... Бакунин сказал мне, что я прав, что он сам не придает большого значения франк-масонству, но что оно служит для него средством к подготовлению другого. Далее он спросил меня, не маццинист ли я и республиканец. Я ответил: «не в моем характере итти за одним человеком, как бы велик он ни был, и что

---

[1] Напечатана в сборнике «Историческое развитие Интернационала», часть I, издание Социально-Революционной партии (sic!), 1873, стр. 301 и след.

[2] Ср. то, что мы выше говорили от отношении Бакунина к масонству.

я мог бы быть республиканцем, но не маццинистом, хотя я и признаю, что Маццини оказал крупные услуги делу свободы; но республика сама по себе представляется мне пустым словом; по крайней мере, в настоящее время она не означает уже ничего; могут быть республики аристократические и монархии демократические; в Италии теперь не монархия, а бюрократический режим, наводящий уныние; что нужно теперь, так это свобода; что нужно теперь, так это такое преобразование общества, при котором все были бы равны не только перед законом, но и перед вопросом о хлебе, каковой еще не одинаков для всех, ибо одни пользуются избытком, тогда как другие испытывают нужду». Тут Бакунин крепко пожал мне руку, говоря: «Ну, значит вы наш, так как мы и работаем в этом направлении; вы должны примкнуть к нашей работе». Я возражал, что желаю остаться свободным и хочу публично отвечать за все свои поступки. Тогда он пустил в ход все свое немалое красноречие и убедил меня, что, ввиду мрачного заговора государств против интересов общества, необходимо этому заговору противопоставить другой. Он говорил: «реакционеры все действуют согласно, напротив, сторонники свободы рассеяны, разделены, несогласны; необходимо добиться их тайного соглашения в международном масштабе». (Дальше идет место, приведенное нами на стр. 65—66 первого тома, в котором Губернатис рассказывает о том колоссальном впечатлении, которое произвело на него предложение Бакунина).

Это происходило, вероятно, в январе 1865 года. Губернатис, не считая отныне допустимым для себя оставаться на государственной службе, подал в отставку. Это повысило его фонды в союзе. Бакунин торжественно представил его «братьям» как «лучшего из итальянцев» и поместил его фотографию в своем альбоме между портретами Маццини и Гарибальди[1]. Охваченный революционным энтузиазмом, Губернатис требовал дела; ему казалось, что братство ничего не делает. Он предложил прочесть ряд лекций по народной истории Флоренции, предлагал свои услуги в качестве пропагандиста в стране, написал песню вроде новой «Марсельезы», напечатанную под заглавием «La Sociale». Но другие «братья», по словам Губернатиса, вовсе не разделяли его энтузиазма, «а верховный глава был целиком погружен в сбор пожертвований для бедных поляков, как он говорил, а на деле для самого себя (?) и для более нуждающихся братьев... Все домогались в обществе

---

[1] Такое потакание тщеславию известного сорта людей тоже было одним из вербовочных приемов Бакунина; так же он поступал с Альбером Ришаром и т. п. Это не мешало ему вопить в своих письмах против честолюбия, тщеславия и иных смертных грехов.

высокого положения, и никто не хотел быть рядовым, генералиссимус же сочинял каждую неделю новый шифр [1] и требовал, чтобы я его изучал, говоря, что я один должен знать его ключ (тоже старый наивный прием для уловления наивных и тщеславных людей.—*Ю. С.*). Я отвечал, что считаю всякие шифры ненужными, раз все ведут работу в одном городе». Губернатис находил, что нужно распространять взгляды «Братства» в народе. «Бакунин, видя мою решимость взяться за работу, поручил мне преподавать социальный катехизис двум молодым людям, пользовавшимся тогда некоторым влиянием среди рабочих. Один из них, наборщик, из'явил готовность вступить в общество». Другой же, рабочий, совершивший вместе с Гарибальди походы в Сицилию и к Аспромонте, заявил, что в день битвы он выйдет со своей винтовкой, когда общество раскроет свои карты и точнее об'яснит, что оно намерено сделать для бедного народа, но слепо идти за другими, не зная куда, он не согласен. Губернатис прибавляет, что этот рабочий своим здравым смыслом способствовал его «отрезвлению». Губернатис заявил Бакунину, что он не видит смысла в существовании тайного общества, что народу нужно заявить открыто, к чему оно стремится. Вскоре после этого Губернатис женился на родственнице Бакунина, Безобразовой, и уехал из Флоренции. «Но перед от'ездом из Флоренции, — рассказывает он, — я заставил Михаила Бакунина распустить свое тайное общество, произнеся против него резкую речь, которая, быть может, стоила бы мне жизни, если бы оно продолжало существовать».

Совершенно очевидно, что для успокоения перепутавшегося обывателя, каким был Губернатис, ему сообщили, что общество распущено, дабы от него отделаться. Его неожиданно вспыхнувший энтузиазм быстро перегорел подобно соломе. Никаких задатков для революционной работы у него не было, и многое в его рассказе явно преувеличено и неверно, как, например, его утверждение, что он «заставил» Бакунина распустить «Братство», или просто лживо, как, например, утверждение, что Бакунин употреблял собранные для бедных поляков деньги на себя. Это несомненно возмутительная клевета, подсказанная злобным чувством раскаявшегося «революционера». Л. Мечников, которому, как он сам говорит, досталась «неблагодарная часть узнать Бакунина при невыгодной для него флорентинской обстановке, на основании близкого

---

[1] Страсть Бакунина к тайным шифрам нам уже известна. Эту страсть он сохранил и в старости. Ралли, познакомившийся с ним в 1872 году, говорит по этому поводу: «Бакунин любил до страсти употреблять условный цифровой шифр в своих письмах, при чем очень часто путал и забывал его» (цит. ст., стр. 307).

наблюдения его жизни определенно заявляет: «Хотя Бакунин очень часто выставлялся за человека, бессовестного в личных денежных делах, я знаю несомненно, что он далеко не чужд самой утонченной деликатности».

Когда Бакунины поселились во Флоренции, рассказывает Мечников, то «с первых же дней у них закипела чрезвычайно деятельная по-своему жизнь. За исключением одного назначенного вечера в неделю, ни мужа, ни жены никогда нельзя было застать дома. Они раз'езжали с утра до самой поздней ночи, очень редко вместе, так как у каждого очень скоро оказалась своя сфера деятельности и знакомств».

А вот описание приемного вечера в доме Бакуниных [1].

«Являемся довольно рано на один из обычных бакунинских вечеров...

«Гостиная убрана совершенно по буржуазному, прилично. Грозный революционер, в черном сюртуке, которому он однако же умеет придать живописный, но до неприличия неряшливый вид, мирно играет в дураки со своею Антосею... За фортепьяно седой старичок, необыкновенно добродушного вида, сам себе аккомпанирует и птичьим голосом поет с сильным как бы немецким выговором:

Allons, enfants de la badrie,
Le chour de cloire est arrifé...

«... И смелый вызывающий революционный гимн звучит в его устах какою-то слащавою, сентиментальною песенкою.

«Певец, однакоже, оказывается не немец, а швед, один из стокгольмских друзей М. А., к тому же состоящий в каком-то, совершенно непонятном мне родстве, свойстве или кумовстве с революциею...

«Мало-по-малу собираются гости...

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!..

«За исключением очень немногих завсегдатаев, на этих вечерах редко удавалось два раза сряду видеть одно и то же лицо.

«Бакунин сам косится на них, предупреждает, что это гости Антоси, или что ему необходимо видать их и якшаться с ними ради успеха какого-то загадочного конспирационного предприятия. На следующей неделе о прежнем корифее нет уж и помина. Хорошо, если он

---

[1] Собирались там по вторникам, как видно из одного письма Бакунина к гр. Салиас.

исчез бесследно; но часто случалось, что исчезновению предшествовал более или менее крупный скандал»...

Из поляков завсегдатаем бакунинских вечеров был один только Сарнецкий, о котором мы говорили выше. Бывала Людмила Хассинг, племянница Варнгагена фон Энзе и издательница его писем, лично знавшая многих революционных деятелей 1848 г. и сама «считавшаяся, — по словам Мечникова, — какою-то косвенною революционною знаменитостью». «Из итальянских своих ад'ютантов Бакунин сам очень скоро отличил молодого и красивого Андреа Джианнелли» [1] (бывшего гарибальдийского волонтера). И здесь Бакунин, не находя применения своей лившейся через край энергии, начал вмешиваться в интимные дела окружающих. В частности он способствовал сближению Л. Хассинг с А. Джианнелли [2]. В конце концов, среди окружавшей Бакунина во Флоренции публики начались разные скандалы, состоялся ряд дуэлей и проч. И, как замечает Мечников, «не прошло и полугода со времени поселения Михаила Александровича в Via Montebello, и все флорентинские демократы, носившие его чуть не на руках, повертываются к нему спиною».

О встречах с Бакуниным во Флоренции существуют еще рассказы художника Н. Н. Ге и проф. В. И. Модестова, но это впечатления обывателей, совершенно не понимавших Бакунина и стоявших слишком далеко от волновавших его интересов. Тем не менее отдельные черточки, могущие восполнить общую картину его флорентинского житья-бытья, в этих рассказах все же попадаются.

Н. Н. Ге встретился с Бакуниным во Флоренции в 1864 году. «Он,— рассказывает Ге [3], — встретил меня как будто старого знакомого и сказал: «А мы уже распределили между нами ваши деньги за картину» [4]. Меня несколько удивило это приветствие, и я отвечал: «Жаль только, что денег нет, я еще не получил да и получу, вероятно, не так скоро».

---

[1] А не Пфианеллу, как напечатано в «Истор. Вестнике».

[2] Устройство браков среди своих последователей и знакомых вообще было слабостью Бакунина. Так, впоследствии он свел Олимпиаду Кутузову с итальянским анархистом К. Кафиеро. Как замечает Дейч, не всегда такие браки кончались счастливо. В письме к родным из Женевы от 24 сентября 1867 г. Бакунин оправдывается от подозрения, что он «женил» своего родственника Александра Мордвинова, и прибавляет: «Я никогда не занимался устройством так называемого счастья, зато подымал иногда людей во имя их достоинства и права: это другое дело». Верно было и то, и другое.

[3] Николай Ге — «Встречи». «Северный Вестник», 1894, март, стр. 235 и след.

[4] Речь идет о картине «Тайная Вечеря», законченной Н. Ге в 1863 году.

Но это не нарушило наших добрых и даже сердечных отношений. При дальнейшем знакомстве с ним и с окружающими его, а этих последних было много, он производил впечатление большого корабля без мачт, без руля, двигавшегося по ветру, не зная куда и зачем. Около него стояла молодая, чрезвычайно красивая полька, его жена, целый круг польских и русских эмигрантов, затем простых граждан, знакомых. Я читал очерк Герцена, в котором с удивительной любовью и добродушием он рассказывает, как жил Бакунин в Лондоне. Здесь было нечто иное: много комичного, смешного и рядом с этим грустного, тяжелого.

«Громадный, толстый человек с курчавой черной (?) головой, крупные части лица его похожи очень на его дядю, известного Муравьева-Виленского; с одышкой, с аппетитом невообразимым, наделавшим целую кучу анекдотов. Такова его внешность. Обращение Бакунина с окружающими — полунасмешливое, полупрезрительное. Жена его, которую он посвятил в либерализм (!?), удерживала его во всех случаях, когда он выходил из границ допустимого. «И куда девались эти дуры? Пропадают целый час, тут есть хочется», — говорил он про своих сожительниц. Целые толпы эмигрантов стоят по стене и у дверей, и он не заботится их разместить; действительно, он не знал или забыл, что существует собственность. Он брал у шведа золотой на польскую эмиграцию и тут же, при нем, посылал разменять и купить табаку [1]; но он и с своими деньгами так же поступал — так точно и они исчезали на нужды кого угодно. Когда спросила его моя жена: «М. А., верите ли вы в то, что вы пропагандируете?», он отвечал: «Я ни во что не верю, я ничего не читаю, я думаю об одном: закрутить, закрутить побольше, и туда с головой... Чтобы и след простыл!» [2]... Те же друзья, свои и чужестранные, которые тоже не признавали собственности, но только чужой, пользовались им и затем бросали его и вслед чернили и клеветали до того, что распускали слух, будто он делал фальшивые ассигнации на том основании, что считал всякие ассигнации фальшивыми. Это правда, что он достаточно находил в себе презрения к людям, чтобы иметь то, что ему было нужно. На одном собрании русских он говорил речь и, между прочим, сказал, что университеты теперь не имеют смысла, что они сделали свое дело в свое время, а теперь они ничего не могут более делать и не нужны.

---

[1] Если это и имело место, то Бакунин несомненно потом вносил эти деньги, куда следовало, о чем Н. Ге как будто не догадывается.

[2] На такой глупый вопрос можно было дать и такой ответ. Но мы все же думаем, что ответ выдуман пустой обывательницей.

«Вот какая фигура стояла среди толпы, его окружающей, в которой, в отделе русских, надо правду сказать, преобладал элемент комический, отрицательный и ничтожественный... Были тут дамы, которые осаждали Бакунина своими несчастиями от преследований станового; был тут дилетант-художник, который говорил серьезно, что у него кисть выпадает из рук от политического положения Европы. Всем им Бакунин давал название д у р а или д у р а к... К Бакунину пришли два эмигранта. Оба духовного звания, поляк и русский. Он их поместил вместе и потом с хохотом рассказывал, что один выхлопотал себе паспорт и возвращение, а другой у него украл штаны с паспортом и исчез...

«Наконец, это солнце со всеми планетами (?) продвинулось в Неаполь, и настала тишина».

Еще более обывательский характер, вдобавок с сильным привкусом политического консерватизма, носят воспоминания проф. В. И. Модестова, тоже встречавшегося с Бакуниным во Флоренции в 1864 г. [1].

«Однажды,—рассказывает Модестов,—возвращаясь к обеду в свою гостиницу,.. я нашел у себя карточку одного знакомого русского художника, на которой было написано карандашом, что он приходил ко мне вместе с Бакуниным, и что Бакунин просит меня сегодня к себе вечером. Приглашение было для меня интересно, и я решил им воспользоваться. Часов в семь вечера художник зашел ко мне, и мы отправились.

«— Я только что от Дольфи, — начал Бакунин, обращаясь к художнику, в то время как я, после обмена первых приветствий, с любопытством рассматривал высокую, широкоплечую с огромной головой и с длинными с проседью волосами фигуру русского революционера Дольфи, булочник по профессии, был главою мацциниетского комитета во Флоренции и назывался на языке флорентинских республиканцев capo del popolo (народным главою или вождем).

«Начались разговоры. Подошел и сын Герцена, тогда уже поселившийся во Флоренции. Бакунин говорил тоном решительным, не допускающим возражения. Но мало-по-малу у нас завязался спор, который, разгораясь все больше и больше, несмотря на присутствие жены Бакунина, молодой и довольно еще красивой женщины польского типа, дошел до нот уже весьма громких. Бакунин доказывал необходимость раздробления России не помню на сколько частей, но во всяком случае

---

[1] В. И. М о д е с т о в — «Заграничные воспоминания». «Исторический Вестник», 1883, том XII, стр. 122 и след.

такого раздробления, что не только Финляндия, прибалтийские провинции, Царство Польское, Бессарабия, Кавказ совсем отделялись от России, но и Малороссия, и Сибирь, и, кажется, даже Новгородская область составляли по его плану независимые части, связанные, впрочем (!), между собою федеративными узами. Я указывал своему собеседнику, что, рассуждая таким образом, он идет, очевидно, против хода русской истории, которая тысячу лет стремилась к единству, к возможному сплочению своих частей, а не к разделению, и что, идя таким путем, он обрекает свою деятельность на бесплодие. Чем дальше, тем больше я убеждался, что Бакунин — революционер не столько (!) по убеждению, сколько по ремеслу, и что он не может внушить к себе сочувствия ни в одном спокойно и сколько-нибудь зрело рассуждающем человеке. Дошло до того, что мой собеседник стал подтрунивать надо мной за то, что я думал, по приезде в Россию, защищать магистерскую диссертацию [1] и искать профессуры. Я говорил ему, что с его стороны чистое сумасшествие думать, что всякий образованный человек непременно должен быть революционером и рассуждать по-эмигрантски. К одиннадцати часам мы расстались очень недовольные друг другом. Я дал себе слово никогда больше не видеть Бакунина и сообщил об этом по выходе на улицу как художнику, так и сыну Герцена, которые не принимали почти никакого участия в нашем споре. Затем я вспомнил, как за год перед тем один из русских ученых, бывший прежде в большой дружбе с Герценом и Огаревым, рассказывал мне про свою встречу с Бакуниным в Париже [2]. Они также много спорили, не знаю о чем, но доспорили до того, что когда стали расходиться и Бакунин сказал «до свидания», то собеседник его резко заметил ему: «я увижу вас разве на виселице». Замечание это было чересчур жестоко, но после своей беседы с знаменитым русским анархистом я понимал, что он может довести собеседника до такой резкости. С покойным Герценом я никогда не встречался, но от всех, кто мне рассказывал о нем, слышал, что беседа его оставляла весьма приятное впечатление. Никто ничего подобного не говорил мне о Бакунине».

Приводим и это разглагольствование раздраженного обывателя. Нужно же, чтобы читатель знал, перед какими людьми Бакунину приходилось метать бисер за отсутствием более родственных ему элементов в тогдашней русской флорентинской колонии. С другой стороны, повествование Модестова (как отчасти и воспоминания Ге) по-своему

---

[1] «Тацит и его сочинение»; представлена Модестовым в 1865 году.

[2] Повидимому, речь идет о К. Кавелине.

оттеняют фигуру Бакунина. «Пусть же,—говоря словами Герцена в его очерке о Бартелеми, — в моем рассказе, как было в самой жизни, равно останутся следы богатырской поступи возле ступеней ослиных и свиных копыт».

4. Поездка в Лондон и Стокгольм. Интернационал или тайное «Братство»?

Бакунин долго не получал из Швеции вестей от тамошних своих приятелей. В письме к Тхоржевскому от 12/24 апреля 1864 года он сообщает, что получил, наконец, известия из Стокгольма и Финляндии, т.-е. от Штраубе и Э. Фолькстрюе (вероятно, тот финляндец, о котором он писал Герцену и «Земле и Воле»), вследствие чего решил с'ездить в Швецию, чтобы повидаться с ними. А Демонтовичу, находившемуся тогда снова в Швеции, Бакунин, сообщая в письме от 1 августа о своем скором приезде, прибавляет, что едет к нему «с братским доверием и с братскою дружбою» и надеется на его «братскую помощь».

Какие цели ставил себе Бакунин при этой поездке, трудно сказать с определенностью. Судя по цитированным письмам к Тхоржевскому и Демонтовичу, Бакунин хотел окончательно выяснить, имеется ли какая-нибудь зацепка для его участия в революционном движении России и Польши. Но у него несомненно были и другие цели. Одна из них заключалась в устройстве своих материальных дел: он хотел заручиться работой у шведских издателей и, как увидим, отчасти преуспел в этом. Но, кроме того, можно предполагать, что Бакунин хотел снова повидать старых знакомых, завести новые знакомства и вообще нащупать почву для задуманной им тайной международной революционной организации (первое флорентинское «Братство» носило чисто итальянский характер и, возможно, в момент его поездки даже е щ е н е с у щ е с т в о в а л о).

В Стокгольм Бакунин прибыл 6 сентября 1864 г., как видно из письма его к родным от 20/IX—1/X. О публичных его выступлениях в Швеции на этот раз мы ничего не знаем. Их, видимо, не было, да и Бакунин, очевидно, не имел их ввиду, так как обстановка для них в этот раз была неблагоприятная. Второй приезд Бакунина в Швецию уже не вызвал никакого интереса в местном обществе. Он более был занят, повидимому, устройством своих личных дел. «Устроил здесь довольно хорошо свои дела, — пишет Бакунин родным, — так что буду иметь в год за корреспонденцию на французском языке—шведы же переводят на шведский — около, даже более 4.000 франков». Верил ли

он сам в эти будущие блага, неизвестно. Возможно, что поведал он о них родным лишь для того, чтобы тут же попросить их выслать ему 1.000 рублей (до того он просил только 500 р.). «Тогда бы, заплатив еще кой-какие беспокойные долги, с помощью корреспонденции я стал бы на ноги и долго, долго не стал бы беспокоить вас». Как мы знаем, из этих планов Бакунина мало что вышло. Из его корреспонденций в шведские газеты помещена была только одна (в «Aftonbladet») [1], мемуаров он так и не составил, а авансы скоро проел, так что в письме к гр. Салиас из Лондона от 3 ноября сообщал, что деньги у него уже приходят к концу.

В октябре Бакунин был уже в Лондоне, и здесь-то он встретился, наконец, с Марксом [2]. К этому моменту Бакунин уже знал об основании Интернационала и о роли, сыгранной в этом деле Марксом. В рукописи «Мои личные отношения с К. Марксом» Бакунин так рассказывает об этой встрече: «В октябре я снова возвратился в Лондон. Тогда-то я получил от Маркса записку, которую я храню до сих пор, и в которой он спрашивал меня, желаю ли я принять его на следующий день у себя. Я ответил ему, что согласен, и он пришел. Между нами произошло тогда об'яснение; он поклялся мне, что всегда сохранял по отношению ко мне чувство искренней дружбы и глубочайшего уважения. Я з н а л, ч т о э т о н е п р а в д а (курсив мой). Но у меня действительно не было по отношению к нему никакого злопамятства. Вдобавок, возобновление знакомства с ним сильно меня интересовало еще в другом отношении. Я знал, что он много содействовал основанию Интернационала. Я читал манифест, который он написал от имени временного Генерального Совета, манифест, который был замечательно серьезен и

---

[1] А писал он туда, по крайней мере, сначала довольно усердно, как видно из его письма к гр. Салиас от 13 декабря 1864 г. из Флоренции: «Я каждую неделю посылаю по два мелких листа в Стокгольм и зарабатываю таким образом по 100 франков, а иногда и более в неделю... Одним словом, читаем, учимся, пишем, иногда болтаем и проводим время тихо, невинно, но довольно приятно».

[2] Посредником оказался старый член «Союза Коммунистов» портной Ф. Лесснер, сообщивший Марксу 26 октября, что он шьет костюм для Бакунина, который останется в Лондоне непродолжительное время. Маркс написал Бакунину письмо, на которое тот ответил запиской от 27 октября, в которой писал, что «с большим удовольствием повидается со старым знакомым», и что до часу дня бывает постоянно дома. Маркс, не считаясь с общепринятыми правилами житейской вежливости, сам отправился к Бакунину. Повидимому, ореол политического мученика, которым окружено было имя Бакунина, и тот факт, что вскоре после побега из ссылки Бакунин снова ринулся активно в революционную борьбу, действовал и на Маркса.

глубок, как и все то, что выходит из-под его пера, когда он не ведет личной полемики [1]. В конце концов, мы расстались по внешности большими друзьями, но я все же не сделал ему ответного визита. Я вернулся во Флоренцию... и оставался там (в Неаполе) до сентября 1867 года... Мы обменялись с Марксом несколькими письмами, а затем мы снова потеряли друг друга из виду» [2].

В другом рассказе о свидании с Марксом [3] Бакунин упоминает об отношении Маркса к клеветническому походу, который велся против него в газете «Morning Advertiser» (см. в четвертой части первого тома этой работы). Во время свидания Маркс «заверял, что никогда не принимал ни прямого, ни косвенного участия во всех этих клеветнических нападках, которые он назвал бесчестными. Я должен был верить ему» (курсив мой),—прибавляет Бакунин.

Итак, Бакунин, если полагаться на его запоздалые рассказы (относящиеся к 1871 году), не поверил Марксу, хотя, как мы знаем, тот говорил чистую правду [4]. Но хитроумный Бакунин не счел нужным показать Марксу свое настоящее отношение к его заверениям. Напротив, они «по внешности» расстались большими друзьями — искренно со стороны Маркса и лицемерно со стороны Бакунина (по собственному признанию последнего).

По рассказу Бакунина выходит, что он с Марксом вел беседу чисто личного характера. Это было не так. Из сообщений Маркса об этом свидании вытекает, что Бакунин во время этой беседы дал определенные обещания и взял на себя некоторые обязательства политического свойства. Но понятно, что, по ряду соображений, Бакунину неудобно было об этом говорить в разгар своей полемики с марксистским крылом Интернационала, в 1871 г., когда он писал оба приведенные выше рассказа.

---

[1] Как указывает Д. Рязанов, здесь Бакунину изменила память. К моменту свидания с Марксом он не мог еще знать «Учредительного Адреса», который был принят Генеральным Советом 1 ноября и к 3 ноября, т.-е. к дню встречи старых приятелей, не был нигде еще опубликован. «Адрес» был выслан Марксом Бакунину в Италию, куда тот уехал (см. «Архив» Грюнберга, т. V, стр. 184).

[2] Nettlau, стр. 172.

[3] M. Bacounine — «La théologie politique de Mazzini et L'Internationale», 1871, стр. 46.

[3] Впрочем, чего было требовать от лично задетого Бакунина в 1864 г., когда до сих пор анархические и анархиствующие историки вроде Неттлау, Брупбахера и т. п. продолжают поддерживать легенду о «клеветнике» Марксе вопреки установленным фактам?!

Свидание состоялось 3 ноября 1864 года. На следующий день, а именно 4 ноября 1864 г. (а не через 7 лет, как Бакунин), Маркс рассказал о нем в письме к Энгельсу в следующих выражениях: «Бакунин тебе кланяется. Сегодня он уехал в Италию, где живет (во Флоренцию). Вчера я впервые снова увидал его после 16 лет. Должен сказать, что он очень мне понравился и больше, чем прежде. Относительно польского движения он говорит следующее: русское правительство использовало это движение для того, чтобы удержать в спокойствии самое Россию, но отнюдь не рассчитывало на 18-месячную борьбу. Поэтому оно спровоцировало эту историю в Польше. Польшу погубили две вещи: (во-первых), влияние Бонапарта, а, во-вторых, отказ польской аристократии с самого начала провозгласить открыто и недвусмысленно крестьянский социализм. Теперь, после провала польского восстания, он (Бакунин) будет участвовать только в социалистическом движении. В общем он один из немногих людей, которые за эти 16 лет ушли не назад, а вперед. Я говорил с ним также о доносительных выпадах Уркарта... Он с интересом расспрашивал о тебе и о Лупусе. Когда я сообщил ему о смерти последнего, он тут же заметил, что движение потеряло незаменимого деятеля» [1].

Другой рассказ Маркса о свидании, содержащийся в том экземпляре известного «Конфиденциального сообщения» (циркуляра, разосланного Генеральным Советом Интернационала его секциям в январе 1870 г.), который Маркс в качестве секретаря для Германии с некоторыми сопроводительными замечаниями послал Брауншвейгскому Комитету, точнее указывает те конкретные вопросы, которые обсуждались во время этой беседы. «Русский Бакунин... вскоре после основания Интернационала имел в Лондоне свидание с Марксом. Последний принял его в Товарищество (Международное Товарищество Рабочих, т.-е. Первый Интернационал. — *Ю. С.*), для которого Бакунин обещал работать по мере сил. Бакунин уехал в Италию, получил там от Маркса временный устав и «Учредительный Адрес», ответил «очень восторженно», но ничего не сделал».

Теперь становятся понятными умолчания в рассказе Бакунина. А эти умолчания бросаются в глаза. В самом деле, сообщив о том, что свидание с Марксом интересовало его ввиду роли первого в основании Интернационала, он затем ни словом не заикается о том, говорили ли они на эту тему, и какую позицию занял

---

[1] «Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx», т. III, стр. 191—192. «Лупус» (волк) — кличка Вильгельма Вольфа, которому посвящен I-й том «Капитала» Маркса. Умер Вольф 9 мая 1864 г. в эмиграции.

лично он, Бакунин, по отношению к первому в истории международному об'единению рабочих, которое во всяком случае представляло не меньше интереса, чем задуманная им тайная интернациональная организация деклассированной интеллигенции (если только она уже была в тот момент задумана). А когда мы от Маркса узнаем, что Бакунин обещал впредь участвовать «только в социалистическом движении», что он был принят Марксом в Интернационал уже в ноябре 1864 года и обязался по мере сил работать в его пользу [1], то молчание Бакунина, этого обещания не исполнившего, продолжавшего в Италии, а затем в Швейцарии заниматься в стороне от Интернационала (а позже и против Интернационала) организацией эфемерных тайных «братств» и «союзов», впоследствии же, с выступлением на публичную арену, в 1867—1868 г.г., примкнувшего не к рабочему Интернационалу, а к буржуазной Лиге Мира и Свободы, — это молчание становится вполне понятным. Если при этой поездке у Бакунина и были какие-либо политические цели, то сводились они к вербовке людей для тайных «братств», а не к завербованию себя самого в члены Международной Рабочей Ассоциации. Об этом он Марксу, разумеется, не сказал.

Маркс принял обещания Бакунина всерьез. Присоединению нового союзника он был рад и потому, что рассчитывал с помощью Бакунина бороться с влиянием маццинистов в Италии. Бакунин во время свидания, наверно, дал ему к тому основание своими критическими отзывами о маццинизме. Вот почему Маркс и поспешил выслать Бакунину во Флоренцию временные статуты Интернационала и «Учредительный Адрес», которые Бакунин обещал перевести на итальянский язык — ясно, для интернационалистической пропаганды. Насколько серьезно Маркс отнесся к Бакунину, видно из того, что, несмотря на переобремененность работой в связи с организацией Интернационала, он за короткий срок (3 месяца) послал Бакунину три письма. Тот собрался ответить только в феврале. 7 февраля 1865 года он писал Марксу:

---

[1] Неттлау, ссылаясь на письмо Юнга к Гильому (напечатанное в «Записке Юрской федерации», стр. 134—138), говорит, что Бакунин отклонил приглашение вступить в Интернационал. Но у Юнга сказано не это. Фраза «Bacounine invinté de sa fondation á se joindre à l'Internationale, n'en fit rien» может быть скорее переведена словами: «Бакунин, приглашенный примкнуть к Интернационалу с самого его основания, не сделал ничего», как и сказано у Маркса, который несомненно сообщил Юнгу о принятии им Бакунина в Международное Товарищество в 1864 году.

«Carissimo! Формально ты вправе сердиться на меня, так как я не ответил на твое второе письмо [1] и до сего дня затянул ответ на третье. Вот причина моего молчания. Согласно твоему желанию я послал Гарибальди один экземпляр адреса Интернационального Комитета [2] и до сих пор жду его ответа. Кроме того, я дожидаюсь решения вопроса о напечатании итальянского перевода, чтобы послать его также тебе.

«Ты не поверишь, до какой степени медлительны и нерешительны люди в этой стране. Отсутствие денег, эта основная и первая, впрочем, вполне естественная болезнь всех демократических организаций в Европе, тормозит всякую деятельность. Кроме того, масса в Италии, деморализованная полным крахом и ошибками демократической партии — централистской, политической, унитарной, — настроена крайне скептически и разочарованно. Только последовательная, энергичная и страстная пропаганда социализма может еще вернуть этой стране жизнь и волю. Но на это нужно время, потому что работа здесь только начинается. В Англии, кажется, вы идете уже на всех парусах, мы же с трудом можем понемножку распускать наши. Посылаю тебе отрывок стихов флорентинского производства; надеюсь, что они тебе понравятся. Организация — дело потруднее стихов. Она, правда, тоже подвигается, но очень медленно: ее все время задерживают скептическое равнодушие, взаимное недоверие и в одинаковой мере невежество и неспособность так называемых вождей так называемой демократии, деморализованной и потерявшей направление. Новая демократия должна сформироваться в Италии на основе абсолютного права и единого культа труда. В элементах недостатка нет — они кишмя кишат, следовательно, нечего отчаиваться. Терпение! «ma patientia», как говорят здесь. Да, этого терпения нужно очень много. Маццини сильно ошибается, продолжая думать, что инициатива нового движения придет из Италии. Только Франция, Англия и, может быть, Германия, но первые две наверное, если говорить лишь об Европе, и эта замечательная Северная Америка будут настоящими умственными и активными центрами человечества. Все остальное потащится за ними.

«А теперь, carissimo amico, прости мне мое долгое молчание, больше этого не повторится, и поцелуй почтительно от меня ручки твоей жены и дочери.

«Преданный М. Б.

---

[1] Понимать ли это так, что на п е р в о е письмо Бакунин ответил? Нам это неизвестно.

[2] Т.-е. «Учредительного Адреса».

«Как только я получу фотографии моей жены и собственной моей персоны, я пришлю их вам, но взамен я попрошу фотографии всего святого семейства (la sanctissima famiglia)».

Но, вопреки своему обещанию, «энергичную и страстную» пропаганду социализма Бакунин повел не в интересах Интернационала, а в совершенно ином направлении. Если бы верно было предположение М. Неттлау, что, организуя свое тайное «Братство» (или «Альянс») в стороне от Интернационала, Бакунин уже тогда, в 1864—1865 году, предвидел будущее выступление его против Интернационала, то это не только не служило бы к оправданию его поведения, как воображает Неттлау, а, наоборот, выставило бы его роль в гораздо более неблагоприятном свете, чем даже думали до сих пор. Вышло бы, что он сознательно, планомерно и втечение ряда лет дурачил и обманывал Маркса, а в его лице и международное рабочее движение, заблаговременно организуя против него неприятельские силы и загодя подготовляя враждебные против него выступления, одновременно обещая работать для Интернационала и в духе Интернационала. Надо полагать, что так далеко коварство Бакунина не шло, а что он просто не разобрался в социалистических направлениях и втечение известного времени даже не подозревал, что ведет враждебную Интернационалу работу. Но что его двойственное поведение должно было в конце концов возбудить подозрение Маркса, это очевидно.

Неттлау хочется доказать, что мысль об основании тайного международного братства возникла у Бакунина ранее основания Интернационала. В подтверждение он приводит три доказательства.

1) Альбер Ришар, сделавшийся в 1868 году другом Бакунина, в своей статье «Бакунин и Интернационал в Лионе» [1] говорит, что Бакунин основал тайное Интернациональное Братство «некогда в Лондоне с небольшой группой интимных друзей; в числе его членов были Гарридо и Таландье; позже в него вошли Элизе Реклю, Малон, Аристид Рей вместе с лучшими русскими, швейцарскими и итальянскими помощниками Бакунина». Это указание Ришара приходится принимать с осторожностью: ведь сам Бакунин определенно называет местом основания Братства Италию. Но если бы указание Ришара и соответствовало действительности, то, при существующем свидетельстве Бакунина, его можно было бы понимать лишь как упоминание о первых попытках создания «Братства». Они могли быть сделаны в Лондоне. Когда? Ясно, во время осеннего посещения Лондона Бакуниным

---

[1] Напечатана в «La Revu de Paris», 1896, № от 15 сентября

в 1864 году. Бакунин прибыл в Лондон в конце октября (22 октября, как видно из письма его к Демонтовичу, он находился еще в Стокгольме) и пробыл там до 4 ноября, следовательно, в общем пробыл там дней 10. За такой срок создать что-либо серьезное он, конечно, был не в состоянии. Самое большее, он мог завербовать там пару членов для своего проектируемого братства. Но если это и было так, то это во всяком случае имело место после основания Интернационала, которое произошло в конце сентября, а первое заседание комитета, превратившегося в временный Генеральный Совет, состоялось уже 5 октября 1864 г. Таким образом, даже в случае точности сообщения А. Ришара, Бакунин начал организовывать свое «Братство» после учреждения Интернационала, зная о его существовании и наверное зная о двухлетней подготовительной работе, предшествовавшей его основанию.

2) Неттлау ссылается на приведенное выше место из письма Бакунина к Герцену от 23 марта 1866 г. относительно франк-масонства в связи с письмом его к лондонским друзьям от 19 июля того же года, где Бакунин сообщает им о своей работе по организации Интернационального Братства. Но нужно заметить, что только в последнем, июльском письме Бакунин определенно заговаривает с друзьями о «Братстве». В письме же мартовском содержится неясная фраза о том, что в Лондоне (опять-таки, вероятно, осенью 1864 г.) он, Бакунин, не мог отвечать Герцену на «другие вопросы», помимо вопроса о франк-масонстве, теперь же будет «иметь это право», и потому о франк-масонстве между ними не будет больше речи. Но, во-первых, ни откуда не следует, что эти «другие вопросы» относились к уже существующему «Братству» или даже вообще к «Братству»; в лучшем случае их можно толковать как свидетельство в пользу того, что у Бакунина уже тогда мелькала в голове мысль об организации этого или подобного тайного общества. А, во-вторых, и разговор с Герценом в Лондоне имел место после основания Интернационала, и следовательно к нему относится все то, что мы выше сказали о свидетельстве А. Ришара. Никаких ровно свидетельств в пользу того, что Интернациональное Братство существовало до основания Интернационала, мы не знаем.

3) Сам Бакунин указывает на 1864 год, как дату основания «Братства» (или «Альянса»). Но 1864 год может означать и начало, и середину, и конец года. О начале года говорить не приходится, ибо Бакунину, приехавшему во Флоренцию к концу января, нужно же было время, чтобы осмотреться и познакомиться с публикой. Данных, гово-

рящих за то, что уже в середине года ему удалось основать тайное общество, у нас нет. Единственное известное нам определенное свидетельство Губернатиса говорит о конце 1864 и начале 1865 года. Мы думаем поэтому, что первое «Братство» было основано Бакуниным в конце 1864 года, после его возвращения из Лондона, или даже в начале 1865 года. При этом следует помнить собственное заявление Бакунина, что это общество состояло из о д н и х и т а л ь я н ц е в. Возможно поэтому, что оно не было интернациональным, что это была организация чисто итальянская, для Италии, и что в о Ф л о р е н ц и и н и к а к о г о «И н т е р н а ц и о н а л ь н о г о Б р а т с т в а» Б а к у н и н в о в с е н е о с н о в ы в а л, что оно впервые создано было им только в Неаполе в 1865 году. Но если бы это было и не так, если бы флорентинское «Братство» действительно было непосредственным предшественником «Интернационального Братства» или даже его первой формой, все же нельзя утверждать, что оно существовало д о Интернационала, и что именно этим фактом и следует об'яснять уклонение Бакунина от работы для Интернационала или от вступления в него.

Точно так же необоснованным представляется нам утверждение Неттлау, что Бакунин не вступил в Интернационал вследствие недоверия и антипатии к Марксу или благодаря своей глубокой проницательности, заставлявшей его уже тогда предвидеть грядущую борьбу между коммунистическим («авторитарным») и анархическим (либертэрным) направлениями в Интернационале [1]. Неттлау уверяет, что уже в 1864 г Бакунин вполне определенно стоял на последовательной анархической точке зрения, и что уже в тот момент антигосударственная система его была разработана, как никогда. Было бы слишком странно, если бы это было так. Переход от революционного панславизма, либеральной агитации и увлечения буржуазно-национальными движениями к вполне законченной анархической системе воззрений был бы слишком крутым и трудно об'яснимым. На самом деле анархические взгляды развивались у Бакунина постепенно, его мировоззрение лишь мало-по-малу очищалось от старого идеализма, панславизма, буржуазного демократизма и национализма, и только относительно 1866 года можно сказать, что к этому времени складывается в нечто более или менее цельное его анархическая теория (да и это, как увидим ниже, следует принимать с большими оговорками). Но насколько и теперь она была чисто сло-

---

[1] Н е т т л а у — Биография Бакунина, стр. 199; е г о ж е — статья «Бакунин и Интернационал в Италии» в «Архиве» Грюнберга, 1912; е г о ж е — комментарии к немецкому изданию сочинений Бакунина (Michael Bakunin — «Gesammelte Werke», Берлин, 1924, т. III, стр. 114, прим.).

весной, непрочной и неустойчивой, видно из того, что в течение 1867 и 1868 годов Бакунин находит еще возможным близкое участие в столь буржуазном и «государственническом» обществе, как Лига Мира и Свободы. Только к концу 1868 года он выступает определенно как анархист.

Не потому Бакунин не вступил в Интернационал, что он был уже в 1864 году законченным анархистом (это не помешало ему вступить туда 4 года спустя!), а потому, что он не освободился еще от буржуазной идеологии, был слишком еще связан с буржуазно-демократическими кругами, не понимал значения современного рабочего движения, был духовно ему чужд, находился лишь на пути к социалистическому мышлению и действиям. Вот в чем правда, а не в анархической легенде, творимой М. Неттлау и теми, кто списывает у него анархическую мудрость (вроде Брупбахера).

Факты доказывают справедливость именно нашего утверждения. Вопреки обещанию, данному Бакуниным Марксу, впредь не принимать участия ни в каком движении, кроме социалистического, он вовсе не думал рвать окончательно с миром буржуазного либерализма и демократии. Сам Неттлау приводит документ, свидетельствующий о том, что Бакунин даже после лондонской поездки не отказался от надежды влиять на франк-масонские круги. Даже при тогдашней путанице во взглядах Бакунина, вряд ли он рассчитывал найти там подходящие элементы для социалистического движения. Мир религиозного свободомыслия, да еще столь ограниченного, как в масонстве, по-старому был ему еще близок. Еще ближе были ему ветхие, обомшелые демократы старой школы эпохи 40-х годов. В некрологе, помещенном после смерти Бакунина в «Бюллетене Юрской Федерации» [1], т.-е. в органе его друзей-анархистов, об этом говорится довольно недвусмысленно: «Он надеялся найти среди своих старых приятелей по 1848 году людей, оставшихся преданными революции (какой?!—*Ю.С.*); он полагал, что сумеет об'единить их и с их помощью восстановить сплочение революционных сил. Он сохранил эту иллюзию надолго, но в конце концов принужден был убедиться, что деятели 1848 года умерли и умерли окончательно; люди, которые некогда боролись за свободу [2], превратились в чиновников, профессоров, заняли привилегированное социальное положение и отнюдь не собирались рисковать своей шку-

---

[1] Приложение к номеру от 9 июля 1876 года.

[2] Чисто анархический образ мышления. За какую «свободу»? За буржуазную — да! «Боролись за свободу» — этого для анархиста достаточно. Увы, было достаточно тогда и для Бакунина.

рой и приобретенным положением в интересах движений, которые их эпикурейскому скептицизму представлялись химерическими». И даже разочаровавшись в этих элементах, Бакунин, главным образом, занялся вербовкой адептов среди буржуазной молодежи и деклассированной интеллигенции, очень мало интересуясь рабочим движением как таковым — почти до конца шестидесятых годов.

5. Жизнь в Неаполе.

Через Брюссель Бакунин проехал в Париж, где в последний раз свиделся с Прудоном. В Париже он снова встретился с Эли Реклю, которого, кажется, завербовал тогда в свое «Братство». Но в точности это не установлено, равно как не установлено и то, что «Братство» в то время уже существовало. Возвратившись во Флоренцию, Бакунин принялся за работу по организации своего тайного общества, но, повидимому, без особого успеха ввиду отсутствия подходящих элементов. Лето 1865 года Бакунин провел в Сорренто на берегу Неаполитанского залива. Здесь он прожил короткое время (первую половину июня) с братом Павлом и его женою Н. С. Корсаковой.

Из Сорренто Бакунин написал письмо Г. Гервегу, в котором предлагал этому человеку, стоявшему в стороне от всякой политики и совершенно чуждому каким-либо социалистическим идеям, не более не менее, как написать «ясную программу для партии (какой?!), которая определенно выяснила бы народу принципы, равно как указала бы потребные в настоящее время действия». Бакунин уверял, что «именно Гервег» способен выполнить эту насущно необходимую задачу, т.-е. выработать программу и тактику какой-то неведомой, надо полагать — анархической, бакунинской «партии». Гервег, «враждебно относившийся ко всякой партийности, разумеется, отклонил это предложение» [1]. Все это показывает, как смутны и неопределенны были взгляды Бакунина еще летом 1865 года. А ведь Неттлау пытается уверить нас, будто уже в 1864—1865 г.г. анархическая система Бакунина вполне сложилась в законченном виде! Впрочем, если анархисты считают, что программу и тактику с успехом могут вырабатывать для их «партии» люди, подобные Гервегу 60-х годов, мы против этого спорить не станем.

Пребывание в Сорренто представляет интерес в том отношении, что здесь Бакунин, наконец, засел за писание своих воспоминаний

---

[1] Так сообщает Марсель Гервег в предисловии к книге «1848. Briefe an und von Georg Herwegh», 1898, стр. 8.

(неизвестно, для шведских ли издателей или для других). Как видно из письма его к брату Павлу, Бакунин приступил к составлению своих мемуаров 17 июня вечером; тогда же он писал какую-то статью [1]. В продолжении к этому письму, датированном 21 июня, Бакунин говорит: «Потекла наша правильная жизнь, и мы оба (т.-е. он и жена его. — *Ю. С.*) ею довольны. Я серьезно принялся за работу. Поутру пишу письмо к Герцену, вечером мемуары... Вечером... на террасе пьем чай, а потом она читает романы, а я пишу мемуары». Но энергии, видимо, хватило ненадолго, и больше о мемуарах мы ничего не слышим [2].

Из Сорренто Бакунин осенью (в начале октября) переехал в Неаполь. Здесь и в окрестностях этого города он прожил около двух лет вплоть до переезда в Швейцарию в сентябре 1867 года [3]. В этом городе Бакунин нашел почву, более подготовленную для реализации своих планов.

В первое время Бакунин, впрочем, не думал здесь засиживаться; он даже полагал, что ему вскоре придется совсем уехать из Италии ввиду усиливавшейся там реакции. В письме к Герцену и Огареву от 8 октября 1865 г. он писал: «Реакция здесь растет не по дням, а по часам. Теперь, на время выборов, она приостановилась и утихла, но так как новая камера [4] будет, по всем вероятностям, еще плоше своей предшественницы, то можно сказать почти наверное, что после медового месяца нового парламента реакция подвинется еще быстрее, если не случится в Европе чего-нибудь особенного, непредвиденного, так что нашему брату трудно станет жить в Италии... Пора убираться. К тому ж после долгого молчания я намерен опять выступить печатно и начинаю письмом к редактору «Le Temps» или «Opinion Nationale», вероятнее, к первому, по случаю ругательного письма какого-то A. de Moller против тебя, Герцен, в «Nord» 12 сентября» [5].

---

[1] Не та ли это статья, о которой он сообщал Герцену в письме от 8 октября 1865 г.: «Написал было статью в «Колокол» в опровержение мирного, нереволюционерного социализма»? Во всяком случае она не увидала света.

[2] Как далеко зашло писание мемуаров, неизвестно. Вряд ли очень далеко. Сомнительно, чтобы это был тот отрывок, который был опубликован M. Неттлау в журнале «La Société Nouvelle», 1896, сентябрь, и который мы использовали в первом томе этой работы.

[3] Он думал оставаться там только до января 1866 г., а затем двинуться дальше на север, во Флоренцию, а затем и в Швейцарию. Но в тот момент этот план не осуществился.

[4] Т.-е. палата депутатов.

[5] Речь идет о статье реакционного публициста А. Моллера в № 255 газеты «Le Nord» (заграничный орган русского правительства, выходивший

О публичных выступлениях Бакунин думал только в первое время, когда рассчитывал вскоре уехать в Швейцарию и, после неудачи флорентинского опыта, не надеялся, повидимому, найти в Неаполе более благоприятную почву. Но когда обнаружилось, что в Неаполе имеются элементы для подпольной работы, Бакунин отказался от мысли о публичных выступлениях. В письме к лондонским друзьям от 23 марта 1866 г. он уже говорит о том, что «при теперешних занятиях ему не хотелось бы обращать на себя внимание». В том же письме он продолжает мрачно смотреть на ближайшие судьбы Италии и вообще Европы: «Италия унитарная расклеивается, — пишет он. — Во всех итальянских провинциях против правительства оппозиция растет все сильнее. Дефицит, боязнь новых налогов, упадок фондов, бюрократические грязи и притеснения, застой во всех делах и предприятиях пробрали, наконец, все народонаселение, даже самых равнодушных и апатичных, и не предвидится другого выхода кроме войны. То же, кажется, и во Франции. Вновь будут стараться взбаламутить итальянский народ национальными бреднями. Боюсь, что и сам Гарибальди даст себя обмануть в десятый раз и сделается, в руках кого — знаете, инструментом для обмана народов. Все это очень мало отрадно и некрасиво, но, кажется, неизбежно. Впрочем, нам остается одно утешение: если нас поколотят, то это будет счастье для России, ну, а если Наполеон поколочен будет, тогда придет пора Франции [1]. Нам же остается во всяком случае роль зрителей».

Но Бакунин вовсе не хотел ограничиться ролью зрителя в предстоявших, по его мнению, крупных международных событиях. Приняв последние фазы национального движения, в частности движения за об'единение Италии, за начало мировой социальной революции, Бакунин лихорадочно готовился к ней — готовился, разумеется, по-своему, путем создания тайного общества, которое должно было возглавить революцию и повести ее к радикальным целям. Именно в Неаполе Бакунин положил начало своему первому тайному «Интернациональному Братству». На этот раз кроме итальянцев он постарался привлечь в его состав и представителей других наций, хотя итальянцы все же в нем естественно

с 1855 г. в Брюсселе). Статья Моллера отрицала за Герценом право называть себя русским ввиду его враждебных действий против царизма. Была ли написана упоминаемая в письме статья Бакунина, нам неизвестно.

[1] Это место тоже весьма характерно для «пораженчества» Бакунина. Как мы видим, он был пораженцем в интернациональном смысле и всюду желал поражения угнетательским правительствам в интересах народных масс — как в России, так и во Франции и проч.

преобладали, поскольку члены его вербовались преимущественно из непосредственного окружения Бакунина.

Вот как впоследствии Бакунин описывал ту итальянскую обстановку, в которой ему пришлось очутиться и работать. «Я провел почти четыре года в Италии, где я был свидетелем первого, правда, весьма медленного и сначала смутного, но тем не менее решительного прогрессивного развития социалистических стремлений, инстинктов и идей.

«Нигде нельзя так хорошо, как в Италии, изучить никчемность старого принципа чисто политической революции и упадок буржуазии, этой исключительной представительницы идей [17]89 и [17]93 годов и того, что до сих пор называется революционным патриотизмом.

«Вышедшая из победоносной национальной революции, снова обретшая юность, торжествующая, имеющая вдобавок столь редкое счастье обладать одним героем и одним великим человеком, Гарибальди и Маццини, Италия, отчизна ума и красоты, должна была, казалось бы, в немного лет превзойти все остальные нации благосостоянием и величием. Она превзошла их все нищетою... Вместо того, чтобы все оживить, победа национального дела все убила...

«Большинство итальянской молодежи остается всецело под властью старых метафизических, юридических и политических традиций, т.-е. теории буржуазного мира, который обречен на гибель и в скором конце которого не сомневаются социалисты всего мира...

«Маццинисты и гарибальдийцы ошибаются, приписывая все несчастия и весь позор бесспорно пагубному влиянию монархии. Основала, приветствовала и поддерживает ее (монархию) до сих пор буржуазия,.. ибо она поняла, что в настоящее время, по крайней мере в Европе, крупные чисто политические или буржуазные республики стали невозможными, что торжество республики неизбежно и немедленно повлечет за собою торжество социализма, а она знает, что социализм это конец буржуазии...

«Сторонники Гарибальди и Маццини... мечтают еще о революции. Нужно, однако, признать, что между гарибальдийцами и маццинистами существует глубокое различие. Партия генерала Гарибальди чрезвычайно эластична... Насчитывая до сих пор приверженцев даже в официальных сферах, в парламенте и в администрации, она включает много людей, которые по всем своим идеям, политическим чувствам и личным интересам имеют очень мало общего с революцией. Затем идет значительное количество, впрочем, сильно сократившееся и убывающее с каждым днем, молодых людей, пылких, подвижных, более или менее воинственных, выбитых из колеи, безработных, стремящихся сделать

карьеру или жаждущих приключений, но не имеющих ни одной мысли в голове.

«...Поклонник великого итальянского единства, мощи и славы итальянского государства и верный слуга монархии, Гарибальди не является революционером в собственном смысле...

«Подобно Гарибальди и задолго до него Маццини добивался осуществления великой идеи: об'единения всей Италии и разрушения папства. Но он хотел и до сих пор еще хочет также другого: итальянской республики... К сожалению, та Италия, созданию которой он так сильно способствовал, глубоко отличается от той, о которой он мечтал... Идеи Маццини общеизвестны: это Dio e popolo, «бог и народ»... Маццииевский народ это такая же абстракция, как и его бог, своего рода добровольное подножие для мощи и славы его государства. Это народ монахов, религиозных фанатиков,.. всегда готовых пойти на смерть в интересах великой итальянской республики и питать своею плотью ту фикцию общей политической свободы, которая мне представляется не иначе как огромным кладбищем, где волей-неволей погребаются все личные свободы» [1].

Среди прежних приверженцев Гарибальди и Маццини, разочарованных результатами борьбы за об'единение Италии, Бакунин и начал вербовать членов своего тайного «Интернационального Братства».

Из людей, группировавшихся в Италии вокруг Бакунина и принявших — иные до конца, а другие на время — его анархическую программу, можно назвать итальянцев Фанелли, Фриша, Гамбуцци, Туччи, ди Лукка, Палладино, поляков Мрочковского и Загорского, из русских — княгиню Оболенскую [2].

---

[1] «Письмо в редакцию Réveil» («Oeuvres», т. V, стр. 285—294). На приведенных словах рукопись обрывается.

[2] Джузеппе Фанелли (1828—1877) — архитектор и инженер; с молодых лет был причастен к революционному движению; принимал участие в римских боях 1848—1849 гг., в предприятии Пизакане, в походах Гарибальди, в польском восстании; в 1866 г. был избран депутатом итальянского парламента; в конце 1868 г. предпринял поездку в Испанию для основания там секций Альянса и Интернационала.

Саверио Фриша (1813 — 1886) — сицилианец, врач; участвовал в заговорах против Бурбонов; в 1848 г. избран народным представителем; в 1849 г. арестован; затем выслан и уехал в Париж; участвовал в сицилианском походе Гарибальди. Избран депутатом в 1861 г. и оставался им до смерти.

Карло Гамбуцци — неаполитанский адвокат; впоследствии женился на вдове Бакунина.

Альберто Туччи — впоследствии разошелся с Бакуниным.

Г. Вырубов [1], проживавший тогда в Неаполе, куда русские ученые ездили для своих научных работ на побережье (при нем в то время жили там зоолог А. О. Ковалевский, брат его В. О. Ковалевский, занимавшийся палеонтологией, ботаник А. Н. Петунников и другие), оставил нам описание жизни Бакунина в Неаполе [2].

«У меня, — пишет Вырубов, — было к Бакунину рекомендательное письмо от Герцена и от Огарева, с которым он был особенно дружен; но оказалось, что я мог бы легко обойтись и без них. Он принимал с распростертыми об'ятиями людей молодых, средних лет и старых, умных и глупых, ученых и невежд, граждан всех стран, всяких профессий и убеждений, лишь бы они соглашались слушать его революционную проповедь, которую он умел вести весьма искусно на различных языках.

«Жил он на конце города, в возвышенной местности. Из окон его просторной квартиры вид был очаровательный: виден был весь Неаполь под разными названиями непрерывной узкой лентой окаймлявший залив, в глубине которого выделялся своей конусообразной формой величавый Везувий. Но, несмотря на то, что он редко выходил из дому, он в окна не смотрел; ему не были доступны прелести природы, да и времени у него на то не хватало — он целый день поучал кого-нибудь или писал длинные письма во все страны мира. Зато, сидя

Себастиано ди Лукка — умер молодым; был основателем и редактором газеты «Libertà e Giustizia».

Кармелло Палладино — адвокат.

Валерьян Мрочковский, по прозвищу Острога (1840 — 1889) — б. киевский студент; участвовал в польском восстании; после тюремного заключения в Познани уехал в Париж; с Бакуниным познакомился в 1865 г.; женился на кн. Оболенской.

Ян Загорский — с конца 60-х годов отошел от движения.

Зоя Сергеевна Оболенская, дочь графа С. Н. Сумарокова, вышла за кн. А. В. Оболенского; впоследствии разошлась с ним и вышла за Мрочковского. С 1865 года поддерживала Бакунина материально. Когда швейцарская полиция, по требованию первого мужа, отобрала у нее детей, Бакунин выступил в ее защиту (см. его брошюру «Бернские медведи и петербургский медведь»).

[1] Бакунин писал о нем Герцену 28 июня 1866 г.: «Несколько слов твоих через В[ырубова] получил и рад был с ним познакомиться. Он, кажется, порядочный человек. Напоминает мне своею контовскою доктриною мою юность, когда я горячку порол во имя Гегеля так же, как он порет ее теперь во имя позитивизма. Но Конт перед Гегелем впереди, — напрасно только молодой друг наш возводит его на степень абсолюта».

[2] «Революционные воспоминания» («Вестник Европы», 1913, февраль, стр. 45 и след.).

с утра до ночи на своем балконе, любовалась и восторгалась пейзажем его жена, на четверть века его моложе, тихая, мечтательная Антонина. Это была странная брачная или, лучше сказать, псевдобрачная ассоциация. Зачем понадобилось жениться этому вечному бродяге, этому типичному бездомнику, — он, вероятно, и сам не знал.

«—Как это, с вашими вкусами и привычками, пришло вам в голову жениться? — спросил я его, когда мы ближе познакомились.

«— Да так как-то случилось.

«Он, впрочем, по-своему очень любил свою жену, был с нею ласков и, насколько позволяли другие, его более интересовавшие заботы, занимался ее благосостоянием; но она была в его бурной жизни совершенно второстепенным элементом.

«— Посмотрите на мою Тосю, — сказал он мне как-то, показывая на свою жену, сидевшую в соседней комнате. — Она у меня глупенькая и совсем не разделяет моих убеждений, но она очень мила, чрезвычайно добра и отлично переписывает мне важные рукописи, когда мне нужно, чтобы не узнали мой почерк».

(Далее идет описание внешности Бакунина, приведенное нами в первой части этого тома.)

О работе Бакунина по организации тайного общества Вырубов рассказывает следующее:

«Бакунин д е й с т в о в а л, направляя людей, как он говорил, на путь истинный, основывал тайные общества, организовывал заговоры, вырабатывал планы революций. Правда, он и писал, иногда очень пространно, о разных предметах — после его смерти издано 4 тома[1] его «сочинений»; но то была только кажущаяся литература. Можно открыть любой том на любой странице — везде найдешь те же фразы, только разным манером сопоставленные. Эти фразы, как я не раз видел, были чрезвычайно эффектны и производили сильное впечатление, когда он говорил их с трибуны; но хладнокровному читателю они представлялись либо труизмами, либо лишенными всякого определенного значения...

«В первое время нашего знакомства Бакунин, как истый конспиратор, относился ко мне недоверчиво. В 9—10 часов вечера являлись к нему иногда какие-то странные, таинственные личности; он об'яснял мне, что у него важное совещание, и просил посидеть с Тосей, которая обыкновенно была на балконе.

---

[1] Затем вышло еще два тома в Париже под редакцией Д. Гильома.

«Скоро, однако, мания вербовать сотрудников революции преодолела недоверчивость, и Бакунин вручил мне, с строгим наказом никому не показывать, довольно об'емистую рукопись, о которой я должен был высказать свое мнение. Рукопись эта, на французском языке, заключала статуты обширного тайного общества, учреждавшего свои филиалы во всех странах мира [1]. Оно представлялось в виде федеративной лаборатории всемирной социальной революции. Тут были и теоретические соображения, в форме разнообразных вариаций на старую тему: «свобода, равенство, братство, справедливость», — и, в мельчайших подробностях, практическая организация центральной власти и отдельных кружков, члены которых должны были, между прочим, приносить присягу на кинжалах; был даже особый шифр для переписки, чрезвычайно сложный, так как приходилось переписываться на разных языках. На другой же день, возвращая Бакунину этот странный документ, я ему об'яснил, что терпеть не могу политических конспираций. Хотя я и держусь самого радикального образа мыслей и готов его защищать всеми силами, но только с поднятым забралом, а не подпольными путями. Но Бакунин не так-то легко выпускал из рук намеченную жертву.

«— Вы видели, у нас есть члены-соревнователи, вовсе не обязанные вступать в какие-либо заговоры, а только помогающие словом или пером распространению наших идей; вам надо непременно записаться в их число.

«— Пожалуй, только вот эти клятвы на кинжалах очень уж мне не нравятся.

«— И не нужно их! Это мы для итальянцев придумали; мы довольствуемся вашим словом. Согласны?

«— При таких условиях согласен.

«Он встал, торжественно провозгласил, что принимает меня в члены всемирного братства, крепко обнял и прибавил:

«— Теперь, как новый «брат», вы должны заплатить 20 франков.

«При этом практическом финале я не мог удержаться от смеха, да и он улыбнулся своей доброй, приятной улыбкой.

«Когда, месяца три спустя, я привез, по поручению Бакунина, его рукопись Герцену на рассмотрение, тот только рукой махнул и заметил, что это чуть ли не десятая попытка Бакунина завербовать его в конспиративные предприятия. Герцен, как и я, не любил политических тай-

---

[1] Это были, повидимому, «Революционный Катехизис» и «Организация» (см. ниже).

ников; с юных лет он имел случай убедиться в их полной несостоятельности.

«В середине июля 1866 г. Бакунин переселился в Казамичиола, на острове Иския, где я его скоро посетил. Мы втроем наняли просторный парусный катер с двумя матросами и предприняли большую зоолого-ботанико-минералогическую экскурсию по берегам залива и его островам...

«После разного рода перипетий, попали мы, наконец, в Искию, маленький городок на острове того же имени, а на другой день я поехал верхом по чрезвычайно живописной дороге в Казамичиола.

«Там жила со своим семейством княгиня Оболенская, рожденная Сумарокова, жена московского гражданского губернатора...

«Княгиня представляла собой странную и только в России возможную смесь барского самодурства и ультра-крайнего радикализма. Впоследствии у нее отняли детей, совершенно произвольно лишили ее крупного наследства; она вышла замуж за фотографа, поляка Мрочковского, поселилась в Ментоне, прижила новое семейство и умерла несколько лет тому назад.

«В Казамичиола она занимала целую половину довольно большой гостиницы и жила совершенно «по-княжески», с своим многочисленным штатом; тут были разноплеменные гувернеры и гувернантки, горничные и лакеи, был даже привезенный из России домашний доктор. В этой среде Бакунин благодушествовал, устраивал прогулки и пикники, всех поучал, всем распоряжался, всем командовал, что не мешало ему писать многочисленные и длинные наставительные письма на разных языках в разные отделы «Всемирного Братства». Все слушали его беспрекословно и благоговели перед ним; он был действительно десятью головами выше окружавшей его среды, да и темперамент его, несмотря на все благодушие, был начальнический».

В Неаполе Бакунин, на-ряду с устной пропагандой в кружке верных, развил и довольно широкую литературную деятельность. Помимо двух нелегальных листков «La Situazione», развивавших анархическую оценку положения в Италии, он составил целый ряд программных набросков, уставов тайного общества, в том числе «Революционный Катехизис» [1] (который послал и Герцену). Кроме того, он написал две серии статей: одну против панславизма, помещенную в газете «Libertà e

---

[1] Его не следует смешивать с «Катехизисом революционера», составленным им впоследствии для Нечаева (о нем см. том третий этой работы).

Giustizia» [1], издававшейся неаполитанскими сторонниками Бакунина в 1867 году [2], а другую — о морали, переведенную на итальянский язык Л. Хассинг и А. Джианнели [3].

Бакунину очень хотелось не мытьем, так катаньем втянуть Герцена в свои тайные конспирации, хотя он сам чувствовал, что дело это безнадежное. Действовал ли он так из действительно глубокого уважения к старому другу или же расчитывал на его денежную поддержку, которая при бедности «Братства» была бы весьма кстати, трудно сказать. Решив печатать второй листок «Situazione» в типографии Чернецкого и опасаясь, что без согласия Герцена и Огарева Чернецкий на это не пойдет, Бакунин 7 мая 1867 г. писал лондонским друзьям: «Что вам за дело, что напечатается в типографии Чернецкого «Ситуация» № 2, которая будет защищать опровержение направления Маццини и Гарибальди еще в сильнейших и яснейших выражениях, чем в первой, при чем будет высказано все должное уважение к двум знаменитым, но ныне для Италии истинно фатальным итальянцам?.. Один только вопрос: кто будет держать корректуру? Не согласишься ли ты, Герцен?» Такими наивными приемами Бакунин, видимо, надеялся привлечь Герцена к своим предприятиям, но согласился ли тот начать свою работу для «Братства», на первый раз хотя бы в качестве корректора, неизвестно.

Повидимому, Герцен, не возражая против печатания прокламации в типографии Чернецкого, просил Бакунина помягче отнестись к «обоим Осипам» (т.-е. Джузеппе Гарибальди и Джузеппе Маццини). Бакунин отвечал ему на это 23 мая:

«Ты напрасно уговариваешь меня щадить Осипов. Во мне чувство исторического пиетета всегда было сильно, и не в мои лета грешить

---

[1] Одновременно существовало в Неаполе и открытое демократическое общество под тем же названием «Свобода и справедливость», которое, вероятно, служило легальным прикрытием для тайного «Братства». От этого общества был делегирован на женевский конгресс Лиги Мира Карл Гамбуцци. Подобно своему учителю, бакунисты сначала предпочитали иметь дело с этой буржуазной Лигой, чем с Интернационалом. — Этими же словами «свобода и справедливость» определяется программа бакунинского общества в «La Situazione», № 1 (см. у Неттлау, стр. 181).

[2] Посылая Герцену проспект этого издания, Бакунин писал ему 8 апреля 1867 г.: «A propos, получил ли ты и читал ли «Ситуационе Италиана», октябрь? Посылаю тебе с сею же почтою программу нового журнала, который скоро появится в Неаполе. Да не испугают тебя немного шарлатанские обещания в конце и преднамеренное упущение социальных вопросов в программе журнала, который по преимуществу будет социальный».

[3] Сообщено у М. Неттлау со слов Джианнелли.

против него мальчишескою дерзостью. Лишь бы только история и прошедшие заслуги, как бы они велики ни были, не становились поперек настоящему делу и будущему. Тогда, извини, со всем должным почтением, но столкнуть с дороги мешающих необходимо. Ты говоришь, что ты, в чем я и сомневаться не мог, теоретически со всеми мыслями согласен, но что, как массы не приготовлены еще к их осуществлению, проповедывать их теперь непрактично. Я на это не согласен. Мысли эти потому и имеют за себя будущее, что они стихийным образом живут и всегда жили в потребностях масс. К ним массы ближе, напр., чем к конституционному либерализму или чем к мацциниевскому республиканизму[1]. Ты сам же на все голоса еще в 1848 году провозглашал, что вне наших идей все другое мертво есть. Не проповедывать же мертвечину, ни даже полу-, ни четверть, ни даже малейшую долю мертвечины. А что идеи наши примутся и, главное, поймутся и осуществятся не вдруг, — это другое дело. Тут надо много, много терпения и выдержки, — увидим ли мы хоть миллионную долю осуществления, будем ли, по крайней мере, довольно счастливы, чтоб умереть, как умер Самсон, — вопросы лично для нас, разумеется, интересные, но если и не увидим, и не будем, что до этого? — лишь бы не прожить совсем даром и оставить по себе хоть какой живой след. Всякий своим путем — ты пером, я знакомством. Разочарований, ошибок, промахов на пройденной дороге было много, но я не пугаюсь так легко неудач и, благодаря постоянству в стремлении, могу сказать, что и утешительных успехов, особливо в последнее время, было достаточно».

Но путь революционного агитатора и организатора не был усеян розами. Местная администрация, при благосклонном содействии агентов русского правительства, обратила на Бакунина свое внимание. В том же письме он сообщал Герцену:

«A propos, кажется, что русское правительство добирается до меня и в отдаленном Неаполе. На-днях я узнал, что здешний префект Marquese Gualterio, архиконсорт и государственный мелкий делец, об'явил Рангоци свое подозрение, что я — главный зачинщик всех движений в Сицилии, именно в Palermo, и вообще в южной Италии, и что я делаю и распространяю фальшивые банковские билеты, покрывшие последние. Нет для меня сомнения, что тут действует рука Киселева, моего старого парижского приятеля, а теперь посланника во Флоренции. Надеюсь все разузнать и сделать во-время должный отпор».

---

[1] Курсив мой.

Об этой же неприятной истории Бакунин пишет Герцену в письме от 23 июня 1867 г.:

«Получил ли ты от Мрочковского копию моего письма к депутату Фанелли? Ты увидишь из него, что неаполитанский префект, маркиз Gualterio, изволил распустить слух во Флоренции, что я будто бы занимаюсь деланием фальшивых итальянских бумажек. Молчать и сидеть сложа руки я не мог и повел это дело по всем правилам, соблюдая классическую осторожность, но вместе с тем с твердым намерением наказать кого следует. (Если) Линьяно [1] откажется дать мне письменное свидетельство, я заведу с ним процесс или вызову на дуэль, бросив на него инфамацию, смотря по обстоятельствам. Если же даст, пристану к Гвалтерио. Подождем и посмотрим; только верно то, что это им не обойдется дешево. Может быть, мне придется оставить Италию. Это будет главным образом зависеть не от Gualterio, а от того, удалось ли Наполеону или нет надуть и опутать нашего Сашеньку II и закупить Шувалова... Итак, существует или нет французско-русский союз, — мне что-то не верится, такой союз значил бы ссора России с Пруссиею, — а если существует, то существует также непременно и итальяно-русский союз, и мне тогда скоро придется оставить Италию, потому что здесь, под видом конституционной свободы, все более и более водворяется привычка полицейского самоуправства».

В письме к Фанелли, датированном 29 мая 1867 г. [2], Бакунин отвергает мысль о том, чтобы префект Гвалтерио, распространяя о нем клеветнические слухи, мог руководиться при этом интересами итальянской политики. «Что общего, — с деланой наивностью спрашивает Бакунин, — может иметь эта политика со мною, бедным и неизвестным иностранным эмигрантом, держащимся в стороне от всех итальянских дел — и по обязанности, и по положению, и по склонностям? Как свободный человек, я имею свое свободное суждение обо всех явлениях, развертывающихся на моих глазах в Италии, как и в других местах, но, оставаясь практически индифферентным по отношению ко всему, что совершается вокруг меня, я никогда и никоим образом не мог помешать работе или задеть честолюбие какой бы то ни было итальянской власти». Значит, у Гвалтерио был какой-то тайный мотив.

---

[1] Проф. Линьяно, приятель Губернатиса, сообщил последнему слух, переданный ему Гвалтерио. Губернатис сначала поверил (!) и выразил Бакунину свое негодование по поводу столь «тяжкого преступления, как убиение страны с помощью фальшивых денег», но потом спохватился и заявил Бакунину, что он уже не верит этой клевете.

[2] Приведено у М. Неттлау, стр. 76—77, 150, 182—184.

Этот мотив Бакунин усматривает в происках царского правительства. Он рассказывает о клевете, пущенной против него Киселевым, тогда русским послом в Париже, а «в настоящее время русским посланником во Флоренции», в связи с его выступлением на польском митинге в ноябре 1847 года. Далее Бакунин сообщает, что незадолго до того в «Варшавском Дневнике» об'явлено было о существовании «общества поджигателей и поддельвателей русских кредитных билетов, к которому принадлежат Герцен и Бакунин», и что «этот неопровержимый факт занесен во всеподданнейший отчет генерал-полицеймейстера». Отсюда Бакунин делает тот вывод, что источником сведений Гвалтерио является русское правительство, желающее опозорить своих политических противников. Гвалтерио же оказался орудием в его руках.

«Что касается меня, — пишет Бакунин, — то моя главная забота это забота о моей чести, которую я готов решительно защищать от всех нападок, каково бы ни было их происхождение и источник. Посвятив всю свою жизнь на служение делу свободы, я думаю, что приобрел право презирать клевету и клеветников. Тем не менее имеются такие дела, которые нельзя обходить презрительным молчанием, не совершая преступления по отношению к самому себе и ко всем своим друзьям». Находя это дело именно таким, Бакунин просит Фанелли прочитать это письмо профессору Линьяно и потребовать от него об'яснения, а затем заявляет о своем намерении потребовать их и от Гвалтерио.

Чем непосредственно закончился этот инцидент, неизвестно. Но весьма возможно, что он послужил одним из толчков, ускоривших переезд Бакунина из Италии в Швейцарию, который состоялся через несколько месяцев после этого.

Одновременно Бакунину приходилось бороться и с клеветниками в самой России. «Голос» А. Краевского (тоже «либеральная» газета!) перепечатал из «Варшавского Дневника» приведенную нами выше выходку относительно общества поджигателей, в котором якобы участвовали Герцен и Бакунин. Герцен ответил на эту выходку заметкою в № 237 «Колокола» от 15 марта 1867 г., в которой между прочим писал: «Порядочные люди не поверят, — до других нам дела нет. Мы уже отвечали Каткову на подобную клевету и звали его на суд, он отлынил. Отлынют и эти мерзавцы. Мы полагаемся на здравый смысл и на общественное мнение и с глубоким презрением смотрим на то, что печатают фельдмаршал Берг, генералы-полицеймейстеры и литературный пристанодержатель Краевский». Не довольствуясь этой замет-

кой, Герцен послал из Флоренции И. С. Аксакову письмо с просьбою поместить его в издаваемой последним «Москве». Аксаков, названный в письме Герцена «честным человеком» и получив от него удостоверение в любви к русскому народу («нас связывает одна общая любовь»!), напечатал письмо Герцена в № 58 «Москвы», снабдив его, впрочем, ехидными комментариями. Замечательно, что Герцен отрицал только свою принадлежность к мифическому обществу поджигателей (и вообще к какому бы то ни было обществу), относительно же Бакунина умалчивал!! Аксаков же указывал, что Герцен якобы собирал в «Колоколе» деньги для польского ржонда, на которые содержались и жандармы-вешатели, и отравители, и поджигатели; что он поддерживал Бакунина, организовавшего экспедицию Лапинского; что он выразил солидарность с поляками и т. д., а потому ответственность ложится в полной мере и на него.

На эти инсинуации И. Аксакова Герцен ответил в № 240 «Колокола» от 1 мая 1867 года большой статьей, где в обычном мягком по отношению к добровольным сотрудникам III Отделения, вроде Аксакова, тоне оправдывался от взводимых на него обвинений. Достаточно сказать, что его статья кончалась уверением в искреннем уважении к Аксакову! Бакунин тоже ответил на доносы жандармских добровольцев, но в совершенно ином духе. Первый проект его ответа был, повидимому, написан еще более резко, но после замечаний Герцена, просившего его (письмом от 29 апреля) «немного уменьшить ругательств», был смягчен. Ответ Бакунина появился в № 241 «Колокола» от 15 мая в виде двух документов: письма к Герцену, датированного 20 апреля 1867 г., и отрывка из письма к издателям «Колокола», датированного 3 мая 1867 года. Эти письма составлены так, как и подобает при разговорах революционера со смертельными врагами трудящихся масс.

В первом письме Бакунин говорит, что он, в отличие от Герцена, не стал бы писать Аксакову, который после Каткова был одним из главных подстрекателей Муравьева-Вешателя. Если бы Герцен не отозвался на полемику, он, Бакунин, тоже не поднял бы голоса, не заботясь о том, что говорят о нем «гг. Скарятины и Краевские, Катковы и Аксаковы (а вот Герцен очень заботился! — *Ю. С.*)... Отвечать им значило бы признавать за ними право на уважение, а я уважения к ним иметь не могу» (Герцен, как мы видели, имел!). Для «порядочных же людей в России» Бакунин считает нужным дать некоторые раз'яснения по поводу своего участия в польских делах.

«Да, я действительно принимал участие в польской неудавшейся экспедиции через Балтийское море, экспедиции, нисколько не затеянной

мною, но мною вполне одобренной... Да, я желал полнейшего успеха последней польской революции и по мере сил готов был содействовать ее торжеству, во-первых, потому, что, хотя программа ее и далеко не соответствовала нашим желаниям и нашим социалистическим убеждениям, и хотя именно вследствие того она изменила собственному народу и вместе с тем повредила делу освобождения соседних народов малорусского и великорусского племени, — эта революция была в отношении к петербургскому государству делом святым и правым; а во-вторых, потому, что ее успех нанес бы ущерб значительный не России, как говорит г. Аксаков, а всероссийской империи. Все же, что наносит ущерб последней и способствует разрушению этой гибельной татаро-немецкой тюрьмы, то клонится непременно к освобождению и к благу заключенных в ней русских народов».

Во втором письме Бакунин отказывается, по примеру Герцена, признать И. Аксакова честным человеком. «Увлеченный тесным, диким и к тому же губительным для России государственным патриотизмом, — говорит Бакунин, — он (И. Аксаков) позабыл все человеческое и сам поставил себя преступником против человечества, преступником против свободы, блага и достоинства России, которые вне и против человечества невозможны. Он принес всю свою нравственную и умственную силу на поддержку государственного преступления, совершенного и совершаемого правительством и его палачами в Польше, и после того не переставал клеветать на Россию, уверяя, что это преступление необходимо для ее спасения».

Вот каким языком Бакунин разговаривал с лакеями царского деспотизма. Герцен на это был решительно неспособен.

6. «Интернациональное Братство» и его программа.

Итак, как мы видели, вместо обещанного участия в работе для международного рабочего движения, воплощавшегося тогда в Интернационале, Бакунин предпочел начать и продолжить организацию тайного союза, навербованного по преимуществу, чтобы не сказать — исключительно, из буржуазной молодежи, в частности из деклассированной интеллигенции. Этому тайному «Братству», которое сам Бакунин считал предшественником будущего широкого Альянса и которое даже носило, по его словам, это название («Альянс») чуть ли не с самого начала, Бакунин отводил чрезвычайно важную роль: быть вдохновителем, инициатором и руководителем грядущей мировой социальной революции. Не более и не менее.

Интернационал при этом совершенно оставлялся Бакуниным в стороне, как нечто несуществующее или в лучшем случае как организация, способная играть лишь подготовительную пропагандистско-агитационную роль среди отсталых масс. Это показывает, насколько он в то время (1864—1868) был еще в плену у буржуазной идеологии, и как мало он понимал сущность и значение новейшего рабочего движения, к которому он до тех пор не имел, впрочем, никакого касательства.

Вот как сам Бакунин рассказывает о своей деятельности, к сожалению не отделяя первой флорентинской попытки от последующей работы в Неаполе и даже в Женеве [1].

«В 1864 (году), в бытность свою в Италии, Бакунин с несколькими итальянскими друзьями своими образовали интимный союз, главным образом для противовеса республиканскому союзу, основанному незадолго перед этим Маццини и имевшему направление богословское и цели исключительно политические [2]. Это первое социалистическое общество в Италии приняло название Союза Социальной Демократии, которое впоследствии, когда немецкие государственные коммунисты придали термину «социальная демократия» компрометирующее доктринарно-государственное значение, было переменено на «Союз социальных революционеров» [3]. Возникнув как утверждение социализма против религиозно-политического догматизма Маццини, Союз поставил в своей программе атеизм, совершенное отрицание всякого авторитета и власти, уничтожение юридического права, отрицание гражданственности, заменяющей в государстве свободную человечность, коллективную собственность; он об'явил труд основанием общественной организации, которая в этой его программе указывалась в виде вольной федерации снизу вверх. В союз, сначала чисто итальянский, вступили вскоре французы и поляки и гораздо позже люди других стран».

Этот сжатый и скупой рассказ Бакунина следует дополнить рассказом З. Ралли, который слышал приводимые ниже подробности от самого Бакунина.

---

[1] Цит. статья в сборнике «Историческое развитие Интернационала».

[2] Это неточно: маццинистский республиканский союз был основан только в 1866 г. До него существовали Falange sacra, которые впоследствии вошли в республиканский союз (часть из них перешла на сторону бакунистов).

[3] Под этим названием (Альянс или Союз Социалистической Демократии) бакунинский Союз открыто выступает только в конце 1868 года. Когда он официально принял название «Альянс Социальных Революционеров», неизвестно. Может быть, на конференции в Цюрихе 11—13 сентября 1872 г. (после Гаагского конгресса).

«В 1864 году, — сообщает Ралли, — когда М. А. покинул Лондон и переселился в Италию [1], заветной его мыслью стало основание тайного интернационального общества, которое соединило бы в один стройный союз всех борющихся за действительное политическое и социальное освобождение человечества; полезность такого союза Бакунин видел в том неоспоримом влиянии, которое имела на пропаганду идей 1848 года на континенте встреча в Лондоне в 1846 году с такими людьми, как Луи-Блан, Ледрю-Роллен, Гарибальди, Маццини, Герцен, Кошут и т. д. [2]. Их прокламации к народам европейским, их взаимная связь, хотя и недолговременная, оказалась крайне полезной для революции 1848 года во всех тех странах, где идеи того времени имели своих пропагандистов.

«На меня самого прокламации, подписанные этими людьми в Лондоне, произвели тогда неизгладимое впечатление», — передавал нам Бакунин. Организовать такой союз из революционных элементов всех наций, взаимно поддерживающих и помогающих друг другу, впервые попробовал Бакунин в Италии, в бытность свою в Тоскане (т.-е. Флоренции. — *Ю. С.*), первая же серьезная попытка совершена была в Неаполе (курсив мой), где М. А. написал даже несколько статей в газете того времени «Libertá e Giustizia».

«— Тогда-то я и написал первый мой проект статутов для Интернационального Братства, — заявлял нам Бакунин и прибавлял при этом всегда: — первыми братьями этого общества были итальянцы, потом испанцы и, наконец, французы и русские [3]; был после и один немец, да и тот нам изменил!.. [4].

---

[1] Рассказ З. Ралли, составленный через много лет после описываемых в нем событий, к сожалению, не свободен от неточностей. Бакунин покинул Лондон для переселения в Италию не в 1864 г., а в конце 1863 года. По-видимому, речь идет о посещении Лондона осенью 1864 года. Впрочем, Бакунин, который, как мы увидим ниже, пытался перед своими молодыми последователями выдать свой Альянс за предшественника Интернационала, мог в разговорах с ними относить возникновение у него мысли об организации Альянса к более раннему времени, чем это имело место в действительности.

[2] Эта фраза несовсем понятна.

[3] Если это указание верно, то оно опровергает рассказ Ришара о том, что Гарридо (испанец), Таландье и Эли Реклю (французы) были завербованы в «Братство» еще в 1864 году. По словам Бакунина, передаваемым Ралли, выходит, что они были привлечены после составления первого проекта статутов в Неаполе, что могло иметь место лишь в конце 1865 или в начале 1866 года. Это лишний раз подтверждает нашу гипотезу о том, что «Братство» было создано Бакуниным не раньше 1865 года, т.-е. бесспорно после основания Интернационала и после свидания Бакунина с Марксом.

[4] Повидимому, речь идет о И. Ф. Беккере.

«Передавая нам историю образования этого общества, М. А. всегда высказывал мнение, что это тайное общество по тождественности своих основных принципов может считаться предшественником (!) Международного Общества Рабочих [1].

А в письме к Герцену и Огареву от 19 июля 1866 г. из Искии, пересланном через княгиню Оболенскую, Бакунин впервые заговаривает с друзьями о своей работе по организации тайного «Братства» и пишет: «Вы упрекали меня в бездействии в то время, когда я был деятельнее, чем когда-нибудь; я говорю об этих трех последних годах. Единым предметом моей деятельности было основание и устройство интернационального революционно-социалистического тайного общества. Зная наперед, что вы, по темпераменту своему и вследствие настоящего направления вашей деятельности, к нему приступить не можете, но, с другой стороны, имея в крепость и в честность ваших характеров веру безусловную, посылаю вам в особенном запечатанном пакете, который вам передаст княгиня, полную программу, изложение начал и организации общества. Оставив в стороне литературные несовершенства этого труда, обратите внимание только на суть дела. Вы найдете много лишних подробностей, но вспомните, что писал я посреди итальянцев, которым, увы, социальные идеи были почти совсем неизвестны. Особенную борьбу приходилось мне выдержать против так называемых национальных страстей и идей; против отвратительнейшей патриотическо-буржуазной реторики, раздуваемой весьма сильно Маццини и Гарибальди. После трехгодовой трудной работы я добился до положительных результатов. Есть у нас друзья в Швеции, в Норвегии, в Дании; есть в Англии, в Бельгии, во Франции, в Испании и в Италии, есть поляки, есть даже и несколько русских. В южной Италии большая часть мацциновских организаций, Falange sacra, перешла в наши руки. Прилагаю тут же короткую программу нашей итальянской национальной организации [2]. В одном послании к своим друзьям в Неаполе и в Сицилии Маццини сделал на меня формальный донос, называя, впрочем, меня il mio illustre amico Michele Bakunin, донос для меня довольно неудоб-
ный, потому что, так как в фалангах Маццини, особливо в Сицилии,

---

[1] Итак, творцом этой легенды является сам Бакунин. Неттлау только пытается итти по его стопам. См. Ралли — «Из моих воспоминаний о Бакунине в сборнике «О Минувшем», Спб., 1909, стр. 310—311.

[2] Какое впечатление произвели на друзей присланные Бакуниным документы (о них ниже), видно из письма его от 7 мая 1867 г., где он пишет: «Отдайте Мрочковскому бумаги, привезенные вам В[ырубовы]м,—организацию общества и [ту], которая вас так скандализировала».

много правительственных агентов, он мог серьезно компрометировать меня. К счастью моему, правительство здесь социального движения еще не понимает и потому не боится и доказывает тем свою немалую глупость, потому что после полнейшего кораблекрушения всех других партий, идей и мотивов, в Италии осталась только одна живая возможная сила: социальная революция. Весь народ, особливо в южной Италии, массами валит к нам, и бедность наша не в материале, а в числе образованных людей, искренних и способных дать форму этому материалу. Труда много, препятствий тьма, отсутствие денежных средств ужасно — и, несмотря на все, несмотря даже на сильную военную диверсию, мы нисколько не унываем, не теряем терпения, терпения же надо много, и хотя медленно, но действительно каждый день подвигаемся вперед. Этого будет достаточно, чтоб об'яснить вам, чем я был занят впродолжение трех лет. Согласный с вами в том, что для успеха дела надо огородить его от всякого постороннего и лишнего и предаться ему исключительно, я занимался только им и абстрагировал себя от всего прочего» [1].

Несмотря на то, что Бакунин вербовал людей в свое Братство довольно неразборчиво (что видно хотя бы на примере Вырубова), вряд ли оно могло быть особенно многочисленным. Кроме небольшой группы итальянцев (Фанелли, Фриша, Гамбуцци, Милети, Туччи, Драмис, ди Лукка, Капоруссо и проч.), входивших одновременно и в итальянское, и в международное Братства, в последнее входили отдельные представители других наций. Из испанцев мы знаем проживавшего тогда в Лондоне старого фурьериста, историка Фернандо Гарридо, издававшего некогда в Испании первую социалистическую газету (в 1846 г.), в конце 60-х годов члена кортесов, который в сущности был демократом с слабой социалистической окраской, интересовался по преимуществу вопросами кооперации и, даже по признанию Неттлау, не разделял революционно-анархических взглядов Бакунина. Из завербованных в первое время (когда Интернациональное Братство существовало еще главным образом в виде проекта, т.-е. в конце 1864 г.) французов можно назвать Альфреда Таландье и братьев Реклю (Эли и Элизе) [2]. Но все они были в то время по преимуществу демократами с весьма слабым налетом

---

[1] Дальше идет полемика с Герценом и Огаревым по поводу их направления и отношения к русским делам, которая изложена нами выше, в главе о разногласиях между Герценом и Бакуниным.

[2] Повторяем, если можно полагаться на свидетельство А. Ришара, который сблизился с Бакуниным лишь в конце 1868 г. и легко мог перепутать даты; см. выше примечание к рассказу Ралли об основании Братства.

социализма и притом, как братья Реклю, людьми, склонными скорее к мирной деятельности [1]. Это, кстати, лишний раз показывает, как широко Бакунин вербовал людей в свой Союз, призванный между тем возглавить мировую революцию и направить ее к «социальной ликвидации». Среди поляков, привлеченных Бакуниным в Братство, мы называли уже В. Мрочковского и Я. Загорского. Кого он имел в виду, говоря о друзьях в Швеции, Норвегии и Дании, сказать трудно: вероятно, это отдельные демократы, с которыми он свел знакомство во время своих поездок в Скандинавию, несомненно элемент случайный и весьма мало общего имевший с анархической ликвидацией государства (о них нигде больше не упоминается).

Наконец, из «нескольких русских» нам известны только кн. Оболенская и Г. Вырубов, люди тоже совершенно случайные и вообще политике чуждые. Других русских, которые могли быть членами Братства, мы среди неаполитанских знакомых Бакунина не знаем.

Таким образом в первое время и Интернациональное Братство было в большинстве своем итальянским. Лишь постепенно Бакунин

---

[1] Эли Реклю (1827—1904) сам рассказывал Максу Неттлау, как он смотрел на Международное Братство: по его мнению, было полезно, чтобы «передовые люди» разных стран знали друг друга и поддерживали между собою сношения; Бакунин же хотел превратить Братство в руководителя движениями (какими?!), с чем он, Реклю, не был согласен, вследствие чего он отошел от Братства, но сохранил личные дружеские отношения с Бакуниным. Этот рассказ весьма характерен.

С младшим братом, Элизе Реклю (1830—1905), впоследствии знаменитым географом, Бакунин до 1873 г. не был лично знаком, так что завербовал его в Братство, повидимому, заочно. В одной неопубликованной рукописи 1871 г., трактующей о Маццини, Бакунин следующим образом отзывается о братьях Реклю: «Братья Реклю — двое ученых и вместе с тем скромнейших, благороднейших, бескорыстнейших, чистейших людей, самым решительным образом преданных своим принципам... Это по преимуществу люди долга, и они выполнили свой долг до конца. Оба они служили Коммуне... Согласные в принципах, мы часто, почти всегда расходились по вопросу о реализации принципов. Они... по крайней мере, два года тому назад (т.-е. в 1869 году, после пребывания в Братстве! — *Ю. С.*), верили в возможность примирения интересов буржуазии с законными требованиями пролетариата. Они, подобно Маццини, также полагали, что пролетариат должен подать руку радикальной буржуазии для совершения сначала чисто политической революции, для того, чтобы затем, с помощью этой самой буржуазии, притти к экономическим и социальным реформам». Это не мешало ему привлекать таких людей к участию в организации, которой он ставил самые революционные задачи. В частности Элизе Реклю примкнул к анархизму в собственном смысле лишь в середине 70-х годов, но и после того оставался лишь его гуманизирующим теоретиком.

с помощью переписки (из которой до нас дошла ничтожная часть) и посылки делегатов (нам известна поездка Мрочковского в 1866 году) [1] сумел привлечь к Братству и представителей других наций, кроме итальянцев (напр., француза Аристида Рея). Особенно же, как мы увидим ниже, расширилась неитальянская часть Братства после переезда Бакунина в Швейцарию, что, между прочим, показывает, насколько эта искусственная организация связана была с личностью Бакунина. И только с основанием открытого «Альянса Социалистической Демократии» после разрыва бакунистов с Лигой Мира в сентябре 1868 года, созданный им тайный Союз, сохранивший свое существование с измененным составом, приобретает действительно интернациональный характер, хотя нужно отметить, что немцев (кроме случайных и кратковременных приобретений) и англичан [2] Бакунину в Альянс так и не удалось привлечь.

По поручению Братства или Бакунина Мрочковский ездил из Неаполя во Францию и Бельгию для вербовки новых членов в Интернациональное Братство. Во время этой поездки, в общем не давшей значительных результатов, удалось привлечь в состав «Братства» проф. Эмиля Фохта в Берне (опять-таки буржуазный демократ!) и молодого бельгийского социалиста, которому суждено было впоследствии сыграть крупную роль в истории международного рабочего движения, Цезаря де-Папа. Но и он в то время держался довольно умеренных взгля-

---

[1] Неттлау (стр. 208) не решается положительно сказать, была ли совершена эта поездка Мрочковским в 1865 или 1867 году. Мы думаем, что она имела место в 1866 году, судя по письму Бакунина от 12 июня 1866 г. к какому-то члену Братства «Жерому». Правда, Бакунин не называет здесь подателя письма, но весьма вероятно, что это был именно Мрочковский. Как показывает отрывок письма Бакунина к неизвестному от 6 января 1867 г., приведенный у Неттлау на стр. 208, имели место и другие поездки с тою же целью.

[2] М. Сажин («Первое знакомство с М. А. Бакуниным» в № 5/26 «Каторги и Ссылки» за 1926 год, стр. 16) рассказывает, что, когда он уезжал в 1870 году из Женевы в Лондон, Бакунин просил его «найти среди английских рабочих только одного такого человека, который вполне «уверовал бы в нашу программу, в наш способ действий», словом, чтобы был человеком, вполне солидарным во всем с нами». Он говорил, что достаточно найти такого человека и связаться с ним, чтобы через него вести дальнейшую революционную работу, но в то же время прибавлял, что это очень трудно, потому что «английские рабочие верят исключительно в мирный путь решения социального вопроса, они — не революционеры в нашем смысле». Этот совет найти хотя бы «одного» подходящего человека в Лондоне, где действовал Генеральный Совет Интернационала, звучит несколько комично. Но и одного такого человека там не нашлось.

дов, находясь в стадии перехода от мютюэлизма к коллективизму, и, подобно другим бельгийским социалистам, понимал значение массового движения и не питал особенной симпатии к тайным конспирациям небольших групп. Не говоря уже о проф. Э. Фохте, и Ц. де-Пап был, повидимому, недолгим гостем в бакунинском «Братстве» [1].

Во время этой поездки Мрочковского Бакунин переслал с ним следующее, нигде неопубликованное письмо, датированное 12 июня 1866 г.:

«Брату Жерому.

«Достопочтенный друг и брат,

«Согласно Вашему обещанию мы в прошлом году ждали Вас долго, но тщетно. С той поры мы не переставали работать в известном Вам смысле, и мы считаем себя вправе сказать, что мы не теряли времени и не трудились напрасно.

«Брат и друг, который лично передаст Вам это письмо, даст Вам прочесть много вещей, к которым Вы несомненно отнесетесь сочувственно, и изложит Вам подробности, которые Вы пожелаете узнать о нашей работе. Мы рекомендуем его Вашему доверию. Он явится к Вам, облеченный важной миссией. Мы снабдили его тем, чем могли, для покрытия расходов по поездке, предпринятой в интересах общества, и надеемся, что Вы и другие наши друзья не откажетесь прибавить сюда несколько сот франков, чтобы дать ему возможность целиком выполнить свою задачу. Кроме того, мы просим Вас, дорогой и уважаемый друг, тайно отпечатать на Ваш счет наш устав, копию которого он Вам везет, после того как она будет просмотрена и исправлена нашими друзьями только в литературном и грамматическом отношении. Но прежде всего мы хотим знать, сохраняете ли Вы намерение участвовать в (тайном) [2] обществе, которое, по нашему твердому убеждению, про-

---

[1] В брюссельской «Economie Sociale» от 1 августа 1876 г. был помещен некролог Бакунина, принадлежащий, возможно, перу де-Папа. Там сказано, что теория «ан-архии» (тогда так писалось), вероятно, не привела бы к расколу Интернационала, если бы Бакунин, этот ультра-автономист, не вздумал «создать в недрах Международного Товарищества Рабочих инициативную группу, которая неизбежно, в силу вещей, должна была превратиться в руководящую группу, в своего рода правящий класс, как теперь выражаются». Признавая это промахом Бакунина, автор некролога считает нужным прибавить, что основывая Альянс социальных революционеров, Бакунин и его сторонники думали этим обеспечить торжество социальной революции. Но давно известно, что добрыми намерениями устлана дорога в ад.

[2] В имеющейся у нас копии это слово написано неполностью: le... Наверное в оригинале стоит не le, а se, и все слово читается: secrète.

дуктивно послужит делу революции. Как только мы получим от Вас новое подтверждение, мы совместно с Вами обсудим вопрос о финансовых средствах, без которых продуктивная работа невозможна. Каждый из нас взял на себя обязанность пожертвовать частью своего времени, состояния и имущества для торжества нашего дела, и мы уверены, глубокоуважаемый друг, что Вы, наш старый ветеран социальной революции, друг Буонаротти и Прудона, подадите пример нам всем.

«Я поручил подателю сего письма откровенно изложить Вам наше положение, наши надежды и наши пожелания.

«Я счастлив, что мне довелось пожать руку Прудона за несколько месяцев до его смерти.

«Привет и братство.

«М. Бакунин» [1].

Мы видим, что состав интернационального бакунинского общества был немногочисленным и политически крайне неоднородным, притом в большинстве скорее буржуазно-демократическим, чем социалистическим; социалистическим же он был постольку, поскольку в то время каждый демократ, настроенный более или менее гуманитарно, склонный к некоторым реформам в пользу трудящихся и т. п., готов был считать себя и другими считался «социалистом». Мы видели, что даже с революционной точки зрения, не говоря уже о социалистической, значительная часть названных нами членов Братства оставляла желать многого, так как иные из них настроены были весьма мирно, не верили в революционные пути, другие относились скептически к тайным обществам, принимая в них, однако, зачем-то участие, и т. п. Нечего и говорить, что никто из них, в том числе и сам первосвященник тайного Братства, не понимал исторической миссии пролетариата и не рассма-

---

[1] Кому могло быть адресовано это письмо? Если оно было послано французу, то таковым мог быть только Распайль (1794—1878). Среди тогдашних французских социалистов он один мог быть назван «другом Буонаротти и Прудона». Буонаротти умер в 1837 году. В начале 30-х годов Распайль стоял близко к кружку республиканцев, группировавшихся вокруг старого бабувиста (см. Вейль — «История республиканской партии во Франции», стр. 42—43). С Прудоном он сидел вместе в тюрьме в 1852 году, после государственного переворота. Среди рабочих он был популярен и на выборах 1869 г. в Лионе прошел против Жюля Фавра. К Интернационалу он не примыкал и в рассматриваемое время был политическим одиночкой — категория, из которой Бакунин охотно вербовал членов своего Братства. Если наше предположение верно, то выходит, что Распайль, по крайней мере, втечение некоторого времени (1865—1866), был членом бакунинского тайного общества, что до сих пор не было известно.

тривал своей деятельности как часть международного рабочего движения.

Это наличие чисто буржуазных настроений и стремлений, в частности национальных, давало себя чувствовать даже и среди сравнительно лучшей (если не в социалистическом, то в боевом, революционном смысле) части бакунинского Союза, а именно итальянской. Здесь имелись элементы, уже побывавшие в революционных боях и готовые во всякое время снова ринуться в огонь, и хотя почти все они вышли из националистических движений гарибальдийства и маццинизма, но порвали с ними только ввиду их умеренности и склонности к компромиссам, особенно сильной в гарибальдийском лагере. Однако, порвав с ограниченностью гарибальдийского и маццинневского национализма, многие из них, по крайней мере на время, в душе остались такими же националистами, только более последовательными, решительными и готовыми на крайние средства борьбы. А так как программа радикального итальянского национализма не была в тот момент еще полностью осуществлена, об'единение Италии не было доведено до конца, Венецианская область и Рим не были еще воссоединены с итальянским отечеством, а республика осталась нереализованным идеалом, то в критическую минуту можно было ожидать даже среди примкнувших к Бакунину якобы «анархических» элементов отрыжки старых националистических увлечений. Так оно и случилось.

Так, когда вспыхнула австро-прусская война 1866 г., живо интересовавшая Италию, часть бакунинских организаций была охвачена националистическим порывом. Под влиянием патриотического угара «братья» Палермо в июле 1866 года откололись от обще-итальянской организации. Три видных члена Братства, Фанелли, Гамбуцци и Милети, находились с Гарибальди в Тироле. Проводить в этом патриотическом походе идеи Братства оказалось слишком трудным, и в результате их пришлось оттуда отозвать.

Когда Гарибальди решил, наконец, выйти из долгого бездействия и двинуться в поход, «братчиков», якобы принявших воззрения Бакунина, нельзя было удержать от присоединения к генералу. И сам великий учитель, теоретически их осуждавший, лично и частным образом находил их поведение понятным. В них проснулись старые гарибальдийцы, националисты и патриоты, то, что теперь назвали бы «революционными оборонцами».

То же самое повторилось и во время римского похода Гарибальди осенью 1867 года. Бакунистов снова охватил порыв к «деятельности», к военно-национальному выступлению, и мудрый учитель проявил

оппортунистическую готовность считаться с этим порывом. Ведь это было не так преступно, как проведение рабочих кандидатур на выборах [1] или, что еще хуже, захват власти рабочим классом в интересах социальной революции! «Поступайте так, — писал он 12 октября 1867 г. своему другу Гамбуцци, — как вам подскажет ваш добрый гений, но посреди хаоса и шума, произведенного новыми событиями, не забывайте о нашем Альянсе, который должен пережить их». А 25 октября он писал Гамбуцци и Фанелли: «А теперь, дорогие друзья, мой совет таков: если только Гарибальди, признав в конце концов, что с 1858 года он шел по ложному пути, и доведенный до крайнего негодования всеми окружающими его грязными интригами, не решится, наконец, водрузить знамя революции без условий, оговорок и фраз, на что я не считаю его способным, то воздержитесь и решительно откажитесь от всякого сотрудничества (с ним)» [2]. Дальше воздержания от явно монархического и националистического движения он тогда еще не шел. Лозунг превращения внешней войны в войну гражданскую был ему еще чужд. А окружавшие его ученики совсем до этого не доросли. И это несмотря на то, что на бумаге они признавали самые крайние лозунги, а программа Братства была уже тогда в достаточной мере проникнута анархическим духом и провозглашала чуть ли не все формы «социальной ликвидации».

Эта п р о г р а м м а сформулирована была в ряде документов, составленных Бакуниным или исключительно, или в сотрудничестве

---

[1] Замечательно, что Бакунин, считавший участие социалистов в парламентской деятельности и даже в избирательных кампаниях величайшим обманом пролетариата и изменою социальной революции, насколько мы знаем, никогда не ставил в упрек членам своего анархического Союза, Фанелли и Фриша, их долголетнего пребывания в буржуазном парламенте, где они, кстати, для социализма не делали ровно ничего. Гильом, чувствуя, что этот факт как-то не вяжется с анархистской чистотой, пытается отмахнуться от него следующей бессодержательной фразой: «Избранный в депутаты в 1861 г. и остававшийся членом итальянского парламента вплоть до самой своей смерти (т.-е. в течение 25 лет! — *Ю. С.*), он (Фриша) — подобно своему другу Джузеппе Фанелли — был оригинальным парламентарием, никогда не принимавшим палату всерьез (?), и постоянно вотировал против всех министров» (B a k o u n i n e — «Oeuvres», т. VI, стр. 100). Более чем слабо! Когда коммунисты посылают своих представителей в буржуазный парламент, то делают это не для шуток, а для борьбы с классом капиталистов и с их государством, в интересах воспитания и организации пролетарских масс.

[2] N e t t l a u — «Bakunin und die Internationale in Italien», в «Архиве» Грюнберга, 1912, стр. 284 и след.

с ближайшими итальянскими друзьями. Сюда относятся: рукописи «Организация» и «Революционный Катехизис» на французском языке, несомненно принадлежащие лично Бакунину, трактующие о задачах Интернационального Братства и относящиеся к весне 1866 года, а также печатные «Программа итальянской социально-демократической революции» и относящийся сюда же «Устав легионеров итальянской социальной революции» на итальянском языке, составленные если и не самим Бакуниным, то при его ближайшем участии и под его прямым влиянием, и относящиеся приблизительно к тому же времени [1].

Из них основным документом является на наш взгляд «Революционный Катехизис», излагающий цель тайного общества и положенные в его основу начала. Цель эта определяется как торжество революционного принципа в мировом масштабе, следовательно — радикальное разрушение всех существующих ныне религиозных, политических, экономических и социальных учреждений и переустройство сначала европейского, а затем и всемирного общества на основах свободы, разума, справедливости и труда. Такая задача не может быть разрешена в короткий срок. Поэтому ассоциация (т.-е. Братство, Альянс) создается на неопределенное время и прекратит свое существование лишь тогда, когда осуществление ее принципа во всем мире сделает ее излишней.

Далее «Катехизис» переходит к установлению основных начал общества. Сюда относится: отрицание существования личного бога и отмена религиозного культа; замена этого культа уважением и любовью к человечеству, чем утверждается человеческий разум в качестве единственного критерия истины, а человеческая совесть как основа справедливости; полная свобода человеческой личности, осуществимая лишь в условиях всеобщего равенства; абсолютное исключение всякого принципа авторитета и государственного интереса (raison d'état).

«Человеческое общество, которое первоначально было естественным явлением, предшествовавшим свободе и пробуждению человеческой мысли, а позднее стало явлением религиозным, построенным на принципе божеского и человеческого авторитета, ныне должно перестроиться на основе свободы, которая отныне должна стать единственным обра-

---

[1] Все эти документы подробно изложены Неттлау в его биографии Бакунина, ч. II, стр. 204—233, а затем почти полностью напечатаны в третьем томе немецкого издания сочинений Бакунина; см. также Giovanni Domanico — «L'Internazionale», т. I, Firenze, 1911, приложения, стр. 184—192.

зующим началом его политической и экономической организации. Общественный порядок должен быть результатом максимального развития всех местных, коллективных и индивидуальных свобод». Следовательно, политическая и экономическая организация общественной жизни должна строиться не так, как теперь, сверху вниз и от центра к периферии, по принципу принудительного единства и централизации, а снизу вверх и от периферии к центру, по принципу вольной ассоциации и федерации.

Переходя к вопросу о политической организации, «Катехизис» устанавливает основные условия, вне которых немыслимо осуществление свободы. Такими непременными условиями являются: отмена официальной религии и покровительствуемой или поддерживаемой государством церкви; уничтожение монархии и установление республики; уничтожение классов [1], чинов, привилегий и отличий; полное равенство политических прав для лиц обоего пола и всеобщее избирательное право; «уничтожение, распущение и моральное, политическое, судебное, бюрократическое и финансовое банкротство опекунского, трансцендентного и централистского государства, этого двойника церкви и, в качестве такового, перманентного источника обнищания, одурманивания и порабощения народов»: отсюда — закрытие государственных университетов с передачей дела народного просвещения коммунам и свободным обществам; роспуск государственной магистратуры с установлением выборности судей народом; отмена существующих уголовных и гражданских кодексов, проникнутых культом церкви, государства, частной собственности и семьи; закрытие банков и всех других учреждений государственного кредита; отмена всякой центральной администрации, бюрократии, постоянных армий и государственной полиции; избрание всех чиновников народом; права личности: воспитание на общественный счет до совершеннолетия, общественная помощь и совет в начале самостоятельной жизни, а по достижении совершеннолетия — полная и неограниченная свобода передвижения, гласного исповедания своих убеждений, лени или активности, нравственности или безнравственности; «полная свобода союзов, даже тех, которые по своим целям являются или кажутся безнравственными, и даже тех, которые ставят себе целью развращение и [разрушение] личной и общественной свободы», ибо «свобода может и должна защищаться только свободой» [2],

[1] Судя по общему контексту, здесь слово «классы» употребляется, по-видимому, в смысле сословий.

[2] Впрочем, испугавшись, до чего может довести его анархическая логика, автор «Катехизиса» спохватывается и дальше раз'ясняет, что общество от-

репрессивные же меры лишь усиливают зло; отмена смертной казни и бессрочных или унизительных наказаний.

«Катехизис» довольно подробно останавливается на праве ассоциации. Рабочие ассоциации («Катехизис» прибавляет: «кооперативные», но тогда под этим термином разумелись не только потребительные товарищества, как теперь) представляют новое историческое явление, которому предстоит серьезное будущее. «Возможно и даже весьма вероятно, что, перешагнув через пределы коммун, провинций и даже современных государств, они вызовут когда-нибудь к жизни новые формы человеческого общества, которое будет тогда делиться не на нации, а на различные промышленные группы, организованные согласно потребностям не политики, а производства». Сейчас можно лишь установить принцип неограниченного права граждан об'единяться в ассоциации всякого характера, в том числе преступного и безнравственного.

Переходя к формам государственной [1] организации, «Катехизис» устанавливает, что базисом политического устройства должна быть абсолютно автономная коммуна, в жизнь и действия которой никакая власть не вправе вмешиваться, но чтобы войти в провинциальную федерацию, она должна согласовать свою хартию (конституцию) с провинциальной и добиться ее санкции в парламенте этой провинции [2]. Провинция же есть не что иное, как вольная

нюдь не должно оставаться безоружным против паразитических или преступных личностей. Бездельников оно может лишить политических прав до тех пор, пока они не начнут жить собственным трудом; равным образом оно может лишать политических прав и тех граждан, которые добровольно приняли на себя рабские обязанности. А лица, лишенные политических прав, теряют право держать при себе и воспитывать детей. Более того, «в случае невыполнения добровольно принятого на себя обязательства или в случае... покушения на собственность, личность и в особенности на свободу (другого лица), общество налагает на виновного... наказание, установленное законом». Итак, в идеальном анархическом обществе остаются политические права и лишение их, собственность и кара за ее нарушение, наконец, закон. Словом, элемент государственного авторитета и репрессий, изгнанный в дверь, возвращается через окно (впрочем, по теории «Катехизиса», всякий осужденный может заявить, что не желает подчиниться наказанию и выйти из общества, которое взамен лишает его защиты и покровительства).

[1] Следует заметить, что в этом произведении Бакунина государство, хотя и в сильно демократизированной форме, все же сохраняется.

[2] Все содержание этой части «Катехизиса» показывает, что она составлялась под влиянием итальянской обстановки.

федерация автономных коммун. А нация есть федерация автономных провинций. Опять-таки, национальный парламент стоит выше провинциальных, за которыми он оставляет регулирование лишь второстепенных вопросов (что провинциальный парламент делает в свою очередь по отношению к коммунам).

Интернациональная федерация включает все нации, об'единенные на вышеуказанных основаниях. Весьма желательно, чтобы в момент революции нации, стремящиеся к народному освобождению, образовали постоянный тесный союз против коалиции реакционных стран. Это будет на первых порах неполная федерация, как бы зародыш грядущей всемирной федерации народов. Интернациональная федерация революционных народов с международным парламентом, трибуналом и распорядительным комитетом строится на тех же революционных принципах.

Каждая страна, каждая нация, каждый народ, малый или великий, слабый или сильный, каждая область, провинция и коммуна в праве свободно располагать своей судьбой, об'единяться и выходить из союза, совершенно не считаясь с так называемым историческим правом и политическими, коммерческими или стратегическими нуждами государства. Решительно отвергается историческое право, право завоеваний, политика расширения, славы и могущества государства; величие и слава нации заключаются исключительно в развитии ее человечности. Устанавливается полная свобода торговли, сношений и сообщений между входящими в федерацию странами, при чем каждый гражданин одной из этих стран пользуется гражданскими и политическими правами в остальных. Постоянные армии упраздняются, при чем в каждой стране вооруженные силы должны быть организованы по коммунам и провинциям (т.-е. по территориальному принципу). Эта неполная интернациональная революционная федерация всегда будет открыта для народов, которые пожелают позднее вступить в нее на основе принципов революционной солидарности и действия.

Наконец, «Катехизис» переходит к социальной организации.

Без политического равенства нет действительной политической свободы, но это политическое равенство возможно только при равенстве экономическом и социальном. Равенство и справедливость, не касаясь естественных различий, требуют такой общественной организации, при которой каждый человек с момента рождения находит во всем том, что зависит не от природы, а от общества, одинаковые условия для своего развития до зрелого воз-

раста — сначала в отношении воспитания и образования, а позднее в отношении применения своих сил в области труда. Такое равенство невозможно при наличии права наследования [1]. С его отменою естественное неравенство людей постепенно будет уменьшаться под влиянием воспитания и общественной системы.

Труд — это основа человеческого достоинства и права. Всякий член общества обязан трудиться. Революция 1789 года провозгласила только юридическую реабилитацию и свободу труда, униженного представлениями античного и христианского мира. Но до сих пор осталась привилегия умственного труда, являющаяся фактически привилегиею капитала. Поэтому необходимо, чтобы несправедливое соотношение между трудом умственным и физическим было уничтожено. Сознательный и свободный труд неизбежно будет трудом ассоциированным. Хотя ассоциация будет свободной, но не подлежит сомнению, что за ничтожными исключениями ассоциация будет охватывать главные отрасли труда просто в силу большей своей производительности и выгодности. Освобожденный, обобществленный и планомерно организованный человеческий труд переродит весь мир.

Земля со всеми своими естественными богатствами составляет общую собственность, но владеть ею может лишь тот, кто ее обрабатывает.

«Катехизис» требует полного политического и социального уравнения женщины с мужчиной и замены легальной семьи, религиозно-юридического брака браком свободным. Дети до достижения совершеннолетия находятся под опекою родителей и общества, а затем становятся абсолютно свободными. Старцы, инвалиды, больные, окруженные уважением и заботой, пользуются всеми политическими и социальными правами, уходом и содержанием за общественный счет.

В последнем разделе «Революционная политика» выражается твердое убеждение в том, что эпоха разрозненных революций прошла. «Отныне в Европе, как и во всем цивилизованном мире, не будет больше отдельных революций, а будет лишь одна всемирная революция, подобно тому как существует одна только мировая и европейская реакция». Поэтому священному союзу мировой реакции, опирающемуся на колоссальные технические и финансовые средства

---

[1] Бакунин останавливается здесь подробно на этом вопросе, всегда сильно его занимавшем, как мы увидим дальше (в частности на Базельском конгрессе Интернационала).

современной цивилизации, должны быть противопоставлены союз и солидарное выступление всех народов цивилизованного мира. Изолированные революционные попытки при таких условиях были бы преступлением против данного народа и против всех других народов. Но для того, чтобы народ поднялся во имя общемировых задач, он должен иметь достаточно широкую и глубокую программу, способную обнять все интересы и наэлектризовать страсти всех народных масс Европы без различия национальностей. Таковою может быть только п р о г р а м м а с о ц и а л ь н о - д е м о к р а т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и.

И рукопись кончается определением задач этой революции.

«Цель социально-демократической революции может быть определена в двух словах:

«П о л и т и ч е с к и: это — отмена исторического права, права завоеваний и дипломатического права; это — полное освобождение личности и ассоциации от ига божеского и человеческого авторитета, абсолютное расторжение всех насильственных союзов и об'единений коммун в провинции, провинций и завоеванных стран в государство; наконец, это — радикальное упразднение централистского, опекунского, авторитарного государства со всеми его военными, бюрократическими, правительственными, административными, судебными и гражданскими установлениями; это, одним словом, возвращение свободы всем лицам и коллективам, ассоциациям, коммунам, провинциям, областям и нациям и взаимная гарантия этой свободы посредством федерации.

«С о ц и а л ь н о: это — подкрепление политического равенства равенством экономическим; это — начало жизненного пути для каждого, равенство исходного пункта, равенство не естественное, а социальное, т.-е. равенство средств иждивения, воспитания и образования для каждого ребенка мужского или женского пола до их совершеннолетия».

Таков этот документ, который в свое время так «скандализировал» Герцена и Огарева (вероятно, в связи с другим документом об «Организации», о котором мы сейчас будем говорить). Собственно говоря, ничего особенно «скандализирующего», если не считать бесконечных повторений «страшных слов» вроде «уничтожение», «распущение», «разрушение» и т. д. с прибавлением подкрепляющих эпитетов вроде «полное», «окончательное», «абсолютное», и признания свободы организаций, ставящих себе безнравственные и противообщественные цели, в этом документе нет. Он, за некоторыми из'ятиями, излагает общепринятые в социалистическом мире принципы и начала, и только либеральному представлению Герцена и, тогда еще шедшего с ним, Огарева

это могло показаться чем-то необычным[1]. Но для нас он интересен с совсем другой стороны.

Можно ли назвать этот документ действительно выражающим анархическую систему Бакунина в окончательной форме, как склонен полагать М. Неттлау? Мы этого не думаем. «Революционный Катехизис» даже по тем кратким извлечениям, которые мы из него привели, представляется скорее памятником переходной эпохи от демократизма к чистому анархизму. Не говоря уже о том, что там допускается собственность (при чем не выражено ясно, что речь идет только о предметах личного потребления) и наказание за нарушение ее прав, там сохраняется и государственный элемент с политическими правами, всеобщим избирательным правом, парламентами, трибуналами и законами, правда, весьма демократическими, радикально реформированными, но все же весьма мало отвечающими настоящему анархическому идеалу и впоследствии у Бакунина исчезающими окончательно. Проект политической и социальной организации, изложенный в «Революционном Катехизисе», скорее напоминает революционный строй переходного от капитализма к социализму периода, например, советского режима, который, впрочем, далеко оставляет за собою тогдашний бакунинский идеал своею большею разработанностью, определенностью и приспособленностью к интересам обороны социальной революции от возвратных покушений капиталистической реакции.

К «Революционному Катехизису» непосредственно примыкает второй основной документ. Если «Катехизис» устанавливал цели и программу тайного общества, то вторая рукопись говорила об его организации, о правах, обязанностях и качествах его членов и об их взаимоотношениях. Это и есть «Организация», посланная Герцену одновременно с «Революционным Катехизисом» и, вероятно, больше смутившая его, чем первый. Исторически этот документ представляется даже более значительным, по крайней мере, в одном отношении — с точки зрения той роли, которую сыграли развитые в нем принципы организационного строительства в истории Интернационала. Если, с одной стороны, началам, содержащимся в «Революционном Катехизисе», суждено было более длительное существование, ибо в исправленном и дополненном виде они и посейчас лежат в основе анархического мировоззрения, тогда как тайная организация в том виде, какой она

---

[1] Герцена, судя по его письмам к Огареву, особенно смутил пункт об упразднении узаконенной государством мещанской семьи и о воспитании детей. Но это совсем напрасно.

имела в бакунинском Альянсе, после того, насколько мы знаем, не возрождалась, то, с другой стороны, как в свое время указал де-Пап, анархическая теория сама по себе не сыграла бы такой пагубной роли в истории Международного Товарищества Рабочих, какую сыграла в ней тайная бакунинская организация, претендовавшая, неизвестно на каком основании, на роль руководителя мировой революции, впоследствии работавшая тайком в недрах Интернационала и себя ему противополагавшая.

«Интернациональное тайное общество, — так начинается документ «Организация» [1], — составляется из двух различных организаций: I. Интернациональная семья в тесном смысле и II. Национальные семьи». Последние действуют под руководством «братьев», составляющих интернациональную семью.

Последняя является таким образом главной силой, верхушкой тайного бакунинского Альянса, тем могучим рычагом, который должен подготовить и вызвать мировую революцию и руководить ею. Понятно, что к членам ее пред'являются исключительные требования в политическом и моральном смысле [2]. По словам документа, составленная из действительных и почетных членов, эта интернациональная семья «является основой, на которой будет покоиться все наше великое революционное предприятие. Успех его будет таким образом зависеть главным образом от удачного подбора интернациональных братьев».

Какие же качества требуются для вступления в это святая святых бакунинской организации? «Помимо общих качеств, обязательных для серьезного и порядочного революционера, как-то: добросовестности, мужества, благоразумия, сдержанности, постоянства, твердости, решимости, безграничной преданности, отсутствия личного тщеславия и честолюбия, ума и практичности, нужно еще, чтобы кандидат воспринял сердцем, волей и разумом все основные принципы нашего Революционного Катехизиса». Он должен быть атеистом, врагом авторитарного принципа, возлюбить паче всего свободу, равенство и справедливость,

---

[1] Этот документ представляет первый устав Интернационального Братства», впоследствии (в 1868—1869 г.г.) несколько видоизмененный и приспособленный к расширенному Альянсу.

[2] На самом деле, как мы уже знаем и еще увидим, Бакунин нередко вербовал в свое Интернациональное Братство самых неподходящих, иногда буквально с бору да с сосенки взятых людей, морально неустойчивых или совершенно чуждых не только революционно-социалистической, но и всякой другой политике.

быть федералистом, признавать право на самоопределение за всякой нацией, областью, ассоциацией и личностью, быть последовательным социалистом и революционером. Он должен сознавать, что революция, направленная к уничтожению всех привилегий, монополий и существующего правопорядка, натолкнется на сопротивление всех богачей и власть имущих, но зато найдет поддержку в народе и интеллигентной молодежи, хотя и принадлежащей по своему положению к привилегированным классам, но по убеждению примкнувшей к народному делу. Он должен понимать, что социальная революция, поддерживаемая и организуемая в значительной мере этой молодежью, будет осуществлена в конечном счете только народом, и что всякая революция, совершающаяся вне народных масс, неизбежно обращается против народа и становится контр-революционной; поэтому, признавая роковой ошибкой или недостойным обманом всякое второстепенное движение, не имеющее непосредственной и прямой целью политическое и социальное освобождение трудящихся классов, т.-е. народа, будучи врагом всяких компромиссов и невозможного отныне примирения и обманчивой коалиции с теми, кто в силу своих интересов является естественным врагом народа, он должен видеть спасение своей страны и всего мира в одной лишь социальной революции, которая неизбежно примет общеевропейский и мировой характер; что при этом мир разделится на два лагеря, между которыми пойдет война на истребление, и что социальная революция не сложит оружия, прежде чем не разрушит все государства и все старые религиозные, политические и экономические установления, при чем необходимо будет выбрать первоначально подходящую почву, где она сможет выдержать первый натиск реакции, после чего, распространяясь дальше, она не преминет восторжествовать над всеми своими врагами, федерализуя и об'единяя в один мощный союз все охваченные ею страны. И он должен помнить, что элементы социальной революции уже сейчас широко рассеяны почти во всех странах Европы, и что для превращения их в действительную силу требуется лишь согласовать и сконцентрировать их; что это должно быть делом серьезных революционеров всех стран, об'единенных в общество одновременно открытое и тайное [1], ставящее себе двоякую цель: расширить революционную почву и вместе с тем подготовить единообразное и одновременное движение во всех странах, где движение окажется на первых порах воз-

---

[1] Вот когда еще была высказана эта мысль, впоследствии сыгравшая такую роковую роль в истории Интернационала.

можным, посредством тайного сговора наиболее сознательных революционеров всех стран.

Но понимания всего этого мало. Необходимо, чтобы кандидат в интернациональные братья обладал революционною страстью, чтобы он готов был отдать все свои силы и пожертвовать всеми своими интересами делу борьбы за свободу и справедливость, чтобы он поклялся в верности тайному обществу и сознал необходимость строгой дисциплины.

Далее следует раздел об обязанностях интернациональных братьев по отношению к тайному обществу. Сюда относятся обязанности: всегда служить делу социальной федералистической мировой революции в духе «Революционного Катехизиса» и средствами, предуказанными Интернациональными Советами; быть правдивым и откровенным по отношению к обществу и Интернациональному Совету, к которому сам «брат» принадлежит; использовать свое социальное положение в интересах общества и не менять его без разрешения Национального Совета; занимать посты в магистратуре, церкви [1], правительстве, равно как вступать в какое-либо тайное общество только с формального разрешения Директории Интернационального Совета; «проявлять добросовестное и беспрекословное (absolue) повиновение своим непосредственным начальникам» [2]; уплачивать прогрессивный налог, а богатые члены — вносить крупные добровольные пожертвования [3].

Далее следуют разделы «Взаимные обязанности интернациональных братьев» и «Права и обязанности интернациональных братьев».

Почетными братьями (т.-е. членами-соревнователями) являются выдающиеся люди, в том числе «располагающие крупным состоянием», теоретически сочувствующие целям общества, но по разным соображениям не могущие всецело отдаться служению обществу и участвовать в его конспирациях. В числе этих мотивов указываются и такие, как «чисто созерцательное направление ума» и «крайняя осторожность», т.-е., вульгарно говоря, трусость: это, однако, не мешает

---

[1] Итак, допускалось, что члены верховного революционного учреждения могли занимать места даже в церкви!

[2] Это не мешало впоследствии Бакунину и его друзьям вопить против «деспотизма» Генерального Совета!

[3] Предполагалось еще создание «целой системы торговых и промышленных предприятий» для получения нужных средств. Нужно отметить также, что существовала или предполагалась какая-то особая «книга интернациональных братьев», куда вносились их прегрешения.

таким людям привлекаться к совещаниям по поводу «выработки политической линии» и «разрешения вопросов справедливости и общего интереса как для отдельных стран, так и для всей Европы», участвовать на заседаниях Интернационального Совета и даже, под особым секретом, на заседаниях его Директории!

Главную роль играют, конечно, активные братья. Они являются правомочными членами Интернационального Учредительного Собрания и Национальных Учредительных Собраний в своих странах; участвуют в обсуждении вопросов, стоящих перед Директорией; имеют пароли и явки интернациональных братьев своей страны; голосуют при приеме новых братьев. Они же подсудны революционному трибуналу, состоящему при Интернациональном Совете.

Почетные и активные интернациональные братья приносят присягу (sic!), довольно длинную. При выступлении из общества они должны повторить эту присягу, при чем, в случае нарушения ее, виновный подвергается «беспощадной мести» со стороны всего общества [1].

После этого документ переходит к Национальным Семьям, которые соответствовали партиям отдельных стран и являлись подчиненными организациями. Для них вырабатывается особая национальная программа и устав. Национальные семьи или братства всегда состоят под руководством интернационального общества, Центральная Директория которого назначает всех членов Национальной Юнты, т.-е. местного Центрального Комитета [2]. Основные программные положения

---

[1] По словам Вырубова, эта присяга приносилась на кинжалах (?!). Она полностью напечатана в немецком издании сочинений Бакунина (т. III, стр. 45—48), при чем присяга почетных братьев занимает целую страницу, а действительных — свыше двух страниц. В первой, между прочим, говорится: «Клянусь повиноваться и быть абсолютно преданным интернациональному обществу, к которому намерен принадлежать, и обещаю ему усердие, осторожность, сдержанность и полное молчание относительно всех доверенных мне тайн о людях и вещах». А во второй сказано: «Клянусь интернациональному обществу в преданности и безусловном повиновении и обещаю ему деятельное усердие, осторожность, сдержанность, молчание обо всех тайнах, отречение от моего себялюбия, моего честолюбия и личных интересов, отдавая в его распоряжение мой ум, работу, все мои силы, способности и общественное положение, мое влияние, мое состояние и мою жизнь».

Вообще ознакомление с этим документом убеждает нас в том, что именно он послужил источником при выработке известного «Катехизиса Революционера» для Нечаева в 1869 году. Последний только менее многословен, более сжат и выразителен (см. третий том этой работы).

[2] А ведь «деспотический» лондонский Генеральный Совет не посмел бы и подумать о назначении — не говорим уже всех, но хотя бы одного члена какого-нибудь федерального совета Интернационала!

должны быть общи всем частным национальным программам, которые могут расходиться во второстепенных пунктах. Среди этих положений, одинаково обязательных для всех национальных братств, следует указать на следующее.

Революция может быть успешной лишь в том случае, если она одновременно увлекает деревенские и городские массы. «Централизованная по идее и вследствие тождественности общей всем странам программы; централизованная посредством тайной организации, об'единяющей единым планом действия не только все части одной страны, но и несколько стран, если не все; централизованная вдобавок одновременностью революционных выступлений во многих деревнях и городах, революция должна будет отныне получать и сохранять местный характер лишь в том смысле, что она не должна начинаться с большой концентрации всех революционных сил страны в одном пункте и никогда не должна принимать романтически-буржуазного характера квази-революционной экспедиции, а, вспыхнув одновременно во всех пунктах страны, должна принять характер настоящей народной революции, в которой одинаково примут участие женщины, старики и дети, и которая благодаря этому сделается непобедимой».

В первое время революция будет кровавой и мстительной, но она не пойдет под знаком систематического холодного террора. Она будет в гораздо большей степени направлена против положений и вещей, чем против людей. Поэтому она начнет с разрушения всех учреждений и институтов, составляющих сущность государства — церквей, парламентов, трибуналов, управлений, армий, банков, университетов и пр. Государство должно быть радикально разрушено и об'явлено банкротом не только в финансовом, но и в политическом, бюрократическом, военном, судебном и полицейском отношениях. Конфискуется в пользу революции как государственная собственность, так и имущество реакционеров; предаются огню судебные и удостоверяющие собственность документы, а всякие дела и бумаги, которых не удается истребить, об'являются недействительными; каждый останется при статус кво своего владения. «Таким способом социальная революция будет совершена, а так как враги революции будут лишены средств ей вредить, то не будет надобности применять к ним кровавые меры, имеющие то неприятное свойство, что рано или поздно они приводят к досадной реакции». Затем приступлено будет к федерированию всех революционных областей вплоть до международной федерации, так что «порядок и единство, разрушенные в той мере,

в какой они созданы были насилием и деспотизмом, возродятся из самих недр свободы».

Для подготовки этой революции необходимы конспирация и сильная тайная организация, сходящаяся к одному интернациональному центру.

Последний раздел посвящен вопросу о внутренней организации тайного общества. Когда число братьев достигнет 70, или когда этого потребуют интернациональные братья не менее двух стран, будет созвано Учредительное Собрание, которое окончательно установит программу и устав общества. Временно же оно организуется следующим образом. Активные интернациональные братья каждой страны составляют автономный Интернациональный Совет, являющийся суверенным для данной страны; ему подчинены областные и провинциальные советы, при которых состоят областные и провинциальные исполнительные комитеты. Каждый Интернациональный Совет состоит из Исполнительной директории (председатель, секретарь и казначей) и обыкновенных братьев-советников [1].

---

[1] Какими документами руководствовался Бакунин при составлении своего «Революционного Катехизиса» и рукописи «Об организации», до сих пор не установлено. Но что какие-то образцы у него были, это вряд ли подлежит сомнению. По этому поводу Неттлау замечает следующее: «Еще не исследован вопрос, примыкает ли его (Бакунин) проект к каким либо прежним уставам тайных обществ, существовавшим в итальянском и французском карбонаризме и в других итальянских, польских и т. д. организациях. Под этим я подразумеваю лишь вопрос о том, имелся ли у него какой-либо образец, механически облегчавший его работу; ибо по содержанию, по идее и тенденции это его вполне оригинальное произведение, его способ конспирации, которая любою ценою стремится достигнуть самых освободительных целей с помощью тайной подготовки, представляющей прямую противоположность свободе» (M. Bakunin — «Gesammelte Werke», т. III, стр. 62). Этими словами правильно отмечено внутреннее противоречие всех бакунинских тайных программ и уставов.

В другом месте (цит. соч., стр. 68) Неттлау указывает на то влияние, которое, вероятно, оказал на бакунинские построения Буонаротти. «Сорокалетняя тихая заговорщицкая работа Буонаротти очевидно произвела на него (Бакунина) сильное впечатление и могла между прочим вдохновлять его при выработке идеи интернационального революционного общества, так как в свое время группа Буонаротти как раз и была связанным интимными узами социально-революционным кружком, стоявшим за спиною менее передовых тайных обществ той поры. Конечно, Бакунин держался таких воззрений уже во время своих национальных заговоров, которые он описывает в своей «Исповеди» (1851), и неизвестно, являлась ли эта идея его оригинальной идеей, или же он был точно знаком с действительными конспиративными приемами эпохи Буонаротти, которые становятся

Из текста этой рукописи можно сделать то заключение, что перед нами не окончательная редакция, а лишь предварительный проект, который еще подлежал обсуждению Учредительного Собрания тайного общества. Состоялось ли когда-либо такое Учредительное Собрание, и какую форму принял проект в окончательном виде, нам неизвестно. Вряд ли, впрочем, его окончательная редакция могла во многом отличаться от первоначальной, и мы вправе считать этот проект изложением действительных взглядов бакунинского Братства и во всяком случае самого Бакунина в рассматриваемый момент, т.-е. в 1866 году. Судя по этим документам, анархическая система Бакунина к тому времени была выработана в ее главных и основных чертах, но с точки зрения чисто анархической последовательности, в частности вытравления последних остатков элементов принуждения, государственности и централизации, подлежала еще дальнейшему развитию, что и было сделано в последующие два-три года.

В том виде, в каком она была изложена в приведенных двух документах, программа Бакунина в общем, за исключением чисто анархических деталей, не вызывает особенных возражений, поскольку она является вообще программою истинно-народной революции, направленной против экономического и политического господства эксплоататорских классов. Недостатком ее является, пожалуй, преобладание отрицательной, разрушительной стороны революции над положительной и творческой, которая развита здесь гораздо менее полно и конкретно. Но даже в этом своем виде программа Бакунина не исключает организации и сплочения революционных сил для отпора реакции, во-первых, и для дальнейшего положительного строительства, во-вторых. Об организации революционной власти документы умалчивают, но в известном смысле она ими, пожалуй, еще не отвергается принципиально, как это будет сделано в более поздних заявлениях самого Бакунина и его последователей. Это, разумеется, слабая сторона рассматриваемых документов, которые вообще склонны преуменьшать силы и шансы реакции, воображая, что самим фактом роспуска старых государственных учреждений и сожжения владельческих и судейских грамот социальный вопрос радикально разрешается, а у буржуазии окончательно вырывается из-под ног всякая почва.

нам теперь частично известными. Для этого он в Париже 1844—1847 г.г. мог иметь достаточно случаев, хотя мы об этом хорошо не знаем».

Во всяком случае ясно, что организационные построения Бакунина коренятся в эпохе буржуазно-демократических и национальных движений, на что мы уже указывали в первом томе этой работы.

Но сейчас нас интересует не критический разбор обоих документов с этой точки зрения. Мы хотим остановиться на другой стороне вопроса, имеющей непосредственное отношение к состоянию бакунинской тайной организации в 1866 году. И прежде всего приходится констатировать крайнюю слабость ее с точки зрения численного состава. К лету 1866 г., т.-е. после полутора приблизительно лет работы, она не насчитывала и 70 членов, — число, которое требовалось для созыва учредительного собрания. Нетрудно себе представить, что до 70 нехватало еще очень много. Следовательно, перед нами небольшая группка, не насчитывавшая и семи десятков на всю Европу и тем не менее ставившая себе такую грандиозную задачу, как подготовка мировой социальной революции и руководство ею во всех странах!

Но, быть может, тайное Братство возмещало качеством своих членов, недостаток своего количества? Увы, и с этой стороны дело обстояло вовсе не так благополучно. Мы, конечно, не знаем и вследствие отсутствия документов, вероятно, никогда не узнаем точного состава тайного общества или, вернее, обществ, разновременно организованных Бакуниным. Но ведь выдающиеся политические деятели того времени как буржуазного, так и социалистического лагеря более или менее известны наперечет. Поэтому допустить, что в эти братства входили какие-нибудь особенно крупные люди, оставшиеся для истории неизвестными, не приходится. Единичные случаи еще могли быть, но только единичные. А присматриваясь к тем членам Интернационального Братства, которые нам известны, мы положительно можем сказать, что людей, способных подготовить и возглавить, не говорим уже мировую революцию, — это звучит комично, — но даже более или менее серьезное массовое движение в национальном масштабе там почти не было. Сам Бакунин, Фанелли, Фриша, да еще, может быть, Мрочковский, Цезарь де-Пап (впрочем, случайный гость в Братстве) — вот почти все более или менее дельные элементы, которые могло тогда пред'явить бакунинское тайное интернациональное общество (национальные общества, кроме итальянского, вообще существовали тогда только на бумаге и в проекте). Ну в крайнем случае набрался бы десяток-другой людей, годных в дело. И это было все.

А между тем — и это главное — за исключением, пожалуй, итальянских членов Братства, так или иначе связанных с более или менее широкими кругами населения, все остальные были о д и н о ч к и, с т о я в ш и е в с т о р о н е о т р а б о ч е г о д в и ж е н и я, осколки разных национальных движений или последыши отдельных школ утопического социализма, менее всего способные возглавить массовое движение

новейшего времени и в большинстве просто-напросто его не понимавшие. Исключение составлял только де-Пап, но и он, во-первых, только начинал свою карьеру рабочего вождя, а во-вторых, как мы уже не раз указывали, был в бакунинском Братстве случайным и недолгим гостем. И этим выходцам из буржуазной интеллигенции, еще не совлекшим с себя ветхого Адама, не знавшим и не понимавшим современного рабочего движения, не принимавшим в нем непосредственного и постоянного участия, самим фактом принадлежности к тайному сектантскому союзу изолировавшим себя от массового движения, Бакунин предназначал роль подготовителей, возбудителей и руководителей всемирного массового восстания рабочих и крестьян против существующего политического и экономического режима! Революционным чутьем своим нашупав значение профессиональных революционеров и их прочного идейного и организационного об'единения для успеха массового движения, Бакунин, увлеченный своими анархическими и карбонарскими симпатиями, не отвечающими современному движению пролетариата, заранее обесплодил все свои мероприятия и начинания в этой области. При его методе действий он неизбежно должен был итти от поражения к поражению. И в конце пути его неизбежно ждало не торжество и не победа «социальной ликвидации», а глубокое разочарование и в людях, и в вещах [1].

---

[1] Даже ярые сторонники Бакунина, пытающиеся оправдать каждый его шаг, инстинктивно чувствуют, что избранная им форма организации как-то не вяжется с характером новейшего массового рабочего движения, и стараются найти для нее более или менее убедительные об'яснения. Так, Неттлау предпосылает «Революционному Катехизису» и «Организации» следующие комментарии: «В тогдашней Европе, снова покрытой тучами после короткого свободного периода 1848 года, такие подпольные движения не представляли чего-либо необыкновенного. Бакунину во Франции и Италии приходилось повсюду сталкиваться с тайной работой Бланки, Маццини и других, подобно тому, как он давно уже знаком был с такой же работой поляков и некоторых русских, и он постоянно держался того, формально, повидимому, неправильного, но фактически не удивительного взгляда, что Маркс попрежнему, как некогда во времена Союза Коммунистов, продолжает удерживать своих сторонников в рамках такой организации (об этом я подробно говорю в третьем томе настоящей работы. — *Ю. С.*). Впрочем, в те годы впервые начались открытые движения; выступили Гарибальди, Лассаль, парижские рабочие-прудонисты, лондонские тред-юнионисты и т. д., но опасность диктатуры, личного престижа, опошленных идей при этом не была устранена и отнюдь не делала излишней интенсивную деятельность действительных революционеров». И этим Неттлау оправдывает замысел Бакунина (M. B a k u n i n — «Gesammelte Werke», т. III, стр. 4—5). Слабость всего рассуждения Неттлау бросается в глаза и только выдает его смущение

Глава вторая.

БАКУНИН В ЛИГЕ МИРА И СВОБОДЫ.

1. Переезд в Швейцарию.

Русская колония и газета «Народное дело».

С осени 1867 года Бакунин переехал в Швейцарию. Что побудило его оставить Италию, неизвестно. Повлияли ли здесь полицейские придирки[1], в частности те сплетни, о которых мы говорили в § 5 первой главы этой части, или же здесь сыграло роль сознание Бакунина, что в Италии основная работа им уже закончена, и что отныне ему нужно выйти на более широкое поприще, мы не знаем. Возможно, что именно слухи о первом с'езде Лиги Мира и Свободы, дошедшие до Бакунина еще в бытность его в Неаполе, послужили последним толчком, вырвавшим его оттуда. Судя по его письмам, он давно уже мечтал о поездке в Швейцарию, между прочим, для свидания с Герценом и Огаревым[2]. Возможно, что его поездка в Швейцарию носила вначале характер рекогносцировки. Но было совершенно очевидно, что, если он хотел расширить свое тайное интернациональное общество, он должен был выбраться из Италии, которая была в то время, как, впрочем, и сейчас, провинцией в сравнении с другими европейскими странами. Вести оттуда вербовку членов для Альянса оказалось весьма затруднительно. Повидимому, все, что можно было сделать

---

[1] З. Ралли, показания которого, к сожалению, не всегда точны, прямо говорит, что Бакунин «покинул Италию вследствие преследований полицией» («Мин. Годы», 1908, октябрь, стр. 151). Но его свидетельства ценны в том отношении, что основаны на личных беседах с самим Бакуниным.

[2] В письме от 23 марта 1866 года он писал Герцену и Огареву: «Мы намерены пробыть в Швейцарии целое лето, только не в самой Женеве, а подле Женевы, где-нибудь в дешевом пансионе. В Женеве, думаю, дорого, а по причине многочисленного русского эмансипированного, праздно и тщеславно болтливого соседства также и несносно. Русский навязчивый коммунизм мне стал противен, я же привык здесь к западной самостоятельности».

с помощью писем и посылки эмиссаров, — весьма редкой за отсутствием денежных средств, — было Бакуниным сделано, и однако успех, надо полагать, был ничтожным. Даже маленькая Швейцария представляла в этом отношении значительные преимущества сравнительно с Италией, ибо Швейцария, лежавшая тогда в известном смысле на историческом перекрестке и пользовавшаяся политической свободой, служила местом средоточия политических эмигрантов из разных стран, в том числе и особенно из России, и местом созыва различных с'ездов, в том числе и конгрессов Интернационала. Возвещенный с'езд Лиги Мира и Свободы, в котором должны были принять участие многие из прежних приятелей Бакунина, в том числе и «старые бороды» 1848 года, окончательно должен был вытащить его из Италии, возбудив в нем надежды на возобновление старых знакомств и заведение новых, которые он, разумеется, рассчитывал использовать для расширения своего худосочного и слабого тайного общества [1].

Возможно, наконец, что здесь остались не без известного влияния и соображения материального свойства. Княгиня Оболенская, помогавшая Бакунину в последнее время, переехала в Швейцарию. Там же находился и Герцен, время от времени оказывавший Бакунину денежную помощь. Неудивительно, что, ввиду отсутствия у него постоянных источников дохода и ввиду систематически одолевавшей его нужды, Бакунин предпочел быть поближе к людям, от которых в критическую минуту мог ждать поддержки. Здесь же были ближе Фохты, Рейхели и др.

В письме к родным от 24 сентября 1867 г. из Женевы Бакунин пишет на свой вечный мотив: «Я нахожусь в беде, и Вы, если только есть маленькая возможность, должны мне помочь. В долгу, как в шелку, а денег ни гроша... Более всего тяготит меня долг княгине Оболенской— около 7.000 франков. Она теперь сама нуждается в деньгах. Если можете, пришлите, сколько можете, переводом на пред'явителя в банк Ротшильда. Она получит, и мы с нею поделимся, если что делить будет. Не стану расточать перед Вами цветов красноречия, они между нами не нужны. Вы сделаете, что сможете».

Сделали ли что-нибудь для него родные в тот момент, неизвестно, но меньше чем через год он возвращается к той же нескончаемой теме. «Я услышал,— говорит он в письме к братьям от 25/VI—7/VII 1868 г.,— что вы или окружающие вас за вас жалуются, что я бессовестным

---

[1] В «Rapport sur l'Alliance» («Oeuvres», т. VI, стр. 270) Бакунин прямо говорит, что поехал в Женеву для участия в с'езде Лиги Мира. То же он говорит в письме к родным от 25 июня — 7 июля 1868 г.

образом, эгоистично вынуждаю вас приносить мне огромные жертвы, что я разоряю вас... Жертв я от вас не требовал и никогда не соглашусь принять их от вас, не имея на них ни малейшего права. Я фактически, а теперь, без сомнения, и нравственно и умственно отрезанный от вас ломоть. Я не могу быть и называться членом вашей патриархальной коммуны, не ношу ваших взаимных тягот, а потому и не имею права пользоваться вашими выгодами. Я думал однако, и был в этом мнении поддержан вами самими, что в вашем общем имении есть и моя часть, а так [как] коммунистическое пользование общим имением для меня по известным обстоятельствам невозможно, то я просил вас несколько лет тому назад... выделить мне мою часть, вычтя из нее все, что вы мне, по вашему убеждению, выдали лишнего впродолжение последних годов... А для избежания будущих недоразумений прошу вас еще и последний раз: об'ясните, определите мое положение и один раз навсегда напишите мне: есть ли у меня что-нибудь? —, 0 или +? Если ж +, то сколько именно и в какое время и на каких условиях я могу его получить [1]. Я буду счастлив, если он окажется достаточным, чтоб освободить меня от долгов. А я должен теперь около 12.000 франков. Это мое последнее слово вам о делах. Отныне делайте, как хотите, и говорите, что хотите, — я буду молчать».

Разумеется, при образе жизни Бакунина он из долгов вылезть не мог.

Около года Бакунин провел на берегу Женевского озера в живописных окрестностях Кларана и Веве. В цитированном сейчас письме к братьям Бакунин писал: «Вот уж скоро год, как мы живем в Швейцарии. В сентябре прошедшего года мы приехали на интернациональный конгресс (Лиги Мира. — *Ю. С.)* в Женеву и с тех пор жили подле Vevey. Я здесь менее уединен, чем в Италии, нашел живую русскую и интернациональную среду и потому могу по мысли и вкусам действовать (курсив мой. — *Ю. С.*). Не стану распространяться о сущности наших дел, так как между нами в этом, как и во многих других отношениях солидарности нет никакой... Впродолжение трех лет, прошедших со времени нашего последнего свидания (с братом Павлом, т.-е. с 1865 г.— *Ю. С.),* я успел очистить свой ум от последних остатков гнилого спиритуализма, а теперь занимаюсь освобождением его от всякого доктринаризма».

---

[1] Окончательно доля Бакунина была выделена ему лишь в 1875 году (см. в четвертом томе этой работы).

В Веве составилась даже целая русская колония. Бакунин жил в одном доме с Н. Жуковским, его женой Аделаидой Степановной (Адя) и ее сестрой Ольгой Левашовой. По иронии судьбы в том же доме проживал Н. Утин, который тогда был еще с Бакуниным в приличных отношениях [1]. Недалеко от Веве, в Шапонэре, проживала кн. Оболенская с Мрочковским. Здесь же Бакунин перезнакомился с молодыми русскими эмигрантами, проживавшими в Женеве, как, например, с Элпидиным, А. Серно-Соловьевичем и другими. Некоторых из них, как А. Трусова [2], В. Бартенева, не говоря уже о Н. Жуковском, Бакунин поспешил принять в свое тайное Братство.

«В 1868 году, — рассказывает Ралли в цитированных выше воспоминаниях о Бакунине, — М. А., вернувшись (?) из Италии в Швейцарию, попробовал присоединить к начатому им уже делу организации «Интернационального Братства» и русских людей. Для начала он обратился с этой целью к Ник. Иван. Жуковскому, который привлек за собой Н. Утина, Ольгу Л[евашову] и еще нескольких «дам», как передавал впоследствии нам Бакунин. Сформировался в Женеве (и Веве. — *Ю. С.*) следующий кружок: Н. И. Жуковский, Н. Утин, С. Жеманов, М. Элпидин, О. Щербаков и «дамы». Кружок этот, по предположению Бакунина, должен был дать ему людей для образования интернациональной ветви русских братьев, а потому, доверившись двум лицам из русских эмигрантов, Бакунин сообщил Н. Утину и Н. И. Жуковскому секретную программу своего Союза, не указывая однако им по имени своих итальянских сотоварищей по обществу. Утин однако через два месяца, не более, донес об этом обществе Карлу Марксу, привлек на свою сторону Беккера и сделал пребывание Бакунина невозможным в Женеве, откуда М. А. и уехал опять в Италию [3].

---

[1] В письме от 4 марта 1864 г. из Флоренции Бакунин пишет лондонским друзьям: «Где и что Утин (Николай)? Передайте ему словесно или письменно мой усердный поклон. Что делает он и чем занимается?». Правда, 22 сентября 1866 г. Бакунин уже пишет Герцену, что «Утин — пустой и тщеславный мальчишка», но этот отзыв вызван был поведением Утина в деле В. О. Ковалевского, которого он, без серьезных оснований, об'явил прикосновенным к III Отделению.

[2] Антон Трусов участвовал в польском восстании, после чего бежал за границу. Был секретарем журнала «Народное Дело», а затем секретарем русской секции Интернационала. С Бакуниным скоро разошелся.

[3] Не знаю, кто здесь напутал — Ралли или Бакунин, вернее, первый, знавший обо всех этих делах по наслышке. Утин членом Братства и Альянса никогда не был. «Донес» он Марксу на Бакунина лишь в 1870 году, а секретную программу и устав Альянса доставил (если доставил) ему, вероятно,

«— Это была моя последняя попытка привлечь русских в мой Союз, — говорил нам Бакунин, — теперь (в 1872 году. — *Ю. С.*) надеюсь, что с вами мы, наконец, сделаем то, что было моей заветной идеей с 1864 года».

Сближение с этими элементами молодой эмиграции, как мы уже знаем, сильно восстановило против Бакунина Герцена, который был с этой революционной молодежью на ножах. Бакунин же, как мы видели, еще до непосредственного знакомства с этой молодежью, учениками Чернышевского и Добролюбова, защищал ее от злобных нападок Герцена и усматривал в ней крупную, чуть ли не единственную революционную силу в России [1].

В результате этого сближения, которое, как скоро обнаружилось, было далеко не полным, возникла мысль об издании русской газеты. Кроме этой мысли, в кружке возникли, очевидно, и другие проекты: во-первых, об издании бюллетеня сведений из России для осведомления европейской прессы о русской жизни и русском революционном движении, а во-вторых, об установлении более постоянной связи с Россией, быть может, даже о контрабандном ввозе туда заграничных изданий через Германию. Об этом можно догадываться по приводимому ниже письму Бакунина от 9 апреля 1868 года к известному прусскому демократу Иоганну Якоби, с которым Бакунин познакомился еще в 1848 году [2]. Не нужно забывать, что в 1868 году Якоби был еще буржуазным демократом, хотя и очень передовым, и что только в 1872 году он перешел в лагерь социал-демократии. Вот что писал ему Бакунин:

«Дорогой и глубокоуважаемый друг!

«Я позволяю себе попрежнему называть Вас этим именем, несмотря на то, что двадцать лет отделяют нас от того времени, когда я встретил Вас сначала во Франкфурте, а затем в Берлине.

еще позже. О существовании тайного Братства до конца 1868 года Утин не знал, а потому не знали и Маркс и Энгельс. В своих нападках на Бакунина они имели в виду тайный Альянс после 1868 года (как читатель увидит ниже). Из Женевы Бакунин уехал вовсе не из-за Утина и вовсе не в Италию, а в Локарно (в Швейцарии же).

[1] Существует даже сообщение, что Бакунин был принят в центральную женевскую секцию Интернационала по рекомендации Элпидина. Что же касается А. Серно-Соловьевича, то он состоял членом Интернационала еще с лета 1867 года.

[2] Это письмо было напечатано в «Архиве» Грюнберга, Erster Jahrgang, III Heft, стр. 481—482.

«Много воды утекло с тех пор, как говорит русская пословица. Мир — по крайней мере, с внешней стороны — изменился скорее к худшему, чем к лучшему, но Вы остались живым, убежденным, твердым и непоколебимым на своем посту, каким я знал Вас двадцать лет тому назад. Я пережил счастливое мгновение, когда читал Вашу последнюю речь к берлинским избирателям, и я сказал себе, что иногда один человек вроде Вас стоит целой армии. Я хотел бы, чтобы Вы были убеждены в том, что я тоже остался верен нашему знамени. Если я изменился, то скорее в лучшую, чем в худшую сторону — я остался таким же революционером, как встарь, но думаю, что теперь я лучше, чем это было двадцать лет тому назад, понимаю цель революции, которая, по моему твердому убеждению, должна в скорости освободить и омолодить европейское общество. Мой друг, которого я этим письмом Вам представляю и горячо рекомендую, как моего лучшего друга, и к которому я прошу Вас отнестись с полным доверием, скажет Вам, над чем я теперь работаю [1]. Во-первых, над книгой под заглавием «Социализм, федерализм и анти-теологизм» [2], затем над русским журналом, не тайным, но анонимным [3] и, наконец, над литографированной корреспонденцией о России, которую мои друзья и я собираемся предложить всем европейским газетам, не требуя от них взамен ничего, кроме даровой высылки нам их изданий. Мы в состоянии будем давать им подробные сведения обо всем, что действительно происходит в России, и будем говорить только чистую правду, поскольку нам дано будет самим ее знать. Наконец, главное дело, которое нас занимает, это революционная пропаганда в России, стремящаяся к разложению этой Империи, без какового, по нашему твердому убеждению, невозможно освобождение народов, насильственно ею скованных. Враги панславизма, как и пангерманизма, как и панроманизма, как и всех панизмов в мире, мы — федералисты и, как сказал бы Прудон, неизменно ан-архисты и в первую голову социалисты.

«Но не опасайтесь, дорогой друг, мы не будем резки в нашей корреспонденции, а будем весьма умеренны и весьма сдержанны по форме, довольствуясь революцией по существу. Я надеюсь, что Вы соблаговолите произвести обмен Вашей «Будущности» («Zukunft») на нашу русскую корреспонденцию.

---

[1] Возможно, что речь идет о Мрочковском.
[2] См. 4 параграф этой главы.
[3] Речь идет о «Народном Деле» (см. ниже).

«Но я надеюсь и на нечто другое. Я надеюсь, что Вы согласитесь помочь моему другу и Вашими ценными советами, и Вашими рекомендациями во всем, что он предпримет в Берлине или Кенигсберге. Я не вхожу в детали — он сам сообщит Вам их, равно как и свое имя, которое я прошу Вас хранить в величайшей тайне, равно как и все дело, о котором он Вам расскажет. Никогда не называйте его в Ваших письмах. Что касается меня, то я сжигаю все получаемые мною письма, так как огонь является превосходным хранилищем.

«Засим жму Вашу руку и остаюсь Вашим искренним и преданным другом».

План издания корреспонденции не осуществился, но газету в конце концов наладить удалось. Мысль об издании газеты принадлежала Н. Жуковскому, которому муж Ольги Левашовой дал для этой цели тысячу рублей. Левашова требовала, чтобы в состав редакции вошел также Утин. «Между нами и Утиным, — говорит Бакунин [1], — было непримиримое расхождение — не идей, ибо у Утина, собственно говоря, не было никаких, и он говорил, что мы должны принять те принципы, которые русская молодежь сочтет нужным нам преподать, — а полное несходство настроений, темпераментов, целей. Мы хотели дела, Утин думал лишь о самом себе. Поэтому я долго противился всякому союзу с Утиным. Но в конце концов я уступил, и после короткого опыта, так как деньги принадлежали собственно г-же Левашовой, я оставил Утину газету вместе с ее названием» [2].

В действительности, надо полагать, уход Бакунина и последовавшего за ним Н. Жуковского из газеты после первого же номера об'яснялся не одним только несходством характеров отдельных членов редакции. Бакунин с первого же номера попытался придать «Народному Делу» характер чисто анархического органа, что естественно не могло не натолкнуться на сопротивление со стороны других членов группы, в большинстве стоявших на точке зрения Интернационала.

Первый номер «Народного Дела», вышедший в Женеве в начале сентября 1868 года (незадолго до второго, Бернского, конгресса Лиги Мира), почти весь принадлежал перу Бакунина. Только статья «Наша

---

[1] «Rapport sur l'Alliance» (Bakounine — «Oeuvres», т. VI, стр. 271); русский перевод (плохой) см. Михаил Бакунин — «Избранные сочинения», т. V, стр. 141. См. также В. А. Горохов — «Русская секция Первого Интернационала», изд. «Моск. Рабочий», 1925, стр. 17 и след.

[2] Повидимому, намек на то, что название газеты придумано было Бакуниным. Оно соответствует заглавию его известной брошюры 1862 года («Народное Дело» и т. д.).

программа» написана Н. Жуковским, но и она представляет лишь сокращенное изложение более обширной программы, составленной Бакуниным [1].

В статье «Необходимое об'яснение» устанавливается связь русской революции с мировой. И там, и здесь поставлен тот же основной и, можно сказать, единственный вопрос: «это вопрос об освобождении многомиллионного рабочего люда из-под ярма капитала, наследственной собственности и государства». Ввиду этого редакция ставит одною из своих главных задач взаимное ознакомление и соглашение между деятельными сторонниками народного освобождения в России и Европе. Отвергая теории «узких патриотов», выдвинувших учение о гнилости Запада и мессианическом призвании России (Герцен мог узнать здесь себя), равно как и тех людей, которые ничего не видят кроме буржуазной цивилизации, автор подчеркивает, что цель издания — преимущественно практическая, а не теоретическая. «Мы — не ученые и не доктринеры, а люди, собравшиеся на основании общих, равно нам драгоценных начал, для того чтобы по возможности оживить, ускорить, усилить поступательное движение русского народного дела». Об'явив себя «заклятыми врагами государства и государственности», редакция приглашает все живые силы, сохранившие энергию, всех единомышленников «собраться опять вокруг знакомого им знамени, поднятого в первый раз в конце 50-х годов руками людей, о которых мы говорить здесь не станем, но имена которых живут в наших сердцах, поощряя нас к делу» (повидимому, намек на Чернышевского и Добролюбова) [2].

Короткая статейка «Наша программа», с которою Бакунин признавал себя совершенно солидарным (еще бы!), представляет старое изложение основных идей «Революционного Катехизиса». Она требует умственного и социально-экономического освобождения народа, окончательного уничтожения государства, упразднения права наследования,

---

[1] В письме к Марксу от 22 декабря 1868 года Бакунин приписывает и составление этой программы себе (см. том III этой работы, часть I, глава I, § 1). Она вышла отдельным листком в издании Элпидина (Женева, сентябрь 1868 года).

[2] Мы уже знаем, что Бакунин в период расцвета литературной деятельности Чернышевского и Добролюбова (см. том I, стр. 530) или игнорировал их, или несочувственно о них отзывался. Только во второй половине 60-х годов он в письмах к Герцену начинает с уважением говорить об учениках Чернышевского, как главной революционной силе в России. Те молодые эмигранты, с которыми он встретился в Швейцарии, и принадлежали к числу этих учеников Чернышевского и Добролюбова.

уравнения женщины в правах с мужчиною, самоопределения народов и создания вольной российской федерации. Шагом вперед в сравнении с «Революционным Катехизисом» является следующая формулировка основ «экономической правды»: «земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам; капиталы и все орудия труда работникам — рабочим ассоциациям».

Ограничиваясь лишь упоминанием о статье «Правительственные реформы», разоблачающей обман царских мероприятий, остановимся на предполагавшейся серии «Постановка революционных вопросов», из которой появилась лишь статья первая «Наука и народ».

Доказав реакционность идеализма и прогрессивность материализма, Бакунин указывает на реакционные стороны позитивизма, отступающего перед открытым провозглашением атеизма, и резко обрушивается на «попов науки», желающих сохранить религию для народа в целях его порабощения. «Мы хотим разрушения всякой народной религии и ее заменения народным знанием. Мы хотим для народа разумного, строго научного знания... Мы хотим совершеннолетия народного, а для совершеннолетия действительного нужна наука... Наша задача состоит поэтому прежде всего в уничтожении народного невежества».

Но здесь, говорит Бакунин, получается безвыходный круг: чтоб освободить народ, надо его научить, а для того чтоб его научить, надо дать ему средства и время на учение, т.-е. освободить его от угнетающего его режима. Но «путь освобождения народа посредством науки для нас заражден; нам остается поэтому только один путь — путь революции. Пусть освободится сперва наш народ, а когда он будет свободен, он сам захочет и сумеет всему научиться. Наше же дело приготовить всенародное восстание путем пропаганды».

В заключение Бакунин касается вопроса о борьбе с религиозными предрассудками массы. Признание свободы веры отнюдь не мешает вести самую ярую пропаганду против нелепостей религии. Это право и обязанность революционеров. Но вот вопрос: как надо вести эту пропаганду для того, чтобы она достигала своей цели? И здесь Бакунин дает чрезвычайно разумные советы, в значительной мере сохраняющие свое значение доныне и показывающие, что в вопросах практической работы он нередко прекрасно разбирался.

«Наш совет всем нашим друзьям, — говорит он, — поступайте осторожно с верой народа, не потакайте ей, не притворяйтесь перед нею, но и не оскорбляйте

ее. Иначе вы оттолкнете народ от себя, прежде чем он успеет увериться в вашей честной преданности его делу, и сами поможете правительству, которое и без того употребляет все усилия, чтоб отделить вас от него пропастью. Боритесь против народного суеверия во всех тех случаях, когда будет возможно вести эту борьбу без опасности потерять доверие народа. Но там, где противорелигиозная пропаганда могла бы восстановить его против вас, вы должны решительно от нее воздержаться. Эта осторожность необходима для самого успеха противорелигиозной пропаганды в народе.

«Убедившись раз, что нам нет возможности итти путем просвещения к свободе, и что мы должны достигать народной науки путем революции, мы должны устремить главным образом всю свою пропаганду против царя, должны прежде всего уничтожить в сердце народа остатки той несчастной веры в царя, которая впродолжение столь многих веков обрекла его на гибельное рабство, должны окончательно его убедить, что помещичество и чиновничество — два главные предмета его исторической ненависти — собственной силы никогда не имели, но держались всегда и продолжают держаться только волей и силой царя. Мы, наконец, должны пробудить в народе сознание его собственной, со времени Пугачева опять заснувшей, силы, должны ему указать, как соединением всех местных, доселе разрозненных, усилий своих в одно дружное всенародное дело он должен восторжествовать над всеми притеснителями и врагами.

«Исполним эту задачу, будем только честными и неусыпными приготовителями и повивателями революции. Все остальное сделает сама революция.

«А до тех пор да служит нам ободрением тот несомненный и, впрочем, нами выше упомянутый факт, что религия нашего народа, хотя и облекается большей частью в грубые формы и содержит, как все христианство, догматы, поражающие не только своей нелепостью, но и безнравственностью, — что эта религия в нашем народе болезнь только накожная, отнюдь не проникшая вглубь его жизни.

«Народная религиозная вера коренится не в одном только невежестве, но главным образом в неполноте и в искусственной тесноте

народной жизни, заедаемой собственниками и подавляемой государством; она есть как бы протест живого и жизни жаждущего сердца против гнусной действительности. Напрасно бы было ждать освобождения народа от религиозного сумасшествия или пьянства, пока само положение его коренным образом не изменится. Вы никогда не достигнете отрезвления его одним только путем умственной пропаганды. Окончательно освободит его от всякой религии только социальная революция».

Программа, развивавшаяся Бакуниным и Жуковским в изложенных статьях [1], слишком явно была проникнута анархическим духом. Правда, в тот момент борьба между Интернационалом и анархистами еще не началась, но слишком ясно было, что идеи, излагавшиеся в № 1 «Народного Дела», не во всем отвечают идеям Интернационала. Можно поэтому предположить, что содержание первого номера и вообще направление, которое Бакунин хотел придать журналу, превратив его в русский орган тайного Братства или начавшего к концу того же сентября 1868 года выступать публично «Альянса», не могли не вызвать разногласия в коллегии редакторов и сотрудников «Народного Дела».

В недавно опубликованной Максом Неттлау незаконченной рукописи Бакунина 1870 года «Интриги г-на Утина» [2] рассказывается о спорах, происходивших зимою 1868 — 1869 года в редакции «Народного Дела» между Утиным и Жуковским. «Жуковский, — пишет Бакунин, — стоял за народ и за жизнь. Г-н Утин отстаивал против него диктатуру университетской, более или менее доктринерно настроенной молодежи и верховное право отвлеченной, вненародной и к народному варварству и невежеству аристократически относящейся науки. Жуковский отнюдь не отвергал науки; напротив, он был всегда убежден в необходимости ее для очеловечения человека... Но тут рождался вопрос: каким образом наука приступит к народу? Путем ли вольной пропаганды, лишенной всякого официального или государственного авторитета; посредством народных школ, основанных и содержимых самим же народом, освобожденным от всякой власти, от всякой вер-

---

[1] Все они были без подписи, но Бакунин сам признал свое авторство в брошюре «Наука и насущное революционное дело» 1870 года.

[2] Она напечатана в выходящем в Чикаго ежемесячном журнале «Голос Труженика», №№ 3 и 4, за январь — февраль 1925 года. Б. Николаевский в статье «Новое о прошлом в зарубежной русской печати» («Каторга и Ссылка», № 5/26 за 1926 год) ошибочно называет этот журнальчик нью-йоркским.

ховной опеки? Или посредством государственной власти, перешедшей путем счастливой политической революции из настоящих самодержавных рук в чистые руки революционерной, образованной молодежи (почему не в руки самого народа? — *Ю. С.*)? Жуковский стоял за первый путь, г-н Утин, разумеется, за второй».

Даже из этого отрывочного и тенденциозного изложения ясно, что Жуковский отстаивал в этих спорах анархическую точку зрения Бакунина, тогда как Утин стоял на позиции Интернационала, признававшего завоевание власти рабочим классом необходимым условием освобождения трудящихся масс. Бакунин во время этих споров, повидимому, остался в меньшинстве [1] и принужден был из редакции уйти. Вместе с ним ушел и другой член «Альянса», Н. Жуковский. Во втором, октябрьском, выпуске «Народного Дела» появилось письмо Бакунина, в котором он во избежание неосновательных слухов просил довести до сведения читателей журнала, что он, Бакунин, отныне никакого участия в нем не принимает [2]. В дальнейшем журнал, который Бакунин рассчитывал превратить в орган русского и международного анархизма, сделался органом русской секции Интернационала и систематически полемизировал с взглядами Бакунина. Во главе этой борьбы с Бакуниным стоял Н. Утин, который, как мы увидим, вел борьбу с влиянием Бакунина и в романской федерации Интернационала. Понятна та ненависть, которую Бакунин начал отныне питать к Н. Утину.

Но все это случилось только в конце 1868 года. В течение года, протекшего с момента переезда Бакунина в Швейцарию до конфликта в редакции «Народного Дела», Бакунин работал в Лиге Мира и Свободы. Эта полоса его публичной деятельности, характеризующаяся последней его попыткой связаться с буржуазной демократией и использовать ее в революционных целях, представляет особенно поучительный интерес, а потому на ней приходится подробно остановиться.

---

[1] Особенно сильным ударом для Бакунина был тот факт, что на сторону большинства стали и его сотоварищи по Интернациональному Братству, кн. Оболенская и В. Мрочковский. Как мы знаем, кн. Оболенская оказывала Бакунину денежную поддержку. Вскоре после того, как мы увидим ниже, в среде тайного Братства произошел полный раскол, при чем Бакунин снова остался в меньшинстве. С этого момента надежды на помощь со стороны кн. Оболенской пришлось окончательно оставить.

[2] Это обращение (собственно к Элпидину, издателю «Народного Дела») было передано в редакцию через Н. Жуковского, о чем Бакунин просил его в письме от 13 октября 1868 г., приводимом М. Неттлау (стр. 195—196). Бакунин требовал напечатания этого сообщения лишь в том случае, если журнал будет выходить под прежним названием.

2. Признание Бакунина в «глупости» своего участия в Лиге Мира.

«По прошествии нескольких лет, в течение которых о нем ничего не было слышно, он снова появляется в Швейцарии. Но он примыкает не к Интернационалу, а к Лиге Мира и Свободы».

Так продолжает Маркс в цитированном «Конфиденциальном Сообщении» после тех слов, которые мы привели выше (§ 4 первой главы третьей части этого тома, стр. 305).

Этот факт в свое время должен был сильно поразить Маркса, как он до сих пор поражает и нас. Торжественно заявить, что отныне он не будет принимать участия ни в каком движении кроме социалистического, признать свое разочарование в движениях буржуазно-национальных и буржуазно-демократических, обещать в меру сил своих работать для Интернационала, три года молчать и строить в подполье тайную организацию из буржуазной интеллигенции (при некоторой натяжке, впрочем, эту работу можно было истолковать, как это и делают вслед за Бакуниным анархисты, в смысле работы для социализма) и, наконец, выйдя после долгого молчания на открытую политическую арену, примкнуть без колебаний и с большим шумом к самой что ни на есть буржуазной Лиге, игнорируя Интернационал, несмотря даже на советы близких друзей, — это, как хотите, есть такой парадокс, который нуждается же в каком-либо об'яснении!

Сам Бакунин, в конце концов ходом событий в ы н у ж д е н н ы й войти в Интернационал, чувствовал, что такое об'яснение он должен дать. Он и собирался дать его, но своего намерения или обещания так и не выполнил. В письме к редактору газеты «Réveil», которое Бакунин начал писать в октябре 1869 г., когда уже начались трения в Интернационале, Бакунин, заговорив об Альянсе и желая лучше выяснить историю его возникновения, приступает к рассказу о своем годичном участии в Лиге Мира. «Да, — пишет он, — к стыду своему я участвовал в этой буржуазной Лиге и впродолжение целого года имел глупость не отчаиваться обратить ее (!) к принципам социализма»[1] — заметьте, даже не отдельных членов Лиги, а всю Лигу как таковую! Читатель с жгучим нетерпением ждет от Бакунина раз'яснения этой «глупости», которой он уже стыдился через год; но тщетны наши ожидания. Бакунин пускается в подробную характеристику итальянской молодежи, которую мы уже цитировали выше, и на этом обрывает

---

[1] B a k o u n i n e — «Oeuvres», т. V, стр. 284 — 285.

свою рукопись, оставшуюся незаконченной [1]. Итак, от самого Бакунина мы так и не имеем об'яснения того поразительного факта, что после своего решения выйти на открытую арену он, убежденный социалист и буржуеед, примкнул все же не к Интернационалу, возбуждавшему тогда надежды рабочего мира на освобождение, а к архибуржуазной Лиге, от которой социализмом и не пахло, того поразительного факта, что Женевский и Лозаннский конгрессы Международного Товарищества Рабочих 1866 и 1867 годов не могли вытащить его из итальянского захолустья, тогда как при первом известии о предстоящем с'езде буржуазных адвокатов, депутатов, журналистов и иных политиканов этот принципиальный враг парламентаризма и политиканства подобно боевому коню, заслышавшему звук трубы, сразу ринулся на арену!

Упорное и систематическое уклонение Бакунина от присоединения к Интернационалу, повидимому, изумляло даже его близких друзей. Сам Неттлау, со свойственными ему ужимками и стараниями затушевать смысл самых очевидных фактов, если только они говорят не в пользу его идола, сообщает: «К. Гамбуцци познакомился в Женеве во время конгресса [2] (в сентябре 1867 г.) с членами Генерального Совета [3], Оджером, Кремером и третьим (Коуэль Степнеем? — *Ю. С.)* и прочел брюссельский перевод Учредительного Адреса (который, как мы знаем, Бакунину был известен еще с 1865 года! — *Ю. С.)*. Он обратил на это (на что? — *Ю. С.)* внимание Бакунина, который проявил к этому (к чему? — *Ю. С.)* живой интерес. Это значит, что Бакунин увидел, что

---

[1] Такие казусы происходили с Бакуниным и по другим случаям, когда он брался доказать недоказуемое или об'яснить необ'яснимое. Так, например, он тысячу раз и в книгах, и в брошюрах, и в статьях, и в письмах пытался провести знак равенства между тенденциями Маркса и Бисмарка, которых он одинаково обвинял в «пангерманизме». Но каждый раз Бакунин наталкивался на один существенный пункт, в корне подрывавший его аргументацию: это — о т н о ш е н и е к П о л ь ш е. Бакунин неоднократно доказывал, что захват польских провинций составляет одну из основ прусского могущества, а освобождение Польши решительно противоречит идеалам пангерманизма (и Бисмарка, разумеется). Между тем Маркс, которого Бакунин старался выдать за «пангерманиста», всегда стоял за восстановление Польши. Дойдя до этого пункта, Бакунин обыкновенно обещает читателю дальше об'яснить это существенное противоречие, но своего обещания он так и не выполнил, хотя исписал на эту тему много листов, особенно в «Кнуто-Германской Империи» и «Государственности и Анархии». Этого пункта не «раз'яснили» и его последователи.

[2] Лиги Мира.

[3] Интернационала.

в до тех пор столь мало проявлявшем себя (!) Интернационале играли роль и другие факторы (?) кроме Маркса, и таким образом выяснилась более широкая почва для общего сотрудничества. Это и сделалось также вполне целью Бакунина, который прежде всего (!) хотел привлечь к социализму бесцветную с точки зрения социального направления Лигу Мира и Свободы. Жуковский, в то время наиболее решительный социалист из его ближайшего окружения, также постоянно указывал ему на Интернационал» [1].

Об'яснение, которое за Бакунина пытается дать его биограф Неттлау, не только глупо, но и противоречит общеизвестным фактам. Бакунин, видите ли, сначала держался в стороне от Интернационала именно потому, что узнал об Интернационале от Маркса, который несомненно похвастал своей выдающейся ролью в этой организации, чтобы пустить пыль в глаза старому приятелю, как он это якобы уже сделал в 1848 году. А так как Бакунин питал к Марксу, систематически клеветавшему на него и даже позволившему себе оклеветать Бакунина тогда, когда тот изнывал в царской темнице, естественную антипатию и недоверие, то он натурально не хотел иметь ничего общего с организацией, в которой несимпатичный ему Маркс играл руководящую роль. К этому гениальному об'яснению добавляется еще предположение, что Бакунин, уже в 1864 году будучи вполне законченным анархистом, мог даже тогда предвидеть, что в будущем между «авторитарным» коммунизмом Маркса и «свободническим» (frei-

---

[1] Цитир. статья об Италии в «Архиве» Грюнберга, стр. 292. — Этот беспомощный, путаный и вместе с тем глубоко лицемерный лепет весьма характерен для «философско-исторической» манеры Неттлау. Этот человек, собравший огромную массу оригинального материала относительно Бакунина, оказал этим бесспорно крупную услугу истории социализма, хотя, нужно прибавить, таит этот материал про себя, прячет его от всего света и, бесцеремонно рассматривая рукописи и письма Бакунина, по несчастью попавшие в его руки, как свою личную собственность, развязно отказывается сообщить его миру (в частности он категорически отказался дать даже копии с захваченных им документов для полного русского издания сочинений и переписки Бакунина, хотя казалось бы, что, как убежденный анархист, он должен был бы радоваться широкому опубликованию всех произведений Бакунина). Пока этот биограф Бакунина остается на почве переписывания и изложения собранных им богатейших документов, его работа интересна и поучительна. Но как только он выходит за пределы этого чисто фактического рассказа и пускается в бурный океан комментариев и об'яснений, он обнаруживает величайшую убогость мысли и наивно-ребяческую тенденциозность, вызывающую то смех, то негодование. А ведь для анархистов работы Неттлау о Бакунине, это — библия!

heitlich, libertaire) коллективизмом или анархизмом неизбежно предстоит схватка не на живот, а на смерть, а потому он мол предпочел сначала самостоятельно и в стороне собрать подходящие силы для предстоявшего боя и т. д. Все эти замечательные мысли развиваются и пережевываются в разных места биографии Бакунина, составленной этим анархическим Бурцевым.

Факты, и в том числе заявления самого Бакунина, из которых очень многие известны и Максу Неттлау, самым решительным образом противоречат этой развязной болтовне. Мы уже не говорим о том, что Бакунин считал своим долгом расписываться в уважении и любви к Марксу, признавать (на словах) его теоретическое и политическое превосходство, об'являть себя даже его учеником и последователем, как мы уже видели и еще увидим (см. в III томе письмо его к Марксу от 22 декабря 1868 года). Но кто поверит Максу Неттлау, что до разговоров с Гамбуцци в конце 1867 года Бакунин якобы не знал, что кроме Маркса в Интернационале работают и другие люди (превратившиеся у чувствующего слабость своей аргументации Макса Неттлау в «факторы»)?! Что же, он не мог узнать об этом в Лондоне в октябре 1864 года? Или Неттлау хочет нас убедить в том, что Бакунин не читал даже в газетах о Лондонской конференции 1865 года, о первом с'езде Интернационала в Женеве 1866 г., где, кстати сказать, Маркса вовсе и не было, а выступали исключительно другие «факторы»? Что же, Бакунин, по мнению Неттлау, ловя слухи о будущем конгрессе буржуазной Лиги Мира, пропустил мимо ушей и глаз громкий факт второго конгресса Интернационала в Лозанне 1867 года? А ведь этот второй конгресс Интернационала, уже просуществовавшего три года, а не бывшего еще в проекте, как Лига Мира, состоялся 2 — 7 сентября 1867 года, т.-е. раньше первого конгресса Лиги Мира, который происходил 9—12 сентября. И если Гамбуцци, по словам Неттлау, убедился в существовании других членов Генерального Совета кроме Маркса (рабочих масс, примыкавших к Интернационалу, ни Гамбуцци, ни Бакунин, ни Неттлау, видимо, не замечают) и притом почему-то в этом убедился не из состава Лозаннского (и Женевского) конгресса Интернационала, а из того факта, что на с'езде Лиги Мира присутствовало несколько членов Генерального Совета, то почему этого не заметил сам Бакунин?

Чтобы замазать все эти вопиющие противоречия, Неттлау так себе, между прочим, вставляет словечко о том, что в тот момент Интернационал мало привлекал к себе внимания, мало выдвигался, мало проявлял себя (не знаем, как точно перевести эти нарочито-

общие и лицемерно-уклончивые слова «der bis dahin so wenig hervorgetretenen Internationale»). Для Бакунина и для его анархического биографа эта близорукость, мешавшая им рассмотреть такую букашку, как Международная Ассоциация Рабочих, после трех лет ее существования и деятельности, после одной конференции и двух международных конгрессов, весьма характерна. Такого Левиафана, как буржуазный с'езд праздноболтающих «миросвободцев», никчемность которого понял даже Герцен, они сразу оценили и разглядели; какую-нибудь группку итальянских интеллигентов или пару-другую осколков старого утопизма они в состоянии узреть и превознести, как зародыш нового мирового движения и будущий руководящий штаб всемирной революции, а такая мелочь, как Интернационал, ускользает от их проницательного взора до тех пор, пока после случайной встречи на нее не обратит своего милостивого внимания К. Гамбуцци! Что в первый момент значения Интернационала не поняла буржуазия, это понятно и ей простительно. Но что его не понял Бакунин, человек, который вскоре выступил в качестве претендента на руководство мировым рабочим движением, это ему непростительно. И его не по разуму усердный поклонник, желающий его похвалить, в сущности лишь его компрометирует, показывая, как мало проницательности проявил Бакунин и как он психологически чужд был новейшему движению пролетариата.

А, главное, Неттлау говорит совершенную неправду, когда пытается уверить читателя, будто к осени 1867 года Интернационал был так ничтожен и незаметен. Это просто спекуляция на невежество читающей публики, об'ясняющаяся, впрочем, безвыходным положением незадачливого апологета, из кожи вон лезущего, чтобы всячески обелить своего героя и даже его отрицательные черты представить в виде величайших добродетелей. Уже после первого, Женевского, конгресса об Интернационале заговорила и буржуазная пресса, особенно французская». «La Liberté» в статье Гектора Пессара предвидела грядущее значение Интернационала и указывала на необходимость считаться с нарождающейся новой силой. «Это, — писал он, — предостережение, торжественно даваемое миру людьми, сошедшимися из всех стран, гражданами, уставшими от бесплодной борьбы, этого фатального следствия разрушающейся организации». Стачки, вызванные в разных странах промышленным кризисом 1866 года, еще больше обратили внимание на Интернационал и популяризировали его имя среди рабочих масс и буржуазии, почувствовавшей зарождение опасного врага. Эти стачки происходили в Англии, Бельгии, Франции (в том числе знаменитая забастовка бронзовщиков в Париже). Испуганное вообра-

жение правящих классов начало даже приписывать Интернационалу гораздо бо́льшую силу, чем какою он действительно обладал. К моменту второго конгресса Интернационала в Лозанне, т.-е. ко времени появления Бакунина в Швейцарии, Международное Товарищество Рабочих пользовалось уже довольно широкой популярностью в самых различных кругах, да и сама Лига Мира была жалкою попыткою подражания интернациональной организации пролетариата.

«Женевский рабочий конгресс 1866 года, — говорит один из первых историков Интернационала, Эйхгоф [1], — послужил предметом живых дебатов во французской прессе, особенно парижской и лионской. Напротив, большие лондонские газеты пытались обойти его гробовым молчанием. Иначе обстояло дело со следующим Лозаннским конгрессом. У «Таймса» был на этом конгрессе свой собственный корреспондент [2]. Кроме корреспонденций, газета посвятила Международному Товариществу Рабочих передовые статьи, и ее примеру последовали ежедневная и еженедельная печать всей Англии. После того как тон был задан «Таймсом», остальные газеты уже не считали ниже своего достоинства посвящать рабочему вопросу не только заметки, но и длинные передовицы. О рабочем конгрессе заговорили все газеты. Что многие из них относились к нему свысока и иронически, это было совершенно естественно. Но, несмотря ни на что, в общем и целом английская пресса отнеслась к конгрессу вполне прилично. Даже «Manchester Examiner», английский орган Джона Брайта и манчестерской школы, признал его в удачной передовой статье в а ж н ы м и д е л а ю щ и м э п о х у. Сравнение его с его сводным братцем, конгрессом Мира, оказывалось в пользу старшего брата. В рабочем конгрессе признавали грозную трагедию рока, а в другом видели лишь смехотворный фарс» [3].

Мы видим, таким образом, сколько правды содержится в утверждении анархистского историка о том, что к осени 1867 года Интернационал успел мало проявить себя и потому не обращал на себя внимания Бакунина. Даже буржуазная пресса, даже такой орган, как «Таймс», видели и понимали, а Бакунину нужно было указание Гамбуцци, чтобы, наконец, заметить ничтожный Интернационал в сентябре 1867 года! Орган Брайта принужден был заявить, что Лозаннский конгресс Интернационала делает эпоху, «Таймс» накануне Брюссельского конгресса (через год) писал, что «со времени раннего христианства

---

[1] E i c h h o f f — «Die internationale Arbeiterassoziation», Berlin, 1868, стр. 28—29.

[2] Эккариус, делегат конгресса от Генерального Совета.

[3] См. мою книгу «Первый Интернационал», 3-е изд., стр. 105—131.

и с эпохи возрождения античного мира не было ничего, подобного этому рабочему движению», — Бакунин же ничего не видел и не понимал, а его биограф и до сих пор ничего не видит и не понимает, пытаясь нас уверить, что Интернационал не успел еще к тому моменту достаточно проявить себя! Даже буржуазия, сравнивая Лозаннский конгресс Интернационала с Женевским конгрессом Лиги Мира, должна была отдать преимущество первому, усматривая во втором лишь смешной фарс, а Бакунин предпочел этот «фарс» великому, делающему эпоху международному движению просыпающегося пролетариата, и его анархистский биограф хочет убедить нас в том, что это было естественно и правильно, при чем для этого мимоходом облыгает Интернационал, якобы не успевший «проявить себя»!

Но логика имеет свои законы, и фальсификаторы истории против нее бессильны. Допустим даже, что Неттлау прав, что Интернационал был к осени 1867 года до того ничтожен, что Бакунин до разговора с Гамбуцци его не замечал и ничего о нем не знал, что он до этого разговора считал его личным предприятием Маркса (гм!) и потому не хотел иметь с ним ничего общего. Но вот, по словам глубокомысленного Неттлау, в сентябре 1867 года Бакунин, наконец, узнает от своего приятеля, что в «до тех пор столь слабо проявлявшем себя» Интернационале имеются и другие «факторы» кроме коварного Маркса, и приходит к выводу, что таким образом создается «почва для общего сотрудничества». Ну, и что же, п о с л е э т о г о Бакунин оставляет свою странную тактику изоляции от рабочего движения, порывает с буржуазной Лигой и вступает в Интернационал, куда зовут его и Гамбуцци, и Жуковский? Ничего подобного! Он входит в Центральный Комитет Лиги Мира и даже, как мы сейчас увидим, пытается поддержать ее в борьбе с Интернационалом. Вот что должен был бы об'яснить нам г. Неттлау вместо того, чтобы дурачить читателя и, заметая следы, говорить неправду насчет слабости и непопулярности Интернационала.

Факт остается фактом. Бакунин не мог не знать о деятельности Интернационала, о котором трубила даже буржуазная пресса. Он не мог не знать, что кроме Маркса там действуют и другие «факторы», тем более, что Маркс держался в тени и не появлялся на конгрессах, на которых выступали другие люди, представители подлинного «народа», несомненно известные ему и до открытия Америки Карлом Гамбуцци. И тем не менее он предпочел к а к д о, т а к и п о с л е того, как Гамбуцци открыл ему секрет Полишинеля, держаться в стороне от международного рабочего движения и связаться с буржуазной Лигой

Мира. Частичное об'яснение этого странного факта дал сам Бакунин, говоря о своей «глупой» надежде обратить буржуа из Лиги да и всю Лигу в социализм. Это значит, что он в то время весьма плохо разбирался в социализме, в классовой борьбе, в движущих силах капиталистического общества, не понимал современного рабочего движения, исторической миссии пролетариата, словом, стоял еще на буржуазной точке зрения. Именно потому, что это так, его анархический биограф искажает факты и придумывает самые натянутые об'яснения и притом об'яснения личного характера.

Но если уж искать в этом деле личных мотивов, то они говорят не в пользу Бакунина. Если верно, что от вступления в Интернационал его, между прочим, удерживали и соображения личного порядка, то это может означать лишь одно: признавая громадный перевес Маркса в умственном и политическом отношении, Бакунин сознавал, что наряду с Марксом ему, не имевшему никакого стажа в рабочем движении, в Интернационале придется играть второстепенную, подчиненную роль, тогда как в крошечных тайных братствах, составленных из буржуазной молодежи, а также в Лиге буржуазных посредственностей он мог рассчитывать на положение более видное, на место первого ранга [1]. Вот к каким невыгодным для Бакунина заключениям приводит применяемый анархистским историком метод личного толкования исторических событий! И такое об'яснение гораздо больше отвечает действительности и общеизвестным фактам, чем попытка фальсифицировать историю, сделанная Максом Неттлау.

---

[1] Отчасти это теперь принужден признать и Неттлау. В предисловии к третьему тому немецкого издания сочинений Бакунина (стр. 5) он говорит: «Этот кружок (бакунинских друзей по Братству. — *Ю. С.*) неизбежно должен был примкнуть к Интернационалу, что и случилось в 1868 году, в первом году, когда Интернационал достиг своей действительной высоты. Столь же неизбежно было и то, что Бакунин не порвал с этого момента все свои связи и не сделался незаметным членом какой-нибудь маленькой секции, но обрадовался тому, что отныне сумеет работать с двойной энергией — публично и в сгруппированном им частном интернациональном кругу, а с другой стороны, неизбежно было и то, что Маркс смотрел на это с величайшим неудовольствием, и что с первого же момента началась борьба против Бакунина, распространившаяся на всех тех, в ком Маркс подозревал близких товарищей Бакунина». Еще бы! Ведь, по собственному признанию Неттлау, Бакунин не захотел удовольствоваться нормальной деятельностью всякого члена Интернационала, а задумал праздновать и на Антона, и на Онуфрия, и в рядах Международного Товарищества Рабочих, и в тайном обществе, пробравшемся в ряды Интернационала и пытавшемся наложить на него свою руку.

3. Первый конгресс Лиги Мира в Женеве.

Люксембургский кризис, вызванный желанием Наполеона III присоединить герцогство Люксембургское к Франции, дабы компенсировать себя за усиление Пруссии в результате австро-прусской войны 1866 года, возбудил в широких европейских кругах опасения войны между Пруссией и Францией. В предвидении возможности такого конфликта по обоим берегам Рейна началась антимилитаристская агитация, и были устроены рабочие демонстрации в пользу мира. Зашевелились и буржуазно-пацифистские круги. Во Франции среди республиканских элементов возникла мысль об организации протеста против войны и о созыве с этой целью международного конгресса для демонстрации в пользу мира и свободы народов.

Образовались два комитета по созыву конгресса: один — «инициативный» — под председательством французского демократа Э. Аккола в Париже и другой — «центральный» — в Женеве под руководством французского демократа Жюля Барни, к которому после некоторого сопротивления присоединился женевский властелин Джемс Фази, рассчитывавший использовать это предприятие в избирательных интересах своей партии. 11 июня 1867 года появился манифест, приглашавший на конгресс Мира и Свободы к 5 сентября; впрочем, считаясь с тем фактом, что второй конгресс Интернационала должен был происходить в начале сентября, инициаторы пацифистского конгресса отложили свой с'езд на 9 сентября. Буржуазные демократы надеялись использовать и международное движение рабочих в своих интересах — иллюзия, которую одно время разделял с ними и Бакунин.

Первый список лиц, примкнувших к идее конгресса, содержал громкие имена тогдашних буржуазно-демократических и либеральных знаменитостей, в том числе многих старых «деятелей 1848 года», столь любезных сердцу Бакунина. Мы находим там имена французов: Альбера, Луи Блана, Кантагреля, Кестнера, Виктора Гюго, Пьера Леру, Э. Кинэ, Жюля Симона, Шассена, Эли и Элизе Реклю, Вырубова (собственно, русский, но офранцузившийся), Литтре, будущих коммунаров Ж. Валлеса и Г. Флуранса и будущего усмирителя Коммуны Жюля Фавра; немцев: Л. Бюхнера, К. Грюна, Иоганна Якоби, А. Гегга, И.-Ф. Беккера; англичанина Д.-С. Милля; итальянцев Гарибальди и Дольфи; русских Герцена и Огарева [1] и пр.

---

[1] Герцен, как мы уже знаем, уклонился от участия в с'ездах Мира.

Уже некоторые из перечисленных выше имен, напр. И.-Ф. Беккер, показывают, что в первый момент между интернационалистами и буржуазными пацифистами не существовало непроходимой пропасти. Многие отдельные члены и секции Интернационала приняли участие в первом конгрессе Мира и Свободы. Так, парижская секция послала на этот конгресс тех же делегатов, что и на Лозаннский конгресс Интернационала; лионская — молодого журналиста Альбера Ришара, которому вскоре суждено было сделаться интимным другом Бакунина и участником его революционных предприятий; французская ветвь в Лондоне — Э. Дюпона. В Брюссельском местном комитете на-ряду с демократами участвовали Ц. де-Пап, Веррейкен и другие, имена которых мы встречаем и в деятельности Интернационала,, а местный социалистический комитет делегировал на конгресс Мира де-Папа. На конгрессе присутствовали также члены Генерального Совета Эккариус и Оджер. Женевская немецкая секция Интернационала была представлена в местном Комитете по организации с'езда И.-Ф. Беккером и другими. В общем свыше трети делегатов Лозаннского рабочего конгресса (24 из 64) приняли участие в Женевском конгрессе Мира [1].

По поводу обращенного к нему приглашения со стороны инициаторов пацифистского с'езда Лозаннский конгресс принял особую

---

[1] Разумеется, все это не говорит в пользу политической сознательности тогдашних социалистов и свидетельствует скорее о незрелости движения. Но глубоко ошибся бы тот, кто на этом основании вздумал бы оправдывать поведение Бакунина. Те члены Интернационала, которые сначала, не разобравшись, приняли участие в работах Лиги Мира и Свободы, не считали этого своим главным и основным делом, не оставляли Интернационала и не отходили от рабочего движения, которому придавали основное значение, в отличие от Бакунина, который примкнул к Интернационалу только п о с л е того, как не преуспел в буржуазной Лиге. Маркс, стоявший головою выше не только Бакунина, но и своих коллег по Генеральному Совету, сразу отнесся к затее буржуазных пацифистов резко отрицательно. В письме к Энгельсу от 4 сентября 1867 г., т.-е. накануне Лозаннского конгресса Интернационала, он говорил: «Ты знаешь, что я в Генеральном Совете выступал против присоединения к вралям из Лиги Мира. Моя речь продолжалась около получаса. Эккариус, который вел протокол, дал отчет в «Улье», где привел только пару моих фраз. Перепечатка в «Курьере» («Французский Курьер», орган Лиги Мира, выходивший в Париже под ред. Вермореля. — *Ю. С.*) с своей стороны опустила фразы о необходимости армий против России (т.-е. царизма. — *Ю. С.*) и о т р у с о с т и этих господ. Тем не менее эта история наделала много шума. Ослы с конгресса Мира... совершенно изменили свою первоначальную программу и даже вставили в новую, гораздо более демократическую, программу слова о «согласовании экономических интересов со свободою», — широковещательная фраза, которую можно толковать

резолюцию, показывавшую, какая путаница царила еще тогда в головах даже передовых рабочих. Эта резолюция, осуждая войны и систему вооруженного мира и признавая, что «мир, основное условие общего благосостояния, в свою очередь должен быть упрочен новым порядком вещей, свободным от деления общества на два класса, из которых один эксплоатируется другим», постановляла «всецело и всемерно присоединиться к конгрессу Мира... в Женеве, энергично его поддержать и принять участие во всех тех мерах, которые он предпримет для того, чтобы осуществить отмену постоянных армий и сохранение мира, в целях скорейшего освобождения рабочего класса и избавления его от власти и влияния капитала, равно как и в целях образования союза свободных государств во всей Европе». Эта резолюция представляла типичный образчик смешения социалистических воззрений с иллюзиями буржуазного пацифизма и стояла на точке зрения коалиции с буржуазией. Понадобился еще год, чтобы раскрыть глаза большинству тогдашних вождей рабочего движения на эту затею мещанской демократии, никчемность которой Марксу была ясна с самого начала [1].

Надо, впрочем, заметить, что и на Лозаннском конгрессе раздались возражения против безоговорочного присоединения к с'езду Мира. По предложению Толена и де-Папа к резолюции принято было дополнение, гласившее: «Принимая во внимание, что первичной и главной причиной войны является пауперизм и отсутствие экономического равновесия; что для уничтожения войны недостаточен роспуск армий, а необходимо еще изменение социального устройства в смысле все более равномерного распределения производства, — конгресс ставит свое присоединение в зависимость от принятия конгрессом Мира вышеизложенной декларации».

Для оглашения этой резолюции Лозаннский конгресс делегировал в Женеву трех своих членов: Гильома, де-Папа и Толена. Она была зачитана в заседании конгресса Мира 9 сентября Гильомом по-фран-

---

и просто как с в о б о д у т о р г о в л и. Они начали бомбардировать меня письмами и имели даже наглость прислать мне прилагаемую мазню с новой программой. Наглость заключается в том, что они адресовали мне письмо, как члену Женевского конгресса». Маркс считал для себя оскорбительным одно зачисление в члены пацифистского буржуазного конгресса. Н-да! То Маркс, а то Бакунин.

[1] Полностью эта резолюция приведена в моей брошюре «Международная политика рабочего класса», Петроград, 1917 г. а также в книге «Материалы к истории Первого и Второго Интернационалов», изд. «Новая Москва», М. 1926, стр. 61.

цузски и Бюхнером по-немецки. Характерно для тогдашней путаницы понятий, что адрес Интернационала не вызвал особенно многочисленных и резких возражений, а был встречен аплодисментами большинства. Раздавались даже елейные речи о примирении социалистов и буржуа [1], но до принципиального обсуждения поднятого резолюцией вопроса о преобразовании общества дело не дошло.

В этой мутной воде Бакунин должен был чувствовать себя как в родной стихии [2].

Появление Бакунина на конгрессе было для многих интересно. Впервые после двадцатилетнего перерыва он снова выступал на публичной арене, окруженный ореолом борца и политического страдальца. Неудивительно, что он был встречен с симпатией, смешанной с любопытством. Г. Вырубов в своих цитированных нами воспоминаниях так рассказывает о впечатлении, произведенном появлением Бакунина:

«Я... встретился с Бакуниным снова только через год, на Женевском конгрессе. Тут, среди собравшейся международной демократии, он очутился в своем настоящем элементе: он устраивал совещания, ораторствовал, писал проекты, программы, прокламации. Хорошо помню его чрезвычайно эффектное выступление на первом заседании конгресса. Когда он поднимался своим тяжелым, неуклюжим шагом по лесенке, ведущей на платформу, где заседало бюро, как всегда неряшливо одетый в какой-то серый балахон, из-под которого виднелась не рубашка, а фланелевая фуфайка, раздались крики: «Бакунин!». Гарибальди, занимавший председательское кресло, встал, сделал несколько шагов и бросился в его об'ятия. Эта торжественная встреча двух старых испытанных бойцов революции произвела необыкновенное впечатление. Несмотря на то, что в огромном зале было немало противников, все встали, и восторженным рукоплесканиям не было конца. На другой день Бакунин произнес блестящую речь, которая, как всегда, имела шумный успех. Если оратором считать того, кто удовлетворяет требованиям литературно образованной публики, изящно владеет языком, и в речах которого можно всегда найти начало, середину и конец, как поучал Аристотель, — Бакунин не был оратором; но он был великолепным народным трибуном, уменье говорить массам постиг в совер-

---

[1] В таком духе говорил душеприказчик Прудона, Шодэ.

[2] А что за путаница господствовала на этом пестром с'езде, видно из того, что Гарибальди в своих тезисах предложил признать веру в бога и религиозную пропаганду обязательной для членов конгресса и для демократов!!

шенстве и, что всего замечательнее, говорил им одинаково убедительно на разных языках. Его величавая фигура, энергические жесты, искренний, убежденный тон, короткие, как бы топором вырубленные фразы — все это производило сильное впечатление» [1].

Карл Грюн, не видавший Бакунина с середины 40-х годов, с своей стороны оставил нам описание своей встречи с Бакуниным в Женеве [2].

«Бакунин был все тот же, по крайней мере, внутренне; внешне он поседел, одежда на нем была в беспорядке, высокий стан согбен, рот без зубов, речь большей частью неразборчива. Но в остальном

---

[1] Приблизительно то же рассказывает в своих воспоминаниях отец пресловутого белого генерала, барон Н. Врангель. В молодости он, по его словам, был либералом и встречался с Бакуниным в Женеве, повидимому, в конце 1867 года. Какой-то знакомый русский эмигрант сообщил ему о приезде в Женеву Бакунина. «Я — рассказывает барон, — был ярый поклонник Герцена, и так как часто его имя произносилось рядом с именем Бакунина, я тоже пожелал его услышать и вечером отправился в Каруж (предместье Женевы. — *Ю. С.*). Пивная, в которой назначено было собрание, была переполнена. Все наши россияне были налицо и наперерыв лебезили перед великим революционером. Андреев (?) и меня представил Бакунину. Фигура его была крайне типична, как нарочито сколоченная для народного трибуна-демагога. Держался он, как подобает всемирной известности: самоуверенно, авторитетно и милостиво просто. Какой-то комитет или президиум, не знаю, как назвать, поднялся на эстраду, украшенную красным кумачом, красными флагами и гербами Швейцарии, какой-то бородатый суб'ект сказал несколько громких, подходящих к данному случаю слов, и Бакунин, тяжело ступая, взошел на трибуну и простоял несколько минут безмолвно. Вдруг как будто очнулся и заговорил. Содержания его речи я не помню, и едва ли его можно было передать. Логической последовательности в ней не было, мыслями она не изобиловала. Громкие слова, возгласы, удары грома, рычание льва, сверкание молнии, рев бури, что-то стихийное, поражающее, непостижимое. Этот человек был рожден трибуном, был создан для революции. Революция была его естественная стихия, и я убежден, что буде ему удалось бы перестроить какое-нибудь государство на свой лад, ввести туда форму правления своего образца, он на следующий же день, если не раньше, восстал бы против собственного детища и стал бы во главе политических своих противников и вступил в бой, дабы себя же свергнуть. Речь Бакунина произвела потрясающий эффект. Прикажи он публике перерубить друг другу горло, она без сомнения это бы сделала. К счастью, он этого не сделал, и мы на этот раз ограничились тем, что до боли отхлопали свои ладоши и до хрипоты натужили свою глотку» («Воспоминания. От крепостного права до большевиков». Изд. «Слово» Берлин, 1924, стр. 61—63).

[2] Воспоминания К. Грюна о Бакунине были напечатаны в выходившем под ред. Гвидо Вейса журнале «Die Wage» от 18 августа 1876 г. Приведены М. Гершензоном в «Голосе Минувшего», 1913, январь, стр. 186—187.

он не изменился, больше того — стал еще сердечнее, благодушнее, внимательнее. Он показал мне свою маленькую жену, свою «спасительницу». Я с трудом сохранил серьезность. Эта маленькая, худенькая полька рядом с русским богатырем едва доставала ему до груди. Точно пони рядом со слоном в цирке. Он отправил жену с каким-то молодым русским в театр, а для нас заказал настоящего китайского чаю с настоящим коньяком, и мы много и долго болтали. Он скупо удовлетворил мое любопытство относительно своего романтического бегства через три части света, и когда я просто заметил: «Ты бы это описал когда-нибудь», он ответил серьезно и сухо (мы говорили ради него по французски): «Il faudrait parler de moi-même» (т.-е. «пришлось бы говорить о себе самом»). Этого он не хотел, его личное «я» не имело для него значения [1]. Потом он взял меня за руку: «Все-таки хорошо, что мы снова увиделись и в принципе так единодушны, атеизм, коммунизм...». Третий «изм» я забыл, но это был не нигилизм, а нечто вроде «агамизма» или что-то в этом роде по смыслу [2].

«Насколько мне позволяют судить мои сведения и мое знание людей, Бакунин был честный человек. Он пострадал за свои идеи, жестоко поплатился за 48 и 49 годы, и как бы безумны ни казались его убеждения, в нем всегда было что-то здоровое, даже сердечное. Пусть его голова не раз срывалась с цепи, но его чувствования возбуждали симпатию. Никакой задней мысли, ничего желчного, никакого коварства, мании величия, ни грана тщеславия в нем не было. Он уклонялся от славы, насмехался над известностью. Он был и остался веселым после всех перенесенных им страданий, которые десять раз сокрушили бы всякого другого; только он, гигант, стряхивал с себя бремя рока и каждый раз снова являл изумленным друзьям улыбающееся лицо на богатырском торсе».

Бакунин выступил на втором заседании конгресса 10 сентября. Быть может, нигде он столь ярко не выразил своего революционного пораженчества, как в этой речи [3].

---

[1] Снова обращаем внимание на то, что Бакунину, видимо, тяжело было вспоминать об условиях своего освобождения.

[2] Повидимому, «анти-теологизм» — из знаменитой формулы «федерализм, социализм, анти-теологизм». О коммунизме Бакунин вряд ли говорил.

[3] Напечатана в «Историческом развитии Интернационала», стр. 302—307. Как видно из письма Бакунина к Барни, редактору «Annales» («Летописей Женевского Конгресса») от 3 января 1868 г. (напечатано в «Annales», стр. 186), Бакунин первоначально предполагал произнести большую речь, в которой

«Не заботясь о том, — говорил Бакунин — что подумают и скажут люди, судящие с точки зрения узкого и тщеславного патриотизма, я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений в убеждении, что ее успехи, ее слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и нерусских, ее нынешних жертв и рабов...

«В положении, созданном для империи последним польским восстанием, ей остаются только два выхода: или пойти по кровавому следу Муравьева, или распасться. Середины нет, а желать цели и не желать средств значит только обнаружить умственную и душевную трусость. Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно из двух: или итти путем и средствами Муравьева к усилению могущества империи, или заодно с нами откровенно желать ей разрушения. Кто желает ее величия, должен поклоняться, подражать Муравьеву и, подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. Кто, напротив, любит свободу и желает ее, должен понять, что осуществить ее может только свободная федерация провинций и народов, т.-е. уничтожение империи. Иначе свобода народов, провинций и общин — пустые слова. Право федерации и отделение, т.-е. отступление от союза, есть абсолютное отрицание исторического права, которое мы должны отвергать, если в самом деле желаем освобождения народов.

«Я довожу до конца логику постановленных мной принципов. Признавая русскую армию основанием императорской власти, я открыто выражаю желание, чтобы она во всякой войне, которую предпримет империя, терпела одни поражения. Этого требует интерес самой России, и наше желание совершенно патриотично в истинном смысле слова, потому что всегда только неудачи царя несколько облегчали бремя императорского самовластья. Между империей и нами, патриотами,

---

«пытался представить положение России по отношению к Европе, с одной стороны, и абсолютную несовместимость централизованного бюрократического и военного государства со свободой — с другой» Он «намеревался закончить ее развитием принципов федерализма и автономии провинций и коммун, которые... совместно с социалистическим принципом единственно способны дать Европе мир, основанный на действительном освобождении народов». Эта программа оказалась слишком обширной для 15 минут, предоставленных по регламенту каждому оратору. Бакунин, по его словам, оставался на трибуне не больше 10 минут и произнес свою речь экспромтом. В «Бюллетенях» с'езда она, по его словам, изложена была неверно, и впоследствии ему пришлось восстановить ее для «Летописей» по памяти. В этом восстановленном Бакуниным виде она нам и известна.

революционерами, людьми свободомыслящими и жаждущими справедливости, нет никакой солидарности» [1].

Переходя к общеевропейским вопросам, Бакунин продолжает:

«То, что... справедливо относительно России, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религиозной, бюрократической и военной централизации везде одинакова. Она цинично груба в России, прикрыта конституционной, более или менее лживой личиной в цивилизованных странах Запада, но принцип ее все один и тот же — насилие... Горе, горе нациям, вожди которых вернутся победоносными с полей битв! Лавры и ореолы превратятся в цепи и оковы для народов, которые вообразят себя победителями».

Не следует самообольщаться и воображать, что участники конгресса способны помешать войнам. Они с'ехались не для того, чтобы браться за очевидно непосильное дело, а для того, чтобы сообща изыскать условия, при которых международный мир возможен. Какие же принципы должны лечь в основу дела борьбы за мир?

«Эти принципы, истинные начала справедливости и свободы, должны быть непременно провозглашены именно теперь, когда недостаток принципов деморализирует умы, расслабляет характеры и служит опорой всем реакциям и всем деспотизмам. Если мы в самом деле желаем мира между нациями, мы должны желать международной справедливости. Стало быть, каждый из нас должен возвыситься над узким, мелким патриотизмом, для которого своя страна — центр мира, который свое величие полагает в том, чтобы быть страшным соседям. Мы должны поставить человеческую, всемирную справедливость выше всех национальных интересов. Мы должны раз навсегда покинуть ложный принцип национальности, изобретенный в последнее время деспотами Франции, России и Пруссии для вернейшего подавления принципа свободы. Национальность — не принцип: это законный факт, как индивидуальность. Всякая национальность, большая или малая, имеет несомненное право быть сама собой, жить по своей собственной натуре. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы.

«Всякий, искренно желающий мира и международной справедливости, должен раз навсегда отказаться от всего, что называется славой, могуществом, величием отечества, от всех эгоистических и тщеславных интересов патриотизма. Пора желать абсолютного царства свободы

---

[1] Многие анархисты, в том числе такие видные, как Д. Гильом и П. Кропоткин, во время последней мировой войны забыли эти слова Бакунина и потащились на поводу у империалистической буржуазии. Особенно позорно

внутренней и внешней. Программа наших комитетов приглашает нас обсудить основания организации Соединенных Штатов Европы. Но возможна ли эта организация с ныне существующими государствами? Вообразите себе федерацию, где Франция стоит на-ряду с великим герцогством Баденским, Россия на-ряду с Молдо-Валахией. Вообще, вообразима ли федерация централизованных, бюрократических и военных государств, какие покрывают всю Европу кроме Швейцарии?

«Всякое централизованное государство, каким бы либеральным оно ни заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплоататор народных рабочих масс в пользу привилегированного класса. Ему необходима армия, чтобы сдерживать эти массы, а существование этой вооруженной силы подталкивает его к войне. Отсюда я вывожу, что международный мир невозможен, пока не будет принят со всеми своими последствиями следующий принцип: всякая нация, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинция, всякая община имеет абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своим интересам, своим частным потребностям, и в этом праве все общины, все нации до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этим самым опасности во всех остальных.

«Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиться единства свободные, организованные снизу вверх свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы».

Как видим, в этой речи, при всех ее достоинствах, нет ни грана социализма или анархизма, если не считать одной фразы о государстве, как эксплоататоре народных масс в пользу привилегированных классов. Но и эту мысль мог разделять любой демократ, поскольку речь идет о государстве как эксплоататоре и о привилегированных классах. Осуждения самого принципа деления общества на классы и эксплоатации человека человеком здесь нет. Об'яснять этот характер бакунинской речи краткостью времени нельзя, ибо и в 10 минут можно было в основных чертах высказать свой социалистический символ веры, как это сделали некоторые другие ораторы,

---

было в этом отношении поведение русских анархистов, выступавших при существовании самодержавия с «патриотическими» лозунгами (вроде П. Кропоткина).

например, Э. Дюпон [1]. Речь Бакунина была речью демократа-федералиста, не более [2].

Почему это так вышло? Почему Бакунин, который якобы намеревался выступить на с'езде с изложением принципов тайного Интернационального Братства, т.-е. «Революционного Катехизиса», вдруг забыл о них на трибуне Женевского конгресса? Было ли это сделано преднамеренно? Мы думаем, что да. Мы полагаем, что Бакунин, надеясь впоследствии найти для себя в Лиге Мира и Свободы благоприятную почву и навербовать там сторонников для своих революционных конспираций, по соображениям тактического оппортунизма избегал сразу резко поставить вопрос, чтобы не вызвать этим раскола на первых же порах. Именно потому, что он не хотел вступать в Интернационал, он так дорожил трибуной Лиги и остерегался обострять отношения, желая остаться в Лиге для работы.

На прощальном банкете 12 сентября Бакунин произнес тост «за будущность Лиги и предстоящих конгрессов, которые, развивая установленные принципы и все более полно об'единяя рассеянных по свету республиканцев (!), ускорят пришествие истинной демократии путем федерализма, социализма и антитеологизма». Конечно, от застольных тостов многого требовать не приходится, но все же характерна эта надежда на торжество сакраментальной бакунинской триединой формулы, которую Неттлау спешит пояснить как «анархию, коллективизм и атеизм», т.-е. программу будущего анархического Интернационала, — торжество, которое воспоследует в результате об'единения «республиканцев» — каких, неизвестно. А ведь в программе для верных Бакунин умел различать «республиканцев» и указывать, что среди них имеются и сознательные буржуа, заклятые враги социализма и освобождения

---

[1] Впрочем, возможно, что некоторые декларации в социалистическом смысле Бакунин сделал, судя по тому краткому изложению его речи, которое по горячим следам дал в «Diogène» Д. Гильом. Он приводит следующую фразу Бакунина: «Мы знаем, что Россия возродится только принятием принципов федерализма и социализма, вопреки мнению г. Молинари, протестовавшему против социалистов» (во время чтения резолюции Лозаннского конгресса). Но эта фраза случайна и относится только к России.

[2] В высшей степени интересно впечатление, которое выступление Бакунина произвело тогда на Гильома, впоследствии ставшего ярым его последователем. «Я, — говорит Гильом (т. I, стр. 107), — был весьма далек от мысли, что он (Бакунин) сможет когда-нибудь сделаться членом Интернационала». Это весьма характерно: значит, Бакунин казался тогда самым обыкновенным демократом.

рабочих. Как раз такие и собрались в Лиге Мира и от них-то Бакунин ждал торжества истинно-анархической демократии!

Но Бакунин мог радоваться: ему удалось завербовать среди членов с'езда несколько новых членов в свое Интернациональное Братство. Из числа этих вновь завербованных «братьев» можно назвать Аристида Рея, Альфреда Накэ и Ш. Л. Шассена—трех буржуазных демократов, впрочем, недолго пребывавших в лоне путаного анархизма [1]. Особенно известен своими политическими вольтами А. Накэ, сначала радикал с анархическим налетом, затем буланжист, поклонник царизма, снова республиканец и проч. Интернациональное Братство много от

---

[1] Шассен еще с конца 1867 г. задумал издавать демократическую газету. Начала она регулярно выходить только с ноября 1868 г., но весною 1868 г. выпущен был пробный номер, в котором среди прочих была напечатана и статья Бакунина, представляющая первую печатную формулировку его программы. Так как она представляет изложение уже известных нам его взглядов и не дает ничего нового сравнительно с «Революционным Катехизисом», то мы на ней подробно и не останавливаемся. Одно только место статьи-письма заслуживаст быть приведенным, а именно то, в котором Бакунин осуждает воздержание рабочих от политической борьбы.

«Я вместе с вами оплакиваю ослепление той, будем, впрочем, надеяться, не слишком значительной части европейских рабочих, которые воображают, что, воздерживаясь от всякого вмешательства в политические дела своей страны, они тем вернее смогут отстоять свои собственные материальные интересы, и которые думают, что смогут добиться экономического равенства и справедливости, составляющих ныне предмет стремлений рабочего класса, иным путем кроме пути свободы. Единодушное свидетельство истории всех времен и всех стран доказывает нам, что справедливость никогда не дается тем, кто не может ее взять сам: логика, об'ясняя нам этот урок истории, подтверждает его. По самой своей сути привилегия, монополия, власть предержащая не уступают и не отказываются от своих прав, не будучи к тому принужденными: право для торжества в свою очередь должно сделаться силой. Эта истина настолько проста, она настолько подтверждается повседневным опытом, что можно удивляться тому, что находятся еще люди, способные в ней сомневаться. Равенство без свободы — это зловредная фикция, созданная мошенниками для одурачения глупцов».

Весь ход этой аргуметации Бакунина показывает, что он связывал тогда политическую борьбу рабочих с завоеванием политической свободы и осуждал политическое воздержание как отказ от борьбы за свободу, без которой, по его словам, немыслимо и равенство, т.-е. социальное освобождение. И его суровый приговор людям, думающим или говорящим, что равенство возможно без свободы, относится в такой же степени к проповедникам политического воздержания. Поэтому Неттлау совершенно напрасно возмущается по поводу того, что авторы брошюры об «Альянсе», ссылаясь (на стр. 85) на эту статью Бакунина, указывают, что

этих новых прозелитов не выиграло, и социальная революция не была этим ускорена ни на одну минуту. Но для той среды, из которой Бакунин выхватывал членов своего Братства, этот выбор весьма характерен.

Бакунин входил в состав Распорядительного Комитета Женевского с'езда, на обязанности которого лежало редактирование и предложение резолюций. Из русских кроме Бакунина в этот комитет входили Огарев и Вырубов; но участие первого было совершенно незаметно, а второй скоро выступил из состава Комитета. Так как 12 сентября конгресс был сорван сторонниками Фази, то окончательная выработка программы и постановлений была президиумом предоставлена Распорядительному Комитету, который должен был конституироваться в Берне. На последнем заседании Комитета вечером 12 сентября он об'явил себя постоянным и избрал своим местопребыванием Берн[1].

в 1868 г. он смотрел на этот вопрос не так, как в 1870 г., и что он тогда полагал, что «политическое воздержание это глупость, придуманная мошенниками для одурачения идиотов». Правда, авторы брошюры, цитируя, видимо, на память, приводят слова Бакунина неточно, но по существу они совершенно правы, и зря г. Неттлау по этому поводу иронически распространяется насчет «способа Маркса цитировать». Маркс-то тут во всяком случае не при чем.

[1] К этому времени относится следующий инцидент, впоследствии использованный анархической легендой. «Как раз во время конгресса Мира в Женеве, — рассказывает Бакунин в рукописи «Мои личные отношения с К. Марксом», — старый коммунист Филипп Беккер, подобно ему один из основателей Интернационала и его друг, во всяком случае на немецкий манер, т.-е. готовый при первом удобном случае ошельмовать и погубить его, если это можно сделать без риска скомпрометировать себя, передал мне от Маркса первый том, единственный до сих пор появившийся, в высшей степени серьезного, ученого, глубокого, хотя и несколько отвлеченного (!) труда под заглавием «Капитал». Тут-то я и совершил колоссальный промах. Я забыл написать Марксу благодарственное письмо». В письме к испанскому интернационалисту А. Лоренцо от 7 мая 1872 г. Бакунин возвращается к этой теме и продолжает: «В то время я совершил крупный промах. Я не поторопился поблагодарить его и принести ему мои комплименты за этот действительно замечательный труд. Давно знающий его старый Филипп Беккер, узнав о моем упущении, сказал мне тогда: «Как! ты до сих пор ему не написал? Маркс тебе этого никогда не простит!». Я однако не думаю, чтобы это послужило причиною возобновления враждебной кампании Маркса и марксистов против меня. Для этого существует более серьезная причина, чисто принципиальная, которая в соединении со старыми личными мотивами, породила то гнусное преследование, которому я теперь подвергаюсь с их стороны». Ясно, что при всех своих выкрутасах Бакунин все-таки связывает борьбу Маркса против его разлагающего влияния в Интернационале с такой мелочью, как упущение, допущенное им (а кстати — почему допущенное?)

4. Бакунин пытается революционизировать Лигу Мира и Свободы.

«Исход Женевского конгресса известен, — пишет Бакунин в цитированном выше очерке «Интернациональный союз социальных революционеров» [1]. — Женевцы, предводимые старым Фази, личностью более чем темною, придрались к словам Гарибальди против папства, чтобы посредством скандала избавиться от неприятности слушать в своем «кальвинском Риме» законопротивные речи [2]. Конгресс, не успев выработать программу, поручил составление ее Комитету, который должен был представить ее в следующий годичный конгресс на утверждение общества. Весь этот год (с сент. 1867 по сент. 1868) в Комитете шла борьба между буржуазным либерализмом и радикализмом большинства и социально-революционными идеями меньшинства, к которому принадлежал и Бакунин, в числе других выбранный в Комитет».

Направленная против Альянса, открыто выступившего в 1868 году после разрыва Бакунина с Лигой Мира, брошюра Энгельса-Лафарга [3] следующим образом выражается об этом периоде деятельности Бакунина: «Альянс Социалистической Демократии имеет чисто буржуазное происхождение. Он не вышел из Интернационала; он представляет отпрыск мертворожденного общества буржуазных республиканцев — Лиги Мира и Свободы. Интернационал уже прочно стоял на ногах, когда Бакунину взбрело в голову выступить в роли освободителя пролетариата. Интернационал предоставлял ему лишь общее всем его членам поле деятельности. Чтобы добиться там какого-нибудь положения, ему пришлось бы сначала заслужить себе шпоры усидчивой и преданной работой; но он счел нужным избрать более верные шансы и более легкий путь на стороне буржуа из Лиги. Итак, в сентябре 1867 г. он добился своего избрания в члены Постоянного Комитета Лиги Мира и принял свою

по отношению к Марксу, приславшему ему свою книгу сейчас же по выходе ее и этим показавшему свое хорошее т о г д а ш н е е отношение к нему. И Неттлау, приведя эти цитаты (стр. 358—359), замечает, глубокомысленно уставясь в землю лбом: «Каким бы незначительным ни могло показаться это дело, Бакунин не привел бы его, если бы оно не представлялось ему типичным, и случайно здесь содержится доказательство чувствительности Маркса как раз в э т о м случае». Ну, да, давно ведь известно, что анархисты всегда стоят на «принципиальной» высоте и не унижаются до «личных клевет», как злодейские марксисты!

[1] «Историческое развитие Интернационала», стр. 307.

[2] Фази просто хотел этим скандалом добиться католических голосов на предстоявших в Женеве выборах.

[3] «L'Alliance de la Démocratie Socialiste», 1873, стр. 4—5.

роль всерьез. Можно даже сказать, что он и Барни, в настоящее время депутат в Версале, были душою (?) этого комитета. Выступая в роли теоретика Лиги, Бакунин должен был опубликовать под ее фирмой произведение под заглавием «Федерализм, социализм и анти-теологизм»... Эта библия измов была прервана на третьем листе за отсутствием рукописи» [1].

О наивных попытках Бакунина навязать буржуазным либералам и демократам Лиги программу своего «Революционного Катехизиса», правда, в смягченной форме, стоит сказать несколько слов.

В состав Центрального Комитета Лиги председателем которого был избран проф. Густав Фохт, входили между прочим: от Швейцарии — Марти и Бюркли, от Англии — Оджер и Кремер, от Германии — А. Гегг, Якоби, К. Грюн, Ф.-А. Ланге, от Италии — знакомый Бакунина по Флоренции гр. Альберто Марио и Гамбуцци, от Франции — Аккола, Барни, Шассен, Шодэ, Накэ, Версиньи, от Польши — ген. Босак-Гауке, а впоследствии еще Мрочковский и Загорский, от России—Бакунин и Жуковский (впоследствии приглашен был и Огарев). Первые заседания Центрального Комитета состоялись 20 и 21 октября 1867 года. Англичане на этих заседаниях не присутствовали.

Бакунин принимал деятельное участие в обсуждении всех технических, организационных и программных вопросов, стоявших перед Комитетом. Он брал эту буржуазную Лигу всерьез и надеялся сделать ее опорным пунктом для пропаганды своих идей, выраженных в «Революционном Катехизисе» и в уставе Интернационального Братства. Под фирмою этой же Лиги он собирался выпускать свои произведения: какую-то брошюру против Маццини [2], о подготовлении которой он заявил на первом заседании Комитета, и брошюру «Федерализм, социализм и анти-теологизм», которую он даже надеялся навязать Лиге в качестве ее программы. Эту брошюру, повидимому, заготовленную еще в Италии, он зачитал при обсуждении вопроса о программе будущего органа Лиги «Les Etats-Unis d'Europe» («Европейские Соединенные Штаты»).

Заключения своего мемуара, сводившиеся к провозглашению атеизма, социализма и вольной федерации снизу вверх и поддержанные Альфредом Накэ, Бакунин предлагал признать первым пунктом программы Лиги Мира, т.-е. другими словами, превратить Лигу в обширное

---

[1] На самом деле Бакунин успел написать больше трех листов, но, повидимому, набрать тогда успели только два (или три).

[2] Неизвестно, была ли она в то время написана или просто была одним из многочисленных неосуществленных проектов Бакунина.

открытое анархическое общество. Комизм этого плана бросается в глаза.

У бюро был своей проект программы, в который Бакунин пытался внести поправки и дополнения в своем духе. Бакунин и Накэ предложили такую редакцию введения и 1-й статьи: «Принимая во внимание, что при том состоянии экономического унижения, в каком ныне находится подавляющее большинство европейского населения, никакое политическое и умственное освобождение невозможно, и что при таком положении вещей справедливость, прогресс и свобода неосуществимы,— Комитет заявляет, что абсолютно необходимо радикальное преобразование этого экономического положения трудящихся классов и что, не высказываясь относительно экономической системы, которая должна притти на смену нынешней[1], быть основанной исключительно на свободе, и которая не сможет иметь своим основанием существование распределительной справедливости, исходящей от какой-либо власти» и т. д. Несмотря на то, что авторы этого предложения тщательно запрятали всякий социализм, отказываясь предрешать характер будущего экономического строя, за него голосовали только Россия и Польша[2]. Германия и Франция ввиду разделения голосов не могли высказать своего мнения, а Италия и Швейцария голосовали против. Таким образом предложение было отклонено вследствие решающего значения голоса Швейцарии, как страны, в которой имел местопребывание Центральный Комитет (так требовал устав Лиги).

Точно так же при обсуждении первой части 2-й статьи отвергнуто было предложение добавить к названию Лиги слова «демократическая и республиканская». За голосовали опять-таки Польша и Россия, Германия снова не могла принять участия в голосовании, а Швейцария, Италия и Франция голосовали против. Итак, даже слепой мог видеть, что эта мещанская Лига не только безнадежна с точки зрения социализма, но и никуда не годится даже с точки зрения буржуазного демократизма. И Маркс был совершенно прав, говоря о «трусости» этих господ. Однако неунывающий Бакунин продолжал в поте лица трудиться над обращением этих бледно-розовых либералов в партизанов социализма и анархии.

Вторая часть той же 2-й статьи была голосами России, Польши, Италии и Франции против Швейцарии (снова при воздержании Герма-

---

[1] Курсив мой.

[2] Голосование происходило по нациям.

нии) принята в такой редакции: «Для того, чтобы Европейские Соединенные Штаты стали возможными, необходимо, чтобы каждое государство, входящее в эту федерацию, само было республиканским и федеративным, т.-е. основанным на самостоятельности частных ассоциаций в коммуне, коммуны — в провинции, а провинции — в нации». Для далекого и весьма туманного будущего демократы Лиги готовы были гласно признать республиканский принцип. В стиле этой резолюции нетрудно узнать Бакунина.

Наконец, по вопросу о религии голосами Польши, России, Германии и Италии против Франции и Швейцарии была принята резолюция, по которой Лига отвергает теологизм, признает, что мораль должна основываться на присущей человеку идее справедливости, и провозглашает неограниченную свободу совести.

Итак, совершенно ясно, что предложения Бакунина, вполне укладывавшиеся в рамки буржуазного демократизма и свободомыслия (о федерализме и атеизме), принимались его сотоварищами по Лиге, которые, впрочем, и без него могли бы их приблизительно так же сформулировать, но его предложение, содержавшее лишь отдаленный намек на социализм, даже в той затушеванной, нарочито туманной и, можно сказать, кастрированной форме, в какой он его преподнес великим революционерам из Центрального Комитета, было ими без дальних околичностей отклонено. А на другой день большинство, спохватившись, и вовсе вычеркнуло эти уже принятые постановления из программы.

Так кончилась первая попытка Бакунина революционизировать, социализировать и анархизировать Лигу Мира и Свободы. Однако он не выступил из нее, а продолжал еще сидеть в ней целый год. Повидимому, он все еще продолжал связывать с Лигой какие-то надежды. Он продолжал вербовать среди ее приверженцев людей в свое Братство и подготовлял шумное выступление на следующем конгрессе Лиги. В частности он хотел на ее средства и под ее фирмой выпустить в виде брошюры свою записку, прочитанную им в первом заседании Центрального Комитета.

Первоначально она была озаглавлена «Мотивированное предложение русских членов Постоянного Комитета Лиги Мира и Свободы, поддержанное французским делегатом А. Накэ и польскими делегатами В. Мрочковским и Я. Загорским». На корректурном листе заглавие гласило: «Федерализм, социализм (и) анти-теологизм. Мотивированное предложение русских членов ЦК Лиги Мира и Свободы», а затем окончательно изменено в «Федерализм, социализм и анти-теологизм.

Мотивированное предложение М. Бакунина Центральному Комитету Лиги Мира и Свободы»[1]. Брошюра, судя по переписке Густава Фохта, начала было уже набираться, но почему-то так и не вышла в свет. Возможно, что в конце концов заправилы Лиги не решились издать ее под своей фирмой.

В этой работе Бакунин подробно обосновывает свою программу, изложенную им уже в предшествующих работах, например, в «Революционном Катехизисе», и сводящуюся к атеизму, федерализму и социализму. Характерно, впрочем, для Бакунина, во многих отношениях оставшегося идеалистом (в философском смысле) до конца дней своих, что, отводя федерализму 10 страниц (русского перевода), а социализму — 11, он анти-теологизму отводит 68 страниц, а в сущности гораздо больше, ибо ведь рукопись осталась незаконченной, и неизвестно, сколько еще страниц этот ярый богоборец заполнил бы критикою религиозных представлений. Социальный вопрос в узком смысле, вопросы рабочего движения как такового занимали в кругу его идейных интересов гораздо меньше места, чем вопросы религиозные и отвлеченные.

Как плохо разбирался Бакунин в существовавших до него и в его время социалистических школах, видно уже из того, что величайшим социалистом новой эпохи он об'являет Прудона, который, строго говоря, с социализмом имел очень мало общего и был одним из последних (и далеко не самых передовых) могикан мелкобуржуазной частнособственнической идеологии [2]. По словам Бакунина, Прудон «во сто раз больший революционер и в делах, и по инстинкту», чем «все социалисты-государственники», в том числе и революционные коммунисты 30-х и 40-х годов XIX века. В Прудоне его восторгают анархизм, любовь к свободе и к деятельности свободных ассоциаций, вражда к правительственной регламентации и государственному покровительству, при чем Бакунин не замечает, что мирная ан-архия Прудона имеет очень мало общего с его, бакунинским, анархизмом, что никакой любви к ассоциациям у Прудона никогда не было, что это был законченный мелкий буржуа-консерватор и даже реакционер, что его вражда к правительственной регламентации носит совершенно специфический характер и

---

[1] Под таким заглавием она и была опубликована в I томе французского издания сочинений Бакунина («Oeuvres», I, Paris, 1895, под ред М. Неттлау, стр. 1—205). По-русски: М. Бакунин — «Избранные сочинения», т. III, изд. «Голос Труда», 1920.

[2] См. подробное доказательство этого в нашей брошюре «Прудон, отец анархии», 2-е изд., Ленинград, 1924.

подсказана озлоблением мелкого собственника против засилья крупного капитала, с одной стороны, и страхом того же мелкого буржуа перед диктатурой пролетариата — с другой. Впрочем, последняя черта была свойственна и Бакунину, который, хотел ли он этого или нет, бессознательно тоже отражал это отвращение мещанства к рабочему государству, регламентирующему хозяйственную жизнь по определенному плану.

Но особенно поразительна та политическая наивность, с которой Бакунин предлагает буржуазной Лиге сделать следующую декларацию (приводим ее конец): «Убежденная в том, что свобода без социализма это привилегия и несправедливость, а социализм без свободы это рабство и животное состояние, Лига провозглашает во всеуслышание необходимость коренного социального и экономического преобразования, имеющего целью освобождение народного труда из-под ига капитала и помещиков и основанного на строжайшей справедливости, не юридической, не теологической и не метафизической, а просто человеческой, на положительной науке и на самой неограниченной свободе» [1].

Разумеется, Лига, не отказываясь от самой себя, не могла принимать таких «деклараций», и просто диву даешься, как Бакунин мог в течение целого года заниматься такой ребяческой «работой». Или же он, более проницательный, чем буржуа из Лиги, понимал, что без таких деклараций она не найдет никакой почвы в массах, неизбежно захиреет и не в силах будет противостоять действительной Лиге Мира и Свободы, т.-е. Интернационалу? Неужели же Бакунин действительно хотел создать из Лиги противовес и соперника Международному Товариществу Рабочих и для этого готов был побудить свою мещанскую Лигу, хотя бы и лицемерно, пуститься во все тяжкие заведомо лживых «социалистических» деклараций? Или же он лелеял столь же вздорную мысль, добившись от Лиги «социалистических» заявлений, стать во главе ее и затем вступить в переговоры с Интернационалом не как скромный аспирант, смиренно, хотя и с запозданием, стучащийся в двери интернационального союза пролетариата, а как равный с равным, как человек, приводящий с собою целую крупную организацию, насчитывающую в своих рядах столько «громких имен», столько знаменитостей? Действия Бакунина наводят на мысль, что в этих предположениях кое-что было верного и что, подсовывая Лиге социалистические декларации, Бакунин проявлял не столько величайшую наивность, сколько немалую

---

[1] Русский перевод в издании «Голоса Труда» неполон и неточен.

(с своей точки зрения) дипломатическую хитрость. Он настолько затянул свое вступление в Интернационал, что теперь явиться туда с пустыми руками значило бы заранее обречь себя на довольно скромную роль, а не выступить в качестве претендента на обогащение международного пролетарского движения «новым словом».

Ниже мы увидим, как Бакунин после неудачи своих планов и после разрыва с Лигой отзывался о ней, об ее членах, об ее неспособности и нежелании усвоить социалистические идеи. А, пока что, он продолжал в ней сидеть, беря всерьез и ее, и свои расчеты на нее.

В письме к Вырубову от 16 января 1868 года Бакунин, признавая мещанскую заскорузлость Лиги, все же возлагает какие-то надежды на результаты своей возни с нею. «Я, — пишет он по поводу статьи о Лозаннском конгрессе, присланной ему Вырубовым, — с ней потому не согласен, что с самого начала ждал от конгресса гораздо менее того, что он дал, но совершенно согласен в том, что, помимо религиозного и социального вопросов, думать искать оснований для какого бы то ни было разрешения совершенно нелепо. Что ж прикажете делать с цветом западной цивилизации, что он, хотя теоретически, кажется, и понимает ясно, лишь только вступает на практическое поле, забывает все понятое и ищет спасения в рутине, практически оказавшей свою бесплодность! Вот я борюсь теперь с Берном. Наш бедный приятель горбатый [1], теперь на несколько лет успокоенный, был в Берне и, вероятно, Вам рассказал, какую борьбу мы вели против большинства. Я и теперь ее продолжаю. Вы избрали благую часть — науку, теорию, — да я и сам сижу теперь в ней по уши. Переделывая меморий, поданный мной Бернскому комитету под названием «Федерализм, социализм и анти-теологизм», я по случаю последнего попал в бездонную пропасть развитий — выйдет целая книжка, по крайней мере, в десять листов. Два листа уже напечатаны, третий и четвертый печатаются. Лишь только выйдет, пришлю Вам непременно, хотя все полно плода запрещенного» [2].

На заседании Центрального Комитета 31 мая — 1 июня 1868 года решено было созвать второй конгресс Лиги Мира в Берне после окончания Брюссельского конгресса Интернационала. Выработана была про-

---

[1] А. Накэ, сидевший в это время в тюрьме.

[2] А 17 марта он писал ему же: «Брошюру — лучше сказать, книгу — кончаю; главным образом меня задержал анти-теологизм, по поводу которого я развил все свое миросозерцание (курсив мой — *Ю. С.*). Надеюсь скоро прислать вам ее».

грамма, которую должен был признать всякий желающий быть членом Лиги и участвовать в ее с'ездах. Она гласила:

«Принимая во внимание, что, как определенно вытекает из решений, принятых на Женевском конгрессе, прочный мир при современном экономическом и политическом положении Европы неосуществим; принимая во внимание, что целью Лиги должно быть ведение активной пропаганды для основания свободы на организации справедливости в современном обществе, — Лига признает абсолютно необходимым не разделять трех основных моментов социальной проблемы: вопроса религиозного, вопроса политического, вопроса экономического. Ввиду этого она утверждает:

«1) что религия, дело личной совести, должна быть устранена из политических учреждений и из области народного просвещения, дабы церкви не могли впредь сковывать свободное развитие общества;

«2) что Европейские Соединенные Штаты не могут иметь другой организации кроме такой, которая основывается на народных учреждениях, имеющих связующим звеном федерацию, а основным принципом — равенство прав личности, равно как автономию коммун и провинций в деле регулирования своих соответственных интересов;

«3) что нынешняя экономическая система подлежит коренному изменению, если мы хотим добиться справедливого распределения богатств, труда, досуга и образования, этого основного условия освобождения трудящихся классов и устранения пролетариата.

«Лига протестует против всякой попытки социальной реформы, предпринимаемой каким-либо деспотическим правительством».

Третий параграф был принят по предложению Бакунина [1], который с чувством удовлетворения писал по этому поводу 14 июня Огареву: «Ты без сомнения читал программу второго конгресса и, надеюсь, ею доволен. Наконец отстояли-таки мы ее. Будем печатать на российском языке les cartes d'adhésions (пригласительные билеты) — согласен ли ты поставить в них, вместе со мной и Жуковским, твое имя? Отвечай».

Затем, за подписью председателя Густава Фохта, членам Лиги разослан был конфиденциальный циркуляр, составленный Бакуниным и, может быть, несколько измененный другими членами Центрального Комитета [2]. В этом циркуляре доказывалась необходимость сближения

---

[1] См. Guillaume — «L'Internationale», т. I, стр. 71.

[2] Об авторстве Бакунина заявил Н. Утин на конгрессе романской федерации Интернационала в апреле 1870 года. Это подтверждается и стилем циркуляра, напоминающим уже известные читателю произведения Бакунина. Какое значение Бакунин придавал этому документу, видно из письма его

Лиги с Международным Товариществом Рабочих. «Для будущности нашей Лиги, — говорил циркуляр, — это жизненный вопрос, ибо исход этого конгресса решит, будет ли она дальше существовать или нет...[1] Наш второй конгресс должен в еще большей степени, чем первый, быть торжественным протестом справедливости, разума и свободы против лжи и деспотического насилия великих военных и бюрократических держав. Его целью должно быть пробуждение в народах чувства своей силы и сознания своих обязанностей и своих прав. Ясно, что до тех пор, пока народы останутся разделенными, они не в состоянии будут противостоять угрожающей коалиции всех организованных насилий, равно как всех реакционных и привилегированных интересов Европы. Фатальному союзу угнетателей необходимо противопоставить союз народов — союз рабочих... Главное же, никогда не забывайте, что наше дело по своей цели, равно как по своим средствам и характеру, является по преимуществу народным делом. У нас лишь постольку есть будущее, и лишь постольку мы сумеем дать что-нибудь, поскольку мы будем истинными и искренними представителями миллионов рабочих, которые создают богатство и цивилизацию, но которые до сих пор исключены из пользования ими и участвовали в них лишь путем невероятнейших повседневных жертв. Чтобы сделаться благодетельной и действительной силой, наша Лига должна стать чисто политическим выражением великих социально-экономических интересов и принципов, которые ныне столь победоносно развиваются и распространяются великим Международным Товариществом Рабочих Европы и Америки».

Последнею фразою Бакунин выдает себя с головой. Итак, в произведениях, предназначенных для «верных» из тайного Братства и, надо полагать, выражавших заветные убеждения Бакунина, доказывается и на все лады повторяется, что отныне всякая чисто политическая револю-

---

к Беккеру от 16 августа 1868 г., в котором он писал: «Мне удалось сделать здесь все, что я предполагал. Мы только что отправили в типографию нечто вроде воззвания или конфиденциального письма к преданным людям всех стран, в котором полно и открыто изложены наши принципы и наша цель, и благодаря которому наш конгресс получает свой настоящий характер. Большое количество экземпляров его будет послано женевскому Интернационалу, а Вам специально будут отправлены 30 экземпляров с тем, чтобы Вы могли переслать их тем из Ваших друзей социал-демократов в Европе, которых Вы считаете наиболее подходящими для дела нашей пропаганды. Теперь, когда мы открыто и полностью высказались за Вас, Вы, надеюсь, поможете нам всем Вашим влиянием».

ция, чисто политическое движение есть преступление, обман и великая ложь нашего времени. Это учение эсотерическое. А учение экзотерическое впускает через окно «чистую» политику, только что выгнанную в дверь. Лиге отводится роль «чисто политического выражения» социально-экономических интересов, развиваемых и защищаемых Интернационалом. Что же, разве сам Интернационал не был таким политическим выражением этих интересов?[1]. И как можно отделять эти интересы от их политического «выражения»? Не значит ли это заранее ограничивать задачи рабочего движения отстаиванием «чисто экономических», чтобы не сказать — узко корпоративных интересов рабочего класса, доверяя буржуазной интеллигенции отстаивание его политических, т.-е. общих и высших его интересов? И не оказывается ли таким образом бакунинский анархизм своеобразным «экономизмом», правда, прикрытым революционной фразеологией, но от этого не перестающим иметь по существу реакционный характер? Не являлась ли его мысль о таком разграничении функций Интернационала и Лиги Мира колоссальным шагом назад даже по сравнению с уже достигнутым тогда уровнем международного рабочего движения?

Так оно и было. Несчастье Бакунина заключалось, во-первых, в крайней туманности его социально-политических воззрений, в непонимании сущности классовой борьбы в современном обществе, в частности — в непонимании задач и характера мирового движения пролетариата, а, во-вторых (и этот вопрос, если исключить личные мотивы, тесно связан с первым), в том, что он, увлекшись своими фантастическими тайными «братствами», сильно запоздал с приобщением к международному рабочему движению, со вступлением в Интернационал, а теперь, начав понимать свой промах, вместо открытого и гласного его признания, хотел отступить с боем и придать своему вхождению в Интернационал вид не скромного, обычного личного вступления, а равноправного договора одной сильной коллективной стороны с другой такой же стороной и даже, как увидим, договора, предо-

---

[1] Густав Фохт, крайне недовольный социалистическим уклоном Бакунина и предостерегавший его в своих письмах от пагубных результатов такого уклона, все-таки подметил слабость этого пункта бакунинского плана. 3 сентября Фохт писал ему: «Если мы являемся только (ему и этого было мало! — *Ю. С.*) политическим выражением Международного Товарищества Рабочих, то зачем мы вообще существуем? Если рабочие способны обсуждать социальные вопросы, то они наверное столь же способны обсуждать политические последствия этих вопросов, и если мы станем выступать в виде их политического выразителя, по какому праву станем мы вмешиваться еще в их социальные интересы?».

ставляющего новым аспирантам небывалые привилегии в смысле признания за ними права образовать в Интернационале своего рода государство в государстве. Вот почему он придумывал для Лиги невозможные и даже противоречащие здравой человеческой логике задачи. Ибо, если Интернационал «победоносно» развивал и распространял (Бакунин сознательно упустил прибавить: «выражал» и «защищал») «великие социально-экономические интересы и принципы», то ясно, что для Лиги Мира на предлагаемой Бакуниным почве не было места под солнцем, ибо она могла быть или ненужным, а потому вредным, двойником и копией Интернационала, или его неизбежным соперником, вносящим разделение и раскол в рабочие ряды. С какой стороны ни подходить к плану Бакунина, он не выдерживал никакой критики и свидетельствовал лишь о его величайшей растерянности, проявившейся в связи с начавшим пробиваться у него сознанием никчемности и даже вредности Лиги Мира и Свободы, с которой он так неосторожно связал свою судьбу.

Брошюра об «Альянсе», непосредственно после приведенного нами в начале этого параграфа отрывка, продолжает: «Однако скоро он (Бакунин) убедился, что Лига остается ничтожным обществом, и что входившие в ее состав либералы видят в своих конгрессах лишь средство соединения увеселительной поездки с высокопарными речами, в то время как Интернационал, наоборот, рос с каждым днем. Тогда он начал мечтать о прививке Лиги к Интернационалу. Для осуществления этого плана Бакунин по рекомендации Элпидина добился в июле 1868 года приема в члены женевской Центральной секции [1]; с другой стороны, он

---

[1] Непримиримый анархист М. Неттлау, не допускающий, чтобы из марксистского Назарета могло выйти что-либо путное, отвергает и это свидетельство брошюры об «Альянсе» (прим. 1557) подобно тому, как раньше он отверг свидетельство Маркса о том, что Бакунин (в первый раз!) был принят им в члены Интернационала еще в октябре 1864 года. При этом он ссылается на устное сообщение Н. Жуковского, который де уверял его, что Бакунин вступил в Интернационал лишь после Бернского конгресса, т.-е. в октябре 1868 года. Не говоря уже о том, что при воспоминании о мелких событиях чуть ли не через 30 лет после их совершения всегда возможны ошибки памяти, и потому к таким свидетельствам историку приходится относиться особенно осторожно, пикантное истории заключается в том, что именно на Жуковского в данном случае ссылаться нельзя было, ибо Жуковский, по крайней мере, в свое время, т.-е. в 1868 году, очень хорошо знал о вступлении Бакунина в Интернационал именно л е т о м 1868 г. и знал об этом по той простой причине, что сам был рекомендован Бакуниным в члены Интернационала уже в а в г у с т е 1868 года. Этому имеются и документальные доказательства, во-первых, в виде собственного заявления Бакунина в его статье об Альянсе (в сборнике «Историческое развитие Интернационала»,

провел в Комитете Лиги резолюцию о предложении Брюссельскому международному конгрессу заключить оборонительный и наступательный союз между обоими обществами [1], а для того, чтобы конгресс лигистов санкционировал эту пылкую инициативу, он составил, а затем побудил Комитет принять и разослать конфиденциальный циркуляр «господам» [2] из Лиги. В нем он открыто признает, что Лига, бывшая до тех пор бессильным фарсом, может приобрести значение, лишь противопоставив союзу угнетателей «союз народов, союз рабочих,.. мы сможем сделаться чем-нибудь лишь постольку, поскольку мы захотим быть искренними и серьезными представителями миллионов рабочих». Провиденциальная миссия священной Лиги заключалась в преподнесении самозванного буржуазного парламента рабочему классу, который приглашался доверить ей заботу его политического руководства».

Бакунин напрягал усилия к тому, чтобы как-нибудь свести Лигу с Интернационалом. По его предложению председатель Центрального Комитета Лиги, Густав Фохт, обратился к председателю Брюссельского конгресса Интернационала с письмом, в котором от имени Лиги выражал рабочему конгрессу глубокую симпатию и горячее пожелание успеха социального преобразования, этой возвышенной цели Ассоциации Рабочих; далее выражалась надежда на то, что совместными усилиями Лиги и Интернационала удастся сломить преграды, воздвигнутые предрассудками и несправедливыми учреждениями между различными классами

стр. 311), где написано черным по белому, что членом Интернационала Бакунин «состоял еще с июня (возможно, что это описка вместо июля) того же (т.-е. 1868) года», и, во-вторых, в виде письма Бакунина к И.-Ф. Беккеру от 9 августа 1868 года, напечатанного в «Архиве» Грюнберга (том V, стр. 189). Вот что между прочим писал Бакунин Беккеру: «Я рекомендовал Жуковского Интернационалу, который, надеюсь, не откажет принять его в число своих членов: этой чести он, пожалуй, заслуживает больше, чем я, работник революции, тогда как он является настоящим рабочим, будучи учителем русского языка и воспитателем, в революционном смысле этого слова, русской молодежи в Веве, как и наш друг Реми» (профессор, впоследствии тоже член «Альянса»). Во-первых, ясно, что рекомендовать человека в Интернационал мог только его член, а, во-вторых, Бакунин прямо говорит о себе как о члене Интернационала, находя только с деланым смирением, что Жуковский больше заслуживает этой чести. Неттлау и на этот раз ошибся, к чему, впрочем, ему не привыкать стать, и должен был через несколько страниц в примечании 1587 признать свою ошибку (на основании собственного заявления Бакунина, которое он вначале прозевал, когда писал примечание 1557).

[1] Об этом мы говорим ниже.

[2] Этот изложенный выше циркуляр начинался обращением «Monsieur» (т.-е. милостивый государь).

и народами, и передавалось приглашение участникам Брюссельского конгресса пожаловать на второй с'езд Лиги в Берне 21 сентября [1].

Этим Бакунин, повидимому, предвидевший и подготовлявший свой разрыв с Лигой и переход к Интернационалу, не ограничился. Он сам обратился с письмом к Брюссельскому конгрессу, которое было оглашено де-Папом [2] на втором заседании конгресса 6 сентября. В этом письме Бакунин посылал конгрессу свой братский привет и выражал сожаление, что занятия препятствуют ему лично туда явиться. Сверх того он послал конгрессу и программу русской социалистической демократии (судя по изложению ее в отчете о конгрессе, ту самую, которая была напечатана в № 1 «Народного Дела»).

Но расчеты Бакунина не оправдались. За истекший год Интернационал сильно вырос и в идейном, и в организационном отношении. Расхождение между пролетарской и буржуазной демократиями, которые Бакунин наивно надеялся как-то об'единить, искусственно разграничив между ними функции, сделало еще один шаг вперед. Влияние путаников-прудонистов в рядах Международного Товарищества ослабело. И на этот раз конгресс отнесся к Лиге Мира гораздо более сурово, чем это имело место в Лозанне. Брюссельский конгресс перед этим принял довольно решительную резолюцию, в которой говорил, что конец войнам может быть положен только социальным преобразованием и рекомендовал для борьбы с войною применить всеобщую стачку (полный текст резолюции см. в моей книге «Первый Интернационал», стр. 145—146). И когда дело дошло до обсуждения приглашения Лиги Мира, то конгресс, отказавшись послать на ее с'езд своих официальных представителей, постановил только отправить туда трех своих членов для того, чтобы ознакомить лигистов с резолюциями рабочих конгрессов в Женеве, Лозанне и Брюсселе, и признал, что ввиду существования Международного Товарищества Рабочих, деятельность которого действительно в состоянии положить конец войнам, существование Лиги Мира представляется совершенно излишним, а потому Интернационал предлагает ей присоединиться к нему, а членам ее — вступить в его секции [3].

---

[1] Это письмо напечатано на стр. 41 официального отчета о Брюссельском конгрессе.

[2] Возможно, что письмо и было адресовано де-Папу, который, как мы знаем, одно время числился членом бакунинского «Братства».

[3] Это постановление вызвало некоторые протесты и среди неразобравшихся членов Интернационала, в частности — членов второй Парижской Комиссии, сидевших в то время в тюрьме С.-Пелажи (Комбо, Малон, Клюзере, Варлен, Ландрен и др.).

Этим неожиданным оборотом дела Бакунин был чрезвычайно смущен. Со стороны членов Лиги на него посыпались нападки за то, что он своими предложениями вовлек Лигу в невыгодную сделку. Густав Фохт написал ему по этому поводу полное упреков письмо, на которое Бакунин дал ответ, показывающий, насколько двойственной и растерянной была в тот момент его политика по отношению к Лиге и Интернационалу. Вот что писал Бакунин Фохту (приблизительно в середине сентября 1868 года) [1].

«Дорогой друг!

«Спешу тебе ответить. Нет, у меня никогда не было намерения потопить нашу Лигу в Интернациональной Лиге Рабочих [2]. Признать и возвестить, что мы принимаем за исходный пункт и за основу своих политических принципов великие экономические и социальные принципы, усвоенные Интернациональной Лигой Рабочих, не значит тащиться на буксире и стать рабом этой Лиги. Социальные принципы не являются чьей-либо частной собственностью. Конечно, выразителями их скорее могут быть рабочие, чем интеллигенция, вышедшая из среды буржуазного класса, ибо рабочих толкает к ним жизненная необходимость, мы же, наоборот, приходим к ним под влиянием логической последовательности нашей мысли. Но с того момента, как мы восприняли эти принципы как разумом, так и благодаря чувству справедливости, и они стали для нас жизненной потребностью, — никто сверху или с н и з у не имеет права запретить нам говорить, об'единяться и действовать во имя этих принципов, которые в одинаковой мере принадлежат нам, как и рабочим, хотя бы последние пришли к ним иным путем.

«Некоторые лица из Интернационала, с которыми я беседовал в Женеве, равно как и вся масса, образующая женевский Интернационал, высказали по поводу нашего союза совершенно иное мнение, чем только что выраженное в Брюсселе. В числе прочих Перрон сказал мне, что с того момента, как обе наши Лиги, не сливаясь друг с другом, об'единились бы с тем, чтобы одна из них занялась если не исключительно, то главным образом экономическими вопросами, а другая — политическими, религиозными и философскими, при чем та и другая положили бы в основу тот же самый принцип свободы, справедливости

---

[1] Это письмо приведено у Неттлау, стр. 253—255, и с рядом характерных пропусков перепечатано у Гильома (т. I, стр. 72—74).

[2] Замечательно, что Бакунин для чего-то переделывает в этом письме общеизвестное название Интернационала (Международное Товарищество или Ассоциация Рабочих) в «Лигу». Сделано ли это преднамеренно, для уподобления его Лиге Мира, или вследствие растерянности, неясно.

и равенства в экономическом и социальном отношениях, — мы приобрели бы силу, чтобы держать в своих руках судьбы всей грядущей революции. Филипп Беккер говорил со мною в таком же духе. Я не знаю, что делали эти двое граждан на Брюссельском конгрессе. Возможно, что они не сдержали своего слова, возможно также, что чье-нибудь более сильное влияние запугало их и заставило их молчать. Как бы то ни было, мы должны рассматривать принятое Брюссельским конгрессом решение отнюдь не как выражение чувств представленных там рабочих масс, а как проявление недоверия или даже, если хочешь, недоброжелательства определенной клики, центр которой ты, без сомнения, так же хорошо отгадал, как и я [1].

«Решение, которое было принято или, вернее, навязано Брюссельскому конгрессу по отношению к нам, является наглостью. Отстаивая с полным сознанием собственного достоинства свое право на существование и свою точку зрения, мы не должны допустить, чтобы эта наглость, эта жгучая несправедливость оказала прискорбное влияние на самый характер нашей Лиги в смысле его сужения. Мы должны ответить на нее наглядным проявлением нашей независимости, нашего высшего понимания и самой нашей справедливости [2].

«Какой бы неприятной и мелочной ни выказала себя Лига Рабочих по отношению к нам, мы все же не можем и не должны игнорировать огромное и полезное значение Брюссельского конгресса. Это — великое, величайшее событие наших дней; и если мы только искренние демократы, то мы должны не только желать, чтобы Интернациональная Лига Рабочих в конечном счете охватила все рабочие организации Европы и Америки, но и приложить к этому все старания, потому что она одна представляет теперь подлинную революционную силу, которая изменит лицо мира.

«Социализм, ныне ею представляемый, это уж не тот школьный, догматический, авторитарный социализм периода до 1848 года, который никогда ни к чему другому не приводил, как к созданию мелких сект, школ и изолированных церквей. Это уже не абстрактная мысль, тщетно силящаяся стать реальностью и жизнью. Это сама жизнь, ищущая своей мысли. Вот почему каждое из его прогрессивных развитий носит печать силы. Но это обусловливает также особый характер этой Лиги и намечает путь, по которому она должна следовать. Она исходит из экономических вопросов, чтобы медленно, но верно подойти к во-

---

[1] Явный намек на Карла Маркса!

[2] Последнее предложение у Гильома пропущено.

просам политическим. И она тысячу раз права, когда не покидает своей экономической почвы, которая представляет ее реальную почву и которая обеспечивает ей не только сочувствие и доверие, но и активное сотрудничество широких масс европейских рабочих. Вот почему, идя к разрешению политических, религиозных и даже социальных вопросов, взятых в более широком смысле — например, по отношению к женскому вопросу, — она подвигается и должна подвигаться с величайшей осмотрительностью и постепенностью, дабы не оставить рабочую массу позади себя.

«Наше положение совсем иное. Наша Лига об'единяет людей с более или менее развитым научным образованием и с привычкой к широкому синтезу, способных охватить единой мыслью всю серию идей и вопросов, совокупность которых составляет революционную программу [1].

«Мы можем и должны оказать большие услуги делу социалистической демократии и самой Интернациональной Лиге Рабочих, ставя и подготовляя вопросы и освещая тем самым политический путь, по которому нужно следовать, чтобы притти к полному разрешению самого социального вопроса. Но для того, чтобы мы действительно могли достигнуть этой цели, нам абсолютно необходимо принять со всей откровенностью и со всеми его последствиями следующий основной принцип, разделяемый также Интернациональной Рабочей Лигой: экономическое уравнение всех классов и всех человеческих личностей на всем земном шаре [2], следовательно — отмена наследственной собственности, передача земли и всех орудий труда всемирной федерации рабочих союзов,—федерации, в которой поистине должны будут потонуть все современные государства и все политические институты, основанные на частной и наследственной собственности на капиталы и землю.

«Наконец, об'единение физического и умственного, мускульного и нервного труда, сделавшегося по самой сути вещей, т.-е. в силу самой

---

[1] Гильом выпустил последние два абзаца, понимая, насколько они компрометируют Бакунина, который через пару недель по написании этих строк должен был расплеваться с «просвещенными» буржуями из Лиги Мира, якобы обладавшими более широким революционным «синтезом», чем рабочие.

[2] Когда впоследствии Бакунин предлагал такую резолюцию второму с'езду Лиги Мира, а затем внес этот пункт в программу Альянса и вызвал этим иронический критику Маркса, он пытался в письме от 22 декабря 1868 г. (см. том III) уверить Маркса, что эта неудачная формулировка была навязана ему и его друзьям глупостью и политической неопытностью буржуазной аудитории Бернского конгресса. Из письма его к Фохту видно, что эта формула принадлежала ему самому, и что он навязывал ее другим.

организации свободы, равенства и справедливости, одинаково обязательным для всех, столь же обязательным и равным, как должны будут ими стать воспитание и образование на всех ступенях обучения и в одинаковых экономических условиях для всех детей, взрослых и подростков вплоть до совершеннолетнего возраста [1].

«Если мы положим этот принцип в основу всей нашей работы и нашей деятельности, то действительно станем очень полезными и заставим рабочих Интернационала признать реальную пользу нашей Лиги.

«Если же, наоборот, мы отвергнем этот принцип или даже, не отвергая его прямо, будем лишь продолжать его игнорировать, то станем не просто бесполезной, но даже вредной и реакционной Лигой. И тогда рабочие будут тысячу раз правы, когда не только оттолкнут нас, но и вступят с нами в борьбу и уничтожат нас. Ибо не забудем, дорогой друг, что с и л а́ у н и х, а н е у н а с (курсив мой). Докажем же им наше право на существование, больше для их блага, чем для нашего собственного.

«Ты еще спрашиваешь меня, что̀ я намерен сделать, чтобы сообщить моим друзьям по Интернационалу о моем неодобрительном отношении к их постановлению. Но я собираюсь сделать весьма простую вещь. Я попрошу у вас разрешения ответить от имени Центрального Комитета на их наглое предложение, и я еще более ясно выскажу то, что выше написал тебе [2].

«До субботы. Я сейчас узнал, что Реклю с двумя друзьями прибудут в субботу в Берн».

По этому поводу брошюра об «Альянсе» замечает: «Брюссельский конгресс посмел отклонить предложение Лиги. Велики были разочарование и гнев Бакунина. С одной стороны, Интернационал ускользал из его попечительных рук. С другой стороны, президент Лиги, профессор Густав Фохт, пробрал его хорошенько. Или ты, писал он Бакунину, не был уверен в действии нашего приглашения, и в таком случае ты скомпрометировал нашу Лигу; или же ты знал, какой сюрприз готовят нам твои друзья из Интернационала, и в таком случае ты недостойным образом нас обманул. Я тебя спрашиваю, что́ мы теперь скажем нашему конгрессу... Бакунин ответил ему письмом, читать которое предоставлялось всякому желающему. Я не мог предвидеть, говорил он, что конгресс Интернационала ответит нам столь же грубым, сколько и

---

[1] Этот абзац также выпущен у Гильома.
[2] Этот абзац тоже выпущен Гильомом.

претенциозным оскорблением, но это об'ясняется интригами известной немецкой клики, ненавидящей русских (устно он раз'яснял своей аудитории, что речь идет о клике Маркса). Ты спрашиваешь меня, что́ мы будем делать. Я прошу чести ответить на это грубое оскорбление от имени Комитета с трибуны нашего конгресса».

Неттлау находит изложение письма Бакунина настолько тенденциозно-неточным, что сомневается и в содержании письма Г. Фохта. Мы же находим, что изложение брошюры об «Альянсе» слишком еще мягко и не отмечает всех отрицательных сторон бакунинского письма.

А между тем это письмо показывало не только то, что Бакунин готов был начать борьбу с Интернационалом, используя для этого, с одной стороны, буржуазную Лигу, а с другой — некоторых неустойчивых и неразбирающихся членов Интернационала, но и то, что он и в этот критический момент совершенно не понимал ни сущности, ни задач рабочего движения. Для него вопрос шел как будто о том, имеет ли кто-либо или нет право запрещать кому-либо интересоваться или заниматься социальным вопросом. Основной принцип Интернационала (который он впоследствии толковал вкривь и вкось), а именно, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих», остается для Бакунина в сентябре 1868 года книгой за семью печатями. Из того, что отдельные выходцы из буржуазного класса готовы стать на сторону пролетариата, Бакунин делает вывод, что буржуазия или такая насквозь буржуазная организация, как Лига Мира, способна бороться за социализм так же хорошо, а благодаря своему образованию, пожалуй, и лучше, чем рабочий класс. И решение, принятое Брюссельским конгрессом, Бакунин провозглашает «наглым предложением»[1] и собирается выступить против него от имени Центрального Комитета Лиги!

Как увидим ниже, Бакунину своего намерения выполнить не пришлось. За пару недель, протекших между написанием письма к Г. Фохту и открытием Бернского конгресса, он успел передумать и понять, что будущее принадлежит не буржуазной Лиге, в которой он бесплодно хлопотал целый год, а именно Интернационалу, которому он собирался об'явить войну. Быть может, ему раз'яснили это его более проницательные товарищи.

---

[1] Оно было только наивным, поскольку, хотя бы теоретически, допускало возможность массового вступления лигистов в секции Интернационала.

5. Бернский конгресс и разрыв Бакунина с Лигой Мира.

Вместо выступления против Интернационала, о котором Бакунин писал Г. Фохту, ему пришлось на Бернском конгрессе выступить против большинства Лиги. Столкновение между правым, чисто буржуазным, крылом Лиги и ее левым, радикальным крылом раньше или поздно должно было неизбежно разразиться. Оно было ускорено быстрым ростом Интернационала, показавшим Бакунину и его единомышленникам, что медлить долее невозможно, и что решать вопрос о своей дальнейшей политической деятельности необходимо сейчас же. Бакунин и его друзья не могли не сознавать, что они и без того слишком долго засиделись в буржуазной Лиге, и что дальнейшая отсрочка присоединения к растущему международному рабочему движению может сыграть для них роковую роль.

Сам Бакунин [1] спустя пять лет в следующих словах охарактеризовал столкнувшиеся в Лиге направления:

«Наконец, по прошествии года, на втором (Бернском) конгрессе Лиги борьба этих двух партий разыгралась и решилась окончательно. Глубокое различие в коренных принципах двух фракций тогдашней Лиги нашло себе полное выражение в вопросе об отношении Лиги к социальному вопросу. В то время как социально-революционное меньшинство требовало признания этого вопроса со всеми его последствиями главным и единственно существенным и на основании этого вменяло Лиге в обязанность признать полное равенство, не только политическое, но и экономическое всех людей, либеральное большинство не намеревалось итти дальше покровительственного и филантропического отношения к так называемым «справедливым притязаниям» рабочих масс. Это большинство состояло из нескольких французских адвокатов императорской оппозиции в гамбеттовском роде, как расстрелянный Коммуной за версальские интриги адвокат Шодэ, из радикальных доктринеров, свободных мыслителей, эмансипированных женщин, либеральных пасторов и тому подобных буржуазных либералов разных сортов и, наконец, из всех немцев всевозможных партий и цветов, которые все оказались одинаково враждебны антигосударственным идеям Бакунина».

Бернский конгресс Лиги Мира заседал с 21 по 25 сентября 1868 г. Вторым пунктом порядка дня стояло «отношение экономического и социального вопроса к вопросу о мире и свободе». Прения по этому

---

[1] «Историческое развитие Интернационала», стр. 307—308.

пункту, составлявшему стержень конгресса, начались в заседании 23 сентября. Внесены были три предложения: Густава Шодэ (с поправкой Фрибура), Ладендорфа и Бакунина, представленное им от своего имени и от имени нескольких друзей. Последняя резолюция гласила: «Принимая во внимание, что наиболее властно встающий перед нами вопрос заключается в экономическом и социальном уравнении классов и личностей [1], конгресс утверждает, что вне этого уравнения, т.-е. вне справедливости, свобода и мир не осуществимы. Поэтому конгресс ставит в порядок дня изучение практических средств к разрешению этого вопроса».

В защиту этой резолюции Бакунин произнес на конгрессе две речи. В первой он заявлял, что «мы все (т.-е. члены конгресса!) социалисты», и на этом основании требовал от конгресса признания принципа равенства не только политического, но и социального и экономического. Иначе, говорил он, рабочие нам не поверят и оттолкнут нас как двуличных союзников и лицемерных братьев. Указывая на рост Интернационала и на пробуждение рабочих масс, Бакунин требовал от конгресса присоединения к требованиям рабочих.

«Хотим ли мы искренно, как они, и вместе с ними экономического и социального равенства или же того, что на языке буржуазного социализма называется улучшением участи столь интересного рабочего класса? И нет никакого сомнения, милостивые государи, что, если мы, к несчастью, не что иное, как буржуазные социалисты, если мы неспособны в силу ли наших интересов или в силу предубеждений понять широко и чистосердечно принципа справедливости, выражающегося в настоящее время в этой борьбе труда против капитала, со всеми неизбежными его следствиями, теоретическими и практическими применениями; если мы, как недобросовестные торговцы, будем продавать работникам частицы этой справедливости, — они не захотят знать ни нашего товара, ни нас самих; они тысячу раз будут вправе оттолкнуть нас; мы не найдем солдат для нашей армии мира, и вся предпринятая нами работа погибнет по недостатку силы и поддержки.

«Может быть, нам скажут то, что уже говорили в частных разговорах: «вы — коммунисты». Против этого обвинения я возражу за себя

---

[1] Это крайне неудачное выражение «уравнение классов», как бы допускавшее и в дальнейшем сохранение классового строения общества, вызвало много нареканий и критических возражений. Лично Бакунин подразумевал под этим уничтожение классов, как он и отметил в одной из своих речей на конгрессе.

лично. Нет, милостивые государи, я не коммунист, я — коллективист. Я убежден, что для того чтобы осуществилась справедливость и сделалось возможным социальное равенство при самом рождении всякого человека, необходимо уничтожение права наследства. Таково, милостивые государи, мое личное убеждение. Но теперь дело идет не об нем. Теперь мы должны определить и констатировать одинаковость наших целей. Хотите вы или нет вместе с работниками, вместе с нами действительного равенства, т.-е. политического равенства, основанного на равенстве экономическом и социальном?

«Может быть, вы считаете возможным достигнуть осуществления этой цели при помощи средств, различных с теми, которые мы намерены предложить вам; если это так, то формулируйте вашу мысль, но признайте в то же время цель, для того, чтобы работники могли иметь к вам доверие. Если же вы, напротив, не признаете этой цели, то признайте за нами право об'явить работникам, что вы, конгресс Мира и Свободы, не хотите удовлетворить их нуждам и их законным требованиям».

Во второй речи, в которой Бакунин отвечал на сделанные ему во время прений возражения, он еще решительнее отгораживался от коммунизма и вместе с тем пытался выяснить, что́ он разумеет под «уравнением классов и личностей».

«Есть, — сказал он, — одно обвинение, направленное против меня, которое я не могу оставить без ответа.

«На основании того, что я требую экономического и социального равенства классов и личностей, на основании того, что я вместе с Брюссельским конгрессом работников об'явил себя сторонником коллективной собственности, меня упрекают в коммунизме. Какую разницу, говорили мне, видите вы между коммунизмом и коллективностью?[1]. Признаюсь, я удивляюсь, как г. Шодэ, исполнитель завещания Прудона, не понимает этой разницы. Я ненавижу коммунизм, потому что он есть отрицание свободы, и потому что для меня непонятна человечность без свободы. Я не коммунист, потому что коммунизм сосредоточивает и поглощает все силы общества в пользу государства, потому что он неизбежно приводит к сосредоточиванию собственности в руках государства, между тем как я хочу уничтожения государства, окончательного искоренения принципа авторитета и покровительства, присвоенного государством, которое под предлогом морализировать и цивилизовать людей до сих пор только порабощало, угнетало, эксплоатировало и

---

[1] Явная описка вместо «коллективизмом».

развращало их. Я хочу организации общества и коллективной или общественной собственности снизу вверх, путем свободной ассоциации, а не сверху вниз, посредством какого бы то ни было авторитета. Желая уничтожения государства, я вместе с тем желаю и уничтожения личной наследственной собственности, которая есть не что иное, как государственное учреждение, прямое следствие самого принципа государства. Вот в каком смысле, милостивые государи, я — коллективист, а вовсе не коммунист. Я требовал и требую экономического и социального равенства классов и личностей. Сейчас я об'ясню, что я понимаю под этими словами.

«Я хочу уничтожения классов, как в смысле экономическом и социальном, так и в смысле политическом. Я позволю себе заметить гг. Шодэ и Фрибуру [1], которых сегодня, повидимому, соединило общее чувство отвращения к этому злополучному равенству, что провозглашение этого равенства в 1793 году было одною из самых великих побед французской революции. Вопреки всем последовавшим за нею реакциям этот принцип восторжествовал и утвердился в общественном мнении Европы. В странах наиболее прогрессивных он называется равенством политических прав; в других странах — гражданским равенством, равенством перед законом.

«Ни одна страна Европы в настоящее время не осмелится открыто провозгласить политическое неравенство.

«Но история самой революции и прошедших с тех пор семидесяти пяти лет доказывает нам, что политическое равенство без экономического — есть ложь. Не смешно ли провозглашать равенство прав, пока общество попрежнему остается разделенным в силу своей экономической организации на слои, различные по своему социальному положению? Это равенство будет чистою фикциею. Для того, чтобы оно могло осуществиться на самом деле, необходимо, чтобы исчезли экономические причины этого различия классов — необходимо уничтожение права наследства, этого постоянного источника всех социальных неравенств. Необходимо, чтобы общество, не будучи разделено на два различных класса, представляло однородное целое — организацию, созданную на началах свободы и справедливости; чтобы в нем не оставалось и тени этого рокового разделения людей на два главные класса — на так называемый интеллигентный и рабочий [2], из которых первый слу-

---

[1] Два реакционные прудониста, ярые враги социализма.

[2] Характерное для Бакунина деление вместо деления по экономическому признаку на капиталистов и пролетариев.

жит представителем владычества и права повелевать, последний — представителям вечного подчинения. Нужно, чтобы все люди были в одно и то же время и интеллигенты, и трудолюбивы, чтобы никто не мог более жить на счет другого, и чтобы все были обязаны и имели возможность одинаково жить как умственным, так и мышечным трудом. Тогда, милостивые государи, и единственно [1] при этих условиях политическое равенство и политическая свобода осуществляется на самом деле.

«Так вот что мы подразумеваем под словами «равенство классов». Было бы вернее, может быть, сказать уничтожение классов, об'единение [2] общества посредством уничтожения экономического и социального неравенства».

Дальше Бакунин раз'ясняет узколобым филистерам из Лиги, что под словами «уравнение личностей» подразумевается их уравнение не в физическом, а в социальном смысле.

Но исход голосования был, разумеется, предрешен: ждать от Лиги социалистической декларации было смешно. И действительно в вечернем заседании того же 23 сентября за резолюцию Бакунина голосовали только Россия, Польша, Италия (большинством) и Северная Америка (1 делегат). Все остальные «нации» (Англия, Германия, Франция, Швеция, Швейцария, Испания, Мексика) голосовали против, т.-е. за резолюцию Ладендорфа и Фрибура.

Однако Бакунин и его сторонники ушли с конгресса не сразу, а только через два дня. Они продолжали участвовать и в дальнейших дебатах с'езда. Так, 24 сентября, при обсуждении вопроса об отделении церкви от государства [3], Бакунин произнес страстную речь против религии (по счету третью на этом с'езде).

Высказав свое твердое убеждение, что всякая религия несовместима с человеческою нравственностью, Бакунин утверждал, что одного образования мало для борьбы с религиозными предрассудками, тем более, что оно и недоступно широким массам ввиду их тяжелого экономического положения. Поэтому, заключал он, «для того, чтобы разрушить религию, чтобы рассеять и заставить исчезнуть все эти божественные призраки, делающие нас рабами, грубыми и несчастными, недостаточно

---

[1] В подлиннике «единственное» — явная опечатка.

[2] В русском тексте сказано «об'явление» вместо «об'единение» и «равенства» вместо «неравенства». Мы исправили текст по французскому оригиналу речей Бакунина.

[3] По этому вопросу от русской секции выступал также позитивист Г. Вырубов.

одной интеллектуальной пропаганды. Необходима социальная революция» [1].

Наконец, Бакунин произнес еще одну, самую большую, речь в заседании 25 сентября при обсуждении последнего пункта повестки о применении федеративного принципа. В этой речи Бакунин смело и отчетливо изложил свои взгляды на национальное самоопределение — в частности в применении к России. Мрочковский выступал по этому вопросу от имени Польши и протянул руку русским социалистам. В ответ на это Бакунин и произнес свою замечательную речь.

Снова заявив о своем революционном пораженчестве, Бакунин высказался за полное разрушение царской империи и за освобождение всех порабощенных ею народов [2].

«Я счастлив, — заявил Бакунин, — что могу в вашем присутствии принять руку, так откровенно протянутую нам одним из представителей польской социальной демократии. Я принимаю ее от имени русской социальной демократии; и мы имеем право ее принять, потому что и мы, со страстью, не уступающей по силе страсти польской демократии, желаем полного разрушения, совершенного уничтожения русской империи, империи, которая служит вечной угрозой для свободы мира, постыдной тюрьмой для всех народов, ею покоренных, систематическим и насильственным отрицанием всего, что называется правом, справедливостью, человечностью».

Бакунин безоговорочно признает право на отделение за Финляндией, Балтийскими провинциями, Польшей, Украиной, при чем высказывает предположение, что и Великороссия откажется от насильственной централизации и воссоздастся на основе свободной федерации.

---

[1] См. выше, в § 1 этой главы, мысли, высказанные Бакуниным в «Постановке революционных вопросов» в № 1 «Народного Дела».

[2] В этой речи Бакунин доказывал, что народные массы России и сознательная демократическая часть русского общества относятся враждебно к политике царизма, при чем определил количество революционеров в России примерно в 40—50 тысяч. По этому поводу П. Боборыкин, присутствовавший на конгрессе, в своих воспоминаниях («От Герцена до Толстого» в журнале «Грядущая Россия», Париж, 1920, книга I, стр. 345—346) рассказывает, будто Г. Вырубов, остановив Бакунина в коридоре, сказал ему: «Михаил Александрович, побойтесь бога! Да таких, как Вы, не только сорока тысяч не найдется у нас, даже и двоих-троих», на что Бакунин ответил добродушным смехом. При этом Боборыкин, описывая внешность Бакунина, замечает: «Все в нем дышало дворянским избытком (?), все: и колоссальная фигура, и жест, и голос, и язык, и манера одеваться. В нем еще меньше, чем на Герцене, отлиняла долгая жизнь за границей». Одевался-то Бакунин в это время во всяком случае не по-дворянски.

И дальше он бросает вызов немецким демократам, приглашая их высказаться с такой же откровенностью по основному вопросу о праве наций на самоопределение.

«Теперь, — говорит он, — когда я достаточно ясно высказался, настолько ясно, что никакое двусмыслие или сомнение более невозможно, да позволю себе задать один вопрос нашим немецким друзьям, предложившим нам вышеприведенные вопросы [1]. Согласны ли они во имя любви к справедливости и свободе отказаться от польских провинций, каково бы то ни было их географическое положение, их стратегическая и торговая польза для Германии, желают ли они отказаться от всех польских стран, населения которых не хотят быть немецкими? Согласны ли они отказаться от своего так называемого исторического права на часть Богемии, которую до сих пор не удалось германизировать, несмотря на прекрасные, всем известные исторические, иезуитские и жестоко деспотические средства, на страны, обитаемые моравами, силезцами и чехами, где ненависть, увы, совершенно справедливая к немецкому владычеству не может подлежать сомнению? Согласны ли они отречься во имя справедливости и свободы от честолюбивой политики Пруссии, которая во имя коммерческих и морских интересов Германии хочет силою присоединить датское население Шлезвига к Северному Германскому Союзу? Согласны ли они отказаться от своих притязаний, во имя тех же коммерческих и морских интересов, на город Триест, гораздо более славянский, нежели итальянский, и гораздо более итальянский, нежели немецкий? Одним словом, согласны ли они отречься от своей страны, как они этого требуют от других, от всякой политики и признать для себя, как для других, все условия и все обязанности, налагаемые свободой и справедливостью? Согласны ли они принять во всей ширине и во всех применениях следующие принципы — единственные, на которых может создаться международный мир и справедливость:

«1. Уничтожение того, что называется историческим правом и политическою необходимостью государства, во имя каждого населения,

---

[1] Бакунин имеет ввиду вопросы, заданные ему Боркгеймом в своих статьях, напечатанных в «Демократическом Еженедельнике» В. Либкнехта с февраля по май 1868 года. Боркгейм, считавший Бакунина и Герцена в одинаковой степени панславистами, думал смутить Бакунина вопросом о том, как он относится к величию и завоеваниям Российской Империи. В своей речи на Бернском конгрессе Бакунин и отвечал на этот вопрос, задав, в свою очередь, аналогичный вопрос Боркгейму, который вряд ли мог бы ответить на него с такою же решительностью, какую проявил в этом вопросе Бакунин. О полемике Бакунина с Боркгеймом см. в третьем томе нашей работы (ч. III, глава III).

большого или малого, слабого или сильного, так же как каждой отдельной личности, располагать собою с полной свободой, независимо от потребности и притязаний государства, и ограничивая эту свободу только р а в н ы м правом других;

«2. Уничтожение всяких вечных контрактов между личностями и коллективными единицами — ассоциациями, областями, нациями, иными словами, признание за каждым права, если он даже свободно связал себя с другим лицом, уничтожить контракт, исполнив все временные и ограниченные условия, которые он содержит;...

«3. Признание для личностей, так же как и для ассоциаций, общин, провинций и наций, права свободного удаления из союзов с единственным непременным условием, чтобы выходящая часть не поставила в опасность свободу и независимость целого, от которого отходит, своим союзом с иностранной и враждебной державой?

«Вот истинные, единственные условия свободы и справедливости. Согласны ли они, наши немецкие друзья, признать их так же искренно, как признаем их мы? Одним словом, хотят ли они вместе с нами уничтожения государства — всех государств?».

Вопрос был поставлен ловко и удачно ввиду известного тяготения немецких демократов, даже самых крайних, к германской великодержавности. Это было ударом, что называется, не в бровь, а прямо в глаз всем германским и иным буржуазным патриотам. Но Бакунин сам в сильнейшей степени ослабил свой удар тем, что связал признание права наций на самоопределение с анархическим требованием уничтожения государства. Никакой связи здесь нет. Признание права национального самоопределения решительно расходится с основами буржуазного и полицейски-дворянского государства, но его вполне признает г о с у д а р с т в о р а б о ч е е. Бакунин же не видел другой альтернативы кроме противопоставления государства вообще и анархической безгосударственности. Этим он только облегчил неудобное положение тех, кому было адресовано его предложение. Он давал им легкую возможность замаскировать свое отрицание права народов на самоопределение критикою его анархических заключений.

«С нашей стороны, — говорил он, — было бы страшным противоречием и смешной наивностью заявлять желание, как это было сделано на теперешнем конгрессе, учредить международную справедливость, свободу и вечный мир, а вместе с тем хотеть сохранить государство. Невозможно заставить государства изменить свою природу, ибо в силу именно этой природы, они — государства и, отказываясь от нее, они перестают существовать. Следовательно, нет и не может быть хоро-

щего, справедливого и нравственного государства. Все государства дурны в том смысле, что они по природе своей, т.-е. по условиям цели своего существования, составляют диаметральную противоположность человеческой справедливости, свободы и нравственности. И в этом отношении, что бы ни говорили, нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы. И знаете ли вы, в чем заключается это различие? Царская империя делает цинически то, что другие совершают под покровом лицемерия, и она составляет по своему открытому, деспотическому и презрительному отношению к человечеству тайный идеал, к которому стремятся и которым восторгаются все государственные люди Европы. Все государства Европы делают то, что делает она, насколько позволяет им это общественное мнение и, главное, новая, но уже могущественная солидарность рабочих масс, носящая в себе семя разрушения государства; добродетельным государством может быть только государство бессильное, да и оно преступно в своих мыслях и желаниях.

«Итак, я прихожу к такому заключению: тот, кто желает вместе с нами учреждения свободы, справедливости и мира, кто хочет торжества человечества, кто хочет полного и совершенного освобождения народных масс, должен желать вместе с нами разрушения всех государств и основания на их развалинах всемирной федерации производительных свободных ассоциаций всех стран» [1].

---

[1] Замечательно, что Герцен не поместил этой речи Бакунина в «Колоколе». Бакунин предвидел возможность такого казуса, как видно из письма его к Огареву от 8 ноября 1868 года (ошибочно отнесенного Драгомановым к 1867 году):

«Посылаю тебе речь Мрочковского и мою ответную речь насчет русских и польских дел. В прошедшее воскресенье ты мне из'явил желание напечатать и ту, и другую в следующем номере «La Cloche». Может быть, теперь изменишь намерение, что меня не удивит нисколько, потому что обе речи, и особенно моя, во многом противоречат с вашим воззрением, если не на общую цель, [то], по крайней мере, на пути, к ней ведущие. Мне кажется, впрочем, что это не должно бы быть помехою их напечатания. Вы вольны сделать столько подстрочных замечаний и оговорок, сколько вам будет угодно. Если речи окажутся для вас негодными, отошли их назад».

В письме к Марксу от 2 декабря 1868 года (см. в главе I третьего тома этой работы) Бакунин рассказывает, что Герцен хотел переделать его речь для печати, так как резкая постановка ею национального вопроса в России и требование разрушения Российской Империи ему не понравились. «Для Герцена это было слишком, — прибавляет Бакунин, — и мы разошлись».

Речь Бакунина была, вместе с речью Мрочковского, издана на французском языке типографией Чернецкого под заглавием «Discours prononcés au

Эта речь была, так сказать, политическим завещанием Бакунина Лиге Мира. В тот же день, 25 сентября, в последнем заседании оглашен был следующий подписанный 15 именами «Коллективный протест членов, вышедших из состава конгресса»:

«Принимая во внимание, что большинство членов конгресса Мира и Свободы страстно и определенно высказалось против экономического и социального уравнения классов и личностей, и что всякая программа и всякое политическое выступление, не имеющие целью осуществления этого принципа, не могут быть признаны демократами-социалистами, т.-е. добросовестными и последовательными сторонниками мира и свободы, нижеподписавшиеся считают своим долгом выйти из состава Лиги».

Этот исторический документ, написанный на небольшом листке бумаги рукою Бакунина, был подписан Альбером Ришаром, Ж. Бедушем, Гуго Бюттнером, Элизе Реклю, Аристидом Реем, Виктором Жакляром, Келлером, Туччи, Фанелли, Фриша, Бакуниным, Жуковским, Мрочковским, Загорским и еще каким-то неразборчивым именем [1].

Уже по одним подписям и по содержанию этого протеста видно, что он явился делом тайного бакунинского Братства (или «Альянса», как Бакунин называл уже эту первую организацию). Что это было так, рассказывает сам Бакунин. В «Государственности и Анархии» [2] он называет уход меньшинства из Лиги «расколом, впервые обнаружившимся на этом (Бернском) конгрессе между буржуазными социалистами и демократами, и революционными социалистами, принадлежав-

---

Congrès de la Paix et de la Liberté à Berne (1868) par M. M. Mroczkowski et Bakounine». Genéve, 1869. По-русски у Драгоманова («Переписка») и в «Историческом развитии Интернационала», стр. 365—389.

[1] Часть этих имен уже знакома читателям из предыдущего изложения. Альбер Ришар—лионский коммунист, интимный друг Бакунина в 1868—1870 г.г.; в 1872 г. выступил в качестве бонапартиста; Ж. Бедуш — парижский рабочий, вошедший в Альянс; Г. Бюттнер—женевский жестяник, через 2 года ставший реакционером; В. Жакляр — бланкист, участвовал в Парижской Коммуне, в бакунинское «Братство» не вошел; Ш. Келлер — эльзасец, автор известной песни «Право работника», одно время бывший любимым гимном анархистов и отчасти социалистов (см. о нем нашу книжку «Поэзия революционного социализма», изд. 3-е, 1924). По сообщению газеты Лиги, к документу присоединили свои подписи А. Трусов, Чемадуров, какой-то Рамкин и Н. Утин. Относительно последнего здесь несомненная ошибка: он не мог подписать этого документа, да и Бакунин бы его не допустил к этому делу.

[2] Изд. «Голос Труда», Петр. 1919, стр. 305 и след.

шими к партии так называемого Союза («Альянс») или вступившими в него после того» [1].

Далее Бакунин говорит: «Вопрос, который подал внешний повод к этому разрыву, сделавшемуся уже гораздо прежде неизбежным, б ы л п о с т а в л е н а л ь я н с и с т а м и (курсив мой. — *Ю. С.*) чрезвычайно определенно и ясно. Они хотели вывести наружу буржуазных демократов и социалистов, заставить их громко высказать не только их равнодушие, но положительно враждебное отношение к вопросу, который единственно может быть назван народным вопросом — к вопросу социальному. Для этого они предложили Лиге Мира и Свободы... принять программу социально-революционную. Они дали нарочно самую умеренную форму своему предложению, дабы противники, большинство Лиги, не имели возможность маскировать своего отказа возражением против слишком резкой постановки вопроса... Если бы господа буржуазные демократы и социалисты были умнее, они, для спасения своей чести, ответили бы «да», но, как люди п р а к т и ч е с к и е, отложили бы осуществление этой цели на очень далекие времена. А л ь я н с и с т ы, опасаясь такого ответа, н а п е р е д у с л о в и л и с ь м е ж д у с о б о ю п о с т а в и т ь в т а к о м с л у ч а е в о п р о с о п у т я х и с р е д с т в а х, н е о б х о д и м ы х д л я д о с т и ж е н и я ц е л и (курсив мой. — *Ю. С.*). Тогда выступил бы вперед вопрос о келлективной и

---

[1] Альбер Ришар в своей статье «Бакунин и Лионский Интернационал» («La Revue de Paris», 1896, № от 15 сентября) рассказывает об этом следующее: «Впервые я увиделся с Бакуниным в сентябре 1868 года на втором конгрессе Лиги Мира. На конгрессе присутствовало сильное (?) социалистическое меньшинство: пять французов, Элизе Реклю, Виктор Жакляр, Аристид Рей, один парижский рабочий по фамилии Бедуш и я; русский революционер Жуковский, позитивист Вырубов, итальянский депутат Фанелли, бывший гарибальдийский полковник, и его соотечественники Туччи и Гамбуцци. Бакунин организовал нас в группу. О н н е г о в о р и л е щ е о б «а н а р х и и» (курсив мой. — *Ю. С.*), но громко провозглашал необходимость коллективистской пропаганды и тщету либеральных реформ и политических революций, к которым стремилась (?) Лига Мира. Он открыто порвал тогда с испытанными и уважаемыми республиканцами, как Шодэ, Барни, Фохт, Лемонье, Риболли, Арманд Гегг. По его предложению наше меньшинство приняло чисто коллективистскую декларацию, согласно которой мы откалывались от Лиги Мира и примыкали к резолюциям, вотированным за неделю до того в Брюсселе конгрессом Интернационала».

Впрочем, не все подписавшие резолюцию меньшинства подписали затем и декларацию об уходе. Так, например, поступил Г. Вырубов, который следующим образом об'ясняет свое поведение:

«После конгресса он (Бакунин) остался в Швейцарии, вступил в комитет, избранный для подготовления следующего собрания в Берне, и

индивидуальной собственности, об уничтожении юридического права и государства.

«Но на этом поле для большинства конгресса было бы гораздо удобнее принять сражение, чем на первом. Ясность первого вопроса была такова, что не допускала никаких увертoк. Второй же вопрос гораздо сложнее и дает повод к бесчисленному множеству толков, так что при некоторой ловкости можно говорить и вотировать против народного социализма и все-таки казаться социалистом и другом народа... Если бы буржуазный конгресс поступил таким образом, то положение альянсистов стало бы несравненно труднее; между Лигою и ими произошла бы та же самая (!) борьба, которая существует ныне между ними и Марксом. Но Лига оказалась глупее и вместе с тем честнее марксистов; она приняла сражение на первом ей предложенном поле, а на вопрос: «хочет ли она экономического равенства или нет?»— огромным большинством ответила «нет». Этим [она] окончательно отрезала себя от пролетариата и обрекла на близкую смерть. Она умерла».

Эти строки написаны в 1873 году, т.-е. через пять лет после разрыва Бакунина с Лигой. Мы видим, что по мере того, как проходили годы, и события отодвигались в даль, Бакунин начал из нужды делать добродетель и свою наивно-ребяческую возню в Лиге,—возню, которую он в 1869 году, как мы видели выше, сам назвал «глупостью», выставлять как акт революционного героизма. Самому Бакунину это еще

проявил в нем кипучую деятельность, стараясь забрать его в руки и направить на путь, несовсем, впрочем, ясный, какого-то анархического коллективизма... Ловить людей, больших и малых, на свою удочку он был мастер, только крючок на ней был с из'яном: крупная рыба и мелкая рыбешка постоянно с него срывались... Попытка Бакунина направить собравшуюся в Берне на конгресс «Мира и Свободы» демократию, очень либеральную, но все же буржуазную, в сторону революционного социализма не удалось. Представленный меньшинством текст был забаллотирован огромным большинством. В этой резкой неудаче виноват был, главным образом, сам Бакунин. Текст был в сущности очень безобидный: он предлагал только «искать практические средства для экономического уравнения классов и людей» и, может быть, был бы принят, но Бакунин прибавил к нему с трибуны такие комментарии, которые перепугали самых радикальных, перенося совершенно конкретный вопрос в какой-то призрачный мир несбыточных надежд. Как бы то ни было, недовольное меньшинство, под предводительством Бакунина, оставило конгресс с шумом и треском. Я, однако, остался: как позитивист, я счел нужным показать, что, разделяя общую мысль, выраженную в предложенном нами тексте, я ни в какой мере не одобряю туманную метафизику бакунинских об'яснений».

по человечеству простительно: не вечно же сечь себя за допущенный промах! Но когда его последователи и в том числе его биограф Неттлау пытаются последовать за ним по пути возвеличения его сидения в Лиге и смешных усилий привить этим буржуа социализм, да еще «революционный», то при виде этой уморительной, но в то же время насквозь лицемерной картины можно только пожать плечами.

Так или иначе Бакунин с Лигой порвал или принужден был порвать. И только теперь, после неудачи его планов и после разрыва с Лигой, у Бакунина раскрылись глаза на действительный ее характер и роль. В письме для пробного номера газеты «Egalité», органа женевского Интернационала, вышедшего 19 декабря 1868 года, Бакунин выражался о господах буржуа из Лиги в следующем неуважительном тоне: «Вы знаете, что эти бедные буржуа под давлением непреодолимой силы вещей, делая из нужды добродетель, в настоящее время становятся социалистами. Это значит, что они хотят фальсифицировать социализм подобно тому, как они фальсифицировали уже столько превосходных вещей в своих интересах. В течение долгого времени они выступали даже против слова «социализм», и мне-то это хорошо известно, ибо я потратил в Центральном Комитете Лиги Мира и Свободы целую зиму, да что я говорю, целый год на то, чтобы об'яснить им значение этого слова. Теперь, по их словам, они его понимают. Я приписываю это чудо не моему слабому красноречию, а красноречию фактов, говоривших громче меня... Глухие и немые по корысти, они теперь начинают слышать и видеть... Но... они придумали свой собственный социализм, право же, довольно хитрый и имеющий целью сохранить за буржуазным классом все выгоды современного общественного строя, оставляя рабочим — нищету. Об этом не стоило бы и говорить, если бы эти новоявленные буржуазные социалисты, используя преимущества общественного положения и свои денежные средства, естественно более крупные, чем наши, а также организацию своей Лиги и покровительство государственной власти в ряде стран, не принялись сбивать с толку рабочие союзы, особенно в Германии. Мы обязаны бороться с ними».

А в №№ 23—27 той же «Эгалите» напечатана была серия статей Бакунина «Усыпители», в которой Лиге Мира доставалось по заслугам. Указывая на мертворожденность Лиги, на отсутствие у нее нескольких тысяч франков на издание своего журнала, Бакунин спрашивает, почему же это Лига, об'единяющая столько ученых, интеллигентных и либеральных людей, так бессильна, скудоумна и нежизнеспособна, и отвечает:

«Эта неспособность и скудоумие зависят не от личностей, а от целого класса, к которому эти личности имеют несчастье принадлежать. Этот класс, как политический и социальный организм, оказав в свое время цивилизации важные услуги, самой историей обречен на смерть... Но умирать не хочется. Вот в чем единственная причина его настоящий глупости, той постыдной немощности, которая характеризует ныне все его политические предприятия, как национальные, так и интернациональные.

«Буржуазная Лига Мира и Свободы желает невозможного: она хочет, чтобы буржуазия существовала и вместе с тем продолжала служить прогрессу. После долгих колебаний, а именно после того, как в среде своего комитета она отрицала в конце 1867 г. в Берне даже существование социального вопроса; после того, как на своем последнем конгрессе она отвергла мнением огромного большинства экономическое и социальное равенство, она, наконец, поняла, что теперь в истории положительно невозможно ступить шагу вперед, не разрешив социального вопроса и не доставив торжества принципу равенства...

«Если она действительно желает оказать человечеству еще одну последнюю услугу; если ее любовь к истинной свободе, т.-е. к свободе всеобщей, полной и равной для всех, искренна; если, одним словом, она хочет перестать быть реакцией, ей остается исполнить только одно: умереть добровольно и как можно скорее».

Итак, пока Бакунин сам сидел в ней, он считал «наглым» предложение Интернационала Лиге прекратить свое существование. Когда же он из нее выступил, он сразу повторил то же предложение, только в гораздо более резкой и оскорбительной форме.

Бакунину понадобился целый год для того, чтобы понять то, что Маркс видел с самого начала.

6. Альянс выходит на открытую арену.

После ухода с конгресса Бакунин и его друзья устроили в Берне совещание, на котором решено было вступить в Международное Товарищество Рабочих и вместе с тем сконструироваться в особый союз под названием «Альянс Социалистической Демократии (или социальных революционеров)» с своей собственной программой и организацией. Вот как рассказывает об этом сам Бакунин в уже цитированном очерке истории Альянса:

«Раз что противоположные, буржуазно-сантиментальные идеи и направления оказались в Лиге в большинстве, и раз что вследствие

этого Лига была обречена превратиться в то посмешище, которым она не замедлила сделаться, серьезным и искренним революционерам в ней нечего было делать. Орудие было попробовано, оказалось негодным и должно было быть брошено; оставалось искать другого. Таковым [1] само собою представлялось Международное Общество Рабочих, членом которого Бакунин состоял еще с июня (июля?) того же года. Он предложил социально-революционному меньшинству, вышедшему из Лиги, массою вступить в Интернационал, сохранив в то же время интимную связь и расширив свой Союз социальных революционеров в виде тайного общества (курсив мой. — *Ю. С.*). Предложение о вступлении в Интернационал было принято единодушно; но относительно Союза французы и итальянцы желали, чтобы он, сохраняя свой внутренний интимный характер тайного общества, явился бы в то же время гласно, как открытая организация, под названием Международного Союза Социальной Демократии. Они даже хотели, чтоб союз организовался совершенно независимо от Международного Общества, довольствуясь тем, что члены его состояли бы отдельно членами этого общества. Бакунин восстал против этого на том основании, что такая новая интернациональная организация явилась бы в некотором весьма нежелательном соперничестве с организацией рабочих. Эти прения кончились тем, что было решено учредить открытый Международный Союз Социальной Демократии и об'явить его интегральным членом Интернационала, программа которого была признана обязательной для каждого члена Союза.

«Кроме этой общей программы союз выработал свою специальную, которую необходимо привести здесь. Вот она:

«1. Союз об'являет себя атеистическим; он хочет замены веры наукой и божеского правосудия — человеческой справедливостью.

«2. Он хочет прежде всего полного и окончательного уничтожения классов и уравнения политического, экономического и социального личностей обоего пола [2], и с этой целью требует прежде всего уничтожения права наследства, чтобы отныне каждый пользовался пропорционально своему производству, и чтобы, согласно решениям последнего рабочего конгресса в Брюсселе, земля, орудия труда и всякий вообще капитал обратились в коллективную собственность всего общества и

---

[1] Т.-е. орудием! Увы! — здесь Бакунин нечаянно выдал секрет.

[2] В первой редакции тут вкралась описка (?): мысли этой была дана следующая неправильная форма: «Он хочет политического и социального уравнения классов и личностей». Мы увидим, к каким препирательствам это повело. (Примечание Бакунина.)

состояли бы в пользовании исключительно работников, т.-е. промышленных и земледельческих ассоциаций.

«3. Он хочет равенства в условиях развития для всех детей обоего пола с первой минуты их рождения, т.-е. равных условий их содержания, воспитания и образования на всех степенях науки, промышленности и искусства — в убеждении, что это равенство, сперва лишь экономическое и социальное, постепенно приведет к наибольшему естественному уравнению личностей, устранив искусственные неравенства, исторически вызванные ложной и несправедливой организацией общества.

«4. Враг всякого деспотизма, не признавая иной политической формы, кроме республиканской, и отвергая всякие реакционные союзы, он отвергает также всякое политическое действие, не имеющее непосредственной и прямой целью торжество рабочего дела против капитала.

«5. Он признает, что все нынешние государства, политические и авторитарные, должны уничтожиться во всемирной федерации земледельческих и промышленных ассоциаций.

«6. Союз отвергает всякую политику, основанную на так называемом патриотизме и соперничестве наций, так как социальный вопрос может быть окончательно и действительно решен только на основании международной солидарности работников всех стран.

«7. Союз хочет свободной всемирной ассоциации всех местных ассоциаций» [1].

«Центром для сношений между будущими секциями Союза была назначена Женева, где был учрежден комитет Союза под названием Центральное Бюро, и в члены которого были избраны женевцы Перрон, Броссе, Гета и Дюваль, Бакунин, [И.-]Ф. Беккер [2] и Загорский.

Устав Альянса указывал, что он конституируется как ветвь Международного Товарищества Рабочих, все генеральные статуты которого он принимает. Члены-основатели Альянса временно составляют Центральное Бюро в Женеве. Члены-основатели каждой страны составляют

---

[1] По рассказу Н. Жуковского, передаваемому Неттлау, Бакунин по своему обыкновению написал гораздо более многословную программу, но она была сокращена по общему решению.

[2] Старый Беккер впутался в эту историю, не разобравшись в ней. Как выразился Маркс в письме к Брауншвейгскому Комитету от 28 марта 1870 г. (приписка к «Конфиденциальному сообщению»), «И.-Ф. Беккер, у которого пропагандистское рвение нередко затемняет рассудок, был выдвинут на первый план». Бакунисты, учитывая его хорошие отношения к Марксу и Генеральному Совету, хотели добиться приема в Интернационал через него.

Национальное Бюро этой страны. Эти национальные бюро образуют местные группы, которые просят о своем приеме в Международное Товарищество Рабочих через Центральное Бюро Альянса. Местные группы конституируются как местные секции Международного Товарищества Рабочих. Члены Альянса вносят по 10 сантимов в месяц, из которых половина удерживается на местные нужды, а половина поступает в кассу Центрального Бюро для общих нужд. Во время ежегодных конгрессов Интернационала делегация Альянса, в качестве ветви Международного Товарищества Рабочих, будет иметь свои открытые заседания в особом помещении (курсив мой. — *Ю. С.*).

Программе и Уставу предпослано было следующее сообщение: «Социалистическое меньшинство Лиги Мира и Свободы, отколовшееся от этой Лиги вследствие вотума большинства Бернского конгресса, формально высказавшегося против основного принципа всех рабочих товариществ, а именно принципа экономического и социального равенства классов и личностей, этим самым примкнуло к принципам, провозглашенным конгрессами рабочих, состоявшимися в Женеве, Лозанне и Брюсселе. Несколько членов этого меньшинства, принадлежащих к различным национальностям, предложили нам (?) организовать новый [1] «Интернациональный Союз (Альянс) Социалистической Демократии», целиком сливающийся с Международным Товариществом Рабочих, но ставящий себе специальной задачей изучение политических и философских вопросов именно на основе этого великого принципа всеобщего и действительного равенства всех человеческих существ на земле.

«С своей стороны убежденные в полезности подобного предприятия, которое даст искренним демократам-социалистам Европы и Америки возможность столковаться и провозгласить свои идеи вне всякого давления со стороны того лже-социализма, который буржуазная демократия в настоящее время считает выгодным афишировать, мы сочли нужным взять, по соглашению с этими друзьями, инициативу этой новой [2] организации.

«На этом основании мы сконституировались в центральную секцию «Интернационального Союза (Альянса) Социалистической Демократии» и в настоящее время публикуем ее программу и устав».

---

[1] Курсив мой.

[2] Курсив мой.

Во всех этих, предназначенных для широкой публики, документах дело изображается так, будто речь идет об основании совершенно новой организации. На самом деле, как мы теперь знаем, это был все тот же старый Альянс, то же тайное общество Бакунина, начало которому он положил в конце 1864 — в начале 1865 года. Но для всех посторонних, особенно для Генерального Совета Интернационала, это должно было оставаться тайною. И втечение долгого времени так и было. Когда в 1872 году Генеральный Совет, в результате конфликтов в испанской организации, узнал, что в недрах Интернационала действует какое-то тайное общество, он в тот момент и понятия не имел о том, что этот Альянс представляет продолжение старого тайного союза, существовавшего с 1864—1865 года. Столь же мало догадывались об этом, когда на Гаагском конгрессе 1872 года исключали Бакунина из Интернационала за принадлежность к тайному Альянсу. Более того, когда писалась разоблачительная брошюра об Альянсе в 1873 году, и тогда авторы ее, выполнявшие эту работу по поручению Генерального Совета, не подозревали о том, что имеют дело с тайным обществом, существующим уже много лет. И даже после того, как в 1873 году сам Бакунин рассказал об этом в своем, не раз цитированном нами, историческом очерке об Альянсе [1], мало кто узнал об этом, мало кто даже из русских обратил на это особенное внимание; иностранным же социалистам, не знающим русского языка, это осталось на долгие годы совершенно неизвестным.

Чем об'яснить это странное обстоятельство? Приписывать это сохранение тайны строгой конспиративности членов «Братства» или «Альянса» вряд ли приходится. Как мы видели, вербовались туда люди с бору да с сосенки, многие из них очень скоро из него выходили, при чем или вовсе отходили от политики, как Г. Вырубов, или даже переходили в стан буржуазии. Совершенно непонятно, каким образом о существовании тайного общества до Бернского конгресса не знал Н. Утин: ведь Бакунин, переехав в Швейцарию, вербовал в это общество членов почти на глазах у Утина [2].

---

[1] В сборнике «Историческое развитие Интернационала».

[2] Вот, например, как он завербовал в Альянс женевца Шарля Перрона. По рассказу Перрона, передаваемому М. Неттлау (прим. 1652), Бакунин осенью 1868 года пригласил его к себе через Мрочковского и заявил ему, что Интернационал — очень хорошая штука, но существует нечто более революционное, а именно Альянс, и что он, Перрон, должен поэтому вступить туда. Тот согласился. Тогда Бакунин сказал, что в Альянсе могут очутиться нереволюционно-настроенные люди (!), способные задержать дело, а потому

Остается об'яснить это сохранение тайны не преднамеренностью и строгой конспиративностью членов общества, а тем обстоятельством, что большинство вышедших из него членов просто не придавали ему серьезного значения. Мы уже знаем, как иронически относились к обществу Вырубов и Губернатис; знаем, как смотрел на него Эли Реклю. Надо думать, что и другие относились к обществу так же (быть может, за исключением итальянцев, но они тогда стояли в стороне от обще-европейского движения). И нужно сказать, что это отношение к первоначальному тайному союзу Бакунина было довольно правильно. Никакой серьезной работы, если не считать некоторой, да и то преимущественно демократической, агитации в Италии, он не вел, за пределы Италии не выходил, и в общем деятельность его была совершенно незаметной. Только после Бернского конгресса, когда Альянс вышел на более широкую арену, когда он приобщился к рабочему движению, примкнув к Интернационалу, и начал организовывать под флагом Интернационала свои секции в разных странах (Швейцарии, Испании, Италии, Франции), когда развитие его начало угрожать единству международного рабочего движения, — только тогда на него обратили внимание, только тогда он начал представляться серьезной, а для многих и опасной организацией, при чем, впрочем, большинство и тогда смешивало его с Интернационалом, как таковым [1].

Словом, как бы там ни было, но в первое время все считали Альянс совершенно новой организацией, созданной меньшинством Бернского конгресса Лиги Мира и именно после ухода с конгресса. В этом заблуждении поддерживали публику и Генеральный Совет Интернационала

было бы недурно, чтобы за их спиной существовали интернациональные братья. Перрон и с этим согласился. Через несколько дней они снова встретились, при чем Бакунин сказал, что Интернациональное Братство — слишком широкая (?) организация, а потому за ее спиной должна существовать Директория или Бюро из трех человек, и что одним из них должен быть он, Перрон. Тот рассмеялся, как он смеялся, рассказывая об этом Неттлау, но Бакунин заметил, что это дело серьезное (!), и Перрон согласился принять предложение. Но дальше он ничего особенного о делах Братства не узнал; все ограничивалось перепискою Бакунина. — Так легко и скоропалительно люди попадали в центральную директорию Интернационального Братства, которое само было своего рода Центральным Комитетом Альянса, долженствовавшего, в свою очередь, направлять международное рабочее движение и руководить мировой социальной революцией! Через два года Перрон от революционных дел отстал.

[1] Особенно охотно делали это правительства и полицейские «историки» Интернационала вроде О. Тестю — отчасти по невежеству, отчасти с целью скомпрометировать Интернационал и оправдать гонения на него.

сам Бакунин и его друзья. Последние были заинтересованы в поддержании этого заблуждения именно потому, что, как мы увидим дальше, придавая отныне своему Альянсу, с одной стороны, как бы открытый, публичный характер, они, с другой, собирались и впредь, наряду с этой открытой организацией, выступающей под фирмой Интернационала и в качестве его ветви, сохранить и даже расширить свою тайную организацию, которая, по их плану, должна была незаметно руководить деятельностью Международного Товарищества Рабочих, направлять его по анархическому пути и, в случае начатия социальной революции, возглавить ее и придать ей анархический характер[1].

Достаточно сравнить программу и устав якобы «нового» Альянса с «Революционным Катехизисом» и «Организацией» 1866 года, чтобы убедиться в тождестве «нового» Альянса со старым. Но в то время, о котором мы здесь рассказываем, эти документы никому, кроме некоторых членов тайного бакунинского общества, известны не были. Все это могло и даже должно было казаться чем-то новым. Само собою разумеется, что если бы Генеральный Совет знал, что в лице выступившего в октябре 1868 года на сцену Альянса он имеет дело со старым тайным обществом, поставившим себе задачей возглавить мировую социальную революцию и дать ей, как и всей подготовительной работе, направление, в корне противоречащее программе и уставу Интернационала, то он с самого начала естественно отнесся бы к Альянсу самым враждебным образом и об'явил бы ему войну не на живот, а на смерть. Вот почему для Бакунина и его ближайших друзей так важно было замаскироваться и принять защитный цвет; вот почему они постарались выдать свой Альянс за будто бы новое предприятие, стоящее якобы по существу на почве Интернационала и собирающееся работать в его рамках. И именно потому совершенно неправы Неттлау и Гильом, старающиеся в данном случае обелить Бакунина и, на основании его рассказа, доказать отсутствие у него всяких задних мыслей.

Вот что говорит М. Неттлау (стр. 264): «Нельзя упрекать Генеральный Совет Интернационала в том, что он отклонил прием нового общества в Международное Товарищество Рабочих в такой форме; но при этом обнаружилось то, не обратившее на себя внимание, обстоятельство, что не Бакунин предложил этот образ действий, каковое

---

[1] Характерно, что в своих многочисленных писаниях до своего исключения из Интернационала, в том числе и в таких, которые прямо трактуют об Альянсе («Протест Альянса», «Письмо к секции Альянса в Женеве», «Доклад об Альянсе», написанные в 1871 году и напечатанные в VI томе французского

обстоятельство подтверждается следующими словами самого Бакунина (по получении письма Ген. Совета от 22 дек. 1868 г.): «Два члена (Центрального Бюро Альянса), упорнейшим образом настаивавшие вопреки ему (И.-Ф. Беккеру) на необходимости столковаться с Генеральным Советом, были Перрон и Бакунин. Оба они признавали, что возражения Генерального Совета против устава Альянса были вполне правильны, так как по этому уставу Альянс должен образовать внутри Международного Товарищества Рабочих новое общество, независимое от первого». Таким образом взгляд Бакунина, насколько я его понимаю, с самого начала был правильным: его цель сводилась к тому, чтобы его ближайшие друзья проводили свои более передовые (!) идеи в секциях Международного Товарищества Рабочих и в то же время сохраняли постоянную частную связь между собою и им (Бакуниным), иначе говоря, к существованию Братства в Интернационале. Этому решительно противоречило стремление к созданию открытого Альянса, ибо благодаря ему все его (Бакунина) друзья оказывались отрезанными от Международного Товарищества Рабочих, изолированными и должны были повсюду создавать свою собственную организацию на-ряду с М. Т. Р. Это наперед было непрактично и должно было повести к лишней трате сил и к трениям (ср. события в Женеве, где открытая секция Альянса втечение ряда лет была яблоком раздора, с развитием в Испании, где открыто существовал только Интернационал, а внутри его Альянс, см. ниже; там движение получило широкий размах)».

Все это только показывает, что Бакунин был дальновиднее и хитрее своих друзей. Он лучше их знал, чего хочет, и потому избирал пути, более верно обеспечивавшие успех его плана. План же этот сводился к тому, чтобы, используя Интернационал как базу и созданный им аппарат как рычаг, постепенно наложить на него руку с помощью своего тайного общества и придать международному рабочему движению анархический характер. Основание открытого Альянса могло только помешать выполнению этого плана, ибо неизбежно возбуждало подозрительность Генерального Совета и заставляло Бакунина принять преждевременный бой в невыгодной для него обстановке. Вот почему Бакунин и возражал против создания

собрания его сочинений), Бакунин ни звуком не упоминает о том, что Альянс представляет продолжение старой тайной организации. Только в 1873 году, уже после раскола Интернационала, он об этом заговорил открыто.

открытого Альянса, настаивая на необходимости сохранить тайный. Это был просто вопрос тактики[1], чего не понимали его более простодушные итальянские и французские друзья. Тем более Бакунин должен был возражать против мысли о существовании его международного общества отдельно от Интернационала, на чем настаивали те же, не по разуму, усердные альянсисты. Ведь это окончательно отрезало бы его от Интернационала, захватить руководство в котором он стремился, и заранее обрекло бы всю затею на провал с самого начала. Только в этом смысле и можно понимать слова Бакунина о том, что «такая новая интернациональная организация явилась бы в некотором, весьма нежелательном, соперничестве с организацией рабочих». Бакунину больше улыбался тот план действий, который был применен в Испании, где под видом секций Интернационала в действительности основывались секции Альянса, руководители которых состояли в тайной связи с Бакуниным и входили в его подпольный Альянс.

Дальше (в III и IV томах) мы подробно расскажем о взаимоотношениях Альянса и Интернационала. Сейчас мы хотим только упомянуть о том, что когда в декабре 1868 г. открытый Альянс обратился к Генеральному Совету с просьбой принять его в состав Интернационала с тем, чтобы Альянс сохранил при этом свою особую программу и самостоятельную организацию, Генеральный Совет, почуявший в бакунинском союзе опасного врага, способного внести дезорганизацию в ряды Международного Товарищества Рабочих, категорически отклонил ходатайство Альянса. Тогда последний сообщил Генеральному Совету, что он решил распустить свою организацию и готов превратить свои секции в секции Интернационала с условием сохранения своей теоретической программы. После этого Генеральный Совет согласился допустить в Интернационал отдельные секции Альянса на общих основаниях.

В действительности Альянс был распущен только на словах. Инициаторам его пришлось лишь отказаться от нелепой мысли сохранить его в виде открытой самостоятельной организации, входящей в Интернационал, целиком якобы принимающей его про-

---

[1] Принципиально же Бакунин считал комбинацию открытого и тайного общества наиболее удачной, как видно из его проекта «Организации», изложенного нами выше в § 6 первой главы третьей части. Правда, на сей раз открытое общество было дано: это был Интернационал, управлять которым Бакунин и расчитывал с помощью своей тайной альянсистской организации. При проекте же его друзей получалось уже три общества вместо двух.

грамму [1] и в то же время существующей внутри него в виде особой организации, обладающей своею программою, противоречащею программе Интернационала, независимо от него основывающей и принимающей секции и даже устраивающей свои собственные конгрессы одновременно с конгрессами Интернационала. От этой мысли пришлось, ввиду решительного отпора со стороны Генерального Совета, отказаться. Но это вовсе не означало действительного распущения Альянса. Напротив, это было лишь возвращением к первоначальной мысли Бакунина. Альянс превратился в тайное общество или, вернее, остался тайным обществом, которое должно было действовать внутри Интернационала, подчиняясь собственной программе и уставу, будучи законспирированным от постороннего глаза, и, используя аппарат и авторитет Интернационала, направлять международное рабочее движение к целям, ему неизвестным, но предуказанным группою заговорщиков, составлявших тайный Альянс.

Но, в конце концов, Бакунин запутался в своих конспирациях. С одной стороны, Альянс, как мы видели, не был вполне новой организацией, а с другой — он в известной мере ею был. Теперь в состав его привлечены были новые люди, не знавшие и не интересовавшиеся старыми делами, программами, уставами и обычаями старого тайного общества, существовавшего с 1865 года. У него появились теперь новые задачи, новое поприще деятельности и, в связи с этим, новые приемы работы. Приходилось как-то согласовать старое общество с новым. Самым разумным исходом было бы распустить старое общество или влить его целиком в новое. Но при этом, повидимому, возникли какие-то трения в верхушке организации, той верхушке, которая, насколько можно судить по имеющимся отрывочным сведениям, и составляла так называемое «Интернациональное Братство» союза (нечто вроде его центрального комитета, составлявшегося, однако, не по принципу выборности, а на основах кооптации — опять-таки, насколько можно судить по отрывочным сведениям обо всех этих конспирациях) [2].

---

[1] Значит, в том числе и пункты «Учредительного Адреса» и постановления конгрессов о политической борьбе и о завоевании рабочими политической власти?!

[2] Повидимому, это деление или различение строго не проводилось. Ралли рассказывает (в статье в сборнике «О Минувшем», стр. 313), что в 1872 году он, А. Эльсниц и В. Гольстейн по предложению Бакунина «вошли в так называемый союз интернациональных братьев, носивший название по-французски Alliance de la Démocratie Socialiste». Значит, даже в 1872 году, когда Альянс значительно расширил сферу своего действия, Интернациональное Братство отождествлялось с Альянсом в целом. Тем более это должно было

Недоразумения в Братстве существовали еще и до Бернского конгресса. Теперь же, когда пришлось налаживать новый аппарат и приспособляться к изменившимся условиям, эти трения разразились в целый кризис верхушки и привели даже к роспуску старой организации.

После Бернского конгресса Бакунин и его друзья деятельно принялись за организацию Альянса. Из Берна Бакунин вернулся в деревушку Бассе-Дюпра (близ Кларана), откуда три члена Альянса — Фанелли, А. Рей и Эли Реклю — отправились в Испанию для основания секций Альянса (Интернационала тож). Затем Бакунин с группою товарищей направился в Женеву, где в октябре 1868 года они (в том числе Жуковский и Гамбуцци) были приняты в центральную женевскую секцию Интернационала (Бакунин, как мы знаем, состоял ее членом уже с июля). К концу октября они основали женевскую группу Альянса, в которую входили: Бакунин, И.-Ф. Беккер, Линдеггер, Мрочковский, Загорский, Реми, Шарль Перрон, Н. Жуковский, Элпидин, Цамперини, Анри Перре, Жакляр и много других (в том числе, как водится, много совершенно посторонних людей, даже мещан, вроде М. Эридье, который сейчас же выступил, как только ознакомился с программой Альянса) [1]. Эта-то злополучная секция, как мы узнаем иметь место в первое время, когда тайное общество было малочисленно и слабо. Тогда между Интернациональным Братством и Альянсом наверное нельзя было провести строгой разграничительной линии.

[1] Жуковский, которому довелось собственными глазами увидеть, во что позднее превратилось большинство завербованных в эту секцию людей, впоследствии иронически рассказывал Максу Неттлау, как происходила эта вербовка. Бакунин проговорит целую ночь с одним из таких женевцев («рабочих», прибавляет Неттлау, но рабочих там было, кажется, не особенно много); тот отмалчивается, а Бакунин принимает его молчание за знак согласия и включает его в список, вопреки возражениям Жуковского, указывавшего, что кандидат ни аза не смыслит. Впрочем, нас, знающих уже, как Бакунин вербовал людей даже в Интернациональное Братство, эти приемы удивить не могут.

10 ноября 1868 г. Бакунин писал Жуковскому: «Я в общем доволен ходом дела, только денег нехватает. О, деньги, какие чудеса вы совершаете! Я нахожусь в положении человека, напавшего на золотую жилу, но не имеющего денег для ее разработки. Но даже такой человек может достать денег взаймы, на нашу же золотую жилу никто не даст ни копейки! Здесь мой характер совсем исправился, нервы успокоились, и ты бы подивился терпению, с каким я веду дело. Каждый день я нахожу новых хороших людей и знакомлюсь с каждым по одиночке, выпиваю с каждым по стаканчику — милое дело! Я имею уже многих друзей между кузнецами. Броссэ рекомендовал одного, которого мы приняли в Бюро, и они начинают также (работу) между каменщиками».

дальше, и послужила яблоком раздора, давшим первый толчок к расколу в Интернационале.

Бакунин по своей обычной манере продолжал, на-ряду с работою в открытой организации, ткать сеть своих конспиративных предприятий. Он попрежнему сочинял множество программ и уставов для своего тайного общества, хотя весьма трудно установить, какие из них навсегда так и остались проектами, а какие вошли в силу и в каком именно виде [1]. Неттлау, пользуясь этим обстоятельством, пытается уверить нас, что все известные нам документы представляют просто проекты, никогда не вступавшие в действие. Но это неверно,.

Теоретически, конечно, не исключена возможность того, что бакунинская тайная организация на деле могла вовсе обходиться без устава. То, что нам известно об ее деятельности (а надо признаться, что известно очень мало, и даже М. Неттлау, при всей своей старательности, при всех своих связях с оставшимися к концу прошлого века в живых знакомыми Бакунина, сумел собрать сравнительно незначительное количество относящихся сюда документов), позволяет сделать такое допущение. Организация всегда была численно небольшой; вряд ли она на верхушке насчитывала когда-либо более пары—другой десятков членов. Притом большинство из них никакого активного участия в делах не принимало, было даже плохо осведомлено о ее действительных задачах и планах. Все, что делалось,—а работа, поскольку мы об этом знаем, главным образом сводилась к переписке, к придумыванию шифров, уставов и программ, — делалось преимущественно, если не исключительно, самим Бакуниным и, может быть, одним-двумя из особенно близких к нему людей (с 1868 года таким человеком стал для него на известное время Н. Жуковский). При таких условиях, вероятно, и не чувствовалось особенно настоятельной потребности в точно сформулированных программе и уставе. Та маленькая группка лиц, которая вершила немногочисленные дела тайного общества, особенно в этом не нуждалась. Она так хорошо спелась, была так солидарна в существенных вопросах, что могла свободно обходиться и без них. Тайное же общество в целом состояло из столь

---

[1] Неттлау опубликовал на стр. 265—271 несколько таких манускриптов, написанных отчасти рукою самого Бакунина и относящихся приблизительно к концу 1868 — началу 1869 г., т.-е. к периоду кризиса в верхушке Альянса. По его мнению, ничем не доказанному, все это проекты, равно как проектами являются якобы и все документы, опубликованные в известной брошюре об Альянсе и перепечатанные у Драгоманова в приложении к переписке Бакунина (ниже, в третьем томе, мы докажем, что это неверно).

разнородных элементов, что вряд ли они и могли бы нормальным порядком, т.-е. путем обсуждения на с'езде, сойтись на общей программе и уставе.

И тем не менее и программа, и устав тайного общества существовали. Они только не были, как это принято в вульгарных «авторитарных» партиях, выработаны и утверждены на нормальном с'езде, а, будучи составлены Бакуниным, быть может, по совещанию с Фанелли и еще кем-нибудь, были введены в действие «сверху вниз», т.-е. как раз тем путем, в котором Бакунин несправедливо обвинял своих противников. Даже Неттлау не станет всерьез утверждать, что втечение ряда лет Альянс или Интернациональное Братство, как он его называет, обходился без всякого устава, хотя бы нормальным порядком и не санкционированного. Нам, правда, в точности неизвестна та редакция устава, которая (хотя бы не фактически, а номинально) действовала в старом Братстве с 1865 до 1868 года. Возможно, что таких редакций за эти годы сменилось несколько, но по существу они, очевидно, не могли сильно между собою различаться. Вероятнее всего, эту роль и играл документ об «Организации», изложенный нами выше [1]. Но зато мы знаем ту редакцию устава, которая была выработана в конце 1868 и в начале 1869 года. Это и есть те документы, которые опубликованы в брошюре об Альянсе, изданной в 1873 году Генеральным Советом Интернационала. Правда, эта редакция неизбежно должна была в ряде пунктов отличаться от старой тем, что в ней имелись положения об открытом Альянсе, которого раньше не существовало, но в основном она, несомненно, повторяет устав, действовавший до 1868 года. В этом дополненном и измененном виде устав действовал до 1872 года, когда на сентябрьской конференции альянсистов в него (точнее, только в устав Альянса, а не Интернационального Братства) были внесены некоторые изменения в связи с новой обстановкой (с расколом в Интернационале). Подробно мы покажем это в третьем и в четвертом томах этой работы.

Совсем другой вопрос, применялся ли точно и полностью этот устав в практике тайного Союза.

Нам, например, неизвестно, существовали ли в действительности национальные советы и их комитеты, предусмотренные проектами устава (надо полагать, что ввиду немногочисленности общества, вне

---

[1] О том, что устав существовал, видно как из переписки, относящейся к конференции в Шапонэре (см. § 7 этой главы), так и из циркуляра о роспуске старого Братства, в котором этот акт, между прочим, мотивируется допущенным некоторыми «братьями» нарушением «статутов Интернационального Братства».

Италии не имевшего почти активных членов, все это осталось на бумаге [1]. Мы не знаем также, состоялся ли когда-либо учредительный с'езд Союза — по крайней мере, нигде на это не встречается даже и намека. Единственный с'езд (до 1872 года), о котором мы кое-что знаем и о котором сейчас скажем, имел место в январе 1869 года и кончился разрывом. Кстати, состав этого с'езда (скорее, совещания) показывает, насколько несерьезно было в то время все это предприятие Бакунина.

Одна из относящихся к этому периоду незаконченных рукописей Бакунина представляет, повидимому, новую редакцию «Революционного Катехизиса» в более законченном и последовательном с точки зрения анархизма виде. Озаглавлена она так: «Проект интернационального и революционного, без фраз, общества. — Революционный Катехизис». Кончается она словами: «Итак, мы должны стремиться к радикальному и полному разрушению государства и всего того, что прямо или косвенно связано с существованием государств, к разрушению постоянных армий, магистратуры и трибуналов, бюрократии и всей административно-правительственной машины, жандармерии, полиции, тюрем, эшафота, палача, не забывая небесного палача — попа, разрушению всей финансовой системы, национальных банков, монополий и привилегированных обществ, государственных и частных долгов. Одним словом, мы должны стремиться к полному политическому, административному... банкротству...» (конца нет). К этому отрывку примыкает другой, начинающийся словами: «государство должно раствориться в естественной и свободной организации общества».

---

[1] Впоследствии для некоторых стран они были учреждены. Так, Ралли рассказывает об учреждении в 1872 году «русского национального комитета» из него, А. Эльсница, В. Гольстейна, Бакунина и Сажина-Росса. Вероятно, что с развитием деятельности Альянса после 1868 года такие комитеты были учреждены и в других странах. Но существовали ли они до того, при тогдашней слабости тайного общества весьма сомнительно (кроме Италии, конечно, где найти для этого трех-четырех человек было нетрудно). В частности для Италии Бакунин в письме от 2 ноября 1868 года указывает следующий состав национального комитета: Гамбуцци, Фанелли, Маццони, Фриша, Драмис, Милети. Кем был намечен такой состав, неясно (см. цитированную статью Неттлау об Италии в «Архиве» Грюнберга, стр. 294). Вероятно, эти же лица входили в состав итальянского национального комитета Альянса и до 1868 года. В Швейцарии после 1869 года тоже существовал национальный комитет Альянса. Мы знаем наверное одного из его членов, а именно Гильома (об этом существует определенное свидетельство З. Ралли). Вероятно, Шпихигер и, наверно, Швицгебель тоже входили в состав швейцарского национального комитета тайного Альянса.

Далее идет рукопись «Революционная политика». Первый же параграф ее гласит: «Всякий последовательный и искренний революционер или революционная партия обязаны решительно воздерживаться от какого-либо, хотя бы временного, союза с какой бы то ни было силой, построенной на других принципах, чем наши» [1]. Дальше, в параграфе пятом сказано: «Было бы желательно, чтобы новая организация вышла из самочинной федерации революционных коммун и провинций, естественно об'единенных для совместной самозащиты, и чтобы она была создана именно теми, кто заинтересован в торжестве этой революции. Для достижения этой цели нужно уметь пренебречь болтовнею людей, говорящих, что революция разнуздывает дурные страсти и разрушает общественный порядок» [2].

«Проект революционной ассоциации» указывает те качества, которые требуются от интернациональных братьев. Отчасти они нам уже известны, отчасти нам придется еще поговорить об этом вопросе впоследствии. Сюда же, повидимому, примыкает рукопись «Тайная организация Интернационального Альянса Социалистической Демократии», совпадающая почти во всем с текстом, опубликованном в брошюре об «Альянсе». Сюда же относится и ряд других отрывков, также трактующих о задачах и строении тайного Альянса, в том числе и манускрипт «Интернациональное Братство», основное содержание которого, правда, в ином контексте, вошло в те документы, которые были впоследствии (в 1873 году) опубликованы по постановлениию Гаагского конгресса в брошюре об Альянсе. Если мы не ошибаемся, то в этом именно манускрипте цель Альянса (сиречь Интернационального Братства, т.-е. его правящей верхушки) определяется впервые как а н а р х и я: «Мы призываем анархию, это резкое проявление народной жизни и устремлений, из которой должны проистечь свобода, равенство, справедливость, новый уклад и сама сила революции».

Наконец, к этому же периоду (конец 1868 г. — начало 1869 г.) относится, повидимому, и незаконченная рукопись Бакунина «Программа общества международной революции», находящаяся в архиве Кропоткина (который получил ее от Э. Беллерио) и опубликованная сначала Максом Неттлау в №№ 5 — 6 и 7 выходящего в Берлине «Анархического Вестника» за 1923 — 1924 годы, а затем Н. Лебедевым

---

[1] Надо полагать, что эти столь решительные строки были написаны п о с л е годичной совместной работы Бакунина с буржуазной Лигой Мира!

[2] Все это первоначальные наброски идей, которые впоследствии будут более полно развиты в документах, относящихся к тайному Альянсу в Интернационале.

в № 5/26 «Каторги и Ссылки» за 1926 год. Возможно, впрочем, что это документ еще более раннего происхождения [1].

«Программа» содержит более сжатую и точную формулировку основных положений «Революционного Катехизиса». Отвергая всякий принцип власти, авторитета и опеки, программа подчеркивает, что первым человеческим законом является социальная солидарность, а вторым — свобода, представляющая результат и самое высшее выражение солидарности. 'Будущее принадлежит только рабочему, единственно здоровому элементу современной цивилизации. Этот рабочий требует и должен требовать уравнения классов и личностей, отмены наследственной собственности, передачи земли в пользование земледельческим ассоциациям, а капитала и орудий производства — промышленным рабочим ассоциациям, уничтожения семейного права и уравнения женщины в правах с мужчиной, содержания и воспитания детей на счет общества, наконец, полного уничтожения государства со всеми его учреждениями. Судя по всему содержанию этого документа, он представляет переход от «Революционного Катехизиса» 1866 года к проектам программы Альянса, относящимся к концу 1868 и началу 1869 года.

7. Конец старого «Интернационального Братства».

Трудно сказать, для кого собственно Бакунин сочинял эти проекты — для прежнего «Братства», составленного им еще в Италии и несколько расширенного за время пребывания его в Швейцарии, или же для нового (в тот момент, скорее, будущего) тайного Альянса, который составился из меньшинства, ушедшего с Бернского конгресса. Возможно, что Бакунин, имея ввиду впредь сделать своей опорой новый

---

[1] Рукою Кропоткина на манускрипте поставлена дата 1865. Неттлау относит рукопись к 1871 году на том основании, что в дневнике Бакунина содержится указание, что он писал какую-то программу с 25 по 30 марта 1871 года. Но этому противоречит содержание рукописи. Если бы Бакунин писал ее в 1871 году, то в ней содержалось бы какое-нибудь упоминание о Марксе и его программе; между тем здесь говорится о «демократах-якобинцах», сторонниках государства, но нет ни слова о «государственниках-социалистах». Далее, в пункте 18 требуется «политическое, экономическое и социальное уравнение всех классов и всех людей, живущих на земле», т.-е. употребляется старая бакунинская формула, от которой он принужден был отказаться с начала 1869 года (см. том третий). На последнее обстоятельство указывает и Н. Лебедев, также полагающий, что рукопись эта составлена Бакуниным не позднее 1868 года. И это несомненно так. Замечательно, что в этой рукописи не встречается еще термина «анархия», который Бакунин начал употреблять с 1869 года.

Альянс, хотел постепенно отделаться от старых товарищей по прежнему Братству, с которыми у него к тому моменту возникли разногласия, кажется, больше личного, чем принципиального свойства. Насколько можно судить по имеющимся документам, Бакунин, столь много говоривший об автономии, свободе и независимости, столь вопивший против «диктаторских» замашек Маркса, столь настойчиво требовавший от «братчиков» полного отказа от всякого личного честолюбия и тщеславия, сам стремился быть в своем тайном обществе или, лучше сказать, тайных обществах единоличным вершителем дел и диктатором. Правда, среди членов Альянса и Братства он бесспорно был самым выдающимся и преданным делу, но его широкая «русская» натура делала его мало способным к выполнению роли верховного диктатора. А так как группа верных, собравшаяся вокруг него, всегда была чрезвычайно незначительной, и так как вдобавок до 1869 г., т.-е. до начала борьбы за завоевание Интернационала, у нее в сущности не было никакого серьезного дела, то неудивительно, что на этой почве в маленькой группе происходили вечные ссоры, недоразумения и дрязги. Эта склока должна была особенно усилиться с того момента, как другие «интернациональные братья» заметили, что Бакунин старается создать себе в стороне от них новую базу в лице «Альянса» и, перенося центр тяжести своей работы в среду Интернационала, собирается постепенно отрешить своих старых сотрудников от участия в руководстве делами тайной организации. Только так можно, вероятно, об'яснить тот раскол, который в январе 1869 года произошел в старом Братстве [1].

В свете сообщенных выше и имеющих еще быть сообщенными фактов и становится понятным письмо Бакунина «Всем этим госпо-

---

[1] Как мы знаем, в уставе Интернационального Братства от братьев требовалась полная откровенность во взаимных отношениях, но сам Бакунин, повидимому, не очень-то придерживался этого правила. Он требовал откровенности по отношению к себе, но не любил проявлять ее по отношению к другим. Хорошо знавший его с конца 1872 года З. Ралли, рассказывая об организованном Бакуниным русском комитете Альянса, говорит по этому поводу: «В программе нашей был... специальный параграф, требовавший «совершенной взаимной прозрачности отношений»; относительно этой прозрачности самым строгим требователем был сам автор программы, нас связывавшей, М. А. (Бакунин), боявшийся всегда конспирации в недрах своего союза, но вечно сам конспирировавший то с одним против других, то с другими против одного. Конспирации эти, однако, были всегда шиты белыми нитками и потому, в конце концов, узнавались именно теми, против которых велись. Понятное дело, что в результате оказывался разлад, и организация расползалась врозь» (З. К. Ралли — «Из моих воспоминаний о М. А. Бакунине». Исторический сборник «О Минувшем», Спб., 1909, стр. 307—308).

дам!» от 26 января 1869 года, впервые опубликованное Драгомановым в «Переписке» Бакунина и оставшееся в то время неясным как для самого Драгоманова, так и для его читателей. Письмо это было адресовано членам Интернационального Братства, собравшимся в тот момент на совещание или конференцию (не знаем, как сказать) без Бакунина и вопреки его желанию. Вот что гласит письмо Бакунина [1]:

«Всем этим господам!

«Господа,

«Вы отправились сегодня для устройства чего-то вроде с'езда, из которого Вы сочли нужным исключить меня. Для того, чтобы смягчить оскорбительную для меня сторону этого решения, г. Мрочковский счел за благо сослаться на необходимость своего немедленного от'езда в Шапонэр, что совсем не является аргументом, так как если он уезжал, то я ведь оставался [2]. Перрону естественнее находиться скорее в Женеве, чем в Шапонэре. Г-н Жуковский с того момента, как он отказался от своих уроков, чтобы присутствовать на ваших заседаниях, был также на месте в Женеве, как и в Бассэ. Г-н Трусов не имел уроков, а г-н Бартенев, которому нужно было только взглянуть на г-жу Барт[еневу], должен был этому поверить [3], — аргумент, который, признаюсь Вам, столь же мало меня просветил. Привыкши всегда подчинять свои личные удобства обязанностям и требованиям Братства, я не понимаю, как может иначе действовать серьезный брат, который дорожит не риторикою дела, а самим делом. Впрочем, к чему столько слов? Я апеллирую просто к вашей коллективной честности и уверен, что вы сознаетесь, если не предо мною, то, по крайней мере, перед самими собою, что вы почувствовали необходимость и пожелали удалить меня, хотя бы и временно, из своих совещаний. Я констатирую этот факт, приемлю его и, всегда любя строгую логику, делаю из него следующие выводы:

«Возможно, что окончательный результат ваших совещаний окажется вполне согласным с принципами и практическими задачами на-

---

[1] Приводим его с надлежащими исправлениями. Сам Драгоманов, незнакомый с историей социалистического движения, жестоко перепутал и исказил приводимые в этом документе имена.

[2] Повидимому, совещание началось с участием Бакунина в Женеве, а затем большинством было перенесено в Шапонэр, где проживали супруги Мрочковские (уже без участия Бакунина).

[3] У Драгоманова написано: «le croire» и переведено «тому поверить». У Неттлау сказано: «la voir» (т.-е. «ее повидать»), но от такой замены смысл не становится яснее.

шего старого братского общества. Возможно, что он будет им противоречить.

«В последнем случае я, натурально, выйду из всякого нового общества или, точнее сказать, я в него не вступлю. Но, отказываясь в него вступить, я прежде всего дам по отношению ко всем тем, кто не является или не станет моим братом, обещание сохранять полнейшее молчание относительно всего прошлого нашего первого общества, т.-е. относительно всего того, что я делал и что некоторые из вас делали или упускали делать до сих пор; сверх того, я обещаюсь вам сохранять в такой же строгой тайне все то, что вы сочтете нужным доверить мне в момент нашего окончательного и полного расхождения, после чего вы не должны будете больше вмешиваться ни в какое из моих предприятий, равно как и я остерегусь от вмешательства в ваши дела. Таким образом мы составим — я с моими старыми друзьями, вы с вашими союзниками — два лагеря, если не враждебные, то, по меньшей мере, совершенно друг другу чуждые.

«Если, наоборот, ваша программа и ваши проекты будут признаны мною согласными с основами нашего старого Братства, я, разумеется, присоединюсь к ним от всей души и попрежнему буду считать себя, если не вашим любящим и возлюбленным братом — я терпеть не могу лицемерия и елейных фраз, — то, во всяком случае, вашим сотоварищем, столь же правомочным, как и обязанным по отношению к вам, так как ни одно из совершенных мною действий, насколько я знаю, не дает вам права меня исключать. Если я все же ошибаюсь, если вы думаете, что имеете против меня серьезные обвинения, то я потребую от вас, чтобы вы смело и лойяльно высказали их открыто в чисто братской форме, а не высказывали их исподтишка и за моей спиной, как некоторые из вас до сих пор считали удобным делать. Возможно, что тогда я, в свою очередь, выступлю в роли обвинителя и что, потеряв терпение, я потребую от вас об'яснений, например, по поводу столь мало личных обвинений (неразборчивое слово), которые, вопреки обязательствам нашего старого Братства, вы выдвинули в узком кругу против одного из наших самых деятельных и самых преданных членов, против моего брата и друга, Карло Гамбуцци, под влиянием известных личных счетов и по внушению вашего друга и вашего брата, г-на Туччи.

«Но хотя, в случае действительного совпадения вашей программы с нашей, я буду попрежнему считать себя вашим сотоварищем, я попрошу вас смотреть на меня как на пассивного члена впредь до нашего ближайшего конгресса, в котором я расчитываю принять самое дея-

тельное участие, так как по зрелом размышлении я решил выйти из Центрального Управления Международного Братства, равно как оставить Центральное Бюро и все публичные дела Альянса и не принимать никакого прямого, ни косвенного участия во всех делах этих обществ до будущего конгресса. После того, как я проработал четыре года под-ряд как негр и работал почти всегда один, не потому, что я хотел не допускать вас к делам, а потому, что вы в большей или меньшей мере были погружены в резонерское бездействие, я имею право на известный отдых. Поэтому, господа, так как вы уже собрались вместе, так как вы не можете терять зря время и так как ваши об'яснения со мною по необходимости будут весьма краткими, то вы хорошо сделаете, если организуете из своей среды новое правление как для Братства, так и для Альянса.

«Вы не оскорбите меня предположением, что я об'являю вам об этом решении с тайным намерением заставить себя упрашивать и доказать вам пользу моего сотрудничества в вашей работе. Тем из вас, кто меня знает, очень хорошо известно, что, раз высказав свое решение, я не беру его обратно. Впрочем, я считаю нужным об'яснить вам свои мотивы.

«Первый из них заключается в том, что за исключением, пожалуй, Перрона, в дружбе и совершенной прямоте которого я не вправе сомневаться, за исключением Малона, с которым, как я думаю, я мог бы столковаться, если бы между нами не было услужающих и (неразобранное слово) посредников [1], за исключениеем г. Бартенева, который, не будучи со мною знаком, не может питать ко мне никакой личной неприязни, если только меня не оклеветали перед ним, все остальные [2] не внушают мне больше никакого доверия в том смысле, что я уже совершенно не верю в прямоту и чистосердечие их отношений ко мне. Среди них имеется человек, который некогда был моим очень дорогим, очень преданным и очень верным другом [3]. Теперь он перестал быть таковым, — я со скорбным удовольствием это констатирую, говорю себе это решительно и определенно, потому что я люблю ясно высказывать свое отношение и терпеть не могу двусмысленностей. Мне незачем говорить о других. Мне, пожалуй, нетрудно было бы проанализировать и изложить совершенно открыто все те мелкие причины, которые, особенно после Бернского конгресса, способствовали соста-

---

[1] Имеется в виду окружение Н. Утина.
[2] Т.-е. Н. Жуковский, Мрочковский и Трусов.
[3] Речь, повидимому, идет о Мрочковском.

влению против меня широкого заговора. Но, считая ненужным бесплодные об'яснения, предпочитаю об этом не говорить.

«Господа, я поэтому чувствую себя и чувствовал себя в течение всех этих последних дней как бы во враждебном лагере; передо мною развернулись все задние мысли, мелкие, скрытые цели, все весьма неумело сотканные нити этого заговора. И уже позавчера вечером я сказал себе, что для меня невозможно будет продолжать работу с вами и посреди вас. Чтобы довести до благополучного конца такую работу, какую мы предприняли, нужно иметь возможность вполне полагаться на дружбу и на искренность друзей. Человек, окруженный внешними врагами и (неразобранное слово: вероятно, препятствиями), должен обладать внутренней уверенностью. У меня нет уже ни этой уверенности, ни этого доверия, и вот почему я ухожу. Вы не скажете, что своим уходом я совершаю акт власти или диктатуры. Вы признаете вместе со мною, что это акт чистой свободы. По моему глубочайшему убеждению, диктатором не юридическим, а фактическим является и всегда будет являться тот, кто действует, и лишь постольку, поскольку он действует в духе и интересах общества. С того момента, как эти господа, наскучив спячкой и резонированием во сне, захотят действовать, они в свою очередь станут диктаторами.

«Другой мотив в пользу моего ухода не менее важен. Вы знаете, что я страшно задолжался. Вы знаете, что, не получая ничего или почти ничего от моих братьев, в ожидании того дня, как они захотят или смогут выделить мне мою долю наследства, я впродолжение трех или даже четырех лет жил тем, что занимал крупные суммы у дорогой и благородной княгини [1], которая в течение столь долгого времени была для меня прекрасным и верным другом. Вы поймете, господа, без того, чтобы мне нужно это было вам об'яснять, что теперь для меня невозможно прибегать к тому же источнику [2]. Поэтому я должен серьезно

---

[1] Речь идет, как мы знаем, о княгине Оболенской.

[2] Оболенская была в это время женою В. Мрочковского, против которого в частности и было направлено это письмо. Разрыв с Оболенской поставил Бакунина в крайне тяжелое материальное положение. Уже через несколько дней после письма ко «всем этим господам», а именно 4 февраля 1869 года, он обратился к родным с отчаянной запиской, сохранившейся в Премухинском архиве: «Сестры! Долги давят меня. Мне грозит голодная смерть — помогите». Эта записка по конспиративным соображениям подписана «Татьяна». Опубликовавшая эту записку Е. Корнилова («Былое», 1925, № 5/33, стр. 153) высказывает правильное предположение, что это был условный псевдоним, которым он в это время назывался в переписке с родными,

работать для того, чтобы жить и кормить свою жену. А так как я не умею делать дела наполовину и делить свою работу и время между двумя различными занятиями, то мне приходится, по крайней мере, на время, оставить одно, чтобы посвятить себя другому. Вы слишком умны, чтобы мне нужно было дольше распространяться на эту тему.

М. Бакунин.

«После столь откровенного об'яснения я уже не настаиваю на обязательном приезде Малона в среду в Женеву. Так как я на время отказался от всякой практической деятельности, так как личные об'яснения для меня не имеют большого значения, и так как, наконец, его присутствие может быть полезным среди вас в Женеве, пусть он приедет лишь в том случае, если найдет это необходимым не для меня лично, а по другим соображениям. Я только предупреждаю его, что наши товарищи по Бюро, на заседание которого я не являюсь под тем или иным предлогом, ждут его в среду вечером у меня. Вместе с тем я прошу товарища Перрона не позабыть о присылке мне бумаг, касающихся Ришара [1]; я окажусь в весьма затруднительном положении, если не получу их завтра, по крайней мере, до семи часов вечера. В крайнем случае я должен иметь их послезавтра».

Из этого письма выясняется состав совещания в Шапонэре: Бенуа Малон, Н. Жуковский, Трусов, Бартенев, Мрочковский, Шарль Перрон, Альберто Туччи, т.-е. один поляк, один итальянец, один француз, один швейцарец и трое русских. Из них старыми членами Братства можно было назвать только двоих: Мрочковского и Туччи; все остальные были новички набора 1867 — 68 года. Другие старые члены Братства — Фанелли, Фриша, Гамбуцци — отсутствовали. И тем не менее,

---

так как и его жена в письме, относящемся к этому времени, также называет его Татьяной. Другая его записка, также подписанная «Татьяна» и датированная 21 декабря 1869 года (она опубликована там же, стр. 153 — 154), в аллегорической форме говорит о том же. Адресована она «Кате», под которою, вероятно, разумеется сестра Татьяна, и сообщает о ее «матери» (т.-е. о самом Бакунине), которой «грозит голодная смерть», в то время как «благородный отец твой (т.-е. братья) тратит тысячи из ее собственного, уворованного им, кармана». Дальше записка продолжает: «У меня нет ни копейки, и я еле-еле перебиваюсь работой. Вот почему я прошу тебя, милая Катя, обратиться с этим письмом в руках к моим сестрам и просить их от моего имени [озаботиться] продажею моей части, даже с потерею, если иначе невозможно, и доставить мне приходящуюся мне сумму».

[1] У Драгоманова, книга которого («Переписка» Бакунина) вообще кишит грубейшими ошибками, сказано «Pichardе», а в русском переводе «Пишарда».

собравшиеся считали себя вправе решать дела Интернационального Братства и Альянса вплоть до избрания новых центральных органов. Такое право признает за ними в письме и сам Бакунин. Правда, у него при этом была совершенно ясная для нас задняя мысль: он был уверен, что в данном составе и притом без него собравшаяся на с'езд компания ничего не сумеет сделать, а избранные ею центры никем — и им, Бакуниным, в первую голову — признаны не будут. Но все же очевидно, что все грозное и таинственное Интернациональное Братство сводилось в тот момент приблизительно к десяти названным лицам, из которых, по крайней мере, половина была новичков; а все совещание в целом состояло из людей, которых Бакунин обвинял в систематическом бездействии. Даже та «сотня» интернациональных братьев, о которой мечтал Бакунин, была тогда для него недосягаемым идеалом.

Далее письмо Бакунина отчасти позволяет нам проникнуть в механизм его тайной организации. Собравшиеся члены Интернационального Братства являются высшей властью в Альянсе: они принимают и меняют программу и устав, выбирают Центральное Правление, Директорию Братства, равно как и Центральное Бюро Альянса (постоянная часть Центрального Комитета, нечто вроде Политбюро ЦК). Ни о какой внутри-партийной демократии здесь не могло быть и речи, что, впрочем, было естественно для тайной организации, но что не мешало Бакунину и его друзьям на все лады вопить о недемократическом образе действий их противников, которые, однако, действовали гласно, принимали свои решения и избирали свои руководящие органы на публичных международных конгрессах, составленных из законно выбранных делегатов, и т. д.

Из письма Бакунина отчасти выясняется и подоплека раздоров, вызвавших даже попытку если не исключить Бакунина из рядов Братства, как он уверяет, то собраться и обсудить текущие дела без него (надо полагать, ввиду его отказа допустить обсуждение этих дел в данный момент и в данном составе совещания, явно для него неблагоприятном). Из его собственных слов ясен характер жалоб, раздававшихся против него со стороны других членов Братства, а может быть, даже

На самом деле речь идет об Альбере Ришаре, лионском приятеле Бакунина (см. о нем мою статью «Переписка Бакунина с А. Ришаром» в т. III «Архива Маркса и Энгельса»). Бумаги, повидимому, касались третейского суда по поводу выдвинутых тогда против Ришара позорящих обвинений.

и членов центрального правления: это — его диктаторское поведение в Братстве и нежелание допускать других к участию в делах[1]. Эта черточка тоже весьма характерна в связи с теми воплями против диктатуры Маркса и Генерального Совета (все-таки коллектив!), к которым постоянно прибегал в своей полемике Бакунин.

Почему именно после Бернского конгресса усилилась кампания против Бакунина среди членов Интернационального Братства, неясно. Возможно, что это стояло в связи с выяснившимся стремлением Бакунина окончательно отстранить от дел старый состав Братства ввиду появления у него более широкой базы в лице реформированного или, если угодно, новосозданного Альянса, сконституировавшегося в качестве ветви Интернационала.

Существует опубликованный Неттлау проект (или черновик) ответа на письмо Бакунина от имени собравшихся на совещание членов Интернационального Братства. Прежде всего они отвергают обвинение в желании исключить Бакунина. По их словам, 24 и 25 января между ними и Бакуниным произошло об'яснение, принявшее не принципиальный, а склочнический характер (речь должна была итти об изменении устава). Тогда большинство решило собраться отдельно, обсудить изменения, которые желательно было бы внести в устав, а после того созвать 28 января общее совещание всех членов Братства, находившихся в Женеве, для выяснения вопроса о том, соответствует ли или нет новая редакция устава духу первого устава[2], который, как прибавляют «мимоходом» авторы письма, для большинства из них остался неизвестным[3]. Судя по дальнейшим строкам ответа, пока сецессионисты обсуждали в Шапонэре новый проект устава, Бакунин наспех набрасывал упомянутый нами выше «Проект интернационального и революционного без фраз общества» (слова «без фраз», повидимому, были подсказаны ему ссорою с бывшими товарищами и как бы являлись намеком на них).

«Вы один, — говорится в вычеркнутых строках ответа, — действовали до сих пор, Вы один держите все нити этого ме-

---

[1] Впоследствии даже Нечаев, уж на что сам склонный к диктаторским действиям, обвинял Бакунина в диктаторских замашках.

[2] Значит, был и действовал какой-то устав («первый»).

[3] Это обстоятельство весьма характерно для бакунинского Братства: большинство не знало даже своего устава; повидимому, он тоже составлял великую тайну! У совещания не было в руках этого устава, и оно просило Бакунина дать им его экземпляр.

ждународного Союза [1], который представляет дело Ваших рук, и который Вы внезапно ставите в столь плачевное положение; и Вы заявляете, что отстраняетесь и делаетесь пассивным членом и что Вы не станете больше работать даже в Альянсе Социалистической Демократии! Пусть будет так, мы не станем оспаривать Вашего решения, но признайте же правильным и то, что мы не соглашаемся перенять дело, которое мы могли бы, быть может, с помощью Ваших советов вести, если бы мы владели всеми сведениями, адресами, документами и т. д., и т. п., но которое становится неприемлемым, раз мы не уверены в том, что найдем в Вас помощь и поддержку, необходимые для того, чтобы заменить Вас». В этих словах вскрывается корень раздора.

В интересах дела члены совещания решили впредь до предстоявшего с'езда тоже остаться пассивными членами Интернационального Братства и не вырабатывать нового устава [2]. Но, ввиду возможных в близком будущем революционных событий, они предлагали Бакунину впредь до с'езда оставить все в прежнем положении, сноситься с членами Интернационального Братства через них, если он сочтет это удобным, и просили сообщить им, действительно ли соберется когда-нибудь долгожданный с'езд. Далее совещание постановило поручить интернациональным братьям Женевы и окрестностей [3] временное управление Братством и просить Бакунина передать им все касающиеся Братства бумаги, адреса и документы всякого рода, дабы сделать возможным руководство его делами.

«Таким образом, дорогой друг,—кончается ответ,—мы, думается, устраним все поводы к серьезному расколу между нами, так как все останется попрежнему, с тем единственным отличием, что согласно Вашему непреклонному желанию Вы будете освобождены от бремени руководства до ближайшего конгресса. На этих условиях мы будем действовать все и, хотим думать, Вы вместе с нами, для торжества великих принципов, которым Вы посвятили всю свою жизнь. Без со-

---

[1] Курсив в этой цитате мой. Таким образом Бакунин, отстраняясь, уносил с собой все связи, шифры, явки и проч.! Вот как в Альянсе понималась «автономия» личностей!

[2] Судя по всем этим глухим намекам, члены Братства, повидимому, добивались внесения в устав таких изменений, которые ограничили бы диктатуру Бакунина и обеспечили бы до известной степени права других участников. Такому изменению Бакунин, вероятно, противился.

[3] Т.-е. в сущности себе самим; но, во-первых, это, очевидно, было в практике Братства, а, во-вторых, кроме них тогда имелись только отдельные единицы в Италии и еще меньше во Франции.

мнения, до тех пор, пока не удастся путем конгресса или иным установить наш союз на определенных, точных и о б щ и х д л я в с е х [1] основаниях, мы не приобретем желательной силы для работы, но, по нашему убеждению, мы сделали все человечески возможное в настоящих условиях для сохранения связывающей нас с Вами дружбы и для охраны интересов социальной революции, задачу руководства которою мы взяли на себя и которую мы не должны оставлять в момент, когда она может разразиться со дня на день».

Подписано: Б. Малон, Виктор Бартенев, Валериан Мрочковский, Николай Жуковский, Ш. Перрон, Антон Трусов [2].

Что ответил в тот момент Бакунин на смиренное ходатайство «взбунтовавшихся рабов», неизвестно. Но косвенный ответ на это мы имеем в следующем замечательном документе, относящемся к весне 1869 года, повидимому, разосланном членам Братства и несомненно принадлежащем перу Бакунина:

«Несколько старых членов Интернационального Братства по соглашению с Центральным Бюро об'явили это учреждение распущенным.

«Это решение, принятое после зрелого размышления, вызвано было явной бесполезностью учреждения, состоящего из людей, большинство которых так мало считают себя связанными, что они сочли себя вправе действовать в нарушение обязанностей, налагаемых на каждого брата принципами и статутами [3] Интернационального Братства, что составляет по отношению к верным братьям вопиющую несправедливость и ставит их в невыносимое положение.

«Мы желали бы избежать бесплодных жалоб, но нам все-таки представляется необходимым ссылкою на несколько фактов оправдать столь серьезную меру, которую мы считаем необходимым принять.

«Вы знаете, что Интернациональное Братство поставило себе гигантскую задачу работать над радикальным и полным преобразованием существующего ныне в Европе экономического, политического и социального строя. Вы знаете, что первой обязанностью всех братьев было не только не принимать никакого участия в буржуазных полу-революциях и во всяких иных политических или экономических предприятиях буржуазии, но и бороться с ними, как с явлениями, противоречащими интересам народных масс, и не вести другой политики, к р о м е т о й, к о т о р а я и м е е т н е п о с р е д с т в е н н о й и п р я-

---

[1] Курсив мой.

[2] Впредь до созыва конгресса было избрано временное Центральное Бюро в следующем составе: Жуковский, Мрочковский и Перрон.

[3] Еще раз: значит, были статуты, обязательные для членов Братства!

мой целью полное освобождение труда и трудящихся путем разрушения всех политических государств с их границами, их властями и всеми их учреждениями; безотлагательную отмену всех государственных и частных долгов путем всеобщего сожжения всех юридических и гражданских актов, путем отмены наследственного права — этого постоянного источника неравенства в социальном мире, основы всякой юриспруденции и всякой политики; наконец, путем введения общего производства и общей собственности, составляющих основное условие равенства, действительной свободы для всех, справедливости и серьезного братства.

«Братья обязались жертвовать для этой возвышенной цели всем: и личными интересами, и личными симпатиями, и всеми иными соображениями. В то же время было условлено хранить полнейшую тайну относительно всего нашего существования и всей нашей деятельности.

«К сожалению, дело не всегда обстояло так.

«Некоторые из наших [1] поехали в Испанию и вместо того, чтобы постараться сгруппировать там социалистические элементы, которые, как мы имеем тому материальные доказательства, уже чрезвычайно многочисленны и даже довольно развиты в городах, равно как и в деревнях этой страны, — вели там слишком часто радикальную политику, а отчасти пропагандировали буржуазный социализм, забывая, что в нашу эпоху всякое движение, которое не ставит себе задачей открыто требовать возвращения всего социального капитала, движимого и недвижимого, его единственному законному собственнику — рабочей коллективности, и что всякая иная политика, не являющаяся открыто социалистической не в буржуазном, а в широком народном понимании этого слова, составляют с точки зрения освобождения труда реакционное движение и реакционную политику. Братья, забывшие цель, которую они преследовали или которую считались призванными преследовать, усвоили дело того жалкого буржуазного республиканизма, который с такой немощностью и шумом орудует в Испании; они защищали его в газетах как испанских, так и французских, и довели презрение ко всем нашим принципам до того, что поддерживали попытки сближения с Эспартеро, а в случае нужды и с самим Примом.

«Как вы видите, это значит уже оказаться далеко не только от принципов и торжественных обязательств нашего Интернационального

---

[1] Намек на поездку Фанелли, Эли Реклю и Аристида Рея в Испанию осенью 1868 года.

Братства, но даже от принципов, ныне открыто исповедуемых рабочими всей Европы и тою замечательною организациею Международной Ассоциации Рабочих, которая бесспорно составляет единственную серьезную основу освобождения народов.

«Вы понимаете, граждане, что невозможно признать себя солидарными с политикою, столь противоречащею программе трудящихся.

«Одних этих фактов было бы достаточно, чтобы показать всю несерьезность нашей братской организации, если бы даже они не сопровождались другим фактом, который устранил наши последние колебания по вопросу о целесообразности распущения нашей организации. Тайна наших дел была выдана посторонним. Мы сделались предметом сплетен, а наша работа, которая для своего успеха требует тайны, благодаря этому стала не только бесполезной, но и смешной — и это в то время, как многие другие члены Братства остались верны нашему уставу и нашей программе.

«По этим-то, главным образом, мотивам и пришлось распустить наше Братство, которое могло оказать столь великие услуги революции. Никто больше нас не удручен так сильно этим роспуском, но Вы согласитесь, дорогой гражданин, что после всего случившегося мы потеряли всякий смысл дальнейшего существования».

Следуют подписи (шифром): за Ц. Б., т.-е. за Центральное Бюро, четыре, за какое-то братство (F), вероятно, итальянское — одна. Первые четыре подписи могли принадлежать Бакунину, Фриша, Гамбуцци и, надо полагать, Фанелли; подпись за неизвестное «Братство» — тоже, вероятно, одному из них[1]. Словом, меньшинство, имевшее, впрочем, то преимущество, что оно состояло из старых членов Интернационального Братства, предпочло покончить с притязаниями партийной «демократии» по известному методу Александра Македонского. Оно разрубило гордиев узел, распустив старое Братство. Но нужно сказать, что аргументы, которые оно приводит в оправдание своего героического решения, не выдерживают критики и не обнаруживают действительных причин столь решительного шага.

---

[1] Неттлау (прим. 3959) высказывает предположение, что подписи эти принадлежат Бакунину, Мрочковскому, Перрону и Ришару или Фанелли. Ришар в своей выше цитированной статье называет в числе членов центрального комитета новой тайной организации: Бакунина, Гильома, Жуковского, Мрочковского, Ланкевича, Фанелли, Фрица Хенга и себя. Мы сильно сомневаемся в том, чтобы Мрочковский и Перрон могли подписать документ о роспуске Братства, вызванном их действиями в Шапонэре за пару месяцев до того. То же самое относится и к Жуковскому. Поэтому гипотеза Неттлау

Обвинение, выдвинутое против посланной в Испанию делегации Альянса, сводится к тому, что члены ее, в противоречие программе Братства, вели в Испании политику не чистого анархизма, а «буржуазного социализма», входя в коалицию с буржуазными фракциями, тогда как правоверный альянсист мог участвовать только в движениях, имеющих непосредственной и прямой целью социальную революцию и притом в смысле «социальной ликвидации» с уничтожением государства, разрушением всех его учреждений, сожжением юридических документов и пр. Ну, а сам Бакунин, провозгласивший эти принципы еще в 1866 году, державшийся их, когда работал (вместе с другими «братьями», наверное подписавшими постановление о роспуске Братства) в архибуржуазной Лиге Мира, которая ведь не ставила себе непосредственной и прямой целью социальную ликвидацию? Более того, как мы еще увидим, Бакунин и позже не выказывал такого политического ригоризма, например, когда в 1874 году принял участие в республиканской попытке в Болонье. Ясно, что в данном случае неумолимая строгость, проявленная им по отношению к согрешившим «братьям», имела во всяком случае, не принципиальную подкладку. Ведь не проявлял же он такой строгости по отношению к членам буржуазного итальянского парламента — Фанелли и Фриша (которые, как мы думаем, вместе с ним принимали это постановление). Да, наконец, если верно, что пара «братьев», Рей и Эли Реклю [1], проявили склонность к буржуазному демократизму (как будто Бакунин раньше не знал за ними такой слабости, когда принимал их в Братство!), то почему же было не предложить их исключения из общества, а наказывать за их прегрешения всю организацию? Логики тут мало.

Столь же мало логики и в другом аргументе, приводимом в об'яснение роспуска Интернационального Братства. Кто-то выдал какие-то тайны Братства посторонним, это почему-то сделало работу общества

нас не убеждает. Ссылка на то, что названные мною лица, как Гамбуцци и Фриша, не были в тот момент в Швейцарии, тоже неубедительна. Во-первых, вряд ли это можно с точностью установить (ведь и о Фанелли Неттлау говорит, что пребывание его в тот момент в Швейцарии сомнительно). А, во-вторых, личное присутствие их вовсе и не требовалось (особенно при обычаях бакунинских организаций). Их мнения Бакунин мог запросить письменно. А что он должен был обратиться именно к тем членам Братства, которые не участвовали в Шапонэрском совещании, это ясно. Впрочем, весьма возможно, что одна из этих подписей принадлежала А. Ришару, которого Бакунин в тот момент приблизил к себе и на которого возлагал тогда большие надежды.

[1] С обоими Бакунин остался в дружеских отношениях.

«смешной», а потому... его нужно было распустить. Не знаем, на каких ребят было рассчитано это наивное об'яснение. Видимо, Бакунин был не очень-то высокого мнения о своих сотоварищах по руководству грядущей мировой революцией, если думал подействовать на них такими доводами. Насколько мы знаем, Бакунин намекает здесь на Малона. Последний, проезжая через Лион, откровенно поговорил о Братстве и о конфликте в его среде с А. Ришаром. Но ведь А. Ришар незадолго до того вместе с Бакуниным ушел с Бернского конгресса и был завербован им в члены Альянса. Более того, вскоре после того Ришар был принят и в Братство, даже в Центральный Комитет, и вообще на пару лет сделался одним из интимных друзей Бакунина. Ясно, что никакого непростительного преступления по отношению к Братству Малон в данном случае не совершал, тем более, что, как нам известно, и сам Бакунин далеко не всегда проявлял особенно большую конспиративность. Наконец, если вина Малона была уже столь велика, то опять-таки отсюда следовало только одно: надо было предать его суду «братьев» и в в крайнем случае исключить е г о из обшества. Но по какой логике за откровенный разговор Малона с приятелем Бакунина Ришаром [1] можно и нужно было распускать в с ю организацию, и почему после этого дальнейшее ее существование утратило всякий смысл?

О н о у т р а т и л о э т о т с м ы с л д л я Б а к у н и н а,—и в этом было все дело. Говоря его словами о Лиге Мира, орудие было испробовано, в данном виде оказалось негодным и было выброшено вон. Что в этом деле решающую роль играла личная обида Бакунина, возмущенного дерзкими требованиями «демократии», посмевшей выступить против его диктатуры в Братстве, ясно из всего предыдущего изложения. Отголосок этого конфликта слышится еще в письме его к Ш. Перрону, написанному 2 мая 1870 года, т.-е. через 1 год и 3 месяца после этой истории [2].

«Как мог ты, — писал ему Бакунин, — поставить на одну карту мои последние выпады против тебя с тою бранью, которую у меня исторгли измена Малона и низкое поведение Туччи? Ты без сомнения не забыл, что Малон, уверив меня честным словом, что он ничего не скажет Ришару о вспыхнувшей между нами распре, поступил как раз

---

[1] Не забудем, что Ришар был одним из «членов-основателей Альянса» в 1868 году, а вскоре после того стал членом Центрального Бюро. Более того, возможно, что сам Ришар подписывал этот документ, т.-е. наказывал Малона за откровенность с ним, Ришаром!

[2] В 1869 году Перрон тоже участвовал в выступлении против Бакунина, но с ним последний скоро помирился.

наоборот. И я позволю себе напомнить тебе, что ты так же был возмущен этим, как и я, и что ты сам несколько раз повторял мне, что у Малона чересчур уже впечатлительный и слабый характер. Мои ругательства по его адресу никогда не шли дальше этого. Ты знаешь, что я никогда не подвергал сомнению ни его талант, ни его чистоту, ни его горячую преданность. То же самое относится к Жуку. Как и Малон, и даже больше, чем Малон, это артистическая натура. У него есть неустойчивость и слабости, которые могли меня рассердить. Это не боевой человек и не человек, на мужество которого можно слишком полагаться в момент борьбы. Но он чрезвычайно добр, чрезвычайно способен, не как инициатор, но как исполнитель и пропагандист, когда он бывает в хорошем окружении, когда он находится в симпатизирующей среде, и особенно, когда он чувствует поддержку, а вдобавок это человек лично верный. Это уже немало. И теперь я отдаю ему справедливость в гораздо большей мере, чем я в состоянии был это делать, когда видел, что он в согласии со всеми вами работает, сам того не желая и не сознавая, над разрушением дела, которому я посвятил всю свою жизнь. Это возбудило во мне негодование и причинило мне боль, которая исторгла у меня несколько резких выражений по его адресу. Но никогда я не был настолько несправедлив, чтобы отрицать доброту или честность его сердца. Впрочем, во всей этой печальной истории уже чувствовалась рука Утина [1], который через посредство княгини действовал на Мрочковского, а через Ольгу, Бартенева и Трусова — на Малона. Я это думал, я это чувствовал, и я признаю, что уже тогда я был возмущен твоим капризным и наивным ослеплением, которое толкнуло тебя на сторону людей, бывших орудиями интриги... Ты со своей стороны немало способствовал нашей дезорганизации и нашей общей деморализации. Я сильно расчитывал на тебя, а в критический момент ты не оправдал моих надежд — не оправдал настолько, что пытался заключить серьезный союз и образовать серьезный центр действия с такими элементами, как Жук, Мрочковский, княгиня и Малон, оставив меня совершенно в стороне — меня, мой дорогой Перрон, позволь мне сказать тебе это без хвастовства и без тщеславия, который был единственным серьезным человеком среди вас — в тот момент несомненно

---

[1] Весьма сомнительно, чтобы Н. Утин имел какос-либо касательство к этой истории. Если бы это было так, он не преминул бы использовать этот, не говорящий в пользу Бакунина, инцидент в брошюре об «Альянсе», к составлению которой он несколько был, вероятно, причастен. Между тем, как мы уже указывали, авторы брошюры даже не догадывались о существовании старого Братства.

и в этом предприятии, — ибо не подумай, что я настолько тщеславен и несправедлив, чтобы отрицать все прекрасные, разумные и серьезные стороны в таких людях, как ты, как Малон и даже как Жук.

«Но как можешь ты сравнивать этот последний протест против тебя с моими нападками на Туччи, — нападками, которые я в настоящее время поддерживаю с большей силой, чем когда-либо, ибо этот господин ежедневно прибавляет новые факты к бесчисленным фактам, против него говорящим? У него очень живое, очень умное воображение, соединенное с весьма низким характером, и он абсолютно лишен всякого морального чувства. Вот почему я снова повторяю то, что я уже сказал: у меня нет никакой гарантии, что при неблагоприятных условиях из него не может выйти предатель, шпион».

Попытка продолжить существование старого Братства без Бакунина была заранее обречена на неудачу [1]. Без связей, без средств, без авторитета, новое Центральное Бюро не могло существовать. Мы не знаем, пыталось ли оно даже приступать к работе. Надо полагать,

---

[1] А. Ришар, вскоре сделавшийся приближенным Бакунина, в своей цитированной выше статье рассказывает об этом периоде следующее: «В конце 1868 г. проезжал через Лион из Женевы Бенуа Малон (не было ли это в конце января 1869 г., т.-е. после с'езда в Шапонэре? — *Ю. С.*). Малон был тогда одним из наших, как и многие другие, не будучи отнюдь анархистом (курсив мой). В то время отдельные доктрины разных агитаторов не получили еще такой точной формулировки, чтобы каждый мог выбирать себе свое знамя. Тогда между некоторыми революционерами всех (?) стран, весьма мало согласными по существу (курсив мой), существовал тайный союз под названием «Интернациональное Братство». Бакунин некогда основал его в Лондоне с небольшой группой интимных друзей; он насчитывал среди своих членов Гарридо, Таландье; позже туда вошли Элизе Реклю, Малон, Аристид Рей вместе с лучшими русскими, швейцарскими и итальянскими сотрудниками Бакунина (о происхождении Братства см. § 4 первой главы третьей части этого тома. — *Ю. С.*). Это «Братство», тесный сговор и торжественные приемы которого, казалось, сулили прекраснейшее будущее солидарности и революционного действия, не замедлило разложиться. Почти немедленно после своего возвращения из Женевы и Лиона Малон разошелся с Бакуниным. Произошло даже странное охлаждение между Элизе Реклю и Бакуниным, который упрекал будущего географа в том, что тот назвал его «казаком, опившимся шампанского». Пресловутое «Братство», долженствовавшее быть вечным, было совершенно забыто, и среди оставшихся до сих пор в живых «братьев» есть такие, которые подчеркивают, что очень мало знали своих тогдашних товарищей.

«После окончательного провала «Братства» в начале 1869 года Бакунин, сгоравший от нетерпения действовать и действовать наконец открыто в смысле социальной революции посредством анархии, основал «Интернациональный Альянс Социалистической Демократии» (на самом деле Альянс

что, сознавая создавшееся положение, сецессионисты покорно подчинились декрету о роспуске. Со многими из них (как Жуковский, Мрочковский, Перрон) Бакунин скоро примирился и возобновил дружеские отношения. Но старое Интернациональное Братство умерло. Бакунин создал себе новое, более могучее оружие в лице Альянса и его секретной организации и с их помощью попытался завоевать преобладающее влияние в Интернационале. Чем закончилась эта попытка, об этом мы расскажем в третьем и четвертом томах нашей работы.

Конец второго тома.

Инв. №

был основан раньше, но, видимо, Ришар имеет здесь в виду тайный Альянс, который окончательно был Бакуниным, очевидно, организован после роспуска старого Братства. — *Ю. С.*). Здесь дело шло уже не о захвате политической власти, к чему стремились Бланки и Карл Маркс, а о работе над разрушением государств, их администрации, их политических и юридических учреждений с целью расчистить почву для нового социального уклада. Непосредственной задачей Альянса была популяризация новой идеи во всех странах и особенно организация групп энергичных и интеллигентных людей, которые в решительный момент оказались бы рычагами международной революции. Руководящий комитет нового общества состоял из Бакунина, Джемса Гильома, Жуковского, Мрочковского, Ланкевича, Фанелли, Фриша, Хенга и меня (об этих лицах будет сказано в томах III и IV. — *Ю. С.*). Элизе Реклю туда не входил. Бенуа Малон не был туда допущен: Бакунин с присущей ему властной и нетерпимой грубостью вышвырнул его вон как «безвольного и бессознательного предателя по слабости и тщеславию» (слова из письма Бакунина к Ришару от 14 апреля 1869 г.). Несмотря на некоторые неточности, этот рассказ в общем верно передает ход событий. Он подтверждает кстати высказанные нами в тексте предположения.

1

9